

О П

1854

ПАНТЕОНЪ

ЯНВАРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПАТКЕ. С. О.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВОЙ КНИЖКИ:

I.

- КАНАРЕЙКА. Разсказъ. *В. И. Савинова.*
ПЕРВЫЙ МАСКАРАДЪ. Вчерашняя сцена.
СТИХОТВОРЕНІЯ. *И. Д. Хвоцинской.*
СВИДАНІЕ. *В. З.*
ЗНАМЕНИТОЙ АРТИСТКЪ. *В. Зотовъ.*

II. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ИС-ВЪ

- ПАВЕЛЪ АНДРЕЕВИЧЪ ФЕДОТОВЪ. *В. В. Толбина.*

III. СМЕСЬ

1. Сомнѣнія. Разсказъ *Гр. Семенова.*
2. Сѣверо-Западный проходъ. Открытіе новаго пути изъ Атлантическаго въ Великій Океанъ. *И. М. Новосильскаго.*
3. Бѣлый дроздъ. Разсказъ *Молера.*
4. Билетъ въ тысячу франковъ. Разсказъ *Шарля Барбары.*
5. Воспоминанія русскаго путешественника о Востъ-Индіи, Калифорніи въ Остъ-Индіи. *А. Г. Ротчева.*
6. Сонъ въ Сиссартскомъ лѣсу. Фантастическій разсказъ.

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА Плаванъ. — ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА: Органистъ Фробергеръ (статья Ф. Галеви). — ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ: Основныя начала животнаго организма. — Самоцеленіе хлѣба. — Новое выпиваніе безъ иглки. — Большой пароходъ. — Новые опыты надъ электрическими измѣненіями въ тѣлахъ. — МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ: Первая картина Корреджіо (*разсказъ*). — Эпсли-Гоузъ. — Истребленіе крокодиловъ гальваническою батареею (*разсказъ путешественника*). — Воздушное путешествіе на львѣ. — Столовертвѣе въ Англии. — Кошки Рипшелье. — Историческіе воротнички. — Незвѣстный островъ на Тихомъ Океанѣ. — Письмо изъ Парижа.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I. ЛИТЕРАТУРА.

1. ЖУРНАЛИСТИКА.

Нѣсколько словъ отъ рецензента. — *Отечественныя Записки*. — Отдѣлъ Словесности этого журнала въ прошломъ году. — Переводныя повѣсти. — Иліада и г. Ордынскій. — Серьезныя статьи. — Смѣсь. — *Современникъ*. — Его повѣсти и романы. — Стихотворенія. — Ученыя статьи и Смѣсь. — Фельетоны и Новый поэтъ. — *Библиотека для Читанія*. — Хорошія и дурныя статьи. — Иногородный подписчикъ. — *Москвитинъ* и двойственность его реакціи. — Повѣсти и статьи серьезнаго содержанія. — Отсутствіе критики. — Фельетонъ и г. Покровскій. — Нѣсколько словъ о другихъ періодическихъ изданіяхъ и о Пантеонѣ. — Общій выводъ о состояніи русской журналистики въ прошломъ году.

2. БИБЛИОГРАФІЯ.

Потерянная долина. Романъ *Эли-Берте*, въ четырехъ частяхъ. — Три клада, русская народная сказка, въ стихахъ. *Якова Маслаковца*. — Святки. *Михаила Михайлова*.

II. ИСКУССТВА И ХУДОЖЕСТВА.

ТЕАТРЪ.

Русскій театр въ Петербургѣ. — Оглядка на старый годъ. — Г. Григорьевъ 2-й какъ писатель и драма его *Подвигъ Марина*. — Разсказъ о пожарѣ Московскаго театра. — *Блдная невеста*, г. Островскаго. — Г-жа Читау и нѣкоторыя разсужденія, по поводу ея таланта. — *Женихъ изъ позовой линіи* г. Красовскаго. — *Дядюшка на трехъ ногахъ* г. Каратыгина. — Остальные пустяки. — *Морской праздникъ въ Севастополь* г. Кукольника. — Синодское дѣло.

РАШЕЛЬ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ. — *Балзетъ*. — Первое представленіе этой трагедіи при Расинѣ и критики его времени. — Сцены въ театрѣ — Историческое основаніе трагедіи. — Судьба братьевъ султана въ Турціи. — Варварскіе обычаи. — Севиные и Волтеръ. — Расинъ — сатирикъ. — Характеръ Акомата. — Роксана. — Воспоминаніе о Корнельѣ. — Любовь Аталиды и Балзета. — Какъ турки пишутъ любовныя записочки. — Ненужный эффектъ. — Окончаніе трагедіи прежде конца. — Костюмъ Роксаны. — *Венеціанская актриса*. — Содержаніе драмы. — Значеніе ея и несообразности. — Реакція романтизма. — Цѣль пьесы и драмы вообще, по словамъ автора. — Исполненіе пьесы. — Г-жа Вольницъ. — Рашель въ роли Тизбы.

III. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Новый годъ — какъ старая вещь. — Поздравленія прозою и стихами. — Римъ и Севиля въ Петербургѣ. — Рашель въ различныхъ видахъ. — Соблазняющій видъ знаменитости. — Рашель въ библиотекѣ. — Поэзія воскресаетъ. — Лавровый вѣнокъ — утка. — Прибыль въ балетѣ. — Прибыль на Александринскомъ театрѣ. — Петербургскія наслажденія. — Кто скучаетъ въ Петербургѣ и почему. — Примѣненіе электричества ко многому и послѣдствія. — Ночь въ Гренадѣ. — Опять Петербургъ. — Музыкальныя новости. — Средство сократить расходы.

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Зима въ Москвѣ. — Панорама Миссиссипи. — Изобрѣтательнаго ума живописецъ въ провинціи. — Мебіусъ и его виды Москвы. — Картина Корреджіо. — Счастливая мысль г. Лаши. — Театральныя новости. — Московская литература и Москвитянинъ. — Открытіе цирка. — Благотворительность въ Москвѣ. — Концерты, балы, лотереи, базары. — Торжества.

ВѢСТИ ИЗЪ ВНУТРЕННЕЙ РОССІИ.

Молебствіе на Кадыклярскихъ высотахъ. — Угощеніе драгуновъ и казаковъ въ Тифлисѣ. — Даровой спектакль. — Открытіе тифлисской дивизионной артиллерійской школы. — Освѣщеніе новаго моста черезъ Куру. — Закладка двухъ желѣзныхъ пароходовъ въ Твери. — Астраханское пароходное общество, для сообщенія между каспійскими пристанями. — Первый пароходъ на рѣкѣ Аа. — Пароходное сообщеніе между обоими берегами Двины, въ Ригѣ. — Открытіе анатомическаго театра въ Кіевѣ. — Сужденіе о вновь отрытой въ Кіевѣ пещерѣ. — Археологическая находка во Владимірѣ. — Благотворительный базаръ въ Одессѣ. — Сѣверное сіяніе въ Колязинѣ. — Бѣлки и рыбки въ Вологдѣ и въ Сибири. — Картина, пожертвованная Ригѣ гг. Генриетъ. — Новый театръ въ Рязани. — Г. Живокинъ — въ Воронежѣ, Казановъ — въ Кіевѣ, Разимъ — въ Черниговѣ и Контскій — въ Ставрополѣ. — Борисоглѣбскія слободы. — Театръ въ Таганрогѣ.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ. № 1.

ВОРОНА ВЪ ПАВЪИХЪ ПЕРЬЯХЪ. Народный водевилъ въ трехъ дѣйствіяхъ. Соч. *Николая Крестовскаго*.

ПРИЛОЖЕНІЯ: **ОТСУТСТВУЮТЪ**

1. Портретъ академика П. А. **ВЕДОТОВА**.

2. Музыка: I. **РАЗГОВОРЪ ЛЮБВИ**, экспромтъ соч. *Ю. Шумьгофа*.

II. **ТО НЕ ВѢТЕРЪ ВѢТКУ КЛОНИТЬ**, русская пѣсня, соч. *А. Паскуа*.

ОП

ПАНТЕОНЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ФЕДОРОМЪ КОНИ.

ТОМЪ XIII.

❖ ЯНВАРЬ КНИЖКА ПЕРВАЯ. ❖

1854.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

МАРСИНОГО

10766

ПАРИЖ

САНКТ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Января 29-го 1853.

Цензоръ Ю. Шидловскій.

ОБЪЕМЪ КОНИ

ТАРИФЪ ЖИВН

ВЪ ПЕЧАТН. ДѢЛѢ

1853

ТИПОГРАФІЯ ЭДУАРДА ВЕЙМАРА.

I.

КАНАРЕЙКА.

РАЗСКАЗЪ

В. И. САВИНОВА.

I.

Какъ-то вечеромъ, въ самое ненастное осеннее время, у сплошнаго ряда великолѣпно освѣщенныхъ домовъ Англійской набережной, пробирался молодой человѣкъ. Тротуары были пусты; кое-гдѣ у подъездовъ пѣшеходъ встрѣчалъ неподвижные экипажи и на козлахъ ихъ дремлющаго кучера. На старомъ Псаковскомъ мосту быстро, съ шумомъ и гуломъ, мелькали въ глазахъ его кареты и неуклюжіе городскіе дрожки, да надъ темной Невой съ визгомъ крутились чайки, вѣчные враги ряпушки. Молодой человѣкъ поравнялся со входною коробкою одного изъ домовъ, заглянулъ въ стеклянную дверь швейцарской и, какъ-будто опаленный свѣтомъ послѣдней, отшатнулся назадъ. Нѣсколько мгновений онъ осматривалъ свой невзрачный костюмъ, поглядывалъ направо и налево и наконецъ отошелъ къ сточной трубѣ. Еще разъ, увѣрившись въ отсутствіи свидѣтелей, незнакомецъ вынулъ изъ кармана своего пальто небольшую тряпочку, тщательно вытеръ

ею загрязненные сапоги, потомъ натянулъ перчатки, добытыя изъ глубины того-же кармана, подернулъ жилетъ, расправилъ галстухъ и переступилъ порогъ швейцарской. Благовонное тепло обдало пришедца; въ глазахъ его зарябило при взглядѣ на пестрый коверъ, перерѣзанный свѣтлыми мѣдными прутьями, который вытягивался по отлогой широкой лѣстницѣ, уставленной цвѣтами. Молодой человекъ нерѣшительно оглянулся: направо—зеркало, направо—зеркало, впереди—сытый, краснощекий швейцаръ, непокидающій своего покойнаго сѣдалища. Послѣдній въ полудремотѣ, при взглядѣ на незнакомца, прищурился съ такимъ выраженіемъ ироніи и даже маленькаго презрѣнія, что молодой человекъ невольно попятился назадъ и поспѣшилъ снять свою рыжую шляпу, отвѣсивъ низкій и почтительный поклонъ.

— Кого вамъ? выдвинувъ физиономію и закрывая нижнюю губою верхнюю, спросилъ швейцаръ, въ то время, какъ полныя и свѣжія щеки молодого человека вспыхнули яркимъ румянцемъ.

Еще разъ, и съ тѣмъ-же почтеніемъ, поклонился молодой человекъ.

— Мнѣ-съ — сказалъ онъ тихимъ, вкрадчивымъ голосомъ:— нужно видѣть Владиміра Андреевича... Удостоите доложить-съ.

— Кушаютъ, и въ это время никого не принимаютъ. Пожалуйста завтра утромъ: завтра пріемный день для всякаго,—и швейцаръ, какъ-то странно выворачивая ноги, раза два прошелъ подъ носомъ молодого человека.

— Кушаютъ, я вамъ говорю,—настойчиво повторилъ онъ, приподнимаясь на носки и прихлопнувъ каблукѣми.

— Но... началъ молодой человекъ:—осмѣлюсь вамъ сказать, что мнѣ приказано явиться, именно, въ шесть часовъ, сегодня... да-съ!

— Приказано?... Гм... Посмотримъ! Съ этими словами швейцаръ развернулъ лежавшую на столѣ книгу, медленно осѣдлалъ свой носъ очками, повернулъ листы и ткнулъ на одну изъ страницъ мясистымъ пальцемъ.

— А какъ васъ звать? спросилъ онъ.

— Василий Васильчъ, отвѣчалъ молодой человекъ, шаркнувъ ножкой.

— А фамилія?

— Коллежскій регистраторъ Копчикъ.

— Копчикъ Василий Васильчъ?... Копчикъ... Да! Такой есть... Пожалуйста въ пріемную, наверхъ... Оставьте пальто...

— Пальто? въ какомъ-то замѣшательствѣ спросилъ молодой человѣкъ...

— Понимается, сударь, пальто и галоши...

— Пальто и галоши?... Но... если я скину пальто, то на мнѣ останется только одинъ жилетъ, тономъ пассивнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ умоляющимъ сказалъ молодой человѣкъ:—а галошъ я не ношу, продолжалъ онъ; у меня сапоги на пузыряхъ...

При этомъ полусонные глаза швейцара совершенно прозрѣли; неподдѣльное изумленіе отразилось въ нихъ. Сытый обладатель полдюжины фраговъ, золотыхъ часовъ въ копѣйку величиною, и пары брильянтовыхъ перстней, онъ не могъ понять, какъ это у иныхъ людей бываютъ сапоги на пузыряхъ, единственное пальто, футляръ всего тѣла и, стало-быть, въ карманѣ воздухъ!

— Пожалуйте, извольте! медленно сказалъ онъ, указывая на лѣстницу.

Копчикъ еще разъ шаркнулъ ножкой, пригладилъ свои черные, курчавые волосы, такъ эффектно раскинувшіеся надъ его бѣлымъ, возвышеннымъ лбомъ и, не опускаясь на каблуки, дошелъ до пріемной и съ замирающимъ сердцемъ переступилъ порогъ ея.

Здѣсь Василій Васильевичъ рѣшительно не смѣлъ сдѣлать ни одного шага впередъ. Въ одно мгновеніе фигура его отразилась въ сотнѣ предметахъ: въ паркетѣ, въ зеркалахъ, въ золоченомъ фарфорѣ и даже въ зрачкахъ встрѣтившаго его лакея. Въ смежной съ пріемною комнатѣ слышалось дребезжаніе тарелокъ и звонъ ножей; у окна какой-то важный баринъ, тихо разговаривалъ съ молоденькою и красивою барышнею, по-крайней-мѣрѣ такъ заключилъ Копчикъ о званіи этихъ лицъ. «Это, вѣрно, самъ съ дочкой», подумалъ онъ и вся его фигура, принявъ какое-то неподвижное положеніе, встала въ полуоборотъ къ окну, какъ въ эту минуту разговаривавшая дѣвушка, безъ особенныхъ претензій на грацію, щелкнула по носу своего сосѣда и съ крикомъ:

«Прощай, Иваша! Вотъ тебѣ, озорникъ!.. бросилась съ громкимъ смѣхомъ направо въ дверь; важный баринъ за нею.

«Ей-Богу — подумалъ Копчикъ, нѣсколько оживая, послѣ видѣнной имъ сцены:—у богатыхъ людей и собаку примешь за бобра... Право! Ну, вотъ просто думалъ *самого* вижу, а это вышелъ какой-то Иваша, котораго еще и по носу бить можно, и вѣрно... продолжалъ думать Василій Васильичъ:—эта барышня...»

— Вы, должно быть, изъ приглашенныхъ? спросилъ лакей, расправляя ногою коверъ, сбитый только-что исчезнувшюю парюю.

— Приглашенъ-съ! быстро и съ поклономъ отвѣчалъ Копчинъ.

— Вѣрно, по дѣлу?

— Должно быть-съ.

— Вѣрно, у барина по откупу изволите служить?

— По откупу служу... да-съ.

— Неудбно-ли присѣсть... Откушаютъ, я доложу... Какъ прикажете сказать?

— Благодарю... Копчикъ-съ.

— Неудбно-ли присѣсть, обождите, повторилъ лакей, переминая табакъ въ своей табакеркѣ.

«Каково? подумалъ Василій Васильевичъ... изъ серебра нюхаетъ...» Позвольте-съ! сказалъ онъ, протягивая руку къ табакеркѣ съ такою почтительною улыбкою, что, казалось, ею можно было вызвать снисхожденіе и самого откупщика.

Лакей съ утонченною деликатностью придвинулъ табакъ къ Копчину.

«Этотъ балагуръ, подумалъ Василій Васильевичъ:—кажется, добрый и обязательный человѣкъ. При этомъ молодой человѣкъ чихнулъ.

— Будьте здоровы! сказалъ собесѣдникъ.

— Не слышно-ли туда? съ маленькимъ страхомъ спросилъ Копчинъ, указывая на дверь, за которою слышалось дребезжаніе тарелокъ.

— Ничего! отвѣчалъ лакей, флегматически махнувъ рукою:—отчего не чихнуть? натура, такъ-сказать, потребовала.

Да и то сказать,—продолжалъ онъ:—туда вѣдь неслышно... Вотъ, изволили видѣть, какъ этотъ звонокъ тутъ расхохотался.

— Да-съ... барышня, которая убѣжала въ эту дверь? спросилъ Копчикъ.

— Барышня! Какая барышня? это Паша, горничная, такъ сказать душа нашей барыни... Она, изволите видѣть, пришла къ намъ швеею, а теперъ ни горничная, ни барыня, ни швея!

— Ну, а господинъ-то, чтб съ нею, забавлялся?

— Такой же господинъ, какъ и вы. Это младшій повѣренный барина... Такой шалопай, барона изъ себя корчитъ. Ни одной душки нѣтъ отъ него покоя: со всякой радъ бадяжничать;

нѹ, а къ этой словно смола липнетъ. Губа не дура, языкъ не лопатка: знаетъ что сладко!

— Вѣрно краше всѣхъ?..

— Куда ей быть краше всѣхъ!—почти съ презрѣніемъ отозвался словоохотливый лакей.—Посмотрѣли бы у насъ Марью Кондратьевну — цвѣтокъ, я вамъ доложу, пароль! вальжная, съ тономъ, по-французскому обучена, кости на фортепянахъ разбираетъ.

— Такъ чтоже-съ, вѣрно вашъ повѣренный влюбленъ въ Пашеньку?

— Да!.. Онъ себѣ на умѣ. Я вамъ говорю, что у него губа не дура, а на счетъ, то-есть, Паши, можно сказать: не родился не уменьь, не пригожь, да родился счастливъ. Въ ней, коли на откровенность пошло, барыня души не слышитъ, а баринъ—и рукой махни.... Барыня говорить, выбирай себѣ жениха по сердцу: всю обошью и приданого десять тысячъ дамъ...

— Десять тысячъ! какъ-то странно, съезжевшись, прошептала Копчикъ:—и серебромъ!

— Конечно серебромъ. Кто-жь нынче на ассигнаціи считаетъ?.. Вотъ оно какъ! Чтѣ бы, кажись, осчастливить ей, примѣрно сказать, нашего брата... Такъ нѣтъ! «Насъ, говорить, и военный возьметъ, али чиновникъ...» Въ барыни норовить, сорока!

При словѣ «чиновникъ» Василій Васильевичъ невольно подернулъ свое пальто и поправилъ галстухъ, устремивъ сверкающій взглядъ на дверь, за которою скрылась Паша.

Раздался звонокъ.

— Это меня! сказалъ лакей.—баринъ откушалъ... Обождите; сейчасъ доложу... Какъ васъ?

— Копчикъ-съ.

— Да... Копчикъ! Хорошо-съ. И лакей скрылся.

Для Василя Васильевича наставала теперь несказанно трудная минута. Съ лихорадочнымъ волненіемъ онъ поправлялъ свои волосы, очищалъ пальто и выглаживалъ воротнички своей манишки.

— Господи, Боже мой! думалъ Копчикъ, зачѣмъ это онъ меня самъ потребовалъ?.. Ну, на что я ему? Распечь за что-нибудь! Старшій повѣренный нажаловался, что-ли?.. Да развѣ тотъ самъ не могъ меня вспудрить?.. Да и за чтѣ? Въ дѣлѣ я исправенъ,

какъ пожарный, учтивъ со всѣми, передъ всякимъ въ дугу; кто, хоть на грошъ богаче меня, или хоть на алтынъ повыше, передъ тѣмъ готовъ не разгибать цѣлую недѣлю спину... Кажется, всякому отдаю должное почтеніе... Иной разъ, знаю, что нехорошій человѣкъ, а клянюсь съ подобающимъ честному человѣку уваженіемъ.

Василій Васильевичъ дѣйствительно былъ таковъ. Бѣднякъ и сирота, безъ особеннаго ума и образованія, онъ рѣшилъ, что, при отсутствіи этихъ двухъ сокровищъ, въ жизни можно когда-нибудь и что-нибудь выколотить лбомъ и поклонами. Копчикъ во всемъ и всегда держался Молчалинскаго правила: угождать всѣмъ людямъ безъизытѣя, кланяться швейцару, называть дворника не иначе, какъ Ануфриемъ Петровичемъ или Петромъ Ануфриевичемъ и не позволять себѣ кликнуть его собаку просто барбосомъ, а звать «барбосочка... хорошая собака... ухъ ты, славная собака!» при этомъ Копчикъ непременно прошептывалъ и произносилъ ласкательную фразу такъ-какъ произнесли бы ее маленькія дѣти.

Но вотъ распахнулись двери и громкое: пожалуйста! острой иглой впилось въ слуховой барабанъ Копчика. Онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, судорожно замоталъ головою, снова пощупалъ свой галстухъ и безсознательно двинулся впередъ.

— Пройдя столовую, налѣво въ кабинетъ, подсказалъ лакей.

«Господи! Еще и въ кабинетъ... Ну, быть худу! со вздохомъ прошепталъ Василій Васильевичъ въ то время, какъ два пестрые гайдуга собирали со стола бутылки съ такими позолоченными надписями, что у голоднаго Копчика, неимѣваго во рту съ самаго утра маковой росинки, выступили на глазахъ слезы умиленія.

Не всякому будетъ понятно положеніе, Копчика если мы скажемъ, что онъ совершенно одурѣлъ, переступивъ порогъ кабинета. Бѣдный Копчикъ и не воображалъ, чтобъ люди, смертные люди, могли наслаждаться. Матовый свѣтъ лампъ, амбра какой-то дивной сигары, пестрые, пушистые ковры, бронза, хрусталь, картины, маленькіе уродцы, работы извѣстнаго карикатуриста Степанова, столъ съ зубочистками, щеточками, подпилки, ножички, гребешки и гребенки; люстра, золоченныя книги — все это за одинъ пріемъ прыгнуло въ глаза Копчика, зарябило, завертѣлось, заплясало въ нихъ, такъ-что онъ невольно провелъ рукою по лбу отяжелѣвшей голо-

вы и, какъ бы просыпаясь, внимательно и живо осмотрѣлся кругомъ...

На шагъ отъ него, утонувъ въ роскошныхъ креслахъ, помѣщался самъ Владиміръ Андреевичъ. Полное и довольное лицо его тонуло въ раскинутыхъ по сторонамъ батистовыхъ воротничкахъ, бархатный пиджакъ, застегнутый перламутромъ, высоко вздымался на полномъ животѣ. Все это Копчикъ могъ разглядѣть неясно и моментально, потому-что фигура Владиміра Андреевича безпрестанно скрывалась въ синеватомъ ароматическомъ облакѣ сигары. Теряясь въ догадкахъ, Копчикъ отвѣсилъ до полдюжины самыхъ низкихъ поклоновъ, не зная, какъ провѣличать того, къ кому онъ имѣлъ счастье представляться: превосходительнымъ, сіятельнымъ или, наконецъ, просто местоимѣнемъ множественнаго числа, втораго лица; а между-тѣмъ важное лицо, прищурясь и изрѣдка задвывая кончикъ своего носа лорнетомъ, насмѣшливо разсматривало и красивое личико Копчика и его некрасивый, даже неблагопристойный для свѣтлаго кабинета, костюмъ.

— Вы... Василій Копчикъ? спросилъ откупщикъ, вытянувъ губы и лѣниво опуская голову на подушку вольтера.

— Точно такъ-съ... Копчикъ, я имѣю честь именоваться! отвѣчалъ Василій Васильевичъ, стиснувъ, какъ подъ прессомъ, свою рыжую шляпу.

— Вы у меня служите?

— Имѣю счастье-съ...

— Вы... мнѣ сказали... Накройте, пожалуйста колпакомъ эту лампу...

— Которымъ-съ? оторопѣвъ и выступая впередъ, спросилъ Василій Васильевичъ.

— Матовымъ... да, да! Этотъ... Вотъ такъ! благодарю... Вы, мнѣ сказали, продолжалъ откупщикъ, проэкзаменовавъ расторопность своего подчиненаго, — человекъ, способный исполнить скоро и акуратно порученіе. Впрочемъ, небольшое, которое я вамъ дамъ...

Копчикъ поклонился такъ, что его шляпа достала коверъ. Баринъ прокашлялся и помоталъ сигарой. Василій Васильевичъ присѣвшилъ предвинуть, къ нему серебряную пепельницу.

— Благодарю, продолжалъ откупщикъ: — скажите: семейныя обстоятельства дозволяютъ вамъ отлучиться изъ Петербурга на весьма короткій срокъ?

— Совершенно ваше... ваше... Я-съ человекъ не семейный, сирота безпріютный...

— Гм... Тьмъ лучше! Дѣло въ томъ, что мнѣ нужно обрѣзывать моего повѣреннаго въ П*** Я думаю, вамъ извѣстно, что я прѣхалъ сюда на крошечный срокъ, а остановленный дѣлами живу весьма долго... Надоѣло!.. Безъ меня тамъ, въ губерніи, хозяйничаютъ какъ хотять... Завтра вы получите отъ меня необходимыя на этотъ предметъ инструкціи и завтра же отправитесь... А сегодня... возьмите на подъемъ... Вы мнѣ нравитесь! заключилъ откупщикъ такимъ тономъ вѣроятія и убѣжденія, что Василій Васильевичъ едва не растаялъ въ леденецъ; но восторгъ его перешелъ почти въ припадокъ сумасшествія, когда въ рукахъ его очутились двѣ сторублевыя ассигнаціи.

Бѣдный молодой человѣкъ готовъ былъ на каждый серебряный рубль отсчитать по нескончаемо-крутому поклону, какъ вдругъ въ сосѣдней комнатѣ раздался пронзительный вопль, затѣмъ еще нѣсколько отчаянныхъ вскриковъ и наконецъ истерическій смѣхъ.

— Боже мой! это жена моя! вскричалъ Владиміръ Андреевичъ, забывая свою важность. Бѣдный откупщикъ бросилъ на коверъ сигару, весьма неловко толкнулъ своего гостя, который отъ этого толчка свернулся въ фигуру подковы, и выбѣжалъ изъ кабинета.

— Что-то случилось? подумалъ Копчикъ, осторожно поднявъ сигару и стряхнувъ съ ковра пепель.

За дверью слышались громкіе и прерывистые вскрики.

«Вотъ, вѣдь и у богатыхъ людей есть свои неприятные случаи!» глубокомысленно замѣтилъ Василій Васильевичъ...—«Что-бы это такое тамъ случилось? продолжалъ онъ... не будемъ-ли мы полезны... почему, вѣдь, знаешь?»

Копчикъ выбрался изъ кабинета и далѣе внѣшняго его порога не могъ сдѣлать ни одного шага. Столовая наполнилась толпою горничныхъ, лакеевъ и казачковъ. Прежде всего внимательный взглядъ Копчика былъ обращенъ на Пашу. Мгновенно онъ успѣлъ измѣрить ея ростъ, замѣтить, что у нея бѣлые зубы, что она одѣта, какъ барышня, и что ея прическа кокетливо обдумана и прилажена. «Въ глазахъ этой дѣвушки много огня, въ лицѣ... ничего, такъ-себѣ, ни ума, ни глупости... и, ко всему этому десять тысячъ!» едва не вслухъ подумалъ Копчикъ.

За сплошною массою ливрейной толпы, которую встрѣтилъ Василій Васильевичъ, поддерживаемая двумя горничными, почти въ обморокъ, лежала дородная супруга Владиміра Андреевича. Встрѣженный мужъ руками и зубами откупоривалъ подаваемыя ему

стлянки со спиртами и о-де-колономъ; онъ то смачивалъ виски своей супруги, то давалъ ей вдыхать спиртъ; но усилія его были напрасны.

— Боже мой! Боже мой! говорилъ онъ. — Леночка, очнись другъ мой... Чтѣ съ тобою! Злодѣи вы этакіе! продолжалъ Владиміръ Андреевичъ, обращаясь къ прислугѣ: — скоро-ли явится докторъ?.. Чтѣ съ нею? Отчего это? Ты должна знать, Паша, ты не оставляешь барыни...

— Право не знаю; сударь, отозвалась Паша. — Я только недалече отлучилась, вхожу въ столовую, смотрю барыня идутъ, блѣдныя такія, что страхъ... пошатнулись, охнули... и вотъ-съ...

— Ахъ! слабо произнесла больная, не открывая глазъ: — блѣдная... несчастная! Спасите, спасите ее!..

— Кого, другъ мой? съ трепетомъ спросилъ Владиміръ Андреевичъ.

— Спасите ее... я не переживу ея смерти! повторила больная... она при послѣднемъ издыханіи...

— Боже мой! кто-же это?

— Она... должно-быть, что-нибудь скушала...

— Батюшки!.. ходера... У насъ въ домѣ холера! — блѣднѣя, произнесъ откупщикъ, стараясь теперь отдѣлаться отъ всѣхъ его окружавшихъ. — Дайте мнѣ мятныхъ капель! Дайте!.. Леночка! продолжалъ онъ, умоляющимъ голосомъ, скажи, ради Бога: — у кого холера?..

— Ахъ! спасите мнѣ ее... спасите!

— Да кто-же это!.. неужели дочь наша?! Неужели нѣтъ надежды?..

— Да! да... она нахохлилась! съ истерическимъ рыданьемъ произнесла Елена Матвѣвна.

— На-хо-хлилась!! вытаращивъ глаза, произнесъ Владиміръ Андреевичъ, въ то время, какъ всѣ поддѣльно-печальныя лица прислуги искривлялись едва удерживаемой улыбкой.

— Да, кто-же это, умираетъ? Кто нахохлился? спросилъ съ видимымъ недоумвнѣемъ встревоженный мужъ.

— Канарейка! другъ мой, моя единственная Чиря! Спасите, спасите ее! отозвалась безутѣшная Елена Матвѣвна.

— Канарейка-съ!... Позвольте мнѣ... можетъ-быть, я помогу-съ!

Всѣ оглянулись. Копчикъ кончалъ свою фразу почтительнымъ поклономъ. Въ ту же минуту толпа разступилась предъ нимъ, такъ-

что онъ совершенно предсталъ предъ ожившимъ взглядомъ бѣдной страдалицы...

— Вы! вы мнѣ ее спасете? проговорила супруга Владиміра Андреевича, оставляя свое мѣсто и подавая руку Василью Васильевичу.

— Можетъ-быть-съ... постараюсь... Случалось, сударыня, почтительно отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Пойдемте, пойдемте!.. я вамъ ее покажу...

Никогда еще нашему Копчику не доставалось бѣгать такъ быстро, какъ теперь; онъ едва успѣвалъ слѣдовать за хозяйкою дома, опасаясь каждую минуту наступить на фалболки ея пышнаго платья.

Сопровождаемые нѣсколькимъ успокоеннымъ супругомъ и избраннымъ числомъ прислуги, Копчикъ и Елена Матвѣвна вошли въ будуаръ.

— Вотъ она! Возвратите мнѣ ее! сказала послѣдняя, съ отчаяніемъ, ломая руки и устремивъ взоръ тоски на предметъ своей горести.

При блѣдно-матовомъ свѣтѣ лампы Василій Васильевичъ увидѣлъ на малахитовомъ столикѣ куполообразную кѣтку, художественно обставленную рѣзнымъ стекломъ, и въ ней крошечную, желтую, какъ шафранные подонки, Чири. Птичка, сидѣла подъ тростниковою перекладной, нахохлившись и спрятавъ носикъ въ пухъ своей шейки.

— Скажите, скажите, что съ нею? спросила Елена Матвѣвна.

— Да, г. Копчикъ, пожалуйста, посмотрите внимательнѣе, добавилъ Владиміръ Андреевичъ.

Голосъ откупщика вызвалъ всю бодрость его младшаго повѣреннаго.

Василій Васильевичъ, съ видомъ знатока, обошелъ нѣсколько-разъ столикъ, пригнулся къ кѣткѣ, посвисталъ, прищолкнулъ языкомъ и глубокомысленно отозвался:

— Да-съ, съ ней очень нехорошо!.. Она нахохлилась.

— Нахохлилась, нахохлилась! съ отчаяніемъ повторила Елена Матвѣвна.

— Она, должно-быть, что-нибудь нехоршее скушала...

— Что-же это нехоршее?

— Должно-быть, таракана-съ... или не испугала-ли ее мышь, это вѣдь случается...

— Ай!.. Что вы! какъ можно... мышь... у насъ!?

— Во всякомъ случаѣ еще есть надежда...

— Другъ мой, помогите намъ! съ чувствомъ произнесла Елена Матвѣвна.

— Да!.. Помогите намъ, г. Копчикъ, повторилъ мужъ.

Копчикъ поклонился.

— Позвольте мнѣ рому и деревяннаго масла! сказалъ онъ.

— Зачѣмъ это? Вы ее хотите напоить?!

— Нѣтъ-съ; спрыснуть!

— Рому и деревяннаго масла! Живо! сказалъ Владиміръ Андреевичъ.— Болѣзнью шутить не должно: одна минута дорога. И сердобольный и глубокомысленный Владиміръ Андреевичъ былъ тотчасъ-же подаренъ нѣжнымъ взглядомъ супруги.

Требуемые ромъ и масло были принесены. Тогда Владиміръ Андреевичъ осторожно перебрался на противоположный край будуара, и сдѣлавъ знакъ прислугѣ, которымъ желалъ выразить, чтобы всѣ посторонніе, для вящей тишины, удалились.

Всѣ и удалились.

Копчикъ, не измѣняя своего серьезнаго выраженія, осторожно подошелъ къ клѣткѣ и спрыснулъ птичку; не давая ей опомниться, онъ повторилъ эту продѣлку нѣсколько разъ, и въ тревожномъ ожиданіи отошелъ, отъ клѣтки. Дѣйствительно, Чири встрепенулась, подняла головку и расправила крылышки.

Торжествующій взглядъ Копчика встрѣтилъ признательную улыбку Елены Матвѣвны. Между-тѣмъ Чири, сдѣлавъ нѣсколько прыжковъ по клѣткѣ, быстро вспорхнула на жердочку, еще разъ взмахнула крылышками и принялась чистить носикъ объ морскую пѣнку. Готовый довершить общее торжество и свое въ особенности, Василій Васильевичъ тихо подошелъ къ клѣткѣ, пригнулся и, подражая чириканью канарейки, свиснулъ сквозь зубы.

— Кто это? радостно спросила Елена Матвѣвна.

— Это я-съ! отвѣчалъ Копчикъ, повторивъ свистъ. Птичка оставила пѣнку, вытянула шейку и чирикнула.

— Слышите? радостно замѣтилъ Владиміръ Андреевичъ.

— Позвольте! позвольте! перебилъ Копчикъ, и онъ принялся насвистывать съ артистическою точностью Франгуоло одинъ изъ канарейчныхъ мотивовъ. Чири не заставила себя дожидаться и залилась звонкою, мелодическою трелью.

— Какой у нея бриліантовый голосокъ! сказалъ Копчикъ, отходя отъ клѣтки. Она теперь совершенно здорова-съ! заключилъ онъ съ поклономъ, отступая къ драпировкѣ двери.

— Другъ мой! вы насъ подарили высокою радостью. Кому я обязана моимъ счастиемъ и спокойствіемъ? Кто, вы мой благодѣтель? проговорила Елена Матвѣвна.

— Я младшій повѣренный вашего супруга, сударыня; Василій Васильевъ Копчикъ-съ.

— Да это мой... началъ-было мужъ.

— Фи! Только младшій повѣренный? съ какою-то недовѣрчивостью произнесла Елена Матвѣвна, обращаясь къ мужу. — Вотъ, другъ мой, продолжала она:— сознайтесь, что вы не обладаете умѣньемъ выбирать и приближать къ себѣ полезныхъ вамъ людей...

— Какъ!... Нѣтъ... я предвидѣлъ въ г. Копчикъ... я ему далъ порученіе... онъ завтра ѣдетъ...

— Ну, вотъ-такъ! Кто долженъ безотлучно быть при васъ, тотъ поѣзжай, растрачивай здоровье; а подлѣ васъ и съ вами нѣтъ ни одного расторопнаго, сметливаго, дѣльнаго человѣка...

— Правда, душечка... правда!

— Вы до-сихъ-поръ не имѣете домашняго секретаря...

— Ужъ какъ это меня озабочиваетъ!.. Правда, другъ мой, Дѣлъ такая пропасть.

— И вотъ человѣкъ, который съ успѣхомъ могъ бы исполнить при васъ всѣ ваши порученія—а онъ поѣзжай...

— Такъ, что же вы... другъ мой?

— Возьмите Копчика секретаремъ... При немъ, при этомъ молодомъ человѣкѣ, скажу вамъ, что онъ общается много...

— Такъ что-жъ, другъ мой... Я вполне вѣрю вашей проникаемости. Г. Копчикъ, вы слышали: я намѣренъ вамъ предложить у себя мѣсто секретаря?

У Василя Васильевича навернулись на глазахъ слезы восторга.

— Много обласканъ вашими милостями. Постараюсь оправдать ваше довѣріе! могъ только проговорить онъ.

Словомъ: чудное выздоровленіе канарейки было причиною того, что бѣдный молодой человѣкъ вошелъ въ домъ откупщика младшимъ повѣреннымъ, а вышелъ секретаремъ, съ полными карманами денегъ и сердцемъ, преисполненнымъ самыхъ отрадныхъ надеждъ. Все измѣнилось теперь въ глазахъ Копчика. Встрѣтившая въ дверяхъ его Паша сдѣлала ему такой кордебалетный реверансъ, что онъ невольно прошепталъ про себя: «Ахъ ты душка! ловкая какая—съ манерой дѣвочка... Постой ты, десятитысячная!»

Далье, лакей настезь распахнулъ двери Копчику и даже полусонный швейцаръ приподнялся на встрѣчу Василю Васильевичу.

«Ага! подумалъ Копчикъ: — узнали вы меня! Пойдите, я васъ, и съ бариномъ, заберу въ лапы!

Съ этими нехорошими мыслями Василий Васильевичъ вышелъ на набережную. Вечеръ былъ темнѣе воробьиной-южной ночи. Дождь лилъ, какъ изъ ведра, и, въ сплошной массѣ, крутящейся подь вѣтромъ, дождевой влаги, едва-едва мелькали фонари, вытянутые стройнымъ рядомъ на Исакіевскомъ мосту.

«Мокро, очень мокро! подумалъ Копчикъ, недалеко мѣсто идти на Петербургскую: вымочить въ нитку. Ужъ не рискнуть-ли?... Извоцикъ! извоцикъ!»

Никто не откликался.

«Вотъ вѣдь, говорилъ Василий Васильевичъ, направляясь къ мосту:—когда не надо ихъ и когда нѣтъ денегъ, такъ-какъ комары въ жаркое лѣто, такъ тебя и облѣпять, такъ и жужжать: пожажалуйте, сударь!—Подать, что-ли-ча, графчикъ!—Вотъ на рысачкѣ-то бы, ваше сіятельство!... Охъ народъ!»

У моста нашъ путникъ встрѣтилъ какого-то ваньку, который дремалъ закутавшись въ поднятыя наверхъ полы кафтана.

— Извоцикъ, давай!

— Далеча-ли, баринъ? откликнулся возница.

— На Петербургскую, въ Плуталову улицу.

— Да, что, полтинничекъ, положите ваша благородіе.

— Тридцать копѣекъ, сердито и рѣшительно отозвался Копчикъ.

— Маловато, батюшка! Да, что ужъ съ вами... извольте.

Копчикъ продолжалъ молча и скоро свой путь.

— Давать-что-ли! Аль не надо-ть? слышалось за удалявшимся Васильемъ Васильевичемъ.

«Ненадо, думалъ онъ: — ненадо! Дурака нашель: платить по тридцати копѣекъ... Транжирство! Вымочить-то все равно такъ же. Вотъ лучше куплю бутылочку недорогога портвейну, да фунтъ мещерскаго сыру—вотъ у насъ и балъ на радостяхъ!..»

Вступая на Большой проспектъ Копчикъ опять одумался и рѣшилъ, что глупо бѣдному человѣку пить портвейнъ и лакомиться сыромъ.

«Что за расточительность такая! думалъ онъ. Вотъ:—лучше зайду въ лавочку къ Власову, куплю золотникъ чаю да булокъ—и дешево и сыто! Поди-ко Маланья Ивановна и моя бѣдная Сонич-

ка сегодня, кромѣ картофеля ничего не отвѣдали... Вотъ я ихъ порадую: чаю принесу.

Съ этими разумными словами Копчикъ повернулъ съ проспекта въ какую-то узенькую улицу, которая носила названіе «Широкой», и скрылся во мракъ осенняго вечера.

II.

Изъ блестящихъ палатъ Владиміра Андреевича мы должны перейти въ одинъ изъ скромныхъ и бѣдныхъ домиковъ Петербургской стороны. Домикъ этотъ, ветхій, черный отъ времени и почти до самыхъ подоконниковъ вросшій въ землю, принадлежалъ бѣдной старушкѣ, вдовѣ какого-то комиссара. Лучшая половина этого зданія, т. е. та, гдѣ еще сквозь потолокъ не проглядывало небо и его звѣзды, отдавалась въ наймы; другую, въ которой покривившійся полъ проглотилъ въ своихъ щеляхъ не одинъ оброненный пятакъ, занимала сама Маланья Ивановна съ дочерью. Двѣ комнаты принадлежали имъ, третья служила пріютомъ нахлѣбнику Маланьи Ивановны, Василью Васильевичу Копчику. Существованіе бѣдныхъ людей поддерживалось акуратною, но весьма небольшою платою за квартиру стараго отставнаго капитана Морковкина; кромѣ того, мать вязала на продажу чулки и гарусныя косынки, а дочь шила кадетское бѣлье и перчатки. Василій Васильевичъ дѣлился съ ними чѣмъ могъ; но какъ у него не бывало дѣлимага, то онъ, до счастливыхъ обстоятельствъ, постоянно состоялъ въ цифрѣ дѣлителя.

Въ тотъ вечеръ, въ который Копчикъ такъ удачно возвратилъ здоровье Чири и спокойствіе ея хозяйкѣ, мать и дочь, какъ и всегда, сидя за работой, съ нетерпѣніемъ ожидали возвращенія своего нахлѣбника. Глубокое молчаніе царствовало въ скромной комнаткѣ и тишина ея нарушалась только дробнымъ ударомъ дождевыхъ капель въ оконныя ставни, да визгомъ и грустнымъ шипѣніемъ четырехъ сырыхъ полѣньевъ, тлѣвшихъ въ лежанкѣ. Нагорѣвшая свѣча, смѣшивая свой матовый полусвѣтъ съ отблескомъ красноватаго пламени, выбрасываемаго изъ печки, обливала всѣ предметы невѣрнымъ и ненатуральнымъ огнемъ. При этомъ освѣщеніи, подслѣповатыя глаза старушки сверкали яркою искрою, отражавшеюся въ стеклахъ ея очковъ, и давно пожелтѣвшій чепчикъ казался розовымъ, точно такъ, какъ и блѣдное, но пре-

красное лицо дѣвушки. Собесѣдницы не нарушали своего долгаго молчанья. Маланья Ивановна была занята счетомъ петелекъ, прибывавшихъ на ея чулкѣ, а Соня мыслею о Копчикѣ; она не могла забыть блѣднаго, встревоженнаго лица нахлѣбника и того волненія, съ которымъ онъ вышелъ утромъ изъ дому. Она даже слышала, какъ онъ, выскабывая ножомъ на своемъ жилетѣ непризванныя пятна, нѣсколько разъ повторилъ: «Господи Боже мой! къ откущику: самъ потребоваль. Да, что-же я сдѣлалъ, за что меня распекутъ?..» Въ судьбѣ нашего Копчика дѣвушка принимала самое живѣйшее участіе, по весьма простой причинѣ. Копчикъ, Адонисъ и Бельведерскій Аполлонъ Плуталовой улицы, скромный, какъ идилическій пастушокъ, страстный какъ Сафо и покорный, какъ ручная болонка, нравился Сонѣ. Въ теченіе двухъ лѣтъ, которыя Адонисъ прожилъ въ семьѣ старушки и ея дочери, ни та, ни другая не встрѣчали даже ничтожнаго случая, который-бы вызвалъ ихъ на неудовольствіе на своего постояльца. Почтительный, акуратный, внимательный, онъ, какъ говорится, не умѣлъ замутить водой. Утромъ исправно и точно посѣщаль мѣсто своихъ занятій, вечеромъ возвращался такъ-же акуратно въ извѣстные часы домой, кушалъ, съ аппетитомъ и благодарностью, что Богъ послалъ и что предлагали. Потомъ, ни къ друзьямъ, ни къ товарищамъ: у него ихъ не было, онъ отправлялся къ сосѣду Марковкину, бралъ у него номеръ Полицейской газеты и за нею короталъ цѣлый вечеръ, мечтая иногда съ Соничкою и старушкою найти пропавшаго бульдога или шпица, за которыхъ обѣщалось *приличное вознагражденіе*. Нерѣдко, въ минуту этихъ несбыточныхъ мечтаній, Василій Васильевичъ страстно и нѣжно смотрѣлъ въ глаза молоденькой собесѣдницѣ; послѣдняя вспыхивала яркимъ румянцемъ и быстро, какъ-бы пугаясь своей откровенности, отвѣчала молодому человѣку тѣмъ-же взглядомъ, полнымъ огня и сочувствія.

Мѣсяца за два до канареечнаго выздоровленія, именно въ день именинъ Сонички, Копчикъ приступилъ къ рѣшительному объясненію и началъ съ того, что до разсвѣта отправился на болота Крестовскаго острова, тамъ, съ опасностью утонуть, или по-крайней-мѣрѣ нажить простуду, онъ собралъ букетъ изъ незабудокъ и въ рюмкѣ, полной воды, поднесъ голубые цвѣточки именинницѣ, съ приличной поздравительной рѣчью. Не такъ дѣвушка была обрадована подаркамъ услужливаго Марковнина, который презентовалъ ей муфту—шерсти неизвѣстнаго звѣрка, впрочемъ, кажется, непризнаннаго

естествоиспытателями ни лѣснымъ, ни дикимъ, — какъ голубыми цвѣточками Копчика. Отъ пронизательнаго взгляда Василья Васильевича не скрылся этотъ восторгъ и ревнивое сердце молодого человѣка успокоилось. Вечеромъ у именинницы былъ балъ, то-есть, къ Соничкѣ собрались пять-шесть подругъ перчаточницъ и золотошвеекъ. Балъ былъ обставленъ прилично: Маланья Ивановна испекла пироги съ сигомъ, а другой съ макомъ. Василій Васильевичъ на свою долю принялъ доставку кофе, который называлъ моккскимъ; великодушный Марковкинъ купилъ дѣвушкамъ гостинца и съ тѣмъ-же неисходнымъ великодушiемъ принялъ участiе въ горелкахъ. Время для хозяйки и гостей бѣжало быстро, весело. Небольшой садикъ, когда-то воздѣланный рукою комиссара, и теперь заглохшiй, оглашался звонкимъ смѣхомъ и визгомъ красавицъ, которыхъ усердно преслѣдовалъ старый Морковкинъ, едва переводя духъ и приговаривая: «Ужъ я васъ изловлю, моя бабочка; я васъ загоню въ клѣточку, моя синичка!» Однажды, какъ-то неосторожный капитанъ, гонясь за розовой бабочкой, споткнулся и полетѣлъ въ кустъ крапивы. Общiй взрывъ веселаго смѣха послѣдовалъ за этимъ паденьемъ и всѣ синички и бабочки обступили своего ловца; а между-тѣмъ на противоположномъ концѣ сада, за скромною изгородью малинника, змѣйкой вился по вѣтру голубой шарфъ Сонички, которую преслѣдовала Копчикъ. Вдругъ раздался крикъ; Соничка остановилась и, блѣдная, дрожа всѣмъ тѣломъ, уставила испуганный взглядъ на своемъ крошкѣ-пальчикѣ: пальчикъ былъ въ крови: зубастый терновникъ подстергъ его и оцарапалъ.

— Боже мой! что это... кровь! вскричалъ Василій Васильевичъ, хватая руку дѣвушки. — Не пугайтесь, Софья Николавна, съ чувствомъ продолжалъ онъ: — позвольте, я сiю минуту остановлю кровь, сiю минуту; и окровавленный пальчикъ исчезъ во рту юноши. Вѣроятно, врачъ сильно увлекся своимъ дѣломъ и, забывая о перевязкѣ израненнаго мизинца, онъ принялся всю руку покрывать жаркими поцѣлуями. Дѣвушка не отнимала руки, но вспыхнула яркимъ румянцамъ; казалось, вся кровь загорѣлась въ ея жилахъ отъ какого-то неразгаданнаго чувства, что доказывалъ и раненный палецъ.

— Что вы дѣлаете? Что вы дѣлаете? Василій Васильичъ! прошептала Соничка.

— Простите, Софья Николавна, я васъ люблю, ужасъ, какъ люблю!..

— Ахъ, какой вы насмѣшникъ! Для чего вы надо мной смѣетесь...

— Софья Николавна... Хоть умереть на этомъ мѣствѣ, если я смѣюсь... Я васъ люблю, такъ люблю, что и сказать не умѣю...

— Тс! Сюда идуть! вскричала дѣвушка, спасая свою руку изъ рукъ Копчика и дѣлая движеніе впередъ...

— Соничка... Софья Николавна? жалобно проговорилъ молодой человѣкъ... Вы не хотите отвѣчать мнѣ!

— Что-же я вамъ скажу? Я, право не знаю-сь, Василій Васильичъ...

— Скажите, любите-ли меня?

— Соничка, Соничка! на десять разныхъ тоновъ послышалось по саду.

— Соничка... скажите! страстно повторилъ Копчикъ.

— Да, да! И голубой шарфъ дѣвушки уже далеко мелькалъ за малинникомъ.

Василій Васильевичъ, преслѣдуя глазами этотъ шарфъ, весело улыбнулся, потомъ тѣмъ-же взглядомъ восторга обѣжалъ садъ и тщательно принялся осматривать крышу ветхаго домика.

— Да! повторилъ онъ въ раздумьѣ... Да!.. завтра объяснимся со старухой и испросимъ благословенія, на-вѣки нерушимаго... Чтожъ, дѣвчоночка—ничего.—И домикъ, какой ни на есть, а все-таки свой будетъ домишка... ну, подмалюемъ, поправимъ... на Марковкина набавлю два, три цѣлковыхъ...

— Василій Васильичъ!.. Гдѣ вы? Что жъ это, батюшка, запропастились! крикнулъ капитанъ.

Копчикъ съ любовью взглянулъ еще разъ на крышу, потомъ съ признательностью на терновый кустъ и поспѣшилъ на зовъ сосѣда.

Василій Васильевичъ держался правилъ акуратныхъ, дѣятельныхъ и предприимчивыхъ людей: «что начато, то должно быть кончено», говаривалъ онъ, и потому рано утромъ, на другой день послѣ объясненія съ дѣвушкою, пользуясь ея глубокимъ сномъ, Копчикъ вошелъ въ комнату къ старушкѣ.

— Съ добрымъ утромъ, Маланья Ивановна! сказалъ молодой человѣкъ.

— Здравствуйте, батюшка, здравствуйте, Василій Васильичъ.

— Что это вы, Маланья Ивановна, продолжалъ Копчикъ, сами изводите ручки пачкать объ уголь?

— А, какъ-же, родимый? кто-жъ намъ самоваръ-то поставить?

— Э... помилуйте, да сказали-бы мнѣ... Позвольте, позвольте-ка мнѣ... Гдѣ-жъ, матушка, Маланья Ивановна, въ ваши лѣта спину гнуть...

Съ этими словами Василій Васильевичъ съ высокимъ самоотверженіемъ взялъ горсть углей и высыпалъ ихъ въ трубу самовара.

— Ахъ ты родной мой, родной! сказала старушка, потряхнувъ фалболками своего чепчика... Ужъ какой золотой человѣкъ-то ты! Вотъ-бы у тебя хозяйюшка, какъ говорится, жила-бы припѣваючи...

— Вы думаете, Маланья Ивановна?

— А, какъ-же!.. Всѣмъ взялъ: и ростомъ, и красотою, и поведенціи приличной: въ ротъ хмѣльнаго ни росинки, даже и табачку не куришь...

— Правда, правда, Маланья Ивановна, не курю.

— Вотъ-бы женился... Порадовалъ-бы и добрыхъ людей, да и Богъ-то бы благословилъ такую семейку.

— Да, ужъ хочу, Маланья Ивановна; есть намѣреніе...

— Зачѣмъ-же дѣло стало, родной? тебѣ стоитъ только кличь кликнуть: невѣсту, какую пожелалъ, съ рукъ на руки возьми!

— Можетъ-быть и такъ; да надо, чтобъ человѣкъ по сердцу пришелся.

— Ну, приглядись, а сердцу заболѣть недолго—извѣстное дѣло!

— Охъ!.. болить оно, Маланья Ивановна... Сохну съ каждымъ днемъ...

— Ой!.. А по комъ это, Василій Васильичъ, можно знать?

— Маланья Ивановна, сказалъ Копчикъ... оставляя свою работу и останавливая взглядъ на запачканныхъ рукахъ.

— Что это вы, батюшка, такъ странно смотрите? спросила старушка въ то время, какъ изъ-за ситцевой занавѣски кровати, тайно и выглянула русая головка Софьи Николаевны.

— Маланья Ивановна, повторилъ Василій Васильевичъ:—позвольте мнѣ быть откровеннымъ... и, не ожидая отвѣта, онъ продолжалъ: — я вѣдь люблю Софью Николаевну, люблю ужасъ какъ и желалъ-бы...

— Что вы, батюшка! Что вы, отецъ родной!.. съ изумленіемъ прошептала старушка.

— И желалъ-бы, съ вашего позволенія, вступить съ нею въ законный бракъ... Благословите насъ! заключилъ Копчикъ.

— Батюшки! вотъ не ждала!.. вотъ не ждала такой хитрости! всплеснувъ руками, отозвалась Маланья Ивановна.

— Согласитесь... добрая Маланья Ивановна... Я вѣдь, сами вы говорите, человѣкъ не какой-нибудь... человѣкъ благородный и приличный, Маланья Ивановна... Благословите насъ!..

— Да постой, отецъ родной! дай ты мнѣ одуматься... Просто, я тутъ и въ толкъ ничего не возьму... Ахъ ты, существовать этакій! Какую онъ штуку смастерилъ... Не думано, не гадано... на вотъ тебѣ, сотню рыжиковъ въ кузовъ! съ очевиднымъ удовольствіемъ произнесла Маланья Ивановна.

— Ваше согласіе... благословите насъ! сказалъ Копчикъ.

— Не прочь я, родной; молвлю откровенно: не прочь отъ такой корысти! отозвалась старушка. — Да вотъ, какъ Соня-то... Принуждать не могу...

— Сонюшка... Софья Николавна, торопливо возразилъ Василій Васильевичъ:—согласна... Она вчера сказала, что любитъ меня, Маланья Ивановна.

— Вотъ-те на! Такъ это вы ужъ промежъ собой и уладимъ...

— Все уладили, Маланья Ивановна... Только вотъ вы-бы...

— А я-то что!.. Помѣлюсь Царицѣ Небесной, зальюсь слезами радости, да и благослови васъ Господи!

— Ну, кажется, все кончено и кончено формально, подумалъ Василій Васильевичъ, отвѣщая почтительный поклонъ Маланьѣ Ивановнѣ.

Черезъ полчаса, безъ свидѣтелей, въ своей скромной каморкѣ старушка сняла со стѣны образъ и благословила имъ влюбленныхъ.

Въ маленькой семьѣ бѣдняковъ условлено было, чтобъ объ этомъ рукобиты никто не зналъ до времени, а свадьба отлагалась до болѣе счастливыхъ обстоятельствъ, именно до той отрадной поры, когда Василій Васильевичъ пріобрѣтетъ болѣе выгодное мѣсто. Съ этого дня Копчикъ уже звалъ Маланью Ивановну матушкой и не упускалъ случая цѣловать ея руку во всѣхъ приличныхъ обстоятельствахъ. Не трудно понять теперь, почему такъ грустила Соничка въ отсутствіе молодаго человѣка. Мысль, что, быть-можетъ, Копчикъ потеряетъ и настоящее мѣсто, мысль, которая основывалась на странной фразѣ, высказанной поутру молодымъ человѣкомъ, заставляла биться тоскою и отчаяніемъ сердце бѣдной дѣвушки.

При малѣйшемъ шорохѣ подъ окнами, при шелестѣ и звукѣ шаговъ мимоидущаго, она судорожно вздрагивала и устремляла пылающій, нетерпѣливый взглядъ на дверь. Но Василій Васильевичъ не являлся.

— Что это ты все молчишь сегодня? начала мать, не подымая глазъ съ работы и обращаясь къ дочери.

— Такъ, маменька; все думается.

— О чемъ думается?..

— Да что это Василій Васильичъ неидетъ долго? Ужъ не случилось ли чего-нибудь?

— И! что ты, Христось съ тобой, Богъ милостивъ. Зашель къ кому ни-на-есть, а можетъ-статься, что и работишки прибыло подъ новый годъ... Да и чему съ нимъ случиться? все хорошо, и сонъ я такой сегодня хорошій видѣла.

— Сонъ! Какой же это сонъ? расскажите, маменька.

— Вотъ, изволишь ты: вижу я—начала старушка, высвободая носъ свой изъ подъ очковъ и подходя къ лежанкѣ, чтобы поправить дрова и придвинуть къ огню небольшой котелокъ:—вижу я, будто идемъ мы, т. е. такъ сказать, я и Василій Васильичъ, у Гостинаго двора, и лежитъ будто бумажникъ, таково толсто набитый, что и у нашего доктора врядъ-ли бывалъ такой толстый бумажникъ... Подняли, смотримъ... а въ немъ все синенькія, да красныя, все красныя да синія...

— Неужели, маменька! вскричала Соничка въ своемъ наивномъ забытѣ. — Ну, что если бѣ въ самомъ дѣлѣ рублей тысячу!...

— Экъ ты широко мѣришь, голубушка!.. Хоть бы пять-сотъ, такъ захлебнулись бы радостью.

— И то правда; какое бы счастье!

— Домишко бы поправили...

— Я бы подарила Василью Васильевичу черный атласный жилетъ...

— Провизіи бы всякой накупили...

— Да и всякихъ запасовъ...

— Ну, и мебелишки прибавили бы...

— У меня былъ бы къ свадьбѣ хорошій салопъ...

— Ужъ разумѣется! Выкупили бѣ отъ Чебурашкина наши серебряныя ложки...

— Мой зонтикъ и бѣлье...

— Все бѣ исправили... Расплатились бы съ лавочникомъ, а то-

вотъ давеча, насилу мѣрку картофелю увоилиъ, да еще съ разными притчами; а стала масла просить, такъ...

— И знаете что, маменька? еслибъ намъ пять-сотъ рублей, вы бы себѣ завели курочекъ.

— Да! со вздохомъ сказала старушка:—только-что и отрады курочки-холаточки, а вотъ и тѣхъ нѣтъ!

— И корову бы можно, маменька...

— Правда! правда! Ахти, свѣтики мои! — вдругъ переменявъ тонъ, сказала старушка: — Соня, вѣдь картофель-то не доварится у насъ: дрова-то все согѣбли. Ужъ не попросить ли у Марковкина еще въ займы полѣна два?

Мгновенно и быстро разочарованная дѣвушка хотѣла что-то отвѣчать, какъ въ эту минуту скрипнула дверь и на порогъ ея, вооруженный громаднымъ узломъ, показался Копчикъ. Дождь ручьями лилъ съ лица, фуражки и пальто молодого человѣка.

— Василій Васильичъ!.. вскричала Сонюшка, забывая свою скромность и бросаясь на встрѣчу жениху.

— Василій Васильичъ... батюшка! Эхъ тебя родной мой отѣлало, хоть всего выжми! подхватила старуха.

— Здравствуйте, здравствуйте! весело сказалъ Копчикъ. — Потрудитесь, другъ мой, Софья Николавна, принять вотъ этотъ узелокъ.

— Узелокъ! Что въ немъ!?

— Все! Радость вамъ скажу!.. Все! Тутъ и колбаса, и масло... Я вамъ скажу радость: секретарь я... тутъ булки и колбаса... Ахъ, какая исторія съ канарейкой!.. Осторожнее, душечка, Софья Николавна, колбаса-то вѣдь ливерная—сомнете!.. Ну, ужъ канарейка!

Мать и дочь съ изумленіемъ смотрѣли на своего нахлѣбника, въ глазахъ котораго, всегда задумчивыхъ и грустныхъ, отражалась теперь неподдѣльная радость. Съ самыми размашистыми и развязными тѣлодвиженіями Копчикъ стряхнулъ свое пальто, фуражку и подсылъ къ печкѣ, самодовольно ударивъ обѣими руками по своимъ колѣнамъ.

— Что жъ это, Маланья Ивановна?сказалъ онъ: — дровъ-то вѣрно нѣтъ больше?

— Нѣтъ, голубчикъ, Василій Васильичъ, сами знаете, нѣтъ...

— Такъ купите: мы богаты теперь... Вотъ-съ, извольте-ка вамъ старій должокъ.

Съ этими словами молодой человѣкъ вынулъ изъ жилетнаго

кармана двѣ красныя кредитки и, держа за уголки, судорожно тряхнулъ на воздухъ и передалъ изумленной старушкѣ.

— Вотъ онъ сонъ-то въ руку! прошептала Маланья Ивановна:—двадцать рублей! Да откуда это вамъ Богъ послалъ? спросила она.

— Неужели нашли, Василій Васильичъ? подхватила Соничка.

— Хе! нашель! Ахъ вы простота, Софья Николавна!.. Ну, скажите, ради Бога, какой тумакъ потеряетъ такую пропасть денегъ? какъ изъ этакой грязи, какая теперь на улицахъ, вытащить такія чистенькія бумажечки? Смотрите-ка, вѣдь лакъ на нихъ играетъ... улыбаются, смѣются, канашки!.. А все канарейка!.. Садитесь, все расскажу попорядку, Маменька! Маланья Ивановна... тамъ у меня въ карманъ, въ пальто, свертокъ чаю, въ узелкѣ сахаръ. Грѣйте самоваръ и слушайте.

Надо было видѣть, какъ ярко въ этотъ вечеръ пылали сосновыя дрова въ маленькой лежанкѣ нашихъ скромныхъ богачей; какъ свѣтло горѣла свѣча, изрѣдка скрываясь въ клубахъ самоварнаго пара и сколько восторга отражалось въ глазахъ трехъ собесѣдниковъ! О! за свое настоящее счастье, за этотъ отраднѣйшій вечеръ ни Маланья Ивановна, ни Соничка, не взяли бы, кажется, драгоценной жемчужины, которую проглотилъ Эзопъ! Василій Васильевичъ съ величайшими подробностями пересказалъ матери и дочери всѣ случайности дня, умолчавъ только о томъ впечатлѣніи, какое произвели на него Паша и десять тысячъ, обѣщанныя ей Владиміромъ Андреевичемъ. Бесѣда длилась далеко за полночь и собесѣдники разошлись, вполне довольные своимъ настоящимъ, отратно заглядывая въ будущее.

Соничка долго не могла заснуть, оставаясь подъ живымъ и неотвязчивымъ впечатлѣніемъ радости. Ей мечталась спокойная, безбѣдная жизнь; она видѣла себя женою Василя Васильевича... Вотъ онъ... въ енотовой шубѣ, въ пушистой шляпѣ, въ бѣлоснѣжныхъ перчаткахъ, проходитъ съ нею подъ-ручку по Плуталовой улицѣ; на ней бѣлая разрѣзнаго бархата шляпка, съ перомъ—не-непремѣнно съ перомъ! Салонъ ея такой пышный, пушистый; по собольему воротнику его такъ граціозно раскинулись ленты шляпки... А кругомъ слышится завистливый шопотъ подругъ: «Смотрите, смотрите: Копчиха-то какъ разрядилась — вотъ ты и знай нашихъ!.. Соничка тонула въ этихъ мечтахъ; она захлебнулась ими и заснула съ такою очаровательною младенческою улыбкою,

что еслибъ ее передать мрамору, то для него легко, даже въ самой Плуталовой улицѣ, нашелся бы новый Пигмалионъ.

Въ свою очередь, старушка хотя уже давно храпѣла, но изрѣдка можно было подслушать въ ея устахъ невнятное: типъ... типъ... типинька, типинька! И Маланья Ивановна видѣла во снѣ свою мечту въ видѣ цесарскаго пѣтуха и хохлатыхъ чернушечекъ.

Василій Васильевичъ всю ночь проворочался съ боку на бокъ. На этотъ разъ диванъ казался ему крайне жесткимъ, старый заслуженный халатъ какъ-то плохо согрѣвалъ его тѣло и сафьянная подушка рѣшительно превратилась для Василья Васильевича въ рогатую кокору; къ тому же, тысяча грезъ, смѣняясь одиными другими, стѣсняли грудь молодого человѣка, то обдавая холодомъ, то пламенемъ встревоженное сердце Копчика. Нѣсколько разъ онъ оставлялъ свой диванъ, быстро зажигалъ свѣчку, пересчитывалъ деньги, осторожно пряталъ ихъ подъ подушку и снова закрывалъ глаза; но передъ нимъ неотходно стояли то Соничка съ ея ласковой и нѣжной улыбкой, то Паша, въ рукахъ которой, какъ самый роскошный букетъ цвѣтовъ, пестрѣла кипа ассигнацій, и Василій Васильевичъ судорожно протягивалъ свои руки къ этому очаровательному букету, который въ ту же минуту превращался въ шершавую голову младшаго повѣреннаго.

— Паша!.. Деньги! Соня... Ивашка!.. Ахъ, Соня, Соня! О, деньги! деньги! шепталъ Василій Васильевичъ, почти задыхаясь отъ какого-то тоскливаго чувства. Только послѣ третьихъ пѣтуховъ, когда уже сѣренькій свѣтъ мелькнулъ въ окнахъ Копчика, онъ заснулъ и на лицѣ его долго сохранялось выраженіе грусти.

Проснувшись, Василій Васильевичъ успокоился нѣсколько; онъ только, и почти вслухъ, упрекнулъ себя за вчерашнюю откровенность и щедрость. Затѣмъ Копчикъ отправился на рынокъ, закупать обновы; причемъ Соничка не была забыта: Василій Васильевичъ подарилъ ей дешевую косыночку и купленный, по случаю, браслетъ.

III.

Черезъ день нашъ Копчикъ предсталъ предъ своего благодѣтеля, Владиміра Андреевича и его супругу въ весьма благородномъ видѣ. Черный фракъ кокетливо обнималъ стройныя формы

Василья Васильевича; тщательно повязанный галстухъ алѣлъ своими красноватыми мушками изъ-подъ отогнутыхъ небрежно воротничковъ, и шляпа, хотя нѣсколько подержаная, быть-можетъ, даже примазанная кваскомъ, лоснилась въ рукахъ нашего щеголя, чрезвычайно эффектно выражая то, что иногда затруднялся высказать новый секретарь Владиміра Андреевича. Ласково принятый супругами и надѣленный особымъ почтеніемъ прислуги, Копчикъ на другой же день вступилъ въ отправленіе своей обязанности.

Съ зарею являлся онъ въ кабинетъ Владиміра Андреевича, тщательно отиралъ его перья, чинилъ ихъ; потомъ сметалъ пыль съ письменнаго стола, потомъ отряхалъ ермолку своего благодѣтеля и, полюбовавшись его парикомъ, тихо, на носкахъ, какъ Сильфъ, почти не касаясь паркета, выходилъ въ пріемную.

— Фай, Антоша! говорилъ Василій Васильевичъ, обращаясь къ лакею:— вотъ заработался...

— А много изволили упражняться? спрашивалъ Антоша.

— И не приведи Господи!.. Навалилъ работы... Писалъ, писалъ... думалъ, думалъ... Ахъ ты! просто одурь взяла...

Въ эту минуту непременно подвертывалась Паша, и при ея появленіи Василій Васильевичъ, забывая свой важный секретарскій тонъ, почтительно оставлялъ свое мѣсто, говорилъ какой-нибудь давно-задуманной комплементъ и съ рыцарскою услужливостью отворялъ ей ту дверь, въ которую *сплдовала* Пашинька. Едва только просыпались въ домъ, Василій Васильевичъ являлся въ дверяхъ будуара Елены Матвѣевны и, затаивъ дыханіе, какъ вкопанный стоялъ на порогъ завѣтной комнаты.

Еленѣ Матвѣевнѣ чрезвычайно нравилась услужливость и наивность Копчика. Она являлась передъ нимъ и въ папильоткахъ и въ кофтѣ. Здѣсь служба его ограничивалась небольшимъ дѣломъ: вся она состояла въ томъ, чтобы съѣздить или въ тотъ или въ другой магазинъ, за покупками, что Василій Васильевичъ исполнялъ съ изумительною точностью, никогда не вызывая на себя каприза большой барыни. Затѣмъ, Василій Васильевичъ обѣдалъ у своего благодѣтеля, потомъ читалъ ему «Съверную Пчелу»; и когда слушатель засыпалъ, онъ, перемолвивъ два-три слова съ Пашею, отправлялся въ свою Плуталову улицу, спать.

А между-тѣмъ Соничка постоянно и много грустила въ отсутствіе своего жениха. Цѣлый день онъ былъ на службѣ, являлся поздно вечеромъ и прямо отправлялся къ своему дивану, который украсился въ последнее время новою подушкой и одеяломъ...

Холодность Василья Васильевича Соничка сначала приписывала его истомленію отъ дневныхъ трудовъ; но скоро ревнивое сердце дѣвушки поняло, что въ этой холодности таилась другая причина. Бѣдняжка начала искать случая къ объясненію, но ловкій Василій Васильевичъ ускользалъ, какъ угорь отъ встрѣчи съ нею. Несчастный рѣшилъ, что въ жизни деньги дороже красоты, что червонцы если и сотрутся то имъ все та же цѣна, а если красота посядетъ, то...

Словомъ: Василій Васильевичъ почти забылъ Соничку и искалъ только случая излить пылъ своего сердца предъ курносою Пашею.

Такъ прошли два мѣсяца.

Однажды Василій Васильевичъ явился въ домъ своего благодѣтеля очень рано. Подходя къ воротамъ, онъ былъ пораженъ неожиданною встрѣчею: у калитки стояла его мечта, его прекрасная Паша, готовая взяться за ручку колокольчика.

— Прасковья Михайловна! это вы? спросилъ Копчикъ, не отступая, но стараясь какъ можно быть ближе къ своей встрѣчной.

— Я-съ...

— Откуда это? смѣю спросить.

— Съ балу-съ. А вы, неужели ужъ къ барину?..

— Точно такъ-съ! и Копчикъ почтительно взялся за поля своей шляпы.—И много вы танцовали? продолжалъ Василій Васильевичъ.

— Да-съ, порядочно... Устала ужасно; вѣрите-ли, ноги подкосились... такіе кавалеры... замучили: все со мной, да со мной... всякія польки, все я, да я...

— Не удивительно, Прасковья Михайловна: — я бы не усталъ танцовать съ вами цѣлую вѣчность...

— Отчего-же это-съ?

— Потому-что я... я... желалъ-бы всю мою жизнь быть съ вами... очень просто!..

— Ахъ... шутникъ, насмѣшникъ, Василій Васильичъ!

— Кто, я? «А! настала ты моя рѣшительная минута! подумалъ Копчикъ... Ну! быма не была! на колѣна: швѣямъ это должно нравиться...»

И нашъ Копчикъ въ-самомъ-дѣлѣ упалъ въ грязь, но только на одно мгновеніе.

— Пашечка! душечка! я вѣдь безъ васъ жить не могу! вскричалъ онъ: —я себя непременно кинжаломъ... я уѣду на Кавказъ... я въ воду брошусь... Я не знаю, что съ собой сдѣ-

лаю... Двадцать тысячъ разъ умру; зачакну, ослѣпну, онѣмѣю, оглохну!.. Вѣдь просто веревку на шею, если вы меня не любите! Пашенька, сжальтесь, вотъ я весь тутъ: у вашихъ ногъ! продолжалъ Копчикъ, вставая и очищая колѣна: — не казните меня: вѣдь я вамъ ничего не сдѣлалъ!

— Ахъ, встаньте, Василій Васильичъ, встаньте! нѣсколько разъ повторила Паша, выдвинувъ впередъ руки и закинувъ на плечо голову въ то время, какъ уже Копчикъ давно принялъ благопристойное и нормальное свое положеніе.

— Но, скажите, любите-ли вы меня? скажите! — трагически продолжалъ Василій Васильевичъ, покрывая жаркими поцѣлуями перчатку своей красавицы...

— Люблю-съ... задыхаясь отозвалась Паша.

— И будете моею? воскричалъ Копчикъ.

— А это ужъ какъ Елена Матвѣевна... но мое стараніе...

— Довольно! довольно! Прекраснѣйшая изъ женщинъ, вы поняли меня!

Въ душѣ-то Василій Васильевичъ сознавался, что весьма трудно было понять его.

Пашенька взялась за колокольчикъ.

— Позвольте, сказалъ Копчикъ: — будемъ откровенны, Праксовья Михайловна...

— Хорошо-съ.

— Вы, вѣдь, не любите Ивана Герасимыча...

— Этого шелопаля-то! перебила Паша: — да что-жъ мнѣ! Фи! какого вы обо мнѣ мнѣнія!.. У меня вкусъ...

— Благодарю васъ... благодарю! перебилъ Копчикъ, и изъ всѣхъ силъ дернулъ стальной снурокъ колокольчина.

Входя въ калитку, Василій Васильевичъ шепнулъ:

— Праксовья Михайловна, съ вашего позволенія, я все выскажу Еленѣ Матвѣевнѣ...

При свѣтѣ фонаря, которымъ дворникъ освѣщалъ путь секретаря и Паши, Копчикъ замѣтилъ, къ своему удовольствію, улыбку и утвердительный кивокъ спутницы.

Ровно въ двѣнадцать часовъ, исправивъ свои обязанности въ кабинетъ Владиміра Андреевича, Копчикъ, взволнованный, блѣдный и встревоженный, явился на порогъ будуара Елены Матвѣевны.

— А, Василій Васильичъ! сказала хозяйка будуара, бросая бисквиты своимъ косматымъ болонкамъ; — что такъ сегодня поздно?.. Вы неакуратны!..

— Виновать-съ, занять былъ.

— Чѣмъ это?

— Владиміръ Андреевичъ приказали подобрать номеръ къ номеру газеты за минувшій мѣсяць...

— А какова сегодня погода?

— Изморозь, Елена Матвѣвна.

— Такъ прикажите для себя заложить карету: вы съѣдете въ нотный магазинъ... потомъ... Что сегодня идетъ въ театрѣ?

— «Черный день на Черной рѣчкѣ,» «Что имѣемъ не хранимъ,» «Булочная»... и... и...

— «Черный день» хвалятъ!.. Возьмите мнѣ билетъ... литерную ложу, Василий Васильичъ...

— Слушаю-съ...

— Вы что-то блѣдны сегодня; здоровы-ли? съ неподдѣльнымъ участіемъ спросила Елена Матвѣвна.

— Здоровъ-съ, благодарю покорно... я только хотѣлъ... и Копчикъ какъ-то страшно замоталъ головою, отступивъ за драпировку двери.

— Чтó вы хотѣли? говорите, другъ мой. Просьба какая-нибудь?.. Вы знаете, что я и мужъ такъ васъ любимъ, что все, невыходящее изъ круга возможнаго, готовы для васъ сдѣлать.

Василій Васильевичъ наморщился и умѣлъ прослезиться.

— Да-съ! сказалъ онъ голосомъ, въ которомъ слышалось весьма чувствительное рыданіе. — Да-съ, Елена Матвѣвна, я такъ много вами обласканъ.. и осмѣлился... Простите, простите меня!

— Боже мой! Что съ вами? Что вы сдѣлали!?

— Простите меня, Елена Матвѣвна... виновать!..

— Да что такое? говорите...

— Простите... я...

— Разбили, вѣрно, вазу...

— Нѣтъ-съ...

— Такъ, что-же?

— Я безъ вашего позволенія... непозволительно, такъ сказать, позволилъ себѣ непозволенную вещь...

— Ха, ха, ха! Да что съ вами, скажете ли вы наконецъ?

Василій Васильевичъ упалъ на колѣна и поползъ къ своей благодѣтельница.

— Карайте и милуйте! отчаянно вскричалъ онъ, всплеснувъ руками:—Елена Матвѣвна, вѣдь я умру!..

— Да, отчего, отчего? Что съ вами?

— Я... я просто влюбленъ до смерти!

Елена Матвѣвна разразилась громкимъ и задушевнымъ смѣхомъ, а Копчинъ выжималъ насильныя слезы.

— Только-то, что влюблены? Встаньте, встаньте! Въ кого-же это? Кто эта счастливица?

— Ваша Паша, Елена Матвѣвна... Не встану!.. Убейте меня, а отдайте мнѣ Пашу!

— Что это? На колынахъ! Зачѣмъ? для чего? раздался въ дверяхъ голосъ Владиміра Андреевича.

Копчинъ струсилъ не на шутку; бѣднякъ прыгнулъ, какъ векша, и, отвѣсивъ почтительный поклонъ, вытянулся въ струнку, занявъ средину между супругами.

— Представь, другъ мой, вскричала Елена Матвѣвна, обращаясь къ мужу и останавливаясь на каждомъ словѣ отъ искренняго смѣха... Ко мнѣ сегодня явился Василій Васильичъ блѣдный, встревоженный, какъ ты видишь, упалъ на колѣна и молить его простить...

— Въ чемъ это? перебилъ супругъ, грозно взглянувъ на Копчика.

— Въ томъ, что онъ влюбленъ въ мою Пашу...

Морщины разгладились на челѣ Владиміра Андреевича.

— Преступленіе неважное! замѣтилъ онъ... Да только надобно спросить, какъ расположена Паша къ нашему милому другу?

— Очень, очень-съ, Владиміръ Андреичъ! откликнулся Копчикъ.

— А! такъ вы, стало-быть, объяснились? замѣтила Елена Матвѣвна.

— Простите, объяснились!..

— Эй! позвать сюду Пашу! крикнулъ Владиміръ Андреевичъ.—Чтожь, продолжалъ онъ:— дѣло хорошее. Человѣкъ ты, Василій Васильичъ, хорошій, и все будетъ хорошо...

— И мы васъ не забудемъ! замѣтила Елена Матвѣвна.

— Да, не забудемъ! вытянувъ губы и спрятавъ за галстухъ свой подбородокъ, повторилъ мужъ.

Явилась Паша.

— Послушай, милая, начала Елена Матвѣвна: — вотъ Василій Васильевичъ просить твоей руки.

— Да, просить твоей руки! повторилъ Владиміръ Андреевичъ, впадая въ свою всеневную роль.

— Что-же ты на это скажешь?

— Ничего-съ...

— Скажите что-нибудь, Пашенька! жалобно отозвался Копчикъ.

— Василий Васильевичъ говорить, что онъ тебя страстно любить, и что ты его тоже любишь, сказала Елена Матвѣевна.

— Да, онъ это говорить, при мнѣ сказалъ! замѣтилъ мужъ.

— Ну!..

— Ну!.. повторили супруги.

— Виновата-съ... Это совершенная правда! ощиывая свой передникъ и покраснѣвъ до ушей, отвѣчала дѣвушка.

— Правда? вскричалъ Владиміръ Андреевичъ. — Ну, такъ ваши руки... Я вашъ посаженный отецъ. И молодыхъ людей Елена Матвѣевна заставила поцѣловаться.

— Ахъ ты, измѣнница! Пстой, измѣнница! шептала Иванъ Герасимовичъ, единственный свидѣтель сцены, происходившей въ будуарѣ барыни.

Вечеромъ того дня, къ великому изумленію обитателей Плутовой улицы, у воротъ скромнаго домика Маланы Ивановны постучался ливрейный лакей.

Соничка сама выбѣжала отворить ему калитку.

— Отъ кого? Отъ Василья Васильевича? Отъ Копчика.— Да? спросила она.

— Отъ него-съ.

— Здоровъ-ли онъ? Чтѣ съ нимъ?

— Нездоровы-съ... Приказали кланяться и приказали сказать, чтобъ вы не беспокоились ожидать ихъ: какъ поправятся, такъ и навѣдаются. Пожалуйста ихнія бумаги изъ ломбернаго стола—такъ они сказали. Тепереча, они будутъ жить у нашего барина и всю мебель приказали оставить вамъ-съ. Пожалуйста бумаги!

Почти въ помѣшательствѣ, Соничка отшатнулась отъ калитки и, блѣдная, едва владѣя собою, побрела въ комнату молодаго чело-вѣка.

— Онъ не придетъ! Онъ не будетъ жить у насъ! шептала она. И когда Соничка подавала лакею пачку связанныхъ бумагъ, послѣдній не могъ не замѣтить крупныхъ слезъ на глазахъ блѣдной страдальицы.

— Скажи-же, другъ мой, скажи ради Бога, очень онъ бо-лень—а? спросила дѣвушка.

— Да-съ, порядочно... Должно-быть простудился...

— Но можно-ли его навѣстить?...

— А ужъ не могу вамъ сказать. Прощайте, сударыня... И лакей оставил домикъ Маланьи Ивановны.

— Вотъ тебѣ, Паша, по дѣломъ! думалъ лакей:—какъ видно, на саврасаго напала... Дура, дура! въ чиновницы норовить, со-рока!

Около недѣли не было никакихъ вѣстей отъ Василья Васильевича. Соничка грустила, плакала и часто, когда не было свидѣтелей, горячо и жарко молилась предъ иконой, постоянно освѣщенной лампадою, въ которой горѣло трудовое масло бѣдныхъ, но благочестивыхъ людей. Старушка тосковала не менѣе дочери: грустное сомнѣнiе тревожило ея сердце, и еще болѣе болѣло это сердце при взглядѣ на бѣдную Соню, теперь молчаливую, полную какого-то грустнаго равнодушiя ко всему ея окружавшему. Маланья Ивановна знала, какъ дочь ея горячо любила Василья Васильевича, съ какимъ дѣтскимъ восторгомъ вѣрила въ счастливое свое будущее, и съ каждымъ днемъ ждала катастрофы ужасной и невыносимой для ея лѣтъ, и безъ того мелькнувшихъ не въ завидной долѣ.

Смеркалось. Сонички не было: дѣвушка ушла въ магазинъ съ своею недѣльною работою; старушка, по обыкновенiю, сидѣла за чулкомъ и грустила. Но вотъ скрипнули покривившiяся двери комнатки и кубовастенькiй Марковкинъ, оправляя свой форменный сюртукъ, явился предъ Маланьею Ивановною.

— Добрый вечеръ, хозяйюшка! сказалъ капитанъ, снимая съ пуговицы свой табачный кисетъ и набивая трубку.

— Здравствуйте, кормилецъ мой, Ануфрiй Игнатьичъ! отозвалась старушка.

— Ну, чтó у насъ новаго, хозяйюшка?

— Да ничего, грустно отвѣчала Маланья Ивановна.

— Гм... ничего! А что это, смѣю спросить васъ, постоялецъ-то отлыталъ никакъ?..

— Похоже на то, родной, похоже.

— То-то, похоже! Знаемъ мы эту молодежь...

— Да вотъ, поди-ты, кто-бы могъ думать... Такой былъ почтительный, милый, безоблыжный, честный...

— А вышло, ни синя пороху чести...

— Божья воля, Ануфрiй Игнатьичъ, Божья воля!

— Кто говорить, Маланья Ивановна... Кто говорить!.. Только какъ это, вы-то челоувѣкъ, примѣрно, старый, опытный, и

промахнулись... Ну, какой онъ женихъ вашей Софьѣ Николаевнѣ... Шмоль! мазурикъ... просто сказать.

— Ахъ, ужъ каюсь, каюсь, Ануфрій Игнатьичъ. Сгубила мою дѣвку... Дѣло непоправное, почитай!

— Ну, еще это несовсѣмъ дѣло пропащее! отозвался капитанъ:—позабудь только Софья Николаевна своего Васиньку, продолжалъ онъ:—такъ у меня недалеко ходить, пожалуй и найдется женихъ для нея... Человѣкъ солидный, правда, не молодой, да и не шалопай какой-нибудь, человѣкъ во всѣхъ статьяхъ... съ денежкой. И вамъ бы, Маланья Ивановна, тепло съ нимъ было... Купили бы хуторокъ въ Малороссіи, завели бы бычковъ да курочекъ и знай жили бы припѣваючи...

— Эхъ, гдѣ намъ, батюшка, широко шагать по полю! отозвалась съ глубокимъ вздохомъ старушка.

— Почему же? возразилъ капитанъ.—Софья Николаевна дѣвушка во всѣхъ статьяхъ отличная: и красавица, и хозяйка, и доброты такой, что поискать... А, женихъ, ей-Богу! такой есть...

— Полноте шутки шитить, Ануфрій Игнатьичъ. Ну, гдѣ онъ... Кто этотъ золото зятекъ?

— Да... хоть, съ вашего позволенія — я, примѣромъ будучи... громовымъ голосомъ сказалъ капитанъ, оставляя свое мѣсто и тряхнувъ богатырскими плечами.

Въ эту минуту съ шумомъ растворились двери и въ комнату вошла Софья Николаевна. Лицо ея было блѣдно, даже сине; глаза, безъ мысли и выраженія, блуждали кругомъ. Съ тяжелымъ вздохомъ дѣвушка опустилась на стулъ и бросила къ ногамъ своимъ небольшой узелокъ, заключавшій въ себѣ ея недѣльную работу.

— Соня! Соничка!.. что съ тобою? вскричала испуганная мать.

Дѣвушка закрыла лицо руками и зарыдала.

— Маменька! Маменька... Онъ обманулъ насъ... Они обвѣнены!..

— Кто? другъ мой, кто?

— Онъ! онъ женился... Я сама сію минуту видѣла, какъ ихъ вѣнчали...

Къ вечеру Соничка слегла. Докторъ, призванный Марковинымъ, сказалъ, что у ней горячка...

IV.

Жаркій полдень стоялъ надъ херсонскою степью. Легкія облака скоплялись на горизонтѣ, обѣщая скорый и отраднѣйшій дождь для высокой степной травы, которую даже не колыхалъ и мимолетный вѣтеръ. Степь была пуста. Кое-гдѣ мелькали табуны коней, да европейская фура, или длинная вереница лѣнливо подвигавшихся чумацкихъ телегъ. И среди этой безмолвной степи, только неподвижными точками бѣлѣлись мазанковые хуторы—мирный пріютъ небогатыхъ, но счастливыхъ степняковъ...

Въ виду одного изъ этихъ хуторовъ и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ столбовой дороги, подъ тѣнью тополей, лежалъ, или, лучше сказать, кейфовалъ мужчина пожилыхъ лѣтъ, съ довольно-крупными чертами лица и подстриженными усами, что особенно, не смотря на его украинскій нарядъ, обличало въ немъ выходца съ сѣвера. Медленно потягивая и пуская синеватыми кольцами табачный дымъ, онъ съ большимъ умиленіемъ засматривался на игравшихъ возлѣ него двухъ малютокъ: мальчика и дѣвочку, хорошенькихъ и полненькихъ, какъ купидоны Рафаэля.

— Ось... батько... Чи чуєшь, чи ні... дождь накрапає, сказавъ мальчикъ.

— А, нехай его накрапає! отозвался отецъ... Дону!... Цѣць, дурина! продолжалъ онъ, обращаясь съ угрозой къ дочкѣ... Що таке напала на кизиль! Ну... пзкинъ бо я тебя прошколю...

Дѣвочка бросила ягодки и протянула на воздухъ ручонку.

— Тату, сказала она, дождь крапе...

— А нехай его крапе! снова отозвался старикъ. Тс!.. А що, крупный дождь?..

— А то якъ же! жалобно отозвался мальчикъ.

— Ануфрій! Ануфрій! Побѣжимъ на хуторъ... Ай, какой ливень! раздалось за тополями и изъ-за нихъ показалась полная, дородная и красивая супруга Ануфрія.

— Ну, пойдѣмъ, такъ пойдѣмъ! лѣнливо сказалъ Ануфрій, нѣхотя оставляя свое зеленое ложе... Въ это время дождь, при порывистомъ вѣтрѣ, полилъ цѣлымъ потокомъ, и въ шумѣ и визгѣ его Ануфрію послышалось дребезжанье колокольчика.

— Ага! весело сказалъ онъ:— вотъ и гость будетъ... Въ-самомъ-дѣлѣ, въ то время, какъ дѣти, взятыя на руки матерью, далеко уже были съ нею, на столбовой дорогѣ показалась почтовая

бричка. Вотъ она остановилась... Провзкій что-то переговорилъ съ ямщикомъ и обернулся къ сторонѣ хутора.

— Сюда, сюда! Къ намъ милости просимъ! кричалъ хозяинъ хутора, вздернувъ на палку свою барашковую шапку и махая ею.

Колокольчикъ снова звякнулъ и тройка во всю молодецкую рысь понеслась къ хутору.

Едва только провзкій выпрыгнулъ изъ своего экипажа, готовый высказать свою благодарность гостепріимному степняку, какъ и гость и хозяинъ, всплеснувъ руками, въ безмолвномъ изумленіи остановились одинъ передъ другимъ.

— Василій Васильичъ!.. вы-ли это..?

— Ануфрій Игнатьичъ!..

— Вотъ встрѣча... чрезъ пять лѣтъ...

И Василій Васильевичъ нашъ, когда-то красавецъ Копчикъ, теперь блѣдный и исхудалый, какъ-будто заарканенный, долженъ былъ бѣгомъ слѣдовать за капитаномъ на хуторъ.

— Соничка! Софья Николаевна! полюбуйся, мать моя... Гости привелъ! неистово кричалъ Ануфрій Игнатьичъ, вводя Копчика на небольшую террасу своей жилой мазанки...

Дѣти и мать выбѣжали на крикъ отца.

Софья Николаевна не упала въ обморокъ при этой встрѣчѣ... Правда, въ первое мгновеніе она съ какимъ-то безотчетнымъ чувствомъ грусти сдѣлала два-три неровные шага впередъ, но потомъ спокойно протянула свою полную ручку гостю и сказала:

— Здравствуйте, Василій Васильичъ... Вотъ, гдѣ намъ Богъ привелъ встрѣтиться!

Копчикъ, безмолвный и пораженный, стоялъ недвижимъ на мѣстѣ, не смѣя, казалось, поднять глазъ на Софью Николаевну.

— Ну, полно, жена... перебилъ капитанъ, старое въ пазуху... Давай вишневки, сливянки... колбасъ... давай всего...

— Ну, какъ Богъ милуетъ? продолжалъ онъ, обращаясь къ гостю, когда Софья Николаевна отправилась исполнять приказаніе мужа... Здорова-ли жена? Что-же это вы безъ нея? Куда Богъ несетъ?..

Василій Васильевичъ тяжело вздохнулъ и махнулъ рукою, какъ-бы говоря этимъ жестомъ: лучше не спрашивайте!

За вишневою, Копчикъ откровенно высказалъ Ануфрію Игнатьевичу и его супругъ все свое горе. Жалкій Василій Васильевичъ пошелъ за тысячами; ему дали только одну, да и ту не ему въ руку, а Пашенькѣ. Пашенька съ небольшимъ въ пять мѣсяцевъ

профрантила этот крошечный капитал... Василий Васильичъ не стерпѣлъ и побранилъ жену; она не вынесла морали, а главное— нищеты, которая ихъ преслѣдовала и, по истеченіи пяти мѣсяцевъ со дня брака, снова, по рекомендаціи Ивана Герасимовича, или овдовѣвшей Елены Матвѣевны, обратилась къ своему прежнему поприщу... Обманутый самимъ собою, Копчикъ сказалъ вѣчное прощаніе Петербургу и отправился искать счастья въ Крыму...

Между-тѣмъ дождь пересталъ. Гость, избѣгая тягостнаго для себя присутствія въ домѣ тѣхъ добрыхъ существъ, которыя столько напоминали ему отраднаго минувшаго, простился съ гостепріимными Марковкиными и направился къ брѣжкѣ...

— Прощайте, Василий Васильичъ! кричали въ слѣдъ ему и дѣти и счастливые супруги.

— Прощайте, прощайте! нѣсколько разъ повторилъ Копчикъ... Прощайте... и, быть-можетъ, навсегда...

Когда тройка проскакала около двухъ верстъ, Василий Васильевичъ очнулся отъ своей задумчивости и бросилъ взглядъ тоски и сожалѣнія на мелькавшій вдаль за нимъ хуторъ...

— Боже мой! подумалъ онъ: — какъ она хороша! Сколько счастья потерялъ я... а всему виновата канарейка!

ПЕРВЫЙ МАСКАРАДЪ

(Вчерашняя сцена).

Зала Большаго театра, великолѣпно освѣщенная, мало наполненная. Два оркестра: одинъ въ глубинѣ сцены, другой въ верхней галереѣ. Вокругъ всей залы ходятъ кавалеры и маски; въ ложахъ, положивъ подбородки на балюстраду, смотрятъ внизъ довольно-равнодушно разныхъ фizioномiй. Нецеремонныя домино пристають то къ одному, то къ другому кавалеру, пища съ иностраннымъ акцентомъ и съ необыкновеннымъ остроумiемъ: «Я тебя знаю», на что кавалеры отвѣчаютъ еще остроумнѣе: «и я тебя тоже».—Несмотря на то, что въ залѣ нѣтъ никакой тѣсноты, господа съ выразительной фizioномiей находятъ возможность растолкать пару-другую масокъ, раступающихся передъ ними непрекословно.—Вообще маскарадъ не очень оживленъ; особеннаго веселья незамѣтно.

На эстрадѣ, по правую сторону сцены, сидитъ маска въ черномъ шелковомъ домино, маленькая, худенькая, довольно-вертлявая. Движенья ея быстры; она совершенно повернулась на креслѣ и внимательно смотритъ налѣво, гдѣ рослый офицеръ разговариваетъ съ маленькимъ штатскимъ. Съ правой стороны маски пустое кресло. Не очень молодой человекъ, съ усталой фizioномiею, подходитъ къ нему усталой поступью и тяжело опускается въ кресло, издавъ довольно-неделикатный звукъ, называемый попросту *крлканьемъ*. Маска не видитъ сосѣда. Кавалеръ располагается въ креслахъ самымъ комфортабельнымъ образомъ, вытягиваетъ ноги и зѣваетъ, что называется: во все горло. При этомъ звукъ маска съ неудовольствiемъ оборачивается, тѣмъ болѣе, что рослаго офицера подхватило въ это время подъ-руку бѣлое домино и повело изъ залы.

МАСКА (*едва взглянувъ на сосѣда и слѣдя глазами за бѣлымъ домино, говоритъ сердитымъ тономъ*). Какъ это учтиво!

КАВАЛЕРЪ (*протяжно и равнодушно*). Чтѣ учтиво?

МАСКА. (*все также*) Да ваше званье.

КАВАЛЕРЪ. А! Оно безпокоитъ васъ?

МАСКА. Я думаю, ни одной дамѣ не будетъ пріятно, когда подлѣ нея начнутъ звать такимъ образомъ.

КАВАЛЕРЪ. Я зѣваю для собственнаго удовольствія и вовсе не думаю о томъ, будетъ ли это пріятно другимъ. Кажется, я этимъ никому не мѣшаю.

МАСКА (*съ сердцемъ*). Напротивъ, очень мѣшаете.

КАВАЛЕРЪ (*спокойно*). Въ такомъ случаѣ... Здѣсь публичное мѣсто. Мы не въ гостяхъ и я не обязанъ угождать всякому дамскому капризу. Будьте какъ дома, и ступайте на другое мѣсто, если вамъ не нравятся моя зѣвота и мое сосѣдство.

МАСКА (*въ сильноиъ негодованіи быстро оборачивается къ своему сосѣду, осматриваетъ его пристально съ ногъ до головы и, въ удивленіи, почти вскрикиваетъ*). Николай Семенычъ!

КАВАЛЕРЪ (*льниво оборачиваясь къ маскѣ, также осматриваетъ ее довольно-небрежно*). Вы меня знаете?

МАСКА (*съ чувствомъ и почти съ упрекомъ*). Знаю ли я васъ! И вы спрашиваете объ этомъ... Конечно, мы такъ давно не видались... Сколько переменъ случилось съ нами въ это время!.. Вы могли позабыть многое... Но все-таки вы бы должны были узнать меня по тому чувству... по той памяти прошлаго, по тѣмъ воспоминаніямъ...

КАВАЛЕРЪ. Позвольте вамъ замѣтить, что вы объясняетесь слишкомъ отрывистыми, мелодраматическими фразами. Мы хоть теперь и на сценѣ, но все-таки, надѣюсь, не играемъ комедіи. Если вы хотите, чтобы я понималъ ваши восклицанія и обращенія къ самой себѣ, къ чувствамъ и воспоминаніямъ прошелшаго, объясняйтесь логичнѣе и, если можно, проще. Я не охотникъ до фразъ и идеальничанья. Скажите просто: кто вы, напомните прямо: гдѣ, когда мы встрѣчались съ вами. Я не мастеръ отгадывать загадки и, главное, не любопытенъ. Въ маскарадахъ я не разговариваю съ женщинами, которыхъ не знаю, и не охотникъ переливать изъ пустаго въ порожнее. Предупреждаю, что я не стану ломать головы и стараться узнать васъ.

МАСКА. Признаюсь, и я не могу узнать васъ, слушая ваши слова... Этотъ тонъ, эти холодныя фразы... Конечно, вы обращаетесь къ незнакомой вамъ маскѣ; но вѣдь подъ этой маской можетъ скрываться женщина, которой могутъ показаться рѣзкими ваши несовѣмъ учтивыя фразы и расположеніемъ которой вы сами можете дорожить.

КАВАЛЕРЪ. Я не вижу ничего ни рѣзкаго, ни обиднаго въ моихъ словахъ. Со всякой женщиной я бы говорилъ точно такъ же, какъ съ вами. Если вы точно знаете маску, то должны также знать, что я никогда не былъ дамскимъ угодникомъ, ни любезникомъ и не отличался галантерейнымъ обращеніемъ.

МАСКА. Правда, вы и прежде были неразговорчивы, необщительны, но за-то, если хотѣли быть любезнымъ, то увлекали всѣхъ вашимъ живымъ разговоромъ, полнымъ ума, и, что еще лучше, полнымъ чувства. Въ васъ было столько жара, увлеченія; вы даже слишкомъ восторженно смотрѣли на жизнь, слишкомъ до-вѣрчиво на людей, слишкомъ поэтически на природу! *Тогда* вы поняли бы, что я должна была чувствовать *теперь*, при неожиданной встрѣчѣ съ вами, послѣ долгой разлуки; вы не стали бы такъ беспощадно осуждать нѣсколько восклицаній, можетъ-быть, романическихъ, но искреннихъ, вырвавшихся у меня невольно при воспоминаніи о прошедшемъ.

КАВАЛЕРЪ. Вы, должно-быть, давно знали меня.

МАСКА. Лѣтъ... двѣнадцать тому назадъ.

КАВАЛЕРЪ. Помилуйте! двѣнадцать лѣтъ... да это цѣлая вѣчность въ наше время! Какъ же вы хотите, чтобы я не перемѣнился въ двѣнадцать лѣтъ? Тогда мнѣ было двадцать три года, то—есть я былъ, если не мальчишкою, то по-крайней-мѣрѣ восторженнымъ юношею, съ идеальными стремленіями, съ нелѣпыми идеями, съ растрепанными волосами и чувствами, тогда я былъ... сказать совѣстно: былъ *поэтомъ!* (*смыется не совѣмъ естественно*).

МАСКА. (*съ грустью*). И вы можете смѣяться надъ этимъ временемъ, надъ этою лучшею порою жизни, надъ молодостью ума и сердца! О, вы перемѣнились гораздо болѣе, чѣмъ я могла ожидать... Теперь мнѣ уже не обидно, а грустно слушать васъ.

КАВАЛЕРЪ (*съ принужденнымъ равнодушіемъ*). Скажите прямо: мнѣ жаль васъ! Обвиняйте меня безъ церемоніи въ безчувственности, въ апатіи, въ эгоизмѣ. Такія обвиненія теперь въ большомъ ходу, а состраданіе также очень идетъ къ женщинѣ. Не

хотите ли вы попробовать вдунуть искру жизни въ ходячій трупъ?— это нынче тоже въ модѣ.

МАСКА. Я недавно пріѣхала сюда и не знаю еще, на что у васъ теперѣ мода; но помню, когда убѣждала, что разочарованность господъ Печориныхъ и тогда была уже не въ модѣ.

КАВАЛЕРЪ (съ досадою). Кто вамъ сказалъ, что я разочарованъ? съ чего вы взяли это? Посмотрѣли бы вы, какъ я одушевляюсь за ужиномъ, когда на столъ приносятъ перигорскіи пастеты, или вскрываютъ банку со свѣжими трюфелями, когда передо мною стоитъ стаканъ едва искрящагося клико, въ которомъ ледяныя иголки медленно расходятся по поверхности вина, когда подлѣ меня поетъ разгорѣвшійся хоръ цыганокъ, а подлѣ сидитъ хоть... какая-нибудь маскарадная знакомка (*наклоняясь къ ней съ особенною любезностью*). Отъ васъ зависить убѣдиться, бываю ли я разочарованъ въ эти минуты.

МАСКА (*холодно*). Довольно! Для васъ самихъ я прошу оставить этотъ разговоръ. Мнѣ больно слышать васъ, больно видѣть, какъ вы стараетесь казаться тѣмъ, чѣмъ вы не можете быть въ дѣйствительности... Не говорите мнѣ ни слова!.. Я убѣждена въ этомъ... Я слишкомъ хорошо знала васъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ и не вѣрю въ такія измѣненія. Но если бы я даже и ошибалась, оставьте мнѣ мое заблужденіе. Дайте мнѣ видѣть въ васъ прежняго добраго, пылкаго энтузіаста; позвольте мнѣ вернуться къ тому невозвратному времени, оживить въ бѣдномъ сердцѣ образы моей золотой молодости, моего дорогаго прошедшаго... (*облокачивается въ задумчивости на ручку кресла, подпирая щеку ладонью*).

КАВАЛЕРЪ. Какъ вамъ угодно! Я не могу помѣшать вамъ видѣть во мнѣ идеалъ всѣхъ наивныхъ и сантиментальныхъ чувствъ. Воображайте меня всѣмъ, чѣмъ вамъ вздумается, но позвольте и мнѣ, въ свою очередь, видѣть въ васъ все-таки не болѣе какъ маску, которой вздумалось интриговать меня отъ скуки или за неимѣніемъ другаго, болѣе занимательнаго кавалера. Удивляюсь, какъ вы до-сихъ-поръ не оставили меня и не пошли отыскивать себѣ другаго, болѣе любезнаго собесѣдника. Я имѣлъ несчастье сильно не понравиться вамъ моимъ разговоромъ—и вы не нашли нужнымъ скрыть это. Вы совершенно правы: въ маскарадѣ была бы смѣшна излишняя церемонность. Но согласитесь же, что и я, въ свою очередь, не имѣю необходимости говорить только то, что мо-

жетъ вамъ нравиться. Я уже и тѣмъ нарушилъ законъ маскарада, что говорю вамъ: *вы*. Наша бесѣда началась какъ-то случайно въ этомъ тонѣ, пусть въ немъ и останется; но вамъ бы собственно не слѣдовало даже обвинять меня въ неучтивости: вы бы еще болѣе убѣдились въ этомъ, еслибъ знали меня ближе. Знакомые мои могли бы сказать вамъ, что я вообще не имѣю привычки заводить разговора съ незнакомыми масками. Я ѣзжу въ маскарадъ вовсе не за тѣмъ, чтобы начинать новыя знакомства, но чтобы продолжать ихъ, еще чаще, чтобы оканчивать. Я и то отступилъ для васъ отъ моихъ правилъ; а такъ-какъ вамъ тоже не очень пріятна моя бесѣда, то вы, конечно, не найдете страннымъ, если я отправлюсь поискать болѣе снисходительную собесѣдницу, желая вамъ найти болѣе любезнаго кавалера. *(Съ легкимъ наклопеніемъ головы приподнимается съ кресла. Маска, въ волненіи, схватываетъ его за руку).*

МАСКА. Николай Семенычъ!.. Останьтесь! прошу васъ!

КАВАЛЕРЪ *(кланяется съ легкой улыбкой, садится опять въ кресло и, не выпуская руки маски, говоритъ)*. Будете ли вы все еще упрекать меня въ неучтивости?.. Впрочемъ, конечно, вы можете сказать, что я всталъ нарочно, для того, чтобъ вы меня удержали. Во всякомъ случаѣ, я остаюсь, потому-что бѣжать отъ женщины, которая упрасиваетъ насъ остаться, было бы не только неучтивостью, но большою глупостью. Въ исторіи есть, конечно, примѣры подобной глупости; но, къ чести мужчинъ, онъ былъ не въ современной исторіи.

МАСКА *(тихонько освобождая свою руку)*. Вы опять принуждаете меня остановить васъ... И на этотъ разъ я должна сознаться, что мнѣ пріятнѣе было слушать ваши давишія колкости, нежели теперешнія любезности.

КАВАЛЕРЪ. На васъ однако-же очень трудно угодить. Вамъ не нравится, когда я говорю о себѣ и когда говорю о васъ. О чемъ же прикажете мнѣ бесѣдовать съ вами?

МАСКА. О прошедшемъ.

КАВАЛЕРЪ. Предметъ, того, игривый! какъ говорить одно официальное лицо въ повѣсти Гоголя. Я бы радъ былъ, впрочемъ, слѣлать вамъ угодное и возобновить въ памяти своей прошедшія страданія, какъ говорить другое официальное лицо, — Эней, въ поэмѣ Виргилія — вы видите: я не забылъ еще, что когда-то занимался литературой; но во первыхъ, собственно говоря, въ про-

шедшемъ у меня не было никакихъ страданій; были однѣ глупости и разсказъ о нихъ негодился бы даже въ извѣстный журналъ, гдѣ помѣщались, впрочемъ, и не такія житейскія глупости; а во вторыхъ, я совершенно позабылъ мое прошлое.

МАСКА. Будто все забыли?

КАВАЛЕРЪ. Почти все.

МАСКА. И даже то, что съ вами было двѣнадцать лѣтъ тому назадъ?

КАВАЛЕРЪ. То еще скорѣе. Въ эту эпоху я жилъ и поступалъ какъ ребенокъ, то-есть, если и несовсѣмъ какъ ребенокъ, во всякомъ случаѣ и не такъ, какъ слѣдуетъ благоразумному человѣку. Я говорилъ вздоръ, писалъ стихи, дѣлалъ непростительные промахи, — какъ же вы хотите, чтобъ я находилъ удовольствіе вспоминать о подобномъ времени?

МАСКА. И у васъ не осталось изъ него ни одного пріятнаго, или, по-крайней-мѣрѣ, нетяжелого воспоминанія?

КАВАЛЕРЪ. Рѣшительно ни одного. Вообще, я имѣю привычку не думать о прошедшемъ, не заботиться о будущемъ и довольствоваться настоящимъ.

МАСКА. Жалкое правило эгоизма! Вы отнимаете у жизни двѣ лучшія стороны ея: память и надежду. Онѣ однѣ часто составляютъ счастье цѣлой жизни.

КАВАЛЕРЪ. О вкусахъ не спорять. Всякій находитъ счастье въ чемъ можетъ. Я счастливъ по-своему.

МАСКА. Развѣ вы счастливы?

КАВАЛЕРЪ. По-крайней-мѣрѣ сколько можно быть счастливымъ у насъ при извѣстныхъ условіяхъ.

МАСКА. И вы ни о чемъ не жалѣете? ничего не желаете?

КАВАЛЕРЪ. Не скажу этого; но, во всякомъ случаѣ, я не прихожу въ отчаяніе, если мои желанія не сбываются; и когда мнѣ случается жалѣть о чемъ-нибудь, то сожалѣнія мои выражаются обыкновенно одною фразою: лучше еслибъ то-то случилось, или не случилось, а впрочемъ, пожалуй и ненадо.

МАСКА. Незавидная философія!

КАВАЛЕРЪ. Отчего же? она очень близка къ оптимизму.

МАСКА. И еще ближе къ матеріализму.

КАВАЛЕРЪ. Въ какомъ смыслѣ вы хотите понимать матеріализмъ?

Если вы возьмете ученіе... (*останавливается, смотритъ на маску и потомъ начинаетъ смѣяться*). А что, я думаю, вѣдь это будетъ первый примѣръ, если въ маскарадѣ начнутъ читать курсъ философіи. Какъ вы полагаете, повѣрятъ ли мнѣ мои пріятели, когда я скажу имъ, что проговорилъ цѣлый часъ о философскихъ предметахъ съ очень интересной маской... я бы сказалъ: съ очень милой, еслибъ не опасался опять навлечь на себя упрекъ въ приторной любезности.

МАСКА. Разговоръ, точно, увлекъ насъ совершенно въ другую сторону, и я съ охотою возвращаюсь къ прежнему предмету бесѣды: къ нашему знакомству, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ.

КАВАЛЕРЪ. Вамъ, вѣроятно, очень интересно воспоминаніе объ этомъ времени?

МАСКА. Я буду откровенна и скажу прямо: оно для меня дорого, и вы сдѣлаете мнѣ большое удовольствіе поговоривъ о немъ со мною. Вамъ, конечно, будетъ это скучно; но вѣдь вы зѣвали и безъ того, когда сѣли подлѣ меня. Я не говорю вамъ: хотите, чтобъ я васъ развеселила? скажу напротивъ: давайте скучать вмѣстѣ. Все же вамъ будетъ легче.

КАВАЛЕРЪ (*весело*). Готовъ говорить съ вами, сколько угодно, о чемъ угодно и даже вовсе не отъ нечего дѣлать. Напротивъ, увѣряю васъ, что вы меня очень интересуете, несмотря на совершенную, повидимому, противоположность нашихъ мнѣній. Только для того, чтобъ говорить о прошедшемъ, какъ вы этого желаете, надо мнѣ все-таки чѣмъ-нибудь напомнить о немъ, а я даже не знаю, кто вы, хоть вы и не скрываете своего голоса.

МАСКА. Видно, онъ очень перемѣнился, если вы не узнаете его.

КАВАЛЕРЪ. Согласитесь, что въ двѣнадцать лѣтъ онъ имѣлъ полное право перемѣниться, особенно, если судя по васъ теперь, вы въ то время были очень молоды.

МАСКА. Это правда: мнѣ было тогда семнадцать лѣтъ.

КАВАЛЕРЪ. Въ-самомъ-дѣлѣ?... то-есть я хотѣлъ сказать: неужели!

МАСКА. И я очень перемѣнилась съ-тѣхъ-поръ.

КАВАЛЕРЪ. Перемѣна эта, конечно, произошла въ вашу пользу. Тогда вы были, вѣроятно, еще ребенкомъ, теперь вы въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ. Вы, вѣрно, однако-же, начнете возобновленіе нашего знакомства тѣмъ, что снимете вашу маску: это принесетъ мнѣ большое удовольствіе, а васъ избавитъ отъ труда называть себя и-рассказывать свою исторію.

МАСКА. Нѣтъ, я не хочу ставить васъ въ затруднительное положеніе. Повторю вамъ, что вы бы не узнали меня и безъ маски, еслибъ даже и помнили лицо мое. Я перемѣнилась не на шутку, не только морально, но и физически, и поэтому предпочитаю лучше назвать себя .. я—Александра Васильевна Косогорова.

КАВАЛЕРЪ (*довольно принужденно*). Александра Васильевна!.. Какъ же!.. я васъ очень помню!.. Могъ ли я позабыть васъ!

МАСКА (*посмотрѣвъ на него пристально*). Вы ровно ничего не помните, и вамъ бы слѣдовало сказать это прямо. Вамъ легко было позабыть меня въ это время, и я не имѣю никакого права требовать, чтобъ вы удержали въ памяти короткія минуты нашего стариннаго знакомства. Зачѣмъ же было говорить неправду? Меня обмануть нельзя. Тотъ, кто хорошо помнитъ прошедшее, можетъ тотчасъ же видѣть, чѣмъ оно не похоже на настоящее.

КАВАЛЕРЪ (*все это время старавшійся припомнить, вдруг вскрикиваетъ, очень довольный тѣмъ, что наконецъ нашелъ*). Александра Васильевна!.. Можно ли мнѣ не помнить нашихъ бесѣдъ въ Графскомъ переулкѣ, у вашей тетушки, въ театрѣ... Если я съ первыхъ словъ не назвалъ васъ, то потому, что совсѣмъ забылъ о перемѣнѣ вашей фамиліи. Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, у васъ была совершенно другая, нѣмецкая фамилія.

МАСКА (*въ волненіи*). Такъ вы помните все?

КАВАЛЕРЪ. Можете ли вы сомнѣваться въ этомъ? Мы видѣлись не часто, но знакомство наше не походило на обыкновенныя, свѣтскія знакомства. Мы сошлись довольно-близко... Я принималъ въ васъ большое участіе, слѣдилъ за вашими первыми успѣхами въ свѣтѣ, даже давалъ вамъ совѣты...

МАСКА. Не правда-ли, это было веселое время? Мы оба были тогда молоды... Я была даже слишкомъ молода... Я нехорошо понимала свѣтъ, не знала людей, не умѣла отличать искренняго расположенія отъ бальной учтивости; не цѣнила многаго, чѣмъ для меня жертвовали .. Все это прошло какъ сонъ; но не правда-ли, какъ пріятно вспоминать объ этомъ снѣ!.. Даже ваше хладнокровіе, ваша разчитанная апатія растаяли при первыхъ воспоминаніяхъ прошедшаго; въ голосъ вашемъ было замѣтно волненіе... О, не говорите, что его не было! Не клеветайте на самого себя, не разрушайте сладкаго впечатлѣнія, не убивайте насмѣшкою этихъ немногихъ минутъ, въ которыхъ такъ много счастья, но ко-

торья пройдутъ очень скоро для того, чтобъ никогда не вернуться!..

КАВАЛЕРЪ. Вы, однако-же, большая энтузіастка. Двѣнадцать лѣтъ невеселой жизни не расхолодили васъ, не убили въ васъ восторженности, экзальтаци. Сколько мнѣ помнится, вы даже прежде были гораздо хладнокровнѣе, положительнѣе. Но успокойтесь: я не буду нарушать вашего экзатическаго состоянія. Вы счастливы въ эту минуту, и было бы жестоко лишать кого бы то ни было счастья, какъ бы ни казалось это счастье мелочно и неестественно другому. Сознаюсь, я самъ былъ на минуту увлеченъ воспоминаніями, можетъ-быть, больше ихъ неожиданностью, чѣмъ глубиною. Не стану анализировать свое чувство, не стану смѣяться ни надъ нимъ, ни, еще менѣе, надъ вами, но долженъ замѣтить вамъ, по долгу справедливости, что вы напрасно отыскиваете въ этомъ прошедшемъ... причину обвинять меня въ настоящемъ. Скажу больше: я скорѣе могу обвинять васъ.

МАСКА. Меня?.. Въ чемъ-же это?

КАВАЛЕРЪ. Во многомъ, если не во всемъ. И вы сами чувствуете это, иначе вы бы не стали косвенно оправдываться молодостью лѣтъ, неопытностью, незнаніемъ свѣта. Вы и тогда—будете откровенны, я не люблю обиняковъ и не увижу, если вы покраснѣете подъ маской—вы очень хорошо понимали, что въ то время я любилъ васъ... Еслибъ я могъ сомнѣваться въ этомъ, свидѣтельство одной изъ вашихъ подругъ, которой вы говорили, что я влюбленъ въ васъ, убѣдило бы меня въ этомъ. Вы даже немножко преувеличивали вашей подругъ силу этой страсти. Я не обвиняю васъ: это извинительная черта женскаго самолюбія. Но вспомните, какъ вы встрѣтили эту любовь?... Я сейчасъ сказалъ, что вы въ семнадцать лѣтъ были положительны столько же, какъ въ двадцать-девять восторжены. Видно, всѣ женщины должны испытать оба эти чувства; только онѣ обыкновенно испытываютъ ихъ въ обратномъ порядкѣ. Вы лучше всего доказали вашу положительность отъѣздомъ изъ Петербурга. Вамъ мало было любви молодаго человѣка, бѣднаго, неизвѣстнаго, едва начинавшаго свое поприще. Онъ не могъ тогда предложить вамъ блистательной участи; васъ не привлекала перспектива дѣлить съ нимъ труды его скромной жизни, можетъ-быть, бороться съ препятствіями, переносить лишения. Вамъ нужны были успѣхи на

сценѣ свѣта, великолѣпные поклонники, балы, спектакли—всѣ удовольствія свѣтской жизни. Вы, какъ Цезарь, хотѣли лучше играть первую роль въ деревнѣ, чѣмъ вторую въ Римѣ. Развѣ вы думаете, что мнѣ легко было перенести разлуку съ вами, прожить первые дни послѣ вашего неожиданнаго и ничѣмъ неоправданнаго отъѣзда?

МАСКА (*въ сильномъ волненіи*). Вы несправедливы, Николай Семенычъ... Развѣ вы говорили мнѣ когда о любви вашей? дѣлали мнѣ предложеніе?..

КАВАЛЕРЪ. Полноте пожалуйста. Когда вы въ жизни встрѣчали любовныя признанія? Они существуютъ только въ плохихъ романахъ. Къ чему слова тамъ, гдѣ любятъ и понимаютъ другъ друга? Если любовники повторяютъ другъ другу по сту разъ въ день: люблю тебя, то вовсе не для того, чтобы это было необходимо, а такъ, для собственнаго удовольствія, потому-что въ этомъ словѣ заключается для нихъ цѣлая поэма чувствъ, радостей, обѣтовъ, восторговъ. Слово «люблю», должно-быть, перешло къ намъ съ китайскаго языка, въ которомъ одинъ и тотъ-же звукъ означаетъ тысячу предметовъ, смотря по тому, въ какомъ тонѣ, съ какимъ удареніемъ произнесешь его. Кто признается въ любви, неувѣренный въ томъ, что, для слушающаго признаніе, оно не новость, и что въ отвѣтъ на него онъ получитъ то же слово, — тотъ просто глупъ и вполнѣ заслуживаетъ, чтобы ему разсмѣялись въ глаза и указали на дверь. Могъ-ли я, слѣдовательно, открыться вамъ въ любви, когда не видѣлъ въ васъ ни малѣйшаго признака взаимности, и когда въ то же время былъ увѣренъ, что вы знаете, какъ я люблю васъ? Теперь вамъ угодно казаться, тронутою, чувствительною, взволнованною. Тогда—извините меня, это уже древняя исторія,—тогда вы были расчетливою кокеткою, не болѣе. Увѣрять, что между нами было недоразумѣніе, такъ же странно, какъ еслибъ вы вздумали увѣрять, что бѣжали отъ меня для того, чтобы устоять противъ искушеній сильной страсти. Не для этого-ли вы вышли и замужь за какого-то Косогорова?

МАСКА (*голосомъ, дрожащимъ отъ слезъ*). Вы жестоки!.. Еслибъ вы знали, какъ вы терзаете мое сердце! Развѣ я мало наказана судьбою? Изъ всѣхъ ударовъ, которыми она осыпала меня въ послѣднее время, этотъ едва-ли не самый жестокий.

КАВАЛЕРЪ. Вы опять впадаете въ экзальтацію. Теперь вамъ

должно быть все-равно, что бы я ни думалъ о васъ. Восторженность ваша могла-бы иному дать поводъ видѣть въ вашихъ словахъ косвенные намеки на то, что вамъ нуженъ утѣшитель въ горестяхъ. Я не фатъ и принимаю ваши слова только какъ слѣдствіе неожиданной встрѣчи, взволнованнаго воображенія, можетъ-быть, сожалѣнія о томъ, что эти двѣнадцать лѣтъ вы могли-бы прожить иначе, могли быть счастливы. Я слышалъ о томъ, какъ тяжела была ваша семейная жизнь, какъ изъ довольства впали вы въ крайность, едва не въ нищету, какъ преслѣдовало васъ множество огорченій, непріятностей, лишеній, какъ, наконецъ, былъ невыносимъ характеръ вашего мужа. Но извините меня, во всѣхъ вашихъ несчастіяхъ я вижу собственную вашу вину. Вы сами сдѣлали выборъ мужа, васъ никто не принуждалъ, вы были независимы; вышедъ замужъ вы не умѣли передѣлать характеръ вашего мужа, не имѣли столько твердости и силы воли, чтобъ стать выше обстоятельствъ жизни, съ терпѣніемъ переносить борьбу и лишенія. Съ вашимъ расположеніемъ къ кокетству, желаніемъ играть роль повелительницы въ домѣ, какъ въ свѣтѣ, съ вашей неуступчивостью, вѣтренностью, раздражительностью, вы были-бы, безъ сомнѣнія, дурной женою. Какъ-же вы хотите, чтобы, зная васъ, я обвинялъ только вашего мужа въ несчастіяхъ, случившихся съ вами?

МАСКА (*колю*). Если я, по-вашему, могла быть только дурной женою, то вы за то образецъ, фениксъ между обожателями, когда любили меня со всеми моими недостатками.

КАВАЛЕРЪ. Когда любить, видятъ только достоинства. Недостатки замѣчаютъ послѣ... когда разлюбить. Я узналъ васъ вполне только послѣ вашего отъѣзда, когда, на досугъ, началъ припоминать и разбирать всѣ ваши слова и поступки, всѣ обстоятельства вашей жизни. Все это, разумѣется, не помѣшало-бы намъ быть счастливыми, если-бы вы любили меня. Любовь измѣняетъ и не такіе характеры; она именно потому такъ велика, что, чувствуя ее, человѣкъ можетъ совершенно переродиться.

МАСКА (*быстро и съ жаромъ*).. Почему-же вы думаете, что для меня невозможно подобное перерождение?

КАВАЛЕРЪ (*спокойно*). Я никогда не говорилъ, чтобъ оно было невозможно.

МАСКА. Вы вѣрите, стало-быть, что я могу снова полюбить?

КАВАЛЕРЪ. Очень можете. Вы не стары, свободны теперь, потерявъ мужа. Опытъ прошедшаго лучшая наука для будущаго.

МАСКА. И вы убѣждены, что я могу составить счастье другаго человѣка?

КАВАЛЕРЪ. Смотри по тому, какимъ счастьемъ будетъ довольствоваться этотъ человѣкъ.

МАСКА. Что же я должна, по-вашему, дѣлать, чтобъ заслужить любовь его?

КАВАЛЕРЪ. Это очень затруднительный вопросъ. Для этого нужно знать свойства и характеръ того, кому вы хотите нравиться. Требования любви такъ разнообразны! Одному нравится то, отъ чего другой приходитъ въ отчаяніе. Я знаю одного пріятеля, который въ восторгъ оттого, что жена его падаетъ поминутно въ обморокъ отъ малѣйшаго шума, или отъ появленія таракана. Онъ называетъ это тонкостью чувствъ, доказывающею деликатность характера.

МАСКА. Простите мою настойчивость, но я хотѣла-бы знать... мнѣ это необходимо... какимъ характерамъ, по вашему мнѣнію, могла-бы я понравиться?..

КАВАЛЕРЪ. Вы задаете мнѣ очень странные и почти неразрѣшимые вопросы. Условій тутъ бездна, и прежде всего надо ближе знать собственный вашъ характеръ. Я отозвался давеча немного рѣзко о вашихъ недостаткахъ; но легко можетъ быть, что послѣднія несчастія вашей жизни измѣнили васъ. Иногда мы мѣняемся даже безо всякой причины. Я по-крайней-мѣрѣ ничѣмъ не могу объяснить, откуда взялась у васъ такая восторженность. Конечно, я не видѣлъ васъ двѣнадцать лѣтъ сряду и мало знаю обстоятельства вашей жизни въ это время.

МАСКА. Вы уклоняетесь отъ моихъ вопросовъ, но я все-таки продолжаю дѣлать ихъ, и на этотъ разъ спрошу васъ еще опредѣлительнѣе: можетъ-ли меня полюбить человѣкъ, который былъ искренно расположенъ ко мнѣ, когда я была еще здѣсь, и который похожъ немного характеромъ на васъ.

КАВАЛЕРЪ (*играя часовою цѣпочкой, съ легкимъ оттишкомъ ироніи*). На меня?

МАСКА. Да!.. Не забудьте, что вы должны отвѣчать, положая руку на сердце.

КАВАЛЕРЪ. Положа руку на сердце: нѣтъ!

МАСКА (*дрожащимъ голосомъ*). Нѣтъ, но... но отчего-же?

КАВАЛЕРЪ. Это объясняется очень просто. Въ гастрономіи есть правило, одно изъ основныхъ этой великой науки: подогрѣтое кушанье никуда ни годится.

МАСКА. Это, можетъ-быть, очень остроумно, но несправедливо.

КАВАЛЕРЪ. Это совершенно справедливо и ни мало не остроумно. Если вамъ не нравится мое сравненіе по его прозаичности, возьмите другое, старое, но поэтическое, напоминающее конфектные билетки. Одинъ изъ нихъ замѣчаетъ весьма основательно, что

Сердца любовниковъ спрягаетъ
Не цѣль, а нѣжный волосокъ.

Сравненіе это очень вѣрно, хотя и тонко,—кажется, я начинаю говорить каламбурами александрійскихъ водевилей, разорвать волосокъ очень легко, но попробуйте связать его.

МАСКА. Сравненія ничего не доказываютъ.

КАВАЛЕРЪ. Такъ я вамъ скажу прямо: не обращайтесь къ сердцу, которое вы сами однажды отвергли. Чувство, разъ вытѣсненное изъ него съ болью и кровью, никогда не возвратится. Недобросовѣстный человекъ можетъ, пожалуй, увѣрять васъ въ томъ, что прежняя страсть опять овладѣла имъ; но онъ будетъ обманывать васъ, если самъ не будетъ увлеченъ порывомъ чувствъ, или ослѣпленъ самолюбіемъ, гордящимся только количествомъ побѣдъ. Но во всякомъ случаѣ это минутное увлеченіе и ослѣпленіе будутъ непродолжительны и повлекутъ за собою для васъ новыя несчастія и огорченія. Не ждите никогда прочности отъ разбитаго и потомъ склееннаго чувства. Все это я, конечно, говорю только въ томъ предположеніи, что выборъ вашъ падетъ на человека, похожаго на меня мыслями и характеромъ.

МАСКА. Напрасно вы дѣлаете такое ограниченіе. Говорите прямо и смѣло: ни одинъ мужчина никогда не оцѣнитъ истинной страсти въ женщинѣ, простирающей свое самопожертвованіе до того, чтобъ обнаружить любовь свою.

КАВАЛЕРЪ. Любовь обнаруживается противъ воли. Истинное чувство напрасно-бы старались скрыть. Но признаніе въ любви

дѣлають обыкновенно женщины или недозрѣлыя или перезрѣлыя. Въ первомъ случаѣ мужчину не можетъ еще занимать любовь существа, которое, любить только потому, что пришла пора любить; во второмъ, его не можетъ уже занимать любовь женщины, которой наступила пора перестать любить.

МАСКА (*едва сдерживая рыданія*). Можно не любить женщину, но не думаю, чтобъ должно было за это оскорблять ее.

КАВАЛЕРЪ. Опять экзальтація и экзажерация! Вы очень хорошо понимаете, что я говорю это не на вашъ счетъ. Если вы и не молоденькая институтка, то ни въ какомъ случаѣ не принадлежите къ категоріи дамъ, странствующихъ по маскарадамъ для того, чтобы увлекать, хоть таинственностью, неопытныя сердца, которыя, въ другомъ случаѣ, не стали-бы стремиться къ обладанію прелестей съ вѣсомъ и долговременной опытностью. Я хотѣлъ только доказать вамъ моими словами, что женщины большею частью упрекають совершенно напрасно молодыхъ людей нашего времени въ равнодушіи къ нимъ и апатіи. Если-же и встрѣтится между нами человекъ, неспособный понять истинное чувство, неспособный оцѣнить его — кто виноватъ въ этомъ; какъ не сама женщина? Кто убиваетъ въ молодомъ человекѣ любящемъ первую, дѣвственную страсть, эту страсть и это чувство? Не вы-ли сами, холоднымъ кокетствомъ, насмѣшкой, равнодушіемъ, даже презрѣніемъ встрѣчаете обыкновенно эту первую любовь, предпочитаете ей какого-нибудь эlegantнаго Ловласа съ великолѣпными манерами и изношенными чувствами? Не скорѣе-ли полюбите вы Донъ-Жуана, даже устарѣлаго, нежели молодаго, влюбленнаго до идиотизма юношу, хоть первый можетъ скорѣе компрометировать васъ своею любовью, а второй готовъ глупо умереть за васъ, какъ глупо жилъ для васъ. Вы упрекали меня давеча въ холодности и безчувственности. Понимаете-ли вы теперь, что было причиною этой холодности? Не думаете-ли вы, что сердце мужчины сдѣлано изъ каучука и что оно можетъ только растягиваться, когда его стануть рвать на части разочарованія и тяжелыя чувства, подобныя тѣмъ, какія испыталъ я послѣ вашего отъѣзда? И вы думаете, что, послѣ всего этого, стоить сказать женщинѣ одно слово, сдѣлать одинъ шагъ впередъ, чтобъ мужчина все забылъ, все простилъ, чтобъ онъ въ одну минуту измѣнилъ принятымъ имъ правиламъ, своему характеру, уронилъ себя въ собственномъ мнѣніи, и все это только потому, что онъ расчув-

ствовался, что его ошастливила одна улыбка, одинъ нѣжный взглядъ, одно слово. Теперь не тотъ вѣкъ, когда рыцарь умираетъ для одной улыбки непреклонной красавицы, и слава Богу, что не тотъ вѣкъ!.. Теперь женщина сошла съ своего идеальнаго пьедестала, но сошла для того, чтобъ мужчина могъ опереться на нее на трудномъ пути жизни. Теперь она требуетъ не обожанія, а уваженія. Заставьте прежде всего уважать себя, любовь придетъ сама собою. Я замѣчаю однако-же, что становлюсь резонѣромъ и начинаю читать правоученія. Разговоръ нашъ, и безъ того весьма немаскарадный, длится уже давно и могъ надобѣсть вамъ. Въ залѣ очень мало народу. Мы, кажется, переговорили уже обо всемъ...

МАСКА (*быстро вставая*). Я не удерживаю васъ. Встрѣча наша была неожиданна, но разговоръ кончился еще неожиданнѣе. Увидимся-ли мы еще когда-нибудь?

КАВАЛЕРЪ. Можетъ-быть. Я не бываю теперь въ томъ кругу, къ которому вы принадлежите, но случай можетъ легко опять свести насъ.

МАСКА. Надѣюсь, что мы встрѣтимся, если не друзьями, то по-крайней-мѣрѣ добрыми знакомыми?

КАВАЛЕРЪ. Отчего же и нѣтъ!.. Я не питаю къ вамъ никакого нерасположенія, не сержусь на васъ. Но думаю, что для насъ обоихъ будетъ лучше, если мы станемъ избѣгать случаевъ сходиться вмѣстѣ.

МАСКА. Вы правы: разговоръ, подобный сегодняшнему, слишкомъ тяжелъ, чтобъ желать его возобновленія. Онъ рѣшаетъ участь всей послѣдующей жизни... Я хочу однако-же, на прощанье, убѣдить васъ, что я не до такой степени перемѣнилась, чтобъ обо мнѣ можно было только сожалѣть. Вы давеча просили меня снять маску: теперь я исполню ваше желаніе (*хочетъ снять маску*).

КАВАЛЕРЪ (*останавливая ее*). Пойдите!.. Пусть я лучше не увижу васъ!.. Оставьте въ памяти моей, въ моемъ сердцѣ образъ молодой, семнадцатилѣтней дѣвушки, которую я когда-то такъ любилъ. Какъ-бы вы ни были хороши теперь, прежняго образа никогда не изгладить красота женщины, къ которой я не могу ничего чувствовать теперь, кромѣ совершеннаго почтенія...

МАСКА. И таковой же преданности? такъ, кажется, оканчиваются всѣ официальные сношенія?

КАВАЛЕРЪ. Несовсѣмъ: за этимъ еще слѣдуетъ: съ которыми

имѣю честь быть вашъ покорнѣйшій слуга (раскланивается, слегка приподнимая шляпу).

МАСКА пристально смотритъ на него съ минуту, потомъ сжимаетъ рукою на груди складки домино и, прижавъ къ губамъ платокъ, быстро бросается къ выходу.

КАВАЛЕРЪ смотритъ ей въ слѣдъ, съ грустнымъ выраженіемъ, потомъ поправляетъ шляпу, сбиваетъ пылинку съвишу на лѣвомъ рукавъ его фрака и отправляется въ буфетъ.

В. Зотовъ.

6 декабря 1853 года.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Н. Д. ХВОЩИНСКОЙ.

II

Шумить осенний дождь, ночь темная нисходитъ.
Клонясь подъ бурею, стучать ко мнѣ въ окно не Р
Сирени мокрая. Мелькаютъ и проходятъ что Р
Въ туманѣ образы минувшаго давно. Баттис мнѣ и ни смитъ
На что мнѣ ихъ? хоть въ нихъ все живо, все знакомо,
Хотя изъ жизни ихъ я помню каждый часъ, Р
Но что заглядывать на праздникъ въ окна дома,
Откуда такъ давно прогнали насъ.

Жалѣть?—я не дитя! премудро утѣшаться,
 Что праздникъ этотъ пусть, лишь шумъ и суета?
 Я чувствую, что нѣтъ. Иль снова добиваться?...
 Но силъ ужъ нѣтъ въ душѣ—и я сама не та.

О, огрубѣй мой слухъ, чтобъ вой грозы холодной
 Не вызвалъ изъ души твоихъ слезъ, что очи жгутъ,
 Чтобы, безъ прежнихъ грезъ, спокойно и свободно
 Приняться я могла за блѣдный, вялый трудъ,

Чтобъ мнѣ не вспоминать о радости случайной,
 Когда проходить жизнь и строго и темно,
 Чтобъ вмѣсто счастья не жить надеждой тайной,
 Что я уйду тудажъ, куда ушло оно.

II.

Сегодня всю ночь и весь день подъ окномъ
 Мнѣ вѣтеръ тоскливо шумѣлъ,
 Шепталъ онъ о странствіи дальнемъ своемъ,
 Всего рассказать не успѣлъ,
 Но завтра примчится онъ вновь, и опять
 Я буду тоскливо внимать.

Я знаю, онъ многое видѣлъ въ свой путь,
 Что видѣть хотѣлось—бы мнѣ,
 Затѣмъ мнѣ и лется мучительно въ грудь
 Его рѣчь на яву и во снѣ,
 И хочется сердцу вдругъ крылья имѣть,
 Чтобъ съ пѣсней весь міръ облетѣть.

III.

Мнѣ скучно. Куда ни смотрю
Темно — на душѣ, предъ глазами...
Я скуки своей не люблю.
Что за жизнь межъ досадой и снами?
Что вызоветъ горе мое?
Надъ чѣмъ я отъ счастья заплачу?
И много-ли сердце мое
Еще изомну и растрочу?..

СВИДАНІЕ.

Вы-ли это? Это вы-ли?
 Десять лѣтъ прошло такъ скоро...
 Какъ васъ годы измѣнили!
 Нѣтъ плѣнительнаго взора,
 Нѣтъ младенческой улыбки
 Такъ лукаво-простодушной;
 Станъ вашъ стройный, станъ вашъ гибкій
 Похудѣлъ... Мнѣ стало скучно,
 Стало грустно... Предо мною
 Вмѣстѣ съ жизнью прожитою
 Промелькнуло все бывшее,
 Все, что прежде такъ плѣняло,
 Все, что сердце молодое
 Наполняло, волновало.
 И не то, чтобъ въ эти годы
 Я любилъ васъ.... сердце было
 Такъ полно... оно любило
 Все вокругъ себя. Свободы
 Я своей не потерялъ-бы,
 Не страдалъ-бы, не вздыхалъ-бы,
 Но во мнѣ съ такою силой
 Жизнь кипѣла той порою!..
 Мнѣ сиялъ вашъ образъ милый
 Путеводною звѣздою.
 А теперь!.. Какъ для звѣзды вы
 Поблѣднѣли, постарѣли,
 Какъ во мнѣ самомъ порывы
 Воли, чувства присмирѣли!
 Мы сошлись такъ неожиданно
 И сходились напрасно!
 Вашъ окладъ лица прекрасный
 Какъ-то вытянулся странно.
 Жили вы хоть не въ столицѣ,
 Но столично развернулись.
 Вы уѣхали дѣвицей,
 Вы почти вдовой вернулись.
 Прѣжнихъ чувствъ вы не найдете
 Въ вашемъ сердцѣ отголоска,

Вы портвейнъ не морщась пьете,
Въ вашихъ губкахъ—папироска,
Въ вашихъ глазкахъ, тусклыхъ, впалыхъ,
Слѣдъ тяжелый жизни грустной,
Чувствъ изношенныхъ, усталыхъ,
Скрытыхъ очень неискусно.
И мнѣ жаль—не васъ! вы были
Все-же счастливы порою;
Вы прожили, вы отжили
Положенной чередою.
Не себя мнѣ жаль—ни мало!
Въ это время счастья много
Мнѣ на долю выпадало,
Жизни ровная дорога
Не по тернамъ пролежала.
Но мнѣ жаль, что измѣнился
Образъ вашъ въ моихъ видѣньяхъ,
Что печально онъ затмился
Въ шумныхъ жизни наслажденьяхъ;
Но мнѣ жаль мечты бывалой,
Чувствъ невинныхъ, мыслей ясныхъ,
Золотаго идеала,
Дней прекрасныхъ, думъ напрасныхъ...
Жаль всего, что пронеслося
И чему ужъ не вернуться!
Какъ-бы сладко ни спалося
Все-же надобно проснуться...
Ваши взгляды, ваши рѣчи
Камнемъ мнѣ на грудь упали.
Я не могъ сказать при встрѣчѣ:
Для чего вы уѣзжали?
Но шепталъ, въ тоскѣ утраты:
Для чего вы воротились?...
Сами вы не виноваты,
Что такъ страшно измѣнились,
Что душевныя страданья
Тяжелѣй, чѣмъ тѣла муки,
Что порою часть свиданья
Тяжелѣй, чѣмъ часть разлуки...

ЗНАМЕНИТОЙ АРТИСТКЪ.

Когда восторгомъ бѣснованья
 Театръ неистово объять
 И будто громъ—рукоплесканья
 Дробятся въ залъ и гремятъ,
 И въ упоеньи и въ припадкѣ
 Кричатъ вдругъ сотни голосовъ
 И рвутся бѣлыя перчатки
 На пальцахъ модныхъ львицъ и львовъ,
 И не окончивъ монолога,
 Въ порывѣ чувства онѣмѣвъ,
 Ты смотришь холодно и строго
 На этотъ шумъ, на этотъ ревъ,
 И ждешь съ спокойствіемъ привычнымъ,
 Чтобъ онъ улегся и утихъ
 И на лицѣ твоемъ античномъ
 Замретъ послѣдній роли стихъ, —
 Не раздѣляя криковъ, шума,
 Я восхищенъ не горю,
 Но съ грустнымъ чувствомъ, странной думой
 Въ тотъ мигъ я на тебя смотрю,
 И безъ порывовъ увлеченья
 Ловлю твой каждый жестъ и звукъ.
 Я вижу въ пламенномъ движеніи
 Не то, что видятъ всѣ вокругъ.
 Сквозь заученныя тирады
 Другіе звуки слышу я,
 И ни восторга, ни отрады
 Душа не чувствуетъ моя.
 Она не трогается славой;
 И вижу грустною мечтой
 Въ чертахъ артистки величавой
 Я образъ дѣвочки—больной,
 Худой, измученной и блѣдной
 И со слезами на глазахъ.
 Въ одеждѣ обветшавой, бѣдной,
 Съ гитарой старою въ рукахъ,
 Въ кофейнѣ дымной, грязной, душной
 Она, голодная поетъ

Соблазна пѣсни простодушно
И подаенья скромно ждетъ;
Пѣснь площадную безъ искусства
И хриплымъ голосомъ твердить;
Одна въ ней мысль, одно въ ней чувство:
Боязнь побоевъ, а не стыдъ.
И оттого-то въ каждомъ звукѣ
Твоихъ классическихъ стиховъ
Я вижу скорбь, я вижу муки
Твоихъ младенческихъ годовъ,
Я вижу тайныя страданья,
Лишенья, долгую борьбу,
Терпѣнье, полное сознанья,
Надежду побѣдить,
Труды, порывы силы гордой,
Надъ сердцемъ, надъ собою власть,
Познаніе—плодъ воли твердой,
Ученьемъ вызванную страсть.
И твой талантъ—онъ даръ науки,
Не вдохновенье,—даръ искусствъ,
Въ немъ страшно вымучены звуки,
Въ немъ много выстраданныхъ чувствъ
И чувствъ, томительныхъ до боли;
Но гдѣ въ немъ нѣжность сердца, жаръ
Любви, возникшей противъ воли?
Нѣтъ! твой талантъ поддѣльный даръ!
Онъ для тебя не цѣль, а средство
Богатство съ славою нажить,
Свое страдальческое дѣтство
Довольствомъ жизни искупить,
Принудить міръ—съ благодареньемъ
Пѣвицѣ уличной внимать,
Чтобы—восторгъ толпы съ презрѣньемъ
И гордымъ взглядомъ принимать.
И ты своей достигла цѣли:
Съ тѣхъ поръ, какъ замерла душа,
Любви порывы охладѣли —
Ты стала чудно хороша.
Твой взоръ какъ факель погребальный
Все ровнымъ пламенемъ горить,

Твой голос мѣрно и печально
 Протяжнымъ отзвономъ гудить.
 Какъ надъ могилой изваянье
 Ты хороша и холодна,
 И терпѣливо ждешь воззванья
 Отъ летаргическаго сна;
 Тотъ сонъ прервутъ лишь выраженья
 Однихъ страданій, сердца ранъ,
 Безумной ревности мученья
 Иль страсти бѣшеной обманъ, —
 И не античную статую
 Съ ея спокойной красотой,
 А Эвмениду роковую
 Въ тотъ мигъ мы видимъ предъ собой.

В. Зотовъ.

II.

ПАВЕЛЪ АНДРЕЕВИЧЪ ѲЕДОТОВЪ*.

—
«J'ai vécu et on ne m'a pas remarqué; j'ai aimé et on ne m'a pas répondu; j'ai souffert et on ne m'a pas compris; je mourrai et on dira, peut-être: tant mieux!»
—

18 ноября 1853 года, около часу пополудни, отъ больницы Всѣхъ Скорбящихъ, тянулась къ Петербургу, по Петергофской дорогѣ, скромная погребальная процессія. Печальную колесницу не сопровождала многочисленная толпа: за нею не слѣдовали «охотники до похоронъ», но только малое число людей, привлеченныхъ истиннымъ чувствомъ; воздухъ не оглашали ни вопли, ни рыданія; плакалъ только одинъ слуга покойнаго, но, между-тѣмъ, всѣ прочіе провожане были проникнуты одинаковою, чистосердечною скорбью. По мѣрѣ приближенія погребальныхъ дрогъ къ столицѣ, толпа росла и дополнялась дамами, профессорами Академіи, художниками и другими, чтившими память умершаго. Многіе прохожіе и проѣзжіе, изъ безотчетнаго любопытства спрашивали факельщиковъ: кого хоронятъ? и получивъ отвѣтъ:

— Гвардіи капитана Ѳедотова, — оставались совершенно довольны собранными свѣдѣніями и, безъ всякаго особеннаго ощущенія, продолжали путь, нисколько не подозрѣвая, что художественная Россія готовилась

* При составленіи этой статьи, редакторъ долженъ благодарить гг. академика, скульптора Бѣляева, художника Бернардакаго, художника Агина, Л. М. Жемчужникова, доставившаго нѣкоторыя стихотворенія П. А. Ѳедотова и въ особенности П. И. Реслера, одного изъ самыхъ искреннихъ друзей покойнаго, доставившаго много матеріаловъ.

зарыть въ землю одну изъ самыхъ блестящихъ надеждъ своихъ, а художники, товарищи и знакомые навсегда прощались съ лучшимъ человекомъ, лучшимъ другомъ и лучшимъ товарищемъ.

«Жизнь Федотова—говорить въ своемъ воспоминаніи о немъ одинъ изъ короткихъ его пріятелей, А. В. Дружининъ—есть пѣснь героической поэмы, богатая поученіемъ. Эта жизнь, вся отданная высокому и прекрасному, лучше всѣхъ твореній Федотова. Только ближайшіе изъ друзей Павла Андреича могутъ сказать о томъ, какъ слабы, ничтожны были его превосходные начатки предъ тѣми неистощимыми сокровищами, которыя зрѣли въ умѣ его. Только они могли повременамъ дивиться, глядя на бѣглые очерки: въ которыхъ достоинства, по видимому самая противоположныя и несовмѣстныя въ одномъ человѣкѣ, выказывались съ рѣзкостью, приводящею въ изумленіе. Многие—ли изъ почитателей его таланта видѣли хотя часть его эскизовъ или небрежныхъ трудовъ, гдѣ грація шла рядомъ съ энергіею, сатира съ страстью, сила концепціи съ истинно фламандскимъ вниманіемъ къ самымъ мелкимъ подробностямъ. Только друзья Федотова сознавали съ ясностью, что будущіе труды нашего соотечественника превзойдутъ труды сэра Давида Вильки и самого Гогарта.

Въ этихъ словахъ нѣтъ ничего преувеличеннаго: всѣ они полны только самою строгою истиной, которую не могутъ отвергнуть самые завистники всякаго истинно-высокаго дарованія—эти тли, всегда невидимо подтачивающія корень могучаго дерева, небоящагося открытыхъ бурь. Въ послѣднее время, большинство публики, все болѣе и болѣе знакомясь съ произведеніями Федотова, начало обращать на нихъ особенное вниманіе; слава и извѣстность художника начали быстро увеличиваться—но уже было поздно:

Дохнула буря, цвѣтъ прекрасный
Увялъ на утренней зарѣ,
Потухъ огонь на алтарѣ!

Человѣка, вмѣщавшаго въ себѣ одномъ дарованія: и Гранвиля, и Гаварни, и Грѣза, и Вильки и Гогарта—Павла Андреевича Федотова не стало! Онъ умеръ одинокимъ какъ и жилъ, вдали отъ родныхъ и друзей, въ стѣнахъ, въ которыхъ становится страшно за человѣка. Невидимая Муза, присутствовавшая при рожденіи Федотова, не была, кажется, къ нему благосклонна какъ та, которую воспѣвали въ пѣсняхъ своихъ другіе поэты и нашъ художникъ, замѣчательный не въ этомъ одномъ отношеніи, но, какъ поэтъ, какъ музыкантъ и прекрасный пѣвецъ, имѣлъ почти полное право сказать:

«Нѣтъ! Музы ласково-поющей и прекрасной
 Не помню надъ собой я пѣсни сладкогласной;
 Въ чудесной красотѣ, неслышимо, какъ духъ,
 Слетая съ высоты, младенческой мой слухъ
 Она гармоніи волшебной не учила,
 Въ пеленкахъ у меня свирѣли не забыла;
 Среди забавъ монахъ и отроческихъ думъ
 Мечтой неясною не волновала умъ,
 И не являлась вдругъ, восторженному зору,
 Подругой любящей, въ блаженную ту пору,
 Когда томительно волнуютъ нашу кровь
 Нераздѣлимая и Муза и Любовь.
 Но рано надо мной отяготѣли узы,
 Другой неласковой и нелюбимой музыки:
 Той музыки плачущей, скорбящей и болящей,
 Всечастно жаждущей....

Въ услуду новаго пришельца въ Божій міръ,
 Въ убогой хижинѣ, предъ дымною лучиной,
 Согбенная трудомъ, убитая кручиной,
 Она пѣвала мнѣ, и, полонъ былъ тоской,
 И вѣчной жалобой напѣвъ ея простой;
 Случалось, не стерпѣвъ томительнаго горя,
 Вдругъ плакала она, моимъ рыданьямъ вторя.

«Все слышалось мнѣ, въ смятеніи безумномъ,
 Расчеты мелочной и вѣчной суеты
 И юношескихъ лѣтъ прекрасныя мечты,
 Погибшая любовь, подавленныя слезы,
 Проклятья, жалобы, безсильныя угрозы...

Но:

«Въ душѣ озлобленной, но любящей и нѣжной,
 Непрочень былъ порывъ жестокости мятежной:
 Слабѣя медленно, томительный недугъ
 Смирялся, утихалъ... и выкупалось вдругъ
 Все буйство дикое страстей и скорби лютой
 Одной божественно-прекрасною минутой!..»

Павель Андреевичъ Федотовъ родился въ Москвѣ, близъ Красныхъ
 воротъ, въ приходѣ Харитонія въ Огородникахъ, въ 1816 году, отъ весьма

небогатыхъ родителей, которые жили, въ городѣ Ростовѣ, Ярославской губерніи во время постигшаго ихъ несчастія. * Семейство покойнаго состояло: изъ отца восьмидесяти-четырёхъ-лѣтняго старика, жившаго маленькимъ пансіономъ, сестры-вдовы съ двумя малолѣтними дѣтьми, и старшей сестры, которая жила съ отцомъ. Павелъ Андреевичъ былъ единственною опорою своей недостаточной семьи. Вотъ, что говоритъ самъ онъ о своемъ дѣтствѣ и о личности своего старика отца:

«Отецъ мой былъ воиномъ екатерининскихъ временъ, который рѣдко говорилъ о своихъ походахъ, но видѣлъ многое на своемъ вѣку. Разказовъ его нельзя было слушать безъ особеннаго чувства: такъ отдаленно казалось время, къ которому они относились, такъ изумительны оказывались лица и герои, имъ упоминаемые. Женатъ онъ былъ два раза: въ первый—на плѣнной турчанкѣ, во второй—на моей матери. Большое наше семейство помѣщалось въ небольшомъ домикѣ, и жили мы очень бѣдно; но пока отецъ могъ служить, нужды особенной мы не испытывали. Старикъ былъ очень строгъ по службѣ, и часто, когда онъ возвращался домой изъ должности, за нимъ шель сторожъ съ одной, а иногда съ двумя парами сапоговъ въ рукахъ. Сапоги эти, перевязанные бичевкой, принадлежали нерадивымъ или нетрезвымъ плсцамъ; снятые за наказаніе, они оставались въ нашей квартирѣ до утра, и потомъ уже возвращались провинившимся. Честностью обладалъ отецъ мой безпримѣрной; но она, какъ у многихъ честныхъ стариковъ, перенесшихъ многое въ жизни, облечена была въ формы суровыя, жесткія, угловатыя.

«Зима проходила обыкновенно довольно печально; но лѣто для насъ, дѣтей, было золотымъ временемъ года. Отдаленныя улицы Москвы и теперь еще сохраняютъ колоритъ довольно сельскій, а въ то время онѣ были почти то же, что деревня. Любимымъ мѣстомъ нашихъ игръ былъ сѣнникъ, гдѣ можно было не только вдоволь рѣзвиться съ другими ребятами, но откуда, сверху, открывался видъ на сосѣдніе дворы, а всѣ сцены, происходившія на нихъ, оказывались предъ глазами наблюдателя, какъ на блюдечкѣ. Сколько я могу дать себѣ отчетъ въ настоящее время, способностью находить наслажденіе въ *созерцательныхъ* занятіяхъ обязанъ я сѣннику, или, скорѣе, верхней его части. Жизнь небогатаго, даже, попросту, бѣднаго дитяти обильна разнообразіемъ, которое почти недоступно ребенку изъ достаточнаго семейства—ребенку, развивающемуся въ тѣсномъ кругу, состоящемъ изъ его родителей, гувернантки да двухъ, трехъ друзей дома—особь, по большей части благовоспи-

* Въ настоящее время изъ родныхъ Федотова, осталась въ живыхъ только сестра двѣдца и малолѣтняя сирота, дѣти сестры вдовы, не очень давно также умершей.

танныхъ, стало-быть, неизмѣющихся ничего особенно дѣйствующаго на дѣтскую фантазію. Возьмите теперь мое дѣтство: я всякій день видѣлъ десятки народа самаго разнохарактернаго, живописнаго и, сверхъ всего этого, сближеннаго со мною. Наша многочисленная родня, какъ вы можете догадаться, состояла изъ людей простыхъ, неуглаженныхъ свѣтскою жизнью; наша прислуга составляла часть нашего семейства—болтала предо мною и являлась на распашку; сосѣди были все люди знакомые; съ ихъ дѣтьми я сходилъ не на дѣтскихъ вечерахъ, а на сѣнникѣ или въ огородѣ; мы дружились, ссорились и дрались иногда, какъ намъ только того хотѣлось. Представители разныхъ сословій являлись на каждомъ шагу—и у тетушекъ, и у кумы отца, и около сѣнника и на сосѣднихъ дворахъ. Все, что вы видите на моихъ картинахъ (кромѣ офицеровъ, гвардейскихъ солдатъ и нарядныхъ дамъ) было видано и даже, отчасти, *обсуждено* во время моего дѣтства: это я заключаю, какъ по воспоминаніямъ, такъ и потому, что, набрасывая большую часть моихъ вещей, я почему-то представлялъ мѣсто дѣйствія непременно въ Москвѣ. Быть московскаго купечества мнѣ несравненно знакомѣе, чѣмъ быть купцовъ въ Петербургѣ; рисуя фигуры добрыхъ старыхъ служителей, дядей, ключницъ или кухарокъ, я, самъ не знаю почему, переносюсь мыслію въ Москву... Сила дѣтскихъ впечатлѣній, запасъ наблюденій, сдѣланныхъ мною при самомъ началѣ моей жизни, составляютъ, если позволено будетъ такъ выразиться, *основной капиталъ* моего дарованія».

Изъ этого видно, что развитію своего дарованія, и тому особенному направленію, которое оно приняло впоследствии, Оедотовъ не былъ обязанъ никакой школѣ. Онъ, также какъ и Грѣзь, принадлежалъ къ той счастливой семьѣ талантовъ, которые возникаютъ вдругъ и у которыхъ нѣтъ зари. Онъ, какъ и Грѣзь, черпалъ предметы для своего творческаго вдохновенія изъ среды окружавшей его существенной жизни, и собиралъ для будущаго богатый запасъ явленій извѣстнаго рода, отыскивая въ этой средѣ только то, что глубоко отзывается или драмой, или комедіей жизни, принимая ихъ въ высшемъ значеніи этого слова. Эти явленія изображалъ онъ съ удивительною точностью, то съ простодушнымъ юморомъ, то съ горькимъ сарказмомъ, и только въ глубинѣ одной души человѣческой могъ онъ подсмотреть ихъ своимъ наблюдательнымъ взоромъ и потомъ передать на бумагу или холстъ. Каждое движеніе фигуръ, въ самыхъ небрежныхъ его эскизахъ, было проникнуто глубокою мыслію, которая или заставляла добродушно смѣяться или болѣзненно выть сердце.

Въ 1826 году, имѣя около десяти лѣтъ отъ роду, Павелъ Андреевичъ Оедотовъ, вступилъ въ число воспитанниковъ перваго московскаго Кор-

пуса, въ которомъ и пробылъ до 1833 года. Свѣдѣнія маленькаго Федотова, при его принятіи въ кадеты, были очень ограничены, по недостатку средствъ къ домашнему воспитанію, но врожденные способности скоро позволили ему стать между самыми лучшими воспитанниками. Черезъ четыре года, за отличные успѣхи и поведеніе, онъ сдѣланъ былъ унтеръ-офицеромъ, а еще чрезъ два года, въ 1832 году—фельд-велемъ. Любимыми науками его были математика и химія, но болѣе всего, освободясь отъ официальныхъ уроковъ, занимался онъ рисованіемъ. Музыку онъ любилъ еще болѣе живописи, но, по невозможности заниматься ею какъ слѣдуетъ, только рисовалъ портреты своихъ товарищей и учителей, отличавшіеся разительнымъ сходствомъ. Всѣ тетрадки его были на поляхъ и на обложкѣ изрисованы головками, фигурами и звѣрьми*. Не смотря на то, самъ онъ рѣдко за свои рисунки удостоивался полныхъ баловъ, потому-что больше работалъ для товарищей, чѣмъ для самаго себя.

Память Федотова была такова, что всякая страница, прочитанная имъ, за нѣсколько дней, будто носилась предъ его глазами. «Если на экзаменѣ, или при повтореніи уроковъ, мнѣ случалось запоминать—говорилъ онъ самъ—ту или другую подробность, одну или двѣ фразы, мнѣ стоило только закрыть глаза на минуту—и все забытое, будто откуда-то выпрыгнувъ, являлось предо мною, какъ написанное на бумагѣ. Эта способность длилась еще нѣсколько лѣтъ послѣ моего выпуска; впоследствии память стала слабѣть; въ томъ я убѣдился очень хорошо, однажды разсказавъ моему пріятелю*** исторію, уже слышанную имъ, и слышанную отъ меня же. Если кто-нибудь будетъ при васъ разсказывать, во второй разъ, какой-нибудь анекдотъ или приключеніе, будьте увѣрены, что память разсказчика слабѣетъ, а самъ онъ близится къ старости».

Воображеніе Федотова было самое пылкое и онъ прилагалъ его къ предметамъ самымъ сухимъ. «Для него Исторія, какая бы ни была она,—была рядомъ драматическихъ сценъ въ костюмахъ и съ приличною обстановкой; Географія переносила его подъ чужое небо, къ чудесамъ чуждой нашему краю растительности. Слушая военныя науки, онъ присутствовалъ при движеніи войскъ, въ тяжкихъ бояхъ, осаждалъ крѣпости и выдерживалъ приступы».

Осмынадцати лѣтъ, въ 1833 году, Павелъ Андреевичъ Федотовъ, фельдвелемъ и любимецъ всѣхъ, отъ малаго до великаго, отъ начальниковъ до товарищей, былъ выпущенъ *первымъ* и поступилъ лейбъ-

* Редакторъ Пантеона имѣлъ случай видѣть эту развивающуюся страсть Федотова, бывъ то время его наставникомъ въ Исторіи.

гвардіи въ Финляндскій полкъ прапорщикомъ. * Запнямая ревностно службой, Оедотовъ, между-тѣмъ, не оставлялъ своихъ любимыхъ занятій и его художническій портфель все болѣе и болѣе наполнялся новыми эскизами и новыми портретами, которые также отличались разительнымъ сходствомъ. Близость академіи отъ финляндскихъ казармъ, въ которыхъ онъ помѣщался въ первые годы своей службы, возбудила въ немъ желаніе ходить въ вечерніе классы и рисовать съ антиковъ. Во время своихъ занятій, онъ не пренебрегалъ ни чьими совѣтами, выслушивалъ сужденія и мысли каждаго, и старался воспользоваться дѣльными замѣчаніями. Его наблюдательный и вѣрный взглядъ много способствовалъ его успѣхамъ. Молодой офицеръ любилъ уединенныя прогулки по отдаленнымъ частямъ города, заговаривалъ съ простымъ народомъ, обѣдая въ подземныхъ тавернахъ, по часу заставался подъ освѣщенными окнами незнакомыхъ домовъ и наблюдалъ какія-нибудь сцены, происходившія въ ихъ внутренности. Особенно старался онъ изучить бытъ русскаго солдата. Г. Дружининъ упоминаетъ о многихъ рисункахъ военнаго содержанія, относящихся къ первымъ временамъ художническаго поприща Оедотова и, между прочимъ, говорить о картинѣ *Прибытіе гренадера Дворцовой роты въ свою бывшую роту, Финляндскаго полка*. Къ сожалѣнію, рисунокъ этотъ, о которомъ біографъ отзывается, какъ о совершенствѣ въ своемъ родѣ, не былъ извѣстенъ многимъ изъ другихъ его друзей. Желая первое время посвятить себя баталической живописи, Павелъ Андреевичъ чертилъ сперва маневры, дневки, биваки и разныя другія сцены военной жизни, и все онѣ отличались вѣрностью изображенныхъ характеровъ, правильностью фигуръ и тщательностью отдѣлки. Въ это время Великій Князь Михайлъ Павловичъ возвратился изъ-за границы и посѣтилъ гвардейцевъ, расположенныхъ въ лагерѣ. Восторженный приѣмъ, сдѣланный солдатами своему Августѣйшему Отцу-командиру, воспламенилъ молодого художника, и Оедотовъ тотчасъ задумалъ представить встрѣчу Великаго Князя, въ лицахъ. Трудъ былъ оконченъ и поднесенъ Виновнику торжества. Оедотовъ удостоился за свою картину бриліантоваго перстня. Эта награда рѣшила Оедотова окончательно посвятить себя искусству. Не пренебрегая службою, онъ написалъ чрезъ нѣсколько времени другую картину: *Освященіе знаменъ въ возобновленномъ дворцѣ*. Первый планъ и нѣсколько очень похожихъ

* Изъ указа объ отставкѣ, хранящагося у П. И. Рееслера видно, что Оедотовъ былъ въ полкъ въ 1834 году, января 3, произведенъ въ подпоручики 1838 году декабря 6, въ штабъ-капитаны 1841 декабря 6, въ 1836 году удостоился получить Всемилостивѣйшую награду 230 р., въ 1837 году 350 р., въ 1838—300 р. и многократно удостоивался Высочайшаго благоволенія.

портретовъ генераловъ были ужъ окончены, когда Федотовъ назначенъ былъ куда-то въ командировку и долженъ былъ оставить рисовку. Картина оставалась долгое время неоконченною и Павелъ Андреичъ началъ ужъ рисовать другія, новыя, когда назначенъ былъ вдругъ Финляндскому полку смотрѣть. Великій Князь оставался вполне всеми доволенъ, и въ особенности Федотовымъ, командовавшимъ ротой. Утѣшая, онъ поручилъ начальнику корпуснаго штаба генералъ-адъютанту Веймарну, объявить гг. офицерамъ: что за ихъ усердіе, въ случаѣ нужды, *дверь Его Высочества не будетъ заперта* ни для кого изъ нихъ.»

Эти отрадные слова обрадовали Павла Андреевича, сильно нуждавшагося въ средствахъ къ продолженію своихъ художественныхъ занятій. Не откладывая своего намѣренія, Федотовъ, на другой же день, взявъ свою неоконченную картину и отправился къ начальнику штаба, чтобъ просить его выхлопотать ему пособія на рисовальныя удобства.

Генералъ-адъютантъ Веймарнъ назначилъ Федотову явиться съ начатою картиною на другой день въ Михайловскій дворецъ. Художникъ явился и былъ представленъ Великому Князю. Его Высочество разсмотрѣлъ картину, одобрилъ ее, похвалилъ и удостоилъ представить на разсмотрѣніе Государа Императора. Его Императорское Величество Всемилостивѣйше соизволилъ: *«удостоить вниманія способности рисующаго офицера, предоставить ему добровольное право оставить службу и посвятить себя живописи, съ содержаніемъ—по сту рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ, и потребовать отъ него письменнаго на это отвѣта»*. Милость превзошла надежды Федотова, но онъ не смѣлъ ею воспользоваться, не убѣдясь, по своей добросовѣстности: есть-ли въ немъ точно пѣтпное призваніе? Достигнѣ ли онъ Царскаго благодѣянія? Въ рапортѣ своемъ, Федотовъ просилъ года и даже полтора года отсрочки, чтобъ испытать свои силы. Въ самый день отправленія рапорта, Федотовъ одѣлся въ мундиръ и пошелъ посоветоваться съ покойнымъ К. П. Брюловымъ.

— Я хочу сдѣлаться художникомъ и посвятить себя живописи, сказалъ онъ знаменитому живописцу.

— Не советую, отвѣчалъ опытный профессоръ, вамъ двадцать пять лѣтъ: поздно пріобрѣтать механизмъ и технику искусства, а безъ нихъ что же вы сдѣлаете, будь у васъ бездна воображенія и таланта? Двухъ только художниковъ мы знаемъ въ исторіи живописи, которые принялись за краски въ тридцать лѣтъ, и достигли однако цѣли. Но попытайтесь, пожалуй, чего не можетъ твердая воля, постоянство и трудъ.

Федотовъ усилилъ свои занятія. Обращая вниманіе на дарованіе молодаго офицера, Августѣйшій покровитель талантовъ, Его Император-

ское Высочество, Государь, Наслѣдникъ Цесаревичъ пожелалъ имѣть также у себя работу Федотова и заказалъ ему нѣсколько бивуачныхъ сценъ изъ командуемой Имъ дивизіи, и, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, Павелъ Андреевичъ представилъ акварелью картину: бивуакъ Лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, составленный изъ очень схожихъ портретовъ, а потомъ, еще чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, вторую картину, также акварелью, бивуакъ Лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка. Картины эти были прииаты Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ благосклонно и удостоены похвалы, щедрой награды и милостиваго отвѣта на прошеніе: можетъ-ли онъ, Федотовъ, воспользоваться обѣщанною Монаршею милостію? Получивъ Императорское вспомошествованіе и разрѣшеніе сохранить у себя, для услугъ прежняго деньщика, Коршунова, котораго Павелъ Андреевичъ не иначе называлъ, какъ: своимъ *слугою и другомъ*, Федотовъ вышелъ въ отставку, въ январѣ 1844 года, съ чиномъ гвардіи капитана и съ мундиромъ, прослуживъ въ полку, съ честью, болѣе десяти лѣтъ.

«Павелъ Андреевичъ простился съ товарищами на частномъ обѣдѣ, у одного изъ офицеровъ, по словамъ близкихъ къ нему пріятелей. Въ новомъ нарядѣ онъ казался довольно некрасивымъ и самъ надъ собою подсмѣивался, но былъ вообще очень веселъ и беззаботенъ. Обѣдъ сопровождался пѣніемъ, танцами, искренними пожеланіями успѣховъ; всѣ мы, развѣ за малымъ исключеніемъ, были спокойны на счетъ своего стараго товарища. Семейныхъ его дѣлъ никто не зналъ. Восторженная любовь Федотова къ живописи казалась простой горячностью, залогомъ легкаго успѣха. Старшіе товарищи были увѣрены, что нашъ общій другъ изберетъ себѣ какой-нибудь легкой, доходный родъ живописи, скоро набьетъ себѣ руку, и, можетъ-быть, составитъ себѣ порядочное состояніе».

Но не такъ было и не то вышло!

Федотовъ рѣшился первоначально посвятить себя изученію баталической живописи и бралъ уроки у профессора, баталиста, Зауервейда. Батальные, акварельные рисунки его, между которыми особенно замѣчательны: «Французскіе мародеры въ русской деревнѣ», «Переходъ егерей, въ бродъ черезъ рѣку, на маневрахъ», рисунки о которыхъ было уже упомянуто, и многіе другіе, какъ напримѣръ: «Сцены военной жизни», «Вечернія увеселенія въ казармахъ», «Казарменная жизнь» свидѣлствуютъ, что Федотовъ могъ бы быть замѣчательнымъ живописцемъ этого рода живописи, но врожденное призваніе указывало ему иное направленіе, иной новый родъ живописи, который увѣковѣчилъ воспоминаніе о немъ, въ исторіи живописи русской школы. Изучая ревностно формы лошадей и анатомію, Федотовъ, чаще всего рисовалъ и чертилъ сюжеты нравственно-сатирическіе и воспроизводилъ сцены изъ

общественной жизни. Петербургъ, со всѣми его образами, служилъ ему рамкой; его не искушали: ни яркое освѣщеніе, ни теплый колоритъ, ни эффектные положенія; онъ проникалъ въ самую глубь души человѣческой и ее только воспроизводилъ на бумагѣ и на полотнѣ—тутъ была настоящая область Федотова. Павелъ Андреевичъ переписалъ для практики, миниатюрно, масляными красками портреты всѣхъ своихъ знакомыхъ и потомъ принялся за малосложныя картины. Вѣрный Коршуновъ, этотъ Калебъ Вальтеръ-Скотта новѣйшихъ временъ, типъ, который не трудно отыскать въ средѣ приверженныхъ и благородныхъ русскихъ солдатъ, служилъ ему всегда натурщикомъ. Федотовъ еще колебался—какому именно роду живописи посвятить себя исключительно, когда получилъ очень лестное письмо отъ нашего безсмертнаго баснописца:

Старикъ *Крыловъ* его замѣтилъ

И, въ гробъ сходя, благословилъ!

Павелъ Андреевичъ рѣшился тогда окончательно сдѣлаться живописцемъ «правовъ». Первоначально написалъ онъ: *Утро служащаго чловѣка, получившаго награду*, картину, которая стоила ему девяти-мѣсячнаго труда, потомъ *Разборчивую невѣсту*, надъ которой онъ трудился немного менѣе. Со страхомъ и трепетомъ, сомнѣваясь въ своихъ творческихъ силахъ, представилъ онъ эти первыя два свои произведенія на судъ Совѣта Академіи Художествъ.

«Страшно, жутко было мнѣ въ то время — говорилъ покойный Федотовъ, Михаилу Андреевичу Половцову, у котораго онъ былъ *«какъ дома»* предъ своею печальной кончиной, и котораго полюбивъ искренно, говорилъ, что отъ него ему пріятнѣй услышать безотрадное слово «нѣтъ», чѣмъ отъ другаго обязательное «да» — страшно мнѣ было: я все еще сомнѣвался въ моихъ силахъ; я все еще не вѣрилъ себѣ; мнѣ все еще чудилось, что я только простой рисовальщикъ, а не художникъ. Я не былъ французомъ, Михаилъ Андреевичъ,—добавилъ Федотовъ— русская солдатская кровь текла у меня въ жилахъ — самонадѣянности глупой несколько во мнѣ не было. И точно, было отъ чего призадуматься Федотову!

Онъ снялъ золотыя эполеты, простился съ военною карьерой, надѣлъ художническую блузу, парусинную и замаранную, работалъ безъ отдыха, не зная ни днемъ ни ночью покоя, на чердакѣ, въ подвалѣ, подъ слуховымъ окномъ, работалъ два, три года; работы его, какъ ему самому казалось, не подвигались еще блистательно впередъ. Правда, лица начинали его *слушаться*, углы *округляться*, лица показывали выраженіе, но еще до совершенства, по его убѣжденію, было далеко.

Пятьдесятъ, сто эскизовъ перерываль добросовѣстный художникъ и ни однимъ не оставался доволенъ! А между тѣмъ нужды стерегли его входъ и выходъ.

«Такъ прошло около четырехъ лѣтъ, послѣ выхода Федотова изъ полка, трудовыхъ дѣятельныхъ. Четыре года непрестанной, усиленной работы, повидимому, не принесли съ собой ничего, кромѣ голословныхъ похвалъ и большаго количества разныхъ плановъ. Съ каждымъ годомъ доходы Павла Андреевича становились недостаточнѣе, потому что къ расходамъ, на семейство и содержаніе себя, прибавились издержки на краски, полотно, анатомическія книги и рисунки, наконецъ на плату первымъ натурщикамъ. Въ теченіе этихъ четырехъ лѣтъ, Федотова можно было видѣть лишь по вечерамъ или въ обѣденное время. Мнѣ случалось видѣть его обѣдъ, присылаемый отъ сосѣднихъ кухмистеровъ, за плату, рѣдко превышавшую *пятнадцать* коп. сереб. Случалось находить его рисующаго въ холодной комнатѣ, имѣя на себѣ, сверхъ платья, тулупъ и шинель. Всякій знаетъ, до какой степени бываютъ щекотливы, тягостны свиданія съ лучшими друзьями при такихъ условіяхъ; но Федотовъ составлялъ въ этомъ случаѣ благороднѣйшее и полнѣйшее изъятіе... Онъ несъ бѣдность до такой степени тихо и просто, что всякое стѣсненіе исчезало. Вы видѣли себя не въ присутствіи талантливаго бѣдняка, охающаго и рисующаго предъ вами, но просто находились въ обществѣ вѣрнаго, добраго пріятеля, счастливаго своимъ призваніемъ и неимѣющаго ни времени, ни охоты думать объ удобствахъ жизни.

Соболезновать о лишеніяхъ Павла Андреевича, а еще болѣе тяготиться ихъ видомъ, говоритъ А. В. Дружининъ, казалось мнѣ также страннымъ, какъ проливать слезы о томъ, что какой-нибудь мореплаватель, или естествоиспытатель, не пользуется комфортомъ въ своихъ странствованіяхъ. Во все эти четыре года не случалось слышать мнѣ отъ Федотова ни одной жалобы: онъ не любилъ шутить надъ своимъ положеніемъ, какъ многіе другіе люди съ эластическимъ характеромъ, и за то не смущался имъ никогда. Въ это время онъ, по временамъ, сходилъ съ компаніею людей, слишкомъ беззаботныхъ въ денежномъ отношеніи, любившихъ мотовство и свѣдѣ взглядъ на веселую артистическую бѣдность, простирившихъ до замѣчательной парадоксальности. Это юношеское, обильное оригинальностью воззрѣніе на бѣдность, отчасти возмущало Павла Андреевича; его любимой фразой, въ этомъ случаѣ, было:

«Все вы, господа, бѣдняки—дилетанты! За всякимъ изъ васъ, кто-нибудь стоитъ съ полнымъ карманомъ; *сами вы ни передъ кѣмъ не стоите, никого не выносите на своихъ плечахъ!* Вы толкуете о веселой бѣдности, какъ я могу говорить о Швейцаріи, сходясь по-

смотрѣть на декорациі «Сомнамбулы». Истинной бѣдности вы не знаете, и должны благодарить Бога! Но понимая всю печальную сторону бѣдности, извѣдавъ вполнѣ, что значить выносить *другихъ людей на своихъ плечахъ*, нашъ художникъ, въ тоже самое время, сознавалъ, что въ этомъ дѣлѣ *«сказать намъ есть половина неудачи»*. Говоря о художникахъ, которые богатѣли, отступившись отъ упорной работы для поставки скороспѣлыхъ произведеній, Федотовъ ограничивался нѣсколькими словами, лишеными колкости, при своемъ неоспоримомъ снисхожденіи: «Такой-то пишетъ очень легко и мило. Онъ забылъ свою старую манеру; чтожъ дѣлать? ему надобно жить и хочется жить! Вильки, подъ конецъ жизни, дѣлалъ тоже, Гвидо-Рени, говорятъ, дѣлалъ тоже.» Тутъ было и оправданіе и благородная терпимость! А между-тѣмъ общій приговоръ былъ очень строгъ: человекъ *спасовашаго* предъ нуждою, Федотовъ неумолимо вычеркивалъ изъ списка художниковъ, оставляя за нимъ всѣ качества прекраснаго, умнаго, ловкаго, но слабаго смертнаго».

Въ первое время, послѣ отставки, не смотря на занятія, художникъ, разъ или два въ недѣлю, находилъ время побывать у кого-нибудь изъ прежнихъ товарищей. Иногда и товарищи заходили къ артисту Федотову въ небѣленный печальный домъ, гдѣ-то въ великомъ отдаленіи, между пустырей, у Невки. Въ комнатахъ было холодно и часто угарно. Преданный Коршуновъ послѣдовалъ за господиномъ въ качествѣ натурщика. Одно время, съ Павломъ Андреичемъ, жили какіе-то молодые люди, тоже художники.

Эти два молодые художника были—посвятившіе себя изученію архитектуры—ученики академіи «вольноприходящіе» *Карломи и Гирствъ*. Первый, котораго Павелъ Андреичъ призрѣлъ и съ которымъ дѣлился, какъ съ ничего неимущимъ, послѣднимъ кускомъ, получивши въ послѣдствіи времени, неожиданно, огромное наслѣдство, гдѣ-то въ Швейцаріи, уѣхалъ, позабывъ, кажется, не только Павла Андреича, но и Россію, которой обязанъ былъ своимъ воспитаніемъ. Въ такихъ обстоятельствахъ находился нашъ художникъ, когда представилъ онъ картины свои на академической конкурсѣ.

— Вообразите мое удивленіе, — разсказывалъ онъ, — когда черезъ нѣсколько дней, вдругъ мнѣ Коршуновъ докладываетъ, что меня кто-то спрашиваетъ и отъ чьего имени, какъ-бы вы думали? — отъ имени Карла Павловича Брюлова. Это былъ ученикъ его Баскаковъ. Брюловъ приглашалъ меня къ себѣ; разумѣется я не мѣшкалъ. А. Т. Марковъ представилъ ему мои картины, какъ нѣчто, заслуживающее вниманія и

нашъ знаменитый живописецъ вспомнилъ, что мы уже были отчасти знакомы.

Брюловъ принявъ Федотова съ распростертыми объятіями, громкогласно призналъ въ немъ несомнѣнное огромное дарованіе, предложилъ ему всевозможныя услуги, и часто потомъ съ нимъ видѣлся; прочіе профессора и извѣстные художники нашей академіи, также единогласно привѣтствовали его произведенія и предсказывали ему громкую извѣстность. Но Федотовъ все еще не довѣрялъ себѣ, и продолжалъ усидчиво трудиться и утромъ, и вечеромъ, и ночью, при лампахъ, и дома, и въ академіи. Волосы его сдѣлались рѣдки, глаза постоянно казались утомленными, но бодрость и веселость духа значительно увеличивались. Вскорѣ послѣ вторичнаго посѣщенія Брюлова. Павелъ Андреевичъ началъ свою картину «Сватовство» и Совѣтъ академіи, разсмотрѣвъ представленный эскизъ, нашелъ картину стоящею быть обращенной въ программу на званіе академика. Чтобы исполнить добросовѣстно заданный трудъ требовалось многого. Необходимы были натурщики, костюмы и все обстановки, до мелочей, которыя должны братья на часы или покупаться. Зная недостаточность средствъ Федотова, Совѣтъ академіи исходатайствовалъ нашему художнику пособіе въ семьсотъ рублей ассигнаціями и Федотовъ началъ трудиться.

«Чтобы понять до какой степени этотъ трудъ былъ великъ и труденъ въ исполненіи, нужно было знать необыкновенную добросовѣстность Федотова и его глубокое отвращеніе къ рисовкѣ предметовъ *«изъ головы»*, то есть, безъ натуры предъ глазами».

При исполненіи картины «Женитьба» прежде всего нужно было имѣть образецъ комзаты, приличный избранному сюжету, и Федотовъ, подъ разными предлогами, входилъ во многіе купеческіе дома, придумывалъ, высматривалъ и оставался недоволенъ. Тамъ хороши были стѣны, но съ ними не ладили аксессуары; тамъ годилась обстановка, но комната была слишкомъ свѣтла и велика. Одинъ разъ, проходя около какого-то русскаго трактира, близъ Гостинаго двора, художникъ примѣтилъ, сквозь окна главной комнаты, люстру съ закопченными стеклышками, которая «такъ и лѣзла въ его картину». Онъ тотчасъ-же зашелъ въ таверну и съ неописаннымъ удовольствіемъ нашелъ то, чего искалъ такъ давно. Стѣны, вымазанныя желто-бурою краскою, картины самой наивной отдѣлки, потолокъ, разукрашенный расписными «букетами», пожелтѣвшія двери—все это совершенно согласовалось съ идеаломъ столько дней носившимся въ воображеніи Федотова. Едва только одолѣлъ онъ эту первую трудность, явилась тысяча другихъ. Нужно было отыскать ори-

гиналь купца, застегивающаго кафтанъ, его жены, удерживающей невѣсту за платье, самую невѣсту, прислугу, жениха, кисейное платье, разныя аксессуарныя вещи, необходимыя для картины...

«Розысканіе живыхъ типовъ по широкому Петербургу, говоритъ г. Дружининъ, не могло быть въ тягость нашему наблюдателю; найти лица не было дѣломъ очень тяжелымъ»... Какой-то добродушный купецъ охотно согласился дать скопировать свою особу; одинъ изъ знакомыхъ офицеровъ самъ вызвался служить натурой для жениха, безпрекословно облачаясь въ мундиръ и стоя на одномъ мѣстѣ столько времени, сколько угодно было Федотову. На Толкучемъ и на Андреевскомъ рынкахъ, нашъ живописецъ высмотрѣлъ нѣсколько старухъ и сидѣльцевъ, пригласилъ этотъ народъ къ себѣ, угостилъ чаемъ, нанялъ за сходную цѣну и во время работы побесѣдовалъ съ ними такъ, какъ только онъ умѣлъ бесѣдовать. Платье, мебель и мелкія вещи взяты были у пріятелей, а предметы такого же рода, слишкомъ старые и загрязненные, выбирались изъ лавокъ или ресторацій.

Наконецъ картина была готова, представлена на обсужденіе профессоръ, и Павелъ Андреевичъ, единогласно, удостоенъ былъ званія академика. Вотъ сюжетъ ея: Старая сваха приводитъ въ купеческій домъ жениха; хозяинъ купецъ, не зная какъ лучше, и съ должною честью принять почетнаго посѣтителя, хлопочетъ, мечется во все стороны и спѣшитъ застегнуть сюртукъ на своемъ толстомъ станѣ. Молодая дѣвушка совершенно растерявшаяся хочетъ убѣжать, но чадолюбивая матушка удерживаетъ ее за платье. На столѣ-приготовлена разная закуска. На стулѣ стоитъ, на подносѣ, приготовленное шампанское; кошка замываетъ лапою гостей. Кухарка несетъ кулебяку, а сидѣлецъ, обращенный въ настоящее время въ слугу—разныя вина. Изъ другой комнаты выглядываетъ какая-то любопытная старуха, спрашивая его о причинѣ такихъ приготовленій; онъ головой показываетъ ей на входящую сваху. Въ комнатѣ, на лѣвой сторонѣ, видна часть образовъ съ лампадами; подъ ними столъ, уставленный священными книгами. На стѣнахъ портреты духовной особы, Кутузова, Кульнева и самого хозяина, съ книжкою въ рукахъ; изъ картинъ видны: Иловайскій на конѣ и видъ какой-то пустыни.

Но лучше заставимъ самого художника растолковать сюжетъ этой превосходной его картины, какъ онъ любилъ толковать его, своимъ друзьямъ и товарищамъ, въ веселомъ расположеніи духа:

«Господа — говорилъ онъ, подражая манерѣ носильщиковъ райковъ и ихъ протяжному напѣву—прошу прислушаться:

Честные господа,
 Пожалуйте сюда!
 Милости просимъ,
 Денегъ не спросимъ.
 Даромъ смотри,
 Только хорошенько очи протри.
 Начинается,
 Починается,

О томъ какъ люди на свѣтѣ живутъ,
 Какъ иные на чужой счетъ жуютъ!
 Сами работать лѣнятся
 Такъ на богатыхъ женятся..

Вотъ извольте посмотреть:

Вотъ купеческій домъ —
 Всего вдоволь въ немъ,
 Только толку нѣтъ ни въ чемъ;
 Одно—пахнетъ деревней,
 Другое—харчевней.

Тутъ за то одинъ толкъ:

Что все взяли не въ долгъ,
 Какъ у васъ, иногда,
 Честные господа!

Вотъ извольте посмотреть:

Вотъ самъ хозяинъ лавочникъ купецъ,
 Денегъ полонъ ларецъ.
 Есть что пить, есть что ѣсть,
 Ужъ чего-жъ-бы еще! Да взманила вишь честь:
 Не хочу, молю, зятей съ бородами!
 Какъ заслуженный зять,
 Ужъ не то будетъ знать.

Мнѣ покрайности дай хоть маіора...

Безъ того ни кому не отдамъ свою дочь!

А женихъ тутъ какъ тутъ, и по чину, точь въ точь.

И вотъ извольте посмотреть:

Какъ жениха ждутъ,
 Кулебаку пекутъ,

И заморскія вина первѣйшихъ сортовъ
 Къ столу несутъ.
 А вотъ и самое панское,
 Сирѣчь—шампанское —
 На поднось, на стулѣ, стоитъ.

И вотъ извольте посмотрѣть:
 Какъ въ парадѣ цѣлый домъ,
 Все съ иголочки въ немъ;
 Только хозяйка купца
 Не нашла, знать, по головкѣ ченца:
 По старинному въ сизомъ платочкѣ
 Остальной—же нарядъ,
 У француженки взятъ
 Лишь вечеръ, для нее и для дочки!
 Дочка, въ жизнь, въ первый разъ
 Какъ барышня у насъ,
 И простуды не боясь,
 Плечи выставила на показъ.

Вотъ извольте посмотрѣть:
 Какъ въ дѣвомъ углу старуха,
 Тугая на ухо,
 Хозяйкина сватья, беззубый ротъ,
 Къ сидѣльцу пристасть:
 — Для чего, де—сказать, онъ столько бутылокъ несетъ?
 Въ домъ ей до всего!
 Ей скажи: отъ чего,
 Для чего, кто идетъ?
 Любопытный народъ!

А вотъ, извольте посмотрѣть:
 Справа, отставная деревенская пряха,
 Панкратьевна сваха,
 Безсовѣтная привираха,
 Въ парчевомъ шугаѣ, толстая складомъ,
 Идетъ съ докладомъ:
 Что, де—сказать, женихъ изволить пожаловать.

И вотъ извольте посмотрѣть:
 Какъ хозяинъ лавочникъ купецъ,

Невѣстинъ отецъ,
 Не сладить съ сюртукомъ—
 Какъ онъ бьется, пыхтитъ,
 Застегнуться спѣшить:
 На распашку принять неучтиво!

А вотъ извольте посмотрѣть:

Какъ и наша невѣста
 Не найдетъ, сдуру, мѣста.

«Мужчина чужой!»

—Ой, стыдъ-то какой!

Никогда я съ ними еще не бывала,

Коль и придуть бывало!

Мать тотчасъ на ушко:

«Тебѣ дѣвушкѣ здѣсь не пристало!

Вѣкъ, въ свѣтличкѣ своей я высокой,

Прожила, проспала одинокой;

Кружева лишь плела къ полотенцамъ.

Гость заводитъ, чай, рѣчь:

Ай, ай, ай, срамъ какой!

А тутъ нечѣмъ скрыть плечъ:

Шарфъ сквозистый такой!

Все насквозь, на виду—

Нѣтъ, въ свѣтлицу уйду!

И, вотъ извольте посмотрѣть:

Какъ, наша птишка хочетъ улетѣть,

Да не тутъ-то было! умная мать

За платье ее хватъ!

И, вотъ извольте посмотрѣть:

Какъ въ другой горницѣ

Грозить новая картина горлицѣ.

Какъ женихъ толстый, бравый,

Крутитъ свой усь.

Я, де-скасть, до денежекъ доберусь!

Теперь извольте посмотрѣть:

Разныя висятъ по стѣнамъ картины,

Начинается съ середины.

Посреди висить—

Мужъ съѣдъ и именить,
Хозяинъ добродѣтель чтить!

А по сторонамъ висятъ двое—

Наши знаменитые герои:
Одинъ, батюшка, Кутузовъ,

Что первый открылъ пятки у Французовъ.

А Европа, сначала,
Ихъ не замѣчала!

Другой,
Герой,

Кульневъ, которому, во славу и честь,
Даже у Нѣмцевъ крестъ желѣзный есть.*

Вотъ извольте посмотрѣть:

Тамъ-же, на правой сторонѣ,
Пловайскій на ковѣ—
Казацкій хлопчикъ—
Французовъ топчетъ!

А вотъ извольте посмотрѣть:

На правой стѣнѣ: хозяйскій портретъ,
Въ золотую раму вѣтъ;
Хоть лицо и не схоже,
Да книжка похожа!
Значить грамотный!

А вотъ извольте посмотрѣть:

Подъ низомъ картины,
Около середины,
Сидитъ сибирская кошка:
У ней-бы не худо, немножко,
Нашимъ деревенскимъ поучиться:
Почище мыться!
Кошка рыльце умываетъ,
Гостя въ домъ зазываетъ.

А что, господа, чай утали глаза?
Не оставить-ли до другаго раза?

Извольте проститься и по домамъ расходиться.

* Кульмскій

Оедотовъ говорилъ эти стихи даже нѣкоторымъ зрителямъ на выставкѣ въ Москвѣ и здѣсь въ Петербургѣ.

Не смотря на признанное всѣми, несомнѣнное достоинство этой картины и, многихъ другихъ, нарисованныхъ около этого-же времени: Мышеловки, Художника въ старости, Послѣдствія пирушки и Горбатый женихъ, Оедотовъ не рѣшался еще ихъ представить на выставку петербургской академіи, а отправилъ на выставку художественнаго класса, въ Москву, куда, въ 1847 году, самого его призывали семейныя обстоятельства, «на самое короткое время», какъ онъ надѣялся и объявилъ друзьямъ своимъ», а между-тѣмъ, пробылъ тамъ четыре мѣсяца.

Недѣли черезъ двѣ, пріатели Оедотова получили отъ него письмо, всѣхъ ихъ обрадовавшее.

«Мои картинки производятъ фуроръ (писалъ онъ) и мы здѣсь помышляемъ устроить маленькую выставку изъ моихъ эскизовъ и конченныхъ работъ. Новымъ знакомствамъ и самымъ радостнымъ, теплымъ бесѣдамъ нѣтъ конца. Въ участіи моего отца и сестры-вдовушки первыя лица города приняли участіе; съ Божіей помощію, я надѣюсь, что ихъ обезпечать навсегда. Я рѣшаюсь полѣниться еще немножко, потому-что въ этой суматохѣ нельзя работать. Каюсь здѣсь, кетати, въ одномъ прегрѣшеніи: моя стихотворная бездѣлушка (стихотворный разсказъ: Сватовство) ходитъ по рукамъ и меня часто заставляютъ ее читать. Знаю, что вы меня выберете по пріѣздѣ; ну да ужъ дѣлать нечего!»

Разсказъ этотъ, который Павелъ Андреевичъ, изъ скромности, называлъ *бездѣлушкой*, принадлежитъ къ лучшимъ стихотвореніямъ покойнаго. Мы не можемъ не подѣлиться съ нашими читателями нѣкоторыми отрывками изъ этого прекраснаго, юмористическаго произведенія, и потому выписываемъ ихъ для желающихъ познакомиться также и съ музою талантливаго художника.

Авторъ представляетъ человѣка въ лѣтахъ, который, на досугѣ, задумался о разныхъ неудачахъ, и не знаетъ на что ему рѣшиться, для своего благополучія. Да, говоритъ онъ:

Вотъ другимъ везетъ, а я —
Знать такая колея!
Больше-ль знаетъ Пятюгрѣвъ,
Иль умнѣй меня Михѣвъ?
Ха, ха, ха... или Рубцовъ?
Вотъ глупѣйшій изъ глупцовъ!
А Зубаловъ съ красной рожей,
На говядину похожей?

А Бирмилхъ? А Муано?
 Вышли въ люди ужъ давно!
 одинъ лишь я..
 Дрянъ карьера вся моя!
 Всюду запятая, точки,
 Знать, рождень я не въ сорочкѣ!

Разсмотрѣвъ и обеудивъ все обстоятельства, герой приходитъ къ тому заключенію, что деньги всего болѣе способствуютъ къ счастью и восклицаетъ:

Деньги, деньги... счастья ключъ!
 Но постой! Надежды лучъ
 Несовѣзмъ угасъ покуда;
 Несовѣзмъ еще мнѣ худо!
 Дай-ка я за умъ возьмусь...
 Почему я не женюсь?..
 Да! женюсь, и на богатой..
 Дамъ щелчка бѣдѣ рогатой!
 Какъ богатой мнѣ не взять?
 Иль невѣсть богатыхъ мало?
 Иль во мнѣ что не достало?
 Чѣмъ не мужъ я, чѣмъ не зять?
 Что-жь? въ порѣ я; просто хватъ,
 Хоть немного толстоватъ—
 Это придаетъ почтенье!
 Хуже-жь, еслибъ былъ худой,
 Скажутъ: вѣрно, иль больной,
 Иль дурнаго поведенья!
 Что-жь? еще-ли для купчихъ
 Я не *сущій* кладъ женихъ?

Перебирая въ памяти своей всехъ выгодныхъ невѣсть, пожилой холостякъ вспомнилъ объ одной, которая болѣе ему по сердцу:

Кстати-жь, слышалъ, у Кулькова:
 У подрадчика лѣснаго,
 Ужъ назначенъ миллионъ
 Дочери...
 Когда-бы онъ

Отдавь мнѣ его!.. Не худо,
Право!.. Нечего зѣвать!—
Надо сваху засылать!
А потомъ—принарядиться
Поновѣй, понадушиться;
Можно и духовъ достать
И помады, хоть у франтовъ,
На все вычуры педантовъ;
Взять у нихъ-же, хоть на срокъ,
И батистовый платокъ,
Да часы—на случай, съ дочкой
Какъ придется говорить—
Пальцемъ баловать съ цѣпочкой
И носочкомъ такту бить.
И поднѣвъ серьезно взоры,
Вдругъ погромче въ разговоры,
Посмотрю тогда я, какъ
Мнѣ откажетъ мой *Кулакъ* *
Разъ, при мнѣ одинъ купецъ,
Мужа дочери смѣкая,
Какъ заботливый отецъ,
Все сословія сличая,
Вотъ что вывелъ наконецъ:
Выдать за купца—не худо;
Да, не худо—но покуда
Хорошо дѣла идутъ!
У кущовъ отъ оборота
Долго-ль дѣло до банкрота?
А коль чуть остерегись,
Съ капитальцемъ попримись,
Такъ бѣда—нѣтъ силетнямъ счета!
Только и звенить въ ухахъ:
«Что торговля де въ рукахъ
Наша вся у иноземцевъ:
Англичанъ, Французовъ, Нѣмцевъ
И что наши де купцы—
Просто сушіе слѣпцы!
Вотъ какъ хочешь и вертись!..

* *Кулакъ*—московское выраженіе; значить—скупецъ.

Впрочемъ, если попадися
 Зять почетный гражданинъ,
 Ну, тутъ есть уже и льготы...
 Впрочемъ, все-же обороты;
 То-ли дѣло дворянинъ!

Послѣ многихъ разсужденій, кандидатъ въ женихи обращается мыслью къ самому предмету своихъ надеждъ и говорить:

Слухи ходятъ о невѣстѣ
 Таковы, что ей не къ чести,
 Да она, быть-можетъ, тутъ
 Какъ ни въ чемъ—все Курозвионовъ
 Протрубилъ!.. охъ! я бѣ его!..
 У него вѣдь ничего
 Нѣтъ завѣтнаго... мотышка,
 Пустомеля, хвастунишка!
 Хуже нѣтъ его у насъ.
 А посмотришь, какъ подь-часъ,
 Носъ подыметъ, глазки съюзить,
Зафидонитъ, зафранцузить
 И съ презрѣніемъ на свѣтъ,
 Въ свой расколотый лорнетъ,
 По верхамъ глядитъ! О я-бы
 Вышколилъ его...
 Я довелъ-бы до резона,
 Я-бѣ ему убавилъ тона!
 Дурь-бы въ немъ поунилась!
 Вишь что сбредилъ: будто разъ
 Сваха вдругъ къ нему явилась,
 Увѣряя, что въ него,
 До безумія влюбилась
 Дочь Кулькова, и его,
 Было свахѣ порученье,
 Звать въ Пассажъ на воскресенье
 И обѣщанъ миллионъ!
 Будто-бѣ и поѣхалъ онъ...
 Да взглянулъ—ряба, въ веснушкахъ,
 Да въ такихъ, какъ-будто мушкахъ,
 Носа, глазъ не разберешь!
 Двадцать-пять на ней одѣжь...

Двадцать-пять!.. и всё на ватъ!..
Вотъ какая въ перехватъ!
Руки, плечи... но, скрѣпясь,
Онъ, на этотъ будто разъ,
Подмигнуль ей, для потѣхи.
Сваха видитъ: Есть успѣхи!
И скорѣй къ нему опять...
Тащить въ домъ представлять!
Будто былъ онъ у Кульковыхъ,
Да и тьму достоинствъ новыхъ
Тамъ онъ въ дочкѣ ихъ открылъ.
То-есть: что бы ни спросилъ —
Ни аза въ глаза не знаетъ!
Книгу въ руки разбираетъ—
По складамъ—не жди конца!
Вверхъ ногами и читаетъ,
Кличетъ *тятенькой* отца
Словомъ, ну, ужъ просто дура
На невѣсть карикатура!
Будто онъ поклонъ и вонъ,
Несмотря на миллионъ!
Видишь—партіей такую
Онъ разсорился-бъ съ роднею!
..... Ухъ нахаль!
Словомъ, столько онъ болталъ,
Лгаль по поводу Кульковыхъ,
Столько фразъ про нихъ суровыхъ
Разызволилъ распустить
И зачѣмъ все? Чтобъ отбить
Всѣхъ другихъ, кому жениться
Вдругъ охота разгорится;
Чтобы тотъ, попавъ къ нимъ въ домъ
Не развѣдалъ-бы о немъ!
Ужъ конечно-бъ осмѣяли,
Какъ узнали о скандалѣ,
Съ каковымъ его Кульковъ
Самъ прогналъ! А отъ долговъ...
Самъ за все ужъ онъ хватался
И къ Кульковымъ подбирался.
Отъ чего-же бредилъ онъ,

Что какой-то миллионъ
 Скоро, гдѣ-то, онъ достанетъ,
 Всѣхъ купать въ шампанскомъ станетъ!
 Бредилъ мѣсяцъ или два,—
 Знать надѣялся сперва!..
 И тогда, про домъ Кулькова
 Никому изъ насъ ни слова.

А Кулькова, пусть красною
 И не славится большою...
 Да въ красѣ вѣдь прока нѣтъ.
 Будь она хоть маковъ цвѣтъ,
 Будь теперь хоть розанъ—все-же
 Будетъ вѣрно, въ сорокъ лѣтъ,
 На ровестницъ всѣхъ похожа!
 Всѣ равны, а той лишь честь,
 У которой деньги есть,
 У кого попить, поѣсть!
 Гдѣ хорошъ обѣдъ и вины,
 Гдѣ на славу, въ имянины,
 Въ праздники, пиры даютъ—
 Всѣ туда съ поклономъ лнуть...
 И кого, кого тутъ нѣтъ?
 Штука важная обѣдъ!..

Рѣшившись окончательно жениться, герой разсказа призываетъ къ себѣ Сидора и говоритъ ему:

Сидоръ! за Панкратьевной скорѣе...
 Ну, что свахою слыветъ.
 Знаешь, гдѣ она живетъ?
 Мнѣ сыщи ее, гдѣ хочешь.
 Ты не даромъ прохлопочешь.
 Да смотри не будь глупцомъ!
 Баба станеть обо всемъ,
 О житьѣ-бытьѣ моемъ,
 У тебя освѣдомляться —
 Такъ прошу-же не поддайся!
 Первое, что спросить: чинъ?
 Отвѣчай, что господинъ
 Хоть не важенъ моль, покуда,
 Но что въ годъ, моль, худо, худо

Будеть полный генераль.
 Увѣрай, что не совралъ...

 О достаткѣ рѣчь зайдетъ —
 Не проврись, смотри, про нашу
 Вѣчную со щами кашу,
 А скажи: на дняхъ умретъ,
 Ну—хоть дядя, молъ, богатый,
 Что огромныя палаты,
 Что заводовъ, деревень
 И всего не счесть и въ день.
 Все, чѣмъ заживо онъ править,
 Что, молъ, все онъ мнѣ оставитъ,
 Что наследникъ, молъ, одинъ
 У него мой господинъ!
 Что, молъ, добръ... и я пока
 Въ жизнь не слышалъ дурака!

Тутъ будущій женихъ, замѣтивъ, что Сидоръ, какъ-то съумѣлъ подбить себѣ глазъ, совѣтуетъ ему затереть его чѣмъ-нибудь, взять на его счетъ въ аптекѣ лекарства, бранить его за небрежность и прибавляетъ:

Да и весь ты, точно блинникъ,
 Весь засаленъ, все въ дырахъ!
 Это въ счетъ идетъ у свахъ!
 Гдѣ-бъ достать все поновѣе?
 У кого-то есть ливрея—
 У женатыхъ? Попрошу!
 Дай, записку напишу...
 — На!

Да, кетати, подстригись,
 Вишь, какъ-пудель.

Наговоривъ еще очень многое, что Сидоръ долженъ говорить въ его пользу, женихъ прибавляетъ, чтобы онъ еще дополнить, что въ трудныхъ дѣлахъ:

Смотришь, пруть къ намъ за совѣтомъ;
 — Баринъ, молъ, все первый въ этомъ.

И, моль, диво-ли, когда
 Въ ротъ хмѣльнаго никогда!
 Даже трубочки не курить,
 Картъ и въ руки не беретъ!
 А гостей коль соберетъ —
 Съ ними только балагурить;
 Да и то, коли, тогда
 Чуть о дѣвушкахъ пескомно
 Молодежь завретъ—бѣда!
 Для него и то скромно!
 Въ обхожденьи ласковъ, простъ...
 Бѣдныхъ любить, богомоленъ,
 И что имъ, весь свѣтъ доволенъ
 И что, кажется, его,
 Ужъ не знаю для чего,
 Высоко куда-то прочать,
 Это всё ему пророчать...
 Что красивая одна,
 Пребогатая княжна,
 Къ намъ ужъ сваху засылаетъ.
 Вишь ужасно влюблена
 Въ барина... Да пусть страдаетъ!
 Баринъ свисни, такъ невѣстъ
 Налетитъ со всякихъ мѣстъ—
 Выбирай себѣ любую!
 Да не хочеть! Нѣтъ, ужъ онъ
 Выбралъ сердцу дорогую.
 Съ годъ, моль, день и ночь, ему,
 Все вертится на уму
 Дочь какого то Кулькова...
 Можетъ-быть, моль, нѣтъ такова?
 А межъ тѣмъ:
 Кульковъ, Кульковъ!..
 — Затверди ты это слово,
 Тутъ вѣдь нѣтъ пѣмецкихъ словъ,
 Трудныхъ такъ для русаковъ.
 Помни про кулекъ—не сбейся;
 Будешь говорить—не смѣйся,
 Увѣрай, что, по почамъ,
 Часто бредъ мой слышалъ самъ.

— Вдругъ, молъ, вскрикнуть:

О, Кулькова!

О, мой милый другъ!

И, снова,

Прихрапнетъ; потомъ опять...

Да вѣдь, за ночь-то—разъ пять,

Какъ въ горячкѣ!.. Утромъ встанетъ

Такъ, глядишь, на немъ, лица нѣтъ.

Просто страхъ меня беретъ!

Такъ и жди: съума сойдетъ!

Ну, потеря! Спать пожалуй,

У кого умишко малый

А вѣдь, онъ-то, по уму

Не спустил-бы никому.

Также совѣтуетъ онъ намекнуть, что къ нему прѣзжаютъ самые умные люди и просятъ:

А ужь друга не оставь.

Сочиненье мнѣ поправь...

Съ ними онъ на ты...

То-есть просто, какъ друзья...

Значить *умъ*! А нынче я

Очень за него боюсь,

И тебѣ, молъ, поклонюся

Въ ножки, добрая моя.

Ты судьбой людскою мечешь,

Холостую скуку лечишь

И безденежья недугъ

Лечишь ты, такъ будь намъ другъ!

Принеси и намъ лекарства!

Понялъ, Сидоръ? Ну, смотри,

Бабѣ ты очки вотри!..

Ты, я знаю, какъ захочешь,

Хоть кому на шею вскочишь.

Ты, я знаю, братъ, не глупъ...

Тутъ холостякъ напоминаетъ Сидору о его изворотливомъ умѣ и находчивости въ трудномъ положеніи и поощряетъ его къ ревностному исполненію порученія похвалой и обѣщаніемъ.

Ты всегда соврешь прѣскладно!
 Такъ поди-же, хлопочи.
 Тутъ, вѣдь, есть могарычи!
 Какъ женюсь, разбогатѣю,
 Я, тебя, мой другъ, пригрѣю,
 И наградою заслугъ,
 Ужъ не старый архалукъ,
 Какъ теперь, тогда придется...

Сидоръ идетъ и въ точности, съ тонкостью и смѣтливостью, исполняетъ порученіе жениха.

Нужно было слышать стихотворный разсказъ этотъ изъ устъ самого, покойнаго, Павла Андреевича, чтобы отдать полную справедливость его произведенію, которое онъ никогда не хотѣлъ окончательно, какъ слѣдуетъ, отдѣлать. Онъ мастерски умѣлъ читать, не только свои, но и чужіе стихи. Тактъ былъ у него необыкновенный и ему позавидоваль-бы въ этомъ дарѣ, любой, опытный декламаторъ. Знакомство съ Иваномъ Андреевичемъ Крыловымъ развило въ Федотовѣ охоту попытаться также и въ баснѣ. Заговоривъ уже разъ о *Музѣ* нашего русскаго Гогарта, считаемъ обязанностью представить здѣсь также и нѣсколько образчиковъ его басенъ. Всѣ онѣ не вылощены и неотдѣланы, но все-таки имѣютъ литературную цѣну и большой художественный интересъ, какъ по мысли, такъ и по своему нравственному направленію. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ, сохранившіяся въ цѣлости.

ДВА ЦВѢТКА. *

Нужно замѣтить, что поводомъ къ этой баснѣ послужила задуманная Федотовымъ картина «Выпускъ институтки». Проникнутый глубокой, благоговѣйной благодарностью за свое воспитаніе въ корпусѣ, Федотовъ желалъ изобразить, какъ въ своей баснѣ, такъ и въ картинѣ, всю важность для семейнаго счастья воспитаніе дѣтей подъ Высокимъ, Августѣйшимъ попечительствомъ, воспитанія, лучше котораго Федотовъ не предполагалъ нигдѣ, въ такомъ правильномъ и глубоко-нравственномъ порядкѣ, въ какомъ оно существуетъ у насъ.

«На этой картинѣ, которой нѣжный и трогательный сюжетъ не нуждается ни въ какихъ поясненіяхъ, Федотовъ имѣлъ въ виду изобра-

* Сочиненіе это было напечатано въ фельетонѣ газеты «Русскій Инвалидъ.»

зять сотни дѣтей и взрослыхъ дѣвушекъ, но изобразить такъ, чтобы зрителю эти дѣти и взрослые дѣвушки казались какъ-будто существами знакомыми и гдѣ-то видѣнными. На приготовительныхъ его трудахъ, по этому случаю, можно было усмотрѣть, дѣйствительно, изобиліе женскихъ и дамскихъ типовъ, начиная отъ здоровой кудрявой рѣзвухи до задумчивой дѣвушки, и отъ граціозной малютки до совершенно развитой дѣвицы, въ полномъ цвѣтѣ правильной и строгой, даже нѣсколько холодной красоты. Такъ-какъ Оедотовъ былъ знакомъ во многихъ семействахъ и могъ, время отъ времени, ѣздить въ институты, за оригиналами не могло быть остановки: но гдѣ-же надлежало скопировать *мѣсто дѣйствія*: большую залу съ колоннами, кроватями и освѣщеніемъ отъ безчисленныхъ оконъ? Эту обстановку и освѣщеніе потребно было имѣть предъ глазами каждую минуту, иначе трудно схватить надлежащій эффектъ свѣта. Подумавъ немного, нашъ художникъ, рѣшился въ своей комнатѣ устроить себѣ институтскую залу съ помощью картона, палочекъ и глазированной бумаги. Около двухъ недѣль онъ сидѣлъ, размѣрялъ по масштабу, клеилъ, раскрашивалъ и рѣзалъ, и наконецъ, плодомъ его усилій вышла большая бѣлая коробка съ прорѣзанными окнами; внутри коробки, открытой съ боку, помѣщались бѣлыя колонны и рядъ кроватей. Каждая колонна обклеивалась бумагой подъ мраморъ; каждая кровать отдѣлялась какъ-будто для игрушки.

А между-тѣмъ исполненіе этой картины было почему-то отложено Оедотовымъ и осталась на память о ней только одна басня, которую авторъ посвятилъ въ рукописи институткамъ. Вотъ она:

Отъ разныхъ сѣмячекъ два равные цвѣтка
Весною, юные, изъ общаго горшка,
Въ разсадкѣ, участію разрознились своею.
Быть-можетъ, случай виновать!

(Намъ слово «случай» просто кладь!)

Одинъ попалъ, въ куртицу, въ садъ,

Другой—въ оранжерею.

Друзья, прощаясь, обнялись.

Головушки свои склонивъ уныло внизъ,

Другъ, на друга, росинку

Скатали, какъ слезинку.

И вотъ оранжерейному цвѣтокъ садовый говоритъ:

«Какую рокъ тебѣ сулить

Въ оранжереѣ злую долю.

Ты въ душную идешь неволю!

Какой тамъ воздухъ!
 Нѣтъ, вотъ мнѣ,
 На вольномъ воздухѣ, совсѣмъ другое дѣло!
 Посмотришь: бабочекъ-красотокъ налетѣло,
 Да и не бабочки однѣ...
 Какъ будетъ весело мнѣ съ ними!..
 Тебѣ-жъ такихъ утѣхъ, конечно, не видать.
 Ты, правда, будешь въ холѣ,
 И, по неволѣ,
 Тебя заставятъ тамъ пышнѣе разцвѣтать.
 Да натурально-ль это?
 Къ чему-же и весна и лѣто?
 Ужели, чтобы ихъ въ затворѣ просидѣть?
 Сквозь рамы грязныя на Божій мѣръ глядѣть...
 Увы!
 Запуганный неволею, смутился
 Оранжерейный мой цвѣтокъ;
 Но дѣлать нечего! Унылый, въ уголокъ,
 Въ оранжереѣ помѣстился,
 А братъ его, въ своемъ прославленномъ саду...
 Посмотримъ, кто гдѣ—на бѣду?
 Конечно всѣмъ извѣстно:
 Въ оранжереѣ душно, тѣсно,
 Но только въ непогоды тамъ,
 Цвѣткамъ,
 Чудесно,
 Тепло,
 Свѣтло,
 Кругомъ закрыто!
 Чуть вѣтеръ съ сѣвера сердито
 Подуй на садъ—
 Въ саду цвѣтокъ ужъ недоволенъ;
 Подуй еще—цвѣтокъ ужъ боленъ;
 Ужъ пострадалъ его и блескъ и аромать;
 Но вотъ напалъ,
 Губитель шкваль...
 Въ теплицѣ только потемнѣло,
 Да въ окна загудѣло;
 А бѣдный садъ?
 А бѣдный братъ?

Неопытный не зналъ тогда про непогоду,
 Когда хвалилъ свою открытую свободу,
 И отъ нее-жь погибъ!

А незнакомый съ ней,
 Нашъ узникъ, разцвѣталъ милѣй все да милѣй,
 И такъ разцвѣлъ красиво,
 Что просто диво!

Пошла о немъ молва и наконецъ,
 Земныхъ удачъ вѣнецъ,
 Онъ даже взятъ былъ во дворецъ.
 И, счастливый вполне своей судьбою,
 Онъ помирился съ ней, забывъ свой тяжкій трудъ,
 И, за терпѣнье самъ доволенъ былъ собою.

Но не въ терпѣньи *штука* * тутъ!
 Въ красѣ цвѣтка, скорѣй садовникъ виноватъ;
 Вѣдь онъ его укрылъ отъ бурь, въ оранжереѣ,
 А къ выводу скорѣе,
 Весь міръ, нашъ садъ!

Цвѣточки-жь, дѣвицы, тепличныя, для шутки,
 Пусть назовутся институтки.

Садовникъ-же, Котораго ихъ долгъ боготворить,
 Объ имени Его не стану говорить!
 Но такъ-какъ съ чистыми онъ еще душами,
 Съ рукою на сердца—пусть отгадаютъ сами,
 Иль спросятъ маменекъ своихъ.

Иныя-жь, можетъ быть, изъ нихъ
 Бывали за границей
 И много видѣли онъ

Завиднаго въ чужой, хваленной, сторонѣ;
 Но всюду-ль Царь съ Царицей,
 Такой заботливый пріютъ
 Сироткамъ подданнымъ даютъ?..

За этой басней слѣдуютъ прочія, которыя были написаны Федотовымъ и всѣ его стихотворенія, въ разныхъ родахъ, во время его отъѣздовъ, отъ художественныхъ занятій. Почти всѣ онъ не вполне отбланы.

* *Штука*, любимая поговорка Федотова

САДОВНИКИ.

Все во-время свое беретъ!
Быть дорогимъ всему чередъ,

Когда что надо.
Садовникъ, школенный на англійской манеръ,
Для разведенья парковъ, скверъ,
Изъ своего превычурнаго сада
Въ простой фруктовый садъ зашелъ,

Да глазомъ какъ кругомъ обвелъ—

Смутился!

Такъ глазъ его къ дорожкамъ приучился,
Къ ихъ красноватому песку,
Къ обстриженному дерну по шнурку,
Гдѣ по аллеямъ въ грунтъ,
Ровнѣй солдатъ во фрунтъ,
Стоять подстрижены деревья и кусты;
Гдѣ всюду столько чистоты,
Не говоря ужъ про цвѣты!

А этотъ, безъ толку, деревьями засаженъ;
Гдѣ между нихъ—аршинъ,—гдѣ сажень;
Подбора вовсе нѣтъ породъ:
Тамъ вишня между грушъ растеть,
Тутъ между яблонями—слива...
Все въ безпорядкѣ, какъ пришлось,
Вездѣ неряшество, навозъ,—
Куда—какъ некрасиво!..
То подпертой тычиной сукъ,
То самъ хозяинъ, какъ паукъ,
Оплелъ все дерево сѣтями,
Не лада, видно, съ воробьями...

«Ну ужъ садъ!..»

Сказалъ нашъ садоводъ, съ хозяиномъ столкнувшись,

«Забрался я къ тебѣ, любезный, да не радъ!

Ходить совсѣмъ нельзя, тутъ лазѣй все, нагнувшись;

Дорожекъ нѣтъ; въ глаза торчатъ

Сучки, листья! тутъ съ раза

Иль ногу вывихнешь, или уйдешь безъ глаза!

А звалъ еще смотрѣть!.. нѣтъ, въ нашемъ, хоть танцуй!..

«Толкуй себѣ, толкуй!»

Хозяинъ отвѣчалъ, твой садикъ, точно, заглядѣнье;
А мой хоть некрасивъ, нечистъ,
За-то ужъ объяденье!

По осени, убравъ свой желтый листъ,
Приди ко мнѣ опять — дамъ фруктовъ и варенья!»

Не унывай артистъ,

Что все въ тебѣ, для свѣта моднаго шершаво;

За-то подь-часъ, за твой талантъ

Тебѣ и самый модный франтъ,

Завидуя, воскликнетъ: «Браво!»

Право!..

Въ слѣдующей за этой баснѣ Оедотовъ нападаетъ на пагубную
страсть: становится выше своего состоянія

К О Н Ъ.

Рабочій конь, мужицкій, въ полѣ

Гулялъ, который уже день,

На волѣ.

Не то, чтобъ мужику работать было лѣнь,

Не то, чтобъ *хворь* его постигнула какая;

Нѣтъ; цѣль у мужика была, и не пустая:

Къ базарному, на Конной, дню

Онъ отъѣдаться далъ коню.

Онъ слышалъ, что кони едва-ли

Не вдесятеро вздорожали:

Скупаютъ на походъ.

«Когда-бы вдесятеро, думаетъ онъ, дали,—

Продать расчесть:

Оброкъ, запасы, все вѣдь это покрываетъ—

До будущей весны валяйся на печи,

Не мучайся, не хлопочи.

И вотъ нашъ конь гуляетъ

Да травку подъѣдаетъ.

Гуляли тутъ и барскіе кони;

Онъ съ ними подружился

И кой-чего отъ нихъ наслушался, понавострился,

И также, какъ они,

Онъ, и маршь-маршемъ, и галопомъ

И рысью скачетъ на лугу,

И гордо шею гнетъ въ дугу.
 Но какъ всегда былъ *остолопомъ*
 И какъ отказанъ былъ походъ,
 Мужикъ опять его ведетъ,
 Изъ образованнаго круга,
 И съ изумруднаго роскошнѣйшаго луга,
 Къ свиньямъ, на топкой дворъ, домой,
 Знакомить вновь съ телѣгою, сохой и бороной.
 «Ну!» говоритъ хоть даромъ время пролетѣло,
 Хоть ждалъ большой достать барышъ,
 А вышла шить,
 За-то теперь моя лошадка раздобрѣла,
 Какъ примется за дѣло,
 За тройку вынесетъ теперь!
 Вернемъ прогуль!» Но на свободѣ звѣрь—
 На сколько врознь раздался—
 На столько-же избаловался;
 Насилу впречь въ оглобли дался.
 Мужикъ возжами хлопъ:
 «Ну! ну!» а конь въ галопъ!
 Мужикъ здоровый былъ дѣтина;
 Случись при нёмъ дубина,
 Онъ осадилъ коня и ну его лупить,
 Что только мочи есть, чтобъ разомъ умирить
 Конь на дыбы; тотъ пуще бить;
 Конь тоже пуще самъ ужъ сталъ брыкаться.
 Все больше, больше оба злятся...
 Конь въ пѣнѣ весь и такъ лягнулъ,
 Что дядя больше недохнулъ!..
 Баснь эту право-бы и пояснять не надо,—
 Что за отрада!
 Не худо-бы ее прочесть отцамъ,
 Особенно разжившимся купцамъ;
 Когда въ учености сынки ихъ стануть бойки,
 Попробуй объединить опять
 Да взять,
 Ихъ къ стойкѣ!..

Слѣдующею баснею Федотовъ хотѣлъ изобразить художника, у ко-

• *Остолопомъ* называютъ невѣжду необтесаннаго.

тогого нѣтъ средствъ окончательно образовать себя, и который, поэтому, долженъ оставаться въ тѣни и неидти дальше посредственности.

ПЧЕЛА И ЦВѢТОКЪ.

Гуляя по свѣту, конечно, за медкомъ,
 Пчела влетѣла въ домъ
 Затѣмъ, что тамъ, въ окнѣ одномъ
 Она замѣтила горшочки
 И въ тѣхъ горшкахъ цвѣточки...
 Ну, какъ не залетѣть?
 Гдѣ до любимаго коснется,
 Нетолько-что пчеламъ, да и людямъ неймется,
 Любимое хотъ въ щелку поглядѣть —
 И то отрада.
 А тутъ пчелѣ цвѣты—чего жъ ей больше надо?
 Къ тому жъ людскій, разборчивый и прихотливый родъ
 Цвѣтовъ дурныхъ къ себѣ въ хоромы не берѣтъ.
 А изъ отличныхъ все народъ;
 Хотъ и на взглядъ изъ нихъ иной не такъ пріятенъ,
 Такъ ужъ навѣрно ароматенъ.
 И подлинно, пчела
 Въ дому одинъ цвѣтокъ породистый нашла,
 Да только не въ родню; онъ что-то росъ такъ бѣдно
 И цвѣлъ такъ блѣдно,
 Что было не на что взглянуть.
 Пчела подумала: «попробую нюхнуть;
 Авось, утѣшусь ароматомъ,
 Хотъ тѣмъ попользуюсь въ дому богатомъ».
 Но что-же? и того
 Не оказалось у него!
 Пчелу раздумье взяло:
 «Земля, что-ль, подъ тобой, цвѣточекъ, отошала?»
 Подумала она и внизъ сползла:
 Земля хорошая была
 И полита какъ надо!
 Трудолюбивую пчелу взяла досада!
 (Кто самъ трудолюбивъ,
 Къ бездѣйствію другихъ ужасно щекотливъ—
 Сейчасъ подумаетъ, что вѣрно тотъ лѣнивъ.)

И, приписать все лъни,
 Пчела укуры, шъни
 На хилаго цвѣтка
 Посыпала, какъ изъ мѣшка:
 «Уродь!.. жужжить она, позоръ своей породы!
 Ты знаешь, какъ ее повсюду чтутъ народы?
 А ты?..» Тогда цвѣтокъ уныло отвѣчалъ:
 — «Блаженъ, когда-бы я объ этомъ и не зналъ!
 Желаньемъ не томясь, и къ цѣли равнодушный,
 Я, можетъ, лучше-бъ цвѣлъ и въ этой сферѣ душевной..
 Окно на сѣверь, здѣсь, любезная! взгляни!..
 Насупротивъ стѣна!.. и я всю жизнь... *въ тьни*.
Въ тьни! межъ тѣмъ, порой изящества начало
 Въ душѣ про сладкое, про что-то, мнѣ шептало,
 И вмѣстѣ съ тѣмъ, увы!—Тогда-жъ казалось мнѣ,
 Что что-то здѣсь, въ моемъ окнѣ
 Тотъ сладкій шопоть заглушало!
 Но я тогда еще былъ малъ,
 Неясно это понималъ,
 И росъ, какъ всѣ!.. Когда-жъ, съ явленьемъ почекъ,
 Всѣ прокричали: *вотъ цвѣточекъ!*..
 Тогда широкая молва,
 Души неясныя слова,
 Собой мнѣ пояснила;
 Я понималъ, чѣмъ меня природа одарила,
 Какой блестящій мнѣ дала она удѣлъ!
 За нимъ, достичь его, желаньемъ полетѣлъ;
 Душа лишь средствъ къ развитію искала,
 Но въ нихъ, увы! судьба мнѣ, вовсе, отказала!..
 Я жажду солнца, но оно
 Въ мое не жалуетъ окно!..
 Желанья жаркія «желаньями» остались,
 Отъ безнадежности, лучи ихъ къ центру сжались,
 И спертый жаръ во мнѣ, какъ ядъ, теперь палитъ
 И весь составъ мой пепелитъ!..
 Такъ не дивись пчела, что я цвѣту такъ вяло,
 И не брани меня, не разобравъ, за лънь:
 Ничтожности моей начало
 Тѣнь!»
 Талантъ! проси, чтобъ счастья солнце,

Въ твое оконце,
Взглянуло иногда;
Иначе, какъ цвѣтку, въ тѣни тебѣ бѣда!..

Почти одна и та же мысль развита въ басни: «Тѣнь и Солнце» съ тою только разницею что Федотовъ старается доказать, что истинному дарованію тѣнь отъ обстоятельствъ ни почемъ.

ТѢНЬ И СОЛНЦЕ.

Давно, когда-то, отъ боговъ,
Не знаю, кажется, посредствомъ облаковъ,
Сообщено на солнце было отношенье:
«Что на него къ богамъ съ земли пришло прошенье,
Что будто-бы оно
Не грѣть всѣхъ равно;
А солнце, кажется, на то и создано!
Что на земли цвѣтки иные не отъ лѣни
Цвѣсти не могутъ, а отъ тлѣни;
Нельзя-ли какъ-нибудь исправить это зло?
И солнце разъ пятьсотъ прошло,
И со вниманіемъ со всѣхъ сторонъ глядѣло
Это дѣло,
Желая угодить богамъ;
Да только что, въ бумагахъ тамъ,
Одно изъ главныхъ словъ такое было слово,
Которое для солнца вовсе ново...
И солнце стало въ пень;
То слово было: тлѣнь.
Ну, разумѣется, сейчасъ за лекейкономъ
Академическимъ, и въ ономъ,
Открывши съ словомъ «Тѣнь» листокъ,
Понявши съ первыхъ строкъ,
Намѣкъ
На недостатокъ свѣта,
Вскричало солнце: «Вздоръ все это!..
Гоняя землю вѣкъ на кордѣ кувыркѣ,
Я знаю всю ее кругомъ.
И въ жизнь не видѣло ни одного предмета,
Чтобъ свѣта не было на немъ!»
И вотъ лучи его съ полудня засвѣтили

И равнымъ свѣтомъ всѣ предметы озарили:
Все стало ясно и свѣтло!..

«Ну! Солнце говорить, отъ сердца отлегло!

А то и въ правду было-бъ стыдно,

Что если отъ меня кому-нибудь обидно;

Что если бы уже и мой

На вещи взглядъ былъ не прямой!

И только съ добротой моею,

Я не жалю,

Что опытъ дѣлаю, хотя по пустякамъ!

За то теперь ужъ, явственно доказано богамъ

Что это слово *тльн* лишь выдумка пустая,

Для пополненья словарей!..»

И жалоба земная,

За недостаткомъ смысла въ ней,

Назадъ отправлена скорѣй.

Кромѣ этихъ басенъ, Павелъ Андреевичъ написалъ еще басню «Усердная Хавронья», въ которой, подражая первое время Крылову, онъ хотѣлъ перефразировать въ иной формѣ его басню «Пустынникъ и Медвѣдь» и очертить невыгоды необдуманной поспѣшной услуги. Басня эта была, кажется, написана въ 1843 или 1844 году.

УСЕРДНАЯ ХАВРОНЬЯ.

Не далѣе, какъ въ нынѣшнемъ году;

Въ одномъ саду,

Любимая изъ барыниныхъ дочекъ,

Лѣтъ четырехъ, сама цвѣточекъ,

Хотѣла розанчикъ сорвать;

Да позабывши про колючки,

Съ разбѣга, хватъ—

И ободрала ручки!

Ай, ай!

Швырнувши прочь цвѣтокъ,

Бѣдняжка зарыдала.

На звонкій голосокъ

Мамаша прибѣжала.

Увидѣвши въ крови любимое дитя

Перепугалась не шутя;

Сейчасъ ребенка подхватила,

Лечить въ хоромы потащила...
 Ребенокъ на рукахъ у матери реветъ,
 Колючки острыя кланетъ,
 За нимъ и мать вопить, колючки проклиная.
 «Вотъ я ихъ!» говоритъ, ребенка утѣшая,
 Колючки гадкія! вишь смѣли обижать
 Малюточку мою! Сейчасъ ихъ всѣхъ содрать.»
 Конечно все лишь это были прибаутки

Для шутки,

Отъ истинной любви къ малюткѣ,
 Хавронья-жь, горничной, случись вблизи стоять—
 Привыкши вѣкъ свой все буквально понимать,
 Хавронья, и на этотъ разъ,
 Все поняла за истинный приказъ;

Хоть очевидно —

Для сада будетъ преобидно.

Хоть говорится иногда:

Спрось не бѣда,

Не ослушанье—

(Вѣдь ухо можетъ измѣнить)

Сомнительное приказанье

Не грѣхъ, подь-часъ, переспросить.

Иль, въ знакъ сомнѣнія, хоть за ухомъ почешешь:

За что-жь, моль, иль себя, или господъ опѣшишь?

Лишь стойтъ быть чуть-чуть съ умомъ.

Но бабы какъ-то слабы въ немъ!

Хавронья-жь, добрая, была за-то такая,

Что общите цѣлый свѣтъ —

Подобной вѣтъ!

А потому, припоминая,

Что этотъ плачь и вой

Въ дому отъ иглъ ужъ не въ первой,

Ей было по душѣ скорѣй бѣду исправить,

Чтобъ и впередъ дитя отъ бѣды избавить

И дому барскому усердье показать.

(Хорошія дѣла откладывать ненадо:

А можетъ, будетъ и награда!)

Давай сейчасъ въ саду колючки оскребать!

Обчистивъ розы, отправилась въ шиповникъ,

Потомъ въ крыжовникъ,

Въ малину сочную—вездѣ колючки есть!
 На все колючее позволила насѣсть.
 Съ колючками кой-гдѣ и кожу всю содрала
 И неколючее вокругъ все перемяла:
 Черезъ недѣлю все повяло!..
 Кодотья не чѣмъ!.. Бабѣ честь!
 Зато, понюхать иль поѣсть,
 Въ саду бывало прежде густо,
 А нынче — пусто!..

Чтобы показать всю юмористическую способность Фодотова и его про-
 ническій взглядъ на всѣ вещи, приведемъ въ примѣръ слѣдующее его
 стихотвореніе подъ названіемъ:

Г А С Т Р О Н О М Ъ .

(Габеръ-супъ.)

Посажень былъ одинъ больной на габеръ-супъ;
 А нашъ больной любилъ покушать,
 И потому рѣшилъ, что докторъ глупъ,
 Не знаетъ самъ толкнуть ни въ зубъ
 И что его опасно слушать.
 «Ну натурально-ли? Я ѣлъ всю жизнь борщи
 Да щи,
 Тарелки по двѣ, по три, часомъ
 Все съ мясомъ,
 Да кашки тутъ-же подвалишь,
 А передъ тѣмъ еще желудокъ раззудишь,
 Тарелочекъ съ пяти солененькой закуской.
 При этомъ, водочка, конечно... и графинъ,
 Глядишь, проклятый, не одинъ!
 И кюммель—вещь хорошая, да не дурень и джинъ;
 Полакомишь языкъ и сладенькой французской
 Да не обидѣть же и нашей чисто-русской...
 По всѣмъ, невольно, обойдешь,
 Да кулебякою обѣдать и начнешь
 И вотъ—тогда горячее!
 А дальше, солоника,
 Ветчинка, буженинка,
 Съ хрѣнкомъ, горчишкой, чеснокомъ;
 И ломтики притомъ,

(Не стоитъ брать бездѣлку)

Въ два пальца толщины, величиной въ тарелку.

На все, и передъ всѣмъ, конечно, хересонъ,

Или пиво, иль водочка, или простой квасокъ,

Невольнo какъ-то пьется.

Въ желудкѣ-то, глядишь, понаберется...

А все еще конецъ далекъ!

Сычугъ да порося, да бокъ бараній съ кашей,

Съ капустой гусь, да жирный каравай —

Лишь только подавай!

И всѣмъ, что основательно есть только въ кухнѣ нашей,

Бывало, всѣмъ напнешься вдругъ;

Какъ барабанъ желудокъ тугъ;

Да вѣдь не бралъ недугъ!

Въ холеру даже—ни... бурчанья не случилось;

Ужъ значить, такъ моя натура приучилась.

Такъ долго-ль, на одномъ, на сулѣ усидишь?

Ну, вотъ, поди-жь!

И хоть бы что болѣло,

Другое дѣло:

Грудь или что-либо изъ живота,

Иль рта.

Всего распухли только ноги,

И то лишь около ступней;

Желудокъ за верету—я-жь воду только пей,

Чѣмъ виновать онъ? Больно строги,

Да не безъ умысла-же эти доктора:

Хотятъ себѣ добра.

У нихъ есть правило: тѣмъ болѣе извѣстности получишь,

Чѣмъ долѣ больного мучишь.

Вотъ какъ замѣтить, что больной

Хорошій будетъ податной,

Сейчасъ его дѣтвой,

Докучной этой,

Разслабивши, свалить,

И запасенъ визитъ!

На узкомъ, длинномъ лоскуточкѣ

Каракулекъ какихъ-то, двѣ, три строчки

Наковырялъ тебѣ ему—тутъ и давай,

И именно въ такую-то аптеку посылай,

А вѣтъ чтобы примочки,
Какой-нибудь, иль пластырь даль.

Разъ взялъ—

И кушай, что угодно;
Вотъ это-бъ было благородно!

А то, визитами, аптекой разорить

И, можетъ-быть, на вѣкъ, испортить аппетитъ!

Да въ силахъ-ли еще стерпѣть его леченье?

Въ постели пролежать, положимъ, не мученье,

Да только сытому. А въ томъ-то и бѣда,

Что кушать только супъ... А это-ли ѣда?

Супъ, что?—Вода!

А габеръ—еще вдвое хуже:

Вода изъ мутной лужи!

А отъ воды одной,

Естественно, дойдешь, какъ разъ, до водляной;

А передъ ней еще, все чувствуй голодь, голодь:

Бррр!.. Вспомнишь—пробираетъ холодъ,

Тогда-какъ, столько тутъ скопилось имяннйв

Рожденій, похоронъ, крестинъ...

И все у тѣхъ людей, что славны поварами;

Когда и масляница то жъ не за горами.

Уже-ль не ѣтъ блиновъ?

Вотъ, какъ наступитъ постъ, и я начну поститься,

Пожалуй стану и лечиться,

Но только не у докторовъ:

Они, по мнѣ, опаснѣе враговъ

И самыхъ скрытыхъ, страшныхъ—

Враговъ домашнихъ!

Пріѣдутъ—отказать!

«Что, баринъ молъ, здоровъ!»

Въ передней, не снимая шубы,

Съ улыбкой искрививши губы,

И двери отворя,

Не говоря,

Худаго слова

Шепните, чтобъ сказали снова:

«Карета, сударь молъ, готова!»

Безпечность Федотова и невниманіе, которое онъ оказывалъ къ

своимъ литературнымъ произведеніямъ, не позволяютъ помѣстить здѣсь всего, что онъ написалъ: многое находится, вѣроятно, въ чьихъ-нибудь рукахъ и, между прочими, два его замѣчательныя стихотворенія: «Признаніе въ любви молодой дѣвушкѣ» и «Тарпейская Скала». Особенно замѣчательно послѣднее, по своей отдаленности и по формѣ, въ которую художникъ облекъ это стихотвореніе. Кромѣ стихотвореній серьезныхъ, Оедотовъ любилъ писать и романсы, самъ клалъ ихъ для пѣнія на музыку и пѣлъ своимъ звучнымъ и пріятнымъ голосомъ—или играя на своей любимой гитарѣ, дома, или на фортепьяно, въ знакомыхъ ему домахъ. Одна изъ его пѣсенъ начинающаяся:

То ли дѣло егеря,
Егеря, егеря!

поется во всѣхъ гвардейскихъ полкахъ и, въ особенности, въ бывшемъ его полку, Лейбъ-гвардіи Финляндскомъ.

Изъ пѣсенъ, написанныхъ Оедотовымъ и переложенныхъ имъ на музыку, особенно замѣчательны по разлитому въ нихъ чувству.

ИДЕАЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ.

Знаешь-ли, душечка, какъ ты мнѣ нравишься:

Лучше молчи—пощади!..

Просто, бѣда пришла—съ сердцемъ не справиться:

Такъ и трепещетъ въ груди!

Но, можетъ, таю мечтою напрасно я,

Ты и не взглянешь, быть можетъ, прекрасная!

Знаю навѣрное, розочка алая,

Что не похожъ на твоего идеала я;

Ты-жъ, въ моего, какъ двѣ капли родилася,

Съ первую встрѣчей въ душѣ воцарилася.

Будь лишь мнѣ, душечка, выпренимъ геніемъ,

Правь моимъ сердцемъ, моимъ вдохновеніемъ!..

Пусть пристыдитъ меня духъ твой, являясь,

Чуть въ душѣ черная мысль зарождается!

Духъ укрѣплай мой въ минуты усталости,

Къ помысламъ низкимъ грозной будь безъ жалости,

Я облеку тебя въ прелесть фантазіи

Какъ не рядила женъ вся роскошь Азіи.

Посѣщая общество, не удаляясь отъ дамскаго круга, Оедотовъ, замѣчательный своимъ неистощимымъ остроуміемъ, не могъ пзбѣжать участи—попадать иногда и въ дамскіе альбомы, что было ему, впрочемъ, кажет-

ся, не слишкомъ по душѣ. Приведемъ здѣсь одно его стихотвореніе, замѣчательное чувствомъ скромности и отсутствіемъ ложнаго самолюбія, въ которомъ авторъ самъ дѣлаетъ легкую оцѣнку своему поэтическому дарованію. Вотъ оно.

Когда-бъ вы знали, какъ давно
 Я проклялъ все альбомы—но...
 Нѣтъ правила безъ исключенья!
 Для всехъ писать, ей,—ей, мученье!
 Альбомовъ столько въ свѣтъ есть;
 Пиши повсюду лесть да лесть,
 Какъ въ баснѣ—мальчикъ все про волка,
 Кричалъ, пугая всехъ безъ толка,
 Когда и не было волковъ;
 И, приучивши пастуховъ,
 Когда, и вправду, волкъ явился,
 На правый крикъ не шевелился
 Никто. Все думали: *шалить!*
 Вотъ такъ, коль безъ толка сорить,
 Всѣмъ безъ разбора комплименты
 И на богинь даешь патенты—
 Любезно—нечего сказать!..
 Но, чѣмъ-же *той-то* знакъ подать,
 Кому душа сама писала
 И все казалось, что мало?
 Она пойметъ-ли тотъ привѣтъ?
 Не скажетъ-ли: «Да онъ весь свѣтъ,
 До неба, также превозносить..»
 Прочтеть и равнодушно бросить.
 Уже-ль поэта чудный даръ,
 Какъ въ лавкѣ, мелочной товаръ?
 Гдѣ открясть, кому угодно
 Безъ отговорокъ, если сходно,
 Отъ вещи дорогой—на грошъ?
 Уже-ль поэтъ, какъ швецъ одѣжъ;
 Всегда, когда богатъ досугомъ,
 Радъ съ мѣркой быть для всехъ къ услугамъ,
 Съ корыстной жаждою нажать,
 Заказчикамъ лукаво льстить,
 Своею выкройкой и ватой,

Кривымъ бокамъ, спинѣ горбатой,
И Аполлономъ дѣлать вѣхъ!
Нѣтъ! нѣтъ! тому вѣдь это грѣхъ,
Кто хочетъ быть въ душѣ поэтомъ,
(Пуускай грѣха не видитъ въ этомъ
Перо, что чинить журналистъ,
А за мое пока я чистъ.)
Но отчего-же вамъ пишу я,
Противъ альбомовъ такъ бушующь?
Вы не дивитесь—я чудакъ,
Артистъ, дикарь, простакъ—и такъ,
Я, признаюся, тоже, грѣшникъ
Для свѣта сдѣлаюся потѣшникъ
Иль, какъ по вашему—поэтъ,
Художникъ (Странно изъ кадетъ,
Изъ фронтоваго офицера,
Какого не было примѣра
И это право не секретъ;
Про это знаетъ цѣлый свѣтъ,
Нашъ общій, добрый кругъ знакомыхъ...
Спросите сами вы о томъ ихъ,
И всѣ отвѣтятъ вамъ—на комъ,
На первомъ имени какомъ,
Я научился вдохновляться
Душой стремиться, развиваться!—
То имя—*Катенька* ей, ей;
За весь успѣхъ обязанъ ей.
А вы, при имени, при этомъ,
Къ тому-жъ любимы цѣлымъ свѣтомъ;
Кого ни спросишь—всѣ за васъ
За душу, сердце—мой-же глазъ
И вкусъ на дняхъ, не сами вы-ли
Чистосердечно такъ хвалили.
Такъ мнѣ ли отъ другихъ отстать?
Хоть этимъ должно-бы начать,
А началъ я воспоминаемъ—
Сердечно траурнымъ преданьемъ;
Но не ревнуйте. Вашу часть,
Коль съ тою на вѣсы укласть,
Кто знаетъ—что бъ перетянуло?

Иль что въ цвѣту? иль что минуло?
 Всему свое!.. Луна блеститъ
 Хотя заимствованнымъ свѣтомъ
 Отъ солнца. Правда-ли? объ этомъ
 Лишь математики твердятъ,
 Очки да старички—по-врядъ,
 Любому сердцу не отвѣтитъ,
 Ктому-жь—луна не ярче-ль свѣтитъ,
 Чѣмъ солнце, любящимъ сердцамъ
 И поэтическимъ мечтамъ,
 Въ гульбѣ, по лабиринтамъ темнымъ,
 Своимъ сияньемъ нѣжно-томнымъ
 Въ полетѣ крыльевъ не спалитъ,
 И потому-то вамъ пишу я,
 Противъ альбомовъ самъ бушуя,
 Не удивляйтесь—я чудакъ!..

Одно время Федотовъ, пробовалъ изучать русскіе мотивы и писать въ народномъ вкусѣ, и потому написалъ для этого нѣсколько пѣсенъ и музыку. Изъ нихъ удачнѣе прочихъ написана имъ пѣсня, подъ названіемъ: *Куку*. Предоставляемъ читателямъ самимъ судить о ея достоинствѣ.

На дубу кукушечка,

На дубу унылая

Куковала.

Куку, куку—куковала.

Подъ окошкомъ дѣвица,

Подъ окошкомъ красная

Тосковала.

Куку, куку—тосковала.

Ноетъ сердце дѣвицы,

Что не любитъ молодець,

Какъ бывало.

Куку, куку, какъ бывало.

Но долга-ль грусть дѣвицы?

Въ годъ тоска, печаль ея

Вся пропала.

Куку, куку, вся пропала!

И съ другимъ, счастливая,

Подъ вѣщомъ, задумавшись,

Ужь стояла.

Куку, куку, ужь стояла.

Черезъ годъ кукушечка,

На гнѣздѣ на новенькомъ,

Куковала.

Куку, куку—куковала.

Оедотовъ занимался поэзіею отъ нечего дѣлать, въ свободное отъ занятій время и никогда не придавалъ своимъ поэтическимъ произведеніямъ большой важности. Будучи въ Москвѣ, гдѣ стихи его читались съ восторгомъ, онъ самъ поспѣшилъ огородить себя отъ неумѣстныхъ похвалъ, написавъ воззваніе къ своимъ почитателямъ, подъ названіемъ:

КЪ МОИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ,

Стиховъ моихъ строгимъ разбирателямъ.

Вотъ что говоритъ онъ:

Ктобъ ни былъ, добрый мой читатель,

Родной вы мой, или пріятель,

Теперь хочу я васъ просить

Къ моимъ стихамъ нестрогимъ быть,

Я не отъявленный писатель,

Хоть я давно ношу съ перомъ,

Да то перо, что носятъ въ шляпѣ.

А что писатель держитъ въ лапѣ,

Я съ тѣмъ ей-Богу незнакомъ,

И не пускаюсь въ сочиненья,

А ужь особенно въ печать...

Тутъ авторъ, рассказывая свое поприще къ которому предназначили его родители, говорить, что ему некогда было заниматься сочиненіями, что онъ служилъ вѣрой и правдой десять лѣтъ и потомъ продолжаетъ:

Но, какъ отъ русскаго штыка

Дыра довольно глубока,

Враги все наши приемирѣли,

Хваляся намъ издалека,

Тревожить явно ужь не смѣли,

То я, спокойно десять лѣтъ,

Безъ пуль, картечь и разныхъ бѣдъ,

Былъ занятъ службой гарнизонной,

Вотъ доволь, кажется, резонный,
Что не могу я быть поэтъ.

Продолжая исчислять причины, по которымъ поэтическое поприще его не могло развиваться, онъ откровенно признается, что среди занятій своимъ долгомъ

Забудешь всѣхъ и Аполлона
И девять Музъ и весь Парнасъ—
Нѣтъ, некогда мечтать у насъ!

И что быть поэта записнаго далеко не похоже на быть браваго служакки.

Для стихотворнаго народа (говорить П. А. Фодотовъ)
Всегда торжественна природа,
Ему мила и непогода,
Онъ все поетъ: и дождь, и громъ,
И вѣтра въ осень завыванье—
Самъ лить въ стаканъ спокойно ромъ
Сидя въ теплѣ...
Поэтамъ даже сводъ небесный (продолжаетъ онъ)
Какой покосъ даетъ чудесный!
А намъ, красавица—луна
Напоминаетъ ночь безъ сна
На аванпостахъ; ясный Фебъ
(Луна и Фебъ—поэтамъ хлѣбъ),
А намъ отъ Феба пыль да жарко.
Намъ Фебъ злодѣй, коль свѣтитъ ярко,
Онъ намъ не недругъ лишъ, когда
Вблизи холодная вода...
Блаженство наше чарка въ холодъ
Да ковшъ воды въ жару—да въ голодь
Горячихъ миска шей—да сонъ,
Да преферансъ, а Аполлонъ
И съ Музами сироваженъ вонъ;
И даже самая любовь,
Хотя подь-часъ волнуетъ кровь
Но только лишъ... А сердце—дудки,
Насъ не поддѣтъ на незабудки,
На нѣжности...

Потомъ разсуждая, что вѣрному служакѣ не слѣдуетъ даже думать о любви, онъ такъ о ней отзывается

Гдѣ въ ней поэзія, гдѣ розы?
 Тѣ розы вѣчныя, о коихъ такъ твердятъ:
 Любовь безъ денегъ—просто ядь,
 И ядь, тѣмъ болѣе опасный,
 Что онъ на вкусъ такой прекрасный—
 Лизнешь—не хочется отстать!..

И такъ (продолжаетъ онъ, опредѣливъ также по своему значенію славы,

Ну, вотъ и все, чѣмъ стихъ поэта
 Питался отъ начала свѣта—
 Пересчитаемъ—же ихъ вновь:
 Природа, слава и любовь.
 Гдѣ-жъ было мнѣ практиковаться
 И чистоты въ стихахъ набраться,
 Такой, чтобъ критикъ мой иной
 Не отыскалъ стишокъ больной!
 Не прилпайтеся, Бога ради,
 Пока стихи еще въ тетради,
 Пока не сжались подъ станокъ;
 Я самъ къ печатнымъ очень строгъ.
 Въ печать не лѣзу (знакъ смиренья),
 А это стоитъ снисхожденья!

Но, занявшись литературными произведеніями, мы позабыли о самомъ авторѣ. Федотовъ возвратился изъ Москвы весною, повидимому веселымъ, довольнымъ и помолодѣвшимъ. Онъ не могъ нахвалиться гостепріимствомъ и радушіемъ москвичей и даже началъ было поговаривать о хорошенькой невѣстѣ, которую ему тамъ сватали. Обстоятельства его, какъ увѣрялъ онъ своихъ пріятелей, совершенно поправились.

При всемъ томъ, говоритъ А. В. Дружининъ, лицамъ, уже изучившимъ натуру художника, вскорѣ сдѣлалось яснымъ, что Павелъ Андреевичъ, вмѣстѣ съ тысячею самыхъ отраднѣхъ воспоминаній, вывезъ изъ Москвы одну мысль—мысль скорбную и томительную.

«Семейство свое онъ оставилъ въ положеніи болѣе чѣмъ стѣсненномъ: послѣ долгой разлуки онъ увидѣлъ особъ, дорогихъ его сердцу, посреди нищеты совершенной и оставилъ ихъ, убѣдяся въ томъ, что все

жертвы, приносимыя имъ въ теченіе столькихъ лѣтъ, оказывались недостаточными. Каждый день, возвращаясь съ дружескихъ бесѣдъ, изъ собраний, гдѣ его привѣтствовала и ласкала лучшая часть московскихъ жителей, Павелъ Андреевичъ былъ свидѣтелемъ страданій старости своего отца, заставлялъ своихъ нѣжно-любимыхъ сестеръ за грубой работой для насущнаго хлѣба, утѣшалъ ихъ, дѣлилъ съ ними свой малый достатокъ и успокоивалъ ихъ надеждами на блестящую будущность.

Но эти надежды не сбылись. Домъ, гдѣ родился Федотовъ, его сѣнникъ, въ которомъ онъ игралъ въ дѣтствѣ и удерживалъ въ памяти типы и сцены для своихъ будущихъ произведеній, былъ проданъ за долги, и съ этимъ все его многочисленное семейство лишилось пристанища и половины средствъ къ своему существованію. Просвѣщенный любитель всего художественнаго русскаго, Ѳ. И. Приишниковъ, торговалъ у нашего художника картину его «Сватовство», за которую назначена была цѣна двѣ тысячи рублей серебромъ, и уже почти кончилъ переговоры, когда Федотовъ получилъ извѣстіе, что дѣла его семейства пришли еще въ худшее положеніе, и другая мысль зашла ему въ голову. Не желая первоначально никому продавать своихъ картинъ, чтобъ онѣ не расходились въ разныя стороны, а оставить ихъ въ одномъ какомъ-нибудь національномъ музеумѣ, какъ дань его родному искусству и отечеству, Павелъ Андреевичъ, понявъ съ стѣсненнымъ сердцемъ, что ему должно работать не для извѣстности, а *для денегъ*, и принялся копировать и потомъ литографировать свои-же собственные произведенія. Художникъ имѣлъ при этомъ въ виду расчетъ денегъ и времени — природы не требовалось, а работа шла несравненно скорѣе. День, въ который онъ рѣшился самъ копировать свое Сватовство и продать копію, былъ однимъ изъ немногихъ печальнѣйшихъ дней его жизни. Дни его проходили въ постоянныхъ трудахъ въ черченіи многочисленныхъ эскизовъ, въ копировкѣ. Только съ одною картиною рѣшился разстаться Федотовъ, это именно со *Вдовушкой*, писанной масляными красками, съ которой онъ написалъ еще по заказу многія копіи и только одна картина Федотова была литографирована; это: «Пирушка послѣ награды». Изъ портретовъ Федотова, писанныхъ акварелью, литографированъ г. Даціаро поясной портретъ Его Императорскаго Высочества, въ Бозѣ почивающаго, Великаго Князя Михаила Павловича, нарисованный въ профиль. * Иногда этому нѣжнелюбящему сыну и брату западали въ голову, несродные ему, *спекулятивные* планы и онъ намѣревался издавать вмѣстѣ, съ художникомъ Бернардекимъ, художествен-

* Портретовъ этихъ нарисовалъ Федотовъ очень много, и иногда оканчивалъ портретъ въ день.

но-литературный листокъ, въ родѣ изданій Гаварни. Для листка этого, которому Федотовъ далъ названіе: *Вечеромъ вмѣсто преферанса* и который онъ между пріятелями, смѣясь, называлъ: *Брундой или Сверх-нымъ Пустозвономъ*», было нарисовано имъ множество рисунковъ, отличающихся необыкновенною экспрессіей лицъ и остроумными подписями *.

Осень 1848 года была порою славы и торжества для Федотова. Картины его появились на академической выставкѣ и его имя загремѣло по Петербургу. Непроходимыя толпы посѣтителей окружали его произведения и не расходились. Федотовъ, въ гвардейскомъ мундирѣ безъ эполетъ, самъ бывалъ въ залахъ и любилъ прислушиваться къ толкамъ и сужденіямъ публики. Последствія пирушки, Горбатый женихъ, Болтзнь и смерть москки, Магазины, Мышеловка, Крестины, Утро молодыхъ, Житье на чужой счетъ и картина, подъ которой Федотовъ едѣлалъ подпись: *Въ надеждѣ на свой талантъ женившійся безъ приданого*

* Особенно хороши были въ этомъ листкѣ рисунки: *Капиталисты*: Двое пріятелей играютъ при догорѣвшей сальной свѣчѣ—Купи свѣчу, ты выигралъ, говоритъ одинъ.—Нѣтъ, пошлай ты за свѣчкой, а я тебѣ сотру пятьдесятъ тысячъ, отвѣчаетъ другой. *Гастрономъ*, господинъ, купающій съ кислою миной кусокъ рыбы съ подписью: — Что это, Леночка, какая дурная севрюга! Вотъ вчера вечеромъ у Ивана Петровича былъ я севрюгу—вотъ такъ севрюга! — Жена: А сколько ты тамъ вчера проигралъ? Мужъ:—Бездѣлицу! десять цѣлковыхъ—Жена:—А сколько мнѣ далъ на расходъ?—Мужъ:—трехрублевый!... *Нѣжный супругъ* говорить съ сожалительнымъ видомъ женѣ: Ну, Катинька, я думалъ, что ты будешь къ празднику съ обновкой, а выходитъ нѣтъ. Представь себѣ нѣсколько дней все катерны да катерны, а не прошелъ ни одного разу! Между этими рисунками есть очень похожій портретъ художника, нарисованный въ профиль. Федотовъ изобразилъ себя передъ трюмо, одѣтымъ со всѣми требованіями моды, примѣривающимъ новую накладку на голову, тщательно завитую, съ подписью:—Теперь побольше невѣсть, побольше невѣсть сюда! Всѣхъ рисунковъ было болѣе тридцати. Они отосланы г. Бернардеямъ къ семейству покойнаго. Благородная черта, отличающая этого художника, не смотря на его недостаточность. Въ альбомѣ, находящемся у П. И. Реслера, остались многіе превосходные рисунки Федотова, писанные акварелью, изъ которыхъ особенно замѣчательны по экспрессіи и оконченности рисунка: нѣмецъ, объясняющій во время холеры мужику опасность вѣтъ лука, огурцы и квасъ— тутъ Федотовъ соединилъ все, что можетъ произвести холера. Большая картина со множествомъ фигуръ—Гулянье въ Москвѣ во время дождя. Домашній воръ. Тутъ Федотовъ изобразилъ мужа, который, проигравъ у себя на вечерѣ всѣ деньги, тихонько вынимаетъ изъ бюро жены новые ресурсы и она ловитъ его на мѣстѣ преступленія. *Состраданіе*. Мальчикъ натравляетъ на прохожаго собаку между-гѣмъ какъ, какой-то свбарить любителю этой сценой изъ окна, попивая пуншъ и покуривая папирску. Брань подъ Смоленскимъ (кладбищемъ), Брань подъ Краснымъ (полемъ) обѣ сатирическія. «Милосердіе», прекрасный оконченный акварелью рисунокъ состоящій изъ двухъ фигуръ. Слуга, покупающій у разнощика щетку— юмористическій рисунокъ акварелью, кромѣ этого эскизъ съ подписью: *Господа, женитесь, пригодится!* въ которомъ представлена молодая женщина, ведущая нетрезваго человѣка съ помощью дѣтей. Характеристическая картина: передняя у одного извѣстнаго человѣка и праздникъ—прекрасно исполненная акварелью, со множествомъ фигуръ и много портретовъ товарищей Федотова, изображенныхъ въ живописныхъ группахъ.

художникъ» возбуждали всеобщій восторгъ. Для неизвѣстныхъ случая видѣть эти художественныя творенія, изъ которыхъ нѣкоторыя превышали даже произведенія Гогарта, мы расскажем здѣсь вкратцѣ сюжеты каждой изъ нихъ. Каждая проникнута глубокою мыслию, наблюдательностью и грустной проніей; предъ каждой изъ нихъ вы или разсмѣетесь веселымъ смѣхомъ и скажете: да я самъ видалъ это! или глубоко задумаетесь, и вамъ станетъ невыносимо-грустно и больно и за себя и за ближнихъ. Болѣе всего заставляетъ ныть сердце «Мышеловка» и «Судьба художника», въ которой Фодотовъ изобразилъ самого себя въ старости и которую онъ написалъ еще до своего вторичнаго свиданія съ Брюловымъ, смущаемый мыслью о своемъ талантѣ.

Въ картинѣ, названной Павломъ Андреевичемъ очень остроумно «Мышеловкой», потому-что на первомъ планѣ нарисована мышь, бѣгущая въ западню, на повѣшенный кусокъ говядины, сомкнута цѣлая драма. Вы видите передъ собою сырой, смрадный подвалъ, отъ стѣнъ котораго отвалилась штукатурка и въ этомъ подвалѣ, въ самой темной глуби, больную старуху приподнявшуюся на кровати и кашляющую. Выраженіе ея страдальческаго лица такъ естественно, что ведемъ такъ будто и слышится этотъ болѣзненный кашель. Со старухи взглядъ вашъ переносится на благородное, миловидное лицо молодой дѣвушки. Бѣдняжка сидитъ уныло склонивъ голову и, въ раздумьи, царапаетъ ножницами гладильную доску, слушая шопотъ толстой свахи, которая, показывая ей богатые подарки, уговариваетъ выдти замужъ за человека ей не милаго, но достаточнаго, который одинъ можетъ прекратить ихъ убожество. Въ отворенную дверь подвала видѣнъ и самъ претендатель на руку молодой швеи, награждающій дворника, въ ожиданіи успѣха посольства.

Перейдя отъ этой картины къ *Художнику, женившемуся безъ приданого*, сердце не перестаетъ грустно ныть: та-же самая обстановка бѣдности, тотъ-же холодный подвалъ съ окнами занесенными снѣгомъ, съ одиночными лѣтними рамами. По стѣнамъ, вмѣсто всякихъ иныхъ украшеній, висятъ недокончанныя картины, сдѣланныя, въ лѣта молодости полной надеждъ, свидѣтельствующія о несомнѣнномъ, сильномъ талантѣ, а между-тѣмъ этотъ-же самый художникъ, уже состарѣвшійся, пишетъ вывѣску, укутанный во фризую шинель, обернувъ отъ холоду, голову полотенцомъ. Около живописца, изъ соломенной, вытертой шляпы, выглядываетъ полуштофъ. Что бы выжить худыхъ плательщиковъ съ квартиры холодомъ, дворникъ уноситъ вьюшки отъ печи, на которую, вмѣсто дровъ, кухарка ломаетъ послѣднюю раму съ картины. На столѣ лежитъ умершій младенецъ полуодѣтый. Но это только первый актъ неизвѣстной свидѣтелей драмы; первое звено несомой художникомъ жизненной

пѣпп. Исхудалая мать, которая и среди нищеты не потеряла чувства благородства и честности, съ испуганнымъ видомъ спрашиваетъ у маленькаго сына, показывающаго ей украдкой, изъ-подъ полы, серебряный чайникъ, откуда онъ могъ достаться, а тотъ радостно указываетъ ей на дверь... Но зачѣмъ говорить болѣе; лучше опустить завѣсу надъ остальнымъ фономъ этой картины. Лицо художника, изображеннаго на ней—живой портретъ, живыя черты самого Павла Андреича Федотова.

Но пора ужъ заставить читателя улыбнуться. Было уже сказано, что Федотовъ любилъ перечитывать старые журналы и говорить, что чтеніе очень много можетъ споспешествовать развитію таланта и изобрѣтенію сюжетовъ. Федотовъ на себѣ испыталъ это. Перечитывая однажды разрозненные томы Вѣстника Европы, въ № 11-мъ 1819 года, онъ остановился на одномъ афоризмѣ, помѣщенномъ въ статьѣ подъ названіемъ *Признаки*: Когда пожилая дама не хочетъ ни пить, ни ѣсть съ печали, значитъ околѣла ея моська»—онъ улыбнулся, задумался и планъ исторіи о Фиделькѣ былъ уже готовъ въ головѣ его. Маленькій незамысловатый афоризмъ этотъ онъ развилъ въ самыхъ характеристическихъ сценахъ, исполненныхъ веселаго юмора, тонкой наблюдательности и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокой ироніи. Вотъ сюжетъ «Болѣзни и потомъ смерти Фидельки (эскизъ).

Во время утренняго чаю, барыня, любительница комнатныхъ собачекъ, съ ужасомъ замѣтила, что одно изъ дюжины четвероногихъ животныхъ чувствуетъ себя несоветѣмъ-то хорошо. Она поспѣшно приказываетъ убрать чайный приборъ и замѣняетъ его мягкой подушкой, на которую укладываетъ свою любимую бѣдненькую Фидельку. Доставивъ своей пациенткѣ предварительныя медицинскія пособія: поставивъ пиявокъ и забинтовавъ животъ, скотолобивая барыня начинаетъ распоряжаться съ прочими домашними. Разсердившись, за что-то на горничную, вѣроятно, обвиняя ее въ недосмотрѣ за Фиделькой, хозяйка дома, снявъ съ ноги башмакъ, подняла его надъ растрепанной головой нерадивой, на которую въ то же самое время слетничаетъ еще нянька, за что-то съ нею поссорившаяся. Поставленный на колѣни сынъ вырѣзываетъ изъ учебной тетради лошадокъ, и зная, что причиной его наказанія есть излишнее огорченіе отъ болѣзни собачки, хватается, изъ мщенія, за хвостъ другую мимобѣгущую собачку, чтобы привязать ей бумажку, которая болтается у него на ниткѣ во рту. Бросивъ куклу, которую подчивала чаемъ, дѣвочка дочь, ухвативъ себя за надрванное ухо, прибѣгаетъ подъ защиту отца, который и самъ, не позабывъ, впрочемъ, взять съ собой начатый стаканъ пуншу, спасается отъ раздражительной скорби своей супруги, награждая въ дверяхъ щедрымъ пинкомъ попавшуюся ему на пути третью со-

бачку. Нѣсколько другихъ собаченокъ, молча смотрять на происходящую сцену. Въ растворенныя двери видѣется ветеринаръ, призванный для подавія помощи москѣ; но, пораженный такою семейной картиной, оставливается въ недоумѣніи: вступать-ли ему въ комнату или удалиться, покуда и ему не досталось чего-нибудь отъ разгнѣванной хозяйки дома?

Но, не смотря на все попеченія, Фиделькѣ несчастливо вышло выздороветь; она околѣла и Фодотовъ съ рѣдкимъ юморомъ изображаетъ смерть ея. Барыня, пораженная такимъ огромнымъ несчастіемъ, занемогла съ горя такъ сильно, что принуждена лежать въ постели, не принимая ни чихъ утѣшеній, кромѣ ласки двухъ собаченокъ, которыя стоятъ около ея кровати, на заднихъ лапкахъ и съ визгомъ просятся на перину, завидуя участи болонки, которая одна удостоилась быть пригрѣтой на груди больной. Раздосадованный этимъ визгомъ и пискомъ, мужъ грозить на собаченокъ подевѣчникомъ. Какія-то дамы, изъ которыхъ одна плотно прижала къ носу платокъ, съ участіемъ заглядываютъ къ больной за ширмы; но она лежитъ съ полузакрытыми глазами и не обращаетъ на нихъ никакого вниманія. Посрединѣ комнаты толпятся доктора, и по лицамъ ихъ видно, что они разсуждаютъ о свойствахъ болѣзни и, разсматривая рецепты всеѣмъ нѣмецкимъ сонмомъ, осуждаютъ способъ леченія русскаго военнаго доктора. Изъ всего этого консилиума одинъ только, какой-то молодой врачъ безмолвствуетъ и не говоритъ ничего, и то потому, что заглядѣлся на хорошенькую горничную, которая ходитъ и куритъ смолкой, вокругъ убранной цвѣтами Фидельки. Направо отъ зрителя тѣнятся художники — скульпторы и живописцы, призванные, чтобъ получить заказъ. По полу разбросаны портфели, которые съ любопытствомъ разсматриваетъ сынъ больной дамы. Между-тѣмъ, живописецъ уже сидитъ за мольбертомъ и чертитъ изображеніе Фидельки; по рисунку видно, что онъ явно хочетъ польстить красотѣ околѣвшей москы. Фигура этого живописца нарисованная въ профиль, представляетъ вѣрный профиль самого Фодотова. Въ дверяхъ представленъ лакей, несущій консултантамъ перья и бумагу, нужныя для рецепта, чтобъ выписать изъ аптеки нѣкоторыя душистыя медикаменты; лакей этотъ приостановленъ бородачатымъ гробовщикомъ, который суетъ ему въ руку деньги и, кажется, проситъ его, чтобъ онъ не забылъ мѣста его жительства, въ случаѣ, если бѣдная его барыня окончитъ, съ сильнаго горя, печальные дни свои.

На оконченной совершенно картинѣ «Разборчивая невѣста» Фодотовъ представилъ дѣвицу, довольно почтенныхъ лѣтъ, которая гадаетъ о томъ, о чемъ обыкновенно гадаютъ дѣвицы всехъ лѣтъ — о суженомъ. Во время этого интереснаго превращенія времени является къ ней,

съ букетомъ цвѣтовъ, тоже несовсѣмъ юный и несовсѣмъ красивый господинъ и, вручивъ букетъ гадальщицѣ, падаетъ предъ нею на колѣна. По лицамъ обѣихъ видно, что между ними существуетъ взаимная симпатія. Черты дѣвицы выражаютъ восторгъ; черты влюбленнаго—какой-то внутренней страхъ получить отказъ на свое предложеніе. Въ минуту этой нѣжной сцены, заботливая мать полукрываетъ дверь и, приложивъ ухо, прислушивается къ содержанию разговора. По ея физиономіи замѣтно, что она осталась имъ очень довольна и спѣшитъ сообщить о своей радости мужу, который, умиленно сложивъ руки, благодаритъ судьбу за то, что она наконецъ помогаетъ имъ пристроить ихъ милое и, до сихъ поръ черезчуръ разборчивое чадо.

Въ эскизѣ «Крестины» Федотовъ изобразилъ бѣдную, единственную комнату, раздѣленную на два отдѣленія ситцовымъ пологомъ. На постели сидитъ родильница и, вынувъ изъ корзинки, служащей вмѣсто колыбели, младенца, собирается кормить его, когда появленіе мужа приостанавливаетъ ее. Въ смятой старой шляпѣ, въ засаленномъ фракѣ, котораго локти прорваны, отецъ горделиво держитъ надъ головой, въ каждой рукѣ, по бутылкѣ *кливо*, между-тѣмъ, какъ четверо другихъ его дѣтей спорятъ и ссорятся за кусокъ блага хлѣба. Вмѣсто дровъ, кухарка собирается топить печку бумажками, стружками и обломками отъ старой мебели. По лицу отца семейства замѣтно, что онъ въ полномъ восторгѣ отъ своей покуки и ни на что прочее не желаетъ обращать никакого вниманія.

Въ *Житье на чужой счетъ* Федотовъ представилъ веселое мужское и женское общество, которому прислуживаетъ франтъ камердинеръ, завитой, въ усахъ, съ эспаньолкой, въ башмакахъ и подчуетъ трубками и шампанскимъ. Въ передней въ это время, занасается другой слуга разными припасами: фрукты беретъ у разносчика на книжку, крендели, также оставляются въ долгъ, и продавецъ отмѣчаетъ число ихъ—мѣломъ на стѣнку. Невѣжливыхъ кредиторовъ слуга выпроваживаетъ толчками; сапожникъ—нѣмецъ, чтобъ не дожидаться такихъ-же проводовъ, почелъ за лучшее уйти, по добру да по здорову, и бережно завертываетъ въ платокъ принесенные имъ новые сапоги.

Эскизъ Федотова «Магазинъ» болѣе прочихъ его картинъ обилень фигурами и мелочными аксессуарами. Предъ вами обширный, роскошно отдѣланный магазинъ, уставленный сверху до низу разнообразнымъ товаромъ; прилавки все отдѣланы бронзою, вся лицевая сторона—роскошь, а за прилавками, внутри ихъ, вы замѣчаете простое, необходимое житейское: полуштофъ, толстую колбасу и краюху черного хлѣба. На первомъ планѣ стоитъ раздраженная женщина, бросившая, съ до-

сады, на полъ только-что купленную вещь, и никакъ не хочетъ слушать увѣщаній мужа, который показываетъ ей пустой бумажникъ и записную книжку, по которой видно, что расходы его далеко превысили приходъ. За эту парю помѣстилась какая-то толстуха и, пользуясь тѣмъ, что прикащикъ полѣзъ зачѣмъ-то на верхнюю полку, упрятавъ себя, въ огромный ридикюль, кружево, за которое видно платить не была намѣрена. По серединѣ, съ глубокимъ вздохомъ, кладетъ въ боковой карманъ руку заслуженный старикъ, чтобъ заплатить за покупки, сдѣланныя его молодою супругой, которая такъ многочисленна, что диврейный лакей, здоровый мужчина, едва можетъ держать ихъ. Сынъ этой неравной четы, увидавъ за стекломъ игрушки, дергаетъ маменьку за платье, прося купить и ему что-нибудь; но ей не до него: она занята также дѣломъ-и, протянувъ руку, принимаетъ тайкомъ записку отъ молодаго человека. Другой молодой человекъ, тщательно разряженный, вѣроятно, дамскій угодникъ, съ большимъ вниманіемъ разсматриваетъ прочность и доброту женскихъ чулковъ съ англійскимъ девизомъ: *howny soit qui mal y pense!* Между всѣми этими покупателями выражающими свои требованія словами, одна только дама объясняется пантомимой, но она достаточна для смѣтливаго прикащика. Онъ подаетъ ей *gouge vegetal* и жемчужныя бѣлила. На самомъ заднемъ планѣ картины, въ темной каморкѣ, сидитъ тоже одинъ посетитель и, читая какую-то дѣловую бумагу, пьетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и шампанское, которымъ подчуетъ его хозяйинъ. Пришедшій нечаянно въ магазинъ художникъ разительно похожъ на самого Федотова. Въ этой картинѣ онъ изобразилъ также и двухъ собакъ: собаку комнатную, одѣтую, по случаю холоднаго времени, въ кацавейку, и собаку-дворняшку, которая, испугавшись вида франтихи, прячется подъ салонъ.

Не менѣе юмора и тонкой наблюдательности въ эскизѣ: «Утро обманутаго молодаго». Молодые нарисованы на другой день ихъ союза: молодой, въ отчаяніи, хватающимъ себя за голову, а молодая на колѣняхъ. Она проситъ у него, ломая руки, прощенья—и есть за что. Федотовъ, поясняя эту картину въ домѣ М. А. Половцова, тутъ-же написалъ къ ней, какъ и къ «Сватовству» стихи, которые, къ сожалѣнію, затеряны. Въ этомъ стихотвореніи онъ изобразилъ новобрачныхъ разговаривающими и, между-прочимъ, вложилъ въ уста молодаго:

Не серди меня рѣчью пошлою,
 Не стыди меня страстью прошлою,
 И не лей ты слезъ изъ-подлобія:
 Въ тебѣ прошлаго нѣтъ подобія!

раго еще вчера стояла картина (то была вторая или третья копія «Вдовушки») еще вчера не представлявшая ничего, кромѣ на-черно набросанной фигуры, стертаго лица и двухъ, трехъ отдѣланныхъ аксессуаровъ. На мѣсто этой вещи стояла, повидимому, другая, почти совершенно оконченная во всѣхъ трудныхъ пунктахъ, съ готовымъ лицомъ и платьемъ, со множествомъ щегольски отдѣланныхъ мелочей.

Картина эта была дѣломъ одной ночи и утра.

— Со мною произошла *штука*, феномень, чтобъ сказать благообразнѣе, поясняя Федотовъ:— феномень, о которомъ я до-сихъ-поръ понятія имѣлъ только приблизительно. У меня будто искра зажглась въ головѣ; я не могъ спать, я чувствовалъ въ себѣ силу чрезвычайную; мнѣ было весело; я сознавалъ каждой жилкой то, что я могъ въ эти минуты сдѣлать. Никогда не доводилось мнѣ работать съ такою легкостью и такъ успѣшно: каждый штрихъ ложился куда слѣдовало, каждое пятнышко краски подвигало все дѣло. Я вижу, что иду впередъ. Какъ ловко и весело трудиться такимъ образомъ!

Въ этотъ же день Федотовъ показалъ свою «Вдовушку» и Л. М. Жемчужникову. Любуясь этой картиной, художникъ сказалъ:

— Какъ это хорошо и какъ просто!

— Да, будетъ просто, какъ поработаешь разъ *со сто*, отвѣчалъ весьма мѣтко Павелъ Андренчъ.

Но, вообще всѣ другія картины и, въ особенности, портреты, отличавшіеся разительнымъ сходствомъ, Федотовъ рисовалъ очень быстро. Карикатуры рождались въ его головѣ каждую минуту, а между тѣмъ не возбуждали ни чьего негодованія, потому-что въ нихъ художникъ никогда не затрогивалъ слабой, нравственной стороны изображаемаго имъ лица и вообще всего того, что могло оскорбить самолюбіе или честолюбіе.

Всѣ эскизы свои писалъ Федотовъ сепіею въ два тона, прибавляя бѣлый; масляными красками, въ маломъ видѣ, и акварелью писалъ онъ только портреты и одиночныя фигуры. Цвѣтными карандашами были у него только два, или три рисунка и, между прочимъ, видъ окрестностей его послѣдней квартиры, къ которой онъ идетъ завернутый въ шинель, подъ крупными хлопьями падающаго снѣга. Въ 1840 году, 3 декабря, Федотову назначено было произволить изъ академіи, насчетъ суммы, основанной для поощренія художниковъ и отпускаемой изъ Кабинета Его Императорскаго Величества, по триста рублей серебромъ въ годъ, какъ въ уваженіе его дарованія, такъ и потому, что онъ, при исполненіи картинъ избраннаго имъ рода живописи, долженъ имѣть значительные расходы на наемъ людей и пріобрѣтеніе другихъ необходимыхъ при работѣ вещей. При этомъ Федотовъ сохранилъ также и

прежнее жалованье, получаемое изъ Государственного Казначейства. Изъ этой новой суммы, какъ и изъ прежней, большую часть денегъ онъ отправлялъ своему семейству. При мысли о своихъ родныхъ никакой огромный трудъ не казался ему тяжелымъ, а иногда онъ по цѣлымъ недѣлямъ не выходилъ изъ своей маленькой квартиры, въ двадцать первой линіи Васильевского острова, отличавшейся самымъ артистическимъ безпорядкомъ. Отъ этихъ постоянныхъ занятій, отъ вседневнаго напряженія мысли и воображенія крѣпкое здоровье Федотова стало видимо слабѣть въ послѣдніе годы, такъ что близкіе его друзья пугались произшедшей въ немъ переменой, а между-тѣмъ онъ не переставалъ быть самымъ тяжкимъ труженикомъ. Въ началѣ весны 1852 года, мастерская Павла Андреича была завалена начатыми вещами, здоровье же стало еще замѣтнѣе слабѣть, а впереди, какъ и всегда, художникъ видѣлъ предъ собою тотъ же продолжительный, тяжкій трудъ.

«При упоминаніи объ этомъ послѣднемъ обстоятельстве, говоритъ г. Дружининъ, сердце мое сжимается и на глаза выступаютъ слезы. За два дня до моего отъезда изъ Петербурга, я заходилъ къ Федотову, и звалъ его съ собою въ деревню на полный отдыхъ, прерываемый поѣздками по живописнымъ, сельскимъ окрестностямъ нашего края. Я вызвался устроить ему особенную мастерскую въ саду, посреди цѣлой рощи изъ бѣлыхъ розъ, переташить изъ столицы вещи, имъ начатыя, заманивалъ его обѣщаніями свиданія съ нѣсколькими изъ близкихъ къ намъ лицъ. Нѣсколько минутъ Павелъ Андреичъ колебался, но мысль о выставкахъ взяла свое.

— Я и такъ уже, — сказалъ онъ: — упустилъ одинъ годъ, не напоминая о себѣ публикѣ. Наша извѣстность требуетъ, чтобы о ней чаще толковали: знаете сравненіе «слава — дымъ». Надо чаще подпускать этого дыму, не то онъ разойдется по воздуху.

«Спорить съ Федотовымъ было бесполезно. Еслибы судьба, хотя въ эти рѣшительныя минуты жизни человѣческой, послала намъ даръ смутнаго предвидѣнія! Я бы не отошелъ не побѣдивши, не покинулъ ни на минуту одного изъ лучшихъ друзей моей молодости, не далъ бы ему подойти къ проклятымъ копіямъ (на нихъ онъ не могъ глядѣть безъ терзаній), увелъ бы его съ собою, какъ уводилъ столько разъ изъ его квартиры, послѣ цѣлаго дня работы, насильно держа за рукавъ шинели — сдѣлалъ бы все возможное для его успокоенія и развлеченія».

Въ теченіе лѣта болѣзнь Федотова — страшный недугъ, отъ котораго рѣдко есть спасеніе — началъ развиваться мало-по-малу, и незамѣтно для друзей покойнаго. Федотовъ дѣлался только какъ-то мрачнѣе, неразговорчивѣе и его острыя слова, мѣткія замѣчанія, сравненія, которыми

онъ, такъ сказать, клеймилъ каждую вещь на-бѣло и неизгладимо для памяти дѣлались постепенно все рѣже и рѣже. Познакомившись чрезъ нашего пзвѣстнаго гравера Е. Е. Бернардакаго, съ М. А. Половцовымъ, къ которому онъ ходилъ, какъ онъ говорилъ—«*оторгъвать душу*»; онъ, предъ своею печальною и окончательною болѣзнию, посѣщалъ его очень часто, почти каждый день, но вмѣсто прежнихъ остроумныхъ разговоровъ, вмѣсто рассказовъ о происшествіяхъ и наблюденіяхъ, собранныхъ имъ въ то время, когда его не видали, онъ обыкновенно садился за фортепяно и пѣлъ разные романсы, которые вдругъ прерывалъ и вмѣшивалъ неожиданно припѣвъ.

Брожу-ли я,

Пишу-ли я,

Все Юлія да Юлія!..

Веселья чашу братскую,

Съ друзьями разоую-ли я,

И громко пѣсню хватскую

Съ гитарой пропою-ли я...

Все Юлія, все Юлія.

Неволью повторишь...

Ну вотъ, поди-жь! *

и потомъ продолжалъ начатое какъ ни въ чемъ не бывало, какъ-будто это: «*все Юлія да Юлія*» былъ необходимый припѣвъ для всѣхъ пѣсень, которыя пѣлись имъ въ то время, хотя романсъ этотъ былъ написанъ имъ и переложень на музыку, для гитары и фортепяна, за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ. Иногда нападала на него вдругъ безотчетная, томительная тоска, которой онъ прежде никогда не предавался, по рассказамъ людей, коротко и долго его знавшихъ, а иногда, напротивъ, когда нисколько нельзя было этого ожидать, предавался самой сильной веселости и говорилъ о томъ, сколько онъ чувствуетъ въ себѣ творческихъ силъ и какое ощущаетъ удовольствіе при мысли, что его можетъ-быть скоро узнать вся Россія. Изъ скромности, Федотовъ не упоминалъ, что талантъ его достоинъ, чтобъ о немъ знала и вся Европа. Въ срединѣ лѣта недугъ Павла Андреича развился вполне и его ясный и наблюдательный умъ помрачился. Нѣсколько дней ходилъ онъ по петербургскимъ улицамъ и окрестностямъ, покупалъ въ разныхъ магазинахъ драгоценныя вещи для какой-то воображаемой имъ свадьбы, загадочно говорилъ о какомъ-то своемъ счастьи и роздалъ въ это время всѣ деньги, которыя онъ получилъ незадолго до того за одну изъ своихъ копій, а также и тѣ,

* Романсъ этотъ будетъ вполне напечатанъ въ приложеніи къ Пантеону. Музыка и слова Федотова, аккомпаниментъ г. Вильбуа.

которыя были имъ взяты изъ числа пожалованныхъ ему Государемъ Императоромъ и опредѣлены для пособія роднымъ. Ближайшіе друзья Оедотова, П. И. Реслеръ и другіе, въ томъ числѣ художникъ Бернадскій посѣщили принять зависящія отъ нихъ мѣры, донесли, кому слѣдуетъ, о результатѣ болѣзни и Высокій покровитель таланта нашего художника, Государь Императоръ послѣ доклада президента академіи, Герцога Лейхтенбергскаго приказалъ приложить о немъ всевозможныя попеченія и пожаловалъ на его излеченіе пятьсотъ рублей серебромъ. Оедотовъ помѣщенъ былъ сперва П. И. Реслеромъ въ частное заведеніе для страждущихъ душевными болѣзнями доктора Лейдесдорфа, на Пескахъ, а потомъ, когда симптомы болѣзни усилились, не смотря на все старанія,—въ больницу Всѣхъ Скорбящихъ, что на Петергофской дорогѣ. Пять мѣсяцевъ страдалъ Оедотовъ послѣдними неслыханными страданіями. «Его могучій организмъ и пламенная фантазія оказывались въ этомъ случаѣ гибелью: онъ не имѣлъ минуты успокоенія, часу сна, тихихъ или отрадныхъ иллюзій; онъ не поддавался недугу, не разставался съ частью своей необыкновенной памяти, узнавалъ посѣтителей, освѣдомлялся объ отсутствующихъ друзьяхъ, чертилъ рисунки на стѣнахъ своей комнаты видѣлъ предъ собой чудовищныя сцены и образы. Пзръдка въ его грезахъ выказывалась прежняя прекрасная душа; иногда Оедотовъ воображалъ себя богачомъ, скликалъ вокругъ себя любимыхъ особъ, говорилъ о томъ, что нужно превратить Васильевскій островъ въ древнія Аѣны, столицу художествъ и наполнить его мраморными дворцами, садами, статуями, и пантеонами».

О причинахъ болѣзни Оедотова ходило по городу множество догадокъ, выдумывались разныя романтическія заключенія. Въ этомъ случаѣ точно оказываются совершенно справедливыми, слова что: «если съ известнымъ человѣкомъ не было въ жизни романтическихъ происшествій, публика ихъ сама придумаетъ», во всемъ этомъ неопровержимо только то, что постоянными, необыкновенными трудами и творческими помыслами онъ разрушилъ свой крѣпкій организмъ до того, что вся мудрость человѣческая не могла его возстановить.

Недѣли за полторы до своей кончины, Оедотовъ пришелъ въ себя, но это видимое возвращеніе къ разуму не радовало опытныхъ медиковъ; оно было признакомъ близкаго конца и предвѣстницей развитія сильной водяной болѣзни. Не желая обманывать себя на счетъ своего положенія, больной пожелалъ пріобщиться Святыхъ Таинъ, прочиталъ письмо, полученное незадолго отъ отца, обнялъ своего вѣрнаго деньщика Коршунова, который не покидалъ его ни на минуту и ухаживалъ за нимъ, какъ за нѣжно-

любимымъ братомъ — и долго, долго плакалъ. Потомъ, вспомнивъ о нѣкоторыхъ изъ друзей своихъ, онъ пожелалъ съ ними проститься, пока еще было время, поименовалъ ихъ фамиліи и приказалъ Коршунову послать за ними прислужива, давъ ему «на водку». Посланный, желая въ полномъ смыслѣ воспользоваться подаркомъ, вмѣсто того, чтобъ поспѣшить своимъ порученіемъ, напротивъ, замедлил и этимъ лишилъ Павла Андреича послѣдней радости; поспѣвшіе на призывъ его друзья не застали его уже въ живыхъ; онъ умеръ 14 ноября и похороненъ на Смоленскомъ кладбищѣ, недалеко отъ большой церкви, въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ памятника знаменитой петербургской артистки В. Н. Асенковой. Приличное погребеніе художнику, замеченное отсутствіемъ его лучшаго друга П. И. Реслера, было сдѣлано щедротами Государя Цесаревича.

Вычисливъ всѣ заслуги и достоинства Федотова, какъ замѣчательнаго художника, окончимъ этотъ біографическій очеркъ, поговоривъ о немъ, какъ о человѣкѣ; собственно — о его личности. Павелъ Андреичъ Федотовъ былъ роста средняго, сложенъ крѣпко и, какъ самъ онъ выражался, *суковато*; силою физической онъ никогда не хвалился, но, во время послѣдней своей болѣзни, могъ руками выдергивать изъ стѣн гвозди; и когда наконецъ принуждены были, для безопасности, связать его, онъ выдергивалъ ихъ зубами. Наружность Федотова, особенно въ послѣдніе годы его жизни, была привлекательна особеннымъ выраженіемъ энергій; во взглядѣ и улыбкѣ его отражалась его свѣтлая, спокойная душа, не смотря на то, что въ этой улыбкѣ и взглядѣ видѣлось иногда сильное юмористическое выраженіе; волосы его были рѣдки и вылезли отъ постояннаго и усидчиваго труда. Одеждой щеголять онъ не любилъ, но никогда въ туалетѣ его нельзя было замѣтить неопрятности. Разговоръ Федотова блисталъ остроуміемъ; языкъ его былъ отрывистъ и картиненъ; каждое его слово, каждый эпитетъ, придуманный имъ, попадали мѣтко и долго не изглаживались изъ памяти. Трудъ добросовѣтный и упорный Федотовъ считалъ высшимъ наслажденіемъ жизни; жалѣлъ искренно объ участи людей хотя и умныхъ и милыхъ, но праздныхъ, и всегда спокойный душою, отъ своего здраваго практическо-философскаго взгляда на жизнь, на ея печали и радости, зналъ только одно глубокое горе — бѣдное положеніе любимаго имъ семейства. Въ этомъ отношеніи судьба Федотова сходствовала съ судьбою Грѣза. Согбенный лѣтями, нуждающийся Грѣзь мучительно беспокоился объ участи двухъ любимыхъ дочерей, которымъ и не могъ ничего оставить въ наследствѣ, кромѣ громкаго имени. Но Федотовъ былъ тверже Грѣза. Тотъ иногда признавался въ своей крайности и однажды написалъ къ

Наполеоновскому министру претрогательное письмо, въ которомъ признается, что никогда еще, ни одинъ разъ въ жизни, не имѣлъ онъ такой тяжелой минуты. Оедотовъ былъ высоко гордъ, и самые ближайшіе друзья его не могли догадаться о стѣснительномъ его положеніи. Къ семейной жизни онъ не показывалъ слишкомъ большаго ^{вн}расположенія, и говорилъ что: «Его не достанетъ на двѣ жизни, на двѣ задачи, на двѣ любви — къ женщинѣ и къ искусству.

«Нѣтъ, подтверждалъ онъ, чтобы идти и идти прямо, я долженъ оставаться *одинокимъ звякокой* до конца дней моихъ. Моего труда въ мастерской только десятая доля: главная моя работа на улицахъ и въ чужихъ домахъ. Я учусь у жизни, смотрю въ оба глаза; мои сюжеты разсыпаны по всему городу, и я самъ долженъ ихъ стыскивать. Свѣтъ сердится, когда люди умѣютъ быть счастливыми безъ него, и я не намѣренъ ссориться со свѣтомъ!»

Оедотовъ былъ для своихъ друзей и знакомыхъ занимательнѣе самой любопытной и рѣдкой книги, всякій изъ знавшихъ его, подтвердитъ замѣчаніе что:—Разказы этого человѣка, видѣшаго на своемъ вѣку только Петербургъ и Москву, были живѣе, интереснѣе, неистощимѣе, чѣмъ разказы людей, объѣхавшихъ пол-свѣта. Подъ угловатостью его манеръ, подъ сужденіями, казавшимися для иныхъ рѣзкими, таилась деликатность души, терпимость и уступчивость безконечная.

Знакомыхъ у Оедотова было очень много, но частыя приглашенія его тяготили, хотя онъ и знакомился очень охотно; побывавъ въ новыхъ домахъ нѣсколько разъ, насмотрѣвшись на новыя лица, онъ тотчасъ же возвращался къ своему обыкновенному быту — къ труду и уединенію. Разгульной жизни Оедотовъ рѣшительно не могъ терпѣть, и старался удалиться такого общества. Снисходительность Оедотова, при оцѣнкѣ чужихъ талантовъ и произведеній, была необыкновенна и показываетъ еще одну прекрасную и благородную черту его характера.

«Расхаживая съ нимъ по чьей-нибудь галерей, по заламъ академіи, во время выставки, нужно было дивиться его безпристрастной или, скорѣе, пристрастной въ хорошую сторону натурѣ. Для маленькой искры таланта онъ прощалъ всѣ ошибки; если и таланта не было, онъ чтывъ трудолюбіе художника, хвалилъ выборъ сюжета, указывалъ на какую-нибудь малѣйшую дѣльно-выполненную подробность. Людямъ, дающимъ волю своей зависти, стоило иногда подслушать эти оцѣнки. Терпимость Оедотова могла назваться безграничною; даже въ его оужденіяхъ всегда было нѣчто теплое, смягчающее рѣзкость главнаго приговора. Мимо картинъ, плохихъ до крайности, проходилъ онъ молча и какъ-бы торопливо: никогда не позволялъ себѣ глаумиться надъ

бездарностью, наносить ударъ упавшему человѣку. *Трудъ* былъ для него чѣмъ-то священнымъ».

Къ обстановкамъ и вѣщности жизни Оедотовъ былъ очень равнодушенъ. Квартиру нанималъ онъ всегда очень маленькую, въ послѣднее же время меньше, чѣмъ когда-либо, въ самомъ отдаленномъ краю Васильевскаго острова. Но такое убогое помѣщеніе не приводило въ уныніе Оедотова; его радости не были похожи на радости людей обыкновенныхъ; окружающій его пустырь и виды голыхъ трубъ были для него достаточны. Единственная комната его, кромѣ передней, въ которой помѣщался его *слуга* и *другъ*, была наполнена, въ беспорядкѣ, книгами, начатыми рисунками, гипсовыми ручками и ножками. Въ оригинально-собранной имъ бібліотекѣ, можно было найти Винкельмана, Пушкина, англійскія учебныя книжки, Кантемира, какой-нибудь журналъ Екатерининскихъ временъ, разрозненные томы старыхъ французскихъ изданій, или какую-нибудь рукописную поэмю. Не смотря на то, что все классическіе русскіе писатели были знакомы Оедотову, онъ не слишкомъ занимался ими, перечитывалъ только одного Фонъ-Визина и удивлялся твореніямъ Крылова и Лермонтава, котораго нѣкоторыя стихотворенія называлъ пѣснями «*богатыря въ минуту скорби не слышанной*». Печатныя похвалы о немъ не производили на него никакого впечатлѣнія; въ послѣдствіи даже онъ и не старался читать ихъ. Въ поэзіи и литературѣ онъ желалъ видѣть пособіе своимъ трудамъ, возвышенное развлеченіе, цѣлый міръ благородныхъ и свѣтлыхъ мечтаній. Оттого съ нимъ можно было говорить о всякой точкѣ въ области старой и новой словесности, о литературныхъ дѣлахъ, давно рѣшенныхъ свѣтомъ, о новыхъ явленіяхъ, о совершенной старинѣ: на всякій вопросъ вы получали отвѣтъ человѣка, чуждаго предразсудковъ и глядящаго на вещи съ своей собственной точки зрѣнія. Иногда Оедотову попадалась въ руки книга, твореніе давно уже признанное слабымъ; не зная общаго суда, не имѣя способности вѣрить цѣнителямъ на слово, онъ подступалъ къ книгѣ съ любовью, и нужно было видѣть сколько мыслей и матеріаловъ извлекалъ его пытливый умъ изъ вещи, повидимому вялой и заброшенной! Со страстью подмѣчая каждое новое свѣдѣніе, каждую новую мысль, даже каждое мѣткое выраженіе, видя во всякомъ трудѣ даже нѣчто большее, чѣмъ думалъ сказать писатель, нашъ художникъ ко всей своей зоркости и симпатіи, присоединялъ свѣжесть взгляда, которой не добился годами усилій».

Не удивительно, что послѣ такой всеисходящей, всепрощающей натурѣ, при его *укладчивомъ* характерѣ, какъ выражался самъ Оедотовъ, онъ не имѣлъ въ жизни своей ни одного человѣка, къ которо-

му—бы чувствовалъ какую-нибудь антипатию, или который—бы ему могъ не понравиться или наскучить. Изъ всякихъ мелкихъ личностей, онъ извлекалъ для себя то, что ему могло пригодиться, и снисходительно смотрѣлъ сквозь пальцы на прочія особенности и недостатки.

Домашняя жизнь Федотова шла ровно, какъ заведенные часы. Вставалъ онъ очень рано, выпивалъ стаканъ полугорячаго чаю, раскрывалъ форточки, не смотря ни на какую погоду, обливался холодною водою, потомъ одѣвался въ пальто или теплую шинель и отправлялся на прогулку, съ которой возвращался съ новымъ запасомъ наблюденій и разныхъ сценъ, подмѣченныхъ среди улицъ и рынковъ, чрезъ которые удавалось ему проходить. Въ этихъ прогулкахъ онъ выбиралъ всегда мѣста болѣе населенныя, могущія доставить больше пищи его зоркому, ничего не пропускающему безъ вниманія взгляду.

«Еслибы онъ имѣлъ время и прихоть вести свой журналъ, мы обладали—бы автобіографіею, несравненно въ своемъ родѣ — автобіографіею, изъ которой художники послѣдующихъ поколѣній могли-бы почерпнуть готовые сюжеты для картинъ. Заставъ его послѣ прогулки, уже можно было бесѣдовать съ нимъ полдня, не исчерпавъ всѣхъ предметовъ, имъ подмѣченныхъ. Тамъ онъ видѣлъ чухонцевъ, игравшихъ въ носки у дворника, у одного уже носъ былъ расъ *формою своею, сходствуя съ кактусомъ*. Въ другомъ мѣстѣ ему удалось идти слѣдомъ за двумя толстенькими дѣвочками, отправлявшимися въ пансіонъ, причемъ было открыто, подъ шляпкой, ушко маленькое и прозрачное, какое рѣдко кому видѣть случалось. Потомъ навстрѣчу ему попался отставной морякъ, съ половиной козырька; борода была у него *какъ серебряная скребница*; дорогою, старикашка сообщилъ ему кое-что очень любопытное о своемъ свиданіи съ Лордомъ Нельсономъ, въ Неаполѣ. Потомъ заходилъ онъ къ одному своему должнику, который встрѣтилъ его въ самомъ утреннемъ неглиже, безъ халата, будто желая показать, что *съ меня, братъ, взять нечего!* И все это разсказывалось такъ, какъ немногіе умѣютъ разсказывать.»

Чтобы подмѣтить что-либо особенное, нужное ему, Федотова не пугало никакое пространство, не останавливали никакія препятствія. Однажды, идя съ однимъ изъ своихъ пріятелей, г. Вильбоа, по Невскому проспекту, встрѣтилъ онъ одного провинціала, въ зеленомъ картузѣ, окинулъ его быстрымъ своимъ взглядомъ и, тотчасъ-же, схвативъ своего спутника за руку, сказалъ съ живостью:

— Самъ просится въ картину, грѣшно будетъ упустить такой прекрасный случай; обстоятельство нужно ловить и имъ пользоваться. За-

имѣте, какая оригинальная талія, какой складъ. Во-чтобы то ни-стало, а я съ нимъ познакомлюсь, чтобъ имѣть возможность въ него всмотрѣться.

Господинъ, въ зеленомъ картузѣ, покупалъ яблоки и пробовалъ ихъ, стоя на тротуарѣ, Федотовъ также началъ торговать яблоки, также ихъ пробовать и вмѣстѣ съ тѣмъ завязалъ разговоръ. Разговоръ этотъ послужилъ началомъ знакомства и средствомъ пройти довольно значительное пространство. Возвратясь домой, Федотовъ тотчасъ же нарисовалъ оригиналъ, съ такимъ поразительнымъ сходствомъ, какъ будто тотъ нѣсколько разъ давалъ ему сеансы. Съ такимъ-же изумительнымъ совершенствомъ снялъ онъ въ Москвѣ, на память, портретъ известной нашей писательницы, графини Ростопчиной. Способность удерживать въ памяти фizioноміи, поразившія его вниманіе, была у Федотова необыкновенная. Другой разъ, чтобы видѣть заинтересовавшую его особу, художникъ нашъ, не имѣя даже *блюднаго* капитала, выражаясь его словами, имѣлъ терпѣніе нѣсколько дней сряду ходить въ Опекунскій Совѣтъ и торговаться вмѣстѣ съ другими на покупку имѣній. Смоленское кладбище, во время праздниковъ на немъ, представляло ему обильное поле для наблюденій; онъ было уже началъ чертить нѣкоторыя мѣтко схваченныя сцены, но понуждаемый обстоятельствами, долженъ былъ, къ сожалѣнію, оставить задуманное.

Тотчасъ послѣ утреннихъ прогулокъ, Федотовъ садился за работу и работалъ часовъ шесть, семь, безъ отдыха, развѣ отходилъ на минуту, чтобъ набросать на бумагѣ какіе-нибудь стихи, мелькнувшіе въ его умѣ или записать какую-нибудь, представившуюся ему, оригинальную мысль, удачное сравненіе. Такъ однажды, въ присутствіи художника Бернардакаго, сидя за передѣлкою какой-то фигуры, которою онъ, уже совершенно окончивъ ее, остался вдругъ недоволенъ и, замаравъ, началъ снова перерисовывать, Федотовъ вдругъ вскочилъ и быстро, торопливо спросилъ посѣтителя, очень серьезно:

— Знаете-ли вы, что такое именно наше обыкновенное, какъ большая часть его понимаетъ, воспитаніе? Многіе, можетъ быть, затруднятся опредѣлить его значеніе; это все происходитъ оттого, что у насъ не такъ его пишутъ. Я вамъ сей-часъ покажу, что такое именно воспитаніе. Примите только въ соображеніе разницу одного звука, одного слова и вамъ все будетъ ясно, какъ въ зеркалѣ.

И взявъ карандашъ, Федотовъ написалъ сперва: *воспитаніе* ихъ вслѣдъ за нимъ: «*возъ-питанія*».

«Вотъ какъ единственно понимаютъ у насъ многіе родители значеніе этой *штуки*, и фонъ-Визиновыхъ Митрофанушекъ, я увѣренъ, еще и

до-сихъ-поръ очень много» добавилъ онъ, и потомъ опять сѣлъ за хлопотливую работу, не распространяясь болѣе.

Въ три часа Оедотовъ начиналъ одѣваться, чтобъ выдти куда-нибудь, но рѣдко впрочемъ куда въ гости обѣдать, потому-что былъ очень умѣренъ и не искалъ, какъ многіе, только сытнаго и роскошнаго стола. Къ изящнымъ блюдамъ онъ оказывался всегда очень равнодушенъ, а изъ винъ любилъ онъ только бѣлыя и красныя столовыя вина, и то въ маломъ количествѣ; одного стакана котораго-нибудь изъ этихъ винъ было ему уже довольно. При усердномъ угощеніи радушныхъ хозяевъ онъ всегда отказывался, отзываясь слабостью глазъ, которыми точно страдалъ, употребляя противъ глазной боли только одно домашнее лекарство—компрессъ изъ холодной, со льдомъ воды. Лечиться онъ не любилъ и никогда не слушался докторскихъ совѣтовъ, заключавшихся въ томъ, что ему необходимо, время отъ времени, маленькій разгулъ и развлеченіе. Послѣобѣденный сонъ почиталъ онъ самымъ лучшимъ для себя лекарствомъ, и потому если и обѣдывалъ у кого-нибудь, то это у такихъ людей, у которыхъ онъ могъ быть, какъ у себя дома. Съ наступленіемъ вечера онъ снова принимался за занятія, набрасывалъ карандашемъ очерки новыхъ своихъ картинъ, или рисовалъ отдѣльныя фигуры и сцены, или, если время ему позволяло, отправлялся къ короткимъ знакомымъ, или въ театръ итальянской оперы, въ которой *раекъ*—мѣсто, дозволявшее ему множество наблюдений—предпочиталъ онъ всемъ прочимъ мѣстамъ и возвращался оттуда съ запасомъ самыхъ занимательныхъ повѣствованій. Оставаясь по какому-нибудь случаю вечеромъ дома, и не имѣя крайней необходимости работать, Оедотовъ и тутъ не проводилъ времени праздно, а занимался чтеніемъ древнихъ авторовъ, говоря, что изъ произведеній ихъ больше выучишься, чѣмъ пересмотрѣвъ все картинныя галереи въ свѣтѣ, и что всякій художникъ новаго періода не можетъ жить безъ чтенія, потому-что недостатокъ образованія бываетъ причиною, что слава даже многихъ талантливыхъ художниковъ теряетъ отъ этого не мало. Желая научиться англійскому языку и любя произведенія Вашингтона Ирвинга и Байрона, онъ началъ изучать послѣдняго, но вскорѣ долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія по недостатку времени. Человѣку этому, чуждому всякаго отѣнка зависти, чувство изящнаго и восторгъ къ нему были доступны въ высшей степени; какъ онъ радовался каждому новому успѣху своихъ товарищей, и какъ глубоко сожалѣлъ или объ упадкѣ ихъ творческихъ силъ или объ утратѣ самихъ ихъ!

По полученіи извѣстія о смерти скульптора Ставассера, Оедотовъ проговорилъ съ выраженіемъ самой нетинной глубокой горести: «умеръ еще одинъ великій художникъ! умеръ, не показавъ намъ десятой части своего товара!»

И что-жъ? и самому ему суждена была такая же грустная участь! Какъ-бы томимый какимъ-то тяжкимъ предчувствіемъ, Оедотовъ, будучи въ послѣднее время у М. А. Половцова и просимый имъ нарисовать или написать что-нибудь на память въ альбомъ, долго отговаривался, говоря, что мысли его въ настоящую минуту все въ разбро-

дѣ, а голова занята разнообразными, серьезными планами, отъ которыхъ зависитъ его будущность и осуществленіе любимой, давнишней мечты—побывать за границей и, главное, на родинѣ Гогарта, котораго таланту онъ удивлялся, можетъ быть и самъ внутренно сознавая, что онъ не ниже его. Наконецъ, уступивъ настоятельнымъ требованіямъ, онъ взялъ перо и написалъ экспромптомъ:

Все планъ за планомъ въ головѣ,
Но жребій рушить эти планы...
О, не одна намъ жизнь, а двѣ,
И суждены и даны!

И подъ этими стихами, вмѣсто своего имени, слово: *Кончено!!!* которое всѣмъ присутствовавшимъ показалось очень страннымъ.

На вопросъ: зачѣмъ онъ выбралъ такой сюжетъ? Ѳедотовъ отвѣчалъ:

— Это, не знаю, по чему—то мое убѣжденіе, которое я никакъ не могу выкинуть изъ головы. Впрочемъ, поживемъ, посмотримъ; можетъ, предчувствіе и обманываетъ меня!

Но онъ къ несчастію не обманулся; высокіе планы его рушились. Не имѣя силъ отнять отъ земли лучшей части его земнаго существованія—произведеній его мысли и его художественнаго творчества, самого его успѣла уничтожить смерть. По неволѣ съ глубокимъ вздохомъ вспомнишь стихи князя Вяземскаго:

И сколько ужъ именъ прекрасныхъ
Она отторгла отъ живыхъ,
И сколько лиръ виситъ безгласныхъ
На кипарисахъ молодыхъ!..

Но надъ могилой Ѳедотова, нѣтъ даже, къ сожалѣнію, до-сихъ-поръ и кипариса.

Желательно было-бы, чтобъ какой-нибудь добросовѣстный и проникнутый патриотическою славой, издатель собралъ всѣ картины и рисунки Ѳедотова, которыхъ большая часть разбросана по разнымъ мѣстамъ и находится у его знакомыхъ и пріятелей. Онъ бы сдѣлалъ большую услугу исторіи нашей русской живописи, сохранилъ-бы въ ней въ цѣломъ составѣ блистательную страницу для будущаго потомства художниковъ и вѣрно-бы не остался въ накладѣ самъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доставилъ-бы вспомошествованіе почтенному и недостаточному семейству нашего незабвеннаго академика. Русь велика и впечатлительна къ благороднымъ и достойнымъ уваженія порывамъ, и поэтому надежда, что когда-нибудь всякій любитель изящнаго можетъ увидать у себя альбомъ всѣхъ произведеній Ѳедотова—не должна быть потеряна какъ напрасная мечта!

III.

СОМНѢНІЯ.

Разсказъ.

—

I.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ пѣхотный полкъ, въ которомъ я тогда служилъ, былъ переведенъ штабсъ-капитанъ Николай Петровичъ Бѣлковскій. Не знаю, сходство-ли вкусовъ и понятій, скука-ли зимней стоянки или безотчетная симпатія сблизили насъ, но только мы скоро стали искренними пріятелями.

Николаю Петровичу было около 30 лѣтъ. Не вдаваясь въ излишнія, часто ни къ чему неведущія подробности о наружности главнаго лица разсказа, скажу только, что дамы — а на ихъ вкусъ можно положиться — находили лицо моего пріятеля чрезвычайно интереснымъ, хотя оно и не отличалось особенною правильностью. Это было одно изъ тѣхъ умныхъ и выразительно-добрыхъ лицъ, съ небольшимъ оттѣнкомъ грусти, которыя такъ нравятся женщинамъ. Не смотря на то, что Бѣлковскій приближался къ тридцати годамъ, возрасту довольно почтенному, сердце его еще было полно юношескаго жара и грезъ и жадно ожидало обязательнаго дыханія любви, чтобъ вполне развиться и выказать свои богатства, скрытыя подъ искусственною оболочкою мнимаго разочарованія.

Наука жизни, въ строгомъ смыслѣ, не далась Бѣлковскому. Подъ вліяніемъ обстоятельствъ и своего характера, онъ долго жилъ сосредоточенною въ самомъ себѣ жизнью, не обращая строгаго вниманія на происходившее вокругъ него, и судилъ о жизни вообще по своимъ ошибочнымъ теоріямъ и тому немногому горькому опыту, который выпалъ ему на долю. Можно представить себѣ всю односторонность его понятій объ этомъ предметѣ. Но былъ въ Бѣлковскомъ одинъ недостатокъ, гораздо значительнѣе предыдущаго, это—недовѣріе его къ самому себѣ и своимъ нравственнымъ силамъ. Мнительность его и колебанія не имѣли границъ. Рѣшившись на что-нибудь сегодня, на другой день онъ уже боязливо смотрѣлъ на такую рѣшимость. Сознавая этотъ недостатокъ, мой пріятель хотѣлъ найти опору въ анализѣ противу, какъ онъ говорилъ, обмана чувствъ и заблужденій, разсудка. Но характеръ человѣка отражается и въ способѣ его мышленія. Анализъ Бѣлковскаго не былъ тѣмъ методомъ, который скоро и прямо приводитъ къ истинѣ и открываетъ настоящее значеніе предмета — нѣтъ, анализъ его, какъ самъ Николай Петровичъ, былъ боязливъ, мнителенъ и чрезъ то, конечно, довольно близорукъ. Не имѣя, такимъ образомъ, и съ этой стороны твердой точки опоры въ самомъ себѣ, и сознавая свое внутреннее безсиліе, Бѣлковскій упалъ духомъ и началъ болѣе довѣрять сужденіямъ другихъ, нежели собственнымъ. По этому-то, высказывая *свое* убѣжденіе, онъ почти всегда смотрѣлъ безпокойно въ лицо слушателю, какъ-бы требуя его одобренія. Я думаю, и это мое личное мнѣніе, что практическая жизнь и ея прямыя, хотя часто немного горькія истины имѣли-бы благотвѣтельное вліяніе на характеръ Бѣлковскаго и дали-бы уму его болѣе нормальное направленіе. Но живя постоянно уединенно, вдали отъ общества, гдѣ-бы онъ могъ разсѣяться и подчасъ провѣрять свои сужденія, Николай Петровичъ тѣмъ самымъ отдавался на жертву волновавшимъ его сомнѣніямъ и противорѣчіямъ, и—незамѣтно нравственно уродовалъ себя. Природа много положила прекрасныхъ началъ въ основаніе натуры моего пріятели. Онъ былъ добръ, благороденъ, съ душою пылкою и воспримчивою, способною оцѣнить все изящное и высокое. Но достоинства эти оставались безъ употребленія и не приносили никому существенной пользы.

Въ рѣдкія минуты, когда Бѣлковскій отрѣшался на-время отъ подозрительности и сомнѣній, онъ бывалъ истинно прекрасенъ, какъ человѣкъ умный, начитанный, съ многосторонними свѣдѣніями и какъ человѣкъ съ душою. Къ сожалѣнію, минуты эти приходили не часто.

Чтобъ понять причины отсутствія твердости и самостоятельности въ характерѣ Бѣлковскаго и его непрерывныя сомнѣнія, нужно знать обстоятельства его предыдущей жизни.

Николай Петровичъ рано лишился матери (она, — миръ ея праху и вѣчная память, — оставила своему единокровному дѣтищу порядочное состоянiище,) и, взаи́мнѣ, скоро приобрѣлъ мачиху. Отецъ моего прiятеля былъ одинъ изъ тѣхъ слабыхъ людей, которые не могутъ жить безъ того, чтобы не подчиниться кому-нибудь и словомъ и дѣломъ; а кому-же ему лучше было отдать въ опеку свою особу вмѣстѣ съ сыномъ, какъ не второй женѣ, дамѣ, въ изумительной степени обладавшей твердостью и непоколебимостью характера?

Съ маленькимъ Колей случилось то, что случается почти со всеми пасынками. Въ первой юности, когда ребенку, какъ физическая потребность, необходимы материнскія ласки и попеченiя, бѣдный Коля былъ предоставленъ исключительно заботамъ няньки, грубой деревенской бабы. Мачиха имъ вовсе не занималась. Впоследствии-же, когда у ней самой, одинъ за другимъ, начали появляться на бѣлый свѣтъ то дѣвочки, то мальчики, Коля былъ совершенно забытъ. Если же онъ иногда и напоминалъ о себѣ какою-нибудь дѣтскою шалостью, то это напоминанiе не проходило ему даромъ.

Въ періодъ перваго умственнаго развитiя ребенка, когда онъ только-что вступилъ въ учебную сферу, всякое приобретенное имъ познанiе, ставившее его выше лѣннiцевъ-братьевъ, служило ему какъ-бы укоромъ и навлекало отъ мачихи тѣму мелкихъ преслѣдованiй. Всякій порывъ его пылкой души, каждое проявленiе благороднаго чувства часто встрѣчались насмѣшкою, или было перетолковываемо въ дурную сторону. Его наконецъ запугали.

Другой характеръ, отъ природы энергическій и твердый, еще болѣе развился-бы и окрѣпъ посреди этихъ невзгодъ; но не такъ было съ Бѣлковскимъ. Съ каждымъ днемъ, спльнѣе и сильнѣе въ его дѣтской душѣ, и безъ-того нѣсколько склонной къ мнительности, зараждалось недовѣрiе къ самому себѣ, къ своимъ поступкамъ и чувствамъ. Здѣсь кроется первое сѣмя тѣхъ сомнѣнiй и колебанiй въ характерѣ моего прiятеля, которыя, подъ-часъ, дѣлали жизнь его несоевѣмъ прiятною.

Но вотъ Колѣ минуло 13 лѣтъ, и его отвезли въ корпусъ. Тутъ не обошлось безъ насмѣшекъ и преслѣдованiй отъ товарищей за робость и нерѣшительность. И означили Бѣлковского обиднымъ прозванiемъ *курицы*. Такъ онъ и слылъ курицей во всю бытность въ корпусѣ. Но въ замѣнъ, Бѣлковскiй встрѣтилъ здѣсь то, чего неоставало ему дома—поощренiе прилежанiя, благоразумную снисходительность и заботливость о немъ. Это его нѣсколько примирило съ его положенiемъ, но не могло закрыть тѣхъ ранъ въ умѣ и сердцѣ, которыя были уже нанесены. Впечатлѣнiя дѣтства нелегко изглаживаются.

Наконецъ Бѣлковскаго выпустили на службу.

Дѣйствительная жизнь, съ ея удовольствіями и волненіями, съ ея тревогами, произвела на него въ первый разъ какое-то отуманивающее дѣйствіе. Онъ видѣлъ передъ собою только безконечный рядъ наслажденій и, какъ школьникъ, вырвавшійся на свободу, очертя голову, бросился на нихъ, хотя эти наслажденія иногда были и несовершенны чисты.

Аресты, выговоры и замѣчанія градомъ посыпались на него. Николай Петровичъ былъ на первый разъ сконфуженъ и благоразумно остановился. Но сердце его, находившееся до-тѣхъ-поръ въ усыпленіи, несогрѣваемое никакою привязанностью, пробудилось въ немъ. Потребность любить и быть любимымъ быстро, съ силою вспыхнула въ его юномъ сердцѣ. И онъ полюбилъ!..

Встрѣтся Бѣлковскому въ ту пору, не томная дѣва—предметъ его тогдашней страсти, а другая хорошенькая женщина, онъ полюбилъ бы ее съ равнымъ увлеченіемъ, потому что въ женщинѣ онъ любилъ женщину, а не ея личность, потому что жаръ сердца, такъ долго сдерживаемый, долженъ былъ найти себѣ исходъ и излиться въ привязанности. По счастью, Бѣлковскаго командировали куда-то мѣсяца на три, и это только помѣшало ему жениться. Когда-же, послѣ трехмѣсячной разлуки, онъ увидѣлъ предметъ своей любви, то сердце его уже было спокойно. Тутъ Николай Петровичъ убѣдился, что это была не любовь, а увлеченіе. Онъ впервые довольно-ясно созналъ, что для той любви, которая служитъ основаніемъ семейному счастью, нужно глубокое уваженіе къ нравственнымъ достоинствомъ, любимаго лица и твердое убѣжденіе, что лицо это обладаетъ дѣйствительными преимуществами ума, души и сердца, а не обманчивыми ихъ призраками; что только при этихъ условіяхъ страсть будетъ продолжительною, въ противномъ-же случаѣ, она быстро исчезнетъ и, вмѣсто упоенія любви, явится раскаяніе и досада на себя, что могъ увлечься пустѣйшею личностью.

Не смотря, однакожъ, на это, въ известной степени справедливое разсужденіе, нѣсколько позже, у Бѣлковскаго за первымъ увлеченіемъ послѣдовалъ цѣлый рядъ ихъ, одно другаго пошлѣе; и когда онъ отрезвился отъ послѣдняго изъ нихъ, то невольно задалъ себѣ вопросъ: какъ-же отличить любовь отъ увлеченія и разграничить ихъ?

Сердце его наконецъ было утомлено этимъ обильнымъ наливомъ мимолетныхъ привязанностей, и погрузилось въ легкую дремоту. Это временное усыпленіе Бѣлковскій принялъ за мертвенность сердца, и потому съ жаромъ увѣрялъ, что онъ ужъ отжилъ для *безумныхъ* порывовъ страсти.

Однакожъ, прошедшія увлеченія заставили Николая Петровича еще

строже слѣдить за собою и не иначе довѣрять чувствамъ, какъ съ одобренія своего мнительнаго ума. Анализъ предложилъ свои услуги и Бѣлковскій съ благодарностью принялъ ихъ. Въ умъ его закипѣла работа. Новый случай принялся ратовать съ необыкновеннымъ рвеніемъ и окончительно, можетъ быть, извратилъ—бы добрую и благородную натуру моего пріятели, если—бы чувства, вызванныя однимъ событіемъ, о которомъ я разскажу, не постояли за себя.

II.

По прибытіи Бѣлковскаго къ намъ въ полкъ, я постарался познакомиться его съ обществомъ того городка, гдѣ тогда была наша штабъ-квартира. Но первые его визиты были и послѣдними. Дѣйствительно, общество было незавидное. Провинціальныя дамы, съ ихъ претензіями на образованность и въ извѣстной степени на великосвѣтскость и дѣловые разговоры мужей, не могли привязать Бѣлковскаго. Онъ попрежнему началъ сидѣть дома и читать. Служебныя обязанности разлучили насъ на нѣкоторое время. Когда я снова увидѣлъ своего пріятели, то замѣтилъ въ немъ значительную перемену: онъ пересталъ хандрить и на лицѣ его явилась улыбка такая добрая, такая кроткая, исполненная душевнаго спокойствія, что я не могъ не порадоваться.

— А я сдѣлалъ новое знакомство, сказалъ мнѣ Бѣлковскій.

— Съ кѣмъ?

— Съ семействомъ Андреева, здѣшняго стряпчаго.

— Что-же это за семейство? Я не знакомъ съ ними...

— Чрезвычайно доброе и милое. Отецъ и мать олицетворенные Филемонъ и Бавкида, а...

— А дочь ихъ прехорошенькое созданіе, договорилъ я.

— Вы угадали, отвѣчалъ Николай Петровичъ, улыбаясь.—Я тамъ провожу почти всѣ вечера. Болтаемъ, безъ всякихъ претензій на умъ и остроуміе, играемъ на фортепьяно, иногда поемъ и читаемъ, и я, право, не замѣчаю, какъ проходитъ время...

— Значитъ, вы довольны настоящею жизнью?

— Пожалуй, если хотите, такъ и доволенъ.

Бѣлковскій не ошибся, назвавъ Петра Ивановича и Анну Федоровну Андреевыхъ Филемономъ и Бавкидой: какъ и мнѣологическіе супруги, они питали другъ къ другу нѣжную и безграничную привязанность. Послѣ тридцати лѣтъ супружества, они, отчасти ужъ съ

поблѣвшими волосами, казались влюбленною молодою четою. Дочь, Катенька, была звѣномъ, крѣико связывавшимъ ихъ. За годъ передъ прїѣздомъ Бѣлковскаго, Катя была выпущена изъ института. Ея искусственно дѣтская добрая натура, еще неспорченная свѣтомъ, ея плѣнительное личико, окаймленное русыми локонами, наивность ребенка и этотъ аромат дѣвственности, вѣющей отъ семнадцати-лѣтняго созданія, не могли не обратить на нее болѣе нежели вниманія со стороны мужчинъ. Катѣ было только 17 лѣтъ, но ея простой образъ возрѣнія на вещи былъ гораздо лучше того подозрительнаго анализа, которымъ руководствовался Бѣлковскій. Женскій инстинктъ, почти никогда необманывающій, при помощи здраваго смысла, помогаль ей отгадывать, хотя иногда и смутно, то, до чего Бѣлковскій доходилъ путемъ долгихъ сомнѣній и изслѣдованій.

Чаше и чаще Николай Петровичъ сталъ посѣщать Андреевыхъ, и наконецъ, какъ онъ сказалъ мнѣ, проводилъ у нихъ почти всѣ вечера. Каждый разъ, какъ онъ уходилъ оттуда, чувствовалъ, что на душѣ у него свѣтлѣе и отраднѣе. Уснувшія мечты вновь пробудились; въ нихъ, какъ свѣтлое видѣніе, носилось личико Катеньки. Самъ того не зная, Бѣлковскій далеко отбросилъ свою всегдашнюю осторожность и поддался обаянію институтки. Безъ его вѣдома, любовь родилась и начинала расти и крѣпнуть.

Въ тотъ годъ осень была особенно ненастная. Уѣздный городокъ, въ буквальному смыслѣ, плавалъ въ грязи. Эта причина, волей-неволей, заставляла горожанъ, даже самыхъ безпокойныхъ и неусидчивыхъ, оставаться дома по цѣлымъ недѣлямъ. Городскія новости, прежде разносимыя каждый день услужливыми знакомыми, теперь, по случаю грязи, почти прекратились, и это для большей половины жителей, въ особенности для дамъ, дѣлало еще скучнѣе, еще однообразнѣе пасмурные и дождливые дни и долгіе осенніе вечера. Погода, однакожь, не имѣла вліянія на посѣщенія Бѣлковскимъ Андреевыхъ, гдѣ онъ ужъ былъ принятъ, какъ близкій человекъ. Старички были отъ него въ восхищеніи. Его умная и часто веселая бесѣда сокращала для нихъ скучное время.

Въ одинъ вечеръ семейство Андреевыхъ, кромѣ Кати, сидѣло въ своей маленькой гостиной. Анна Федоровна занималась какимъ-то вязаньемъ и слушала рассказы бывшей тутъ-же гостыи-сосѣдки Пелагеи Лукьяновны Пенкиной, дамы съ необыкновенно развязными манерами, бойкими глазами и еще болѣе бойкимъ языкомъ. Пелагея Лукьяновна была неизбежное лицо въ провинціальному мірѣ. Она прославилась въ городкѣ своею обширною и безкорытною дѣятельностью—въ собираніи новостей всякаго рода и передачѣ ихъ въ самомъ заманчивомъ видѣ.

Она знала все, что дѣлается въ городѣ, и страшно обидѣлась-бы, еслибъ ей сказали, что она чего-нибудь не знаетъ. Находились люди, вѣроятно, завидовавшіе заслуженной популярности м-ше Пенкиной, которые утверждали, что всё ея новости не больше, какъ самыя грязныя сплетни; но такихъ людей было немного и ихъ Пелагея Лукьяновна казнила презрѣніемъ.

Теперь Пенкина рассказывала о какой-то недавней свадьбѣ. Она дошла до такихъ подробностей, что даже перечислила количество бѣлья, даннаго въ приданое.

— А я слышала, что и у васъ скоро будетъ свадьба, сказала Пелагея Лукьяновна, окончивъ рассказъ:—всѣ въ городѣ толкуютъ, что ваша Катенька выходитъ замужъ...

— За кого-же это? спросила Анна Федоровна, поднявъ голову.

— Да вотъ за этого офицера, что у васъ бываетъ, какъ его?.. Бѣлугинъ... Бѣляевъ что-ли?

— За Бѣлковскаго? Все это только городскія сплетни...

— Да я и сама говорила это, только никто и слушать не хочетъ. Юлія Мартыновна сказывала, что у васъ и приданое шьется. Вотъ поди ты съ ними!.. Прошедшій годъ тоже распустили слухъ, что Катенька выходитъ за Локтева. Видишь, дѣлать нечего людямъ, такъ и сочинять что-нибудь... Тараторки! сказала Пелагея Лукьяновна, проникутая благороднымъ негодованіемъ.

Пришелъ и Бѣлковскій. Вошедшая въ это время Катя дружески протянула ему руку. Отъ вниманія Пенкиной не ускользнуло это пожатіе и радостная улыбка, игравшая на губахъ дѣвушки.

— А вотъ такъ ужъ правда, продолжала гостя:—что Машенька Чернова выходитъ за Марковецкаго...

— Объ этомъ она сама писала къ Катѣ; вѣдь они изъ одного института.

— Ужъ именно дастся ей счастье, вѣрно за молитвы, да добродѣтель Мавры Андреевны. Правда, женихъ не молодъ; не мѣшало-бы даже если-бы ему сбросить съ плечъ годковъ десятокъ, но за-то рѣдкихъ правиль челоуѣкъ, съ состояніемъ...

И Пелагея Лукьяновна съ любовью начала перечислять имущество стараго жениха.

— Бѣдная Маша! сказала съ грустью Катенька:—А мы съ нею когда-то такъ сладко мечтали о счастіи. И вотъ...

— Счастье—мечта, сказалъ Бѣлковскій тономъ философа.—Кто на-шелъ его въ жизни? Слова эти вырвались у Николая Петровича при воспоминаніи о прошлыхъ его безплодныхъ погоняхъ за счастьемъ.

Катя какъ-то пугливо взглянула на него.

— Вы сами тому не вѣрите, что сейчасъ сказали, горячо начала она.—Счастье существуетъ, хотя его и не всегда понимаютъ тѣ кому оно дается.

— Пожалуй, я согласенъ съ вами, что счастье есть, отвѣчалъ Бѣлковскій.—Не даромъ-же у человѣка врождена безпокойная жажда счастья. Если существуетъ потребность, то, конечно, долженъ существовать и предметъ, который-бы удовлетворилъ ее. Но я назвалъ счастье мечтою, потому-что оно, какъ мечта, непродолжительно и измѣнчиво. То, что составляетъ сегодня счастье, будетъ-ли тѣмъ-же завтра и послѣзавтра, когда ужъ мы свыкнемся съ новымъ положеніемъ?

— Я знаю одинъ родъ счастья.

— Ты-бы, Катенька, что-нибудь сыграла, сказала мать, желая прервать этотъ разговоръ, почему-то ей не нравившійся.

— Я, право, не знаю, что играть! М-г Nicolas, выберите что-нибудь, только ради Бога не польку.

Бѣлковскій подалъ ей тетрадь Trois rêveries.

— А!.. это любимая ваша пьеса. Я буду играть ее съ уговоромъ: вы должны потомъ пѣть. Хорошо?

— Я не могу сегодня пѣть, потому-что немного простудился.

— М-г Nicolas! вы такой противный, когда начинаете капризничать!

— Я вовсе не капризничаю, и чтобъ доказать вамъ это, я буду пѣть; но для васъ-же хуже: послѣ первыхъ нотъ, вы сами попросите меня замолчать.

Хорошенькія ручки Кати легли на клавиши—и полились звуки, то нѣжные, пѣвучіе и томные, то постепенно замирающіе, то вновь возобновляющіеся съ удвоенною силою.

Бѣлковскій, однакожь, не слышалъ этой чудной фантазій: нѣсколько словъ Пелаген Лукьяновны, долетѣвшихъ до его слуха, отвлекли вниманіе въ ту сторону.

— Я думаю, ваша Катенька долго скучала послѣ его отъѣзда, говорила Пенкина.—Да и какъ не скучать? Локтевъ такой веселый и умный молодой человѣкъ; къ-тому же, и привыкла къ нему: онъ вѣдь у васъ бывалъ почти каждый день.

— Почти-что каждый.

— Ну, вотъ видите-ли! Да и бывалъ-то не с проста. Я знаю на-вѣрное, что онъ... Гостя начала что-то шептать на ухо Андреевой.

— Я не хочу въ это мѣшаться, отвѣчала Анна Федоровна:—какъ

она сама хочетъ, пусть такъ и поступаетъ въ этомъ случаѣ, чтобъ потомъ не жаловалась на меня.

— А все, знаете, матери слѣдуетъ посовѣтовать. Дай Богъ, дай Богъ вамъ, Анна Федоровна, чтобъ это сбылось. Для васъ на старости лучше, когда она будетъ пристроена.

Каждое слово Пелагеи Лукьяновны падало горячею каплею на сердце Бѣлковскаго. Невѣдомое ему жгучее чувство ревности запало въ душу. Но эта-же самая ревность заставила его сознаться, что не дружба привязывала его къ Катѣ, какъ онъ думалъ, но что тутъ было другое, болѣе сильное чувство.

А давно-ли Бѣлковскій такъ усердно старался увѣрить и себя и меня, что сердце его охладѣло для *безумныхъ порывовъ* страсти?

Пріятель мой, впрочемъ, не сразу поддался убѣжденію, что онъ любить, хотя чувства довольно ясно объ этомъ говорили. Онъ взялся снова за свой забытый на-время анализъ и началъ разбирать привязанность къ Катѣ и испытывать свое пламенѣвшее любовью сердце. Бѣлковскій боялся еще разъ понаесть въ просакъ. Но анализъ какъ-то не удавался, потому-ли, что умъ, подъ вліяніемъ страсти, не могъ дѣйствовать съ тою свободою, какъ прежде, или-же чувство на столько созрѣло, чтобъ выдержатъ критику. Вѣроятное предположить первую причину, потому-что какая-же страсть выдержитъ строгій разборъ ума?

Мой добрый читатель! любите, какъ вамъ нравится и какъ можете—пламенно, шжно, безгранично, страстно, возвышенно и такъ далѣе: любите разумно!

Умничанье тутъ къ добру не приведетъ.

Какъ порывистый вѣтеръ на пути своемъ уничтожаетъ едва распустившійся цвѣтокъ; какъ появленіе учителя, вооруженнаго линейкой, разгоняетъ въ разныя стороны безпечно рѣзвившихся школьничковъ; какъ грубая рука, закаленная въ черной работѣ, взявъ хрупкое художественное произведеніе, разбиваетъ, или портитъ его, отъ неумѣнья обращаться съ такими предметами: такъ точно и холодный разборъ ума оледеняетъ страсть, дѣлаетъ ее хилою, безцвѣтною, уродуетъ, передѣлывая по-своему, и часто убиваетъ на-поваль.

Послѣ недѣли, проведенной посреди сомнѣній и колебаній, Бѣлковскій увѣрился, что онъ истинно любить Катеньку. Но новая задача предстояла ему: нужно было узнать, любятъ-ли его? Сомнѣнія по этому довольно-затруднительному вопросу начали мало-по-малу разсѣиваться, когда Николай Петровичъ пробѣжалъ воспоминаніемъ весь періодъ его знакомства съ Андреевыми. Онъ не забылъ свѣтлой улыбки, которою его встрѣчала Катенька; этихъ иногда недосказанныхъ рѣчей, теперь

ему вполне понятныхъ и долгихъ, говорящихъ сердцу взглядовъ, такъ часто на него устремленныхъ.

Я сказалъ, что сомнѣнія начали разсѣиваться. Но, чтобъ окончательно порѣшить съ ними, Бѣлковскій долженъ былъ выглянуть на бѣлый свѣтъ послѣ недѣльнаго затворничества и разыграть послѣдній актъ своей сердечной драмы.

III.

Не смотря на грязь и дождь, къ нашему полковнику на балъ собралось все городское общество. Въ небольшой его квартирѣ была порядочная толкотня; въ особенности юное танцующее челоуѣчество страшно суетилось. Танцоровъ можно было узнать съ перваго взгляда, по бѣлымъ перчаткамъ, по нѣсколько изысканному покрою фрака, а главное, по ихъ неугомонной дѣятельности и отрывистымъ фразамъ, которыми они перебрасывались.

Дамы церемонно сидѣли въ гостиной, ожидая приглашеній. Впрочемъ, нѣкоторыя, вопреки мѣстному обычаю, позволили себѣ расхаживать по залѣ; между ними Катенька. Въ этотъ вечеръ она была восхитительно-хороша. Балльный нарядъ и праздничная обстановка, облитая потоками свѣта, придавали ей чарующую красоту. Ея миньютюрная головка, обрамленная русыми, выщипаннми локонами, дышала счастьемъ и весельемъ. Бѣлковскій долго любовался ею издали, наконецъ подошелъ къ ней.

— Ахъ, м-г Бѣлковскій, наконецъ-то я васъ вижу! сказала радостно Катенька, протягивая руку.—Скажите, пожалуйста, и вамъ не стыдно?..

— Вы видите, что я ужъ напередъ краснѣю, хотя еще и не знаю въ чемъ дѣло. А пропус! Вы танцуете первую кадрили?

— Я буду танцовать съ вами, хотя вы этого и не стоите, потому-что не были у насъ дѣлую недѣлю...

Они сѣли. Кадриль начиналась.

— Что-же вы не отвѣчаете, м-г Nicolas? Вы были больны?

— Нѣтъ; но у меня не было ни одной свободной минуты...

— Другими словами: вы не хотѣли придти къ намъ, иначе и нельзя понять вашихъ отговорокъ. Прекрасно! Я отъ васъ этого не ожидала!

— А если я вамъ скажу настоящую причину, почему я не былъ...

— Посмотримъ, какъ-то вы оправдаетесь!

— Оправданіе придетъ само собою, когда вы узнаете, чѣмъ я занятъ. Все равно, вы должны-же будете услышать это. Но напередъ, дайте мнѣ слово, что отвѣтите откровенно на одинъ вопросъ, какъ бы онъ ни былъ затруднителенъ.

Катя, казалось, поняла о чемъ хотѣлъ говорить Бѣлковскій. Она слегка вспыхнула и наклонила головку.

— Что-же, даете слово?

— Хорошо.

— Любили-ль вы Локтева?

— Нѣтъ. А вамъ зачѣмъ это знать?..

— Если-бы вы отвѣчали «да», я-бы не сказалъ вамъ теперь, что люблю васъ...

Здѣсь я благоразумно останавливаюсь и не продолжаю дальнѣйшаго объясненія Николая Петровича. Да и къ чему-бы повело это? Подобныя объясненія имѣютъ значеніе только для двухъ лицъ: говорящаго и слушающей. Посторонній не найдетъ-бы въ нихъ логической послѣдовательности, а иногда, можетъ быть, даже и смысла.

Я только позволю себѣ передать отвѣтъ Кати, въ которомъ выразилась ея чистая, высокая и безгранично любящая душа.

— Я вамъ вѣрю, сказала она Бѣлковскому, послѣ долгаго молчанія: — и вѣрю потому, что въ этомъ убѣждаетъ меня сердце. Я не хочу знать, какъ вы, за что и почему люблю васъ; знаю только, что люблю безгранично — и я счастлива этимъ сознаніемъ.

О кадрили и мазурки! сколько подъ ваши гармоническіе напѣвы вылилось признаній, дотолѣ боязливо таившихся въ сердцахъ! сколько объяснилось недоразумѣній, а еще болѣе, сколько возникло новыхъ чувствъ, имѣвшихъ рѣшительное вліяніе на послѣдующую жизнь танцора. Голова моя покроется сѣдинами, а я все еще буду помнить одну мазурку... Да, нужно согласиться, господа, что танцы имѣютъ глубокое нравственное значеніе.

Бѣлковскій узналъ отъ Кати, что все ихъ семейство уѣзжаетъ на другой день въ деревню, къ Черновымъ на свадьбу, и что они тамъ пробудутъ недѣлю или двѣ. Извѣстіе объ этой кратковременной разлукѣ поразило сердце Николая Петровича какимъ-то грустнымъ предчувствіемъ; но оно было только минутное. И могло-ли мимолетное тревожное чувство омрачить ясность его счастливой души?

«Я былъ такъ счастливъ въ тотъ вечеръ, говорилъ мнѣ впоследствии

Бѣлковскій: — что это счастье вознаградило меня вполне за весь рядъ прошлыхъ безплодныхъ и безцвѣтныхъ дней».

Дня два Николай Петровичъ рѣшительно блаженствовалъ. Но когда чувства его немного поутихли, онъ рѣшился кое о чемъ посоветоваться съ своимъ умомъ. Онъ ужъ не разбиралъ своихъ чувствъ, потому-что былъ убѣжденъ въ ихъ истинномъ значеніи; но взялъ на себя трудъ разобрать чувства Катеньки. Если-бы она была въ городѣ, и Бѣлковскій видѣлъ-бы ее каждый день, можетъ-быть, ея счастливое и веселое личико, озаренное любовью, и не позволило-бы вкрасться сомнѣнію въ душу Николая Петровича. Къ несчастью, вышло иначе, и Бѣлковскій впалъ въ свой всегдашній скептицизмъ. Переходя отъ сомнѣнія къ сомнѣнію, онъ наконецъ дошелъ до того, что заподозрилъ любовь Катерины Петровны.

«Чувства дѣвушки въ 17 лѣтъ не могутъ быть постоянны, рассуждалъ Бѣлковскій.— Она легко увлекается какимъ нибудь предметомъ и скоро забываетъ о немъ. Миѣ нужна любовь постоянная, которая-бы сдѣлала счастьемъ мою семейную жизнь. Что за мученіе было-бы для Катеньки, если-бы она убѣдилась, послѣ брака, что мгновенное, хотя и горячее чувство, приняла за любовь! Онъ зналъ по опыту, какъ тяжело разочарованіе.

Когда Бѣлковскій передалъ миѣ все волновавшія его сомнѣнія, я невольно пожалѣлъ о немъ.

— Но, Боже мой! что-же миѣ дѣлать?—говорилъ онъ въ отчаяніи;— я не хочу воспользоваться, можетъ быть, минутнымъ увлеченіемъ Кати и пожертвовать ею для собственной любви. Миѣ остается испытать надъ чувствами ея дѣйствіе того лекарства, которое когда-то такъ хорошо вылечило меня. Я хочу уѣхать куда-нибудь на нѣсколько времени, чтобы она, видя моего вліянія, узнала яснѣе волнующее ее чувство.

Что я могъ говорить ему?—Что онъ сумасбродствуетъ? Я молчалъ, потому-что слова мои не подѣйствовали-бы на Бѣлковскаго. И дѣйствительно, чрезъ нѣсколько дней онъ уѣхалъ верстъ за 80 отъ города, къ ротѣ, на мѣсто заболѣвшаго ея командира. На свободѣ Николай Петровичъ началъ раздумывать о своемъ положеніи и, скуки ради, принялся развивать старую истину, что въ любви одна сторона или обманываетъ, или обманывается. Въ нравственной борьбѣ время уходило для него незамѣтно. Прошло мѣсяца два, а онъ и не думалъ о возвращеніи въ городъ. Ему казалось, что еще не прошло достаточно времени для полного разочарованія Катеньки, если только она дѣйствительно увлеклась, а не любила его.

IV.

Въ уѣздныхъ городахъ, гдѣ жизнь обыкновенно довольно скучна и однообразна, всякая новѣсть сильно волнуетъ умы. Какъ бы ни была нелѣпа новѣсть, она можетъ надѣяться на лестный пріемъ; съ участіемъ и любовью займутся ею, какъ предметомъ, доставляющимъ средство хоть немного разсѣяться въ безчисленныхъ толкахъ и пересудахъ. Переходя изъ устъ въ уста, новѣсть полнѣетъ и растетъ, и въ самомъ непродолжительномъ времени составляетъ чудная эпопея, неизмѣющая ни малѣйшаго сходства какъ въ основаніи, такъ и въ подробностяхъ съ тѣмъ происшествіемъ, которое послужило ей началомъ. Посѣщенія Бѣлковскимъ Андреевыхъ давно ужъ, какъ сказала Пелагея Лукьяновна, занимали умы и воображеніе горожанъ. Нѣкоторые, самые пылкіе, увѣряли, что тутъ дѣло не обойдется безъ свадьбы; а нѣкто Юлія Мартыновна говорила даже съ клятвой, что она видѣла, какъ шьется приданое. Другія-же, болѣе умѣренныя, утверждали, что посѣщенія Бѣлковскаго не больше какъ простое волокитство, и что это не поведетъ за собою никакихъ важныхъ послѣдствій. Но когда Николай Петровичъ уѣхалъ и когда узнали, что это сдѣлано по собственному его желанію, то всѣ мнѣнія слились въ одно, что Бѣлковскій былъ опасный Ловеласъ и что бѣдную Катеньку постигла участь Кларисы Гарло. На чемъ основывали они это умозаключеніе—я никакъ не могъ узнать. Всѣ вооружились справедливымъ негодованіемъ и принялись казнить порокъ. Много въ ту пору было сказано истинно назидательнаго въ защиту общественной нравственности. Въ особенности горячо витійствовали матери взрослыхъ дочерей. Имя Катеньки вездѣ страдало; ее наконецъ заклеили *заслуженнымъ* презрѣніемъ.

— А кто виновать? Все-же сама мать! трещала знакомая намъ Пелагея Лукьяновна.—Не я-ли ей повторяла: «Эй, Анна Федоровна, смотрите во всѣ глаза». Такъ нѣтъ! куда тебѣ! и слушать не хочеть. Дочка то-и-дѣло, бывало, амурится съ этимъ офицеромъ, а матери и горюшка мало! Да еще, какъ нарочно, оставитъ ихъ однихъ, а сама уйдетъ. Вотъ пусть теперь и плачется на себя!..

Семейство Андреевыхъ ничего не знало о городскихъ толкахъ. Оно попрежнему вело свою тихую, уединенную жизнь. Петръ Ивановичъ и Анна Федоровна пожалѣли объ отсутствіи Бѣлковскаго и утѣшились пріѣздомъ Локтева. Не то было съ Катенькою. Извѣстіе, что Николай Петровичъ уѣхалъ и уѣхалъ добровольно, сильно поразило ея любящее

сердце. Она никакъ не могла найти причины его отъезда и наконецъ остановилась на мысли: «Онъ не любилъ меня! Кто любить, тотъ не осудитъ себя на добровольное отсутствіе. Это признаніе, выходявшее у него какъ-будто изъ сердца—была шутка!..»

Бѣдная Катенька! если-бы ты знала настоящую причину этого постыднаго бѣгства Николая Петровича, какою-бы досадою вспыхнуло твое сердце! какъ-бы ты вознегодовала на его безумныя сомнѣнія!.. Дни уходили за днями. Въ глубинѣ души Катенька все еще надѣялась, что Бѣлковскій воротится, и воротится съ прежнею неугасшею страстью. Но мѣсяцы проходили, а о немъ и слуху не было. Катенька начала понемногу терять свои надежды. Хорошенькое ея личико замѣтно поблѣднѣло; она ужъ не смѣялась своимъ звонкимъ, беззаботнымъ смѣхомъ. Напрасны были все усилія Локтева попрежнему смѣшить ее: она только изрѣдка улыбалась и такъ грустно, грустно!..

Между-тѣмъ, причины частыхъ посѣщеній Локтева и его намѣреній начали выясняться. Онъ уже не скрывалъ, что любитъ Катеньку. Анна Федоровна и Петръ Ивановичъ видѣли это очень ясно; только Катенька, занятая своими думами и горемъ, ничего не замѣчала.

Послѣ Рождества Локтевъ сдѣлалъ Катѣ, чрезъ Анну Федоровну, формальное предложеніе. Анна Федоровна уже узнала кое-что изъ слуховъ, носившихся въ городѣ насчетъ Бѣлковскаго и Кати; узнала, какъ жестоко страдала репутація ея милой дочери и отвѣчала за нея почти согласіемъ, тѣмъ болѣе, что Локтевъ, во всѣхъ отношеніяхъ, былъ выгодный женихъ.

Но Катя и слышать не хотѣла о Локтевѣ.

— Я знаю, почему ты не хочешь принять это предложеніе, сказала съ грустью мать:—ты любила и еще до-сихъ-поръ любишь Николая Петровича. Но онъ уѣхалъ и, можетъ-быть, не пріѣдетъ. Онъ не любилъ тебя...

— Но я его любила, сказала Катенька, рыдая на груди матери. Моя милая, добрая мамаша, что-же мнѣ дѣлать, когда я все еще люблю его?..

— Жизнь моя Катенька! постарайся забыть его, говорила сквозь слезы мать.—Если ты меня любишь, продолжала она, нѣжно цѣлуя Катю:—не отказывай Локтеву... Не сегодня, такъ завтра, я и отецъ твой, мы ужъ довольно-таки пожили — можемъ умереть, а что тогда будетъ съ тобою, моею ненаглядною... Локтевъ умный и добрый человекъ. Повѣрь, что ты будешь съ нимъ—если не такъ счастлива, какъ мечтала, то по-крайней-мѣрѣ, будешь спокойна...

Рыданія прервали слова Анны Федоровны. Она понимала, какъ тяжело было дочери отказаться отъ такъ долго лелѣянныхъ надеждъ на счастье; она понимала всею силою материнской любящей души, что сердце Кати разбито горемъ и погибло для радостей. О, чего-бы не дала Анна Федоровна, чтобы въ это время здѣсь былъ Бѣлковскій и словами любви вновь воскресилъ убитую душу ея дочери!

Но Бѣлковскаго не было; онъ неутомимо сражался въ деревнѣ съ лерпейской гидрою своими сомнѣніями.

Слезы и мольбы матери сильно подѣйствовали на добрую и благородную душу Кати. Весь остатокъ дня и цѣлую ночь провела она въ страшной борьбѣ. Долго въ ея комнатѣ слышались заглушенные рыданія и долго Катя, разбросавъ свои густые локоны и сжимая руки, стояла на колѣнахъ предъ иконою, моля Небесную Заступницу подкрѣпить и дать силы на пожертваніе. Она уже просила не счастья, а только забвенія прошлаго...

Напрасно она отгоняла отъ себя мысль о Бѣлковскомъ: онъ докучливо рисовался въ ея воображеніи, улыбался ей своею кроткою улыбкою и словами любви манилъ ее къ себѣ...

Утомленная непрерывными волненіями, Катя наконецъ заснула. Сонъ подкрѣпилъ и душу и тѣло. «Если уже я не могу быть счастливою, потому-что для меня все погибло,—думала она утромъ:—то по крайней-мѣрѣ своимъ согласіемъ я хотъ нѣсколько осчастливию моихъ добрыхъ родителей. Я увѣрена, что Богъ дастъ мнѣ столько силъ, чтобы безропотно выполнить принимаемыя мною обязанности.

Но я не хочу обманывать Локтева и напередъ расскажу ему все. Пусть онъ судить: можетъ-ли быть со мною счастливъ.»

Локтевъ дѣйствительно выслушалъ признаніе Кати.

— Я не отказываюсь отъ своего намѣренія, сказалъ онъ, тронутый откровенностью невѣсты.—Надѣюсь, что моя постоянная любовь и преданность современемъ возбудятъ и въ васъ тѣ-же чувства.

Черезъ мѣсяцъ Катя была обвинена съ Локтевымъ. На послѣдняго все въ городѣ смотрѣли съ сожалѣніемъ. Жалкіе люди!..

V.

Случалось-ли вамъ, мой добрый читатель; иногда, какъ-бы шутя, смотрѣть на предметъ, настоящее значеніе котораго вы твердо знаете, съ сомнительной точки зрѣнія? Замѣчали-ль вы, какъ, повидимому нич-

тожное сомнѣніе, начинало растя и увеличиваться; и то, что казалось вамъ прежде неоспоримымъ, теперь уже становилось подозрительнымъ? Замѣчали-ль вы, какъ изъ одного сомнительнаго вопроса, рождался другой; какъ эти вопросы болѣе и болѣе начинали толпаться въ умъ и своею числительностью, наконецъ, совершенно одолевали васъ? Въ такомъ состояніи человѣкъ чувствуетъ, какъ враги пристулаютъ къ нему, какъ они все сильнѣе наираютъ на него—и часто не имѣетъ силъ, чтобы отразить ихъ... Счастливы тотъ, кто сохранитъ благоразуміе въ этой борьбѣ, омрачающей умъ; кто отважно поразитъ недостойныя сомнѣнія и спокойно разсмотритъ заслуживающія вниманія; кто найдетъ золотую середину и разумный исходъ изъ этой тяжелой борьбы!..

Увы! Бѣлковскій былъ далекъ отъ исхода. Онъ до того запутался въ сомнѣніяхъ, что не могъ уже найти ни начала, ни конца имъ. Сначала сомнѣнія его коснулись только любви Катеньки; современемъ, подозрѣніе это превратилось почти въ увѣренность и родило новый вопросъ: такъ-ли умна и добра Катя, какъ она кажется? Не скрываетъ-ли ея институтская наивность порядочнаго количества природной глупости? Не болтаетъ-ли она только давно затверженное?..

Нѣкоторое время Бѣлковскій бодро и храбро сражался съ своими подозрѣніями. Но, поразивъ одного врага, онъ видѣлъ уже новаго, болѣе сильнаго, готоваго съ нимъ на битву.

Это постоянно-напряженное нравственное состояніе сдѣлало ему жизнь несною. Онъ попробовалъ было заглушить дѣятельность ума усиленною дѣятельностью тѣла.

Съ ружьемъ за плечами, цѣлые дни бродилъ онъ до изнеможенія, по неизмѣримымъ, терявшимся въ отдаленіи полямъ, покрытымъ снѣгомъ. Онъ, видите-ли, охотился. Но зайцы оказывали презрительное равнодушіе къ его ружью, никогда не трогавшемуся съ мѣста, и спокойно пробѣгали у него подъ-носомъ. Прогулки эти не помогли Бѣлковскому. Онъ наконецъ махнулъ рукой и рѣшился ѣхать въ городъ.

А давно-бы ему слѣдовало это сдѣлать! И вотъ, получивъ разрѣшеніе, Николай Петровичъ, послѣ пяти-мѣсячнаго отсутствія, снова явился въ вождедѣнный городокъ.

Наскоро переодѣвшись, Бѣлковскій отправился къ Андреевымъ. Въ гостиной попрежнему сидѣли Петръ Ивановичъ и Анна Федоровна. Но не встрѣтилъ уже Николай Петровичъ прежняго веселаго личика Катеньки.

— Какими судьбами? — сказала довольно церемонно Анна Федо-

ровна. Добрая старушка не могла простить Николаю Петровичу сдѣланнаго имъ зла ея дочери.—А мы уже думали, что васъ и не увидимъ!..

— Меня задержала такъ долго служба,—отвѣчала разсѣянно Бѣлковскій.—А Катерину Петровну я увижу сегодня?..

— Ей, я думаю, нельзя будетъ прѣхать!..

— Она, вѣроятно, гостить у Черновыхъ!..

— Какое, батюшка мой, у Черновыхъ! Да будто вы не знаете, что она уже другой мѣсяць замужемъ за Локтевымъ?..

— Такъ вышла... замужъ?..—едва проговорилъ Бѣлковскій. Невольно онъ схватился рукою за сердце, потому—что чувствовалъ, какъ оно разрывалось на тысячу частей.

Аннѣ Ѳедоровнѣ стало жаль моего пріятеля: она вмгъ поняла, что онъ дѣйствительно любилъ Катю. Это открытіе болѣзненно запало въ душу доброй старуши и она стала обвинять себя въ излишней поспѣшности, разрушившей счастье дочери. Слезы готовы были хлынуть изъ глазъ ея. Но когда она, чрезъ минуту, взглянула на Бѣлковского, то на лицѣ его не замѣтила уже и легкаго слѣда волненія. Сердце Николая Петровича страдало невыразимо, но гордая мысль: «я былъ правъ, сомнѣваясь» поддержала его и дала возможность скрыть волновавшія его чувства. Онъ даже отпустилъ стереотипную фразу:

— Честь имѣю поздравить васъ!

Когда Бѣлковскій всталъ, чтобы проститься — онъ не хотѣлъ долѣе оставаться въ этомъ ненавистномъ домѣ—то Анна Ѳедоровна на минуту остановила его.

— Катя просила передать вамъ книги, которыя вы ей когда-то принесли.

И чрезъ минуту старушка вручила Николаю Петровичу три томика.

Бѣлковскій не видалъ болѣе Кати. Чрезъ нѣсколько дней нашъ полкъ длинною, выщущающею лентою тянулся по дорогѣ изъ города въ лагерь. Солдаты шли весело, разговаривая о повинутыхъ квартирахъ, а впереди бойкій теноръ затягивалъ:

Храбрый нашъ—скій полкъ,
Поди возьми Ахалцыхъ!

Бѣлковскій оглянулся въ послѣдній разъ на городъ. Онъ уже сливался въ отдаленіи въ одну сплошную массу и плывалъ въ легкомъ утреннемъ туманѣ.

Долго искалъ глазами Николай Петровичъ тотъ сѣренькій домикъ съ зелеными ставнями и съ niezbѣжнымъ палисадникомъ, гдѣ онъ впервые узналъ счастье, которое самъ отъ себя безумно оттолкнулъ. Непошенная слеза скатилась по лицу и повисла на его черныхъ усахъ...

Да! я чуть-было не забылъ сказать, что Бѣлковскій убѣдился-таки въ любви Катеньки, хотя уже и довольно-позно. Въ числѣ книгъ, переданныхъ Анною Федоровною, былъ и дневникъ ея дочери. Ошибкою ли, или съ намѣреньемъ, и въ послѣднемъ случаѣ съ чьей стороны, это было сдѣлано—право не знаю.

ГР. СЕМЕНОВЪ.

СЪВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ПРОХОДЪ.

ОТКРЫТІЕ НОВАГО ПУТИ ИЗЪ АТЛАНТИЧЕСКАГО ВЪ ВЕЛИКОЙ ОКЕАНЪ.

Открытие англійскою экспедиціею, подъ начальствомъ капитана Мак-Клора, новаго пути, изъ Атлантическаго Океана въ Великій Океанъ, полярнымъ моремъ по сѣверную сторону Америки, принадлежитъ къ достопамятнѣйшимъ событіямъ въ исторіи мореплаванія и географическихъ знаній.

Между чудесами нашего вѣка ничто не можетъ сравниться съ этимъ великимъ общимъ движеніемъ, стремящимся къ открытію сношеній съ самыми отдаленными разбросанными племенами человѣческаго рода.

Теперь не существуетъ болѣе ни замкнутыхъ государствъ, ни недоступныхъ морей. Даже Китай и Японія, не дѣлають въ семь случаевъ исключеній.

I.

Бросивъ взглядъ на карту земнаго шара, мы не можемъ не замѣтить, какой длинный путь предстоить мореплавателю, отправляющемуся изъ Европы, напримѣръ, въ Японію.

Ему предстоятъ двѣ дороги: или по южной сторонѣ Африки, т. е. черезъ мысъ Доброй Надежды, или по южной сторонѣ Америки, черезъ мысъ Горнъ. Въ первомъ случаѣ, обогнувъ Африку, онъ пустится къ Новой Голландіи, или, для сокращенія пути, пройдетъ сквозь опасныя ворота между южною оконечностью Азіи и сѣвѣрною Австраліи, загроможденныя множествомъ острововъ. Во второмъ случаѣ, обогнувъ мысъ Горнъ (что по причинѣ жестокихъ противныхъ вѣтровъ, бываетъ иногда довольно трудно), онъ пустится по діагонали Великаго Океана къ сѣверо-западу и долженъ быть на всегдашней стражѣ, чтобъ не наткнуться на коралловые острова и рифы, которые какъ-бы магически вы-

*

растаютъ изъ поверхности моря. Поэтому давно уже ищутъ кратчайшаго пути, который непременно существуетъ съ сѣверной стороны Америки, между громадами льда, подъ сѣвернымъ полюсомъ. Этотъ-то путь и называютъ *сѣвернымъ проходомъ*, который соединяетъ проливъ Дависа съ проливомъ Беринговымъ и, слѣдовательно, Атлантическій Океанъ съ Великимъ Океаномъ, или Тихимъ моремъ. Если этотъ каналъ будетъ открытъ, и въ особенности, если окажется удобопроходимымъ, то плаваніе отъ сѣверныхъ береговъ Европы къ западнымъ берегамъ Америки или восточнымъ Азіи чрезвычайно сократится. Прохода этого искали триста лѣтъ. Между новѣйшими для этого открытія мореплавателями наиболѣе памятные: Васильевъ, Россъ, Парри и Франклинъ. Въ послѣдніе годы предпринято было нѣсколько экспедицій къ открытію въ полярныхъ моряхъ послѣдняго путешественника, объ участи котораго съ судами «Эребусъ» и «Тероръ» около восьми лѣтъ нѣтъ никакихъ извѣстій. Послѣдствіями этихъ экспедицій и было открытіе въ минувшемъ 1853 году *сѣвернаго прохода*. Нѣкоторые моряки, отправась изъ Великаго Океана, вошли въ Атлантическій посредствомъ Полярнаго моря и привезли въ Англію вѣсть о существованіи этого новаго пути.

Доселѣ важнѣйшія открытія въ сѣверныхъ моряхъ совершены были капитаномъ (теперь адмираломъ) Парри. Смотри на карту и слѣдуя изъ пролива Дависа въ Баффиновъ заливъ, замѣчаемъ на сѣверозападной его сторонѣ отверстіе, называемое проливомъ Ланкастера. Капитанъ Россъ, находясь въ этомъ мѣстѣ, принялъ его не за каналъ, а за заливъ. Капитанъ Парри первый проникъ въ этотъ каналъ, въ 1819 году; пройдя чрезъ проливъ Ланкастера, онъ открылъ новый каналъ, извѣстный подъ названіемъ пролива Баррова, и наконецъ достигъ до земли Мельвила. Это было самое знаменитое доселѣ путешествіе въ Сѣверномъ Полярномъ морѣ. Парри углублялся во льды на 900 миль далѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ, и земля Мельвила надъ сѣверною Америкою была самымъ крайнимъ, самымъ ближайшимъ пунктомъ къ сѣверному полюсу. И такъ, въ новомъ *сѣверномъ пути* капитану Парри принадлежитъ честь совершенія половины этой дороги къ западу, а капитану Мак-Клюру—другой половины дороги къ востоку, потому что самая отдаленная къ западу точка, достигнутая экспедиціею 1819 года, только на 60 миль удалена отъ точки, достигнутой съ противоположной стороны экспедиціею 1850 года.

Въ теченіе этого времени, кромѣ открытія сѣвернаго пути, всѣ заинтересованы были экспедиціею Франклина. Отправясь, въ 1845 году, изъ Англіи въ сѣверныя полярныя моря, онъ не возвращался. Вотъ

уже восемь лѣтъ прошло, какъ нѣтъ о немъ ни слуху, ни духу. Поэтому въ послѣдніе годы, какъ выше уже было сказано, посылались экспедиціи не только для открытія новаго пути, но и для отысканія Франклина съ его товарищами. Последняя экспедиція для этой двойкой цѣли отправилась въ январѣ 1850 года. Обогнувъ мысъ Горнъ, она заходила на Сандвичевы острова и наконецъ достигла Берингова пролива. Она состояла изъ двухъ судовъ: Enterprise (предпріятіе) и Investigator (изслѣдователь). Только послѣднее прошло черезъ Беринговъ проливъ; его мы и будемъ сопровождать въ отважномъ путешествіи. Начальникомъ этого судна былъ капитанъ Мак-Клюръ, настоящій герой, какъ это скоро увидимъ. Для лучшаго уразумѣнія послѣдующаго, скажемъ теперь же, что *сѣверный проходъ* дѣйствительно еще не былъ пройденъ ни однимъ судномъ. Между крайними точками, достигнутыми моремъ съ запада и востока, все остается нѣкоторый промежутокъ, совершенно затертый льдами, который прошли только пѣшкомъ. Тутъ есть родъ ледянаго, Панамскаго перешейка, доселѣ еще непрорѣзаннаго. Мак-Клюръ при началѣ своего путешествія объявилъ, что пойдетъ во льды до самой невозможности; и если будетъ ими остановленъ, то постарается достигнуть земли Мельвила пѣшкомъ. Имѣя въ виду это смѣлое покушеніе, другое судно, Herald, устремилось по другую сторону американскаго материка, т. е. черезъ заливъ Баффиновъ и проливъ Ланкастера, къ этой же землѣ Мельвила. Предположеніе капитана Мак-Клора исполнилось: послѣ трехлѣтняго, почти баснословнаго плаванія, неустранный морякъ встрѣтилъ на льду, на такой точкѣ земнаго шара, которой никто еще не достигалъ, товарищей своихъ, шедшихъ къ нему на встрѣчу отъ востока. Онъ послалъ одного изъ своихъ офицеровъ, лейтенанта Кресвеля, съ больными матросами, чтобъ доставить ихъ на судно, шедшее къ нимъ съ противоположной стороны, а самъ возвратился на Инвестигаторъ, затертый уже два года, и вѣроятно досихъ-поръ, льдами. Дешши его дошли въ Англію; онъ намъ и разкажутъ его путешествіе.

До 8 августа 1850 года не случилось ничего достойнаго особаго примѣчанія. Въ это время капитанъ послалъ нѣсколькихъ людей на американской берегъ, чтобъ оставить тамъ знакъ, что проходили этимъ мѣстомъ. Здѣсь они встрѣтили трехъ туземцевъ, которые сначала оробѣли; но когда имъ сдѣлали дружескіе знаки: три раза подняли верху руки, они подошли къ шлюпкѣ. У дикихъ есть своего рода дружескіе знаки; они состоятъ въ томъ, чтобъ потереться носами, съ кѣмъ хотятъ побрататься. Такъ-какъ опрятность не составляетъ еще потребности у этихъ людей, то подобная операція, конечно, неслишкомъ

пріятна; но, не смотря на это, все же утѣшительно найти среди пустыни человѣка. Тутъ является на сцену новое лицо, играющее значительную роль: это переводчикъ Миртчингъ. Мы увидимъ, что онъ принесетъ экспедиціи неоцѣненные услуги. Это одинъ изъ моравскихъ братьевъ, принадлежащихъ лабрадорскимъ миссіямъ, одинъ изъ тѣхъ проповѣдниковъ Евангелія, которые несутъ Библию на край свѣта. Онъ узнаетъ отъ дикарей, что они принадлежатъ къ племени номадовъ состоящему изъ десяти палатокъ. Они наканунѣ замѣтили судно; но, не понимая, какимъ образомъ высокія деревья, т. е. мачты, могутъ двигаться, удалились оставя трехъ человѣкъ на стражѣ. Дикари называютъ судно «плавающимъ островомъ». Многіе изъ нихъ посѣщали судно, но почти ничего не предлагали для мѣны; охотники ихъ отправились на промысль. «Если бѣлые захотятъ подождать, сказали они, то получатъ много мѣховъ.» Но вѣтеръ былъ попутный, море отъ льдовъ свободно и капитанъ простился съ дикими, одаривъ ихъ нѣкоторыми маловажными подарками. Переводчикъ объяснилъ имъ, что бѣлые люди ищутъ своихъ потерянныхъ братьевъ, что если они ихъ встрѣтятъ, то обошлись бы съ ними ласково. Эскимосы обѣщали дать имъ много мяса ланей.

Ивестигаторъ продолжаетъ свой путь и достигаетъ 11 августа острова «Jones», гдѣ до тридцати человѣкъ дикихъ опять его посѣщаютъ. Они приносятъ рыбу, утокъ и промѣниваютъ ихъ на табакъ. Ихъ очень удивляютъ паруса, которые называютъ они большими платками. У одного изъ нихъ есть ружье, полученное отъ русскихъ, съ которыми это племя ведетъ торговлю мѣхами. Въ тотъ же день англичане пристали къ острову и нашли на немъ другое племя. Благодаря телеграфическимъ знакамъ помощью рукъ, дикари ободрились и, въ доказательство своего добраго расположенія, привяли за церемонію потиранія носами; «но эти дикари говорятъ, капитанъ, были гораздо опрятнѣе, и потому обрядъ былъ менѣ противенъ». Переводчикъ удостоверился, что они впервые видятъ бѣлыхъ людей. Капитанъ взялъ съ нихъ обѣщаніе хорошо обходиться съ бѣлыми, которые могутъ съ ними встрѣтиться, и съ этимъ условіемъ подарилъ имъ флагъ. Богатство такого подарка, казалось, ихъ удивило; они сначала не смѣли до него дотрогиваться, потомъ, ободренный переводчикомъ, начальникъ схватилъ флагъ въ руки и понесъ его, при радостныхъ восклицаніяхъ своего племени. На другой день дикіе возвратились и привели своихъ женъ, которыхъ въ первый день скрывали. Они принесли рыбу и дичину, до такой степени испорченную, что невозможно было до нихъ дотронуться. Дикіе входили на судно и, несмотря, что за ними былъ надзоръ, успѣли кое-что стянуть съ

свойственнымъ имъ проворствомъ. Пойманные въ самомъ преступленіи были наказаны тѣмъ, что не получили подарковъ.

Черезъ нѣсколько дней капитанъ, продолжая свой путь, находитъ новое племя, которое встрѣчаетъ его недружелюбно. Дикіе, вооруженные луками и ножами, издають ужасные вопли; европейцы тщетно поднимають руки вверхъ: они не успокоиваются. Тогда переводчикъ, имѣвшій съ собою полную одежду эскимоса, одѣвается какъ главный начальникъ и вступаетъ въ переговоры съ дикими. Миръ заключенъ; европейцы и эскимосы начинаютъ другъ друга осматривать. У одного изъ дикарей висѣла на шеѣ мѣдная старая пуговица; начальникъ сказалъ переводчику, что его племя перестало вести торговлю съ бѣлыми людьми, потому-что они давали имъ огненную воду, приводившую ихъ въ одуреніе. Но невозможно было получить отъ дикихъ никакихъ свѣдѣній объ участи Франклина; они не знаютъ исчисленія времени и такъ перемѣниваютъ изустныя преданія съ собственною своею исторіею, что нельзя понять о себѣ ли говорятъ они, или о своихъ предкахъ.»

Капитанъ Мак-Клюръ оканчиваетъ здѣсь свою депешу, 30 августа 1850 года. Онъ надѣется, что дикіе доставятъ ее Гудзонской компаніи, которая перешлетъ въ Англію. Доселѣ мореплаватели встрѣчали умеренную температуру; термометръ рѣдко опускался ниже 32° Фаренгейта, или нуля Реомюра. До-сихъ-поръ они находились въ виду береговъ, посѣщенныхъ другими плавателями и означенныхъ на картахъ. Мы можемъ прослѣдить ихъ путь отъ Берингова пролива до пункта, котораго теперь они достигли: это мысъ Лисбурнъ, мысъ Баррова, островъ Jones и заливъ Ливерпуля, то-есть большею частью берега русской Америки. Земля, къ которой онъ приетавалъ, назначена на картахъ подъ наименованіемъ «Земли большихъ эскимосовъ». Но векорѣ извѣстныя земли кончатся и мы вступимъ съ неустрашимыми изслѣдователями въ область открытій, въ страны неизвѣстныя.

У мыса Батурста, гдѣ они теперь находятся, капитанъ съ докторомъ и переводчикомъ съѣзжали на берегъ; тамъ ихъ встрѣтили двѣ женщины и приняли дружелюбно; прочіе жители отправились на китоловный промыселъ. Далѣе Англичане нашли деревню изъ 30 палатокъ, населенныхъ 300 эскимосцевъ, которые ихъ приняли, ставъ въ оборонительное положеніе, вооруженные луками и ножами. Кажется, читаешь здѣсь сцену изъ романа Купера. Бѣлые люди подняли руки надъ головою, въ знакъ дружбы; дикіе вложили стрѣлы въ кожаные колчаны, оставя, однакожь, при себѣ ножи, и сказали переводчику: «отложите ваши ружья, мы отложимъ наши ножи». Тогда, въ знакъ мира, тѣ и другіе помѣнялись оружіемъ. Переводчикъ входитъ въ одушевленный разговоръ

съ начальникомъ и предлагаетъ отнести депеши до великой рѣки (Мекензія) общія въ награду ружье и снаряды. Начальникъ объясняетъ, что не имѣетъ прямыхъ сношеній съ Гулзонскою компанією, а только съ промежуточными племенами, «такъ-что (говоритъ капитанъ) наши депеши должны прежде пройти чрезъ три племени дикихъ, чтобъ попасть въ руки людей образованныхъ». Во всякомъ случаѣ, переводчикъ, зная эти племена, надѣется, что самъ начальникъ доставитъ бумагу въ первоначальное мѣсто ея назначенія. Индійцы удивлены, съ какою легкостью объясняется съ ними на ихъ языкѣ переводчикъ; имъ бы хотѣлось удержать его у себя. Начальникъ показываетъ ему свою дочь, хорошенькую индіянку, лѣтъ пятнадцати, и предлагаетъ ее въ супружество ему съ придачею палатокъ и припасовъ.

Между этимъ размѣномъ учтивостей, согня индійцевъ и индіянокъ, привлеченная подарками, которые переводчикъ сталъ раздавать, окружила европейцевъ. Назначаютъ черту разграниченія, которую вскорѣ переступивши индіянки переступаютъ, и бѣлые люди принуждены возвратиться въ свою шлюбку. Но многіе изъ дикарей имѣютъ непромокаемые сапоги и англичанамъ невозможно совротивляться этому нашествію. Особенно женщины, съ которыми не хотятъ сурово обращаться, со всѣхъ сторонъ лѣзутъ въ шлюбку и хватаютъ все, что ни попало въ руки. Одна завладѣла даже компасомъ, который съ трудомъ можно было взять назадъ. Наконецъ всѣ удовольствованы; бѣлые возвращаются на свое судно, сопровождаемые маленькими лодками дикихъ. Одинъ изъ эскимосовъ упалъ въ воду, но былъ вытасченъ англичаниномъ; чтобъ согрѣть его, даютъ ему водки. Онъ пьетъ, пьетъ до-тѣхъ-поръ, пока не позываются слезы, и тогда проситъ воды. Вообще разстаются друзьями. «Это племя (говоритъ капитанъ Мак-Клюръ) принадлежитъ къ породѣ людей смысленныхъ, сильныхъ, хорошо сложенныхъ и опрятныхъ. Жаль, что не сдѣлано было болѣе попытокъ для его образованія: должно надѣяться, что недалеко время, когда этотъ интересный народъ будетъ исторгнутъ изъ тмы язычества».

На слѣдующій день индійцы возвращаются на судно. Они говорятъ переводчику, что провели всю ночь въ приготовленіи пиршества своимъ гостямъ изъ части кита, дичины и семги; они пригласили бѣлыхъ посѣтить ихъ палатки; но дурная погода этому препятствуетъ, и тогда все племя пріѣзжаетъ на лодкахъ, которыя поднимаютъ на судно съ мужчинами и женщинами. Видя свои лодки въ безопасности, дикари съ жаднымъ любопытствомъ разбрелись по судну; зеркала и картины въ офицерскихъ каютахъ особенно ихъ удивляютъ. Женщины пускаются плясать съ матросами, такъ-что вечеромъ съ трудомъ могутъ ото-

слать ихъ на берегъ. Они живутъ всегда въ этой печальной странѣ; зимою на санкахъ доставляютъ звѣриныя шкуры сосѣдному племени, которое передаетъ ихъ слѣдующему; послѣ чего племя возвращается восвояси.

Ивестигаторъ окончательно разстается съ эскимосами и начинаетъ свой трудный путь черезъ льды. Послѣ мыса Парри, который мы еще находимъ на картахъ, начинается уже неизвѣстная географія. Такъ—какъ къ сѣверу ледъ кажется не такъ густымъ, то начальникъ и беретъ это направленіе, надѣясь достигнуть земли Бенкса, открытой въ 1819 году капитаномъ Парри. Къ большому удивленію, онъ открываетъ твердую землю, сходитъ на берегъ, беретъ ее подъ владычество английской королевы и называетъ землю Баринга, въ честь перваго лорда Адмиралтейства. Эта новая страна есть не иное что, какъ южная часть земли Бенкса, которой сѣверный берегъ означенъ на картахъ. Тутъ находятъ мохъ, дикія растенія, ланей, зайцевъ и дикихъ утокъ. Открытіе это сдѣлано 6 сентября 1850. Отъ земли Баринга капитанъ Мак-Клоръ продолжаетъ свой путь къ востоку и вконецъ съ этой стороны открываетъ опять новую землю, которой даетъ имя Принца Альберта. Эта земля составляетъ продолженіе и сѣверную часть страны, извѣстной подъ именами: Волластона и Викторіи.

Ивестигаторъ продолжаетъ идти далѣе; но теперь онъ находится въ каналѣ; у него земля влѣвъ и вправѣ. Этотъ каналъ капитанъ Мак-Клоръ назвалъ проливомъ Принца Валлійскаго; онъ составляетъ славу экспедиціи, потому-что это и есть одинъ изъ *сѣверныхъ проходовъ*. По сдѣланнымъ на твердомъ льду изслѣдованіямъ, оказалось, что этотъ каналъ соединяется съ проливомъ Баррова, который, какъ означено на картахъ, имѣетъ сообщеніе съ проливомъ Ланкастера, потомъ съ заливомъ Баффиновымъ, проливомъ Дависа и, наконецъ, съ Атлантическимъ океаномъ.

Но до-сихъ-поръ неподвижный, непроницаемый ледъ заграждаетъ этотъ узкій каналъ и несчастное судно тщетно силится чрезъ него пробиться; притомъ время уже позднее: наступилъ октябрь. Лыдины, отрываемаыя отъ ледяныхъ полей, несутся вѣтрами на судно и подвергаютъ его страшнымъ ударамъ. Послѣ бесполезныхъ попытокъ прорѣзывать ледъ, начальникъ рѣшается остаться тутъ на зимовку. Можно было бы повернуться назадъ, къ югу, гдѣ море еще отъ льдовъ свободно, но какъ рѣшиться, послѣ столькихъ усилій и опасностей, оставить достигнутый уже пунктъ, который такъ близокъ къ цѣли? Мак-Клоръ намѣревается провести зиму посреди своего завоеванія. Онъ вводитъ свое судно въ средину огромной лыдины прикрѣпляется къ ней канатами и желѣзными цѣпями и носится съ нею, пока она плавасть.

Во время этого опаснаго невольнаго плаванія, судно претерпѣваетъ жестокаго потрясенія; оно часто приближается къ берегу, но льдина, къ которой прикрѣплено, предохраняетъ его отъ кораблекрушенія. Для предосторожности и въ случаѣ, если потребуется оставить судно, начальникъ приказываетъ вынести на палубу годовую провизію и раздать матросамъ одѣяла и сапоги. Если судно повалится на ледъ бокомъ, готовятъ ему ложе, на которое судно, упавъ потерпѣло бы какъ можно менѣе вреда; для этого набиваютъ все койки и окладываютъ ими судно, точно какъ матрацами. «Сдѣлавъ это (говоритъ начальникъ) и видя ледъ рѣшительно окрѣшимъ при 7^о мороза, мы оканчиваемъ наши приготовленія для зимовки».

Судно остается тутъ девять мѣсяцевъ! девять мѣсяцевъ неподвижнымъ, скованнымъ въ этой ледяной темницѣ! Оно входитъ сюда въ октябрь 1850 и не выйдетъ ранѣе іюля 1851. Мы не столько удивляемся мужеству, съ которымъ моряки преодолеваютъ все опасности: такая борьба, доколѣ она возможна, развиваетъ въ человѣкѣ чувства достоинства и благородной гордости, которыя его одушевляютъ и поддерживаютъ; но, что дѣйствительно прекрасно и высоко, это—неустрасимое спокойствіе, съ которымъ они заживо погребаютъ себя въ могилѣ и закрываютъ ее надгробнымъ камнемъ въ теченіе года, въ теченіе двухъ лѣтъ, потому-что, послѣ этой первой зимы, мы найдемъ ихъ въ другомъ мѣстѣ заключенными между ледяными скалами на два года и, можетъ быть, навсегда.

Утвердившись и закуорившись въ своей зимней квартирѣ, увѣренные въ неподвижности этого дома, наши мореплаватели предпринимаютъ путешествія. Капитанъ—лейтенантъ Кресвель, докторъ Армстронгъ и переводчикъ Миртчигъ съ нѣсколькими людьми отправляются пѣшкомъ на берегъ Принца Альберта; они водружаютъ тамъ мачту съ флагомъ и берутъ землю подъ владычество королевы. Потомъ идутъ во внутренность земли, гдѣ встрѣчаютъ большіе овраги и озера; когда же возвращаются къ берегу, находятъ, что ледъ отдѣлился отъ земли примѣрно на пятьдесятъ сажень. Они идутъ нѣсколько миль вдоль берега, надѣясь переправиться на льдинѣ; наступившая ночь заставляетъ ихъ остановиться. Они стрѣляютъ изъ ружей, чтобы привлечь вниманіе экипажа на суднѣ; но, за дальностью, выстрѣловъ неслышно. Наконецъ замѣчаютъ ружейный огонь и посылаютъ за ними лодочки изъ каучука. «Эти чудесныя маленькія лодочки (говоритъ капитанъ) сначала были надуты на суднѣ, и потомъ легкохонько переносились на спинѣ одного человѣка чрезъ льды, которые раздавили бы всякую другую лодку. Онѣ послужили къ перевозу значительнаго числа людей, неимѣвшихъ ни

палатокъ, ни одѣяль, ни провизіи, ни огня, и которые должны были бы провести ночь на берегу при морозѣ 8 градусовъ.

Эта первая экспедиція не отвращаетъ капитана Мак-Клора отъ новыхъ попытокъ. Во что бы ни стало, ему надо открыть изъ канала проходъ въ проливъ Баррова. 21 октября онъ беретъ съ собою семь человекъ и отправляется въ дорогу съ однимъ санками. Санки изламываются о льды; онъ посылаетъ двухъ человекъ за другими на судно, а самъ съ прочими остается на ночь на льду въ палаткахъ; на другой день привозятъ къ нему новыя санки. Тогда они опять пускаются въ путь и идутъ четыре дня безъ всякихъ приключеній. Наконецъ 26 октября разбиваютъ палатку на берегу пролива Баррова. Новый путь открытъ!

На слѣдующее утро капитанъ съ однимъ изъ матросовъ веходятъ на возвышеніе въ 600 футовъ; они находятся на оконечности земли, которую назвали именемъ Принца Альберта. Оттуда они могутъ обнимать горизонтъ на 40 или 50 миль и видятъ только одно обширное ледяное поле. Экипажъ, съ своей стороны, воздвигаетъ мачту при входѣ въ каналъ и кладетъ въ мѣдный цилиндръ бумагу съ извѣстіемъ о слѣланномъ открытіи и о ихъ мѣстопробываніи.

Но пора возвратиться имъ на судно. Они отправляются ночью 27-го и, послѣ тысячи опасностей, достигаютъ до своего жилища 31 числа. Въ послѣдній день они блуждаютъ и разлучаются въ туманѣ при 10 и 15° мороза. Но надо послушать простой и въ высшей степени интересный разсказъ самого капитана Мак-Клора о романическихъ приключеніяхъ въ ихъ пути. Этотъ разсказъ не заключается въ его депешахъ, а заимствованъ изъ письма его къ сестрѣ.

«Я не буду описывать тебѣ всего нашего путешествія, а скажу только, что мы успѣли открыть этотъ *сѣверозападный проходъ*, котораго такъ давно искали и который не давался въ продолженіе 400 лѣтъ европейскимъ морякамъ, несмотря на всѣ ихъ усилія. Итакъ, мы прибавили новый лавръ къ коронѣ старой Англіи, и достопамятное событіе къ царствованію нашей возлюбленной королевы. Мы сначала шли вдоль берега большого острова, котораго сѣверная оконечность составляетъ землю Бенкса и который отдѣленъ каналомъ отъ американскаго материка. Я назвалъ эту землю именемъ Принца Альберта, и этимъ-то каналомъ дошли мы 26 октября до важнаго открытія *сѣвернаго прохода*, потому-что воды этого канала соединяются съ проливомъ Баррова. Это открытіе учинено экспедиціею изъ шести человекъ съ санками, одного офицера и меня. Въ это время года морозъ былъ жестокой и тѣмъ болѣе для насъ чувствительный, что ледъ, на которомъ мы должны были проводить ночи, недовольно еще покрытъ былъ снѣгомъ, от-

чего мы не могли оставаться сухими и имѣть довольно тепла въ палаткахъ. По счастію, путешествіе наше было кратковременно; мы прошли въ десять дней 180 миль по льду; но конецъ едва не сдѣлался для меня гибеленъ. Въ послѣдній день я оставилъ санки и желалъ нѣсколько ранѣе другихъ достигнуть судна, чтобъ приготовить для товарищей моихъ съѣстные припасы. Миѣ оставалось пройти только 15 миль.»

«Вскорѣ послѣ того, какъ я разстался съ моими спутниками, сдѣлался густой туманъ; пока былъ день и можно было смотрѣть въ мой компасъ, я шелъ какъ слѣдуетъ; но въ пять часовъ наступила ночь. Потерявъ дорогу, я заблудился между кусками льда, столь твердыми и крѣпкими, какъ каменные плиты, и на каждомъ шагу падалъ, подвергаясь опасности разбить себѣ голову, или переломить руки и ноги.»

«Усталый до изнеможенія и голодный, потому что съ семи часовъ утра, послѣ самаго тощаго завтрака, ничего не ѣлъ, я долженъ былъ остановиться. Я сдѣлалъ себѣ довольно покойную постель въ снѣгу, подъ защитою широкой ледяной плиты, и вонзилъ въ снѣгъ ноги по колѣни, чтобъ не отморозить пальцевъ. Вскорѣ я заснулъ и около полуночи былъ пробужденъ огненнымъ метеоромъ, пролетѣвшимъ по небесному своду. Я всталъ; ночь блистала звѣздами и прекраснымъ сѣвернымъ сіяніемъ; я направилъ путь свой къ судну; но, истративъ весь порохъ, не могъ привлечь вниманія экипажа, и, блуждая до разсвѣта, съ величайшимъ удовольствіемъ увидѣлъ, что мили на четыре прошелъ ужъ наше судно. Поворотивъ къ нему, я встрѣтилъ слѣды медвѣдей; наконецъ, въ восемь часовъ утра, добрался живъ и здоровъ до судна при 15° мороза оставаясь въ продолженіе 25 часовъ безъ всякой пищи».

Подобныя описанія встрѣчаются и у другихъ путешественниковъ; но посмотримъ, что пишетъ отважный морякъ далѣе:

«За эту и за многія милости, испытанныя во все время опаснаго путешествія, мы не можемъ довольно возблагодарить святое Провидѣніе, водившее насъ по морю, льды котораго никакія познанія, никакія усилія человѣческія не въ состояніи были-бы раздвинуть. Дѣйствительно, взирая на эти могущественныя дѣйствія силъ природы и припоминая все съ нами случившееся, нельзя не подумать, что та же рука, которая хранила древній ковчегъ, носившійся на водахъ, покрывавшихъ всю землю, управляла и нашимъ малымъ ковчегомъ, котораго обитатели если невредимо достигнуть своего отечества, то это, конечно, будетъ новымъ чудомъ благодати Господней!»

Живая вѣра въ святое писаніе вообще свойственна мореплавателямъ: она сопровождаетъ ихъ во всѣхъ испытаніяхъ и поддерживаетъ всѣхъ опасностяхъ...

II.

Мы оставили капитана Мак-Клюра съ Инвестигаторомъ крѣпко затертымъ льдами и принужденнаго зимовать. Люди его здоровы и веселы; провизія въ наилучшемъ состояніи. Одинъ отрядъ экипажа, возвратясь съ охоты, принесъ съ собою остатки нѣсколькихъ пахучихъ быковъ, что составило до 1296 фунтовъ превосходнаго мяса—это было важнымъ пособіемъ для экипажа.

Мы были въ октябрѣ 1850, теперь вдругъ переносимся въ апрѣль 1851 года. Журналъ начальника экспедиціи перескакиваетъ эти шесть мѣсяцевъ какъ-бы они и не существовали. Мы не перестаемъ удивляться, съ какимъ хладнокровіемъ и мужествомъ эти люди смотрятъ на мѣсяцы и годы своего заточенія и неподвижности. Кажется, что они на это время засыпаютъ, чтобъ обновиться силами для продолженія путешествія. Подъ конецъ зимы, они выходятъ изъ своей ледяной могилы, чтобъ приготовиться къ весеннему плаванію. Они перетаскиваютъ на одинъ островокъ канала большую китоловную шлюпку съ провизіей на три мѣсяца; экипажъ будетъ имѣть въ ней послѣдній ресурсъ, если судно разобьется и пропадетъ во льдахъ. Другую шлюпку и лодочку изъ каучука они переносятъ на твердую землю для того, чтобъ отряды, посылаемые для изысканій, или для охоты, имѣли возможность добраться до судна, въ случаѣ вскрытія льда. По окончаніи этихъ приготовленій, начальникъ посылаетъ, въ половинѣ апрѣля, три экспедиціи, подъ команду лейтенантовъ: Ганвеля, Кресвеля и Винніата.

Образъ путешествія по арктическимъ морямъ несовсѣмъ извѣстенъ, и потому нѣкоторыя подробности о немъ могутъ быть любопытны. Мы оставимъ говорить самого лейтенанта Кресвеля, начальствовавшаго одною изъ экспедицій.

«Должно знать (говорить онъ на одномъ изъ митинговъ), что въ путешествіяхъ подобнаго рода нельзя рассчитывать на стороннюю помощь. Страна не дастъ вамъ ни дровъ, ни угля и ничего подобнаго; все что вамъ необходимо, вы должны взять съ собою. Вотъ какъ мы обыкновенно располагались: мы имѣли сани, на которыя погружена была провизія, палатки, весь нашъ багажъ, водка и кухонная принадлежность. Ихъ везли восемь или десять человѣкъ. Вообще можно было взять съ собою провизіи на сорокъ дней, считая по двѣсти фунтовъ на каждаго человѣка. Оставивъ судно, мы шли въ продолженіе десяти или одиннадцати часовъ, потомъ останавливались на ночлегъ или, скорѣе, на дневку, потому-что лучше идти ночью, нежели днемъ, по причинѣ отраженія солнечнаго свѣта на снѣгъ. И такъ, мы идемъ десять

часовъ ночью, потомъ останавливаемся, зажигаемъ спиртъ, ставимъ на него котель, чтобъ растаять снѣгъ, и принимаемъ за ужинъ, состоящій окыкновенно изъ куска дичины и стакана воды; затѣмъ, выкуривъ по трубкѣ табакъ, ложимся спать. Разбивъ палатку, прежде всего разстилаемъ по снѣгу каучуковое покрывало, на которое кладемъ одѣяло изъ буйволовоу шкуры. У каждаго человѣка есть свое одѣяло, шитое наподобіе мѣшка, въ которые скачемъ какъ школьники. Мы ложимся одинъ возлѣ другаго, только въ обратномъ положеніи, такъ-что ноги одного приходятся къ головѣ другаго, словомъ: помѣщаемся точнехонько какъ сельди въ бочкѣ; потомъ покрываемъ себя мѣховыми одѣялами и чѣмъ плотнѣе лежимъ, тѣмъ намъ теплѣе. Такъ проводимъ мы наши ночлеги.»

Этотъ способъ напоминаетъ намъ употребленный англійскими солдатами при несчастномъ и смертоносномъ для нихъ отступленіи изъ Афгангистана, въ 1841 году, когда они также проводили ночлеги въ снѣгу. Начиналось тѣмъ, что расчищали нѣкоторое пространство земли, потомъ ложились въ кружокъ, какъ можно ближе, одинъ противъ другаго, ногами вмѣстѣ, покрываясь одѣялами, платьемъ—всѣмъ, чѣмъ попало, и такимъ образомъ содержали себя въ теплѣ. Лейтенантъ Кресвель путешествовалъ такъ цѣлый мѣсяцъ вдоль берега, который называли землею Баринга. Дошедъ до конца, то есть до залива Мельвила, онъ могъ удостовѣриться, что эта земля составляетъ продолженіе земли Бенкса. Послѣ сего, онъ долженъ былъ возвратиться, потому-что двое изъ его людей едва не замерзли. Они убили одного медвѣдя и, вскрывъ его, нашли въ желудкѣ такую мѣшанину, что стали въ тушикѣ: это былъ настоящій винегретъ изъ изюма, табакъ и свинины и даже изъ клеенки. Они подумали сначала, что одно изъ судовъ экспедиціи находится въ этой странѣ, начали дѣлать розыски и черезъ нѣсколько дней странный обѣдъ медвѣдя разгадался: они нашли ящикъ съ припасами, точно такими, какіе были въ желудкѣ медвѣдя. Лейтенантъ возвратился на судно 24 мая; мы означаемъ число потому, что это день рожденія королевы, котораго англичане нигдѣ не забываютъ. Брошенные въ безпредѣльной пустынѣ, они распустили національный флагъ и эхо пушечныхъ выстрѣловъ, безъ сомнѣнія, впервые огласило эти отдаленныя полярныя страны.

Винніатъ также возвратился съ своими людьми въ хорошемъ состояніи, проведя пятьдесятъ дней подъ палатками. Онъ дѣлалъ изысканія въ землѣ, названной именемъ Принца Альберта и составляющей продолженіе земли Волластона. Онъ прошелъ далѣе всѣхъ къ сторонѣ пролива Баррова. На самой отдаленнѣйшей точкѣ своего пути онъ на-

ходился 24 мая 1851 года, и, по удивительному стеченію, наканунѣ этого-же дня, 23 мая, другой офицеръ, лейтенантъ Осборнъ, принадлежавшій къ экспедиціи, посланной съ другой стороны, черезъ проливъ Дависа, для изслѣдованій земли Волластона, находился, самъ того не зная, только въ двадцати миляхъ разстоянія отъ моряковъ Инвестигатора: вѣскольکو часовъ ранѣе или позже могли-бы соединить ихъ.

Лейтенантъ Ганвель, съ своей стороны, также путешествовалъ по землѣ Волластона: капитанъ желалъ повѣрить, точно-ли она не островъ и составляетъ оконечность американскаго материка, какъ это онъ подозрѣвалъ. Ганвель оставался сорокъ два дня въ пути и, по возвращеніи, донесъ, что встрѣтилъ эскимосовъ, которые, однакожь, не понимали его. Тогда, въ свою очередь, отправился и капитанъ, взявъ съ собою г. Миртчинга, безпѣннаго переводчика, какъ онъ всегда называлъ его, чтобъ узнать что-нибудь отъ дикихъ. Они настигли эскимосовъ, которые безъ затрудненія отвѣчали на всѣ вопросы. Капитанъ взялъ большой листъ бумаги и, нарисовавъ на немъ судно, провелъ отъ него линію пути своего до палатокъ, что дикіе весьма хорошо поняли. Они сами продолжили чертежь, означивъ разныя точки берега; говорили еще о большой землѣ, лежащей насупротивъ Волластоновой, которая, по словамъ капитана, очевидно означала Америку. Эскимосамъ она извѣстна чрезъ другія племена, съ которыми они ведутъ торговлю, а сами на ней не бывали. У этихъ дикарей нѣтъ никакихъ европейскихъ издѣлій и употребленіе желѣза имъ совершенно неизвѣстно; но у нихъ водится самородная мѣдь. Это племя отличается простотою и добрыми свойствами. Когда имъ показали подарки, они не обнаружили никакой алчности и еще спрашивали: сколько чего должны дать въ замѣнъ ихъ. Языкъ ихъ сходенъ съ тѣмъ, которымъ говорятъ прибрежныя жители Лабрадора. Капитанъ рассказываетъ этотъ эпизодъ въ письмѣ къ сестрѣ своей, о которомъ мы уже упоминали; онъ негодуетъ, что Гудзонская компанія не займется этими интересными племенами.

«Постыдно (говоритъ онъ), что компанія ничего не знаетъ объ этихъ племенахъ и привилегированная ея хартія остается мертвою буквою, тогда-какъ вся ея монополія основана на обязанностяхъ обращенія язычниковъ въ христіанство. Но, кажется, она болѣе всего заботится о мѣхахъ, а до прочаго ей мало дѣла. Благоразумные миссіонеры изъ Гренландіи, Лабрадора и даже изъ этой компаніи, скоро могли-бы привести этихъ простосердечныхъ, невинныхъ людей къ познанію Евангелія, для котораго они достаточно уже приготовлены. Я надѣюсь, что наше здѣсь странствованіе побудитъ Гудзонскую компанію принять мѣры къ просвѣщенію христіанскимъ ученіемъ этихъ бѣдныхъ людей».

Капитанъ Мак-Клюръ чрезъ экспедицію свою убѣдился, что земля Принца Альберта принадлежитъ къ американскому континенту, что многочисленныя и глубокия бухты, которыми изрѣзанъ весь берегъ, хотя и заставляютъ предполагать разные проливы и каналы, но они дѣйствительно не существуютъ.

Весна употреблена на эти любопытныя путешествія; но лѣто уже приближалось и ледъ становился ненадежнымъ. Лейтенантъ Кресвель, въ послѣднемъ своемъ путешествіи, находилъ трещины въ 15 и 20 футовъ, которыя преградили бы ему возвратный путь, если бы у него не было маленькихъ лодокъ изъ каучука, этихъ чудесныхъ лодочекъ, весомъ не болѣе 25 фунтовъ, которыя можно раздувать когда угодно. Какъ голуби слетаются въ гнѣзда, такъ и наши разсѣянные путешественники стекались къ своему спасительному ковчегу. Шлюпки и провизія, находившіяся на берегу, перенесены опять къ судну и подняты на него. Самое судно начали починивать и вооружать для предстоящаго плаванія. Матросы ожидали вскрытія льда, еще не зная, куда онъ понесетъ ихъ судно и не поглотитъ-ли его; между-тѣмъ, они бодры, веселы, легки и, благодаря Бога, пользуются такимъ-же здоровьемъ, какъ въ день отправленія изъ метрополи.

Отважный капитанъ такъ оканчиваетъ эту часть своего журнала: «Мы ожидаемъ теперь съ нѣкоторымъ безпокойствомъ разрыва этихъ страшныхъ ледяныхъ массъ, которыя насъ обнимаютъ, и опасаемся слѣдствій при вскрытіи льда, которыя могутъ быть для насъ гибельны». Такія опасенія, при всей рѣшительности моряковъ, были весьма позволительны: испытанныя ими доселѣ опасности ничего не значили въ сравненіи съ тѣми, которыя ихъ ожидали.

Въ началѣ іюля ледъ начинаетъ трогаться, потомъ, въ одинъ прекрасный день, вдругъ потихоньку вскрывается вокругъ судна и оставляетъ его плавающимъ въ узкомъ пространствѣ; но какъ оно не можетъ проникнуть чрезъ окружающія его ледяныя стѣны, то судно ошвартовливаютъ и прикрѣпляютъ къ этой огромной льдинѣ, бывшей въ теченіе десяти мѣсяцевъ его спасительницею, за которой оно и теперь должно слѣдовать. Такимъ образомъ, оба вмѣстѣ, нѣсколько дней они плаваютъ; наконецъ ледяная масса расторгается, судно выходитъ изъ своего ложа и, какъ птица, распускаетъ свои крылья, поднимая паруса, такъ долго оставшіеся въ бездѣйствіи. Судно съ тихимъ вѣтромъ направляется къ сѣверо-востоку; капитанъ надѣется теперь идти къ проливу Баррова. Тщетная надежда: вѣтеръ стихаетъ. Судно снова прикрѣпляется къ льдинѣ; но къ нему приближается, какъ въ боевомъ строю, цѣлый рядъ ледяныхъ массъ. Эти страшныя громады на-

носить сокрушительные удары огромной льдинѣ, за которую прирѣшено судно; со всѣхъ сторонъ летятъ ледяные осколки футовъ въ пятнадцать. Шумъ ударовъ подобенъ отдаленному грому; судно дрожитъ какъ будто-бы при землетрясеніи, но остается невредимымъ за ледяною стѣною. Съ великимъ трудомъ, тихо подвигается судно впередъ, иногда помощью парусовъ, иногда силою рукъ; такъ продолжается болѣе мѣсяца. Въ половинѣ августа остается только 25 миль до входа въ каналъ; судно почти касается своей цѣли, но противное теченіе моря гонитъ на него льды и заставляетъ идти назадъ. Чтобъ освободиться изъ ледяной массы, въ которой судно какъ-бы погребено, капитанъ рѣшается взорвать ледъ на воздухъ. Въ средину этой массы имѣвшей одиннадцать футовъ толщины и двѣсти сажень окружности, положили 36 фунтовъ пороху. Ледъ раскалывается и летитъ во всѣ стороны; освобожденное судно достигаетъ берега, вдоль котораго море свободно и экипажъ буксируетъ его нѣкоторое время противъ теченія. Тщетныя усилія! Въ одно утро туманъ разеялся и сверху мачтъ открылась обширная, непроницаемая преграда: проходъ во всю его ширину заслоненъ ледяною стѣною! Все кончено; надо отказаться отъ надежды; сказать прости почти осуществившейся мечтѣ. Какая тяжкая жертва разставаться съ завоеваніемъ, такъ дорого купленнымъ—и въ минуту его совершенія! Но моряки не приходятъ въ уныніе; замкнутую съ одной стороны дорогу, они будутъ искать въ другомъ направленіи. Это начало новаго путешествія.

Замѣтимъ мимоходомъ, что капитанъ Мак-Клюръ остановленъ былъ въ своемъ пути сѣверо-восточными вѣтрами, то-есть дувшими отъ точки, къ которой онъ шелъ. Онъ не сомнѣвался, что, взявъ направленіе другую стороною канала, легче будетъ достигнуть прохода.

Къ концу августа начинается новое путешествіе. Мы уже видѣли, что берегъ, названный землею Баринга, составляетъ южную оконечность земли Бенкса, которая отдѣляется отъ земли Мельвиля рукавомъ моря. Слѣдовательно, возвратясь назадъ, можно обойти вокругъ острова и достигнуть оконечности Бенкса. Капитанъ Мак-Клюръ разсчитываетъ найти тутъ рукавъ моря, или каналъ, который соединяется съ проливомъ Баррова, и такъ онъ будетъ искать здѣсь пути.

Сначала плаваніе идетъ успѣшно; каналъ, въ которомъ онъ былъ запертъ въ продолженіе одиннадцати мѣсяцевъ, теперь совершенно открылся и температура сдѣлалась довольно умѣренной. Земля Баринга изъ всѣхъ этихъ странъ кажется болѣе плодоносною и способною къ обитанію. Въ ней водятся въ изобиліи утки, гуся, разнаго рода дичь, лани и пахучіе быки. Но вскорѣ сцена перемѣняется; судно входитъ

въ полярное море и встрѣчаетъ ледяныя плавающія горы, которыя каждую минуту угрожаютъ разбить его какъ стекло. Читая описаніе этихъ страшныхъ о льды ударовъ, трудно питать еще какую-либо надежду на спасеніе Франклина и его товарищей; потому-что достаточно имъ было войти въ чашу льда этого моря, чтобъ безвозвратно погибнуть. Капитанъ Мак-Клюръ старается плыть вдоль берега, не удаляясь отъ него болѣе одной мили; но тутъ ему угрожаетъ опасность, что ледъ прижметъ его къ землѣ и раздавитъ какъ скорлупу орѣха. Однажды, чтобъ не отнесло его въ море, онъ прикрѣпляется къ льдинѣ у берега и остается десять дней. Но вотъ ужасная ледяная масса приносится теченіемъ и подымаетъ перпендикулярно на 30 футовъ въ высоту льдину за которую прикрѣплено судно. Это похоже на лошадь вставшую на дыбы и готовую опрокинуться на своего всадника. Послѣ минутнаго тяжкаго ожиданія, льдина ломается и судно увлечено вмѣстѣ съ ея обломками; оно идетъ, идетъ впередъ потопляя льдины и получая кормою и рулемъ отъ нихъ удары. Капитанъ примѣчаетъ, что онъ несется прямо на неподвижную массу льда, которая непременно его раздавитъ. Онъ посылаетъ одного канонера впередъ попытаться взорвать на воздухъ эту массу, взрывъ, кажется, не производитъ ни малѣйшаго дѣйствія, «и въ эту минуту, говоритъ капитанъ, мы были отъ ледяной громады только въ нѣсколькихъ шагахъ; всѣ находились на палубѣ и ждали рѣшенія своей участи. Страшный ударъ, отъ котораго поколебались мачты, задрожалъ и затрещалъ весь остовъ судна, показывая намъ, что борьба будетъ непродолжительна».

Однакожъ они спасены. Порохъ произвелъ свое дѣйствіе въ срединѣ ледяной массы и ударъ судна довершилъ разбитіе ея на три части. Судно горделиво прошло среди обломковъ разрушеннаго имъ льда и не потеряло другаго поврежденія, кромѣ сорванныхъ съ обшивки листовъ мѣди, которые свернулись, какъ листы бумаги.

Послѣ этого жестокаго испытанія, капитанъ рѣшается здѣсь зимовать. Наступилъ уже сентябрь и термометръ показывалъ 7^о мороза. Экипажъ начинаетъ ходить на охоту, открываетъ окаменѣлости, которыя капитанъ считаетъ допотопными. Онъ говоритъ въ письмѣ своемъ къ сестрѣ:

«На возвышеніи, примѣрно 500 футовъ отъ горизонта воды, мы открыли цѣлый рядъ бугровъ изъ набросаннаго кучами во всѣхъ видахъ и состояніяхъ дерева, начиная съ окаменѣлыхъ до легко загорающихся, какъ стружки, нашли также почти окаменѣлую большую двойную раковину. Я смотрю на это, какъ на новое доказательство, если нужно еще доказательство всемірнаго потопа. Это дерево, эти раковины не принад-

лежать странамъ полярнымъ. Стволъ самаго большаго здѣсь дерева—ивы, не толще чубука и служить пищею ланямъ.»

Между-тѣмъ капитанъ Мак-Клюръ обязанъ прекратить свои геологическія изслѣдованія. Термометръ поднимается и начинаетъ перепадать дождь. Ледъ отдѣляется отъ берега и увлекаетъ съ собою судно въ море, то-есть въ это страшное полярное море, изъ котораго не возвращаются. Чтобъ освободиться изъ этой движущейся тюрьмы, капитанъ прибѣгнулъ къ пороху; послѣдовательные заряды въ 25, въ 65 фунтовъ едва ощутительны. Тогда онъ приказалъ опустить на глубину пяти сажень, въ средину ледяной массы, въ разстояніи 15 сажень отъ судна, боченокъ, содержащій въ себѣ 255 фунтовъ пороху. Взрывъ разбиваетъ ледяную массу на тысячи частей и атомовъ, но на суднѣ едва замѣтно сотрясеніе. Сдѣлавшись свободнымъ, судно продолжаетъ свое многотрудное плаваніе, держась всегда вдоль берега, и наконецъ, къ исходу сентября, достигаетъ моря, гдѣ льды не имѣютъ такого грознаго вида. Онъ вышелъ уже изъ полярнаго моря и вступаетъ въ каналъ, долженствующій привести его въ проливъ Баррова; судно почти обошло островъ Баринга; но ему еще не удастся пройти новооткрытымъ путемъ; съ верху мачтъ открывается повсюду неподвижный ледъ; опять должно остановиться.

Капитанъ, замѣтивъ у береговъ маленькую бухту, полагаетъ, что она можетъ доставить имъ надежное убѣжище, и вводитъ туда судно. «Въ этотъ вечеръ (онъ говоритъ) мы окончательно замерзли въ этомъ маленькомъ портѣ, которому дали названіе залива Милосердія, въ память благодарности нашей за избѣжаніе всѣхъ опасностей, которымъ подвергались въ грозномъ Полярномъ морѣ.»

Это было 24 сентября 1851 года. Почти два года, послѣ сего, судно оставалось на томъ же мѣстѣ; по всѣмъ вѣроятностямъ, оно находится тутъ и теперь.

Съ берега, у котораго они тогда находились, капитанъ Мак-Клюръ могъ различать, въ разстояніи 60 миль, землю Мельвиля, открытую за 30 лѣтъ передъ симъ капитаномъ Парри. Оба они могли собственными глазами видѣть *проходъ*, котораго мореплаватели такъ долго тщетно искали.

Здѣсь оканчивается морская кампанія Инвестигатора и его отважнаго экипажа. Теперь они опять въ заточеніи надолго, на цѣлые годы. Вспомнимъ, что капитанъ Мак-Клюръ, при самомъ началѣ своего плаванія, объявилъ, что пойдетъ впередъ до самой невозможности, и если будетъ остановленъ льдами, то достигнетъ земли Мельвиля пѣшкомъ. И дѣйствительно, проведя зимы 1851 и 1852 въ заливѣ Милосердія, лишь

только наступило весеннее время, онъ пустился съ семью человѣками изъ своего экипажа на санкахъ. 28 апрѣля онъ прибылъ на островъ Мельвиль, къ тому самому мѣсту, гдѣ некогда стояла палатка Парри. Они нашли тамъ на камнѣ слѣдующую надпись:

«Суда Его Британскаго Величества «Гекла» и «Гриперъ» подъ начальствомъ Парри и Лайдона, зимовали въ этомъ портѣ 1819—1820 г. Вырѣзалъ А. Фишеръ.» Онъ нашелъ здѣсь еще другую надпись лейтенанта Мак-Клинтока, приходившаго сюда, въ 1851 году, изъ пролива Ланкастера. Въ свою очередь, въ этомъ же мѣстѣ, носящемъ слѣды геройскихъ подвиговъ его товарищей, онъ оставилъ цилиндръ, въ который вложилъ краткую выписку изъ журнала своего путешествія. Онъ посоветовалъ къ ней, что намѣреецъ возвратиться въ Англію путемъ между островомъ Мельвиля и портомъ Леопольда, то-есть новооткрытымъ проходомъ, и для того просить о доставленіи ему на Мельвиль провіанта; что если о немъ не будетъ никакого слуха, значить, что его унесло въ Полярное море, и въ такомъ случаѣ бесполезно посылать къ нему на помощь, потому-что ни одно судно, вошедшее въ эту бездну, изъ нея уже не возвращается. Все это оканчивается слѣдующими словами.

«Денеша эта оставлена здѣсь, въ апрѣлѣ 1852, экспедицію, состоящую изъ капитана Мак-Клора и проч. (слѣдуютъ имена шести лицъ); нашедшаго ее просятъ доставить секретарю Адмиралтейства. Его Британскаго Величества Инвестигаторъ, замерзшій въ заливѣ Милосердія, 12 апрѣля 1852 года.»

Этотъ самый меморіалъ найденъ былъ впоследствии экспедицію, отправившеюся изъ пролива Баррова на встрѣчу Инвестигатора, о которомъ два года ничего не слыхали и считали его погибшимъ. Между тѣмъ, капитанъ Мак-Клоръ возвращается къ своему судну, посмотримъ, что говоритъ онъ своей сестрѣ въ выше приведенномъ письмѣ:

«Мы не лишились ни одного человѣка ни отъ болѣзней, ни отъ непредвидѣнныхъ случаевъ. Должно приписать особенной милости Божіей, что такое число людей, и въ такомъ краю свѣта, могло остаться невредимымъ...»

Намъ остается разказать, какъ найдены были слѣды капитана Мак-Клора и его товарищей...

III.

Разказы плѣнниковъ и потерпѣвшихъ кораблекрушенія всегда интересны, не смотря на ихъ однообразіе. Таковы происшествія нашихъ моряковъ, которыхъ мы оставили, два года тому назадъ во льдахъ, въ

углу Арктическаго моря. Мы видѣли, какъ они провели первую и потомъ вторую зиму; третья зима прошла такимъ же образомъ. Вспомнимъ еще, что капитанъ Мак-Клюръ 24 сентября 1851 г. вошелъ въ бухту Милосердія, въ апрѣлѣ 1852 года онъ ходилъ пѣшкомъ, чрезъ льды, на землю Мелвилъ, чтобъ оставить тамъ о себѣ вѣсть. Спустя восемь дней, онъ возвратился на судно и нашелъ свой экипажъ въ хорошемъ состояніи. Охота была удачна и на суднѣ было около тысячи фунтовъ мяса.

Можно было ожидать, что лѣтомъ ледъ разойдется, судно выйдетъ изъ своего убѣжища и будетъ продолжать плаваніе. Но ожиданіе это было тщетно. Весна прошла, наступило лѣто, а ледъ оставался неподвиженъ. Въ концѣ августа, пришлось начинать здѣсь новую зиму; можно было ходить по всему заливу пѣшкомъ: земля стала покрываться снѣгомъ, дикія птицы улетѣли и немногіе цвѣты, оживлявшіе эти печальные берега, исчезли.

«Это время года (говорить капитанъ) можетъ быть названо длиннымъ безсолнечнымъ днѣмъ; съ конца мая солнце почти не показывалось и дѣйствіе его едва было замѣтно надъ массами льда, которыя совершенно загромождали весь проливъ съ одного конца до другаго. Я не думаю, чтобъ Полярное море вскрывалось въ этомъ году: мы не видали ни одной капли воды по этому направленію.»

Когда капитанъ Мак-Клюръ увидѣлъ, что принужденъ провести еще зиму во льдахъ, собралъ всѣхъ людей и объявилъ имъ свои намѣренія. Онъ рѣшился отослать въ будущемъ апрѣлѣ половину экипажа въ Англію чрезъ Баффиновъ заливъ и рѣку Мекензія. Другая половина должна остаться съ нимъ, въ надеждѣ, что судно можетъ освободиться изъ своего заточенія лѣтомъ 1853 года; въ противномъ случаѣ они отправятся, на санкахъ, въ портъ Леопольда. Недостатокъ въ провизіи дѣлалъ эту мѣру необходимою; въ продолженіе года порція уменьшена была на треть, а имъ предстояло еще восемнадцать мѣсяцевъ заключенія! Въ эту минуту и при этихъ обстоятельствахъ капитанъ Мак-Клюръ пишетъ своей сестрѣ:

«Лѣто 1852 года казалось только продолженіемъ немного смягченной зимы, и ледъ не вскрылся. Я намѣреваюсь отослать въ этомъ году половину моего экипажа: одни пойдутъ на китоловныхъ судахъ въ Баффиновъ заливъ, другіе — рѣкою Мекензія; иначе, въ этой дикой странѣ у насъ не достанетъ провизіи. Эта мѣра, которую я беру на свою ответственность, чтобъ спасти судно и имѣть возможность привести его обратно въ Англію, надѣюсь, что будетъ одобрена Адмиралтействомъ.»

Рѣшеніе капитана было весьма хорошо принято экипажемъ. Итакъ

приготовились на зимовку внутри судна; закупили люки и покрыли палубу слоемъ снѣга, толщиною въ 18 дюймовъ. Пароходныя трубы достаточно провѣтривали въ суднѣ воздухъ. Наступило 26 октября—годовщина открытія новаго пути проливомъ Принца Валлійскаго; положено было этотъ день праздновать. Капитанъ приказалъ раздать двойную порцію и по два стакана грога; вечеръ прошелъ весело въ танцахъ и пѣніи. Примѣтили еще много птицъ, но онѣ очень одичали и трудно было ихъ ловить. Кажется, что лани не покидаютъ этой неблагоприятной земли даже и зимою. Онѣ питаются преимущественно малорослой травой, которую достаютъ изъ-подъ снѣга, разрывая его ногами; когда погода тиха, можно слышать ихъ шумъ на большомъ разстояніи.

Такимъ образомъ плѣнники достигли 25 декабря—праздника Рождества, праздника семейнаго и народнаго у англичанъ. Здѣсь предоставляемъ говорить самому капитану:

«Такъ-какъ (говоритъ онъ) это былъ послѣдній праздникъ Рождества, который мы должны были провести вмѣстѣ, экипажъ согласился торжествовать его достопамятнымъ образомъ. Каждый столъ былъ ярко освѣщенъ и украшенъ картинами нашихъ подпалубныхъ живописцевъ, представившихъ судно во всѣхъ его опасныхъ положеніяхъ въ Полярномъ морѣ; но главное украшеніе составляли огромные *плумуддини*, вѣсомъ въ 25 фунтовъ, начиненные жареными ланями и зайцами, и супы изъ дичины. Никогда, я думаю, подобная роскошь и изобиліе не являлись въ палубахъ. Елибѣ кто посторонній былъ свидѣтелемъ этой сцены, никакъ бы не повѣрилъ, что видитъ экипажъ, проводившій болѣе двухъ лѣтъ въ дикой, пустынной странѣ, предоставленный собственнымъ своимъ средствамъ и, между тѣмъ, наслаждающийся совершеннымъ здоровьемъ. Такое зрѣлище, во всякомъ случаѣ, порадовало-бы всякаго офицера, и я не могъ не быть глубоко тронутымъ, помышляя о безчисленныхъ милостяхъ Провидѣнія, испытанныхъ нами въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ, какія только можно представить себѣ!»

Не трогателемъ-ли этотъ семейный праздникъ, торжествуемый въ потерянномъ углу свѣта людьми, которые, конечно, воспоминали при этомъ случаѣ о своихъ матеряхъ, женахъ, дѣтяхъ—о всемъ, что мило и драгоценно имъ въ отчизнѣ!

По прошествіи четырехъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ этой могилѣ, плѣнники снимаютъ тяжелое снѣжное покрывало, разостланное надъ ними, какъ саванъ, и наконецъ видятъ дневный свѣтъ. Журналъ капитана перескакиваетъ на мартъ 1853 г. и начинается слѣдующими словами:

«1-е марта.

«Самое мрачное и скучное для насъ время кончилось, и поистинѣ,

оно было весьма неприятно. Холодъ этихъ послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ былъ весьма чувствителенъ: въ январѣ было 44° ниже точки замерзанія по Фаренгейту ($6^{\circ} \frac{7}{10}$ ст.), 17° болѣе, нежели прошлаго года въ это же время; однажды термометръ упалъ до 65° ($18^{\circ} \frac{6}{10}$ ст.), и остался на 62° ($16^{\circ} \frac{7}{10}$ ст.), въ продолженіе 24-хъ часовъ. Я-бы сомнѣвался въ правильности термометра, еслибъ его не вывѣрилъ .. но и состояніе экипажа это подтверждало. . стужа произвела большую сырость въ палубахъ и мы не могли столько топить, чтобъ ее уничтожить. Число больныхъ скорбутомъ и водяной болѣзнию доходило однажды до 19, но потомъ уменьшилось до 10 чел.»

Надо было помышлять о предположенной разлукѣ. Капитанъ въ продолженіе марта занималъ своихъ людей выгрузкою баласта, который они клали тропинкою къ морю, въ надеждѣ ускорить этимъ вскрытіе льда; онъ велѣлъ отпустить полную порцію людямъ, назначеннымъ къ отправленію, чтобъ они могли начать путешествіе въ хорошемъ состояніи. Впрочемъ, по особенному счастью, съ самаго начала кампаніи, доселѣ экипажъ не потерялъ ни одного человѣка, что капитанъ отчасти приписываетъ превосходной пищѣ, которую люди имѣли въ продолженіе всего времени: кромѣ обильной дичины, у нихъ еще были взятыя изъ Англіи въ консервахъ мясо и лимонный отлично-хорошій сокъ, противодѣйствующій скорбуту.

Какъ настоящій ирландецъ, капитанъ особенно хвалитъ картофель въ консервахъ. Вѣроятно, также помнятъ, что, два года тому назадъ, когда они находились въ новооткрытомъ каналѣ, положена была на маленькомъ островкѣ, для храненія, провизія. Онъ намѣревался послать туда, чтобъ взять картофель и шоколадъ, для снабженія ими судна на случай, ежели придется имъ еще зимовать въ заливѣ Милосердія.

Время разлуки назначено было въ первыхъ числахъ апрѣля; капитанъ дѣлаетъ послѣднія распоряженія. Пути, которыми будутъ слѣдовать, можно видѣть на картѣ. Лейтенантъ Гавель, съ частью экипажа пойдетъ проливомъ Баррова и достигнетъ острова Бичи, при входѣ въ каналъ Веллингтона, гдѣ, по оставленному въ прошломъ году на островѣ Мельвиля извѣщенію, должна находиться провизія. Тамъ они могутъ съ китоловными судами, посѣщающими эти моря, возвратиться черезъ заливъ Баффиновъ и проливъ Дависа въ Англію. Съ другой стороны лейтенантъ Кресвель, который осмотрѣлъ уже весь берегъ острова Бенкса и Баринга, отправится къ каналу, гдѣ зимовали въ 1850 году, потомъ пройдетъ черезъ островокъ, на которомъ оставлена была провизія и оттуда, посредствомъ Великой рѣки, то-есть Мекензія, достигнетъ Гудзонова пролива. Что касается до неустрашимаго капитана Мак-

Клюра, онъ съ добровольно остающимися при немъ людьми проведетъ еще зиму на вѣрномъ суднѣ, «которое столь-же твердо (говоритъ онъ), какъ въ первый день входа его въ льды». И если лѣтомъ не удастся имъ освободиться, они отправятся, на санкахъ и пѣшкомъ, въ портъ Леопольда въ проливѣ Баррова. Ни одинъ изъ романовъ Купера не имѣетъ такой занимательности, какъ это путешествіе.

Все готово къ отправленію; апрѣль наступилъ; пришлось разставаться и, можетъ-быть, навсегда. Но событіе необыкновенное, неожиданное, какъ перемѣна театральнoй декорации, вдругъ измѣняетъ всѣ эти распоряженія. Да позволено намъ будетъ воспользоваться здѣсь привилегіею романистовъ, чтобъ перенестись на другую сцену и вывести на ней другія лица.

Между-тѣмъ, какъ Инвестигаторъ отыскивалъ сѣверный проходъ и Франклина чрезъ проливъ Беринговъ, другія суда туда-же шли черезъ проливъ Дависа и заливъ Баффиновъ. Сэръ Эдуардъ Бельчеръ съ пароходомъ Посobie (Assistance) доходитъ въ этихъ водахъ до самой возвышеннѣйшей доселѣ на сѣверѣ точки и проводитъ зимы 1852 и 53 гг. въ водахъ на параллели 76° ш., на оконечности пролива, извѣстнаго подъ именемъ канала Веллингтона. Самая отдаленная въ этой странѣ точка названа архиселагомъ Викторіи, подобно тому, какъ самая отдаленная точка на югѣ, открытая капитаномъ Россомъ, названа также землею Викторіи, что и заставляетъ скромныхъ англичанъ говорить, что имя Викторіи царствуетъ отъ одного полюса до другаго и что владычество британское обнимаетъ оба конца земли!..

Сэръ Эдуардъ Бельчеръ открылъ также, что означенныя на картахъ заливы Иоанна и Шмита, есть двойной каналъ, соединяющійся съ Полярнымъ моремъ. Предполагаютъ, сколько дозволено предполагать, что Франклинъ вошелъ въ одинъ изъ этихъ каналовъ и былъ увлеченъ въ полярные льды—въ Ахеронъ, неотпускающій своей добычи. Все, что можно заключать объ участи Франклина и его товарищей, будетъ чистою гипотезою. Если кто имѣетъ право дѣлать въ этомъ случаѣ предположенія, то это, конечно, адмиралъ Парри, который думаетъ, что Франклинъ затеръ льдами въ открытомъ морѣ. Франклинъ имѣлъ паровое судно и могъ идти далѣе, нежели Парри въ 1819 году съ парусными судами. Онъ объявлялъ о намѣреніи своемъ проникнуть чрезъ каналъ Веллингтона, и очень возможно, что исполнилъ это въ благоприятное время года.

«Потому-что невозможно (говоритъ адмиралъ Парри) представить себѣ, какую разность производить въ этихъ моряхъ благопріятное или неблагопріятное время года, и повѣрить, какія быстрыя перемѣны мо-

гутъ проходить со льдами. Мнѣ самому случалось въ теченіе двухъ или трехъ дней до такой степени быть затертымъ льдами, что съ верху мачты не видно было столько свободного мѣста, чтобъ бросить въ воду бутылку; потомъ, чрезъ двадцать четыре часа, нигдѣ не видно было ни одной льдинки; ни я и, вѣрно, никто другой не можемъ сказать: отчего это случалось. Такимъ образомъ Франклинъ, при благоприятномъ времени года, на паровомъ суднѣ могъ какимъ-нибудь рукавомъ моря весьма далеко проникнуть на сѣверо-западъ и на возвратномъ пути найти этотъ каналъ, затертый льдами».

Доселѣ о Франклинѣ извѣстно только то, что онъ заходилъ къ острову Бичи, служившему главною квартирою новымъ изслѣдователямъ въ 1852 году; тамъ нашли могилы трехъ человекъ изъ экипажа Франклина, но далѣе не открыто никакихъ слѣдовъ этой экспедиціи.

Сэръ Эдуардъ Бельчеръ, во время зимовки своей близъ архипелага Викторіи, предпринималъ разныя экспедиціи на санкахъ. Въ одной изъ нихъ доходили до острова Мельвила, близко къ тому мѣсту, гдѣ зимовалъ капитанъ Келлетъ, начальствовавшій «Герольдомъ» и «Смѣлымъ».

Капитанъ Келлетъ былъ послѣднимъ товарищемъ, съ которымъ Мак-Клюръ видѣлся въ 1851 году предъ входомъ своимъ въ Беринговъ проливъ. По счастливому стеченію обстоятельствъ, теперь Келлетъ прежде всего отыскалъ Мак-Клюра. Чрезъ него мы узнаемъ, что дѣлается съ Инвестигаторомъ и его экипажемъ.

Припомнимъ, что весною 1852 года капитанъ Мак-Клюръ ходилъ по льду къ острову Мельвилю и оставилъ тамъ краткій журналъ путешествія и извѣстія о своемъ положеніи на сторонѣ Бенкса. Эти свѣдѣнія найдены были капитаномъ Келлетомъ, который зимовалъ на островѣ Мельвилѣ въ 1852 и 1853 годахъ, и послужили къ спасенію плѣнниковъ, которыхъ мы оставили готовящимся къ предпріятію окончательныхъ экспедицій. Лишь только весна дозволила начать путешествія, капитанъ Келлетъ послалъ маленькой отрядъ съ санками для отысканія смѣлыхъ соотечественниковъ.

6 апрѣля 1853 года день, незабвенный для капитана Мак-Клюра и его товарищей. Въ этотъ день капитанъ и его первый лейтенантъ прогуливались по льду. Въ отдаленіи видятъ они человека, идущаго къ нимъ на встрѣчу. Сначала они подумали, что это кто-нибудь изъ ихъ экипажа, и на разстояніи ста шаговъ закричали: кто идетъ? Человекъ, казавшійся имъ въ это время призракомъ, отвѣчалъ на ихъ языкѣ: «Лейтенантъ Пимъ, съ корабля ея величества «Герольда» капитанъ Келлетъ». Мы отказываемся говорить, что почувствовали они при этой чудесной, спасительной встрѣчѣ; пусть говорятъ сами дѣйствующія

лица этой истинно-трогательной сцены. Вотъ что пишетъ Мак-Клюръ къ своей сестрѣ:

«Лейтенантъ явился предъ нами какъ привидѣніе. Онъ отправился съ санками впередъ и, не будучи замѣченъ, подошелъ такъ близко къ нашему судну, что мы сначала приняли его за одного изъ своихъ. Когда же открылась наша ошибка, я не могу изъяснить, что мы чувствовали. Отъ унынія экипажъ мгновенно перешелъ къ величайшей радости и восторгу. Слава Богу, мы можемъ считать теперь себя спасенными! На слѣдующій день, 7 апрѣля, я отправился черезъ проливъ на встрѣчу къ нашимъ спасителямъ, и полученный мною приемъ, понятный твоему доброму сердцу, вполне наградила меня за все претерпѣнныя лишенія и опасности».

Слѣдующее письмо писано капитаномъ Келлетомъ, который на «Смѣломъ» ожидалъ обратнаго прибытія своего лейтенанта. Послѣдній возвратился съ Инвестигатора вмѣстѣ съ капитаномъ Мак-Клюромъ и нѣкоторыми людьми изъ экипажа, желавшими посѣтить своихъ избавителей.

«Этотъ день (говорить капитанъ) отмѣтится красными чернилами въ нашемъ журналѣ и будетъ навсегда празднуемъ нашими потомками. Сего утра (19 апрѣля) часовой замѣтилъ, что съ западной стороны приближается къ намъ группа людей; тотчасъ весь экипажъ отправился къ ней навстрѣчу. Вскорѣ мы замѣтили вторую группу. Докторъ Донвилъ былъ первый, котораго я увидѣлъ. Не могу изъяснить, что я чувствовалъ, когда онъ сказалъ мнѣ, что во второй группѣ находится капитанъ Мак-Клюръ; я не замедлилъ съ нею соединиться и, конечно, не можетъ никогда быть болѣе радостной, болѣе дружеской встрѣчи. Мак-Клюръ имѣлъ бодрый видъ, только былъ очень голоденъ. Разеказъ встрѣчи его съ лейтенантомъ Пимомъ въ заливѣ Милосердія доставилъ бы прекрасный сюжетъ для капитана Марриета, еслибъ онъ былъ въ живыхъ.»

«Кажется, что Мак-Клюръ прогуливался съ первымъ лейтенантомъ по льду. Видя, что кто-то бѣжитъ въ ихъ сторону, они подумали, что это матросъ, спасающійся отъ медвѣдя, и пошли къ нему на встрѣчу. На разстояніи ста шаговъ они замѣтили, что этотъ человекъ не принадлежитъ къ ихъ экипажу. Пимъ сталъ кричать и махать руками (у него лицо такъ черно, какъ моя шляпа), капитанъ и лейтенантъ остановились; они не могли еще его слышать.»

«Наконецъ Пимъ, весь внѣ себя, къ нимъ подбѣгаетъ и, когда Мак-Клюръ кричитъ ему: «кто вы? откуда вы?» отвѣчаетъ, задыхаясь; «лейтенантъ Пимъ, «Герольдъ», капитанъ Келлетъ.» Мак-Клюръ ни-

чего не можетъ понять; а былъ послѣдній, которому пожалуй онъ руку на прощанье передъ Беринговымъ проливомъ. На послѣдокъ онъ замѣтилъ, что этотъ странникъ — настоящій англичанинъ. Его увидѣли и съ судна; все бросились вдругъ къ единственно свободному люку и сначала никто не могъ изъ него выйти; больные соскочили съ своихъ коекъ, и все въ мгновеніе ока перемѣнилось на суднѣ».

Невозможно читать равнодушно этихъ простыхъ строкъ. Всякой пойметъ, какію радостью, какимъ восхищеніемъ наполнились сердца заброшенныхъ подъ полюсъ моряковъ. Послѣ столькихъ опасностей и въ то время, когда имъ предстояли новыя и большія, послѣ трехлѣтняго заточенія, которому не могли они предвидѣть и конца, какимъ-то чудомъ приведены въ ихъ объятія соотечественники и друзья. Ни въ какой книгѣ не найдете ничего подобнаго этой дружеской встрѣчи двухъ моряковъ на краю свѣта, куда не достигала прежде нихъ нога человѣческая, и гдѣ они съ двухъ противоположныхъ сторонъ открыли *новый путь*.

На другой-же день, какъ мы видѣли, лейтенантъ Пимъ отправился съ капитаномъ Мак-Клоромъ въ путь, для достиженія «Смѣлаго», который находился въ разстояніи 170 миль. Они употребили на эту дорогу двѣнадцать дней. Прежнія намѣренія капитана, натурально, теперь измѣнились, и люди назначавшіеся идти по двумъ различнымъ направленіямъ, должны были все теперь пуститься на «Смѣлый». Выборъ палъ на больныхъ и слабѣйшихъ, притомъ капитанъ Мак-Клоръ, по затруднительности снабдить новыми запасами Инвестигаторъ, рѣшился оставить при себѣ не болѣе двадцати или тридцати человѣкъ. Лейтенантъ Кресвель обязанъ былъ отвести прочіихъ на «Смѣлый». Съ большими затрудненіями, до крайности утомленные, достигли они судна 2 мая и получили тамъ радушный пріемъ и всевозможную помощь. Какъ изъ 24-хъ человѣкъ, 22 одержимы были скорбутомъ, то лейтенантъ Кресвель, пользовавшійся совершеннымъ здоровьемъ, проводилъ ихъ по льду черезъ проливъ Баррова до острова Бичи, гдѣ находились суда для доставленія въ Англію извѣстій объ этой экспедиціи. Онъ самъ и привезъ ихъ.

Съ-этихъ-поръ ничего болѣе неизвѣстно о Мак-Клорѣ и о находящемся съ нимъ экипажѣ изъ 25 или 30 человѣкъ. Оставляя «Смѣлый», чтобъ возвратиться къ судну своему въ заливъ Милосердія, онъ сообщилъ о своихъ намѣреніяхъ, чтобъ Адмиралтейство, зная ихъ, могло принять надлежащія мѣры.

Въ случаѣ, если ледъ лѣтомъ вскроется и дозволитъ ему войти въ проливъ Баррова, онъ долженъ, при свободномъ пути, слѣдовать въ

каналъ Ланкастера, который, какъ извѣстно, ведетъ въ заливъ Баффиновъ; если же встрѣтитъ отъ льдовъ препятствіе со стороны пролива Ланкастера, долженъ идти въ портъ Леопольда, гдѣ есть годовой запасъ провизіи, и провести въ льдахъ новую зиму.

Но если ледъ въ заливѣ Милосердія не вскрыется и онъ будетъ задержанъ тамъ до весны 1854, вотъ его маршрутъ, который можно прослѣдить по картѣ:

Въ апрѣлѣ (здѣсь, разумѣется, апрѣль 1854), онъ окончательно оставитъ свое судно и отправится черезъ льды до порта Леопольда, гдѣ есть добрая шлюпка, домъ и съѣстные припасы. Когда настанетъ удобное для плаванія время, онъ будетъ слѣдовать со шлюпкою вдоль южнаго берега пролива Баррова до бухты Пондекой въ Баффиновомъ заливѣ, гдѣ обыкновенно бывають китоловные суда. Но если не пойдетъ тутъ судовъ, продолжитъ плаваніе вдоль западнаго берега залива, пока не поровняется съ островомъ Диско, близъ западнаго берега Гренландіи; тогда, приставъ къ этому острову, отправится въ Англію на датскомъ суднѣ, или перезимуетъ тутъ до будущаго лѣта.

Во всякомъ случаѣ, если будетъ послано на помощь къ нему судно, то въ леопольдовомъ портѣ найдутъ слѣды и свидѣніе о его маршрутѣ. Но если въ этомъ портѣ ничего не окажется, значить, что онъ погибъ, и въ такомъ случаѣ бесполезно будетъ посылать его отыскивать и жертвовать напрасно жизнью другихъ. Вотъ какъ самъ онъ изъясняетъ это съ удивительнымъ простодушіемъ:

«Если, говорить онъ, не найдутъ о насъ никакихъ вѣстей, тогда съ достовѣрностію можно заключить, что съ нами случилось несчастье: мы или увлечены въ Полярное море, или разбиты въ щепы въ проливѣ Баррова, и никого не осталось въ живыхъ. Въ этомъ случаѣ, котораго не желаю, впрочемъ, предполагать, совершенно было бы бесполезно идти далѣе на западъ, для поданія намъ помощи, потому-что прежде, нежели какое судно можетъ туда достигнуть, мы конечно будемъ уже на томъ свѣтѣ даже и по недостатку провизіи, и тогда я бы просилъ дать заранѣе приказъ начальнику воротиться назадъ и не подвергать опасности живыхъ для отысканія мертвыхъ...»

Близъ уже года какъ писалъ это капитанъ Мак Клоръ, и въ настоящій часъ, всего вѣроятіемъ, находится еще плѣнникомъ во льдахъ залива Милосердія. Но онъ одушевленъ тою же неустранимостью, которая привела его туда, и, безъ сомнѣнія, выведетъ. Онъ говоритъ: «Если бъ суждено намъ было погибнуть, Господь не показалъ бы намъ столь великихъ и безчисленныхъ милостей!»

Мы будемъ сопровождать еще лейтенанта Кресвеля въ его послѣд-

немъ путешествіи. Онъ отправился съ Инвенстигатора 15 апрѣля съ 24 человѣками, и когда они простились съ своими товарищами, присутствующимъ были оставшіеся экипажемъ трикратнымъ ура! У нихъ были и сани, на которыя положили больного матроса и багажъ. Однажды замѣтили, что одинъ изъ ихъ отряда отсталъ—это былъ матросъ, котораго холод довелъ почти до безумія; они воротились по своимъ слѣдамъ и нашли бѣдняка до половины увязшаго въ сугробъ снѣга; онъ не могъ идти безъ сторонней помощи и потому положили его также на сани. 30 апрѣля они встрѣтили вышедшаго къ нимъ на встрѣчу лейтенанта Пима и одного моряка съ «Смѣлаго» на саняхъ съ собаками. Они, какъ мы ужъ видѣли, благополучно прибыли на судно 2 мая.

Спустя нѣсколько дней, лейтенантъ Кресвелъ пустился въ дорогу съ 12 человѣками; онъ имѣлъ при себѣ депеши Мак-Клюра. Этотъ маленькой отрядъ прибылъ 2 іюня на судно «Сѣверную Звѣзду» у острова Бичи. Онъ прошелъ по льду 300 миль, а считая отъ залива Милосердія всего до 500 миль. Черезъ мѣсяць пришедшее изъ Англіи судно «Фениксъ» взяло къ себѣ Кресвеля; но испытанныя имъ опасности еще не кончились. «Фениксъ» на другой же день по вступленіи подъ паруса, выдержалъ жесточайшій ураганъ, гнавшій на него съ такою силою льды, что буксированное имъ небольшое судно изломано было въ щепы. Это случилось такъ скоро, что люди, на немъ бывшіе, едва успѣли выскочить на ледъ. Вотъ какимъ ежедневнымъ опасностямъ подвергаются плователи въ арктическихъ моряхъ!

Въ эту же бурю погибъ 19 августа и французскій лейтенантъ Белло, несчастный конецъ котораго возбудилъ такое сочувствіе въ Англіи и Франціи.

Белло участвовалъ и въ первой экспедиціи для отысканія Франклина; и когда, въ прошломъ году, «Фениксъ» отправился въ Баффиновъ заливъ, онъ испросилъ себѣ дозволеніе участвовать въ этихъ новыхъ опасностяхъ. «Фениксу» нужно было сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія капитану Бельчеру, находившемуся въ Велингатонскомъ каналѣ, и Белло вызвался идти черезъ ледъ, чтобъ доставить депеши. Онъ взялъ съ собою четырехъ человѣкъ и каучуковую лодочку. Сильнымъ порывомъ вѣтра отдѣлило ледъ отъ берега, Белло послалъ на лодкѣ двухъ человѣкъ на берегъ, а самъ съ остальными двумя остался на льду, который въ то же время тронулся съ мѣста. Между-тѣмъ пошелъ густой снѣгъ. Белло велѣлъ вырыть въ снѣгу двѣ маленькія пещерки, въ которыхъ кое-какъ и пріютились матросы, а самъ отправился для розысковъ. Такъ-какъ онъ долго не возвращался, то матросы пошли для отысканія своего лейтенанта... и вдругъ видятъ, что его палка плаваетъ въ широ-

кой полыньѣ около такого мѣста, гдѣ ледъ со всѣхъ сторонъ разрушался. Тутъ-то и погибъ отважный морякъ. Проблуждавъ тридцать часовъ, они наконецъ отыскали двухъ своихъ товарищей и чудеснымъ образомъ достигли судна. Белло былъ уважаемъ и любимъ какъ товарищами своими, такъ и всѣмъ экипажемъ, и потеря его причинила общую величайшую горестъ.

22 августа «Фениксъ» оставилъ островъ Бичи, 4 октября лейтенантъ Кресвелъ прибылъ въ Турсо на сѣверной оконечности Шотландіи, откуда въ 53 часа по желѣзнымъ дорогамъ пріѣхалъ въ Лондонъ. Итакъ ему принадлежитъ честь перваго совершенія пути по Полярному морю отъ одного конца американскаго материка до другаго.

Люди, заботящіеся единственно о существенныхъ выгодахъ, смотря на неопредѣленные и еще неизвѣстные результаты этихъ необычайныхъ усилій отважныхъ мореплавателей, предлагаютъ всегдашній прозаическій вопросъ: «но какая изъ этого польза?» Для настоящаго дня и часа, можетъ-быть, пользы еще и не видно. Хотя путь по Полярному морю и открытъ, но онъ для плаванія еще неудобенъ. Положимъ, что нѣкоторые безстрашные искатели приключеній и прошли чрезъ Полярное море, оно все еще непроходимо для торговли: та же ледяная преграда, которую встрѣтилъ Мак-Клюръ, была, тридцать пять лѣтъ назадъ тому, встрѣчена Парри и, весьма вѣроятно, никогда не разрушалась.

Но, даже смотря и со стороны практической пользы, кто можетъ, кто осмѣлится сказать, что современная наука, породившая столько чудесъ, не найдетъ въ своемъ богатѣйшемъ запасѣ новой побѣды надъ силами природы? Кто бы могъ въ недавнемъ еще времени предсказать, что паръ и электричество произведутъ такіа диковины?

Мы не знаемъ еще, что откроется; а что-нибудь да откроется. Во всякомъ случаѣ, можно быть увѣрену, что высокія дѣянія приносятъ всегда пользу и благородныя усилія увѣнчиваются успѣхами. Безстрашные мореплаватели, оставленные нами въ ихъ ледяной могилѣ, могутъ повторить слова, триста лѣтъ прежде сего сказанныя однимъ изъ ихъ предшественниковъ: «Heaven is as near by water as by land (небо такъ же близко отъ воды, какъ и отъ земли).

ВЪЛЫЙ ДРОЗДЪ.

(Разсказъ Молери)

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, недалеко отъ Шеврёза, по хорошей тропинкѣ, извивающейся по берегу Иветты, между молодыхъ пвѣ и зеленѣющихъ луговъ, шелъ молодой человѣкъ, съ ружьемъ въ рукахъ. Медленная походка и глаза, устремленные въ землю, выражали отчаяніе охотника, которому не посчастливилось, или горе влюбленнаго, не встрѣтившаго предмета своей страсти. Охота, вѣдь, весьма часто служить только предлогомъ тѣхъ прогулокъ, цѣль которыхъ желаютъ скрыть.

Какъ-бы-то ни было, охотникъ, или влюбленный, но молодой человѣкъ этотъ, по имени Дюверже, ужъ съ недѣлю жилъ въ Шеврёзѣ и каждый день совершалъ одну и ту-же прогулку, не переступая ни одного шага за предназначенныя имъ, повидимому, границы. На восьмой день, сидя, по обыкновенію, на мѣстѣ своихъ наблюденій, между дровомъ и папоротникомъ, у опушки небольшой рощи, Дюверже вдругъ вскочилъ и сталъ внимательно смотрѣть въ ивнякъ; но лицо его, просіявшее было на минуту восторгомъ, скоро опять приняло печальное выраженіе; однако, осмотрѣвъ тщательно мѣстность, Дюверже, казалось, покорился судьбѣ и, направляясь къ Шеврёзу, сказалъ самому себѣ: «Я приду опять завтра».

На разстояніи не болѣе ста шаговъ отъ ивняка, который только-что оставилъ молодой человѣкъ, возвышался на скатѣ холма небольшой сельскій домикъ. Домикъ этотъ былъ раздѣленъ на двѣ половины: въ

одной жила хозяйка, бездѣтная вдова, съ племянникомъ; другую занималъ старый холостякъ и его племянница.

Г-жа Корали Валькуръ (такъ называлась вдова) была небольшая, полная женщина; единственный ея недостатокъ состоялъ въ томъ, что она *была* очень хороша въ 18-ть лѣтъ и сохранила въ 45-ть претензію на красоту. Сосѣдъ ея, старый холостякъ, котораго звали Мареномъ, длинный и сухой, воображавшій себя красавцемъ и *отлично сохранившимся*, взялся, наконецъ, оправдать, хотя вполнину, эту претензію, и повергъ къ ногамъ вдовицы свои пятьдесятъ лѣтъ и обожаніе. Къ этому побуждала его отчасти соблазнительная мысль: жить въ очаровательной виллѣ *хозяиномъ*, гдѣ теперь онъ былъ только постояльцемъ. Что-же касается до молодыхъ людей, они *въ самомъ дѣлѣ* обладали тѣми наружными достоинствами, которыя у ихъ родныхъ существовали *только въ воображеніи*. Альфреду было 20-ть лѣтъ; Зоя — семнадцать. Альфредъ, будущій адвокатъ, держалъ себя степенно; слова его походили на аксіомы правовѣднія. Живая и веселая Зоя любила своими шалостями приводить въ отчаяніе дядю и г-жу де-Валькуръ и особенно разстроивать степенность Кюжаса.*

Было около 10-ти часовъ утра. Г-жа де Валькуръ сидѣла у своего окна. Зоя открыла свое, и какъ оба окна были въ близкомъ разстояніи одно отъ другаго, то молодая дѣвушка и вдова могли свободно разговаривать и наблюдать. Послѣ обыкновенныхъ, пустыхъ фразъ, какими всегда начинается разговоръ, г-жа де-Валькуръ, взоры которой были обращены на ивнякъ, вскричала:

— Какъ это странно!

— Что какое? спросила Зоя.

— Да; я его узнаю очень хорошо: это *вчерашній* молодой человекъ!

— Какой молодой человекъ?

— Посмотрите туда, посреди этихъ ивъ...

— Вижу; ну что-же?

— Какъ-что? Развѣ вы не замѣчаете, что онъ стоитъ неподвижно, устрѣмивъ глаза въ нашу сторону?

— Это правда!

— Представьте-же себѣ, моя милая, что вчера вечеромъ онъ былъ на этомъ-же самомъ мѣстѣ и въ томъ-же самомъ положеніи!

* Жакъ Кюжасъ (Jacques Cujas), знаменитый юристъ; онъ жилъ въ половинѣ XVII столѣтія; написалъ на латинскомъ языкѣ, подъ именемъ Jacobus Cujacius, похвальные сочиненія о *corpus juris* (Сводъ Законовъ), а главное о *dominium et proprietas* (владеѣніи и собственности).—Примѣч. переводѣ.

— А!.. Это, въ самомъ дѣлѣ, странно!

— Право, точно статуя!.. Что вы думаете объ этомъ молодомъ человѣкѣ?

— Я думаю, что онъ имѣетъ причину такъ дѣйствовать и, безъ сомнѣнія, караулить что-нибудь...

— Или кого-нибудь.

Въ это время Зою позвалъ дядя; г-жа де-Валькуръ оставалась еще долго у своего окна, стараясь угадать: какимъ образомъ и съ какою цѣлью существо, одаренное разумомъ, могло добровольно выносить въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ пытку такого скучнаго положенія?

На другой день г-жа де-Валькуръ и Зоя въ урочный часъ были у тѣхъ-же оконъ. Дюверже на своемъ мѣстѣ.

— Право, не достало-бы столько терпѣнія для чего-нибудь. Ясно, что молодой человѣкъ караулитъ кого-нибудь...

— Вы думаете? сказала Зоя.—Однакожь, сколько я могу рассмотреть отсюда, у него очень честная наружность...

— Сохрани меня Богъ приписывать ему дурныя намѣренія!..

— Между-тѣмъ, человѣкъ, который караулитъ кого-нибудь... съ ружьемъ въ рукахъ...

— Можетъ-быть, онъ взялъ ружье... такъ только... чтобъ придать себѣ болѣе вѣсу...

— Вы заставляете меня предполагать, что знаете болѣе, чѣмъ показываете.

— Нѣтъ, Боже мой! но я такъ, просто разсуждаю. — Приходить каждый день на одно и то же мѣсто, и такъ долго ждать, стеречь или наблюдать за кѣмъ-нибудь... Право, надо, чтобъ это было что-нибудь слишкомъ занимательное и важное, но ужъ вовесть не желаніе мстить. Да вы же сами, сію-же минуту, опровергли подобное предположеніе, несообразное съ честною наружностью молодаго человѣка... Следовательно, надо искать другой причины.

— Какая-же можетъ быть другая причина?

— Вы еще слишкомъ молоды и вамъ не понять ее,—отвѣчала, вздыхая, г-жа де-Валькуръ. На этотъ разъ разговоръ не пошелъ дальше.

Переходя отъ пріятныхъ къ грустнымъ мечтамъ, вдова находилась подъ вліяніемъ весьма различныхъ идей: порою предавалась она самымъ восхитительнымъ обманамъ воображенія; потомъ, обращаясь къ настоящему, она говорила самой себѣ, не безъ нѣкотораго, впрочемъ, сожалѣнія, что, принявъ предложеніе Морена, она ужъ не имѣетъ права увлекаться сладкими надеждами.

Зоя, несмотря на неопытность, которую приписывала ей г-жа де-Валькуръ, очень хорошо поняла *важную* причину, на которую намекала ей сосѣдка. И предположеніе это, мы должны сознаться, не показалось ей невѣроятнымъ. Несообразностью считала она только претензію вдовы. Думалось Зоѣ, что гораздо правдоподобнѣе было-бы прогулки молодого человѣка принять на свой собственный счетъ. Въ предположеніи этомъ, впрочемъ, не заключалось ничего такого, что могло-бы слишкомъ радовать молодую дѣвушку или льстить ей самолюбію; сердце Зои ужъ было занято, и будущій адвокатъ, Альфредъ, могъ не бояться соперничества.

На слѣдующій день г-жа де-Валькуръ, сказала Зоѣ:

— Посмотрите, моя милая, опять тутъ, опять взоры *его* обращены на мое окно!..

— На *мое*, если позволите!.. отвѣчала Зоя, которой очень хотѣлось помучить вдову. Та взглянула на Зою съ неописаннымъ удивленіемъ и съ досадою быстро отошла отъ окна, не сказавъ ни слова. Въ эту самую минуту въ растворенную дверь гостиной проскользнула длинная фигура, на которую наткнулась г-жа де-Валькуръ.

— Развѣ можно такъ подкрадываться? вскричала она гнѣвно:—вы меня страшно перепугали!

— Я не имѣлъ этого намѣренія,—отвѣчалъ Моренъ своимъ тоненькимъ голоскомъ и, вынимая изъ кармана свертокъ бумаги, искусно перевязанный розовою ленточкой, прибавилъ: — Вотъ проектъ свадебнаго контракта, который вы позволили представить вамъ, Корали, на разсмотрѣніе.

— Хорошо, дайте, я посмотрю. Я прочту его... на досугъ...

— На досугъ? Но вы знаете, милая Корали, какъ я нетерпѣливо жду... да и вы сами, если позволите замѣтить вамъ, нѣсколько дней тому назадъ, столько-же были нетерпѣливы, какъ и я.

— Оставьте это! Вамъ можно торопиться: кто прожилъ пятьдесятъ лѣтъ—это понятно!.. но я.. Я нахожу странными ваши замѣчанія. Слава Богу, я могу еще ждать, г-нъ Моренъ.

— Г-нъ Моренъ?.. повторилъ Моренъ въ недоумѣніи, г-нъ Моренъ!?!.. когда уже почти полгода мое ухо привыкло съ наслажденіемъ слышать, какъ вы вашимъ сладкимъ голосомъ называли меня Изидоръ!.. Вы, вѣрно, встали съ мигренемъ, Корали?

— Можетъ-быть; и потому мнѣ нужны покой и уединеніе, отвѣчала сухо г-жа де-Валькуръ.

Моренъ зналъ, что было-бы безразсудно раздражать нервы Корали; онъ положилъ въ карманъ контрактъ съ розовою ленточкой, при-

нялъ видъ покорившейся жертвы и вышелъ на цыпочкахъ, не сказавъ ни слова. Первымъ движеніемъ его было повѣрить свою неудачу Зоѣ, которая при этомъ громко расхохоталась.

— Что съ тобою, племянница? Что значить этотъ порывъ веселости, такъ мало приличный положенію, въ которомъ ты меня видишь?

— Не сердитесь, добрый дядюшка: я сочувствую вашему горю; и если я смѣюсь, такъ, конечно, не надъ вами.

— Слава Богу!

Моренъ сталъ ходить по комнатѣ взадъ и впередъ, размахивая руками и повторяя довольно-часто одно и то-же восклицаніе: «что дало поводъ къ такому необыкновенному приему?»

Зоѣ, подъ влияніемъ маленькой ссоры съ г-жею де-Валькуръ, въ которую завлекла ее шалость, взяла дядю подъ-руку, подвела его къ окну, показала молодого человѣка, все еще стоявшаго на своемъ мѣстѣ, въ ивнякѣ, и сказала:

— Поводъ... вотъ онъ!

Моренъ, подумавъ немного, полетѣлъ, какъ стрѣла.

Между-тѣмъ г-жа де-Валькуръ, лежа на диванѣ, давала своему воображенію полную свободу перелетать отъ одной несообразности къ другой. Въ комнату вошелъ Альфредъ.

Вскочивъ съ мѣста, она подвела его къ окну.

— Посмотримъ, господинъ будущій адвокатъ, съумѣете-ли вы объяснить мнѣ непонятную загадку.

— Моя слабая проницательность вся къ вашимъ услугамъ, тетюшка!

— Обратите вниманіе на ивнякъ, который во ста шагахъ отсюда, прямо противъ васъ...

— Слушаю.

— Не замѣчаете-ли вы чего-нибудь необыкновеннаго?

— Ничего!

— Какъ? Вы не видите человѣка?

— Да, въ-самомъ-дѣлѣ, я вижу человѣка, съ ружьемъ въ рукахъ.

— Не въ ружьѣ дѣло!..

— Нѣтъ, извините, когда берутъ оружіе, то, безъ сомнѣнія, съ намѣреніемъ употребить его въ дѣло.

— Прекрасно! Знайте-же, что, нѣсколько дней сряду, этотъ человѣкъ проводитъ каждое утро на этомъ мѣстѣ.

— Съ ружьемъ?

— Боже мой! да ружье тутъ ничего не значитъ. Я уже просила

васъ не заботиться о немъ. Посмотрите только внимательно и скажите, что вы думаете?

— Я думаю, тетушка, что это охотникъ.

— Вотъ еще!

— И, пожалуй, браконьеръ. Въ такомъ случаѣ онъ рискуетъ попасть подъ отвѣтственность.

— Вы уклоняетесь отъ дѣла. Я прошу васъ только усилить вниманіе и сказать мнѣ: на которое именно окно этого дома предполагаемый вами охотникъ обращаетъ свое вниманіе съ такою настойчивостью и упрямствомъ?

Будущій адвокатъ сильно задумался.

— Правду сказать, задача остается неразгаданною и, если нужно объявить мое мнѣніе откровенно, то, кажется, что онъ не обращаетъ вниманія ни на одно окно изъ всего нашего дома.

— Въ-самомъ-дѣлѣ?—возразила г-жа де-Валькуръ съ улыбкою, въ которой проглядывали и досада и насмѣшка.—Ты тутъ такъ-же ясно видишь, какъ эта глупенькая Зоя, которая воображаетъ, что ея окно привлекаетъ взгляды молодого человѣка.

Разсерженная и огорченная вдова ушла въ садъ. Альфредъ, прикованный къ окну послѣдними словами тетки, не сводилъ глазъ съ Дюверже и нашель, къ несчастью, тысячу самыхъ убѣдительныхъ доводовъ къ подтвержденію мнѣнія Зои.

Моренъ, который, какъ вы помните, бросился бѣжать съ такою скоростью, одумался дорогою и разсудилъ, что прежде, чѣмъ поддаться пылкости своего характера, нужно имѣть ясныя доказательства. Онъ подкрался тихонько за пьвы и услышалъ слѣдующія слова: «Еще одно утро пропало!.. но все равно, ничто не измѣнитъ моего постоянства: я приду завтра, послѣ завтра... я буду приходить въ продолженіе десяти лѣтъ, если это нужно!.. Здѣсь, въ первый разъ я увидѣлъ это рѣдкое сокровище; я хочу и, во что-бы то ни стоило, буду имѣть его!» сказавъ это, Дюверже удалился. Морену не нужно было дальнѣйшихъ объясненій. Онъ возвратился домой съ такими странными жестами и гримасами, что можно было принять ого за бѣснующагося. Не колеблясь ни минуты, онъ пошелъ прямо къ г-жѣ де Валькуръ, мечтавшей въ одной изъ бесѣдокъ сада. Тамъ Моренъ, обыкновенно кроткій и почтительный, принялъ передъ вдовою позу змѣи, которой только-что наступили на хвостъ.

— Я знаю, въроломная Корали, причину дурнаго обхожденія вашего со мною; я знаю, что въ округѣ есть человѣкъ, который имѣетъ дерзость заступать мнѣ дорогу; я знаю, этотъ человѣкъ, чтобы

похитить ваше сердце, безсовѣстно, съ утра до ночи, употребляетъ всю силу своихъ очарованій!..

— Ну, такъ что-же?

— Какъ, что-же?.. Не думаете-ли вы озадачить меня этимъ холоднымъ вопросомъ? У меня есть соперникъ: я видѣлъ, я слышалъ его!

— Такъ я не ошибалась? произнесла Корали торжествующимъ голосомъ

— Что такое?..

— Вы его видѣли, вы его слышали? Онъ меня любитъ... бѣдный молодой человекъ!

— Ну, я не совѣтую вамъ жалѣть его и говорить о немъ въ моемъ присутствіи такимъ нѣжнымъ голосомъ и въ такихъ выраженіяхъ...

— Но, кажется, я властна располагать собою и могу говорить какъ мнѣ вздумается, сударь!

— Какъ-же!.. и открыть доступъ къ вашему сердцу первому бродягѣ, сударыня!

— Я чистосердечно сознаюсь...

— И даже, выйти за него замужъ!

— Я не стану просить вашего позволенія, г-нъ Моренъ.

— Я дамъ ихъ десять вмѣсто одного, г-жа Валькуръ!

И съ жестомъ, достойнымъ Ореста и Герміоны, они отвернулись одинъ отъ другаго.

На другомъ концѣ сада происходила точно такая-же сцена, менѣе смѣшная только своею формою.

— Вѣрь клятвамъ женщины!—говорилъ Альфредъ, задыхающимся голосомъ, не заботясь въ эту минуту даже о сохраненіи своей обычной ораторской важности.

— Вѣрь мужчинѣ, который обѣщаетъ тебѣ слѣзную довѣренность!

— И такъ, ни слова оправданія?.. ни одного слова, которое успокоило-бы меня?..

— Это было-бы слабостью, за которую я могу упрекать себя всю жизнь!

— А!.. Сознайтесь лучше, что боитесь сказать неправду!

— Вы можете давать моимъ словамъ какой угодно слысль.

— Это почти признаніе!

— Положимъ!

— И вы думаете, что, послѣ этого, я буду имѣть низость любить васъ попрежнему?..

- Надѣюсь, что нѣтъ.
- Да избавить меня небо отъ привязанности къ кокеткѣ!..
- Да избавить меня Богъ отъ ревниваго мужа!
- Прощайте... прощайте, сударыня!..
- Прощайте... прощайте, сударь!

Можно себѣ представить, какую ночь провели наши четверо влюбленныхъ послѣ такого бурнаго дня! Моренъ измѣрялъ по всеѣмъ направлѣніямъ свою комнату, стуча ногами о паркетъ и раздражая самъ свой гнѣвъ жестами и восклицаніями. Корали, спальня которой была какъ-разъ надъ комнатою Морена, рассчитывала, что сонъ успокоитъ волненіе ея души, но рассчитывала, не принявъ въ соображеніе отчаянія своей несчастной жертвы. Сначала отчаяніе это, выразившееся довольно-шумно, выводило изъ терпѣнія г-жу де-Валькуръ, но мало-помалу душа ея наполнилась сожалѣніемъ.

— Бѣдный!—подумала она:—его любовь *истинная!* Я испытывала ее всячески: если влюбленныхъ и много, то Моренъ все-таки *одиць!*

Альфредъ подражалъ своему будущему дядюшкѣ: онъ также не ложился спать. Убѣжденный, что еще *несовсѣмъ* кончилъ съ Зоєю, Альфредъ счелъ нужнымъ написать ей, чтобы *начисто* объяснить свой взглядъ на вещи и свое рѣшеніе. Сидя передъ бюро, онъ начиналъ, рвалъ и опять начиналъ болѣе двадцати писемъ; одни казались ему слишкомъ-темны, другія слишкомъ подробны. День засталъ его за этой Пенелопиной работою!

Зоя была покойнѣе всѣхъ. Что ей было до того: *ей-ли* незнакомецъ оказывалъ предпочтеніе, или *другой*? Она не считала себя способною отдать ему сердце, принадлежащее уже исключительно Альфреду; она знала, что достаточно одного ея слова, чтобы укротить гнѣвъ молодого человѣка. При всемъ томъ, она спала очень мало; женскій инстинктъ говорилъ ей, что она зашла слишкомъ далеко и что такая игра была не безопасна.

Кто увидѣлъ-бы на другое утра эти четыре фізіономіи, вѣрно подумалъ-бы, что въ теченіе одного дня въ маленькомъ домикѣ совершилось много печальныхъ событій.

Мы не скажемъ: Моренъ *всталъ первый*, потому-что Альфредъ не ложился, какъ и его будущій дядя; но Моренъ *первый вышелъ* изъ дому. Въ головѣ его составился планъ: онъ направилъ шаги свои къ ивняку. Дюверже былъ уже тамъ. Выпрямившись и поднявъ голову, Моренъ, переступая порогъ своей двери, принялъ торжественный видъ и смѣлую походку; но, по мѣрѣ приближенія къ цѣли, вы-

раженіе лица его смягчалось, походка становилась четвердою... При взглядѣ на мужественную фізіономію молодого человѣка, а можетъ-быть, и на оружіе, которое тотъ держалъ въ рукѣ, нашъ фанфаронъ почувствовалъ вдругъ потребность быть вѣжливымъ и началъ разговоръ, приложивъ предварительно два пальца къ козырьку своей фуражки.

— Я Изидоръ Моренъ, милостивый государь. Мнѣ нужно объясниться съ вами.

— Къ вашимъ услугамъ, сударь; только въ другомъ мѣстѣ и въ другое время, если вамъ угодно.

— Милостивый государь! дѣло очень важное и не терпитъ отлагательства...

— Милостивый государь! я въ отчаяніи, но не могу васъ слушать и убѣдительно прошу удалиться.

— Этого-то я и не слѣваю. И хотите вы меня слушать или нѣтъ, а я выскажу непременно все, что у меня на сердцѣ...

— Милостивый государь, я долженъ затѣтить вамъ, что вы чрезвычайно беспокоите меня!

— Неужели вы не чувствуете угрызений совѣсти, внося раздоръ и беспокойство въ этотъ домикъ?..

— Посторонитесь влѣво!.. посторонитесь влѣво, умоляю васъ!

— Преслѣдуя женщину...

— Послушайте!.. я вижу... ради Бога, посторонитесь!

На этотъ разъ Моренъ не могъ удержать своего негодованія.

— Ваше поведеніе заслуживаетъ названіе, которое не произнесетъ ни одинъ порядочный человѣкъ!..

— Ну, къ черту!.. надоѣлъ! крикнулъ Дюверже, грубо толкнувъ Морена въ куцу тростника, растущаго по берегу Иветты; тростникъ, не выдержавъ тяжести, пригнулся къ водѣ.

— Вотъ опять все потеряно!

Моренъ, обиженный и *прохлажденный*, всталъ молча и удалился, считая, послѣ этого всякую попытку возобновить разговоръ бесполезною.

Не прошло и десяти минутъ, какъ явился Альфредъ.

— Милостивый государь! сказалъ онъ Дювержѣ объясненіе между нами необходимо.

Дюверже, еще красный отъ досады на Морена, не былъ расположенъ хорошо принять новаго докучливаго посѣтителя.

— А!.. да что вы, сговорились что-ли, не давать мнѣ ни минуты покоя?..

— Милостивый государь, — возразилъ Альфредъ, едва удерживаясь:

вы говорите такимъ тономъ... Но Дюверже, поднимая ружье, помѣшалъ ему продолжать:

— Не подходите, сударь, не подходите!..

Альфредъ колебался.

— Отойдите, говорю я, или, право, вамъ-же будетъ худо!..

Пренебрегать подобною угрозою невооруженному было-бы безразсудно. Альфредъ рѣшился уступить.

— Мы увидимся, милостивый государь мой, мы увидимся! кричалъ онъ, удаляясь.

— Рѣшительно, это утро потеряно! говорилъ Дюверже, опуская ружье. Но судьба еще не перестала его преслѣдовать: явились двое посланныхъ, одинъ вслѣдъ за другимъ, и вручили ему двѣ записки, чтеніе которыхъ снова вывело его изъ терпѣнія. Впрочемъ, по нѣкоторомъ размышленіи, онъ улыбнулся.

— Хорошо! сказалъ онъ, кладя посланія въ свою охотничью сумку: —это пригодится на пыжи.

Альфредъ и Моренъ встрѣтились въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома; взаимная откровенность возбудила между ними споръ, который могъ очень дурно кончиться.

— Я увѣряю, что онъ приходитъ для Корали!

— Я утверждаю, что для Зои!

Мнѣнія ихъ касательно личности молодаго человѣка съ ружьемъ были согласны:

— Какой бѣшенный! говорилъ Моренъ.

— Это очень опасный человѣкъ!—прибавилъ Альфредъ:—о немъ слѣдовало-бы довести правительству?

Г-жа де Валькуръ и Зоя ожидали ихъ съ большимъ страхомъ, но встрѣтили съ милою улыбкою.

— Изидоръ... сказала первая:—я была виновата, сознаюсь, простите меня!

Зоя протянула руку молодому законовѣдцу:

— Альфредъ, вы еще сердитесь?

Альфредъ поцѣловалъ поданную ему руку, между-тѣмъ, какъ Моренъ некалъ словъ, которые выразили-бы вполне восторгъ его.

— Дѣ, мы были обѣ виноваты! — сказала Зоя:—и за то каждая изъ насъ написала молодому человѣку письмо, которое убѣдитъ его въ бесполезности преслѣдованія, къ кому-бы оно ни относилось.

— Нужны-ли вамъ еще доказательства нашего чистосердечнаго раскаянія, прибавила г-жа де Валькуръ:—посмотрите: окна закрыты безжалостно.

— О, мы были вполне жестоки!

— Однако, правду сказать, намъ слѣдовало-бы поступить осторожнѣе. Какъ знать, можетъ-быть, этотъ несчастный въ настоящую минуту въ самомъ ужасномъ отчаяніи...

— Онъ на все способенъ,—сказалъ Моренъ. Внезапный крикъ г-жи де-Валькуръ и палецъ, указывающій на окно, обратилъ въ ту сторону вниманіе остальныхъ трехъ дѣйствующихъ лицъ. Они увидѣли, что Дюверже судорожно схватилъ свое ружье, потомъ блеснулъ огонь... послышался выстрѣлъ, молодой человекъ сдѣлалъ шагъ или два и опустился среди ивъ.

— Великій Боже!.. вскричали всѣ четверо.

— Побѣдимъ! сказала г-жа де-Валькуръ.

— Да, побѣдимъ!—подтвердилъ Моренъ:—надо исполнить долгъ человѣколюбія.

Въ ту минуту, какъ они подходили къ ивианку, Дюверже подымался съ торжествующимъ видомъ, держа въ одной рукѣ ружье, а въ другой прекраснаго бѣлаго дрозда.

Кто опишетъ общее изумленіе! Но въ ту-же минуту ударили въ набатъ, забили тревогу и посреди деревни собралась толпа крестьянъ, вооруженныхъ вилами, ружьями, шестами, цѣпами, подъ предводительствомъ полевого сторожа—таковы были послѣдствія ужаса, который распространилъ Моренъ въ околоткѣ, съ намѣреніемъ отметить незнакомцу. Дюверже былъ принятъ чуть за поджигателя, дѣлателя фальшивой монеты, убійцу, бунтовщика и проч. и проч... Къ счастью, прежде, чѣмъ толпа народа окружила его, онъ имѣлъ время удовлетворительно объяснить дѣло четыремъ свидѣтелямъ его великаго подвига.

— Милостивые государи и государини! — сказалъ Дюверже: — вы видите передъ собою счастливѣйшаго человѣка: это чудесная птица, жетъ-быть, единственная во всей вселенной. Природѣ-ли, столь разнообразной въ своихъ твореніяхъ, или одному времени обязана она неслучайно бѣлизною своихъ перьевъ... однимъ словомъ: чудо-ли это, или, просто, старость—вотъ что предстоитъ разсмотрѣть наукѣ! Что касается меня, я исполнилъ важное порученіе, которымъ почтило меня правительство!

— Правительство!.. Да кто-же вы?

— *Набивальщикъ чучель* королевскаго сада, къ вашимъ услугамъ, если могу быть вамъ полезенъ.

— Вы очень любезны!

— Ужъ давно важный вопросъ занималъ натуралистовъ: есть-ли бѣлые дрозды, какъ увѣряли Плиній и Аріостъ, или ихъ нѣтъ, или, по-крайней мѣрѣ, теперь *больше* нѣтъ, потому-что все перерождается, какъ

предполагаетъ Линней. Такова была задача, которая раздѣляла послѣдователей Бюффона и Ласепада на двѣ враждующія партіи; необходимо было разрѣшить ее, для спокойствія цѣлаго міра. Представлялось одно средство: послать довѣренное лицо отыскивать чудесную птицу, существованіе которой вошло въ пословицу, а между-тѣмъ было предметомъ спора! Миѣ поручено было это трудное предпріятіе. Педѣли двѣ тому, миѣ казалось что я замѣтилъ эту птицу и не ошибся — вотъ она! Вотъ, наконецъ, бѣлый дроздъ! Я подарю его въ кабинетъ натуральной исторіи: его только и недоставало къ богатству полной коллекціи чучель, которыя такъ восхищаютъ нянюшекъ!

Набивальщикъ чучель ботаническаго сада поклонился своимъ слушателямъ и пошелъ по дорогѣ въ Шеврѣзъ, гордясь своимъ бѣлымъ дроздомъ болѣе, чѣмъ Язонъ гордился золотымъ руномъ.

Двѣ четы, любовь которыхъ потрясена была на минуту загадочнымъ присутствіемъ молодого человѣка, смотрѣли теперь въ остолбенѣніи на удаляющаго Дюверже.

Смѣяться-ли имъ?..

Веселость Зои разрѣшила вопросъ. Вскорѣ послѣ этого отпразднованы были двѣ свадьбы, и въ Шеврѣзѣ увѣряютъ, что счастье не покидаетъ эти два семейства. (Voleur).

БИЛЕТЪ ВЪ ТЫСЯЧУ ФРАНКОВЪ.

(Разсказъ Шарля Барбары).

Было уже очень поздно; на улицахъ не было замѣтно ни экипажей, ни прохожихъ; неугомный Парижъ заснулъ на короткое время. Я шелъ медленно по той улицѣ, которая вела къ моему кварталу, погруженный въ самыя печальныя размышленія. Кошелекъ мой былъ совершенно пустъ; одолженіемъ друзей я ужъ столько пользовался, что прибѣгать снова къ ихъ щедрости, значило-бъ употреблять ее во зло; однимъ словомъ: я находился въ той степени нищеты, которую скрываютъ какъ порокъ, налагающей на человѣка неизгладимую печать стыда и униженія. Я подходилъ къ своей квартирѣ усталый, измученный, истративъ напрасно цѣлый день на безполезныя побѣгужки; выдти изъ затруднительнаго положенія, въ которомъ я находился тогда, можно было развѣ только какимъ-нибудь чудомъ. Я шелъ, повѣся голову, не замѣчая ничего, что могло происходить вокругъ меня, какъ вдругъ глаза мои были привлечены какимъ-то маленькимъ чернымъ предметомъ, лежавшимъ на землѣ, близъ углубленія одного дома. Я нагнулся и подвѣлъ замѣченную мною вещь: то былъ бумажникъ, величиною въ обыкновенный порт-монне. Еще за минуту до этого, я былъ занятъ только одною мыслью, проникнуть единственнымъ, пламеннымъ желаніемъ:

«Что, еслибъ удалось мнѣ найти какой-нибудь банковый билетъ?» и, полный какого-то ожиданія, нѣсколько времени ощупывалъ я тщательно ногами тротуаръ и поднималъ всѣ валявшіяся на немъ бумажки и клочки тряпокъ, прилежно нагибаясь всякій разъ, какъ только усматривалъ что-нибудь похожее, при свѣтѣ потухающихъ фонарей. Мнѣ наконецъ стыдно какъ-то стало самого себя, и я оставилъ это занятіе, неимѣвшее никакого здраваго смысла—и что-же? Въ тотъ самый мигъ, когда я былъ болѣе чѣмъ когда-нибудь убѣжденъ въ несбыточности моихъ предположеній, маленькій бумажникъ лежалъ въ моей

рукъ! Что я чувствовалъ тогда, что случилось со мною—описать трудно! Мною овладѣла какая-то страшная слабость, на лбу моемъ выступилъ холодный потъ, голова кружилась; руки и ноги дрожали, сердце, казалось, готово было оторваться отъ придерживающихъ его артерій. Разсудокъ, впрочемъ, скоро помогъ мнѣ выйти изъ такого нервическаго состоянія. Мало-по-малу я совершенно успокоился и могъ разсуждать, не предаваясь никакимъ несбыточнымъ надеждамъ. Я такъ мало вѣрилъ счастію и такъ всегда мало имѣлъ во всемъ удачи, что былъ заранѣе убѣжденъ, что, кромѣ какихъ-нибудь незначительныхъ бумагъ, ничего не найду въ этомъ бумажникѣ. Я положилъ находку свою въ карманъ и продолжалъ путь тѣмъ-же медленнымъ шагомъ, какимъ прошелъ цѣлый Парижъ, безъ упованій и мечты; прибавлю, впрочемъ, что сердце мое не переставало биться ненормальнымъ своимъ боемъ; нѣкоторые признаки горячнаго состоянія еще продолжались.

Не успѣлъ я отойти шаговъ тридцать отъ счастливаго мѣста, какъ вдругъ, при свѣтѣ фонаря, замѣтилъ вдаль человѣка, поспѣшно возвращавшагося по тому направленію, которому слѣдовалъ я. У меня опять начала кружиться голова и въ волненіи, въ которое я пришелъ вторично, мнѣ показалось, что человѣкъ тотъ нагибался къ троттуару и чего-то искалъ. Теперь, когда я нахожусь въ совершенно спокойномъ расположеніи духа, я увѣренъ, что въ дѣйствительности всего этого не было. Человѣкъ, замѣченный мною, просто былъ какой-нибудь прохожій; но тогда мнѣ сдѣлалось какъ-то страшно. Я тотчасъ вообразилъ, что незнакомецъ былъ хозяинъ бумажника и что находка моя заключала огромныя суммы. Буду, въ настоящее время, откровененъ и чистосердечно признаюсь читателю, что, по какому-то безчестному влеченію, я быстро перешелъ на другую сторону улицы и принялся бѣжать со всевозможною скоростью, не зная самъ куда. Мнѣ опять тогда показалось, что прохожій началъ меня преслѣдовать и опять голова моя стала кружиться, въ ушахъ зазвенѣло и я почти готовъ былъ упасть безъ памяти на троттуаръ. Пробѣжавъ, по-крайней-мѣрѣ, двадцать различныхъ улицъ, я достигъ наконецъ до дома, въ которомъ жилъ, оторвалъ у воротъ звонокъ, бросился въ дверь, прихлопнулъ ее за собою съ удвоенной силою и только тогда остановился, чтобъ перевести дыханіе, когда увѣрился, что кругомъ царствуетъ ненарушимое молчаніе. Ноги мои подгибались; я уцѣпился обѣими руками за перила и съ усиліемъ началъ шагать, съ ступени на ступень, на чердакъ, гдѣ я прозябалъ въ парижскомъ мірѣ.

Въ третьемъ этажѣ, убѣжденіе въ моемъ постоянномъ несчастіи опять меня успокоило и привело въ себя.

— Я сумасшествую: въ этомъ бумажникѣ ничего не можетъ быть! подумалъ я и вошелъ въ мою комнату уже не чувствуя никакихъ нервическихъ припадковъ и прилитія крови къ сердцу.

Не снимая шляпы, я сѣлъ къ столу, зажегъ остатокъ свѣчи и вынулъ изъ кармана найденный бумажникъ. Несмотря на все мое наружное хладнокровіе и увѣренность въ ничтожности находки, руки мои продолжали однакоже такъ сильно трястись, какъ-будто меня внезапно поразили недугъ, извѣстный въ медицинѣ подъ именемъ пляски Витта. Бумажникъ, найденный мною, былъ сафьянный, зелено-бутылочнаго цвѣта, безъ замочка и стального обруча. Никогда чтеніе самаго замѣчательнаго романа не было для меня такъ интересно, какъ тѣ бумаги, которыя я увидѣлъ въ этомъ бумажникѣ. Въ немъ было четыре кармана и одинъ замкнутъ бронзовымъ замочкомъ. Я началъ постепенно вынимать и разсматривать каждую бумагу. Вотъ въ чемъ заключалась моя находка: 1) расписка въ полученіи денегъ за наемъ квартиры, 2) два письма, 3) заемное письмо на сумму трехъ тысячъ франковъ, 4) лоскутокъ тафты, 5) полвершка разодраннаго стараго кружева, 6) рецептъ для составленія прохладительнаго питья, 7) счетъ какого-то парикмахера. Оставалось осмотрѣть послѣдній карманъ, и я открылъ его какъ-то особенно лѣживо, не ожидая найти въ немъ, какъ и въ прочихъ, ничего важнаго—и вдругъ всѣ члены мои такъ сильно вздрогнули, какъ-будто кто разрядилъ надо мной электрическую батарею: въ рукахъ моихъ оказался вчетверо сложенный банковый билетъ въ тысячу франковъ!

Не помню, сколько времени оставался я въ восторженномъ созерцаніи предъ этой небольшой, гладкой, атласной бумагой, которой буквы: **ТЫСЯЧА ФРАНКОВЪ**, какъ какія-нибудь острия стрѣлы, пронизывали глаза мои. Какова была моя радость — я отказываюсь описывать, потому-что не чувствую въ себѣ того геніальнаго краснорѣчія, которое одно способно изобразить тогдашнее мое душевное состояніе. Я просто безумствовала, съ минуту скрежеталъ зубами и готовъ былъ, кажется, проглотить банковый билетъ, какъ чловѣкъ неѣвшій нѣскольکو дней какое нибудь лакомое кушанье. У меня даже отнялся языкъ.

— Тысяча франковъ, да вѣдь это цѣлое состояніе!—вскричалъ я, когда, наконецъ, получилъ употребленіе слова.—О милосердное Провидѣніе! Это удивительно... тысяча франковъ!.. Какъ, неужели у меня тысяча франковъ? Не можетъ-быть! Нѣтъ, она точно у меня! Все, что только можетъ произвести неожиданное богатство, все, что только можетъ вложить въ голову бѣдняка денежная находка, безчестнаго, унижательнаго, жаднаго и эгоистическаго—все это я испыталъ въ ту ми-

нугу. Не могу теперь припомнить всѣхъ расчетовъ, всѣхъ соображеній и распредѣленія тысячи франковъ, которые я создавалъ тогда въ умѣ своемъ; помню только то, что я строилъ безчисленные воздушные замки и одинъ другаго блестяще. Мнѣ казалось, что я въ состояніи былъ купить себѣ весь свѣтъ нату тысячу франковъ. Впрочемъ, я очень хорошо помню, что безумная радость, которая была меня, какъ лихорадка, была отравляема, время отъ времени, самымъ болѣзненнымъ ощущеніемъ. Положеніе человѣка, который любитъ до безграничности женщину, и въ то же время сомнѣвается въ ея любви къ нему, одно только можетъ дать понятіе о томъ чувствѣ, которое я тогда испытывалъ. Никакая пытка не могла сравниться съ моимъ мученіемъ. Когда, перевертывая съ стороны на сторону банковый билетъ, я вскрикивалъ восторженно:

— Онъ мой! эта тысяча франковъ моя! Волненіе, въ которое я приходилъ при этой мысли, походило на припадокъ самой сильной горячки. Спустя минуту, я начиналъ сомнѣваться въ законности моихъ правъ на найденныя деньги, предлагалъ себѣ вопросъ: честно-ли утайтъ достояніе другаго, и начиналъ терзаться завстью, злобою и негодованіемъ на все остальное богатое человѣчество. Я провелъ самый мучительный вечеръ и, разумѣется, никакъ не могъ заснуть. Только передъ утромъ волненіе мое утихло и я заснулъ.

На другое утро, когда я всталъ, мысли мои пришли въ обычный порядокъ и я могъ хладнокровно разсуждать и обсуживать представлявшіеся мнѣ вопросы съ настоящей точки. Отвѣты, которые слѣдовали за ними въ умѣ моемъ, очень много уменьшили мое самодовольствіе. Честность и благородство еще не совсѣмъ замерли во мнѣ и я долженъ былъ подчиняться тому приговору, который произносила моя совѣсть. Между всѣми людьми, нуждающимися въ деньгахъ, я увѣренъ, найдется очень мало такихъ, которые бы не строили воздушныхъ замковъ о своемъ обогащеніи и не думали, точно такъ же, какъ я, возвращаясь домой въ свою пустую и холодную квартиру, усталые, измученные и голодные:

— Что, еслибъ мнѣ найти хоть какой-нибудь банковый билетъ, или немного денегъ? Какое было-бы тогда счастье!..

Мечты и желанія подобнаго рода очень обыкновенны. Люди, у которыхъ нѣтъ прямой, врожденной честности, торжествующей надъ всѣми возможными лишеніями, но которые, между-тѣмъ, все-таки обладаютъ честностью, основанною на доводахъ и на расчетахъ, обыкновенно, при подобныхъ неожиданныхъ случаяхъ, разсуждаютъ такимъ образомъ:

«Еслибъ удалось мнѣ найти банковый билетъ, что бы я съ

нимъ сдѣлать и какъ бы распорядился? Я бы его припряталъ въ безопасное мѣсто и сталъ выжидать. Я бы навелъ самыя вѣрныя справки о положеніи и состояніи потерявшаго и о его средствахъ къ существованію. Если билетъ этотъ принадлежитъ такому же бѣдняку, какъ я—прикащику, или повѣренному какого-нибудь магазина, которому поручено было собирать съ покупателей долги, небогатому купцу, котораго потеря такой суммы можетъ разорить, или какому-нибудь старику, или старухѣ, пользующимся только пансіономъ и проч. и проч. Я *отдамъ билетъ обратно!* Но если, напротивъ, билетъ этотъ потерялъ какой-нибудь банкиръ, человѣкъ, подобный Ротшильду, одинъ изъ такихъ людей, которые закуриваютъ сигары значительными банковыми билетами, изъ одного тщеславія, чтобы восполь зоваться случаемъ выказать свое богатство, и которые въ одинъ или въ два часа приобретаютъ иногда по нѣскольку сотъ тысячъ — о! тогда, разумѣется, я не буду безразсуднымъ—и *не отдамъ!* Лучше я соглашусь разорвать, съжечь найденныя деньги, чѣмъ возвращать ихъ подобнымъ людямъ. Какой убытокъ сдѣлаю я имъ, если удержу у себя принадлежавшую имъ денежную сумму? Станутъ-ли они оттого богаче или бѣднѣе? Приостановятся-ли отъ этой потери дѣла ихъ? Придетъ-ли въ разстройство домашнее хозяйство? разумѣется, нисколько! И такъ, рѣшено: я удерживаю найденное у себя.

Признаться откровенно, я не одобряю такихъ выводовъ, а между-тѣмъ убѣжденъ, что изъ ста человѣкъ, думающихъ о подобныхъ средствахъ поправить свое положеніе, чуть-ли не все сто придерживаются такой теоріи и полагаютъ, что поступокъ ихъ несовѣстъ неизвинителенъ. Зачѣмъ люди такъ неосторожны и не берегутъ своей собственности?

По какому-то невольному, непреодолимому влеченію, я включилъ себя въ категорію послѣднихъ находчиковъ. Слѣдовательно мнѣ прежде всего предстояло справиться о личности и общественномъ положеніи потерявшаго бумажникъ и, признаюсь, эта обязанность показалась мнѣ очень непріятною. Человѣкъ потерялъ, а я еще долженъ его отыскивать, развѣдывать и снова бѣгать по цѣлому Парижу, быть можетъ, нѣсколько дней. Это было бѣ, положимъ, еще ничего, я такъ привыкъ бѣгать съ утра до вечера, что трудъ не казался бы мнѣ слишкомъ великъ, еслибъ результаты моихъ поисковъ оказались благопріятными; но я боялся, что все мои хлопоты и путешествія кончатся тѣмъ, что я открою какого-нибудь, подобнаго мнѣ, бѣдняка, котораго эта тысяча франковъ разоритъ или, что еще хуже, падетъ пятномъ безчестія на его доброе имя. Я перебиралъ въ умѣ всевозможныя средства добраться поскорѣе до истины, узнать хозяина банковаго би-

лета и вмѣстѣ съ тѣмъ, безъ дальнихъ проволочекъ, удостовѣриться въ томъ, долженъ-ли я благодарить или проклинать случай, доставившій мнѣ нѣсколько минутъ самой восторженной радости и потомъ опять предаться, быть можетъ, еще большому отчаянію и безнадежности выйти изъ своего бѣдственнаго положенія.

Бумаги, находившіяся въ бумажникѣ, которыя я только кое-какъ пробѣжалъ, могли способствовать напасть на слѣдъ ихъ настоящаго владѣтеля. Не было сомнѣнія, чтобъ хоть въ одной изъ нихъ не нашлось какого-нибудь имени, по которому я, какъ по Аріадниной нити, не дошелъ бы до задуманной цѣли. Я взялъ снова бумажникъ и сталъ пересматривать бумаги. Одно изъ писемъ, бывшихъ въ бумажникѣ, первое попало мнѣ подъ-руку, и я началъ внимательно его разсматривать и читать. На оборотѣ этого письма былъ штемпель руанской почты и адресъ: «Дѣвицѣ Тюрпенъ, близъ пассажа Вердо, нумеръ дома 4.

Почеркъ этого письма очень мало говорилъ въ пользу того учителя каллиграфіи, который, быть можетъ, училъ писавшаго; правописаніе было очень оригинально, знаковъ препинанія, запятыхъ и точекъ ни одной. Передаю читателямъ содержаніе его въ самой вѣрной копіи съ подлинника,

«Любезная моя Тюрпенъ.

«Какъ мучить меня твое молчаніе и што я ниолучаю отътебе никаго известіе прошу тебе тотчасже отвечать мне безвсякаго замедленія у меня есть столько новостей, столько новостей очень для тебя любопытныхъ душа мое такъ безпокойна что я незнаю что мне съ собою дѣлать еслибъ ты меня увидала теперь ты бы вѣрно испугалась я такъ перемѣнилась что ты бы вѣрно не узнала вомиѣ прежней луизы такая во мнѣ страшная перемена душа моя что права ты ужаснулась»

«Прощай моя добрая Тюрпенъ целую тебе отъ всеи полнаты моего сердце и остаюсь для тебя твой прежний старинной друхъ

Луиза

«Госпоже луизѣ у гасподина дюбуа содержатель харчевни блисъ каралевской плошеди въ городъ Руанъ

«Посылаю тебе мой адресъ для тово что боюсь не потеряла ли ты прежняго каторой я тебе прислала эта очень можетстатца и потому пишу опять тебе новой.»

Прочитавъ письмо это, я не могъ опомниться отъ удивленія: меня поразила неожиданность случая. Я зналъ эту Луизу, когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ, жилъ нѣкоторое время въ Руанѣ и много разъ говорилъ съ нею, приходя иногда обѣдать къ хозяину харчевни, о которомъ она упоминала въ своемъ письмѣ. Женщинѣ этой было лѣтъ поди

пятьдесятъ. Мужъ ея, торговавшій въ разноску мелочными товарами, за котораго она вышла въ молодости своей замужъ противъ согласія своего семейства, былъ человѣкъ очень нетрезваго поведенія, оставлялъ ее по цѣлымъ недѣлямъ въ крайней нуждѣ и всегда дѣлалъ большія непріятности, особливо когда возвращался изъ своего дневнаго обхода въ ненадлежащемъ видѣ, что случалось очень часто. Луиза эта жила на чердакѣ того дома, въ которомъ Дюбуа держалъ свое заведеніе, и занималась всѣмъ его хозяйствомъ и порученіями, чтобъ имѣть средства содержать себя независимо отъ вспомоствованія мужа, который нисколько о ней не заботился. Женщина эта какъ-то особенно полюбила меня передъ прочими посѣтителями и откровенно призналась въ своей нуждѣ и въ томъ совершенномъ невниманіи, которое показывали къ ея положенію ея родные, люди, большею частью богатые, или по-крайней-мѣрѣ довольно достаточные для того, чтобъ помогать ей. Бѣдная женщина никогда не могла говорить безъ слезъ о своемъ мучительномъ положеніи, въ которое была поставлена своею безграничною преданностью къ мужу. Не правда ли, что подобная случайность могла показаться удивительною даже и не мнѣ, и не въ такую минуту, когда честность моя боролась съ нуждою и крайностью? Мнѣ посчастливилось найти на улицѣ бумажникъ съ деньгами и въ немъ, какъ нарочно, письмо этой Луизы! Случай, правда, очень часто рождаетъ подобныя неожиданности, но эта показала мнѣ роковую, явно повелѣвающую возвратить найденный билетъ настоящему, законному его владѣльцу.

Оставалось узнать, кто была эта дѣвица Тюрпенъ, къ которой добрая старуха писала такое нѣжное и такое убѣдительное посланіе?

Я снова развернулъ бумажникъ и вынулъ вторую бумажку. То была квитанція, выданная за наемъ квартиры. Я тоже прочелъ ее для полноты нужныхъ свѣдѣній. Вотъ она, слово въ слово:

«Я нижеподписавшійся, владѣлецъ дома находящагося въ Парижѣ, близъ пассажа Вердо, подъ номеромъ четвертымъ, получилъ отъ госпожи дѣвицы Тюрпенъ сто пятьдесятъ франковъ за наемъ квартиры, которую она нанимаетъ, въ означенномъ выше домѣ моемъ, по условію обоюдному нами сдѣланному, отъ перваго апрѣля сего тысяча восемьсотъ пятидесятаго года впредь за четыре мѣсяца. Въ удостовѣреніе чего и выдана ей, госпожѣ дѣвицѣ Тюрпенъ, отъ меня, домоваго хозяина, полная квитанція.

«Парижъ, восьмага апрѣля, тысяча восемьсотъ пятидесятаго года. Къ квитанціи этой приложена моя печать.

Э. Ренодо.

Квитанція эта немного обрадовала меня и я опять повеселѣлъ. Бумажникъ ясно принадлежалъ дѣвицѣ Тюрпенъ, къ которой писала моя знакомка Луиза; какъ оказывалось изъ прочтенной квитанціи, дѣвица Тюрпенъ нанимала квартиру за шесть сотъ франковъ въ годъ, слѣдовательно имѣла кое-какія достаточныя средства къ безбѣдному существованію, быть можетъ, отъ этого была богата; *слѣдовательно*, продолжалъ я логическія посылки, банковый билетъ этотъ не могъ быть ей уже непременно необходимъ для пропитанія; *слѣдовательно*, оставивъ найденныя деньги у себя, я причину ей ущербъ еще не слишкомъ значительный. *Слѣдовательно*, въ заключеніе всего, дѣвица Тюрпенъ, еще такъ любима счастіемъ, что можетъ быть неосмотрительною, небережливою и терять иногда тысячи франковъ.

Я опять развернулъ банковый билетъ и началъ его вертѣть въ рукахъ съ самою искреннею любовью, пересчитывая умственно всѣ блага, которыя можетъ доставить мнѣ его обладаніе.

Содержаніе росписки, которую я прочелъ велѣдъ за квитанціей въ уплатѣ за квартиру и второе письмо подтвердили мое предположеніе, что дѣвица Тюрпенъ не терпѣла нужды, но могла даже ссужать деньгами людей, у которыхъ находилась сперва въ услуженіи.

Вотъ что заключала росписка:

«Симъ свидѣтельствую, что состою должной дѣвицѣ Тюрпенъ три тысячи франковъ, которые обязуюсь непременно уплатить ей въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, то-есть: пятого апрѣля тысяча восемьсотъ пятидесятого года.»

«Лаура де Ж...»

Парижъ 4 апрѣля 1850 года.

Письмо, подписанное тою-же дамой, еще болѣе поясняло дѣло и исключало всякую возможность сомнѣваться въ очень положительныхъ фактахъ. Изъ этого письма я узналъ, что дѣвица Тюрпенъ отдавала деньги въ ростъ за проценты немовѣрно большіе, мало говорившіе въ пользу ея челоѡколюбія и совѣстливости. Такъ по-крайней-мѣрѣ было видно изъ письма госпожи Лауры де Ж***, потому-что она нисколько не старалась скрывать своего негодованія и прямо объясняла своимъ письмомъ, какихъ правилъ придерживалась дѣвица Тюрпенъ, одолая ближнихъ. Я приведу здѣсь, въ оправданіе моего намѣренія не возвращать тысячи франковъ, и это письмо. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ оно заключалось:

«Угроза твоя: открыть моему мужу, что я тебѣ должна и просить у него за меня уплаты, очень меня огорчаетъ, любезная Тюрпенъ; такое намѣреніе мнѣ очень удивительно, равно какъ и твой поступокъ. У тебя, я пола-

гаю, слишкомъ много ума, чтобы понять, что ты съблаешь много неприятностей, много упрековъ въ мотовствѣ и не получишь сама никакой существенной пользы; говорю тебѣ, что ты еще можешь остаться въ накладѣ. Принеси мнѣ данную тебѣ росписку и я тебѣ выдамъ новую въ три тысячи двѣсти франковъ срокомъ до восьмага числа будущаго мѣсяца. Больше мнѣ къ тебѣ писать нечего; разговоръ будетъ одинъ и тотъ же, что ты ни возражай. Ты очень хорошо знаешь, что я имѣю съ тобою дѣло не въ первый разъ, всегда расплачивалась съ тобою честно и даже щедрѣе, можетъ-быть, чѣмъ прочіе твои должники. Въ случаѣ, если тебѣ покажется новая моя росписка недостаточною для твоего спокойствія и увѣренности во мнѣ, при этой, первой съ моей стороны неакуратности, я обезпечу мой долгъ брилліантами, которые стоятъ вдвое болѣе моего долга. Но только прошу тебя не принимать предо мной вида какой-то озлобленной бабы-Яги и воздержаться отъ глупыхъ угрозъ изъ-за такой ничтожной суммы. Я полагаю, что ты не могла еще позабыть, какое я тебѣ оказывала расположеніе въ то время, когда ты жила экономкою въ нашемъ семействѣ; ты мнѣ обязана многимъ, и хоть теперь, по твоимъ поступкамъ со всѣми, можетъ-быть, и не стоила бы вниманія, а я все-таки еще довольно люблю тебя».

«Лаура де Ж.»

10 апрѣля 1850 года.

Чего еще мнѣ было нужно, чтобы остаться при моемъ намѣреніи? Какихъ доказательствъ требовалось еще? По моему тогдашнему убѣжденію, я имѣлъ совершенное право остаться владѣтелемъ тысячи франковъ. Для полного очищенія совѣсти, я просмотрѣлъ и парикмахерскій счетъ. Онъ состоялъ изъ слѣдующихъ немногихъ строкъ:

«Эрнестъ, художникъ головнаго и волоснаго искусства».

«Доставлено госпожѣ, дѣвицѣ Тюрпенъ, накладка и коса изъ лучшихъ натуральныхъ волосъ на сумму пятидесяти франковъ».

«Эрнестъ, художникъ».

Парижъ 5 апрѣля 1850 года.

Улица Saint-Denis.

Совѣсть моя успокоилась, какъ младенецъ!

— Что могло быть яснѣе? Старуха, которая тратитъ на свою голову по пятидесяти франковъ, очень свободно можетъ истратить и тысячу, подумалъ я, а между-тѣмъ какое-то сомнѣніе не переставало меня поминутно тревожить. Это ощущеніе замѣнилось, впрочемъ, очень скоро самою сильною радостью, которой всю важность можетъ постичь только тотъ, у кого пусть карманъ и кто знаетъ волшебную цѣну денегъ и ихъ необходимость подъ луною.

— Что такое тысяча франковъ? спрашивалъ я себя и тотчасъ-же самъ и отвѣчалъ:

— Что такое тысяча франковъ?—Все, все, для мастераваго, который обремененъ семействомъ и терпитъ недостатокъ въ самомъ необходимомъ по нѣскольку мѣсяцевъ сряду. Тысяча франковъ—все для труженика, который довольствуется хлѣбомъ да водою и который прожилъ послѣднюю свою копейку, не имѣя надолго надежды ошунать снова что-нибудь въ своемъ кошелькѣ. Тысяча франковъ—все для тѣхъ, кого хозяинъ гонитъ на морозъ изъ квартиры, за которую они не въ состояніи платить. Тысяча франковъ—все для бѣдняка, который уже не смѣетъ больше обращаться съ просьбою о пособіи къ своимъ друзьямъ и знакомымъ, потому-что уже истощилъ и ихъ терпѣніе и ихъ кошелекъ. Тысяча франковъ—какое богатство! Тысяча франковъ значать въ переводѣ на общій житейскій языкъ:

«Нѣтъ болѣе холода, нѣтъ болѣе голода, нѣтъ стыда и униженія, а напротивъ того, есть довольство, удобство, спокойствіе, возможность трудиться по цѣлымъ днямъ, возможность добросовѣстно и хорошо исполнить свой трудъ, обезпеченная будущность до-тѣхъ-поръ, покуда не останется изъ этихъ тысячи франковъ ни одного сантима». Нѣтъ, отъ тысячи франковъ можно сойти съ ума!

Я ходилъ быстрыми шагами по моему чердаку и строилъ вслухъ разные планы, какъ долженъ я буду распорядиться съ деньгами и какъ благоразумно распредѣлю ихъ на разныя малыя части. Во-первыхъ, я заплачу тамъ, куплю себѣ то-то, заведу мебель, добуду книги, которыя такъ давно были мнѣ необходимы, сошью себѣ платье, запасусь бѣльемъ, сапогами, и тѣмъ, и этимъ и десятимъ. И какъ я буду спокоенъ, и какъ начну учиться и работать! О, столько счастья мнѣ не перенести разомъ! Для этого нужно имѣть двѣ жизни и двойной запасъ нравственныхъ и физическихъ силъ.

Нисколько не сомнѣваюсь, что такая чисто-дѣтская радость и такіе возгласы покажутся смѣшными и, можетъ-быть, презрительными въ глазахъ читателя, но, что же было мнѣ дѣлать? Какъ удержаться? Повторяю опять, что, можетъ-быть, многіе и не предполагаютъ, до какой иногда степени постоянная нужда, лишенія, унижаютъ нравственныя понятія и характеръ человѣка, даже образованнаго. Я принадлежалъ къ этой самой категоріи, и послѣ моего честнаго поступка, которымъ окончу разсказъ, нисколько не стыжусь чистосердечно признаться предъ всѣми.

Чтобъ спокойно наслаждаться выгодами моего неожиданнаго богатства, мнѣ необходимо нужно было составить планъ всѣмъ моимъ будущимъ дѣйствіямъ, сообразить интригу долгой комедіи. Неожиданною пе-

ремѣнной моихъ денежныхъ обстоятельствъ я могъ возбудить подозрѣніе, потому-что всѣ знали меня за человѣка очень недостаточнаго. Мнѣ нужно было въ глазахъ моихъ пріятелей и знакомыхъ сохранить личину той же самой бѣдности, подъ которою они привыкли меня видѣть съ такихъ давнихъ поръ. Размѣна банковаго билета также не мало меня безпокоила и возбуждала опасенія. Могло очень легко случиться, что Тюрпенъ уже успѣла объявить о своей потерѣ въ городской полиціи, означить его нумеръ и что полиція уже увѣдомила всѣхъ парижскихъ мѣняль, банкировъ и нотариусовъ.

«Тотъ, кому я принесу мѣнять этотъ билетъ, разсуждалъ я, развѣ не имѣетъ права спросить меня о моемъ имени? Развѣ онъ не имѣетъ права приказать кому-нибудь слѣдить за мною? Развѣ онъ не въ правѣ задержать меня и представить какъ человѣка, воспользовавшагося чужою собственностью, тѣмъ болѣе, что моя одежда нисколько не показывала, чтобъ я могъ свободно располагать такими значительными деньгами.

Эти разсужденія пріостановили немного мою рѣшимость. Не смотря на то, что я еще только вступилъ на поприщъ законовѣдѣнія и изучалъ только его основныя начала, я очень хорошо понималъ, что гражданскій кодексъ не могъ снисходительно смотрѣть на подобные способы пріобрѣтенія собственности. Что же мнѣ оставалось дѣлать? Я рѣшился припрятать банковый билетъ на нѣкоторое время, не дѣлая изъ него никакого употребленія, и дѣйствовать какъ можно осторожнѣе и съ большою предусмотрительностью.

Съ нѣкотораго времени, для дневнаго благополучія моего желудка, я познакомился со многими купцами, имѣвшими свои лавки около улицы Saint Denis и посѣщалъ очень часто ихъ общество. Я, лучше сказать, бывалъ каждый день то у того изъ нихъ, то у другаго, потому-что человѣкъ не птица и имѣетъ нужду въ подкрѣпленіи силъ. По странному стеченію обстоятельствъ, въ домахъ этихъ людей занятыхъ единственно только одною торговлею, можно было встрѣтить гостей, принадлежащихъ къ различнымъ классамъ; тамъ бывали и артисты, и художники, и литераторы, и юристы, и потому-то попалъ туда и я. Я рѣшился идти къ одному изъ этихъ моихъ знакомыхъ, въ тотъ-же вечеръ, съ цѣлю справиться, между прочими разговорами, о способѣ, какъ лучше размѣнять мой банковый билетъ. До вечера было еще далеко и я вышелъ погулять, давъ себѣ слово не заглядывать ни на одну изъ прибитыхъ на улицѣ афишъ и объявленій, чтобъ не придти въ отчаяніе въ томъ случаѣ, когда увижу, что, между прочимъ, есть публикація и о моемъ достопамятномъ банковомъ билетѣ. Какъ я ни крѣпился, какъ я не отвертывался, однакоже одна огромная желтая афиша

невольно кинулась мнѣ въ глаза и я могъ прочесть на ней косвенно на пути огромныя буквы:

П О Т Е Р Я :

По всему моему тѣлу пробѣжала сильная дрожь и я, съ лихорадочнымъ трепетомъ невольно какъ-то бросился къ злополучному желтому листу бумаги. Къ моему крайнему благополучію объявленіе было объ улетѣвшемъ попугаѣ, за возвращеніе котораго обѣщано было пятнадцать франковъ награжденія. Я вздохнулъ такъ сильно, какъ-будто только-что вынырнулъ изъ воды, въ глубинѣ которой меня насильно держали головою внизъ довольно долгое время.

Я пошелъ далѣе и опять, чрезъ нѣсколько шаговъ, тѣ же самыя роковыя буквы и въ такомъ-же размѣрѣ: *потеря* кинулись мнѣ въ глаза. Я опять подошелъ по какому-то непонятному увлеченію и опять былъ несказанно обрадованъ. Въ этомъ второмъ объявленіи публика извѣщалась объ утратѣ гончаго щенка, за возвращеніе котораго обѣщались изъяснить самую искреннюю признательность. Между-тѣмъ, не смотря, что между щенкомъ и найденнымъ мною банковымъ билетомъ не было никакой аналогіи, мнѣ все-таки опять стало какъ-то неловко, и я вторично далъ себѣ слово, не поварачивать голову ни для кого на свѣтѣ, чтобъ не встрѣчаться съ какими-нибудь новыми публикаціями. Я сдержалъ данное самому себѣ обѣщаніе; но какой-то внутренней, тайный голосъ, который я не могъ никакъ заглушить, не переставалъ твердить цѣлую дорогу, и съ какимъ-то страннымъ звономъ отдаваться въ моихъ ушахъ, какъ-будто я былъ ясновидящимъ:

— Какое существуетъ различіе между задуманнымъ тобою намѣреніемъ и настоящимъ воровствомъ? *Найти* не предполагаетъ еще безусловнаго права *присвоить*. Еслибы мнѣ пришлось опредѣлить разницу между тобою и воромъ, рѣшеніе не было бы въ твою пользу. Воръ употребляетъ, смотря по обстоятельствамъ, хитрость, смѣлость, лукавство; онъ знаетъ, что онъ можетъ поплатиться за свое преступленіе свободой, иногда даже самую жизнь, не говоря уже о честномъ имени; а ты присвоиваешь себѣ чужую собственность безъ всякаго пожертвованія, безъ всякой для тебя опасности, не имѣя никакого опасенія навлечь на себя подозрѣніе. Въ этихъ словахъ столько истины, что еслибъ ты не былъ увѣренъ въ безнаказанности своего поступка, еслибъ ты не надѣялся избѣжать какими-нибудь изворотами отъ суда, въ которомъ взоръ опытнаго судьи тотчасъ же открылъ бы твое преступленіе по твоему смущенію, ты бы ни минуты не колебался воз-

вратить найденный билетъ. Преступленіе, хоть оно и не можетъ подлежать наказанію, все-таки остается преступленіемъ въ самомъ себѣ, и ты хоть и минуешь заслуженнаго, останешься преступникомъ, если не предъ людьми, то предъ твоей совѣстью.

Я робко отвѣчалъ на представленія этого внутренняго голоса, также же внутренно:

— Но эта старая дѣвка богата и скупа; она имѣетъ состояніе въдесятеро болѣе противъ того, которое ей необходимо, чтобъ существовать безбѣдно. Все заставляетъ меня предполагать, мало этого, все подтверждаетъ, что она нечестно приобрѣла эту потерянную ею тысячу франковъ и также украла большую часть изъ нихъ. Не будетъ-ли благоразуміе съ моей стороны употребить эти деньги съ пользою, помочь изъ нихъ такимъ же бѣднякамъ, какъ и я, которые не знаютъ, чѣмъ они проживутъ слѣдующій день? Къ чему такое безкорыстіе съ женщиной, которая готова воспользоваться всѣми средствами, чтобъ обогатить своихъ ближнихъ, если они будутъ имѣть нужду въ ея помощи?

И опять тотъ же внутренній голосъ отвѣчалъ мнѣ и заставлялъ сознаваться въ его справедливости:

Презрѣнныя и недостойныя оправданія! Воровство всегда останется воровствомъ, будетъ-ли покража сдѣлана у богача или у бѣднаго! Зло дѣлаемое другими, никакъ не можетъ извинить зла, сдѣланнаго нами самими! Пусть эта женщина будетъ воровкой—развѣ это можетъ служить тебѣ поводомъ самому сдѣлаться воромъ? Не старайся оправдываться бѣдностью. Положимъ, что бѣдность можетъ еще найти нѣкоторое снисхожденіе въ глазахъ судей и облегчить твое наказаніе; но развѣ существуютъ такія облегчительныя обстоятельства въ законахъ совѣсти? Украдь ты булавку, или украдь тысячу франковъ—ты все будешь тѣмъ же самымъ воромъ. Нѣтъ, ты долженъ возвратитъ банковый билетъ по принадлежности, или цѣлую жизнь останешься презрѣннымъ существомъ въ собственныхъ твоихъ глазахъ.

Въ эту минуту я подошелъ уже къ лавкѣ одного моего знакомаго, къ счастью во-время, потому что началъ невыносимо терзаться отъ этихъ размышленій, которыхъ справедливость нельзя было опровергнуть. Все будто соединилось противъ меня, и публикаціи о потеряхъ, которыя, какъ нарочно, попадались мнѣ на глаза, и письмо старой Луизы, чтобъ укрѣпить въ душѣ моей колеблющіяся правила честности. Я принималъ эти обстоятельства не за простыя случайности, но за что-то особенное, роковое. Новое обстоятельство подкрѣпило это убѣжденіе.

Я уже объяснилъ цѣль моего выхода. Я шелъ за тѣмъ, чтобъ тот-

часъ же начать разговоръ о самыхъ удобныхъ и скорыхъ средствахъ размѣнять банковый билетъ, и поэтому пришелъ къ одному изъ моихъ знакомыхъ, весьма опытному въ этихъ дѣлахъ. У купца этого я засталъ одного господина, двоюроднаго брата его жены, котораго называли просто Эрнестомъ, не прилагая фамиліи. Я собирался уже начать толковать о моемъ билетѣ, позабывъ все осторожности, когда одно замѣчаніе Эрнеста, сдѣланное о причeskѣ его родственницы, приостановило мое нетерпѣніе и заставило меня вздрогнуть и поблѣднѣть. Я вспомнилъ о парикмахерскомъ счетѣ, найденномъ мною въ бумажникѣ между прочими бумагами, сообразилъ сходство имени и близость улицы, въ которой жилъ «художникъ Эрнестъ», парикмахеръ дѣвицы Тюрпень, и еще болѣе смутился, когда началъ всматриваться въ приемы, въ прическу, въ платье господина Эрнеста и наконецъ, когда прислушался къ его разговору—все показывало, что двоюродный братецъ хозяйки дома былъ парикмахеръ, и именно парикмахеръ хозяйки моего банковаго билета. Я поспѣшилъ повѣрить свои предположенія и узналъ, что я не ошибся и что именно двоюродный братецъ содержалъ неподалеку въ улицѣ Saint-Denis маленькій магазинъ. Нѣсколько минутъ я не могъ выговорить ни одного слова отъ овладѣвшаго мною страха, и благодарилъ судьбу, что начатая имъ рѣчь и наставленія хозяйкѣ дома, какъ лучше взбивать локоны, воспрепятствовали моему вопросу. Неизвѣстно, какія-бы могли произойти отъ него послѣдствія. Когда замѣшательство мое немного прошло и я былъ въ состояніи владѣть собою и прилично скрыть, что происходитъ въ моей душѣ, я подошелъ къ Эрнесту, началъ говорить съ нимъ о разныхъ постороннихъ предметахъ и наконецъ съ самымъ спокойнымъ видомъ спросилъ его, какъ-будто случайно и безъ всякаго особеннаго интереса:

— Скажите пожалуйста, не знаете-ли вы одной госпожи, по фамиліи Тюрпень?

— Какой? ихъ, можетъ-быть, много въ Парижѣ.

— Дѣвицы!

— Которая живетъ близъ пассажа Вердо, въ домѣ подъ № 4? спросилъ онъ меня въ свою очередь.

— Кажется, что такъ, не помню хорошенько,—отвѣчалъ я небрежно.

— Знаю: я поставляю ей изъ моего магазина разныя артистическія произведенія.

— Извините за любопытство. Что за особа эта дѣвица Тюрпень, не знаете-ли вы?

— О, очень хорошо!—отвѣчалъ Эрнестъ:—она повидимому желаетъ

казаться торговой разными старыми платьями и прочими принадлежностями женскаго туалета, и въ особенности покупщицей старыхъ кружевъ, но въ сущности она ничто иное, какъ мелкая ростовщица, ссужающая подъ вѣрный залогъ и на короткіе сроки за самыя немилосердные проценты. Привратница дома, въ которомъ она живетъ — потому что Тюрпенъ не держитъ служанки — рассказывала мнѣ про ея скупость невѣроятныя вещи. Тюрпенъ вѣрно не проживаетъ въ годъ и двадцатой части своего дохода, и что она дѣлаетъ съ своими деньгами и кому бережетъ — потому что у нея нѣтъ рѣшительно никакихъ родственниковъ — никому неизвѣстно. Она самая злая и самая сварливая женщина во всемъ околоткѣ. А на что вамъ она?

— Такъ, — докончилъ я. — Я хотѣлъ только справиться, справедливы ли слухи, которые о ней ходятъ.

— И вѣрно вы слышали то же самое, что и я говорилъ вамъ сейчасъ? — сдѣлалъ мнѣ вопросъ парикмахеръ.

Я поспѣшилъ подтвердить истину его отзыва и заговорилъ о чемъ-то съ хозяиномъ, совершенно безъ всякой цѣли, чтобъ только скрыть выраженіе радости, которая, я чувствовалъ, противъ моей воли, должна была мелькнуть на моемъ лицѣ. При концѣ разговора моего съ Эрнестомъ, я рѣшился всѣми силами противиться, быть-можетъ, новымъ увѣщаніямъ внутренняго голоса, защищавшаго отъ моей нужды собственность скупой и достаточной Тюрпенъ, и вооружился новыми доводами. Вполнѣ довольный полученными свѣдѣніями, успокоившими мои щекотливыя понятія о безусловной честности, я скоро распростился съ моими знакомыми и господиномъ Эрнестомъ.

«Эта старая мегера, — думалъ я, возвратившись въ свой чердакъ, — имѣетъ по-крайней-мѣрѣ тысячь десять годоваго дохода, который она нашла самыми непозволительными средствами.»

Изъ этихъ десяти тысячь она вѣрно издерживаетъ не болѣе двухъ тысячь франковъ. Лежа, какъ въ баснѣ, собака на снѣгѣ, на своихъ сундукахъ, наполненныхъ деньгами, она оставляетъ въ самой жестокой нуждѣ свою старую пріятельницу, бѣдную Луизу, и смѣетъ угрожать безсовѣстными угрозами женщинѣ, быть-можетъ, молодой, прекрасной и доброй, которой вся слабость состоитъ въ желаніи казаться еще прекраснѣе и у которой она, быть-можетъ, мыла бѣлье и составила первый свой капиталъ — и я, послѣ этого, буду имѣть столько глупости, что возвращу ей потеряныя ею тысячу франковъ! и для чего? Для того, чтобъ она спрятала ихъ въ какой-нибудь уголъ, безъ всякой пользы и для себя и для ближнихъ, между-тѣмъ, какъ я могу на эти деньги сдѣлать столько полезнаго... Нѣтъ! это было бы безразсудствомъ! Рѣши-

тельно, я оставляю банковый билетъ у себя и распоряжусь, какъ окажется нужно.

Но внутренней голосъ опять поднялъ свой шумъ въ успокоенномъ моемъ сердцѣ.

— Берегись, — началъ опять, — и обсуди хорошенько на что ты рѣшаешься. Ты самъ, своими руками собираешься вырыть себѣ яму и заживо лечь въ нее. Одна ошибка влечетъ за собою другую; преступленіе рождаетъ новое преступленіе, и путь къ нимъ идетъ такимъ крутымъ склономъ, что ты не будешь въ состояніи удержаться, чтобъ не соскользнуть до самаго конца этого склона, у котораго ждетъ тебя безчестіе. Ты самъ хочешь убить свою совѣсть, слѣдовательно, кромѣ преступленія воровства, посягнуть еще на нравственное убійство. Не ужели ты хочешь вмѣстить себя въ число тѣхъ людей, на которыхъ съ презрѣніемъ смотритъ каждый честный и благородный человѣкъ, и которые не возбуждаютъ къ себѣ жалости въ сердцахъ самыхъ добрыхъ? Смотри, не опаздывай: есть еще время раскаяться и подавить такую недостойную мысль!

Я опять началъ колебаться и старался ободрить себя новыми разсужденіями; я давалъ клятву съ этихъ поръ не впадать ужъ ни въ какую ошибку, не помышлять болѣе ни о чемъ неблагородномъ и провести всю остальную жизнь человѣкомъ самымъ честнымъ и безкорыстнымъ. Голосъ, говорившій со мною, былъ неумолимъ и продолжалъ звенѣть мнѣ въ уши:

— Положимъ, что такъ; положимъ, что въ тебѣ достанетъ столько энергіи и силы воли и даже, можетъ-быть, на нихъ ты будешь столько счастливъ, что остановишься на этомъ первомъ преступленіи; я даже готовъ вѣрить, что ты свято сдержишь свое обѣщаніе и съ этихъ поръ сдѣлаешься примѣромъ самой высокой и непоколебимой честности, такъ-что даже тѣнь самой малой ошибки не падетъ на тебя. Я вѣрю всему и не отчаиваюсь въ твоемъ, хотя и позднемъ, раскаяніи; но подумай только о томъ, что, чѣмъ болѣе будешь ты нравственнымъ и безупречнымъ; чѣмъ болѣе чувства долга и добродѣтели будутъ наполнять твою душу, тѣмъ болѣе воспоминаніе о твоемъ единственномъ этомъ преступленіи будетъ терзать тебя всю остальную жизнь. Ты не найдешь тогда никого презрительнѣе себя; ты будешь дрожать и краснѣть отъ невольнаго стыда, когда люди начнутъ при тебѣ восхвалять твое благородство и удивляться твоей честности. Совѣсть будетъ шептать тебѣ, что ты достоинъ этихъ похвалъ — и ты станешь страдать въ подобныя минуты страданіями невыносимыми!

Что я тогда чувствовалъ, нельзя описать никакимъ перомъ и пере-

дать ни на какомъ языкѣ. Я бы лучше желалъ никогда не находить этого злосчастнаго банковаго билета! Съ той самой минуты, какъ онъ находился въ моихъ рукахъ, сколько сомнѣній, безпокойства, тяжелыхъ ощущеній испыталъ я! Какихъ мучительныхъ, бессонныхъ ночей не проводилъ я! До той поры я какъ-то свыкся съ моею бѣдностью и терпѣливо переносилъ все нужды; въ это же несчастное время я, какъ-будто нарочно, сталъ постигать всю невыносимость недостатка, всю цѣну молодости, всю прелесть ея удовольствій, о которыхъ до-тѣхъ-поръ я даже боялся долго мечтать, чтобъ не впасть въ отчаяніе и напрасный ропотъ. Жизнь, въ тѣ минуты, предстала предо мною со всеми своими приманками, со всеми напоминовеніями пользоваться ея кратковременностью. Ухватившись обѣими руками за плавающую голову, я повторялъ въ какомъ-то помѣшательствѣ:

«Что мнѣ дѣлать? что мнѣ дѣлать?»

Какія мысли и намѣренія не бродили тогда въ умѣ моемъ! То вдругъ я рѣшался послать билетъ въ тысячу франковъ старой Луизѣ, а росписку въ три тысячи франковъ возратить изорванною госпожѣ Лаурѣ де Ж. и вдругъ приостанавливался и задавалъ себѣ вопросъ:

«Но имѣю ли я право такъ поступать съ чужою собственностью? Развѣ я кѣмъ-нибудь уполномоченъ быть распорядителемъ денегъ Тюрпеня? Какъ я могу вмѣшиваться? Тюрпень одна только воляна дѣлать съ своимъ богатствомъ, что пожелаетъ. Этотъ поступокъ мой нисколько бы не оправдалъ меня и былъ бы похожъ на поступокъ вора, который, похитивъ деньги изъ кассы банкира, началъ бы раздавать ихъ бѣднымъ. Не смотря на такую цѣль, человѣкъ этотъ все-таки былъ бы не менѣе преступень»

То я хотѣлъ бросить бумажникъ въ Сену, или сжечь его со всеми его бумагами и банковымъ билетомъ; но этотъ поступокъ казался мнѣ еще неблагороднѣе. Я опять провелъ самую мучительную ночь. Ни одной минуты не имѣлъ я покоя; меня бросало изъ жара въ ознобъ; сердце мое сжималось и я не знаю, могъ ли такъ мучиться человѣкъ, страдающій самой сильной зубною болью, или припадками безумной ревности, какъ мучился вашъ покорный слуга.

Когда я всталъ на слѣдующее утро и посмотрѣлъ въ осколокъ зеркала, я съ минуту не могъ узнать себя: щеки и глаза мои впали, лицо мое было желто, какъ померанецъ, расположеніе духа самое озлобленное. Съ грустнымъ видомъ смотрѣлъ я изподлобья на то мѣсто, гдѣ лежалъ бумажникъ, ходилъ потомъ взадъ и впередъ по комнатѣ, останавливался, садился, потомъ опять векакивалъ, принимался чуть ли не бѣгать и не зналъ все-таки на что мнѣ рѣшиться? О,

какъ эта нерѣшимость, за которую я краснѣю и въ настоящую минуту, была также въ то время сама по себѣ преступна! Какими нравственными пытками не испыталъ я такую слабость характера! Я ужь твердо сознавалъ, что не долженъ былъ удерживать у себя банковаго билета; что такое посягательство на чужую собственность точно сѣтъ ничто иное, какъ кража, а между-тѣмъ не чувствовалъ еще въ себѣ достаточной рѣшимости, чтобъ разстаться безъ всякаго сожалѣнія съ волшебной тысячею франковъ.

Чтобъ сколько-нибудь развлечься и успокоить умъ, находившійся въ постоянномъ волненіи ужь трое сутокъ, я пошелъ читать журналы, чтобъ хоть во время чтенія чего-нибудь занимательнаго позабыть о бумажничѣ. Первые строки, которыя случайно попались мнѣ на глаза, были слѣдующаго содержанія:

«Вчера, послѣ полудня, нѣкто Франсуа извозчикъ, ѣздящій отъ хозяина, нашелъ на подушкѣ своего экипажа оставленную неизвѣстнымъ лицомъ довольно значительную сумму денегъ. Честный человекъ этотъ тотчасъ же поспѣшилъ представить свою находку въ префектуру полиціи, для возвращенія денегъ—кому слѣдуетъ».

— Боже мой! Какой урокъ!—подумалъ я.

Я отбросилъ отъ себя съ досадою газету и взялъ, не выбирая, другую изъ многихъ, лежавшихъ въ беспорядкѣ на столѣ кофейной.

Въ тотъ день, по пословицѣ, видно у меня была очень тяжела рука и случай явно вмѣшивался во все мои дѣйствія и слѣдилъ за каждымъ движеніемъ. Не знаю, сколько бы готовъ былъ я дать, чтобъ не читать второй публикаціи, которая опять прямо попала въ мнѣ, но все напрасно: буквы ея, казалось, такъ и прыгали предо мною и опять мнѣ суждено было прочесть:

«Одинъ честный ремесленникъ, котораго имя мы съ гордостью спѣшимъ объявить во всеобщее свѣдѣніе, именно Юсифъ Пиду, пошелъ въ прошедшую среду, вечеромъ, возвращаясь съ работы на свою квартиру, бумажничъ, въ которомъ, кромѣ незначительныхъ бумагъ и записокъ, находились банковые билеты, одинъ во сто, а другой въ двѣсти франковъ. На другой же день, собравъ вѣрныя свѣдѣнія, Юсифъ Пиду отнесъ бумажничъ этотъ его владѣльцу. Такой поступокъ тѣмъ болѣе долженъ казаться честнымъ и благороднымъ, что Пиду обремененъ многочисленнымъ семействомъ и въ настоящее время не имѣетъ никакой работы. Какъ случай этотъ долженъ радовать за человечество, какъ напрасны, стало-быть, клеветы, которыя распускаютъ объ испорченной нравственности рабочаго класса!»

Но я сто разъ читалъ, прежде этого подобныя объявленія въ

газетахъ и даже въ журналахъ: почему же они до этой минуты не производили на меня такого сильнаго впечатлѣнія? подумалъ я. Тутъ я вспомнилъ, что, съ недѣлю назадъ, мнѣ также рассказывали въ одномъ мѣстѣ о благородномъ поступкѣ одной молодой дѣвушки, которая, точно также, какъ я, нашла въ полночь, близъ воротъ своего дома, бумажникъ съ тысячею франковъ и, ни минуты не колеблясь, возвратила его потерявшему; мало того, благородная дѣвушка, поддерживавшая мать свою и себя только трудною дневною работою, отказалась отъ всякаго вознагражденія. Послѣ этого я еще принялъ нѣсколько подобныхъ же примѣровъ. Всѣ они ясно рисовались въ моемъ воображеніи, какъ—будто я самъ былъ свидѣтелемъ этихъ благородныхъ поступковъ, и внушали мнѣ глубокое презрѣніе къ самому себѣ. Мнѣ не нужно было медлить ни секунды долѣе; я долженъ былъ встать, бѣжать за бумажникомъ и возвратитъ его дѣвицѣ Тюрпенъ. Однако же, придя домой, я опять задумался и рѣшился отложить до другаго дня свое благое намѣреніе. Да, я рѣшительно былъ въ то время низкимъ и презрѣннымъ существомъ! Это послѣднее торжество дурной стороны моей души надъ хорошими ея свойствами стоило мнѣ опять самой безпокойной и безсонной ночи.

Нужно однако же чѣмъ-нибудь кончить—подумалъ я рѣшительно, вставъ на другой день съ постели—иначе такое душевное волненіе можетъ свести меня съ ума. Конечно, иду тотчасъ же къ старухѣ Тюрпенъ и возвращаю ей ея собственность.

И съ этими благими мыслями я поспѣшно одѣлся, чтобы пылъ мой не охладѣлъ, списалъ, для памяти, два письма и прочія бумаги, находившіяся въ бумажникѣ, (потому что я торжественно самъ хотѣлъ современемъ наказатъ себя за свою преступную слабость и публично признатъся въ моемъ проступкѣ), положилъ потомъ въ карманъ и отправился въ улицу Вердо. Тамъ я очень легко отыскалъ дѣвицу Тюрпенъ. То была старая, непригожая женщина, одѣтая, впрочемъ, щеголевато; особливо прическа ея дѣлала честь искусству господина Эрнеста. Она осмотрѣла меня съ головы до ногъ съ недовѣрчивымъ видомъ и очень сухо спросила:

— Что вамъ угодно? Я не имѣю чести васъ знать!

Я объявилъ ей причину своего неожиданнаго прихода и подалъ бумажникъ. Она вырвала его у меня изъ рукъ съ какою-то наглостью и начала пересматривать.

— Однако же вы порядочно медлили, милостивый государь,—сказала она мнѣ дерзко и взглянувъ на меня нагло, увѣрившись, что все было цѣло и я не утаилъ у себя даже нитки отъ кусочка ея тафты.

Упрекъ этотъ такъ мѣтко поразилъ мою еще неуспокоившуюся совесть, что я весь вспыхнулъ и потомъ поблѣднѣлъ, какъ преступникъ, уличенный на мѣстѣ.

Мое смущеніе, мое замѣшательство и оторопѣлый видъ вѣроятно заставили ее думать, что я дожидаюсь награды, обѣщанной ею чрезъ газеты, которую я прочиталъ уже послѣ, потому-что въ тотъ день, когда я возвратилъ ей деньги, ея публикація еще не была напечатана.

— Гм!—проворчала она, сквозь зубы, пятьдесятъ франковъ за то, чтобы нагнугься и приподнять съ земли подобную пуховинку... Да, за пятьдесятъ франковъ мнѣ десять человекъ будутъ служить цѣлый мѣсяцъ.

Этотъ возгласъ и замѣчаніе привели меня въ себя. Я бросилъ на эту старую плутовку презрительный взглядъ, повернулся къ ней спиной и вышелъ не поклонившись. Я, впрочемъ, увѣренъ, что дѣвица Тюрпенъ не разсердилась на меня за это забвеніе приличій и уваженіе къ ея лѣтамъ и полу.

Выйдя отъ Тюрпенъ, не смотря на остатокъ сожалѣнія и грусти, которыя еще несовѣмъ разсѣялись, я былъ очень доволенъ собою, какъ-будто я совершилъ какой-нибудь блистательный подвигъ, хотя въ существѣ я исполнилъ только должное. Цѣлую дорогу строго обсуживая свое поведеніе, я думалъ:

«Къ чему послужили мнѣ разсудокъ, способности, образованіе, которое я получилъ, нравственныя книги, которыя я перечиталъ, до этой поры? Явный результатъ этого нравственнаго развитія былъ тотъ, что я созналъ въ себѣ существованіе честности еще загадочной, еще нетвердой, честности, которой правила были гораздо шатче честности извозчика и бѣдной швей... И мнѣ стало опять невыносимо-грустно. Но я по-крайней-мѣрѣ былъ счастливъ и веселъ съ того памятнаго дня! Я радикально излечился отъ той нравственной болѣзни, общей недостаточнымъ людямъ, которая заключается въ пламенномъ желаніи найти что-нибудь чужое и извлечь изъ него свои выгоды. Нравственныя пытки, испытанныя мною въ продолженіе нѣсколькихъ сутокъ моего обладанія найденнымъ бумажникомъ, были достаточны, чтобы я могъ ручаться за свои будущія честныя правила.

ВОСПОМИНАНІЯ РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА

0

ВЕСТЬ-ИНДІИ, КАЛИФОРНІИ И ОСТЬ-ИНДІИ

А. Г. РОТЧЕВА.

—

I.

Плаваніе изъ С.-Хуанть-дель-Суръ въ Акапулько. — Близость береговъ. — Обѣдъ на американскомъ пароходѣ. — Разбитіе. — Спасеніе. — Переѣздъ въ Акапулько. — Причины крушенія. — Бѣдственное положеніе пассажировъ. — Входъ въ С.-Франциско. — Первое впечатлѣніе. — Корабли и пароходы. — Пристань (Warf). — Китайцы. — Кошки. — Женщины. — Отправленіе въ городъ. — Желѣзная дорога въ улицахъ. — Свозъ неску. — Характеръ сѣверо-американцевъ. — Ихъ распоряженія. — Lodging and Boording. — Плата за перевозъ чемодановъ. — Прженіе годы. — Дороговизна земель и домовъ. — Блокъ-шифы; они на улицахъ. — Желѣзные магазины. — Каменные дома, привезенные изъ Китая. — Улицы — Выброшенные товары, шляпы и пр. на улицахъ. — Аукціоны. — Колебаніе цѣнъ на товары. — Прейсъ-курантъ. — Будущность калифорнской торговли. — Развїтіе Калифорніи. — День ея рожденія. — Процесія. — Почта. — Церкви. — Методисты. — Магазины. — Прачки-Китайцы. — Швей. — Шляпка и платье обезьяны. — Гостиницы и рестораціи. — Припасы. — Игрные дома. — Модистки. — Театры. — Газеты. — Чистильщики сапоговъ. — Разводители куръ. — Банкиры. — Свѣдѣніе о количествѣ золота, вывозимаго изъ Калифорніи.

Въ прекрасный тропическій вечеръ пароходъ нашъ North America снялся съ якоря; въ эту минуту солнце, какъ озлащенный куполь, спустилось въ воды Тихаго океана; потомъ толпа пурпуровыхъ облаковъ явилась надъ тою точкою, гдѣ утонуло солнце... то удивительной архитектуры мость, казалось, соединялъ ихъ вершины, то, словно какой-то звѣрь лежалъ у подножія горы... Но эти восхитительныя картины нигдѣ такъ часто не смѣняются, какъ подъ тропическимъ небомъ; и такъ-какъ я надѣялся долго съ нимъ не разставаться, то, выведенный изъ мечтаній моихъ толчками и разными криками, сталъ разсматривать палубу нашего парохода. На немъ было до 900 человекъ. Не знаю

почему, чѣмъ больше пассажировъ, тѣмъ меньше сближеній, тѣмъ меньше знакомствъ. Толкотня и тѣснота невыносимы. Палуба по обѣимъ бортамъ загромождена бочками съ солонною и съ прѣсною водою. Единственное мѣсто подышать свободно — площадка, устроенная между кожухами парохода: взойдя на нее вы будто на чердакѣ огромнаго пятиэтажнаго дома, надъ которымъ нѣтъ ни перилъ, ни крыши. Надъ головою вашею, какъ руки великана, непрерывно машетъ коромысло паровой машины, и при каждомъ подъемѣ и спускѣ раздается въ ушахъ пронзительный свистъ.

Ночью съ этой веранды я любилъ смотрѣть на свинцовую поверхность моря, любилъ смотрѣть, какъ водорѣзъ парохода взрываетъ волны словно растопленный металлъ. Хорошо, что мы на пароходѣ, что пары быстро подвигаютъ насъ впередъ; а какъ бы томительно было лежать неподвижно подъ хлопающими обѣ мачты парусами. Штиль невыносимо тяжелъ для моряка! словно раненый орелъ, немогущій уже отдѣлиться отъ земли, конвульсивно переваливается тяжелое тѣло и бьется бѣлыми крылья корабля. Киньте за бортъ полѣно — оно не отдѣляется долго отъ борта, а жадныя акулы, какъ голодныя собаки, ждущія подачи, шныряютъ около бортовъ.

Мы рѣдко, на самое короткое время теряли изъ виду берега. Отъ самой Панама передъ нами тянется безконечная, разнообразная панорама; иногда пароходъ нашъ проходитъ на одинъ только кабельтовъ; на нѣсколько сажень отъ берега, мы видимъ ясно предметы безъ зрительной трубы. Не знаю причинъ, зачѣмъ такъ располагаетъ курсомъ нашимъ капитанъ нашъ. Одинъ изъ молодыхъ вахтенныхъ объяснилъ мнѣ, что въ этихъ широтахъ у береговъ почти всегда или штиль или маловѣтріе, которыми весьма выгодно пользоваться пароходу. Только иногда между оконечностями мысовъ земля скрывалась отъ насъ, а потомъ мы снова шли не больше мили отъ береговъ. Пассажиры, любуясь безпрестанно измѣнявшимися картинами, при быстромъ ходѣ парохода, достигавшемъ до 14 узловъ, съ какою-то тревогою смотрѣли на близость земли; но все было спокойно, какъ море, которое не только цвѣтомъ, но и густотою напоминало расплавленный свинецъ. Три или четыре дня мы плыли вдоль береговъ Америки.

Наконецъ, въ одномъ мѣстѣ мы подошли къ землѣ не больше какъ на одну четверть мили: дѣло было къ вечеру. Нѣкоторые пассажиры не скрывали томившую ихъ тревогу, и одинъ опытный морякъ громко утверждалъ, что пароходъ нашъ непременно будетъ ночью на мели, если не переимѣнитъ курса и не отойдетъ отъ берега въ море; но большая часть пассажировъ съ увѣренностью смотрѣли на распоряженія капитана

и говорили, что уже не впервые ходить онъ въ море; что онъ очень опытенъ и знаетъ весь берегъ Америки, какъ свои пять пальцевъ; что онъ уже лотомъ промѣрилъ и извѣдалъ самый грунтъ и что нельзя же полагать, что онъ беззаботно подвергнетъ опасности жизнь тысячи человѣкъ, плывшихъ съ нимъ на пароходѣ! Такія вещи не допускаются.

Въ обыкновенный часъ звонъ колокольчика призвалъ къ обѣду въ каютъ-компанію шумную толпу пассажировъ. Я воспользуюсь этимъ недолгимъ эпизодомъ, чтобы обрисовать въ нѣсколькихъ очеркахъ обѣдъ на американскомъ пароходѣ. До-тѣхъ-поръ, пока, подъ предводительствомъ капитана, дамы не займутъ первыхъ мѣстъ, никто не смѣетъ сѣсть. Когда это первое условіе этикета выполнено, садятся или, лучше сказать, бросаются на мѣста мужчины. На столѣ поставленъ въ разныхъ отдѣленіяхъ весь обѣдъ. Немногія кушанья разносятся на блюдахъ. Не успѣтъ усесться вся эта шумная публика, какъ всякій спѣшитъ наклониться на свою тарелку все, что у него подъ рукою, и не вдаваясь въ разсужденія, убирать съ нее въ ротъ. Зазѣвайте на минуту, отвернитесь въ сторону, вымолвите слово сосѣду вашему—и негръ-прислужникъ (steuart) непременно похититъ вашу тарелку, а съ нею и обѣдъ. Забавно смотрѣть на всеобщую поспѣшность за обѣдомъ; за то чрезъ четверть часа все кончено. Стvero-американецъ помнитъ за обѣдомъ любимую пословицу: «*eat quick work quick!*» ѣшь скоро и работай скоро». Пообѣдавъ, онъ тотчасъ идетъ въ карманъ за пластинкою табаку, важно отрѣзываетъ перочиннымъ ножомъ кусочекъ и кладетъ его за губу. Тогда, пожалуй, онъ съ вами начнетъ бранить Англію, говорить о китовомъ уловѣ, о желѣзныхъ дорогахъ, о калифорнскомъ золотѣ и мало ли о чемъ, но не прежде. За обѣдомъ онъ недоступенъ: руками и ногтями онъ впился въ свою тарелку и, конечно, не поведетъ съ вами въ это время бесѣды. Я скоро свыкъся съ обычаями американцевъ. Но смѣшно было смотрѣть на жалкія мины французскихъ *commis voyageurs*, которымъ безъ бесѣды нѣтъ обѣда; видя быстрое исчезновеніе тарелокъ съ яствами, они должны были довольствоваться кускомъ сладкаго пирога, въ разныхъ видахъ подаваемого за американскимъ обѣдомъ.

Всѣ мы были веселы и беззаботны. По нашему разчету пароходъ на другой день утромъ долженъ былъ положить якорь въ Акапулько. Наступилъ прелестнѣйшій тропическій вечеръ; небо было ясно, мѣсяцъ и звѣзды горѣли полнымъ блескомъ. Большая часть пассажировъ разошлась по каютамъ, не воображая, какую ночь проведутъ они. Въ одиннадцатъ часовъ завидя какой-то предметъ на берегу, вахтенный доложилъ о томъ капитану, который тотчасъ вышелъ на палубу, взобрался

на висѣвшую за бортомъ шлюпку и сталъ пристально смотрѣть въ берегъ. Не прошло минуты, какъ мы уже плыли вдоль буруновъ. Еслибы даже капитанъ нашъ былъ такъ близорукъ, что ничего подъ носомъ различить не могъ; еслибы онъ былъ пьянъ, то и тогда долженъ былъ видѣть, что мы въ бурунахъ, такъ сказать, рѣзали берегъ, и что нужно было переимѣнить курсъ; онъ и переимѣнилъ его, да только прямо въ берегъ, а за-тѣмъ послѣдовалъ мгновенно первый ударъ, не очень сильный. Въ ту самую минуту, какъ раздалась команда «лѣво на бортъ!» пароходъ нашъ ударился со всею силою и снова повторился ударъ. Раздалась другая команда; «задній ходъ!» Въ это время вышло руль, пароходъ повалился на бокъ и бурунъ сталъ ходить по палубѣ. Нельзя описать смятенія и ужаса толпы, хлынувшей изъ всѣхъ люковъ парохода. Убѣжденіе въ гибели отъ крушенія господствовало на лицахъ всѣхъ и каждаго.

Нѣкоторые, сохранивъ присутствіе духа, пробивались сквозь толпу, чтобъ любопытными глазами окинуть берегъ, измѣрить степень опасности, въ которой мы находились. Другіе въ какомъ-то оцѣпенѣннн, почти лишенные памяти, не предпринимали ничего и, творя молитву, готовились къ смерти. Жена, бросившаяся въ объятія мужа, судорожно прижимала его къ сердцу; казалось смерть, носившаяся надъ ними, уже заглядывающая имъ въ глаза, сильнѣе скрѣпила узы ихъ. Дѣти, видѣвшіеся въ одежды матерей, не отрывались отъ нихъ, не видя инаго спасенія. Плачъ этихъ невинныхъ созданій, общій вопль отчаянія далеко неслись въ пространство вмѣстѣ съ шумомъ буруна, дробящагося о члены парохода. Съ той минуты, какъ пароходъ упалъ на бокъ, его постепенно валило къ берегу бурунами.

Смятеніе пассажировъ нѣсколько утихло, когда мы убѣдились, что лежали на песчаной банкѣ. Всѣ съ тоскою ждали появленія утра, ждали возможности добраться до твердой земли. Черезъ два часа только, послѣ перваго удара объ мель, былъ спущенъ въ воду барказъ и мексиканцами зажженъ на берегу огонь, на который барказу слѣдовало выгребать, отпавляясь отъ парохода. Съ парохода на барказъ былъ поданъ кабельтовъ; конецъ его былъ завезенъ и закрѣпленъ на берегу. На разсвѣтѣ всѣ гребныя судя по этому кабельтову должны были свозить пассажировъ съ парохода. Дѣти и женщины первыя назначались для переправы. Суматохи, давки, прыганья въ шлюпки—ничего этого не было; только два какіе-то храбреца, болѣе всѣхъ кричавшіе, что прежде женщинъ и дѣтей никто не смѣетъ отправиться на берегъ, именно прыгнули съ русленей прежде всѣхъ въ шлюпку. Высадка на берегъ кончилась успѣшно и въ шесть часовъ люди и кладь были ужъ

на берегу. Мысль, на которой мы перебрались, живо представилъ видъ импровизованнаго города въ Калифорніи.

Между-тѣмъ, какъ я сказалъ: прибоемъ продолжало валить пароходъ нашъ на берегъ, до-тѣхъ-поръ, пока онъ, наполнившись на нѣсколько футовъ водою, не легъ неподвижно на песчаной банкѣ, при совершенномъ безвѣтріи и лоснящейся поверхности моря.

Мы разбились на берегу, который на картѣ показанъ подъ именемъ *Los Ramiras* при впаденіи въ море рѣки Непы, въ семидесяти пяти миляхъ отъ Акапулько.

Длинный корпусъ нашего парохода загородилъ, такъ-сказать, приборъ буруна, и мы имѣли возможность свезти на берегъ часть провизіи, паруса и тенты. Тотчасъ-же приступлено было къ устройству палатокъ и наметовъ, смотря по возможности. Между пассажирами было до 50 женщинъ и около 90 дѣтей.

Надобно было дать извѣстіе, не теряя времени, о нашемъ крушеніи. Зная испанскій языкъ, я вызвался ѣхать верхомъ въ Акапулько, въ сопровожденіи двухъ американцевъ. Въ мекиканскихъ селеніяхъ вездѣ, гдѣ была возможность, мы нанимали муловъ и съ погонщиками отправляли ихъ на мѣсто крушенія, для перевозки пассажировъ и вещей. Я не стану здѣсь описывать этого перехода, затѣмъ, что всѣ горныя дороги въ Калифорніи, о которыхъ я буду говорить своевременно, рассказывая о золотыхъ промыслахъ этого края, рѣшительно на нее похожи. Черезъ двое сутокъ мы добрались до Акапулько и американскій консулъ немедленно выслалъ двѣ шкуны и барку за нашими пассажирами.

Единогласный приговоръ общественнаго мнѣнія обвинилъ капитана въ гибели нашего парохода и въ немовѣрныхъ несчастіяхъ и лишеніяхъ, которымъ подвергнулись пассажиры. Какъ объяснить себѣ крушеніе новаго, великолѣпнаго парохода, въ безмятежную ночь, подъ тропическимъ небомъ, при свѣтѣ луны, при блескѣ звѣздъ? Не тѣмъ-ли что пароходная компанія Вендербилтъ находится въ соперничествѣ съ почтовымъ пароходствомъ Эспинвиля (*opposition line*); что первая компанія держитъ пароходное сообщеніе между Панамою, Никарагуа и С. Франциско, а вторая—между Панамою и С. Франциско? Не тѣмъ-ли, что соперничающая компанія купила гибель нашего парохода? Если не этимъ путемъ объяснить наше загадочное крушеніе, то придется сказать, что капитанъ былъ не въ своемъ умѣ, или слѣпъ. Самые буруны, которые мы продольно разрѣзывали пароходомъ, не возмѣщали-ль своевременно капитану, стоявшему во все время на шлюпкѣ, висѣвшей за бортомъ, о приближеніи нашемъ къ опасности? И съ той минуты, когда послѣдовалъ первый ударъ о мель, даже ничего не было испы-

*

тано и предпринято для спасенія парохода; между-тѣмъ, какъ бурномъ валило насъ на берегъ, вмѣсто того, чтобы отдать послѣ перваго удара якорь, капитанъ спокойно курилъ сигарку, сидя въ своей каютѣ на палубѣ парохода, гдѣ въ первыя минуты происходили страшныя сцены общаго смятенія и отчаянія.

Только черезъ нѣсколько часовъ послѣ перваго удара былъ снесенъ барказъ, и только черезъ пять часовъ первый пассажиръ ступилъ ногою на берегъ. Ударъ тропической шквалъ, засвѣживъ вѣтеръ—сколько человѣкъ погибли—бы отъ такой непростительной медлительности! Вотъ, напримѣръ, какъ поступлено было съ пароходною провизіею: вмѣсто того, чтобы ее свезти на берегъ и раздавать пассажирамъ, по мѣрѣ надобности, все было поднято, откупорено, разломано и всякій хваталъ запасы по-своему, сколько могъ и сколько хотѣлъ. Само собою разумѣется, что иной пассажиръ третьяго разряда (steerage) набралъ запасовъ на десять дней, а за то другой, изъ занимавшихъ первыя мѣста, не успѣлъ взять и на одни сутки. По освидѣтельствованіи кассы пароходной, оказалось только 900 исп. піастровъ. По словамъ кассира, 4 т. исп. піастровъ были похищены.

Впослѣдствіи пароходъ разбился въ щепы, но машина была свезена на берегъ и отправлена въ Акапулько.

Оказалось, что только половина нашихъ пассажировъ имѣла столько денегъ, чтобы заплатить за поѣздъ отъ Акапулько до С. Франциско. У трехсотъ человѣкъ не было даже и по пяти піастровъ, а болѣе ста не имѣли ни одной полумки. Агентъ Вендербильтовской компаніи оказался тоже безъ всякихъ средствъ: онъ не могъ предложить ни одного піастра несчастнымъ путешественникамъ.

Векоръ послѣ моего прибытія въ Акапулько, стали появляться партіи нашихъ пассажировъ, иные на мулахъ, и очень многіе пѣшкомъ; послѣдніе употребили на переходъ трое сутокъ.

Говоря о нашемъ крушеніи, я долженъ упомянуть о неудачномъ плаваніи барки *Изабеллы*, которая отъ Панамы до Акапулько шла 55 дней! Двухъ недѣль достаточно на этотъ переходъ: 130 человѣкъ пассажировъ находились здѣсь въ совершенно безпомощномъ положеніи.

На пароходъ *Tennessee* подходилъ я къ берегамъ Калифорніи. Въ 80 миляхъ отъ залива С. Франциско мы увидѣли двѣ лодманскія небольшія шкуны: онѣ крейсировали здѣсь въ ожиданіи купеческихъ судовъ. Вотъ пароходъ нашъ ужъ въ устьѣ залива; съ необъяснимымъ нетерпѣніемъ хотѣлось мнѣ увидѣть его знакомые берега; въ 1843 году я былъ здѣсь въ послѣдній разъ. Тогда еще не были открыты со-

кровища Калифорніи; никто и не подозревалъ залеганія въ ней золота. Говорятъ, будто-бы прежніе миссіонеры католическіе знали, что есть золото въ отрогахъ здѣшнихъ горъ; но тайну эту они всегда сохраняли тщательно. О томъ, какъ я провелъ лучшіе годы моей жизни; какъ я былъ правителемъ нашей русской колоніи, стоявшей до 1842 года въ 75 миляхъ отъ С. Франциско; какъ я познакомился съ капитаномъ Сутергомъ, впоследствии сдѣлавшимся знаменитымъ, потому-что въ земляхъ, ему принадлежавшихъ, найдены первыя росыши; какъ положили мы съ нимъ первый камень заселенія его, извѣстнаго подъ именемъ Новой Гельвенціи, на берегахъ рѣки Сакраменто; какъ сдавалъ я ему нашу колонію, по приказанію начальствующихъ лицъ, и какъ я оставилъ этотъ край—обо всемъ разскажу послѣ. Теперь я нетерпѣливо хочу по-дѣлиться тѣмъ впечатлѣніемъ, которое произвелъ на меня край, за нѣсколько лѣтъ совершенно необитаемый, пустынный, и только въ три или четыре года, какъ-будто по мановенію волшебнаго жезла, поставившій въ заливахъ и въ плесахъ рѣкъ своихъ огромный купеческій флотъ, а на приморьяхъ и долинахъ шумные города, кипящіе торговою дѣятельностью и промышленностью.

Входя въ заливъ С. Франциско, я жадно ловилъ глазами всякій утесъ, всякій камень, на которомъ приставала моя скромная байдарка, когда я переплывалъ не разъ ширину и длину этого залива. Словно къ знакомымъ воротамъ, къ знакомой хатѣ, гдѣ я оставилъ воспоминанія, дорогія сердцу, подходилъ я къ великолѣпнымъ утесамъ, образующимъ тѣсныя ворота залива С. Франциско. Я узналъ и развалившуюся крѣпость, и миссію, и древній Божій храмъ, стоящій неподалеку отъ нынѣшняго города. Взглянувъ на крутую возвышенность, я увидѣлъ легкое строеніе съ башнею—это телеграфъ, мѣрно махающій своими крыльями и подающій сигналы о судахъ, видныхъ въ морѣ. Но вотъ мы обогнули мысъ—что это? Не въ кронштадтской-ли гавани, или, лучше, не въ Темзѣ-ли я? Огромный бассейнъ набитъ кораблями; флаги и вымпела всѣхъ націй развѣваются передо мною; двѣ тысячи судовъ всевозможныхъ формъ и величинъ, какъ густое стадо птицъ, красуются на водѣ. Нашъ пароходъ едва примѣтно, тихо пробирается сквозь лѣсъ безчисленныхъ мачтъ: то онъ осторожно скользитъ мимо щегольской купеческой шкуны, пришедшей съ береговъ Хон-Конга; онъ боится неучтиво увлечь за собою легкую рею, или оцарапать бортъ красавицы; то онъ самъ себя бережетъ отъ громаднаго Клиппера въ 3,400 тоннъ. Когда нашъ колоссальный Tennessee закрѣпился за надолбы вдавшейся въ заливъ Молы, онъ рѣшительно исчезъ: его не стало въ этой станицѣ кораблей!.. Пароходы всѣхъ размѣровъ и устройствъ шныряютъ въ этихъ непрохо-

димыхъ тѣснинахъ, которыя образовались отъ стоящихъ судовъ. Иныя похожи на огромные трехъэтажные дома, съ обширными террасами; они не ходятъ въ море, а плаваютъ по заливу и по вливающимся въ него рѣкамъ. Другіе, съ огромнымъ мельничнымъ колесомъ сзади, вмѣсто боковыхъ колесъ, медленно тащатъ изъ этой тѣсноты купеческіе корабли, ужъ готовые къ отходу въ море. Пароходы эти, словно чудовищныя раки, передвигаются съ мѣста, то подаваясь впередъ, то взявъ задній ходъ.

Зачѣмъ эти люди, будто муравьи, унижали крутую каменную гору? Тутъ, должна быть, пристань, площадь для выгрузки товаровъ. Горѣ этой суждено рухнуть въ воды залива: объ этомъ—то и хлопчутъ эти люди. Нѣсколько пристаней, утвержденныхъ на колоссальныхъ сваяхъ, на нѣсколько сотъ сажень вдаль отъ берега въ заливъ. Къ нимъ прямо прикрѣпляются огромныя корабли и пароходы, а далѣе на этихъ—же молахъ и на пристаняхъ (warf) поставлены трехъэтажныя деревянныя и желѣзныя дома и магазины. Какимъ товаромъ, какимъ грузомъ не набить этотъ всесвѣтній рынокъ? Вотъ чинно, одинъ за другимъ, танется длинная вереница китайцевъ по пристани; они только—что переплыли океанъ на англійскомъ бригѣ и, подвѣсивъ на коромысла свой скарбъ, гуськомъ выступаютъ по пристани: они рѣшительно напоминаютъ мнѣ шествіе въ какомъ-нибудь Kia-Кингъ, или другомъ скончавшемся балетѣ.

Я заглянулъ на палубу одного американца: что за звѣри заперты у него въ клѣткахъ, разставленныхъ по бортамъ и на рубкахъ? Да это кошки. Капитанъ привезъ, между—прочимъ грузомъ, вмѣстѣ съ бренди, хересомъ, лопатами, кайлами, желѣзными рѣшетами, сбруею и двухколесными телѣгами, полторы тысячи кошекъ! Онъ продаетъ ихъ по 16 піастровъ за штуку т. е. по 23 руб. сереб.! Какая сметливая спекуляція! Кошки эти не только продаются, да на расхватъ покупаются затѣмъ, что крысы, завезенныя въ трюмахъ кораблей со всего свѣта, вмѣстѣ съ выходцами поглотили Калифорнію.

А на палубѣ этого американскаго—же шлюпа зачѣмъ собралось такое множество женщинъ, молодыхъ и среднихъ лѣтъ? только старухъ не замѣтно. Это другая спекуляція: онѣ пришли въ Калифорнію устроить свою судьбу, искать выгодныхъ жениховъ.

Съ молодымъ, благовоспитаннымъ съверо-американцемъ, который стоялъ со мною въ одной каютѣ, я отправился въ городъ съ нашего парохода. Вещи наши мы подготовили ужъ прежде; оставалось положить ихъ въ шлюпку затѣмъ, что не было возможности, за тѣснотою, отправиться прямо съ палубы на пристань. Намъ предстояло переѣхать на яликѣ

не болѣе пятидесяти саженъ до трапа пристани. Мы съѣли въ чистый, раскрашенный аликъ и ловкій Янки живо, въ нѣсколько ударовъ веслами, причалилъ къ назначенному мѣсту. Сколько тебѣ?» спросилъ я его переложивъ всѣ наши чемоданы на двухколесную телѣгу, раскрашенную, покрытую лакомъ и запряженную щегольски въ одну красивую, огромную лошадь.

— Five Dolag, sire, отвѣчалъ онъ мнѣ.

— Какъ, пять долларовъ за то, что ты, махнувъ разъ, другой веслами, перекинулъ насъ на берегъ съ парохода?

— California, Sire!..

Дѣлать было нечего: «Калифорнія, сэръ!» аргументъ хорошъ; я заплатилъ пять долларовъ, или 6 рублей серебромъ, наглому Янки.

Едва тронулись мы съ мѣста, какъ я былъ удивленъ совершенно новымъ для меня зрѣлищемъ: параллельно пристанямъ, вдавшимся въ заливъ слишкомъ на версту, пролегала желѣзная дорога; по ней, быстро смѣняясь одинъ за другимъ, катились безъ паровоза, безъ лошадей, вагоны, нагруженные пескомъ; направленные по отлогой плоскости, они, безъ всякой двигательной силы, добѣгали до пристаней, гдѣ мгновенно выгружали ихъ работники. Этимъ пескомъ постепенно заваливалась та часть залива, которая, по мелководью, ужъ не представляла возможности караблямъ подъѣхать къ надолбамъ пристани. Такимъ образомъ постепенно образовалась площадь; на ней продолжались улицы и воздвигались строенія. Эта, постепенно вдающаяся въ просторный заливъ, песчаная пристань даетъ возможность строить дома въ С. Франциско не на покатоги горы, а на гладкой плоскости.

Поднявшись нѣсколько выше, я увидѣлъ огромный снарядъ паровой машины. Посредствомъ крановъ, вращающихся на вертлюгѣ, острия черпала углублялись въ песчаную почву горы и мгновенно опрокидывались въ подставленные вагоны. Такимъ образомъ подвозимымъ вагонами пескомъ наполнялось пространство между пристанями, образуя площадь тамъ, гдѣ прежде стояли на якорѣ суда, а съ другой стороны гора постепенно уступала мѣсто улицамъ и домамъ.

Поездъ, возвѣщенный трубою проводника, быстро катящійся безъ всякой двигательной силы по улицамъ многолюднаго города, представляетъ какое-то фантастическое, сказочное явленіе! Само собою разумѣется, въ подобныхъ операціяхъ не безъ несчастныхъ случаевъ. При мнѣ мальчикъ, хотѣвшій перебѣжать чрезъ рельсы желѣзной дороги, былъ смятъ поездомъ. Но гдѣ-же не бываетъ несчастныхъ случаевъ? А къ тому-же сѣверо-американецъ, въ непреодолимомъ стремленіи своемъ такъ равнодушно выводитъ въ торговый расходъ жизнь че-

ловѣка! Что ему за дѣло, что взлетитъ на воздухъ парохоль, расшибется въ дребезги поѣздъ желѣзной дороги, что пожаръ истребитъ три четверти города, а рѣка, хлынувшая изъ береговъ, смоетъ остальную четверть—что за дѣло? «Впередъ!» *Go a head!* Эти случайности, эти несчастія, отъ которыхъ другой-бы потерялъ голову, только сильнѣе шекотаютъ, подстрекаютъ неукротимую дѣятельность, предприимчивость сѣверо-американца; это только потребители на его рынкахъ.

Въ одинъ изъ пожаровъ, неоднократно охватывавшихъ С. Франциско, вспыхнулъ домъ сѣверо-американскаго выходца. Вы думаете, онъ сталъ тушить огонь, спасать имущество, скарбъ свой — нѣтъ; онъ бросилъ домъ свой, предоставилъ свое имущество всеистребляющей стихіи, а самъ помчался верхомъ на пыльную мельницу, за нѣсколькими милями находящуюся отъ города. Тамъ закунилъ тотчасъ-же всѣ доски, весь лѣсъ, бывшій въ наличности, и законтрафовалъ по сходной въ настоящую минуту для предприимчиваго спекулятора цѣнѣ, всю производительную дѣятельность этой мельницы на шесть недѣль. На мельницѣ извѣстіе о пожарѣ еще не распространилось; американецъ успѣлъ уладить выгодную сдѣлку, которая дала ему баснословныя выгоды. Черезъ нѣсколько часовъ хозяинъ пыльнаго завода понялъ ловкость соотечественника, и, безъ сомнѣнія, постарается, въ свою очередь, при случаѣ, наверстать убытки, которые ему нанесъ сметливый покупецъ.

Укажите мнѣ на подобные примѣры въ другихъ націяхъ — я не знаю ихъ.

Медленно поднимаясь по одной изъ крутыхъ улицъ С. Франциско, мы наконецъ подъѣхали къ трехэтажному деревянному дому, на стѣнахъ котораго огромными буквами было написано: *Mansion House*. На желаніе наше остановиться въ этой гостинницѣ намъ сказали, что въ цѣломъ домѣ нѣтъ ни одной свободной комнаты.

Точно такіе-же отвѣты получили мы и въ другихъ двухъ гостинницахъ, къ которымъ подвозилъ насъ Янки. Наконецъ въ одной изъ узкихъ улицъ, на скромномъ домикѣ, прочитавъ надпись: *Lodging and Boording*, то-есть, квартира съ прислугою и столомъ, я велѣлъ остановиться. Хозяинъ привелъ насъ въ узенькую комнату, подъ самою кровлей, въ которой помѣщались двѣ деревянныя складныя кровати, мнѣнятурный столикъ и два стула.

— Что стоитъ эта комната? спросилъ я хозяина.

— За постель, за чай, за завтракъ и за обѣдъ въ недѣлю, каждый джентльменъ платитъ двѣ унціи.

— Помилуйте, 32 пѣстра въ недѣлю за такое помѣщеніе! Да

вѣдь это 128 долларовъ въ мѣсяць! Я успѣлъ сосчитать, что это составляло 183 руб. сер.

— Это очень дешево. Въ хорошія времена, когда я сюда пріѣхалъ, два года тому назадъ, я бралъ по 4 унціи въ недѣлю съ человѣка; а теперь здѣсь все такъ подешевѣло, что не стоитъ хлопотать.

Надобно было согласиться и я велѣлъ вносить мои вещи въ комнату.

— Сколько за перевозку чемодановъ? спросилъ я нашего дюжаго, краснощекаго возницу, одѣтаго въ щегольское пальто, съ круглой шляпой на головѣ, не хуже всякаго денди.

— А вотъ позвольте, сэръ... съ пристани я васъ привезъ въ *Mansion House*, потомъ въ Эльдorado, потомъ въ *Jenny Lind Hotel* и наконецъ сюда: за все двадцать долларовъ.

Признаюсь, когда я смекнулъ, что этотъ мошенникъ требовалъ съ меня 28½ р. сер. за то, что проѣхалъ съ двумя чемоданами верету, или полторы, заставляя меня идти пѣшкомъ затѣмъ, что его экипажъ назначенъ былъ только для перевозки груза, я осыпалъ негодяя упреками и занесъ надъ нимъ кулакъ, по свойственному сѣверному человѣку движенію.

По счастью, товарищъ мой остановилъ меня, сказавъ. «*Vous avez des desagremens; calmez vous.*» Тихе! вы наживете себѣ хлопоть.»

Между-тѣмъ Янки, очень спокойно щелкая длиннымъ бичомъ, доказывалъ права свои: «За каждый конецъ мы беремъ пять долларовъ. Я сдѣлалъ съ вами четыре конца: ясно-ли, сэръ, что мнѣ приходится съ васъ двадцать долларовъ? Это совсѣмъ недорого: здѣсь Калифорнія.

Я выбросилъ ему четыре золотыя монеты, проклиная въ душѣ такое самоуправство. Эге, подумалъ я, какія усовершенствованія! Три года тому назадъ, здѣсь съ великимъ трудомъ можно было добыть сотню пѣастровъ. Если калифорнскому жителю, ранчеру, владѣтелю нѣсколькихъ тысячъ десятинъ плодородной, раздольной земли и нѣсколькихъ тысячъ рогатаго скота, нужны были запасы для дома, или одежды для домашнихъ, онъ садился на лихаго коня, связывалъ арканомъ кину бычачьихъ шкуръ и волокомъ тащилъ ихъ на американскій корабль. Выбора не было; американецъ стоялъ одинъ; соперничества не было; каждая шкура представляла два пѣастра, то-есть почти 3 руб. сер., и, сообразно этой оцѣнкѣ, хозяинъ получалъ нужныя для него вещи. Въ то время звонкой монеты здѣсь почти не знали, а просто шла мѣна на кожи, сало и другія произведенія. Да, усовершенствованія большія! подумалъ я; мнѣ стало тотчасъ понятно, что нажить здѣсь золото легко, но удержать, сохранить его трудно.

С. Франциско строится по правильно начертанному плану: все пространство разбито на четверугольники, въ видѣ шахматной доски. Американцы называютъ эти отдѣлы: *Claims Lots*.

Въ первое время, когда нахлынула толпа эмигрантовъ, пришедшая въ Калифорнію за золотомъ, жители стали размѣщаться по той отлогости, гдѣ нынѣ стоитъ городъ; тогда цѣны на земли поднялись баснословно. Пространство въ пять, шесть квадратныхъ саженъ, первымъ Скваторомъ, первымъ владѣльцамъ уступалось сегодня за три, четыре тысячи долларовъ; чрезъ нѣсколько дней, переходя изъ рукъ въ руки, оно возрастало до капитальной цѣны, въ двадцать, тридцать тысячъ долларовъ. Еще и теперь домъ, стоившій сорокъ, пятьдесятъ тысячъ долларовъ, однимъ наймомъ въ годъ, или въ полтора года, возвращаетъ владѣльцу весь капиталъ. И вотъ почему С. Франциско такъ привыкъ къ пожарамъ. Положимъ, что владѣлецъ лишился дома, да онъ уже успѣлъ возвратитъ употребленный капиталъ. Нисколько не приходя въ уныніе отъ потерь, американецъ начинаетъ строить новый, больше и лучше старого.

На рейдѣ С. Франциско глазъ вашъ непріятно пораженъ множествомъ корабельныхъ старухъ, полинялыхъ, неопратныхъ корпусовъ: ихъ голыя мачты, ихъ крыша, ихъ неподвижность, въ странномъ разногласіи съ легкостью, стройностью и оживленностью окружающихъ судовъ. Эти труны представляютъ пловучіе торговые магазины; въ блокшифахъ складываются, для сохраненія и въ обезпеченіе отъ частыхъ пожаровъ, истребляющихъ городъ, грузы кораблей, приходящихъ въ Калифорнію. Въ первое время послѣ открытія золота, большая часть судовъ, явившихся въ заливѣ, были тотчасъ-же оставляемы и капитанами и командою: все опретью бѣжало на розсыпи, и часто великолѣпный трехмачтовый корабль, не разъ боровшійся съ бурями мыса Горна и съ непогодами, господствующими въ широтахъ мыса Доброй Надежды, оставленный, забытый, печально оканчивалъ дни свои на отмеляхъ залива С. Франциско. Нѣсколько такихъ кораблей вы можете видѣть на самыхъ улицахъ С. Франциско. Я объяснилъ уже выше, какъ постепенно воды залива уступаютъ мѣсто городу: корабли эти съли днищами на песокъ; въпослѣдствіи около этихъ труновъ прошли пристани; сваливаемая въ воду насыпь стала въ уровень съ бортами, и вмѣсто пловучаго гиганта, который грудью встрѣчалъ волненіе океана, образовался неподвижный амбаръ съ навѣсомъ и подъѣздомъ съ улицы!.. Странная судьба, странное превращеніе!.. Часто на кормѣ и на бортахъ его, вмѣсто красивой надписи, вмѣсто золотыхъ буквъ, одноглаваго орла и поэтическихъ названій, которыя носилъ этотъ красавецъ

моря, вы видите огромную вывѣску, гдѣ красуется слово: *Office, коитора*, да еще объявленіе, что «трюмъ этого блокшифа недоступенъ крысамъ!..»

Въ обширныхъ трехъэтажныхъ магазинахъ, сооруженныхъ изъ цинка, хранятся также товары; но въ этихъ металлическихъ зданіяхъ грузы не могутъ быть безопасны отъ огня. Отъ загорѣвшихся сосѣднихъ строеній, металлъ быстро разгорячается, раскаленные листы цинка свертываются, самый клѣтчатый остовъ строенія, состоящій изъ деревянныхъ брусевъ, вспыхиваетъ — и металлическое зданіе еще скорѣе другихъ становится жертвою пламени.

Съ каждымъ пожаромъ, истребляющимъ С. Франциско, увеличивается число каменныхъ строеній. Огромныя количества кирпичей привозятся въ трюмахъ кораблей, приходящихъ изъ Соединенныхъ Штатовъ. Нѣкоторые спекуляторы—капиталисты находятъ выгоднымъ привозить изъ Китая на корабляхъ, идущихъ изъ Хон-Конга, готовые каменные дома въ нѣсколько этажей. Плиты, составляющія стѣны, притесанныя, за нумерами укладываются въ трюмъ корабля и прилагаются одна къ другой, по прибытіи на мѣсто. Возможность строить подобнымъ образомъ дома въ С. Франциско, объясняется тѣмъ, что въ Китаѣ работа почти ничего не стоятъ; а въ С. Франциско нѣсколько—прилежный поденщикъ получаетъ за свой дневной трудъ до пяти долларовъ испанскихъ.

Само собою разумѣется, что, разбирая, анатомируя, такъ сказать, подобныя явленія пристально, мы доберемся до началъ ихъ; мы все объяснимъ; но съ перваго раза нельзя не призадуматься надъ предпримчивостью сѣверо-американца, складывающаго одну къ одной плиты, притесанныя, за 9000 верстъ отъ С. Франциско, на противоположномъ берегу океана и возводящаго въ нѣсколько недѣль зданія въ нѣсколько этажей.

Деревянные строенія подъ рукою американскихъ плотниковъ растутъ словно грибы. Деревянный домъ сѣверо-американца состоитъ изъ четырехугольных брусевъ, верхка въ три толщиною, которые связываются между собою поперечинами и представляютъ первоначальный остовъ строенія, или щитъ; онъ имѣетъ иногда два или три этажа. Потомъ этотъ щитъ околачивается тонкимъ тѣсомъ въ закрой, а внутри натягивается по стѣнамъ парусина, на которую наклеиваютъ обои. Тонкія строила накладываются на этотъ импровизованный остовъ, а мелкая черепица, изъ тоненькихъ дощечекъ, одной формы, образуютъ легкую кровлю.

Улицы С. Франциско еще не вымощены камнемъ, не макадам—

зированы и не покрыты торцами; онѣ устланы поперечными пластами, на-скоро, торопливо, какъ и все въ этомъ городѣ, выросшемъ изъ земли. Въ первые дождливые мѣсяцы основанія С. Франциско, безъ охотничьихъ сапогъ, вздернутыхъ выше колѣна, не было никакой возможности перейти улицу. Улицы представляли обширные бассейны, полные жидкой грязи. Не хватило терпѣнія у сѣверо-американца мостить улицы, вести шоссе; онъ перекинулъ широкія плахи и на первый разъ очень доволенъ; послѣ додѣлаеть, усовершенствуетъ остальное. Точно такъ поступаетъ онъ и при первоначальномъ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ: о художественной, монументальной части онъ не думаетъ; какъ-бы провести полотно, перекинуть рельсы да перебросить хоть на сваяхъ, и на плахахъ, импровизанные мосты—и поѣздъ полетѣлъ.

Странно видѣть въ С. Франциско разбитые ящики съ подмоченными товарами, валяющимися на улицахъ; шляпы, носки испорченные, при перевозкѣ, морской водою, иногда цѣлыми дюжинами лежатъ на тротуарахъ передъ магазинами—и никто не обращаетъ на нихъ вниманія. На всемъ пути своемъ отъ Соединенныхъ Штатовъ въ новое Эльдorado, сѣверо-американецъ, получая для себя новое платье, новую одежду, тотчасъ выбрасываетъ старую на дорогу; вотъ почему улицы С. Франциско пестрѣютъ отъ выкинутыхъ одѣялъ, пальто, старыхъ жилетовъ, носковъ, шляпъ и сапоговъ. Въ этомъ проявляется какая-то удалъ, бойкія надежды на успѣхъ.

Проходя по улицамъ С. Франциско, каждое утро и въ особенности по вечерамъ, вы непременно увидите аукціонную продажу въ нѣсколькихъ магазинахъ. Пробритесь сквозь толпу въ эту лавку, гдѣ вы найдете все, отъ смолы и корабельнаго тиру до галантерейныхъ вещей затѣйвой Франціи, отъ канатовъ и снастей, до бронзовыхъ украшеній роскошныхъ кабинетовъ. Взобравшись на стойку, здоровый американецъ дикимъ голосомъ повторяетъ: «золотые часы съ цѣпочкою—пять долларовъ, пять долларовъ!..» Вы надбавили ему одинъ сенсъ, и интонація его голоса снова перемѣняется, и онъ безъ усталы, съ глазами, которые, кажется, такъ и выскочатъ изъ лба его, снова кричитъ ваше предложеніе. На этихъ аукціонахъ часто можно покупать вещи гораздо дешевле, нежели на рынкахъ Нью-Йорка, Лондона и Парижа; зато иногда купите цѣлый ящикъ сапоговъ съ лѣвой ноги, или, вмѣсто корзинки съ шампанскимъ—дюжину американскаго сейдера, переработавшагося на экваторѣ въ добрый уксусъ.

Американецъ не любитъ, чтобъ его капиталъ, его товаръ залеживался; онъ его безпрестанно оборачиваетъ: если есть возможность распродать нѣсколько залежавшейся товаръ на аукціонѣ, хотя съ убыткомъ,

онъ непременно прокричитъ его, а на вырученный капиталъ въ новыхъ спекуляціяхъ возвратитъ понесенный ущербъ. Сѣверо-американецъ никогда не унываетъ при потерѣ и совершенно доволенъ при маленькихъ барышахъ въ своихъ операціяхъ. Цѣль его, какъ я сказалъ, безпре-
станное движеніе капиталовъ.

Я съ изумленіемъ наблюдаю за колебаніемъ цѣнъ калифорнскихъ рынковъ. Для примѣра, приведу нѣсколько образчиковъ: сегодня, по справочнымъ цѣнамъ, извѣстно, что за тоннѣ каменнаго угля платили 30 долларовъ—цѣна ужасная, а иногда восходящая до 40 долларовъ за тоннѣ. Вотъ приходитъ нѣсколько грузовъ съ каменнымъ углемъ. Контора, на которую онъ адресованъ, отдаетъ мнѣ его за 20 долларовъ; я тороплюсь купить все, что только могу: я убѣжденъ, что успѣю выгодно перепродать мой уголь на пароходы, снующіе по заливу С. Франциско. Черезъ день входятъ грузы за грузомъ каменнаго угля, и онъ, вмѣсто 30, продается по 6 долларовъ за тоннѣ!.. Я самъ покупалъ дробь по доллару за фунтъ и по одному реалу, то-есть по 1½ р. сер. и по 15 коп. сер.

Полагая, что нѣкоторыя свѣдѣнія о цѣнности припасовъ, матеріаловъ и товаровъ, взятая мною на мѣстѣ, не будутъ утомительны, я представляю выписку, изъ которой можно видѣть, что рынокъ С. Франциско не представляетъ болѣе тѣхъ баснословныхъ явленій дороговизны, о которыхъ гремѣли журналы цѣлаго міра. Эти цѣны существовали въ С. Франциско въ концѣ 1852 года.

Англійская мука въ пяти-пудовыхъ боченкахъ	по 15 р. сер. за боченокъ.
Сухари корабельные и другихъ сортовъ	отъ 15 до 30 к. сер. за фунтъ.
Рисъ	— 15 к. сер. —
Кофе	— 15 — —
Сахаръ	— 4 до 15 к. сер. —
Свѣчи спермацетовыя и другихъ сортовъ, стеариновыя и пр.	— 16 — 60 — —
Кирпичъ	— 40 — 60 р. тысяча. —
Лопаты желѣзныя	— 16 р. сер. дюжина.
Русское листовое желѣзо	— 23 к. сер. фунтъ.
Ромъ въ ящикахъ	— 2 р. сер. за бутылку.
Американскій виски	— 40 к. —
Мадера въ ящикахъ	— 2 р. — —
Хересъ	— 1 р. 50 к. до 1 р. 60 сер.
Портвейнъ	до 3 р. сер. за бутылку.
Шампанское	отъ 15 до 20 р. сер. дюжина.
— низкій сортъ	— 8½ р. сер. — —
Рейвейнъ	до 17 — — —
Мясо	— 24 к. сер. за фунтъ.
Свинина	— 16 — —
Картофель	— 10 — —

Въ мою бытность въ С. Франциско цѣны на французскія вина стояли такъ низко, что боченокъ бордо и другихъ сортовъ можно было купить дешевле, нежели въ самой Франціи, на мѣстѣ. Причина одна: ввозъ слишкомъ значительный какой-либо товарной статьи производить то колебаніе цѣнъ, о которыхъ я говорилъ. Ловкій спекуляторъ пользуется обстоятельствами; но очень часто и онъ ошибается и теряетъ огромный капиталъ затѣмъ, что здѣшній рынокъ не можетъ подвергнуться законамъ и правиламъ общимъ. Здѣсь все рѣзко, все импровизовано.

Капиталистамъ-негоціантамъ С. Франциско представляется блистательная будущность въ безпрестанно развивающихся сношеніяхъ съ Китаемъ, Австраліею, Батавіею, Индіею, островами Тихаго Океана и Европою. Благоразумный спекуляторъ, который будетъ такъ счастливъ, что выдержитъ въ продолженіе пяти, шести лѣтъ это неустоявшееся колебаніе цѣнъ на рынкахъ Калифорніи, пожнетъ обильную жатву за свою дѣятельность.

Недавно состоялся планъ желѣзной дороги отъ береговъ Миссиссиппи до С. Франциска. Это гигантское предпріятіе сблизитъ такъ разстоянія, что изъ Нью-Йорка въ Калифорнію потребуется на проѣздъ не болѣе десяти дней; слѣдственно отъ береговъ Англій легко можно будетъ перенестись въ двадцать дней до С. Франциско, а оттуда на берега Китая уже теперь ходить огромные клипера американскіе въ тридцать пять дней. Въ сближеніи Европы и Америки съ Китаемъ и Остъ-Индіей заключается блистательная будущность Калифорніи.

Пять лѣтъ тому назадъ, о Калифорніи въ Европѣ не было и помина; весь этотъ край представлялъ необработанную, необитаемую пустыню и берега С. Франциско только изрѣдка посѣщались немногими кораблями, принадлежавшими торговымъ домамъ въ Бостонѣ, Нью-Йоркѣ, Англійской Гудзонбайской и Россійско-американскимъ компаніямъ. Никто не заботился, есть-ли жители на этомъ обширномъ пространствѣ; никто не заглядывалъ любознательно въ нѣдра его, и, бывало, суточная поѣздка по долинамъ Калифорніи едва ли не была столько же затруднительна, какъ экспедиція въ центральную Африку.

Теперь Калифорнія представляетъ сильную, почти независимую область. Эта область до 1851 года въ 30 мѣсяцевъ основалась и достигла высокой степени своего развитія. При открытіи потозекскихъ и перуанскихъ рудниковъ, ихъ вліяніе на дѣла Стараго Свѣта было только временное, и въ самомъ Новомъ Свѣтѣ открытія эти не оставили по себѣ никакихъ монументальныхъ слѣдовъ. Не то явленіе происходитъ въ Калифорніи: при совершающемся переходѣ народовъ отъ береговъ Атлан-

тическаго къ берегамъ Тихаго Океана, ей назначено быть великолѣпнымъ звеномъ, соединить новый мѣръ съ Европою.

Недавно Калифорнія была принята въ составъ Американскихъ Штатовъ и я былъ свидѣтелемъ этого годовичнаго юбилея дня рожденія Калифорніи.

На разсвѣтъ, надъ городомъ взвился американскій флагъ, въ ознаменованіе присоединенія Калифорніи къ Штатамъ; въ этомъ флагъ явилась новая звѣзда; на другомъ концѣ площади развѣвался другой флагъ; въ его полѣ колоссальными буквами красовалось восклицаніе Архимеда: «*Eureka, нашель!*» и пониже, въ томъ же полѣ: «*Labor omnia vincit*» «*трудъ побѣждаетъ все!*» Эти флаги были привѣтствованы залпами артиллеріи. Суда, стоящія на рейдѣ, илюминированныя разноцвѣтными вымпелами, подхватили эхо выстрѣловъ. Засимъ началось торжественное шествіе, напоминавшее рыцарскія времена Айвенго.

Впереди шель маршалъ города, въ бѣломъ мундирѣ, шитомъ золотомъ; за нимъ—его знаменосецъ, въ голубомъ мундирѣ съ серебрянымъ шитьемъ; потомъ выступалъ отрядъ всадниковъ калифорнскихъ и пѣшіи взводъ рудокоповъ. Они несли бѣлое атласное знамя съ золотою каймою; на знамени былъ изображенъ рудокопъ, разбивающій камень; надъ головою его была надпись: *Eureka!* Затѣмъ слѣдовалъ отрядъ національной гвардіи, въ красивыхъ мундирахъ. Областное и городское начальство шло въ промежуткахъ въ сопровожденіи жителей города. Въ заключеніе шли обитатели Поднебесной Имперіи, въ богатыхъ костюмахъ; они несли пунцовое знамя, на которомъ была китайская надпись, значившая въ переводѣ: «*Китайцы!*» Ихъ было около ста пятидесяти человекъ, подъ предводительствомъ одного начальника.

За процесіей ѣхала триумфальная колесница, запряженная шестью лошадьми; въ ней сидѣли тридцать мальчиковъ, въ бѣлыхъ рубашкахъ; они представляли тридцать штатовъ американскихъ, а Калифорнію изображала прелестная дѣвушка, стоявшая посреди группы мальчиковъ въ бѣлой атласной туникѣ, съ розовымъ вѣнкомъ на головѣ. Эта колесница представляла политическій союзъ. За нею шли полиція города, съ голубыми атласными перевязями, а потомъ пожарный отрядъ, съ раззолоченными пожарными трубами и инструментами, на которыхъ было представлено пылающее зданіе съ надписью: «*мы спасаемъ, истребляя.*» На вершинѣ пожарныхъ лѣстницъ, раздвинутыхъ и поставленныхъ пирамидально сидѣлъ огромный живой орелъ. Въ заключеніе шествія, на другой колесницѣ былъ устроенъ типографскій станокъ; во время самаго поѣзда, изъ-подъ этого станка вышадали оттиснутые листы—это была

ода, сочиненная по случаю торжества. День этотъ заключился общимъ пиромъ въ городѣ.

Только тому повятно нетерпѣливое желаніе получить письмо, кто провелъ нѣкоторое время внѣ всякаго сообщенія съ отечествомъ, гдѣ онъ оставилъ все, что дорого и сердцу его и памяти. Съ хозяиномъ того дома, гдѣ я остановился въ С. Франциско, я отправился на почту. Издали по улицѣ я завидѣлъ уже длинную вереницу людей, стоявшихъ чинно, одинъ за другимъ, и неуступавшихъ ни одного шага изъ занятаго ими пространства тѣмъ, которые пришли послѣ нихъ.

— Что это такое?—спросилъ я у американца.—Зачѣмъ стоять эти люди длиною вереницею?

— Мы подходимъ къ почтѣ, сэръ. Письма здѣсь не разносятся по домамъ, какъ въ Европѣ: за ними всякій приходитъ самъ, или присылаетъ повѣреннаго лицо.

Только-что почтовый пароходъ бросаетъ якорь въ заливѣ С. Франциско, мѣшки съ письмами пересылаются на берегъ и всякое сообщеніе съ почтамтомъ прерывается на нѣсколько часовъ. Въ это время письма сортируются. Засимъ на разныхъ окнахъ, чрезъ которыя происходитъ выдача, объявляется часъ для полученія корреспонденціи. Есть своего рода *спекуляторы*, которые, задолго до этихъ объявленій, пробираются къ окнамъ, запасаются даже складными стульями, провизіей и спокойно цѣлую ночь прокуриваютъ сигару, лишь бы первымъ получить прибывшія новости, извѣстія и письма.

Иногда эта длинная вереница ожидаетъ своей очереди полученія писемъ точно такъ, какъ въ парижскихъ театрахъ публика, явившаяся за билетами, тянется по сосѣднимъ улицамъ. Только стоитъ сойти на мгновеніе съ мѣста—и вы очутитесь позади всѣхъ. Часто такая операція продолжается двое сутокъ, и какое нужно терпѣніе, чтобъ выждать очереди!

Къ счастью, хозяинъ мой служилъ прежде въ почтамтѣ и зналъ всѣ входы и переходы для полученія писемъ. Мы отправились по лѣстницѣ къ тому окошку, гдѣ женщины получали письма, и, переждавъ нѣсколько минутъ прежде насъ приходившихъ получательницъ, я былъ удовлетворенъ.

Мнѣ удавалось подслушивать комическіе разговоры у оконъ, гдѣ раздавались письма. Однажды длинный, рыжеволосый парень, добившись до окна, спрашиваетъ: — Нѣтъ ли писемъ отъ моего отца, изъ Ирландіи?

— Есть, отвѣчалъ раздаватель. Вотъ письмо съ адресомъ: «сыну моему въ Калифорніи»: должно быть, вамъ, больше некому. Возьмите.

Въ С. Франциско много церквей; нѣкоторыя выстроены изъ цинко-

выхъ листовъ, уцѣлѣвшихъ отъ магазиновъ и домовъ, во время пожара. Этотъ матеріалъ пожертвованъ прежними владѣльцами.

Вновь выстроенная римско-католическая церковь очень живописна на возвышенности.

Нерѣдко на улицахъ города, въ особенности у лавокъ и магазиновъ и на рынкахъ, вы видите человѣка, подмостившагося на огромной бочкѣ: это методистъ, говорящій рѣчь кругомъ собравшейся толпѣ. Страшно напряженные глаза, воспламененное лицо, сильно поражающій въ грудь кулакъ—вотъ его вспомогательныя средства. Едва онъ кончилъ, толпа затягиваетъ пѣснь и на его мѣсто становится другой. Методистъ описываетъ послѣднія мгновенья жизни человѣка, со всеми мелочными атрибутами смерти. Крупный потъ струится съ лица его, глаза крутятся, губы въ пѣніѣ. Все это сильно дѣйствуетъ на толпу, жадно его слушающую. Утомленный, разбитый, онъ окидываетъ слабѣющимъ взоромъ все, чтó его окружаетъ, и, обезспленный сходитъ съ своей бочки.

И я внимательно слушалъ его. Вдругъ я оглянулся, за мною молодая дѣвушка, лѣтъ четырнадцати, упала въ обморокъ. Ее поддерживала другая, немного постарше. Какъ полотно были блѣдны лица обѣихъ; онѣ явно находились подъ обаяніемъ оратора. Вся эта сцена, съ ея оригинальною обстановкою, подъ открытымъ небомъ, въ толпѣ народной, произвела на меня живое впечатлѣніе.

Правильно проведенныя улицы С. Франциско удивляютъ путешественника необыкновеннымъ множествомъ и богатствомъ магазиновъ. Великолѣпныя индійскія шали, шарфы, дамскіе наряды, восхитительной формы корсеты—все выставлено въ окнахъ и разложено въ магазинахъ съ такою же ловкостью, какъ въ Пикадилли, Реджентъ-Стритъ Unter den Linden, или на бульварахъ Парижа. Всѣ наряды, уборы и бурнусы доставляются готовыми изъ Европы и Америки: въ С. Франциско швеи, модныя шляпницы, корсетницы такая рѣдкость; онѣ такъ дороги, что невозможно производить на мѣстѣ всѣхъ затѣйливыхъ требованій моды. Швея не получаетъ менѣе 6 р. сер. поденной платы и, не смотря на то, она развѣ только въ первое время, послѣ своего прибытія въ Калифорнію, рѣшается заняться такимъ трудомъ.

Въ одной изъ моихъ прогулокъ по городу, я зашелъ, изъ любопытства, въ одинъ изъ модныхъ магазиновъ С. Франциско. Какъ обыкновенно, какъ вездѣ, и въ Лондонѣ, и въ Парижѣ, и въ Петербургѣ, произведенія моды въ американскихъ магазинахъ находятся подъ верховнымъ завѣдываніемъ ловкой француженки. Въ то-же самое время отворилъ двери магазина французъ съ шарманкой за однимъ плечомъ и съ обезьяной на другомъ. Французу не посчастливилось на золотыхъ про-

мыслахъ и онъ предпочелъ ходить съ шарманкой да заставлять коверкаться обезьяну — трудной жизни на калифорнскихъ пріискахъ (пласэ-рахъ). Ему понадобилась новая шляпка и новое платье для маленькаго, рѣзваго товарища.

«Madame! не сдѣлаете-ли вы шляпку и платье для моей Элизы? Въ такомъ случаѣ, снимите съ нея мѣрку.

Volontier!—monsieur! но вы мнѣ заплатите за эти два предмета для вашей маленькой обезьяны восемьдесятъ франковъ.

C'est exhorbitant!... но что дѣлать? надо шить! Элиза! поработай хорошенько—и въ одинъ день мы съ тобою добудемъ эти деньги.

Восемьдесятъ франковъ за платье и шляпку для полуаршинной обезьяны—это ужасно! подумалъ я. Да вѣдь въ Парижѣ вы съ радостью взяли бы за такую работу 5 франковъ.

— Oui, monsieur!... да здѣсь Калифорнія. Всѣ модистки и швеи, пріѣзжающія сюда, предпочитаютъ другими торговыми средствами обезпечивать судьбу свою. Вотъ не угодно ли будетъ вечеромъ войти въ одинъ изъ игорныхъ домовъ, на улицѣ Монгомери: тамъ увидите, чѣмъ заняты мои милыя соотечественницы! Для нихъ Калифорнія создала особый родъ занятій, совершенно неизвѣстный въ Европѣ—вы удивитесь: шить женскія работы, рукодѣлья, не кому: надо же пользоваться положеніемъ дѣлъ—здѣсь Калифорнія.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этого магазина, я увидѣлъ вывѣску съ надписью: *Chinase Laundry, китайская прачечная*. Желая объяснить это новое явленіе, я отворилъ дверь: съ полдюжины здоровыхъ китайцевъ занимались — одни мытьемъ бѣлья, другіе глаженьемъ. По бѣлью они водили жаровнями, наполненными угольями.

— Такъ въ Калифорніи не женщины моютъ бѣлье, а Китайцы? спросилъ я. Почему же вы берете за мытье?

— Five dolar for eveuy Dozen, sir!

Пять долларовъ за дюжину! и за такую плату женщины не хотятъ мыть бѣлья въ Калифорніи! Любопытно же посмотреть, чѣмъ заняты женскій полъ въ С. Франциско? Пойду въ Монгомери.

Китайцевъ считается въ Калифорніи до 40 т. Ихъ эмиграція увеличивается въ значительныхъ размѣрахъ. Большую частью они селятся въ городахъ. Китайцы составляютъ весьма полезную часть народонаселенія: они смѣтливы, трудолюбивы, любятъ порядокъ, трезвы, опрятны и даже способны къ привязанности. Китайскія женщины не эмигрируютъ: во всей Калифорніи я видѣлъ одну только китаянку, привезенную какимъ-то французомъ. Китайцы въ С. Франциско исполняютъ занятія прачекъ, нянекъ, горничныхъ, и за что ни возьмутся, ведутъ дѣло

доброевѣстно, прилежно. Я видѣлъ много китайцевъ и на промыслахъ калифорнскихъ. Китайцы живутъ всегда общинами, человекъ въ 200 и болѣе. Избравъ мѣсто для работъ, они усидчивы, довольны малымъ и чрезвычайно терпѣливы.

Не смотря на значительную эмиграцію женщинъ изъ Европы и Соединенныхъ-Штатовъ, женское народонаселеніе долгое время въ Калифорніи не станетъ въ уровень съ мужскимъ. Жизнь семейная въ С. Франциско до-сихъ-поръ великая рѣдкость. Что вы думаете получаетъ опытная кухарка въ городѣ или за городомъ?—*до тысячи р. сер. въ годѣ*. Вотъ почему въ гостинницахъ и ресторацияхъ С. Франциско за обѣденнымъ столомъ вы всегда найдете много женщинъ: здѣсь все живутъ трактирной жизнью.

Гостинницъ и ресторацийъ въ С. Франциско очень много. Первые содержатся болѣею частью сѣверо-американцами, вторыя—французами. Войдя въ гостинницу амераканскую, вы непременно прочтете на одной изъ дверей: *Parlor*. Эта комната всегда убрана великолѣпно; блестящія свѣжестью красокъ и цвѣтовъ ковры разложены на полу. Въ щегольскомъ каминѣ, близъ котораго поставлены изящной работы щипцы, лопатки и другія принадлежности, горитъ каменный уголь; комфортабельная мебель, чаще всего покрытая прочною волосяною матеріею, разставлена по комнатамъ. Тутъ непременно есть одно или двое кресель, которыя устроены такъ, какъ наши дѣтскія лошадки: вы садитесь въ нихъ и начинаете качаться. Это неизмѣнная принадлежность парлора, гдѣ собираются все постояльцы и принимаются посѣтители.

Рядомъ съ парлоромъ, или напротивъ его, столовая; а наверху устроены маленькія комнаты, въ которыхъ стоитъ кровать, столъ и два стула. Полъ всегда покрытъ кантонскою или манильскою изящною и прочною рогожею, и все принадлежности довольно-опрятны. Цѣна такой комнаты съ прислугой, чаемъ, завтракомъ и обѣдомъ—до двухъ унцій въ недѣлю, т. е. 32 піастра.

Кафе-рестораны чрезвычайно великолѣпны въ С. Франциско. Забываете, войдя въ нихъ, что вы не у Тортони, или Вери. Въ огромномъ салонѣ поставлено множество небольшихъ столиковъ, за которыми можно обѣдать вдвоемъ или втроемъ. Я уже сказалъ, что въ С. Франциско все обѣдаютъ въ трактирахъ, а потому не удивитесь, если вы, посѣтивъ кафе-ресторанъ Лафайета, увидите здѣсь за столомъ 200 или 250 человекъ. Полы и здѣсь непременно покрыты кантонскими рогожами; бронзовыя и хрустальныя люстры, бѣлое какъ снѣгъ, столовое бѣлье, прекрасная посуда и богатый сервизъ—вотъ что удивитъ васъ въ ресторацияхъ С. Франциско. Въ большой части кафе-ресторановъ вы платите

за завтракъ съ чаемъ по картѣ 1 піастръ, т. е. вамъ подаютъ реестръ, многообразный и длинный; вы можете кушать до-сыта и требовать всего за 1 піастръ! Точно также распоряжаетесь вы съ обѣдомъ: по выбору, вы наполняете желудокъ за одинъ піастръ (полтора руб. сер.). Вино платится особо.

Такая дешевизна, несообразная съ калифорнскими нравами, объясняется тѣмъ, что жизни семейной въ С. Франциско вести почти невозможно, и потому содержатели гостинницъ, или ресторацій, на множествѣ посѣтителей и на значительномъ потребленіи получаютъ большія выгоды. Къ этому удобству для жителей и путешественниковъ способствуетъ также безпрестанное соперничество промышленниковъ. Первое дѣло американца, гдѣ бы онъ ни поселился, открыть въ своемъ домѣ продажу припасовъ и напитковъ. Въ рѣдкомъ загородномъ домѣ вы не найдете комнаты, въ которой бы не продавались бренди, джинъ или абсентъ, съ разными закусками. Заводить шинки, рестораціи—страсть американца: за то надъ каждымъ домомъ вы видите непременно надписи: *Hermitage*, *Sans souci* и проч.

Въ рестораціяхъ С. Франциско обыкновенная ежемѣсячная плата ловкому слугѣ отъ 80 до 100 піастровъ (до 150 р. с.). Вотъ почему вы видите часто, джентльменъ, которымъ не удалось на золотыхъ розсыпяхъ, перемѣняютъ тарелки въ калифорнскихъ рестораціяхъ. *C'est la Californie!* говорятъ они и получаютъ 100 долларовъ въ мѣсяцъ за свою спеціальность!

Гастрономія развита въ С. Франциско не хуже Лондона, Парижа и Гамбурга. Здѣсь превосходныя устрицы, похожія на остэндскія; заливъ богатъ рыбою разныхъ родовъ: въ немъ ловятся превосходныя породы лососины, треска, камбола, раки всѣхъ сортовъ, отъ громадныхъ хомаровъ, до мельчайшихъ шримсовъ. На рынкахъ С. Франциско въ теченіе дѣлаго года являются превосходныя овощи, колоссальныя кочни капусты, чудовищная свекла, морковь и картофель. Американцы большіе охотники до *tomatos*, *potmes d'amour*. Одинъ смѣтливый выходецъ калифорнскій, въ первые годы заселенія этого края, выручилъ въ лѣто за разведенныя имъ томаты *двадцать тысячъ долларовъ* (до 30 т. р. с.)! Два француза, племянникъ и дядя, съ которыми я познакомился въ долині С. Хосе, неуспѣшно дѣйствуя на пласерахъ Калифорніи и видя, что тамъ золота имъ не добыть, взяли у одного моего стараго знакома Пачеко на аренду пространство въ 800 ярдовъ то-есть площадку кругомъ въ 400 сажень. Они обязались огородить это пространство и поставить *американскій* домъ, т. е. по нашему, досчанный, чистенькій балаганъ. За эти постройки Пачеко отдалъ имъ землю на 7 лѣтъ, съ тѣмъ, что,

по прошествіи срока, домъ и ограда стануть его собственностью. Въ первый годъ французскіе фермеры, едва разрыхливъ землю, посѣяли 10 кинталовъ * картофеля, т. е. около 25 пудовъ. Этотъ годъ принесъ имъ 300 кинталовъ. Продавъ сто кинталовъ по существующимъ на рынкѣ цѣнамъ, т. е. по 4 доллара, остальные двѣсти они посѣяли снова. Урожай былъ въ томъ же размѣрѣ, и за картофель свой они выручили до 30 т. долларовъ!.. Слѣдовательно 43,000 р. сер. выручили они за свой трудъ въ полтора года—невѣроятно, а правда! Такое явленіе объяснить-ся можетъ безпрестанно возрастающею эмиграціею въ Калифорніи и удивительнымъ плодородіемъ земли.

Весною и осенью неисчислимыя пролетныя стада дичи всевозможныхъ породъ опускаются на поляхъ Калифорніи. Тогда здѣшнія долины, словно необъятные ковры, пестрѣютъ отъ множества лебедей, сѣрыхъ и черныхъ гусей и разноцвѣтныхъ утокъ.

За нѣсколько лѣтъ, когда золото еще не приманило въ Калифорнію выходцевъ свѣта, на ея поляхъ росли и множились безчисленныя стада рогатаго скота, принадлежавшія католическимъ миссіямъ и частнымъ владѣльцамъ; были миссіи, которыя имѣли до 80 т., были и частные владѣльцы, имѣвшіе до 12 т. головъ рогатаго скота. Калифорнія вела тогда мѣновую торговлю кожами и саломъ въ весьма значительномъ объемѣ. Само собою разумѣется, что съ нахлынувшимъ народонаселеніемъ исчезла эта отрасль богатства страны; но она приходитъ постепенно въ уровень съ потребностью. Мясо въ Калифорніи отличается вкусомъ и сочностью, хотя тамъ и не имѣютъ понятія объ утучненіи рогатаго скота.

Въ настоящее время мука въ Калифорніи привозится большею частью изъ Чили, затѣмъ, что, при дороговизнѣ и рѣдкости работниковъ, отшатнувшихся на золотые промыслы, нѣтъ никакой возможности, чтобы земледѣліе шло въ уровень съ безпрестанно прибывающимъ народонаселеніемъ. Плодородіе полей калифорнскихъ баснословно: десять лѣтъ тому назадъ, я неоднократно видѣлъ урожаи пшеницы, достигавшіе до *самъ ста пятидесяти!* Урожай самъ 40-ой самъ 50-ой—не диковинка.

До какихъ-же результатовъ не достигнетъ этотъ край при усовершенствованныхъ способахъ воздѣлыванія земли, которыми сѣверо-американцы щеголяютъ такъ блистательно? Нѣтъ страны, гдѣ-бы земледѣльческія машины и орудія достигли такого совершенства, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Всѣ эти средства начинаютъ водворяться и на раздольныхъ поляхъ Калифорніи. *Золотая горячка* начинаетъ уже протѣивать: пришельцы, осмотрѣвшись, стали понимать, что, кромѣ золотыхъ

* Кинталъ равняется 100 фунтамъ.

розсыпей, и золото-содержащих кварцевъ, въ нѣдрахъ калифорнскихъ полей есть тоже *богатое* золото: вотъ отчего работы на пласѣрахъ начинаютъ идти въ уровень съ земледѣлемъ, и нѣтъ сомнѣнiя, что чрезъ три, четыре года Калифорнiя не потребуеъ продовольствiя отъ Чили.

Отъ 10 часовъ утра до 2-хъ ночи, и даже позже, открыты игорные дома въ С. Франциско—это обширные салоны, обставленные круглыми, четырехугольными и продолговатыми столами. При входѣ непременно устроенъ колоссальный буфетъ, въ которомъ найдете всякiе напитки, отъ рома и бренди, до шампанскаго и до всѣхъ французскихъ ликеровъ. Тутъ же всегда красуется форма честерекаго сыра, гигантскiй оворокъ или ростбифъ. За потребленные напитки берется плата, но закуска предлагается даромъ.

Въ этихъ салонахъ устроены хоры или эстрада для музыкантовъ.

Здѣсь толпятся языки всего свѣта: французы, шведы, англичане, испанцы, греки, турки, жидаы, китаецы, индусы, янки, индiйцы, малайцы: безъ всякаго сомнѣнiя, подобнаго зрѣлища нельзя видѣть во всей вселенной. На столахъ вѣнцеобразно разложены груды золотыхъ осьмиугольныхъ монетъ, въ 50 долларовъ каждая; потомъ идутъ монеты помельче, а въ промежуткахъ лежитъ золото въ слиткахъ и самородкахъ. Иногда на такомъ столѣ красуется наличностью *полмилльона долларовъ!* За каждымъ столомъ, какъ неперемѣнное условiе, какъ необходимое украшенiе, на стулѣ, нѣсколько возвышеннѣе прочихъ, сидитъ въ самомъ модномъ нарядѣ красивая женщина — это швейки, модистки. Явившись въ С. Франциско, онѣ тотчасъ-же получаютъ ангажементъ, или въ городѣ, или на пласѣрахъ. Такая красавица получаетъ за свое безмолвное предсѣдательство каждый день по унцiи (23 р. сер.) Теперь понятно-ли, почему она скромной выручкѣ 6-ти долларовъ въ магазинѣ предпочитаетъ такъ легко добываемую золотую унцiю? Въ подобномъ занятiи вы часто увидите даже порядочныхъ женщинъ, прiѣхавшихъ за счастьемъ въ новое Эльдorado съ мужьями и братьями. На вопросъ мой: не кажется-ли имъ немножко неловко, щекотливо сидѣть предъ грудями золота, на выставкѣ? я получилъ опять отвѣтъ:

Здѣсь Калифорнiя!.. C'est la Californie.

Въ салонахъ Рулетка, rouge et Noire, Trente et quarante. Монте, Фарао, Ландекнехтъ и много другихъ способовъ къ перемѣщенiю золота, добытаго часто въ потѣ лица, въ карманы жадныхъ, неумолимыхъ банкометовъ и хозяевъ этихъ загроможденныхъ блестящимъ металломъ столовъ.

Въ отвращенiе обмана и въ доказательство, что игра ведется чи-

сто, карты вкладываются въ серебряный ящичекъ съ пружинкой; этотъ ящичекъ становится на столъ и изъ него вытягивается карта за картой. Но кто поручится, что въ немъ не новая хитрость, не новый удобный способъ привлечь мотыльковъ къ пылающей свѣчкѣ?!

Я видѣлъ, какъ въ два или три удара, въ двѣ или три ставки, переходили къ банкомету нѣсколько тысячъ долларовъ! Иногда за этими столами распоряжаются, хозяйничаютъ двѣнадцати, четырнадцатилѣтнія дѣти! и даже мнѣ случилось видѣть хорошенькую дѣвочку, лѣтъ 14-ти, съ большою развязностью управлявшуюся съ фарао!.. Какъ объяснить подобное явленіе?!

Сѣверо-американецъ не долго заботится о воспитаніи своего сына, который, видя ничѣмъ неудержимую стремительность отца къ торговой предприимчивости, къ промышленности, рано возбуждается примѣромъ.

Въ Соединенныхъ-Штатахъ не только карты и игорные дома запрещены, но запрещены даже бильярды. Въ той-же провинціи, Оайо, за продажу колоды картъ взыскивается штрафъ въ пять долларовъ.

Ручательство за то, что игорные дома будутъ истреблены въ Калифорніи, можно уже видѣть въ томъ, что въ воскресенье ни одинъ изъ этихъ ужасныхъ домовъ не можетъ быть открытъ. Это начало; впоследствии будутъ приняты и окончательныя мѣры. Нѣсколько разъ уже собирался конгрессъ въ С.-Франциско, который хотѣлъ уничтожить игорные дома; но здѣсь явилось препятствіе: огромныя суммы платятся хозяевами игорныхъ столовъ за право ремесла. Между тѣмъ ихъ уничтоженіе было бы однимъ изъ самыхъ филантропическихкихъ распоряженій. Эмигрантъ, вышедшій въ Калифорнію, какъ я уже сказалъ, не имѣетъ возможности жить семейною жизнью. Недостатокъ женскаго общества причиною отвердѣнія правотъ. Въ пласѣрахъ онъ проводитъ день свой въ промываніи золотоносныхъ розсыпей, въ городахъ онъ торгуетъ, спекулируетъ; дома у него нѣтъ, затѣмъ, что я не называю домомъ уголь, вмѣщающій его кровать; стало-быть, вечеромъ онъ домой нейдетъ: ему нечего дома дѣлать. Куда-же идти?—въ игорный домъ, посмотрѣть на народъ, на зажженныя люстры; послушать польки, вальсы, редовы, раздающіяся съ хоромъ этихъ заведеній... Видя груды золота въ самородкахъ, пескѣ и монетѣ, онъ судорожно берется за свой кожаный кошелекъ, въ которомъ всыпанъ золотой песокъ, добытый имъ изъ розсыпей; онъ проситъ размѣнять его на осьмиугольники, горящіе передъ нимъ адскимъ огнемъ.

Вотъ онъ ставитъ, и песокъ, обращенный имъ въ тяжеловѣсные октогоны, развѣянъ въ нѣсколько минутъ прахомъ!.. Отчего все это? Оттого, что ему надоѣдаетъ однообразіе жизни; ему не съ кѣмъ подѣ-

литься тутъ, на мѣстѣ, плодомъ труда деннаго: у него нѣтъ ни жены, ни дѣтей, которымъ-бы онъ могъ передать съ торжествомъ свое богатство; а если и есть, то далеко, за синимъ океаномъ, за гранитами Панама! Онъ ищетъ впечатлѣній, онъ жадно рвется къ нимъ и, обожженный, истерзанный, снова устанавливаетъ свой золотопромывальный снарядъ, снова стоитъ цѣлый день въ холодной водѣ горнаго потока, снова палитъ его голову чуть не тропическое солнце—и для чего? для того, чтобы снова снести все на игорный столъ!..

Недавно устроились два театра въ С.-Франциско: одинъ Jenny Lind, другой American Theatre. Первый изъ нихъ весь доставленъ въ притесанныхъ плитахъ съ береговъ Китая. Это красивое, великолѣпное зданіе, неуступающее лучшимъ театрамъ Европы. Внизу, подъ сводами, какъ въ туннелѣ, помѣщается прекрасно-устроенный катокъ, для кеглей. Американцы очень любятъ игру въ кегли. Это отдѣленіе ярко освѣщено и днемъ и ночью; въ немъ почти всегда толпа народа. Въ нижнемъ этажѣ игорная зала и нѣсколько бильярдныхъ.

Внутренность театра тоже чрезвычайно красива. Зала блещетъ бѣлизною; ложи, кажется, висятъ на воздухѣ: онѣ такъ легки, что невольно приходится въ голову: ну, если всѣ эти ярусы воздушныхъ балконовъ рухнутъ!.. А дѣло возможное, потому-что этотъ театръ отъ фундамента до крыши возведенъ въ три мѣсяца!..

Оригинальный видъ представляетъ калифорнская публика въ театрахъ С.-Франциско: здѣсь всѣ на-распашку. Не думайте въ ложахъ, или въ партерѣ увидѣть фракъ: пальто и красная суконная, или фланелевая рубашка рѣшительно вытѣснила его. Посмотрите на этого дороднаго янки: ему жарко, онъ повѣсилъ на сосѣднюю скамью фракъ свой, а ноги протянулъ на противоположащее мѣсто, но шляпы съ головы не снимаетъ. Въ ложѣ 1-го яруса, по бортамъ лѣнятся два кентука: они въ красныхъ рубашкахъ и въ огромныхъ войлочныхъ широкополыхъ шляпахъ.

Свистъ и гиканье раздаются безпрестанно, не смотря на то, что играетъ труппа актеровъ, прїѣхавшихъ изъ Бостона, и поетъ г-жа Бискачianti, талантливая пѣвица изъ опернаго театра въ Нью-Йоркѣ. Женщинъ почти нѣтъ въ театрѣ—оно и кетати. Помню, что меня не впустили въ оперный театръ въ Лондонѣ за то, что я былъ не въ черномъ фракѣ и не въ бѣломъ, или черномъ атласномъ галстухѣ; а здѣсь наоборотъ: Янки вытолкали-бы меня, еслибъ я вошелъ въ этомъ нарядѣ лвовъ чопорнаго Лондона. По пословицѣ: «что городъ, то норовъ»!

Есть и французскій миньютюрный театръ въ С. Франциско. Въ немъ поютъ водевили—одни водевили. Жрицы здѣшней Галии прїѣхали съ Елисейскихъ Полей Парижа, гдѣ, на эстрадахъ, въ павильонахъ, они

пѣвали водевильные куплеты. Французская труппа даетъ представленія свои только по воскресеньямъ—это день, въ который заперты игорные дома; въ остальные дни актрисы председательствуютъ за ландскнехтомъ или за *gouge et poige*. Кстати: нельзя не сказать, что здѣшніе музыканты въ кофейныхъ, гдѣ каждый вечеръ даются: *soirée musicale*, въ игорныхъ домахъ и въ театрахъ получаютъ унцію золотомъ (23 р. сер.!) каждый.

Одно изъ первыхъ и необходимѣйшихъ условій жизни сѣверо-американца—газеты. Въ С. Франциско ежедневно, и днемъ, и вечеромъ, появляется болѣе дюжины газетъ; нѣкоторыя изъ нихъ такъ же объемисты, какъ лондонскій *Times*. Замѣчательнѣйшія: *Daily Alta California*, и *Daily Picayune*. Есть газеты, въ которыхъ одна часть печатается на англійскомъ языкѣ, другая на французскомъ.

Едва заря начинается заниматься надъ городомъ, рѣзвые мальчишки уже спуютъ съ газетами по С. Франциско; громко кричатъ они имя газеты и вкратцѣ провозглашаютъ ея содержаніе: «Вотъ *Daily Alta California*! въ моей газетѣ напечатана только-что пришедшая на пароходѣ новость о томъ, какъ разбилась *Нордъ-Америка* и какъ спаслись 900 пассажировъ! десять сенсъ за №! А вотъ *California Herald*! въ ней увидите, какъ разлилась рѣка Сакраменто; какъ затопила она все Сакраменто-Сити; какъ плаваютъ на улицахъ въ лодкахъ; какъ крысы, во время полноводія, спасались на деревьяхъ, какъ люди погибали! за № пять сенсъ!»

Гуляя по улицамъ С. Франциско, я взялъ № *Daily Picayune*. Вотъ любопытное письмо одного француза, хорошо понявшаго своихъ соотечественниковъ, хотя онъ вращался только въ скромной сферѣ ресторационныхъ слугъ въ С. Франциско.

«Я всячески стараюсь подбиться къ американцамъ. Скопивъ тысячу двѣсти франковъ въ два мѣсяца, мнѣ авось удастся. Только ни за-что не войду ни въ какое дѣло ни съ однимъ французомъ, даже не пойду туда, гдѣ услышу языкъ французскій; скорѣе выучусь по-англійски, и тогда навѣрное наживу деньги. Здѣсь можно скоро сколотить копѣйку, только съ американцами: а французы—все голь, ничего не смыслятъ, да и никто ихъ терпѣть не можетъ. Куда-же имъ за американцами? а все за то, что они большіе болтуны и пьютъ много кофе—какія съ ними деньги!..»

Всего забавнѣе мнѣ показалось негодованіе редактора-француза. Онъ говоритъ: «Мы не мѣшаемъ никому учиться у Янковъ, но странно намъ кажется безусловная хула на насъ. Впрочемъ, намъ не приходится защищаться отъ нападеній ренегата, тиснувшаго это письмо въ газетѣ»

la Semaine». Потомъ, воспламеняясь болѣе и болѣе, онъ восклицаетъ: «Мы должны гордиться кровью франковъ, текущею въ жилахъ нашихъ, и мы на столько уважаемъ нашихъ соотечественниковъ, что можемъ утвердительно сказать: «Этой истиной проникнуты мы все, кромѣ того, кто написалъ знаменитое письмо и подъ нимъ не подписался!»

Привожу образчикъ этой оригинальной полемики, чтобы показать неуживчивость обитателей Сены. Меня удивило великое множество чистильщиковъ сапоговъ, стоящихъ на всехъ перекресткахъ со всемъ приборомъ для чистки сапоговъ. Въ самомъ Парижѣ ихъ не такъ видно, какъ здѣсь. Большинство за французами, потомъ за итальянцами: это чаще всего парижскіе львы, промѣнявшіе салоны на калифорнскіе плацеры. Они думали нагнуться и поднять миллионы — бѣдные! Разочарованіе ихъ было страшно! Безъ специальныхъ познаній, безъ привычки къ труду — а это главное — они скоро выбились изъ силъ; многіе не вынесли и рассчитались съ жизнью самоубійствомъ, а многіе, пройдя тяжелой курсъ философіи на золотыхъ промыслахъ Калифорніи, стали мыть тарелки въ гостинницахъ, или чистить сапоги на улицахъ С. Франциско, повторяя: «c'est la Californie!» «вѣдь здѣсь Калифорнія!» Не могу не упомянуть, что за чистку обыкновенныхъ сапоговъ они берутъ *по шиллингу*, а за длинные *промысловые сапоги* — *два шиллинга* т. е. 30 к. и 60 к. сер. — вы видите, что и эта отрасль промышленности въ Калифорніи довольно-выгодна... но за то, что и за сапоги приходится имъ вылащивать!..

Между прочими философами этого разряда я зналъ одного виконта, который, вслѣдъ за другими, отправился на золотыя росыши, въ положительной увѣренности вынуть изъ земли мѣсяца въ два, по меньшей мѣрѣ, золота на полмиллионъ франковъ. Но — увы! онъ скоро разочаровался! Такъ-какъ онъ былъ прежде хорошимъ наѣздникомъ, онъ поступилъ на службу къ американцу, давно поселившемуся въ Калифорніи. У него виконтъ сталъ объѣзжать молодыхъ калифорнскихъ лошадей; но здѣсь еще нѣтъ ни цирковъ, ни манежей, ни школъ берейторскихъ, а потому и это дѣло не пошло. Наконецъ, смѣкнувъ, что въ Калифорніи очень дороги куры, что въ С. Франциско на рынкахъ курица представляетъ капиталъ въ пять долларовъ (шесть рублей серебромъ), виконтъ занялся разведеніемъ куръ. Онъ выписалъ изъ Лондона куровысиживающій снарядъ, посредствомъ теплой воды, точно такой, какъ жители Петербурга видѣли у одной предприимчивой барыни, и быстрыми шагами идетъ къ благоденствію, вывода по двѣсти цыплятъ вдругъ. Другой, практически изучивъ охоту въ паркахъ своихъ владѣній, съ калифорнскихъ плацеровъ отправился за утками и гусями въ раздольныя поля,

и, занявшись дѣломъ специально, нажилъ въ два года слишкомъ пятьдесятъ тысячъ франковъ. Шутки въ сторону, въ этихъ мудреныхъ, своеобразныхъ изворотахъ и переходахъ не видны ли сильныя средства новаго края?

Въ С. Франциско много банкирскихъ домовъ; главный изъ нихъ агентъ Ротшильда мистеръ Девисъ. Дома эти ведутъ колоссальныя дѣла и быстро обогащаются. Къ сожалѣнію, здѣсь нѣтъ ни одного правительственного бавка, который, положивъ капиталами своими твердое основаніе, могъ бы представить достаточную гарантію. За неимѣніемъ такого благодѣтельнаго учрежденія, калифорнскій золотопромышленникъ, добывшій какое бы то ни было количество золота, не имѣя возможности переслать его въ Европу, или въ Соединенные Штаты благонадежно, вручивъ капиталъ свой не частному лицу, но правительству, относить свое золото къ банкиру. Здѣсь онъ можетъ переслать свое золото по назначенію или въ металлѣ, или въ монетѣ.

Въ обоихъ случаяхъ промышленникъ теряетъ чрезвычайно много. Принимая золотой песокъ, банкиръ проводитъ его чрезъ слѣдующій процессъ: на огромный листъ бумаги высыпается золото и начинается сдуванье, чтобъ отдѣлать золото отъ шлиха! Употребленіе магнита, посредствомъ котораго такъ удобно и безъ всякой траты отдѣляется шлихъ, для здѣшнихъ банкировъ не расчетно, невыгодно, и вѣроятно потому не вводится въ употребленіе и долго не введется. Можно себя представить, сколько мельчайшихъ частей металла сносится такимъ *надуваньемъ* въ сундукъ банкира! По окончаніи процесса, металлъ взвѣшивается и начинается другой процессъ, чрезъ который долженъ пройти промышленникъ затѣмъ, что ему съ своимъ золотомъ дѣваться некуда. Банкиръ приводитъ въ цѣну принесенное золото и назначаетъ проценты за пересылку. Эти проценты никогда твердой положительной цифры не имѣютъ: онъ воленъ взять 6%, воленъ взять 10%! Но главное неудобство не въ томъ: такой *самозванецъ*-банкиръ ведетъ дѣла свои чисто и неукоризненно до-тѣхъ-поръ, пока ему это расчетно, нужно. Представьте себѣ, что капиталы къ нему стекаются, нагружается золотомъ его сундукъ, онъ приобрѣлъ довѣріе, его знаютъ, съ нимъ не разъ ужъ имѣли дѣла, онъ всѣхъ удовлетворилъ; но вдругъ онъ говоритъ: «Теперь довольно!» и закрываетъ лавочку. Пароходъ, только-что бросившій якорь, въ заливѣ С. Франциско, привезъ извѣстіе, что такой-то домъ въ Нью-Йоркѣ, или Бостонѣ, *прекратилъ платежи*. Этотъ домъ ведетъ дѣло съ моимъ банкиромъ въ С. Франциско, и я ему ввѣрилъ, все, что приобрѣлъ на калифорнскихъ золотыхъ розсыпяхъ, покупкою металла, промывкою, или какими бы то ни было оборотами. Домъ въ С.

Франциско также прекращаетъ платежи и дѣла, и я, едва успѣвъ добыть кусокъ насущнаго хлѣба— снова нищій, снова бѣднѣе, нежели пришелъ въ Калифорнію.

Я смотрѣлъ съ удовольствіемъ на быстро-тучнѣющихъ банкировъ Калифорніи, не взирая на то, что объясненные примѣры повторяются здѣсь очень часто. Если организація правительственныхъ банковъ несовмѣстна съ законодательствомъ Соединенныхъ Штатовъ, то не представлялись ли бы колоссальныя выгоды двумъ сосѣдственнымъ компаниямъ: Гудзон-Байской и россійско—Американской, еслибъ онѣ учредили здѣсь банки для учетовъ векселей, покупки золота и отправления его?

А едва ли это не вѣрнѣйшій путь къ составленію громадныхъ капиталовъ и выгодъ въ такой землѣ, гдѣ предприимчивость и дѣятельность такъ велики, гдѣ потребность въ деньгахъ такъ сильна, что подѣ вѣрнѣйшія обезпеченія, какъ-то: подѣ пристани, каменные дома, застрахованные въ Лондонѣ, и подѣ земли капиталъ приноситъ въ мѣсяцъ 5%!

Цѣнность золота достигаетъ на рынкахъ калифорнскихъ до 17 пиастровъ за унцію, и при этой цѣнности дѣла банкирскія представляютъ громадныя выгоды—что же было, когда золото здѣсь покупалось за 13 пиастровъ унція?

Чтобъ показать количество золота, вывозимаго на пароходахъ Эшпинвиля, Вендербилята и нѣкоторыхъ другихъ, въ Соединенные Штаты и Европу, выписываю за половину марта 1852 года офиціальное извѣстіе:

Изъ порта С. Франциско вывезено:

Марта 1-го на пароходѣ Notherner, отошедшемъ въ Панаму	1,500,000 дол.
Марта 4 на Independance въ С. Хуанъ	19,074 »
Марта 3 на гамб. шкунѣ Діана въ Вальпарайзо.	11,000 »
Марта 13 на California въ Панаму	1,000,000 »

Итого . . . 2,540,074 »

или 3,483,000 руб. серебромъ.

Сверхъ того, положительно можно сказать, что $\frac{1}{2}$ мил. пиастровъ въ показанное время вывезено пассажирами при себѣ, что составитъ до 3,000,000 пиастровъ въ первой половинѣ марта.

Колебаніе этой цифры въ продолженіе пѣлаго года незначительно, такъ-что вывозъ золота изъ Калифорніи простирается ежегодно отъ 60 до 70 мил. пиастровъ: то есть на сумму: 100 мил. руб. серебромъ, или, разсчитавъ по 10,000 р. с. за пудъ, изъ Калифорніи вывозится 10 т. пудовъ золота въ годъ!

СОНЪ ВЪ СПЕССАРТСКОМЪ ЛѢСУ.

(Фантастическій разсказъ) *.

Около тысячи лѣтъ тому назадъ положеніе Германской имперіи было очень незавидно. Великій императоръ Карлъ, защищавшій ея границы отъ идолопоклонниковъ и сохранившій внутри порядокъ и спокойствіе, давно уже покоился въ могилѣ, въ любимомъ своемъ городѣ Ахенѣ. Изъ двѣнадцати перовъ его, дававшихъ судъ и защиту, большая часть сложила свои кости на бранномъ полѣ; остальные доживали въ своихъ *бургахъ* послѣдніе дни дряхлой старости. Внуки и правнуки Карла Великаго вели между собою войну, раздробляя могущественную имперію, граничившую нѣкогда четырьмя морями. Въ Германіи были смуты и неурядицы; власть королей слаба.

Идолопоклонники вторгались опять въ области имперіи, истребляя все мечомъ и огнемъ; женъ и дѣтей отводили они въ плѣнъ, или продавали за-море; пажити топтали конями, лѣса сожигали.

Внутри свирѣпствовали междоусобія. Законъ не защищалъ никого; вмѣсто закона царствовало право сильного; кроткіе и справедливые люди были угнетаемы, сильные смѣялись надъ правосудіемъ.

Въ среднѣ Германіи, гдѣ теперь идетъ широкая дорога изъ Ашафенбурга въ Вертгеймъ, или Вюрцбургъ, стоялъ тогда дремучій, страш-

* Изъ журнала Novellen-Zeitung. 1853.

ный лѣсъ, прозванный въ старинныхъ пѣсняхъ и легендахъ *Спессартскимъ*. Изъ глубокихъ долинъ поднимали вершины свои огромные дубы; между ними свѣтлѣла ясная зелень бука и красовались бѣлые стволы березы. На вершинахъ-же горъ шумѣли любимцы вѣтровъ—ели; густыя сосны одѣвали верхи скалъ темнозеленою зеленью.

Вотъ, чтó говорило преданіе объ этомъ лѣсѣ: кто, скрываясь отъ полуденнаго зноя, зайдетъ въ этотъ лѣсъ, чтобъ уснуть на мягкомъ мху, тотъ почувствуетъ надъ собою непостижимую, таинственную власть природы, которая одушевить утомительное тѣло спокойствіемъ и забвеніемъ. Проснувшись, путникъ почувствуетъ себя бодрѣе, съ большею твердостью перенесетъ всю тягость жизни. Теперь лѣсъ этотъ уже не мраченъ и не дремучъ; теперь люди и просвѣщеніе вполне овладѣли имъ; но тогда онъ совершенно принадлежалъ лѣснымъ духамъ; человѣческая нога никогда не проникала во внутренность его чащи; только по окраинамъ, гдѣ Майнъ течетъ по долинамъ, рубилъ иногда дрова одинокій пустынный, или монашествующая братія очищала себѣ поля для будущихъ посѣвовъ, которыми кормила бѣдныхъ, просвѣщая вмѣстѣ съ тѣмъ и умы ихъ.

Тамъ, гдѣ Эсселбадскій лѣсъ спускается къ Майну, опоясывая Крейцвертгеймскую область, стоялъ крѣпкій замокъ. Въ прежнія времена былъ онъ оградой всему краю, когда Норманны изъ Майнца и Франкфурта устремлялись, на своихъ плоскихъ ладьяхъ вверхъ по рѣкѣ, грабить монастыри. Прежде замокъ этотъ былъ вѣрнымъ убѣжищемъ странниковъ; но въ то время, когда начинается рассказъ нашъ, въ эпоху безначалія и дикой борьбы страстей, замокъ этотъ былъ разбойничьимъ притономъ.

При Карлѣ Великомъ жилъ въ немъ сильный и богобоязненный рыцарь, котораго императоръ сдѣлалъ графомъ той страны и самъ построилъ ему эту крѣпость. И графъ и сыновья его примѣрно правили странною, покуда Германія была землею порядка и власти; но когда все распалось на части, одинъ злодѣй изъ вассаловъ этого замка собралъ вокругъ себя сильную шайку разбойниковъ и началъ свирѣпствовать въ окрестности; потомъ, однажды ночью, подкупилъ невѣрнаго стража, который отворилъ ему ворота замка, ворвался онъ въ самое жилище графа; тотъ бросился на встрѣчу злодѣямъ, но палъ, измѣнически пораженный сзади. Вѣрные воины его сражались до послѣдняго человѣка, и видя свою малочисленность, заперлись въ средней башнѣ, надѣясь отразить тамъ злодѣевъ; но тѣ подложили подъ башню огонь—и храбрые погибли мученическою смертью.

Къ утру все было кончено, и замокъ былъ во власти Роберта

(такъ звали атамана разбойниковъ). Но замка со всеѣи его богатствами было мало злодѣю; онъ бросался вездѣ отыскивать двухъ малолѣтнихъ дѣтей графа, чтобъ умертвить ихъ. Долго искали онъ ихъ, но все поиски были напрасны; очевидно было, что они, въ суматохѣ пожара и убійства, успѣли спастись — куда и какъ? никто этого не зналъ. Послали было искать, но кругомъ былъ лѣсъ и воины не рѣшились искать по лѣсу, боясь злыхъ духовъ, они воротились и донесли Роберту, что дѣтей нигдѣ не нашли.

Тотъ дня два подумалъ объ этомъ, а потомъ и забылъ. Въ тогдшнемъ положеніи Германіи, онъ былъ увѣренъ въ безнаказанности. Сдѣлавшись, посредствомъ убійства и измѣны, владѣтелемъ замка, онъ превратилъ его теперь въ логовище кровожадныхъ звѣрей, изъ котораго вылеталъ съ своими клевретами на грабежъ окрестностей и проѣзжающихъ.

Вскорѣ вся область опустѣла. Крестьяне удалились за-лѣсъ; купцы перестали ѣздить по этой опасной дорогѣ. Все селенія вокругъ трепетали; даже жители Вюрцбурга и Ашафенбурга дрожали за своими крѣпкими стѣнами.

Въ ужасную ночь нападенія на замокъ, два человѣка быстро спустились съ высоты, на которой онъ былъ построенъ, и побѣжали къ лѣсу. Это былъ домовый капеланъ графа и старый слуга его. Первый успѣлъ унести съ собою церковную утварь, второй—графскую корону и мечъ, данные владѣтелю Карломъ Великимъ; сверхъ того, служитель несъ на рукахъ маленькаго ребенка, а капеланъ велъ за руку другаго, старшаго мальчика.

Оглянувшись назадъ, видѣли они пожаръ роднаго жилища, слышали крики нападающихъ и стоны пораженныхъ. Въ лѣсу остановились они, зная, что ихъ не будутъ преслѣдовать по такимъ мѣстамъ, гдѣ, по всеобщему повѣрью, водились духи. Служитель сказалъ братьямъ, чтобъ они поцѣловались и простились, а потомъ самъ, поклонясь капелану, сказалъ:

— Черезъ десять лѣтъ мы увидимся.

— Если Богу будетъ угодно—отвѣчалъ капеланъ, и благослови служителя и младшаго сына, отправился со старшимъ въ Ашафенбургъ, а старый слуга пошелъ прямо въ Вюрцбургъ.

Конрадъ (такъ звали старшаго сына графа) проснулся на другое утро въ темной, зеленой долинѣ; молодая береза простирала надъ нимъ свои свѣжія вѣтви; близъ него стояла лань и съ добродушною довѣр-

чивостью смотрѣла ему въ глаза. Когда онъ сдѣлалъ движеніе рукою, лань сдѣлала скачокъ и очутилась по ту сторону ручья. Онъ осмотрѣлся: множество ягодъ расло у краинъ безднѣ; природа роскошно одѣлила всю окрестность.

Конрадъ дивился молчанію и уединенію, которыхъ до-тѣхъ-поръ не зналъ. Вскорѣ пришелъ и капеланъ; онъ въ это время выбралъ мѣсто для построенія хижины, и оба пошли на это мѣсто, чтобъ заняться этою работою.

Долго работали они, срубая деревья и съ трудомъ перетаскивая ихъ на избранное мѣсто. Капеланъ, бѣжавъ изъ замка, захватилъ съ собою топоръ и разнаго рода оружіе: тогда нельзя было ни шагу сдѣлать безъ него. Сами епископы часто надѣвали панцири и брали мечи на защиту праваго дѣла. Капеланъ, проведя вся жизнь въ замкѣ, научился военному искусству, глядя на всеневныя занятія воиновъ.

Наконецъ срубилъ онъ и хижину и обвелъ изгороду около всего луга, на которомъ она стояла, чтобъ дикіе звѣри не портили будущаго огорода ихъ.

Послѣ этого капеланъ оставилъ Конрада въ хижинѣ, а самъ прошелъ лѣсомъ въ одинъ знакомый монастырь, гдѣ взялъ съ собою разнаго запаса, чтобъ сѣять и садить около хижины, и возвратясь, занялся этою новою работою.

Такъ прожили они нѣсколько лѣтъ; дни и годы невидимо проходили. Старикъ выучилъ юношу ловить рыбу и ходить на охоту; но на охотѣ убивали они только волковъ и медвѣдей, не трогая никогда ланей и другихъ смирныхъ животныхъ. Сами они питались хлѣбомъ, который сѣяли вокругъ хижины, и овощами своего огорода, дѣлая на зиму большіе запасы. По вечерамъ читалъ капеланъ съ юношею священныя, поучительныя книги и рассказы о древнихъ герояхъ. Онъ воспитывалъ его не для пустынной жизни. Когда отецъ его, графъ, бросился въ ужасную ночь на встрѣчу непріятелю, то велѣлъ спасать сыновей и воспитать ихъ какъ рыцарей.

Конрадъ все быстро понималъ и обо всемъ разспрашивалъ. Одно только казалось ему непостижимымъ: вездѣ читалъ онъ о женщинахъ, о любви, о бракѣ, а онъ съ-роду не видалъ еще ни одной женщины (матери онъ не помнилъ: она скончалась, когда ему было два года). Всѣ воспоминанія его дѣтства ограничивались страшною ночью пожара замка. Съ-тѣхъ-поръ онъ въ лѣсу никого не видѣлъ.

Ему было уже двадцать лѣтъ. Какое-то тайное, непреодолимое

желаніе влекло его въ міръ, гдѣ живутъ рыцари, о которыхъ онъ читалъ, и женщины, о которыхъ онъ мечталъ. Часто въ головѣ его толпились мысли, которыхъ онъ не зналъ, какъ и кому передать. Сердце его сильно билось въ груди, несвязныя фразы невольно вырывались изъ устъ.

Однажды, въ прохладный лѣтній вечеръ, когда ручей блисталъ лучами заходящаго солнца, долго сидѣлъ онъ подѣ деревомъ и слушалъ пѣнь соловья, высказывавшаго въ пѣжныхъ перекатахъ любовь свою на подругѣ. Читая въ рыцарскихъ преданіяхъ рассказы о миннезенгерахъ, воспѣвавшихъ подвиги героевъ и вѣрность ихъ къ подругамъ сердца, Конраду вдругъ вздумалось самому зайтѣ, импровизируя въ первый разъ мѣтрными словами:

Куда, волна, ты такъ стремишься?

Куда спѣшишь ты убѣжать?

Ужель тебя въ долину этой

Ничто не можетъ удержать?

Ужели нѣтъ связей въ природѣ,

Чтобъ волны оковать твои?..

Ты вдаль съ безпечностью несешься,

Чтобъ въ море влить свои струи...

Нѣтъ, съ волной твоей холодной

Не хочу сравниться я...

Думы сердца не бесплодны.

Къ ней летитъ мечта моя.

Кто она—я самъ не знаю,

Но люблю ее душой...

Я по ней одной страдаю,

Плачу я по ней одной..

Шумъ, послышавшійся за Конрадомъ, прервалъ его пѣніе. Передъ нимъ стоялъ капеланъ и съ радостною улыбкою смотрѣлъ на него.

— Слышалъ твою пѣнь, сынъ мой,—сказалъ онъ. Ты сдѣлался поэтомъ и пѣвцомъ, никогда не учась поэзій и самъ этого не зная. Теперь вижу, что тебѣ пора выйти въ свѣтъ. Завтра вступишь ты на новое поприще жизни и будешь имѣть другую, высокую цѣль. Пойдемъ теперь въ хижину, отдохни въ ней послѣдній разъ.

Конрадъ вздрогнулъ при мысли о разлукѣ. Эта долина замѣняла для него цѣлый свѣтъ; хижина была его единственнымъ владѣніемъ; онъ не понималъ какъ живутъ за лѣсомъ, какъ поступаютъ тамъ люди; но когда, придя въ хижину, капеланъ рассказалъ ему всю исторію его пред-

ковъ, славные подвиги отца его, злодѣянїя разбойниковъ, умертвившихъ графа, Конрадъ почувствовалъ въ груди пламя, готовое обхватить весь міръ. Первою мыслью его было идти и отыскать брата, чтобъ сдѣлать его участникомъ мести.

Буря, волновавшаяся въ груди молодого человѣка, долго мѣшала ему успокоиться. Уже было за полночь, когда, утомленный, онъ покорился благодѣтельному дѣйствию сна; но и въ ночныхъ видѣнїяхъ мечтались ему битвы и пожары.

Разсвѣло. Капеланъ повелъ Конрада далеко въ чашу лѣса и, остановясь на одномъ мѣстѣ, гдѣ зимнія бури сломали цѣлый рядъ деревь и сдѣлали просѣку, указалъ ему на высокую гору, возвышавшуюся вдали, на разстоянїи суточного пути и сказалъ:

— На этой вершинѣ стоятъ три огромныя ели. Дойдя до подошвы горы, ты увидишь ихъ. Отъ этихъ елей идетъ тропинка внизъ по ручью. Ступай все по теченїю, и ты найдешь своего брата.

Со слезами на глазахъ простились они, и Конрадъ пошелъ въ путь. Вскорѣ, однакожъ, грудь его вздохнула свободно, глаза его заблестали радостью. Жажда дѣятельности волновала сердце его. Онъ углубился въ чашу лѣса; густой туманъ покрывалъ еще долину, но вершины горъ были уже освѣщены утреннимъ солнцемъ. Часто принужденъ былъ Конрадъ прокладывать себѣ дорогу топоромъ сквозь сросшія вѣтви, совершенно преграждавшїя ему дорогу, и къ полудню остановился для отдыха.

Ручей, множество ягодъ и запасъ, взятый съ собою, доставили ему пищу и питье. Въ такихъ лѣтахъ одинъ посреди дремучаго лѣса, другой легко бы почувствовалъ невольный страхъ, но Конрадъ не понималъ этого чувства; онъ беззаботно шелъ по сказанному ему направленїю, любовался цвѣтами и ласково глядѣлъ на звѣрей, пробѣгавшихъ мимо его.

День склонился къ вечеру. Возшла луна. Конрадъ достигъ наконецъ до подошвы горы, увидѣлъ заветныя ели и, несмотря на усталость, вскарабкался на вершину горы, гдѣ легъ спать на мху подъ елью.

Съ зарею проснулся онъ и пошелъ на востокъ, на встрѣчу солнцу, вдоль по теченїю ручья. Дорога была трудна и утомительна. Часто принужденъ онъ былъ отдыхать, и, несмотря на все желанїе встрѣтить поскорѣе людей, ночь опять застала его въ лѣсу.

Притомъ же, огромный утесъ вдругъ загородилъ ему дорогу. Ручей, по теченїю котораго Конрадъ шелъ до-сихъ-поръ, разливался тутъ озеромъ и видимо старался прорваться сквозь утесъ. Видя, что далѣе вѣтъ

дороги, Конрадъ остановился и думалъ, что вѣрно, по словамъ капелана, онъ здѣсь найдетъ своего брата.

Взошелъ мѣсяць, но все вокругъ было тихо и пустынно; нигдѣ не видно было слѣда человѣческаго. Сердце Конрада стѣснилось печалью. Еще въ первый разъ ожиданія обманули его. Грустно и задумчиво смотрѣлъ онъ на холмъ, преградившій ему дорогу.

Наконецъ пришло ему въ голову, что ручей, можетъ-быть, прорылъ себѣ подземный путь подъ утесомъ, и продолжаетъ путь по ту сторону. Конрадъ хотѣлъ перебраться черезъ гору, но при первыхъ шагахъ увидѣлъ всю невозможность предпріятія: голые камни и крутизна не позволяли подняться наверхъ. Надобно было, слѣдовательно, обходить скалу.

Рѣшась на это, пошелъ онъ по глубокой ущелинѣ. Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ обрадовался, услыша подземный шумъ водъ; изъ-подъ вѣковаго дуба, вырывался на волю ручей и бѣжалъ далѣе. Весело забилось сердце Конрада. Огонь близкой дѣятельности закипѣлъ въ груди его. Пламя поэзіи обхватило воображеніе его и онъ громко зашѣлъ по вую импровизацію:

Лѣсъ суровый, лѣсъ дремучій,
Гдѣ, скажи мнѣ, твой предѣлъ?
Изъ твоей холодной сѣни
Я бы къ жизни полетѣлъ.
Мнѣ наскучило скитаться
Въ дебряхъ темныхъ и густыхъ:
Я хочу налюбоваться
Красотою дѣлъ людскихъ.
Дай мнѣ, лѣсъ, скорѣй свободу,
Дай мнѣ встрѣтиться скорѣй
Съ братомъ милымъ и роднымъ,
И съ мечтой души моей...

Тутъ воображеніе его начало ему представлять чудныя, таинственныя видѣнія. Вѣтви деревьевъ, колыхаясь, какъ-бы манили къ себѣ молодаго человѣка. Огромный дубъ звалъ его подъ тѣнь свою на зеленый дернъ. Увлеченный таинственною силою, Конрадъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, и вдругъ... въ пѣнистыхъ брызгахъ ручья, падающаго со скалы и освѣщаемаго блескомъ луны, увидѣлъ онъ какое-то существо, моющееся въ этихъ брызгахъ.

Дыханіе его замерло; сердце перестало биться. Казалось, что внезапный ужасъ убьетъ его, и однакоже глаза его блистали радостью и восторгомъ. Передъ нимъ было существо, котораго онъ еще никогда не видалъ и котораго такъ давно ждалъ:—это была женщина.

Густые волосы закрывали невидимымъ покровомъ бѣло-мраморное тѣло. Взоры ея спокойно устремлены были на Конрада. Отъ брызговъ образовалась около головы ея лунная радуга; у ногъ ея шумѣли серебристыя волны ручья.

Вдругъ новое чувство вспыхнуло въ сердцѣ Конрада. Онъ вышелъ впередъ, боясь, чтобъ появленіе его не испугало красавицу; но та улыбалась и не трогалась съ мѣста.

— Кто ты? — спросилъ Конрадъ дрожащимъ голосомъ.

При этомъ вопросѣ она вздролнула.

— Развѣ ты видишь меня? — спросила она. — Какимъ чудомъ взглядъ смертнаго могъ разглядѣть меня? Это непостижимо! Ступай своей дорогой. Ты и тебѣ подобные не должны смотрѣть на насъ.

— Ты гонишь меня! вскричалъ Конрадъ съ горестью. — Ты говоришь какъ человѣкъ, а холодна какъ вода и скала. Скажи мнѣ кто ты? Ты одушевлена такою же жизнью, какъ я. Зачѣмъ же ты здѣсь, въ лѣсу, въ такомъ уединеніи?

— Безумецъ! — съ гордостью вскричала красавица. — Потому только, что ты не встрѣчаешь здѣсь людей, тебѣ подобныхъ, ты воображаешь, что въ лѣсу нѣтъ никого. Но не живетъ ли этотъ ручей, омывающій мои ноги? Не живетъ ли дерево, которое люди съ такою злостью срубаютъ топоромъ?

— Какъ же зовутъ тебя?

— Мое имя извѣстно только тому, кто меня создалъ, люди же зовутъ насъ, сообразно съ своими понятіями. Здѣсь зовутъ меня эльфою, нимфою дуба, а на югѣ одинъ римскій король звалъ меня Эгерією и пользовался моими наставленіями.

— Такъ ты бессмертна?

— Также, какъ и ты, съ тою только разницею, что форма моя не измѣняется. Страданія смертныхъ извѣстны мнѣ однако же. Когда свирѣпая рука людей рубитъ мой дубъ, я падаю вмѣстѣ съ нимъ, засыхаю, засыпаю. Но вкорѣь вырастаетъ новый дубъ, и я поселяюсь въ него на новое тысячелѣтіе.

— Такъ и ты поклоняешься единому Богу?

— Развѣ можетъ быть какое-нибудь существо во вселенной, которое бы не поклонялось Творцу? Древніе безумцы называли и насъ богинями, но мы далеки отъ божества. Пищу нашу получаемъ мы изъ нѣдръ земли; роса освѣжаетъ насъ, бури очищаютъ для насъ воздухъ.

— Но какимъ же удовольствіемъ наслаждаешься ты въ этой жизни?

— Самая жизнь моя есть уже величайшее наслажденіе. Когда же, весною, возобновленіе природы ежегодно одѣваетъ насъ зеленью и цвѣ-

тами, съ какимъ восторгомъ гою я живительные соки дерева отъ подошвы къ вершинѣ! съ какою радостью трепещется каждый листъ мой при лучахъ солнца! Какъ торжественна минута зарожденія каждаго желудя. Бѣдные смертные! въ вашей эфемерной жизни вы гоняетесь за мечтами и не понимаете истинной цѣли бытія.

Говоря это, нимфа безпрестанно выростала выше и выше. Лунные лучи осребряли ея тѣло. Голова кружилась у Конрада отъ этого видѣнія, но мужество его было непоколебимо; онъ ощущалъ въ груди невѣдомое чувство, сближающее его съ этимъ сверхъестественнымъ существомъ. Все, что читалъ онъ о любви рыцарей, осуществилось въ эту минуту въ душѣ его. Мечты, дремавшія въ душѣ, вдругъ вспыхнули. Съ возрастающимъ жаромъ страсти подошелъ онъ къ эльфѣ и спросилъ:

— Можешь ли ты любить?

Она вздрогнула и отвѣчала.

— Судьба дала намъ способность эту. Первою моею любовью былъ аэнианинъ Ипполитъ, сынъ Тезея, жившій два раза. Когда лошади разбили его, я вдохнула опять въ него жизнь моими поцѣлуями и перенесла его въ Арицію. Второю моею любовью былъ Нума, посѣщавшій меня въ пещерѣ, орошаемой водопадомъ. Онъ искалъ у меня мудрости и нашелъ ее. Но Ипполитъ и Нума оба умерли, а я все еще живу. Нарочно посѣлилась я въ этомъ глухомъ лѣсу съ тѣхъ-поръ, чтобъ никогда не встрѣчаться съ людьми.

— Видишь ли, что судьбы своей не избѣжишь: ты хотѣла скрываться, и встрѣтила меня,—съ восторгомъ сказала Конрадъ.—Сердце мое такъ же пламенно, какъ сердце Нумы и Ипполита:—полюби меня.

— Никогда!—печально отвѣчала эльфа. Кто полюбитъ насъ, тотъ уже не можетъ жить между людьми: жизнь ему дѣлается тягостною посреди ихъ. Мы, дѣти природы, не знаемъ ни лжи, ни печали; мы любимъ солнечный свѣтъ и наслажденіе. Вы ищете мрака и такого чувства, которое составлено изъ удовольствія и горести. Только тотъ, кто во всѣхъ своихъ ожиданіяхъ обмануть свѣтомъ, можетъ поселиться между нами. У кого въ мірѣ нѣтъ ни сердца, которое бы полюбило, ни дома, гдѣ бъ онъ былъ *свой*, ни гробницы, на которую бы онъ ходилъ плакать, тотъ можетъ скрыться въ лѣсу и природа приметъ его съ отверстыми объятіями, но чтобъ уже не выпускать его; а у тебя есть цѣль: ты стремишься къ дѣятельности и мщенію: ступай же къ своимъ собратіямъ и не думай обо мнѣ...

— Къ моимъ собратьямъ? Дѣ, у меня есть братъ, и я ищу его. Не видала-ль ты его въ лѣсу?

— Я видѣла старика съ юношею. Они долго жили у окраины лѣса, но деревья сказали мнѣ, что они пошли въ города.

— Гдѣ же я найду ихъ?

— Надобно спросить духовъ, наблюдавшихъ шаги ихъ. Въ будущую ночь полнолуніе. Все духи здѣшняго лѣса соберутся на лугу эльфовъ. Твой взоръ одаренъ способностью видѣть насъ; сердце твое мужественно: приди туда и распроси о братѣ.

— А гдѣ этотъ лугъ эльфовъ?

— По теченію этого ручья стоитъ одинъ деревянный крестъ, воздвигнутый надъ могилою пустытника. Отъ креста вправо по лѣсу дойдешь ты до каменнаго путника, который рукою указываетъ на дѣву за самопрялкою. Эта дѣва сидитъ на лугу эльфовъ. Но спѣши: для смертнаго путь далекъ и утомить тебя.

— А тебя увижу ли я тамъ?

— Я всегда бываю при тронѣ царицы эльфовъ. Но скажи мнѣ: посвященъ ли ты въ таинства пѣснопѣнія и духовидѣнія? Если нѣтъ, то горе вступающему въ кругъ нашъ! Непосвященный, взглянувшій на насъ, дѣлается на-вѣкъ слѣпымъ. Только посвященный пѣвецъ можетъ смотрѣть на насъ безбоязненно.

Я пѣвецъ, — съ гордостью отвѣчалъ Конрадъ. — Но о какомъ посвященіи говоришь ты?

— Подойди же ко мнѣ и посмотри мнѣ прямо въ глаза.

Конрадъ исполнилъ приказаніе ея. Когда странникъ, долго блуждавшій, увидитъ вдругъ съ высоты скалы свѣтлое озеро съ изображеніемъ въ немъ опрокинутого свода небесъ, онъ чувствуетъ какое-то обаяніе и непреодолимое желаніе броситься въ бездну. То же самое ощутилъ въ эту минуту и Конрадъ, взглянувъ эльфѣ прямо въ глаза. Воображеніе его воспламенилось. Онъ простеръ впередъ объятія, чтобъ прижать къ груди нимфу лѣсовъ.

Та кротко улыбнулась, отбросила свой покровъ и съ жаромъ обняла его. Все бытіе его слилось въ одномъ, первомъ поцѣлуѣ. Но эльфа ускользнула вскорѣ, какъ ночная тѣнь. Онъ оглянулся, только бѣлый лучъ игралъ на листьяхъ дуба.

Эльфа скрылась. Мѣсяцъ поднялся красноватымъ облакомъ. На сѣверѣ медькада отдаленная молнія. Конрадъ бросился на траву. Воображеніе его утопало въ сладостномъ восторгѣ и невыразимой грусти; но ночь и мракъ не пугали его: онъ зналъ, что незримыя существа окружаютъ его и не боялся ихъ.

Долго пролежалъ Конрадъ въ этомъ самозабвеніи. Тихое чириканье птицъ, предвозвѣщающее разсвѣтъ, пробудило его. Потомъ зашумѣли

листья деревьевъ, пробуждая другъ друга прѣтветвовать солнцу. Птицы стаями слетались къ ручью утолять жажду. Наконецъ возшло и солнце, и самоцвѣтная дуга загорѣлась надъ водопадомъ. Съ трудомъ собралъ Конрадъ отуманенныя мысли. Онъ вспомнилъ только: деревянный крестъ, каменный путникъ и дѣвушку за самоирякою.

Онъ вскочилъ и быстро пошелъ вдоль ручья. Вскорѣ пришелъ онъ къ хижинѣ и изгородѣ; онъ осмотрѣлъ ихъ, но все было пусто и безмолвно. Здѣсь-то жилъ братъ его съ вѣрнымъ своимъ служителемъ, и по заросшимъ тропинкамъ видно было, что они давно уже переселились отсюда въ другія страны. На стѣнахъ хижины нашелъ онъ вырѣзанными многія изрѣченія и мысли, доказывающія благородный духъ писавшаго.

Грустно стало Конраду, что онъ уже не засталъ брата въ жилищѣ его и что тотъ теперь тоже его отыскиваетъ. Но надежда, что эльфы откроютъ ему въ эту ночь пребываніе брата, ободрила его. Чтобъ поспѣть на это сходбище, онъ опять пустился въ путь.

Вскорѣ дошелъ онъ до деревяннаго креста и прочелъ на немъ древнюю надпись, означавшую лѣто погребенія и званіе странника. Вида, что путь его теперь вѣренъ, Конрадъ еще быстрѣе пошелъ впередъ. Отъ креста начался рядъ скалъ, поросшихъ мхомъ и поднимавшихся высоко къ небу. Одна изъ этихъ скалъ, выше всѣхъ подымавшая вершину свою, ярко озаряемую въ эту минуту солнцемъ, заставила Конрада остановиться и съ изумленіемъ взглянуть въ ея необычайную форму. Своевравная игра природы, разорвавшая некогда эту скалу, или выдвинувшая ее изъ нѣдръ земли, такъ странно создала изъ обломковъ ея изображеніе сидящаго человѣка и протягивающаго руку свою въ даль, какъ-бы указывая на что-нибудь. Даже пальцы составились изъ четырехъ трещинъ въ рукѣ; даже борода висѣла на зубахъ, поросшихъ мхомъ.

Съ изумленіемъ посмотрѣвъ на этого каменнаго путника, Конрадъ радостно пошелъ по направленію, куда указывала рука гранитнаго исполина. Дорога шла отъ него спускаясь въ долину, гдѣ растительность была уже сильна и раскошна.

Вдругъ представился глазамъ его обширный и цвѣточный лугъ, на которомъ трава была видимо смята. Онъ догадался, что это должно быть сборное мѣсто эльфовъ. Но какъ до выхода луны еще оставалось много времени, то Конрадъ и пошелъ по окраинамъ луга. Тутъ новое зрѣлище остановило его: старая, высокая ель, сломанная вѣтромъ и перемѣшавшись съ другими близьстоящими деревьями, образовала тоже странную игру природы, составившая совершенное подобіе женщины, си-

дѣщей за самопрялкою; издали можно бѣ было принять это за живое существо.

На этомъ деревѣ нашелъ онъ однакоже и живое существо. Это была огромная дикая кошка, поставленная тутъ эльфами на стражѣ ихъ луга. Она оцетинилась, увидя молодаго путника; но какъ тотъ шелъ не по лугу, а по окраинѣ, то кошка и не тронулась съ мѣста, провожая его только зелеными глазами.

Вскорѣ настала ночь; взошелъ полный мѣсяцъ; наступалъ часъ, назначенный элфомъ Конраду. Все, что она говорила ему, исполнилось, слѣдственно все случившееся было не сновидѣниемъ. Пѣніе птицъ умолкло; луна осеребрила весь лугъ. Издали послышался звукъ серебряныхъ колокольчиковъ, которыхъ мѣрные и разнообразные тоны изображали какой-то волшебный танецъ. Услыша эти звуки, дикая кошка соскочила съ ели и убѣжала въ лѣсъ, потому-что стража ея кончилась.

Передъ Конрадомъ открылось восхитительное зрѣлище: весь лѣсъ, засвѣтился маленькими прыгающими огоньками. Маленькія эльфы мховъ первыя явились на сборное мѣсто; онѣ обязаны были счищать лугъ и готовить его для прочихъ. Онѣ одѣты были въ паутинное платье, окрашенное соками травъ въ разные цвѣта; головы ихъ украшены были желтыми цвѣтками, къ которымъ были прикрѣплены свѣтящіяся червячки. Другія несли настоящія восковыя свѣчи изъ воска, завоеваннаго у пчелъ, или изъ смолы, добытой въ муравьиныхъ гнѣздахъ. Все это составляло великолѣпное, подвижное освѣщеніе. Свѣтящіяся червячки отливались голубымъ огнемъ, воскъ—бѣлымъ, смола—краснымъ.

При звукѣ своихъ колокольчиковъ, составляли они веселую фантастическую пляску, во время которой сочетаніе разныхъ огней производило удивительныя группы, то образующія разноцвѣтныя звѣзды, то развивающіяся радужными полосами, то подражающія формамъ красивѣйшихъ розъ и далій. Эти танцующія группы заняли больше половины луга.

Эта порода эльфовъ была самая многочисленная; у нихъ чрезвычайно много занятій. Если иногда цвѣтокъ слишкомъ слабъ, чтобъ раскрыть свою оболочку, онъ зоветъ этихъ эльфовъ на помощь, и тѣ маленькими пальчиками тотчасъ же помогаютъ цвѣтку. Если гусеница порывами вѣтра упадетъ съ листка дерева на ручей—сколько хлопотъ у нихъ! Тотчасъ же бросаются онѣ вплавъ на древесныхъ вѣтвяхъ, зацѣпляють ее соломенкою и тащатъ на берегъ. Если иногда жукъ опрокинется на спину—помогаютъ встать ему онѣ и до-тѣхъ-поръ подкладываютъ мохъ подъ который-нибудь бокъ, что жукъ опять станетъ на ноги. Иногда

травка не может пробиться изъ земли наружу оттого, что ни одинъ лучъ солнца не попадаетъ на нее; тогда эльфы по цѣлымъ днямъ отклоняють отъ нея сосѣднія растенія, чтобъ солнце могло подѣйствовать на эту травку. Конечно, къ этому скучному занятію осуждаются всегда тѣ эльфы, которыя подверглись наказанію за какой-нибудь проступокъ, а именно: если иногда эльфа не такъ скоро поспѣетъ на помощь къ утопающему, или (странный порокъ въ лѣсныхъ духахъ!) окажется виновною въ пьянствѣ.

Послѣдній проступокъ нерѣдко между ними. Если гдѣ расцвѣла роза, эльфы эти сотнями слетаются насладиться ея благоуханіемъ. Благоразумныя и опытыя вкушаютъ это высокое удовольствіе съ умеренностью, но молодыя и самонадѣянныя предаются ему съ излишествомъ: головы ихъ слабѣють, онѣ пьянѣють и ихъ принуждены уже выносить оттуда безъ чувствъ. Главная же работа ихъ состоитъ въ томъ, что онѣ обязаны орошать цвѣтки росой, чтобы они всякій день пользовались этою живительною влагою. Безъ этого всѣ деревья и растенія высохли бы; однѣ эльфы сосенъ и елей не имѣють надобности въ этихъ услугахъ, а потому всегда съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ смотрятъ на своихъ товарищей-пигмеевъ. За-то и маленькія феи не любятъ гордыхъ своихъ подругъ, которыя усыпають окрестности колючими иглами.

Вскорѣ сошлись всѣ эльфы на этотъ лугъ. Между ними важно расхаживали могущественныя духи горъ и ручьевъ. Послѣднія были одѣты въ бѣлыхъ мантияхъ съ блестящею на головѣ діадемою изъ кремней. Горныя же духи одѣты были въ разноцвѣтныя туники и вооружены молотами, которыми они разбиваютъ скалы и производятъ расщелины, чтобы подруги ихъ, эльфы сосенъ и березъ, могли углублять свои корни въ нѣдры земли.

Вотъ явились и нимфы деревьевъ. Свѣтлорусыя эльфы березъ, въ бѣлой одеждѣ, похожи были на молодыхъ дѣвушекъ; за ними шли эльфы тополей, высокаго роста и роскошной талии. Безпрестанный шумъ листьевъ пріучилъ и самихъ нимфъ къ вѣчной болтовнѣ и веселый говоръ ихъ громко раздавался по лѣсу. Послѣ всѣхъ явилась сама царица фей, обитающая въ тысяче-лѣтнемъ дубѣ, котораго никто изъ смертныхъ не видѣлъ еще, потому—что онъ стоитъ между недоступными безднами.

Подлѣ царицы шла эльфа, въ которую влюбился Конрадъ; теперь волосы ея были уже подобраны и заплетены красиво; одежда была изъ темно-зеленой ткани, съ шумомъ обвивающей роскошный станъ ея. Конрадъ тотчасъ замѣтилъ, что она должна быть вѣрми уважаема, пото-

му-что всё съ почтениемъ ей кланялись; и когда царица сѣла на дубовый тронъ, альфа Конрада стала подлѣ нея.

Послѣ всѣхъ пришли эльфы соснѣ и елей. Наружность ихъ была полудикая, однако-же обворожительная. Черная одежда ихъ развѣвалась по воздуху; глаза горѣли въ темнотѣ таинственнымъ огнемъ; черные волосы блистали, отражая лунный свѣтъ. Въ рукахъ у нихъ горѣли смоляные факелы, освѣщавшіе ихъ лица пурпуровымъ блескомъ. Конрадъ почти испугался ихъ появленія, потому-что отъ каждаго ихъ движенія вылетали яркія искры.

Изъ всѣхъ лѣсныхъ дѣвъ только послѣднія осуждены судьбою никогда не знать любви людей, потому-что объятія ихъ сожгли бы несчастнаго. Только горные исполины рѣшаются иногда искать ихъ привязанности, но и тутъ дѣвы эти такъ глубоко бросаютъ искры въ гранитную грудь ихъ, что она даетъ трещины.

Послѣ всѣхъ явились эльфы липъ. Походка и одежда ихъ была старушечья. Одна изъ нихъ, проходя мимо Конрада, ласково поклонилась ему. Эти эльфы очень любятъ людское общество, и деревья ихъ растутъ больше всего въ городахъ, на площадяхъ и тамъ, гдѣ есть пчелиные улья.

Когда царица сѣла на тронъ, со всего лѣса мгновенно слетѣлись всѣ соловьи; за ними прилетѣли всѣ майскіе жуки. Во мху и въ болото собрались всѣ лягушки и тоже заквакали. Звonomъ колокольчиковъ эльфъ, альтовымъ пѣніемъ соловьевъ, басовымъ жужжаньемъ жуковъ—все это составляло самый оригинальный концертъ, которымъ бы съ большею ловкостью и важностью дирижировалъ дятель, колотившій носомъ въ дубовый пенъ.

Конрадъ былъ въ восторгѣ отъ этого концерта. Люди слышатъ отдѣльно каждаго изъ этихъ животныхъ и никакъ не воображаютъ, что всѣ вмѣстѣ они составляютъ одну общую, величественную гармонию. Но сладость и торжественность этой музыки доступна только духамъ, и изрѣдка пѣвцамъ, подобнымъ Конраду.

Подъ звуки этой гармоніи начались танцы духовъ. Горные исполины полетѣли съ эльфами елей; духи ручьевъ сплелись съ нимфами дубовъ. Сперва пляски шли мѣрно и медленно; но дятель сталъ скорѣе бить носомъ тактъ; соловьи стали быстро переливаться въ треляхъ, колокольчики сильнѣе и живѣе зазвенѣли, танцы сдѣлались шумнѣе и изступленнѣе.

У Конрада кружилась голова. Ему казалось, что онъ вертится въ этой ночной оргіи. Вдругъ подошла къ нему старушка, эльфа липы, которая недавно поклонилась ему, и погляда его по головѣ, сказала:

«Какъ же ты похорошѣлъ, дитятко! Я знала тебя, когда ты еще былъ въ колыбели; я стояла на дворѣ замка твоихъ предковъ; ты часто игралъ подъ тѣнью моихъ вѣтвей. Ты тоже любилъ меня, потому-что, родясь въ воскресенье, былъ съ младенчества одаренъ способностью видѣть духовъ. Когда еще ты говорить не умѣлъ, то часто смотрѣлъ мнѣ въ глаза и ласково улыбался, протягивая мнѣ ручки, а няньки твои не понимали, что ты со мною разговариваешь. За то и я по ночамъ выходила изъ липы и, собравъ все благоволеніе моихъ цвѣтовъ, носила его въ твою спальню и наполняла имъ твою колыбель, отъ этого ты выросъ такимъ здоровымъ и пригожимъ. Я давно уже не видала тебя, но скоро докажу, что не забыла тебя...»

Послѣ этого старушка опять побрела прочь отъ Конрада и, подойдя къ трону царицы, начала съ нею тихо говорить. Та, выслушавъ ее, казалась видимо огорченною и посмотрѣла на Конрада. По знаку, данному ею дятлу, тотъ пересталъ дирижировать—и музыка тотчасъ же смолкла, танцы прекратились. Потомъ движеніемъ руки подозвала она къ себѣ Конрада и сказала:

«Вѣрные мои духи! Линда донесла намъ сейчасъ объ ужасномъ злодѣйствѣ, совершившемся недалеко отсюда. Замкомъ этого молодого человека владѣеть убійца и разбойникъ. По законамъ нашимъ, должны мы содѣйствовать во всемъ тому, кто правъ и помогать его предпріятіямъ; но преступленія должны мы всячески открывать, преслѣдовать и наказывать.»

Шумъ негодованія раздался во всемъ собраніи. Царица продолжала:

«По законамъ нашимъ, имѣемъ мы право разрушать жилища, гдѣ живетъ злодѣйство и преступленіе, и на развалинахъ его расположить наше владѣніе. Конрадъ! ты будешь свидѣтелемъ нашего мщенія надъ убійцами твоего отца.»

Конрадъ склонилъ голову и потомъ сказалъ:

— Могущественныя феи! скажите мнѣ гдѣ братъ мой?

— Онъ шелъ мимо подошвы моей къ востоку, — сказала духъ скалы.

— Я видѣла его у окраины лѣса, — прибавила эльфа одного поля.

— Я знала это лучше всѣхъ, — сказала Линда. — Онъ однажды вечеромъ приходилъ въ замокъ Роберта, переодѣтый нищимъ, и плакалъ подъ тѣнью моихъ вѣтвей. Но слуги выпустили на него злыхъ собакъ, и онъ съ отчаяніемъ удалился, направя путь по теченію Майна.

— Я знаю дальнѣйшій путь его, — прибавила эльфа одной березы.

Онъ отдыхалъ подъ тѣнью моихъ вѣтвей, и вскричалъ: «пойду къ герцогу фравковъ, Конраду, и буду просить его о помощи.

— Такъ намъ ненадобно терять времени,—сказала царица.—Предупредимъ мщеніе людей.

— Когда-же назначишь ты пляску въ облакахъ и бурѣ?—спросили нѣсколько голосовъ.

— Завтра, при закатѣ мѣсяца,—отвѣчала царица.—Конрадъ! будь и ты при этомъ торжествѣ. Ты, Линда, охраняй его.

Послѣ этихъ словъ Линда ласково накрыла его своимъ покрываломъ—и непреодолимый сонъ овладѣлъ Конрадомъ. Напрасно напрягалъ онъ всѣ силы своей воли, напрасно старался еще разъ взглянуть на любимую свою эльфу: силы его вдругъ ослабѣли, глаза сомкнулись; только въ ухахъ его раздавался звонъ удаляющихся колокольчиковъ. Онъ употребилъ еще разъ всѣ усилія, чтобъ открыть глаза, и успѣлъ окинуть взоромъ лугъ, гдѣ происходили танцы: лугъ былъ пустъ. Дикая кошка была уже опять сторожемъ на своемъ деревѣ. Вдругъ Конрадъ почувствовалъ, что онъ несетя по воздуху и глубокій сонъ окончательно овладѣлъ имъ.

Какъ пріятно было спать Конраду, убаюкиваемому невидимыми духами! Подобно тому, какъ, утомленный полуденнымъ солнцемъ, путникъ, засыпая подъ прохладною тѣнью дерева, наслаждается въ сновидѣніи волшебнымъ зрѣлищемъ чудесъ духовнаго міра, но потомъ, проснувшись, забываетъ эти видѣнія, которыя его такъ восхищали и которыя, однакоже, остаются въ воспоминаніи, какъ улыбка младенца: такъ и Конрадъ, проспавъ до слѣдующей полуночи, открылъ глаза и съ трудомъ могъ припомнить прошедшее.

Онъ лежалъ на скатѣ горы, съ которой видна была безлѣсная долина, окаймленная извилистою рѣкою.—Это былъ Майнъ. На берегахъ его стоялъ замокъ съ высокими башнями и бойницами, озаряемыми луннымъ свѣтомъ. Только на самой высокой башнѣ горѣлъ сторожевой огонекъ часоваго.

При этомъ видѣ воспоминаніе съ быстротою молніи возвратилось къ Конраду. Онъ стоялъ на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ, десять лѣтъ тому назадъ, смотрѣлъ на пожаръ своего замка. Крупныя слезы невольно покатались по щекамъ его. Онъ вспомнилъ объ отцѣ—и съ почтеніемъ преклонился предъ жилищемъ предковъ. Въ эту минуту грустнаго и священнаго воспоминанія онъ не ощущалъ въ сердцѣ своемъ никакой мести и, кажется, думалъ, что эта тихая ночь такъ же спокойно кончится, какъ началась, и что ужасная месть духовъ не совершится. Черты возлюбленной эльфы манили его въ лѣсъ, а не въ каменную ограду

зѣмка. Но рѣшеніе духовъ неизмѣнно. Они не такъ непостоянны въ своихъ желаніяхъ, какъ люди.

Вдругъ мечты его были прерваны глухимъ шумомъ, несшимся изъ чернаго лѣса, какъ порывы вѣтра. Этотъ первый порывъ облетѣлъ башни зѣмки и ударился въ рѣку. Мрачныя облака, какъ ночныя птицы, поднялись съ окраины горизонта, и сперва на мгновеніе, а потомъ и совсѣмъ заволокли мѣсяцъ. Только изрѣдка злобщее, сѣрное пламя вырывалось изъ этихъ облаковъ и, озаряя на мгновеніе окрестность, дѣлало темноту еще ужаснѣе и мрачнѣе. Завыла буря; духи приближались.

Надъ головою Конрада вдругъ пронеслась одна изъ грозныхъ эльфеей съ горящимъ пламенникомъ въ рукѣ. Съ радостью и страхомъ увидѣлъ Конрадъ, что подлѣ этой вѣстницы мести летитъ любезная его эльфа; но теперь видъ ея былъ строгъ и суровъ. Грозный взоръ ея былъ устремленъ впередъ на замокъ; буря развѣвала ея волосы.

Ужасная туча эльфовъ пролетѣла надъ зѣмкомъ. Нимфа ели бросила свой факель на деревянную крышу башни и осыпала его множествомъ кусковъ смолы, а эльфа Конрада одеждою своею раздувала это пламя.

Вскорѣ налетѣли и другіе духи, распространяя вездѣ пожаръ. Все въ зѣмкѣ проснулось. Затрубили въ рога, сзывая всю окрестность на помощь; но буря еще сильнѣе нагрянула изъ лѣса и съ насмѣшкою заглушала слабые людскіе крики и стоны.

Вдругъ позади Конрада раздался дикій радостный крикъ. Ему казалось, что земля вся потряслась подъ ногами его. Онъ съ ужасомъ оглянулся: на вершинѣ горы стоялъ исполинскій духъ горъ. Онъ могущими руками оторвалъ огромную скалу и, какъ легкій мячъ бросилъ ее на замокъ. Горящая башня съ трескомъ обрушилась и распространила пламя на внутренность зѣмка, а брошенная скала скатилась въ рѣку.

Одинъ житель зѣмка былъ еще живъ. Съ силою сорвалъ онъ запоры дверей и бросился на высоту, на которой стоялъ Конрадъ. Тотъ уже хотѣлъ идти на встрѣчу къ этому человѣку. Вдругъ любимица его очутились подлѣ него и сказала:

— Теперь дѣлай свое дѣло: человѣкъ, идущій къ тебѣ—Робертъ, убійца твоего отца.

Местъ вспыхнула въ сердцѣ Конрада. Робертъ былъ уже близко и искалъ спасенія въ лѣсу.

— Я не въ силахъ бороться съ стихіями,—яростно закричалъ Робертъ.—Дайте мнѣ врага съ тѣломъ и кровью, и я готовъ сражаться съ нимъ...

— Желаніе твое исполнено, сказали Конрадъ и бросился къ нему съ поднятою сѣкирою. Обнажай свой мечъ. Я сынъ бывшего твоего господина, котораго ты предательски умертвилъ.

Радостно вскричалъ разбойникъ и устремился на юношу. Началось ужасное единоборство. Сила и превосходство оружія были на сторонѣ Роберта; быстрота, искусство и мужество на сторонѣ Конрада. Избѣжавъ нѣсколькихъ ударовъ врага, Конрадъ поразилъ противника топоромъ въ голову, и тотъ покотился по скату горы въ рѣку.

Замокъ лежалъ уже въ развалинахъ. Пламя обхватывало еще нѣкоторыя части зданія. Вдругъ въ воздухъ раздались крики:

«Скорѣе на помощь! сестрѣ нашей, Лидѣ, угрожаетъ пламя. Вѣтеръ и ручей спѣшите!»

Отголосокъ повторилъ эти слова. Вдругъ ручей, спокойно протекавшій у подошвы горы, вздулся, зашумѣлъ и выступилъ изъ береговъ. Волны его быстро покотились къ замку и всѣ духи лѣсныхъ ручьевъ слетались къ нему, чтобъ ветрахнуть съ крыльевъ накопившуюся на нихъ воду.

Въ это мгновеніе Конрадъ увидѣлъ новое явленіе: духъ ручья вѣхалъ самъ на конѣ изъ волнъ, съ пѣнистою гривой. Передъ нимъ летѣли духи на огромныхъ гранитахъ. Держа въ рукахъ вырванную съ корнемъ сосну, въ видѣ копья, онъ налетѣлъ на ворота замка, мгновенно разбилъ ихъ и съ торжествомъ въѣхалъ во дворъ.

Поднялись столбы пара отъ борьбы воды и огня. Волны непреодолимо увлекали съ собою бревна и камни, низвергая ихъ въ Майнъ и потушивъ повсюду пожаръ.

Съ этой минуты буря утихла. Съ востока повѣялъ утренній вѣтерокъ. Мѣсяцъ сбросилъ съ себя мрачное покрывало тучъ; утро начало заниматься на горизонтѣ. Всѣ духи исчезли. На томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ замокъ, возвышалась одна липа, спасенная отъ пожара волнами ручья и омывавшая теперь свои корни въ образовавшемся около нея прудѣ.

Печально и задумчиво стоялъ Конрадъ и смотрѣлъ на разрушенное жилище отцовъ своихъ. Вдругъ явилась къ нему прелестная его эльфа и, обнявъ его, сказала ему.

— Я пришла въ послѣдній разъ обнять тебя. Взгляни на меня, чтобъ я на-вѣкъ запечатлѣла твой образъ въ моемъ сердцѣ. Жизнь людей зоветъ тебя къ дѣятельности. Иди по этому направленію. Ты придешь въ Франконію: тамъ встрѣтишь ты своего брата; тамъ забудешь ты меня и мы уже никогда не увидимся.

Съ жаромъ поцѣловала она его и исчезла.

Долго стоялъ онъ одинокъ и въ раздумьи на вершинѣ горы. Лучи утренней зари освѣтили его. Онъ вздохнулъ и пошелъ по пути, указанному эльфою.

Долина Майна была оживлена звукомъ трубъ, топотомъ коней, блескомъ панцирей и повелительными возгласами предводителей, за которыми шелъ отрядъ войска. Издали казалась эта тянущаяся толпа народа, лошадей и повозокъ длиною черною змѣею съ блестящими чешуями. Достигнувъ береговъ рѣки, всѣ остановились. Конюхи повели лошадей поить; служители стали разбивать палатки, оруженосцы снимать съ рыцарей тяжелое вооруженіе.

Съ изумленіемъ и восторгомъ смотрѣлъ Конрадъ на эту восхитительную картину. Передъ нимъ лежала Франконія съ городами, селами, церквями, башнями, садами и мельницами. Вблизи видѣлъ онъ военный станъ. Все, что капеланъ рассказывалъ ему о городской жизни, все, что онъ самъ читалъ, воскресло теперь въ его воображеніи, и однакоже, многое онъ видѣлъ не такъ, какъ представлялъ себѣ.

Радостно забилось его сердце. Все это были люди—его братья. Еслибъ онъ не такъ скоро встрѣтилъ ихъ—кто знаетъ? можетъ быть, онъ воротился бы въ лѣсъ, къ своей эльфѣ, или въ хижину; но теперь онъ быстро сошелъ съ горы въ долину.

Прежде всѣхъ подошелъ онъ къ нѣсколькимъ оруженосцамъ, переправившимся съ той стороны рѣки на выдолбленномъ пнѣ, чтобъ присекалъ дровъ для сторожевыхъ огней.

Конрадъ пачалъ съ ними говорить; но рѣчь его была такъ странна и на такомъ книжномъ языкѣ, что оруженосцы захохотали. Когда же молодой человекъ началъ имъ говорить о бурѣ, о духахъ, о Лидѣ, они вообразили себѣ, что онъ сумасшедшій. Конрадъ просился съ ними на тотъ берегъ, чтобъ поближе посмотреть на людей; они посадили его съ собою въ челнокъ и перевезли.

Изумленіе Конрада возрастало съ каждымъ шагомъ. Вдали видѣлъ онъ палатки предводителей и посреди ихъ всѣхъ выше и пышнѣ стояла палатка короля Конрада, задумчиво смотрѣвшаго на Майнъ и на разрушенный на противоположномъ берегу замокъ.

Извѣстно, что послѣ Карла Великаго распалась имперія и всякій герцогъ думалъ жить независимо и самовластно; но, съ одной стороны, дикіе Гунны и Венгры стали безнаказанно разорять всѣ области, по-

тому-что отдѣльно каждый герцогъ не въ состояннн былъ бороться съ силами варваровъ, а съ другой, собственные вассалы властителей отказывались отъ платежа дани и жили въ неприступныхъ замкахъ, грабя окрестности и путешественниковъ. Наконецъ взялись все за умъ и положили избирать изъ герцоговъ короля и безусловно повиноваться ему.

Тогда былъ королемъ франконскій герцогъ Конрадъ. Онъ отразилъ вѣнскихъ враговъ и усмирилъ внутренння безпокойства. Все разбойничьи замки разорилъ онъ и, узнавъ о грабительствахъ Роберта, владѣвшаго вертгеймскимъ замкомъ у Спессартскаго лѣса, двинулся къ нему съ сильнымъ войскомъ.

Пришедъ къ нему, король былъ пораженъ удивленіемъ, что замокъ уже разрушенъ. Кѣмъ? когда? за что?—никто изъ окрестныхъ жителей не зналъ. Военачальники собрались въ палатку и разсуждали объ этомъ... какъ вдругъ слухъ ихъ былъ пораженъ громкимъ смѣхомъ воиновъ, столпившихся у рѣки.

Это были оруженосцы, смѣявшіеся надъ вновь-прибывшимъ молодымъ челоѣкомъ. Сперва онъ терпѣливо переносилъ эти насмѣшки, но когда иные стали его подергивать кто за платье, кто и за волосы, Конрадъ сталъ грозить имъ своею сѣкирою. Все выхватили мечи и хотѣли наказать дерзкаго, но тотъ такъ грозно и искусно отмахивался оружіемъ, отступая къ главной палаткѣ, что никто не смѣлъ близко къ нему подходить.

Одинъ изъ предводителей вышелъ изъ палатки и, любуясь мужествомъ незнакомца, остановившаго цѣлую толпу, разогналъ воиновъ и привелъ Конрада къ королю.

Видъ молодаго челоѣка поразилъ всехъ присутствующихъ. Курчавые волосы красиво были разбросаны по воротнику. Глаза горѣли огнемъ мужества; черты лица выражали высокую породу и вдохновеніе. Увидя короля, онъ почувствовалъ невольное уваженіе и, обратясь къ герцогу, освободившему его отъ преслѣдованія толпы, сказалъ:

— Благодарю тебя, братъ мой, за то, что ты разогналъ этихъ злыхъ людей. Я, впрочемъ, справился бы съ ними и безъ тебя. Въ прошедшую ночь побѣдилъ я и поразилъ такого воина, который, вѣрно, всехъ ихъ былъ сильнѣе. Онъ жилъ въ замкѣ за Майномъ и нѣкогда умертвилъ моего отца.

Предводители засмѣялись, думая, что это хвастовство молодости; но король со вниманіемъ распросилъ его обо всемъ. Конрадъ разсказалъ ему всю жизнь поэтическимъ своимъ языкомъ.

Хотя присутствующіе и не поняли той части его разсказа, въ ко-

торой Конрадъ описывалъ имъ дѣйствія духовъ противъ замка, но поняли, что приходъ ихъ былъ бесполезенъ и что замокъ истребленъ пожаромъ, бурею и наводненіемъ.

Вдругъ изъ толпы рыцарей, собравшихся слушать странный разсказъ Конрада, выбѣжалъ молодой рыцарь, обнялъ его съ жаромъ и, подавая ему свой мечъ, сказалъ:

— Возьми этотъ мечъ: онъ принадлежитъ тебѣ, потому-что ты старшій братъ. Обними меня. Я братъ твой Адельгартъ и хотѣлъ, по совершеніи мести надъ убійцею нашего отца, идти отыскивать тебя.

— Я тоже шелъ отыскать тебя, милый братъ мой, сказалъ Конрадъ.

— Шесть недѣль тому назадъ, умеръ старый служитель, воспитавшій меня, и я отправился въ Франконію, гдѣ король удостоилъ принять меня къ себѣ въ службу и пожаловалъ рыцаремъ.

— Тутъ Адельгартъ обратился къ королю и просилъ у него позволенія отвести брата въ свою палатку. Король изъявилъ на это свое согласіе. Но Конрадъ сказалъ:

— Нѣтъ, милый братъ, мнѣ еще здѣсь надобно расчестъся съ однимъ человѣкомъ. Давеча окружили меня оруженосцы и смѣялись надо мною. Имъ это простительно: они простолюдины и слова ихъ нисколько не оскорбляли меня. Но пришелъ ихъ капитанъ, и вмѣсто того, чтобъ унять ихъ, присоединился къ нимъ, смѣялся надо мною и даже осмѣлился дернуть меня за волосы. Я замахнулся за это на него топоромъ, а онъ, вмѣсто того, чтобъ вступить со мною въ честный бой, велѣлъ всей толпѣ воиновъ напасть на меня и убить. Это не по рыцарски. Дай мнѣ теперь своего коня и свое рыцарское вооруженіе: я вызову его на единоборство.

Всѣ рыцари засмѣялись, а герцогъ баварскій Арнульфъ, прозванный *злымъ*, спросилъ у него:

— Да ѣзжалъ ли ты, дружокъ, когда-нибудь на лошади?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Конрадъ; — но что-жъ въ этомъ мудренаго?

— Такъ прежде, нежели ты вызовешь кого-нибудь на единоборство, попробуй прежде, мудрено ли ѣздить, возразилъ герцогъ. Я велю тебѣ сейчасъ привести моего коня.

Тутъ, взявъ его за руку, вывелъ онъ Конрада изъ палатки и велѣлъ своему оруженосцу привести самую дикую лошадь. Шесть конюховъ едва могли исполнить приказаніе герцога. Младшій братъ понялъ всю опасность Конрада и бросился—было къ нему, чтобъ уговорить его отступить отъ этой дерзкой попытки; но онъ еще не успѣлъ подойти къ нему, какъ Конрадъ уже вскочилъ на коня.

Конюхи выпустили поводъ и лошадь взвилась на дыбы; но Конрадъ

такъ сильно ударилъ ее кулакомъ по крестцу, что та тотчасъ же опустилась и бросилась скакать по полю въ бѣшеномъ галопѣ. На берегу рѣки остановилась она, однакоже, дрожа всею тѣлою отъ сильнаго сжатія боковъ колѣнками Конрада. Молодой человѣкъ, не имѣя ни узды, ни поводьевъ, сильною рукою заставилъ лошадь поворотить назадъ, держувъ ее за гриву; потомъ пустилъ ее опять вскачь въ гору. У палатки герцога соскочилъ онъ съ коня и отдалъ ее Арнульфу, который не могъ надивиться смѣлости и искусству пришельца.

Братъ Адельгартъ тоже ободрился и велѣлъ принести свое вооруженіе, одѣлъ самъ Конрада, привелъ ему своего коня и научилъ всею приемамъ шпоръ, уздечки и правилами единоборства.

Покуда Конрадъ ѣздилъ на бѣшеной лошади, герцогъ послалъ за капитаномъ, явившимся въ полномъ вооруженіи.

Три раза сѣзжались они. При третьемъ разѣ, Конрадъ вышибъ изъ сѣдла противника и тотчасъ, соскочивъ за нимъ и обнаживъ мечъ, приставилъ острее къ груди его. Но король далъ знакъ остановить сражавшихся. Конрадъ повиновался приказанію короля, поднялъ капитана на ноги и сказалъ ему:

«Все забыто, любезный собратъ. Помни только, что ненадобно смѣяться надъ беззащитнымъ, ненадо дергать его за волосы, а болѣе всего ненадо приказывать цѣлою толпою нападать на него».

Тутъ, поклонясь королю и герцогамъ, отправился онъ въ палатку къ брату.

Король же, собравъ совѣтъ герцоговъ, объявилъ имъ, что, для охраненія теченія Майна и всей этой страны, намѣренъ онъ построить на прежнемъ мѣстѣ крѣпкій замокъ и поручить его Конраду.

— Онъ храбръ, силенъ, благороденъ, — прибавилъ король. — Онъ сынъ графа Вертгейма и будетъ защищать мужественно наслѣдіе своихъ предковъ.

Герцоги-воины одобрили слова и волю короля.

Конрадъ отправился въ свиту короля и вскорѣ изучилъ всеобычай рыцарства, но они не нравились ему.

Видѣлъ онъ и дамъ. Онѣ еще менѣе ему понравились въ сравненіи съ его эльфою; все онѣ казались такъ холодны и некрасивы. Онъ однакоже никому не рассказывалъ о любви своей, не исключая брата Адельгарта; но часто по ночамъ сидѣлъ онъ и глядѣлъ по направленію

къ Спессартскому лѣсу. Вѣтеръ, прилетавшій оттула, казался ему дыханіемъ его эльфы, и онъ тихо распѣвалъ тогда свои импровизаціи.

Братъ его, Адельгартъ, былъ однимъ изъ красивѣйшихъ и любезнѣйшихъ рыцарей королевскаго двора. Часто онъ рассказывалъ Конраду, что любитъ втайнѣ одну дѣвушку, но не смѣетъ просить руки ея, потому-что она гораздо выше его породю и богатствомъ, тогда-какъ онъ, младшій братъ въ семействѣ, не можетъ ей даже принести графскаго титула. Конрадъ ничего не понималъ изъ всѣхъ этихъ законовъ и условій, и всегда молчалъ, когда ему что-нибудь не нравилось.

Во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ нужна была быстрота и ловкость, король поручалъ ихъ Адельгарту. Тамъ, гдѣ нуженъ былъ мудрый совѣтъ и твердая воля, относился онъ къ Конраду, и оба они вполне заслуживали довѣренность короля.

Вскорѣ замокъ вертгеймскій былъ отстроенъ и оба брата въѣхали въ него. Сильно билось сердце Конрада, глядя на Спессартскій лѣсъ: онъ былъ теперь близко отъ возлюбленной своей эльфы и не смѣлъ летѣть къ ней на свиданіе, потому-что еще принадлежалъ обществу.

Явился къ нимъ и капеланъ, воспитывавшій Конрада. Новый владѣтель принялъ съ отверзтыми объятіями своего наставника и доставилъ ему всѣ удобства жизни.

Между-тѣмъ въ замкѣ готовилась важная церемонія. Король долженъ былъ пріѣхать и торжественно вручить Конраду, какъ своему вассалу, *феодъ* графства и владѣнія замкомъ; Конрадъ же обязанъ былъ присягнуть королю въ вѣрности на защиту законовъ и порядка оружіемъ и правосудіемъ.

Чувствуя всю важность новой принимаемой имъ обязанности, Конрадъ твердо рѣшился вѣрно и честно исполнять ее. На другое утро долженъ былъ прибыть король, и Конрадъ дѣлую ночь не спалъ.

Взойдя на верхъ сторожевой башни, долго смотрѣлъ онъ въ туманную даль и, вздохнувъ, сказалъ:

— Грустно мнѣ здѣсь жить. Свѣтъ и люди не по мнѣ; голова моя говоритъ одно, а сердце твердитъ другое. Братъ мой, Адельгартъ, гораздо бы лучше исполнилъ всѣ обязанности и требованія свѣта, еслибы былъ на моемъ мѣстѣ. Онъ весь принадлежитъ обществу и свѣту, а законы лишаютъ его даже графства. Онъ любитъ какую-то дѣвушку высокаго рода и могъ бы тогда соединиться съ нею, а моя эльфа не требуетъ ни богатства, ни знатности... Однако-же, она сказала, что мы никогда не увидимся, а я живу здѣсь близъ нея и сердце мое тоскуетъ. Надобно мнѣ переселиться куда-нибудь подальше: можетъ-быть, тоска эта и пройдетъ.

Въ этихъ размышленіяхъ застало его утро. Пріѣхалъ король со свитою и съ дочерью Гербергою, которая была чудная красавица. Братъ Адельгартъ прибылъ тоже съ королемъ.

Конрадъ принялъ высокихъ гостей со всеми почестями. Съ изумленіемъ посмотрѣлъ онъ на Гербергу: она была прелестна, но далеко не альфа, притомъ же въ глазахъ ея изображалась какая-то печаль.

— Ты не знаешь, графъ, настоящей цѣли моего прибытія,—сказалъ король.—Не церемонія вассальства привела меня. Графство вертгеймское принадлежитъ тебѣ по праву рожденія. Замокъ отстроилъ я и вѣрилъ тебѣ для безопасности собственныхъ же моихъ границъ. Все это не награда. Но я тебѣ придумалъ другую. По нашимъ обычаямъ, вассалъ не имѣетъ права свататься за дочь короля, а король самъ долженъ выбрать себѣ зятя по сердцу и предложить ему дочь въ супруги. Я испыталъ твое сердце и способности: лучшаго зятя мнѣ ненужно. Всякое другое родство могло бы быть опаснымъ для спокойствія государства отъ честолюбія зятя; по въ тебѣ его нѣтъ, и тебя, графъ Вертгеймъ, избираю и супругомъ моей Герберги.

Конрадъ затрепеталъ и молча, поклонясь, придумывалъ приличный отвѣтъ королю; какъ молнія мелькнули въ головѣ его мысли прошедшей ночи. Онъ взглянулъ на брата: тотъ былъ блѣденъ, какъ полотно, и съ выраженіемъ глубокаго отчаянія смотрѣлъ на Гербергу. Конрадъ обратилъ взоръ на дочь короля—и та была блѣдна и въ слезахъ. Все было ясно для Конрада.

— Государь,—сказалъ тогда Конрадъ:—графъ Вертгеймъ гордится твоею милостью и принимаетъ съ чувствомъ живѣйшей благодарности руку прелестной твоей дочери. Только этотъ графъ Вертгеймъ не я, а братъ мой, Адельгартъ, которому я уступаю все права мои первородства, графское титуло, владѣнія, замокъ этотъ и руку Герберги. Они любить другъ друга. Сдѣлай ихъ счастливыми, государь, а я пойду опять въ прежнее свое уединеніе и также буду счастливъ.

Король съ недоумѣніемъ взглянулъ на дочь свою и на Адельгарта: тѣ были уже у ногъ его.

Видю, что противъ любви и великодушія мудрено спорить,—сказалъ король.—Будь по твоему, добрый Конрадъ.

Онъ соединилъ любящуюся чету, но убѣждалъ, однакоже, Конрада не удаляться въ пустыню, а посвятить ему и Германіи свои способности и дѣятельность.

— Я теперь простой рыцарь,—государь,—отвѣчалъ Конрадъ:—и первый мой долгъ защищать вѣру и законъ. Я отправлюсь въ отдаленную страну и буду сражаться съ невѣрными.

Король одобрилъ эту рѣшимость и въ тотъ же вечеръ Конрадъ уѣхалъ изъ замка.

Цѣль путешествія Конрада состояла въ томъ, чтобъ достигнуть до береговъ Средиземнаго моря, гдѣ тогда Сарацины тѣснили христіанъ. Прибывъ въ Майнцъ, купилъ онъ одного плѣннаго Араба, знавшаго по-испански. У него выучился Конрадъ этому языку; и когда, въ сопровожденіи его, достигъ Пиренейскихъ горъ, то возвратилъ невольнику свободу, а самъ направилъ путь въ Галицію, гдѣ присоединился къ двумъ храбымъ графамъ, которые вели неутомимую войну съ Арабами.

Вскорѣ мужество его привлекло къ нему многія отдаленныя партіи и рыцарей. Около него составилось значительное войско, съ которымъ онъ одержалъ многія побѣды надъ мусульманами. Подвиги эти сохранились во всѣхъ древнихъ испанскихъ преданіяхъ.

Много видѣлъ онъ въ это время прелестныхъ женщинъ, потому что испанки и мавританки считаются самыми красивыми существами во всемъ свѣтѣ; но онъ пребылъ къ нимъ нечувствительнымъ. Онъ искалъ только битвъ и истребленія невѣрныхъ; часто, въ глубокой задумчивости, смотрѣлъ онъ на роскошныя деревья Испаніи: густыя апельсинныя и лимонныя рощи, серебристо-зеленая одежда масличныхъ деревьевъ, игольчатые листья алоэ—все это было прелестно и привлекательно; но родной германскій дубъ его, но эльфа, обитающая въ немъ, были для него дороже всего; онъ глубоко вздыхалъ и обращалъ взоры свои на сѣверъ, къ своей родинѣ.

Произошло сильное сраженіе. На послѣднемъ уступѣ холма горной цѣпи, ведущей изъ христіанскихъ областей Испаніи въ мавританскія, сидѣлъ Конрадъ, утомленный отъ битвы, передъ своею палаткою. Подъ нимъ простиралось обширное поле кровавой битвы, въ которой онъ открылъ испанцамъ путь во владѣнія враговъ. Мѣсяць осеребрялъ лучами поле битвы. Вдали слышенъ былъ еще топотъ коней, преслѣдовавшихъ непріятелей, и стоны поражаемыхъ. Вблизи ночь уже покрыла все молчаніемъ и тишиною. Задумчиво смотрѣлъ Конрадъ на эту картину и невыразимая грусть наводняла его сердце.

«Къ чему ведутъ меня всѣ эти побѣды? Немного лѣтъ провелъ я въ этой скитальческой жизни, а уже борода моя начинаетъ сѣдѣть. Зачѣмъ я оставилъ моего брата и короля? Я твердо боролся со всѣми искушеніями жизни и вышелъ изъ нихъ побѣдителемъ. Сердце мое такъ же пламенно и мужественно, какъ было. Новая страна открыта мнѣ побѣдою. Она роскошна и прелестна, но суровая моя родина гораздо лучше. Въ душѣ моей горитъ непреодолимое желаніе увидѣть ее и любимый мой Спессартекій лѣсъ. Помню я, что говорила мнѣ моя эльфа: «Кто потерялъ уже въ мірѣ все; кто ни одного сердца не можетъ назвать своимъ; кому всякой домъ чужой, тотъ можетъ обратиться къ природѣ и она утѣшитъ его».

Долго еще Конрадъ испытывалъ свое сердце и видѣлъ, что дѣйствительно онъ чужой всему въ мірѣ. И онъ рѣшился возвратиться въ Германію, въ свои лѣса, къ своей эльфѣ.

Онъ созвалъ своихъ ратниковъ, объявилъ имъ о непрѣнномъ своемъ намѣреніи, сдалъ начальство достойнѣйшему и уѣхалъ. Всѣ плакали, провожая его, но онъ остался твердъ и непоколебимъ.

Какъ обрадовался онъ первымъ звукамъ германскаго языка, встрѣтившимъ его на Рейнѣ. Здѣсь онъ узналъ, что король Конрадъ уже скончался, а саксонскій принцъ Генрихъ управляетъ Германію. Достигнувъ родины, онъ отдалъ племъ и латы одному молодому крестьянину, служившему проводникомъ; коня своего пустилъ на свободу, самъ-же, въ одеждѣ пилигрима, пошелъ къ долиנѣ Спессартекаго лѣса.

Придя къ Майну, увидѣлъ онъ, что около замка его предковъ построены были теперь цѣлый городъ. Всѣ жители благословляли управленіе брата его, Адельгарта. Тихо пробрался онъ въ капеллу, гдѣ, въ малолѣтствѣ, такъ усердно молился. Тамъ нашелъ онъ дряхлаго своего воспитателя-капелана. Утомленный трудами дневными, старикъ спалъ въ креслѣ, и Конрадъ не хотѣлъ нарушить сна благочестиваго старика: онъ напечатлѣлъ на челѣ его тихій, сыновній поцѣлуй, помолился и ушелъ.

На мигъ остановился онъ на холмѣ, съ котораго нѣкогда смотрѣлъ на пожаръ замка, и потомъ вошелъ въ лѣсъ, гдѣ провелъ ночь подъ деревомъ.

Путру взглянулъ онъ еще разъ на замокъ, на Майнъ, на дѣятельность людской жизни, и безъ сожалѣнія, безъ вздоха простился съ ними навсегда.

Въ первый день путешествія встрѣтилъ онъ однакожь много людей въ лѣсу: люди начинали уже селиться и тутъ: въ долинахъ было имъ тѣсно. Густой лѣсъ сдѣлался теперь рѣже. Вездѣ были просѣки и хи-

жины; однакожь, чѣмъ далѣе онъ шель, тѣмъ болѣе все возвращалось къ прежнему уединенію. Тутъ ужъ встрѣчалъ онъ однихъ животныхъ. Олень весело пробѣгалъ мимо его и, казалось, привѣтствовалъ возвратъ его, даже дятель, стучавшій носомъ о дерево, казался Конраду тѣмъ-же самымъ, который нѣкогда дирижировалъ концертомъ духовъ.

Вотъ онъ достигъ до горы, на которой еще стояли три ёлки. Здѣсь онъ провелъ вторую ночь. Сердце его билось такъ радостно; онъ заснулъ, какъ ребенокъ, въ самыхъ сладостныхъ мечтахъ.

На слѣдующій вечеръ Конрадъ стоялъ у скалы, подъ которою исчезалъ ручей. Какъ нѣкогда, луна и теперь освѣщала водопадъ. Мастистый дубъ, жилище любимой имъ эльфы, и теперь склонялъ свои вѣтви къ водамъ. Конрадъ не смѣлъ взглянуть туда: минута эта рѣшала жизнь его. Грустно прислонился онъ къ дереву и тихо зашѣлъ:

Гдѣ ты, другъ мой незабвенный?
 Помнишь-ли еще меня?
 Примешь-ли меня съ любовью,
 Или отвергнешь навсегда?

Вдругъ легкій шумъ поразилъ слухъ его. Онъ взглянулъ: эльфа стояла передъ нимъ въ томъ-же положеніи, какъ при первомъ свиданіи. Она улыбнулась, протянула къ нему руки; онъ палъ въ ея объятія...

Грозный трескъ по лѣсу пробудилъ любящихся отъ восторговъ свиданія.

— Конрадъ!—вскричала эльфа съ ужасомъ: — мы должны погибнуть. Смерть твоя близка.

— Лишь-бы умереть въ твоихъ объятіяхъ, отвѣчалъ Конрадъ.

— Да, мой милый, это было и моимъ желаніемъ. Послѣ твоего отъѣзда въ Испанію люди вторглись въ Спессартскій лѣсъ и тысячи деревьевъ пали подъ ужасными ихъ сѣкирами. Духи ожесточились за это, и однажды на полночномъ лугу положено было, чтобъ никогда впредь эльфы не соединялись любовью съ людьми, иначе оба должны умереть. Я знала твое сердце и увѣрена была въ твоёмъ возвращеніи. Я умоляла духовъ исключить тебя изъ этого грознаго закона, но они были непреклонны; теперь они узнали о твоёмъ прибытіи и идутъ умертвить насъ.

Глыба горъ, унавашая полѣ нихъ, доказывала, что духъ скалы сторожилъ ихъ.

— Поскорѣ Конрадъ,—закричала эльфа:—скройся въ дупло моего дуба. Я буду тебя защищать покуда паду сама вмѣстѣ съ нимъ и съ тобою.

Оба скрылись внутри дерева. Жажда новой, сильной жизни обхватила все тѣло Конрада. Казалось, что онъ мгновенно приобрѣлъ всю твердость дуба. Еще разъ обнялись они не слыша, какъ все стихіи свирѣпствовали около нихъ.

Вдругъ сильнѣйшій изъ воздушныхъ духовъ схватилъ дубъ за вершину, вырвалъ его съ корнемъ и ударилъ о скалу. Со стономъ разлетѣлся онъ въ щепы. Конрадъ и Эльфа погибли...

Вотъ преданіе давноинувшей старины. Положительные люди говорятъ, что это просто сказка; но поэтамъ нравятся эти вымыслы старины, и они назвали эту легенду: *Сонъ въ Спессартскомъ лѣсу*.

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА Планаръ. — **ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА:** Органистъ Фробергеръ (статья Ф. Галеви). — **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ:** Основныя начала животнаго организма. — Самопеченіе хлѣба. — Новое вышиваніе безъ иголки. — Большой пароходъ. — Новые опыты надъ электрическими измѣненіями въ тѣлахъ. — **МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ:** Первая картина Корреджіо (*разсказъ*). — Эпсли-Гоузь. — Истребленіе крокодиловъ гальваническою батареею (*разсказъ путешественника*). — Воздушное путешествіе на львѣ. — Столовертвѣе въ Англіи. — Кошки Рпшеле. — Историческіе воротнички. — Неизвѣстный островъ на Тихомъ Океанѣ. — Письмо изъ Парижа.

I. ЛИТЕРАТУРА.

Планаръ. — Тысяча восемьсотъ пятьдесятъ третій годъ — былъ самымъ тяжелымъ годомъ для литераторовъ, артистовъ и замѣчательнѣйшихъ драматическихъ писателей.

Между многими утратами, какія понесла Франція, мы укажемъ на смерть Планара. Онъ, какъ храбрый солдатъ, палъ на полѣ битвы, посреди послѣдняго торжества надъ соперниками; враговъ у него не было. Планаръ умеръ, какъ Баяръ, въ воскресенье, на разсвѣтѣ дня, не вслѣдствіе, впрочемъ аневризма, а послѣ нѣсколькихъ дней страданія отъ подагры, поднявшейся къ желудку.

Планару было семьдесятъ лѣтъ; онъ родился 4 февраля 1783 года, въ Авейронскомъ Департаментѣ, и въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ обнаружилъ уже способность къ драматическимъ произведеніямъ. Въ январѣ 1807 года, когда Планару было всего 23 года, произведеніе его было уже принято на сцену Французскаго театра, играно, встрѣчено рукоплесканіями и одобрено Жофруа (Geoffroy), что считалось въ то время величайшею почестью. Добиться позволенія прочесть пьесу предъ лицомъ комитета перваго театра во Франціи, овладѣть вниманіемъ его членовъ, видѣть, что въ пользу пьесы изъ роковой урны выпадаютъ только бѣлые шары, добиться права представленія, вызвать рукоплесканія и обезоружить строгость главы всѣхъ критиковъ—все это было въ то время дѣломъ великимъ и значило: однимъ ударомъ преодолѣть препятствія и войти въ пристань между тысячи подводныхъ камней. Пьеса Планара была въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, и называлась *Le parleur contrarié*. Ее исполняли лучшіе въ то время актеры: Давенкуръ, Дама, Баптистомъ старшій, г-жи Марсъ и Девьенъ.

«Съ такими талантами» говорил Жофруа: всякая пьеса пойдетъ, а тѣмъ болѣе такая, которая поддерживается не столько интересомъ и силою содержанія, сколько умомъ, удачными оборотами и веселостью разговора, словомъ: тѣми маленькими украшеніями, которыя именно и

выставляются талантомъ актера. Поэтъ даетъ *искры*, актеръ разжигаетъ ими зрителей».

Жофруа замѣчалъ, сверхъ того, что въ самой мысли комедіи *Планара* много достоинствъ, чисто-сценическихъ, и что пьеса эта щеголяетъ языкомъ. Въ подтвержденіе похвалы своей онъ приводилъ нѣкоторые стихи:

Oui je parlerai moins, ce sera votre ouvrage,
Mais ce coeur chaque jour aimera d'avantage,
Et si je retombais encore dans ce défaut,
Dont la raison eût du me corriger plutôt,
Dites moi que par la j'aurais perdu Julie,
Et je serai muet le reste de ma vie.

Болтливость главнаго дѣйствующаго лица своей пьесы, Планаръ оправдываетъ слѣдующими стихами:

Pourrait on le blamer de dire ce qu'il pense?
C'est quand on est méchant qu'on garde le silence.

Ободренный успѣхомъ, Планаръ, въ томъ же году, въ декабрѣ мѣсяцѣ, поставилъ другую пьесу «*Le paravent*» (*ширма*); ее опять исполняли оставшіеся знаменитые актеры: Лафонъ, Арманъ, г-жи Волней, Марсъ и Эмилиа Контэ. Успѣхъ былъ не такъ великъ; публикѣ не понравилась развязка; но въ сущности публика была неправа. Жофруа защищалъ послѣднюю сцену. «Авторъ, говорилъ онъ» былъ вызванъ и заслужилъ это, потому что, если было весело въ продолженіе цѣлой пьесы, несправедливо и неблагодарно забыть все остроумное и пріятное въ предъидущихъ сценахъ потому только, что послѣдняя доставила мало удовольствія. Да притомъ, прибавляя Жофруа, было бы трудно иначе развязать эту небольшую интригу: разумѣется, отклоняясь отъ истины, Планаръ могъ бы пріискать какой-нибудь странный и натянутый эффектъ, чтобы отдалить нѣсколько развязку, но молодой авторъ не таковъ: онъ предпочелъ благоразуміе и естественность и дорого за это заплатился.»

Разговоры въ *Paravent* имѣли большой успѣхъ, хотя авторъ и не гнался за словомъ, а все выражалъ дѣйствіемъ, но у Планара, по мнѣнію Жофруа, видѣнъ былъ *настоящій умъ*.

«Съ каждымъ днемъ люди все менѣе и менѣе сходятся въ понятіяхъ о словѣ: умъ. Что до меня касается» говорилъ Жофруа «я не признаю ума тамъ, гдѣ нѣтъ здраваго смысла».

Въ 1813 году Планаръ написалъ комедію въ трехъ дѣйствіяхъ, «*La Nièce supposée*» (Подложная племянница), и новый успѣхъ при чтеніи, предшествовавшій успѣху на сценѣ, доказывается тѣмъ, что лучшие артисты *Французской комедіи*: Флери, Арманъ, Мишелё, Теларъ, Баптистъ-младшій и г-жи Марсъ, Бургуанъ и Тенаръ наперерывъ играли роли въ новой пьесѣ.

«Пьеса эта—небольшой романъ» писалъ Жофруа: съ маленькою интригою, съ хорошимъ разговоромъ, пріятно приправленнымъ наивностью

чувствомъ, удачными оборотами, острою ума, остроумными подробностями и прекрасными сценами— все это вмѣстѣ составляетъ занимательный и веселый спектакль. Сюжетъ, какъ и во всѣхъ комедіяхъ, вертится на стремленіи сыграть свадьбу».

Въ пьесѣ Планара, впрочемъ, одна слаженная свадьба разстроиваетъ другую.

Въ комической оперѣ: «Le mari de circonstance» (Мужъ по случаю) Планаръ представилъ новое доказательство своего таланта, создавъ рельефныя и премиленькія сцены. «Le mari de circonstance» была, кажется, первою комическою оперою Планара съ 1813 года и до-сихъ-поръ держится на репертуарѣ. Съ-тѣхъ-поръ, то-есть въ продолженіе сорока лѣтъ, Планаръ былъ однимъ изъ счастливѣйшихъ и обильнѣйшихъ поставщиковъ комической оперы.

У насъ нѣтъ подъ рукою списка его сочиненій, но всѣмъ извѣстны его главныя пьесы.

Планаръ былъ писатель школы Седена; онъ удивительно зналъ сцену, умѣлъ удачно раздѣлять свои пьесы, подготовить работу композитора и выставить всегда вѣрно эффекты, дѣйствующіе на публику; слогъ его былъ простъ, натураленъ, безъ напыщенности и натяжекъ, Планара даже упрекали въ этой простотѣ, которая доходила у него иногда до простодушія; но никто не оспаривалъ у него высокихъ драматическихъ достоинствъ. Планаръ всегда былъ покровительствующей феей молодыхъ авторовъ музыки; нѣкоторые изъ нихъ, знаменитые въ настоящее время, обязаны своими успѣхами, первою своею славою чисто его поддержкѣ. Онъ далъ Оберу, упавшему духомъ отъ первыхъ опытовъ, либретты «Emma» и «La Bergère chatelaine;» Караффѣ: Le Solitaire и «La Violette,» Герольду: «Marie и Le Pré aux Clercs;» онъ написалъ съ Сенъ-Жоржемъ первую комическую оперу, положенную на музыку Галеви: «l'Eclair»; онъ сдѣлалъ извѣстными: Амбруза Томаса, давъ ему: La double échelle и потомъ, Minna Андриена Боальде, поручивъ ему: Margueritte; Кадо, написалъ для него: Les deux Gentilshommes, Les deux Jacet и свое послѣднее произведеніе Colette. Все это доказываетъ, какимъ попеченіемъ окружалъ Планаръ молодыхъ композиторовъ, какъ великодушно подавалъ онъ имъ руку, безъ сомнѣнія, въ память помощи, полученной имъ самимъ въ эпоху своихъ дебютовъ.

Планаръ не видѣлъ, какъ давали его Colette: онъ заболѣлъ наканунѣ представленія.

Въ послѣднемъ произведеніи Планара находятъ и обыкновенную простоту его драматическихъ басней и глубокое искусство, съ которымъ онъ всегда дѣлалъ многое изъ интриги, довольно слабой.

Болезнь шла своимъ путемъ и ничто не предвѣщало такого скорого и неожиданнаго конца. Въ письмѣ, написанномъ имъ наканунѣ смерти къ редактору одной изъ парижскихъ газетъ, почеркъ былъ ясенъ и твердъ, такъ же твердъ, какъ тридцать лѣтъ тому назадъ, и напрасно стали бы искать въ немъ признака слабости и болѣзни.

Планаръ былъ человекъ съ умомъ и вкусомъ, достойный литераторъ, самый пріятный и поучительный собесѣдникъ. Своимъ име немъ

и связями онъ принадлежалъ реставраціи, которая особенно ему покровительствовала.

Планаръ началъ свое служебное поприще въ канцеляріи Государственнаго Совѣта, потомъ занялъ мѣсто секретаря въ Комитетѣ Юстиціи и Спорныхъ дѣлъ. Въ 1842 году онъ перешелъ секретаремъ въ Комитетъ Финансовъ, потомъ вышелъ въ отставку, оставивъ въ Государственномъ Совѣтѣ репутацію человѣка безкорыстнаго, трудолюбиваго и знаменитаго.

Во время реставраціи онъ получилъ крестъ Почетнаго Легіона, заслуженный имъ вдвойнѣ: достоинствами государственнаго человѣка и талантомъ драматическаго автора. Планаръ умеръ съ этимъ крестомъ, полученнымъ отъ любимыхъ имъ королей, не гонясь за почестями и повышеніями, на которыя имѣлъ всѣ права.

Планаръ читалъ превосходно, съ невыразимою прелестью; и когда, на репетиціяхъ, прочитывалъ пьесу, актеры не могли уже сбиться въ характерахъ; онъ прекрасно очерчивалъ каждое дѣйствующее лицо и мастерски передавалъ оттѣнки ихъ ролей; артистамъ оставалось только строго слѣдовать указаніямъ автора, и они могли быть увѣрены въ успѣхѣхъ.

Общество драматическихъ авторовъ потеряло въ Планарѣ самаго усерднаго члена.

Любимый, почитаемый всѣми собратьями, онъ нѣсколько разъ удостоивался приглашенія быть членомъ комиссіи, которой поручено было блюсти общіе авторскіе интересы, и былъ всегда ревностнымъ защитникомъ литературныхъ и финансовыхъ правъ драматическихъ писателей.

Планаръ не умереть совершенно: кромѣ репутаціи благороднаго человѣка, которую оставляетъ онъ по себѣ, кромѣ почетной памяти честнаго жреца искусства, онъ оставляетъ сына, достойнаго носить переданное ему имя, и дочь—примѣръ всѣхъ добродѣтелей, супругу г. Левена, одного изъ извѣстныхъ французскихъ писателей.

II. ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.

Органистъ Фробергеръ (статья Галлеи). — Галле, саксонскій городъ, въ теченіе одного столѣтія былъ мѣстомъ рожденія трехъ знаменитыхъ органистовъ: Самуила Шейдта, родившагося въ 1587, Юганна Якоба Фробергерга, родившагося въ 1637, и Генделя, родившагося въ 1684 году. Слава и торжество послѣдняго помрачили славу двухъ первыхъ. Самуиль Шейдтъ забытъ; имя Фробергера извѣстно только нѣкоторымъ музыкантамъ; имя Генделя сдѣлалось европейскимъ. Фробергеръ былъ какъ-бы предвѣстникъ Генделя; онъ путешествовалъ по Германіи, Италіи, Англіи, указывая дорогу, по которой слѣдовало идти потомъ Генделю. Невѣроятные успѣхи съ дѣтства и очень рано развившійся талантъ приобрѣли Фробергеру, какъ и Генделю, искренныхъ покровителей.. но этимъ и ограничивается ихъ

сходство. Фробергеръ былъ отличный органистъ, но познанія и успѣхи его останавливались на клавиатурѣ. Гендель былъ великій композиторъ. Должно, впрочемъ, замѣтить, что въ Генделѣ — композиторѣ, видѣвъ органистъ: органъ, съ своею могучею игрою, съ своими величественными звуками, составляетъ стиль Генделя. Органъ требуетъ занятій серьёзныхъ: надо, чтобъ органистъ глубоко понималъ композицію; чтобъ онъ обладалъ живымъ и богатымъ воображеніемъ; въ пальцахъ его должна быть энергія и, вмѣстѣ съ нею, проворство и легкость. Артистъ въ борьбѣ съ органомъ — атлетъ. Не думайте, чтобъ инструментъ безъ сопротивленія отдалъ свои тайные звуки: надо вырвать скрытыя въ немъ сокровища! За-то, побѣжденный однажды, онъ вознаграждаетъ потомъ всѣ труды: онъ вдохновляетъ, онъ приводитъ въ восторгъ своего побѣдителя и, какъ добрый конь, онъ будто даетъ новую силу ловкой рукѣ, которая покорила его и управляетъ имъ.

Взгляните на этотъ безмолвный органъ, на эти нѣмыя клавиши: заключенный воздухъ отдыхаетъ въ обширномъ приемникѣ... Но только коснется искусная рука клавишей, дастъ свободное теченіе живительному воздуху—и гармонія раздается и звучитъ... возникаетъ блестящее произведеніе, полные и торжественные звуки сливаются въ стройные аккорды; легкіе клавиши бѣгаютъ быстро; воздухъ, послушный и летучій, какъ мысль, проходитъ во всѣ трубы и выливается пѣніемъ. Церковь наполнена звуками; аккордъ смѣняется аккордомъ, какъ волна водою. Какъ посреди глубокой ночи видны звѣзды на неизмѣримомъ пространствѣ неба, точно такъ льются отсюду звуки, будто дѣлаются видимыми, сверкаютъ въ высотѣ сводовъ и блестятъ между арками. Тогда стоитъ въ обширномъ храмѣ, волнуется, провинутая этими чудными звуками, и органистъ, растроганный своимъ собственнымъ вдохновеніемъ, дрожитъ подъ могущественнымъ вліяніемъ гармоніи.

Мы понимаемъ гармонію; но эти композиторы, умершіе уже два столѣтія тому назадъ, понимали ее такъ же хорошо, какъ и мы. Органные мастера наши хороши; ихъ мастера были также искусны: органы были отличны—мастера знали свое дѣло. Дѣти, съ природными способностями, родившіяся въ странѣ, гдѣ страсть къ музыкѣ была, такъ сказать, въ крови каждаго, съ раннихъ лѣтъ слушая этотъ инструментъ, дѣлались скоро глубокими знатоками законовъ гармоніи, и музыка, которую создавали они впоследствии, была серьезна, величественна и сильна. Органъ, самъ-по-себѣ учитель строгій: каждая ошибка звучитъ рѣзко и всею своею тяжестью падаетъ на того, кто ее сдѣлалъ, каждая фальшивая нота—казнь! Композиторы эти были музыканты съ необыкновенною силою; они образовывались подъ звуки органа; преемники ихъ имѣли болѣе граціи, но менѣе силы, болѣе ума, но менѣе энергіи; ихъ воспитывали подъ звуки клавесина.

Фробергеръ, родившійся, какъ мы уже сказали, въ Галле, въ 1637 году, былъ однимъ изъ послѣдователей этой великой школы. Отецъ его былъ пѣвчимъ въ церкви Св. Маврікія и самъ занимался

музыкальнымъ образованіемъ своего сына; онъ въ одно и то же время преподавалъ ему пѣніе и игру на клавесинѣ.

Шведскій посланникъ при вѣнскомъ дворѣ, проѣзжая чрезъ Галле, услышалъ однажды молодого артиста, Пораженный красотою его голоса, выраженіемъ пѣнія и такъ рано развитымъ талантомъ, съ какимъ Фробергеръ игралъ на двухъ инструментахъ, посланникъ предложилъ ему ѣхать въ Вѣну, гдѣ обѣщаль представить его императору Фердинанду III.

Отецъ и сынъ приняли съ восторгомъ это предложеніе. Прибывъ въ Вѣну, посланникъ, какъ обѣщаль, представилъ императору молодого саксонца, которому едва было тогда 15 лѣтъ. Императоръ нашелъ его достойнымъ покровительства и хотѣлъ, чтобы онъ блистательно окончилъ такъ хорошо начатое образованіе.

Въ это время, въ Римѣ пользовался большою славою учитель Иеронимо Фрескобальди, бывшій органистомъ церкви Св. Петра. Въ день его поступленія болѣе 30,000 слушателей, собравшихся со всѣхъ концовъ Италіи, наполнило обширный храмъ. Этому-то знаменитому учителю Фердинандъ III поручилъ своего молодого любимца, который тотчасъ же и былъ отправленъ въ Римъ, съ содержаніемъ отъ императора.

Послѣ трехъ лѣтъ терпѣливыхъ и серьезныхъ уроковъ, Фрескобальди нечего было уже преподавать своему ученику.

«Возвратитесь, говорилъ онъ ему, въ Вѣну, принесите отечеству плоды трудовъ вашихъ!»

Фробергеръ оставилъ Римъ въ 1636 году, проѣхалъ Францію, пробылъ нѣсколько времени въ Парижѣ, потомъ въ Дрезденѣ и прибылъ наконецъ въ Вѣну, къ императору, обладая талантомъ, совершенно установившимся. Путешествіе принесло ему не мало пользы. Въ Дрезденѣ онъ привелъ своею игрою въ восторгъ курфирста, въ Парижѣ онъ слышалъ лучшихъ музыкантовъ; здѣсь Фробергеръ приспособилъ къ клавесину новое усовершенствованіе, введенное въ моду знаменитымъ игрокомъ на лютнѣ Денисомъ Готье, прозваннымъ *Денисомъ древнимъ* или *Готье старымъ*. Въ Парижѣ въ то время не было еще Лирическаго театра; итальянскіе пѣвцы, вызванныя Мазарини, въ 1647 году, для исполненія *Les amours d'Hercole* (соч. Кавалли), не имѣли успѣха и давно уѣхали; Люлли еще не получилъ отъ Людовика XIV права поставить оперу, но, за всѣмъ тѣмъ, музыка была въ ходу, играли на *лютнѣ* и *теорбѣ*. Шамбониверъ и Луи Куперенъ отличались игрою на клавесинѣ. Боэсетъ (Boesset), Камберъ (Cambert), Мартинъ (Martin) и Пордигаль (Pordigal) сочиняли маленькія кантаты, имѣвшія успѣхъ въ гостиныхъ. Между ними особенно славился Мишель Ламбертъ. «Въ это время—говоритъ одинъ современный писатель—г. Ламбертъ, учитель королевской музыки и превосходный музыкантъ, усовершенствовалъ методу пѣнія, что отчасти способствовало къ развитію вообще музыкальнаго вкуса во Франціи.»

Были и скрипачи, теперь, впрочемъ, неизвѣстные; говорили много

о силѣ Бокана (Bocan); Лазаринъ (Lazarin) восхищалъ граціею; нѣжный смычокъ Фукарда (Foucard) заставлялъ плакать.

Во Франціи въ это время существовало отдѣльное государство весьма кроткое, весьма невинное, права котораго уважалъ самъ король Франціи, не опасаясь нисколько новаго, имъ-же созданнаго царства, могущество котораго было безгранично и безотчетно. Царство это было совершенно музыкально и управляющій имъ носилъ титулъ короля скрипокъ (le roi des violons).

Этотъ король скипетромъ котораго былъ смычокъ, управлялъ и игралъ на скрипкѣ, вѣроятно, очень дурно. Онъ долженъ былъ объѣхать всю Францію (что видно изъ грамматъ), устроить общества скрипачей во всѣхъ провинціяхъ королевства и раздавалъ за десять ливровъ магистерскіе патенты. И такъ, за десять ливровъ можно было получить званіе скрипача. Повидимому охотниковъ было много и число пистолей, льющихся въ карманѣ короля скрипокъ, доставляло ему порядочный доходъ.

Исторія не сохранила памяти о великихъ подвигахъ этихъ королей и спасла отъ забвенія только нѣкоторыя имена. Когда Фробергеръ прибылъ во Францію, король скрипокъ назывался *Дюмануаръ*; онъ былъ преемникомъ *Константина*. *Дюмануаръ* мирно заступилъ мѣсто отца, но вскорѣ, утомленный заботами, онъ поступилъ какъ Силла—отрекся отъ власти. Онъ сдѣлалъ это по формѣ, у нотариуса, 1-го декабря 1693 года. Этимъ и кончилось странное музыкально общество продолжавшееся болѣе 300 лѣтъ.

Преданіе сохранило еще имя *Люлли*, который не носилъ, впрочемъ, титула: короля скрипокъ. Девятнадцать лѣтъ, онъ получилъ порученіе устроить и управлять обществомъ скрипачей Людовика XIV, состоящимъ изъ двадцати-четырехъ человекъ, и такимъ образомъ сдѣлался настоящимъ царемъ скрипокъ. Онъ употреблялъ неслыханныя усилія дать образованіе этимъ молодымъ артистамъ, которыхъ называлъ *своими дѣтьми*. Если нуженъ былъ примѣръ, онъ не задумывался разломать скрипку о голову одного изъ этихъ любимыхъ *дѣтей* и, подъ вліяніемъ такого попеченія школа процвѣтала. Впрочемъ, искусство игры на скрипкѣ вообще не было еще развито; высокія ноты были тогда *странною невѣдомою*, и долгое время приводили въ ужасъ старинныя оркестры. Старики-любители вспоминаютъ еще время, когда музыканты содрогались, открывая въ партитурѣ *ut* на квинтѣ. «Берегитесь этого *ut*!» говорилъ въ испугѣ капельмейстеръ и слова эти, какъ предвѣстники бѣды, пробѣгали по рядамъ, какъ-бы говоря «спасайся, кто можетъ!» Теперь искусные наши артисты, неустрашимые воздухоплаватели возносятся въ неизмѣримое пространство, ими самими созданное, о которомъ праотцы наши не имѣли понятія!

Обратимся къ Фробергеру, котораго мы оставили въ Вѣнѣ, знаменитаго уже въ восемнадцать лѣтъ, ставшаго въ ряды первыхъ артистовъ, любимаго императоромъ, прозваннаго своимъ *придворнымъ органистомъ*. Фробергеръ могъ-бы наслаждаться тихою жизнью, доставляющею ему свободу и почести, какихъ только можетъ добить-

ся артистъ. Я называю свободою то время, которое можно посвятить счастливымъ занятіямъ, непрерываемымъ ничѣмъ, работѣ, которая даетъ радость и въ самой себѣ заключаетъ вознагражденіе. Нѣсколько лѣтъ этого тихаго счастья утомили Фробергера; онъ рѣшился оставить Вѣну. Ему хотѣлось сдѣлаться извѣстнымъ, ознакомить другія страны съ своимъ талантомъ и раждающею славою. Великодушный покровитель его, императоръ Фердинандъ, которому Фробергеръ обязанъ былъ своимъ талантомъ и состояніемъ, не существовалъ ужъ въ это время: онъ умеръ въ 1657 году. Леопольдъ былъ его преемникомъ. Фердинандъ, посреди тревогъ и волненій несчастнаго царствованія, сохранялъ постоянную привязанность къ музыкѣ и самъ занимался ею съ успѣхомъ; онъ написалъ много сочиненій, изъ которыхъ часть была напечатана, еще при жизни его, подъ названіемъ: *Musica caesarea*. До конца своей жизни онъ сохранилъ любовь къ музыкѣ. Почувствовавъ приближеніе послѣдняго часа, онъ велѣлъ позвать къ себѣ музыкантовъ своей капеллы и, оставшись наединѣ съ ними, пожелалъ, чтобъ они исполнили любимыя его пѣсы—то были тихія и грустныя мелодіи; жизнь его угасала подъ звуки торжественнаго концерта, и когда кончили послѣднюю пѣсу—императоръ уже не существовалъ.

Фробергеръ оставилъ Вѣну въ 1662 году. Снабженный отпускомъ отъ императора Леопольда, покровительствовавшего ему, подобно отцу, онъ собралъ плоды своей смирительной экономіи, превратилъ ихъ въ червонцы и отправился, черезъ Францію, въ Англію. Ему минуло двадцать—пять лѣтъ; онъ былъ въ апогеѣ своей славы и ухалъ полонъ надеждъ, полонъ желанія видѣть свѣтъ, искать приключеній, и столько-же счастливый оставить Вѣну, сколько былъ счастливъ въѣзжая въ нее, десять лѣтъ тому назадъ, съ шведскимъ посланникомъ. Желаніе испытать приключенія осуществилось очень скоро. Продолжительныя войны, опустошавшія Германію, оставили на границахъ много праздныхъ героевъ. Фробергеръ былъ окруженъ разбойниками и ограбленъ; у него отняли даже платье; такимъ образомъ опытъ убѣдилъ его, что неблагоразумно путешествовать съ червонцами въ карманѣ. Онъ, однако, не упалъ духомъ; нѣсколько эку ускользнули отъ пронизательности разбойниковъ. Купивъ въ ближайшемъ городѣ матросское платье и припрятавъ оставшіяся затѣмъ деньги, Фробергеръ рѣшился съ этими весьма небольшими средствами продолжать печальное путешествіе, предпринятое имъ съ такою радостью. Онъ горѣлъ нетерпѣніемъ увидѣть Лондонъ, гдѣ надѣялся скоро пріобрѣсти извѣстность и новое богатство. Дойдя до морскаго берега и увидя рыбацкую лодку, готовую отплыть въ Англію, онъ упросилъ рыбаковъ взять его съ собою. Предложеніе его принято, потому—что онъ силенъ и молодъ; его берутъ и вотъ онъ отправляется въ Англію рыбакомъ.

На морѣ ему не посчастливилось также, какъ и на землѣ: у предѣловъ своего странствованія, въ виду страны, которая была цѣлью всѣхъ его желаній, подымается страшная буря, выбрасываетъ на берегъ слабое, небольшое судно и разбиваетъ его объ утесъ. Фробергеръ, не колеблясь, бросается въ море, борется съ волнами и достигаетъ на-

конецъ той счастливой страны, гдѣ думаетъ найти богатство и славу—но въ какомъ состояніи и подъ какими грустными предзнаменованіями: въ отчаянной борьбѣ съ разъяренными волнами, пропали послѣднія его деньги; онъ, одинъ, въ чужой странѣ, безъ средствъ; ему представляется одна возможность добраться до Лондона, это: поручить себя общественной благотворительности и просить милостыню. Онъ рѣшился на это и, протягивая руку, направилъ путь къ большому городу, куда прибылъ поздно вечеромъ, покрытый рубищемъ и изнемогая отъ усталости. Фробергеръ бродилъ по городу, отыскивая убѣжища на ночь, какъ вдругъ, услышалъ гдѣ-то вдали величественные звуки органа. При звукахъ этихъ онъ останавливается, глаза его наполняются слезами, рыданія вырываются изъ груди! Ему кажется, что онъ не одинъ въ мірѣ. Толпа, окружающая его въ незнакомыхъ улицахъ, представляется ему нечуждою; прохожіе будто знакомы ему; они друзья, братья ему; они все подадутъ ему руку. Какъ въ бреду, идетъ онъ, радостный, къ этой дорогой гармоніи, къ этимъ аккордамъ, которые теперь звучатъ такъ близко отъ него; изнуренный, едва переводя дыханье, онъ достигаетъ Вестминстерскаго аббатства, откуда несутся утѣшительные звуки, и бросается въ храмъ. Но едва проникъ онъ туда, какъ послѣдніе звуки органа умолкли, вечерняя служба кончилась и толпа, погруженная въ задумчивость, оставляетъ храмъ. Распростертый на камнѣ, Фробергеръ молить Бога, спасаго его отъ волнъ, спасти его отъ ужасной нищеты. Въ пылу жаркой молитвы своей, онъ не замѣчаетъ, что остался одинъ въ храмѣ, что даже огни погашены и двери запираются. Къ Фробергеру подошелъ старикъ, высокаго роста, еще несогбенный лѣтами; онъ только-что сошелъ съ хоровъ, сопровождаемый служителемъ, съ лампою въ рукѣ.

— Выйдите, сказалъ старикъ Фробергеру.—никто не можетъ оставаться здѣсь послѣ службы; удалитесь.

Фробергеръ тихо поднялся и пошелъ къ дверямъ, на которыя указалъ ему строгій старикъ. Въ эту минуту лучъ лампы, бывшей въ рукахъ служителя, пробившись сквозь тьму, наполнявшую церковь, освѣтилъ блѣдное лицо молодаго чужестранца. Старикъ, казалось, угадалъ его страданія и былъ пораженъ ими.

— Откуда вы? спросилъ онъ уже менѣе строгимъ голосомъ: — вы кажетесь страдающимъ и несчастнымъ...

— Да, отвѣчалъ Фробергеръ:—разбойники ограбили меня; буря довершила мое разореніе. Я безъ всякихъ средствъ!

Старикъ будто не повѣрилъ, но, подумавъ съ минуту, сказалъ:

— Я хочу вѣрить вамъ и мнѣ жаль васъ. Впрочемъ, продолжалъ онъ:—счастливый для васъ случай даетъ мнѣ возможность помочь вамъ. Я органистъ короля и этого аббатства; мой раздувальщикъ мѣховъ отошелъ вчера—хотите занять его мѣсто?..

При этомъ странномъ предложеніи, странность котораго, впрочемъ, сознавалъ только Фробергеръ, дрожь пробѣжала по немъ съ головы до ногъ. Все мнѣ известно, въ чемъ состоитъ должность органаго раздувальщика: силою рукъ приходится приводить въ движеніе огромные

мѣхи, сообщающіе воздухъ громадному инструменту; надо дѣйствовать безъ отдыха: если раздувальщикъ остановился, если нѣтъ воздуха—нѣтъ болѣе звуковъ, нѣтъ гармоніи, все умолкаетъ и нѣмыя клавиши напрасно опускаются подъ руками органиста: мысль умираетъ, невысказавшись, за недостаткомъ воздуха.

Человѣкъ, говорившій съ Фробергеромъ, былъ Христофоръ Джиббонсъ, органистъ Карла II, Вестминстерскаго аббатства и профессоръ музыки Оксфордскаго университета. Фробергеръ хотѣлъ было сказать свое имя, но, зная, что старшій органистъ недобѣрчивъ и завистливъ, промолчалъ: бѣдственное положеніе, въ которомъ онъ находился, заставило его почесть себя счастливымъ, принимая предложеніе Джиббонса. Онъ надѣялся, впрочемъ, что унижительное занятіе, на которое рѣшился, легко доставитъ ему средство сдѣлаться извѣстнымъ. Тотчасъ же Фробергеръ послѣдовалъ за своимъ новымъ патрономъ и на другой день вступилъ въ должность.

Джиббонсъ, грубый и бранчивый, нашелъ, однакожъ, что чужестранецъ довольно хорошо исполняетъ свою обязанность; но если старшій органистъ англійскаго короля, докторъ музыки Оксфордскаго университета, былъ доволенъ услугами своего молодого раздувальщика, органистъ германскаго императора и вѣнскаго собора, сдѣлавшись раздувальщикомъ, не былъ доволенъ своимъ патрономъ; онъ находилъ, что стиль его музыки старъ, что сочиненія его тяжелы, что у него не было вдохновенія. Двадцать разъ хотѣлъ онъ измѣнить своему инкогнито — броситься къ клавишамъ органа, наполнить храмъ чудною импровизаціею... но мысль, что его пойметъ только завистливый патронъ, прогнать какъ негодяя, лишить его насущнаго, хотя и горькаго, хлѣба, удерживала Фробергера, и онъ продолжалъ исправлять должность машины, работать какъ навьюченная лошадь. Насталъ, однако, день, когда бѣдный раздувальщикъ понялъ, что пора разорвать тяжелья цѣпи и показать Фробергера безъ отвратительной маски, подъ которою онъ задыхался. Карлъ II только-что вступилъ въ бракъ съ Екатериною португальскою. При дворѣ давались большія празднества. Великолѣпный органъ былъ поставленъ въ одной изъ галерей дворца; въ этой галереѣ готовился блестящій банкетъ и Джиббонсу предстояло играть на новомъ инструментѣ. Въ утро этого торжественнаго дня онъ предупредилъ своего раздувальщика, что онъ долженъ сопровождать его ко двору и для того надѣть лучшее платье. Фробергеръ предугадывалъ, что день этотъ долженъ быть днемъ его освобожденія; образованный дворъ, эти блестящіе слушатели поняли бы его, и, во что бы то ни стало, надо было найти средство быть услышаннымъ.

Король, королева и весь дворъ вошли въ залу пиршества. Джиббонсъ начинаетъ импровизацію, подготовленную за нѣсколько дней; все умолкаетъ, чтобъ слушать, все восхищается чуднымъ звукомъ органа, превосходнаго произведенія извѣстнаго мастера... вдругъ, въ началѣ торжественной фразы, на которую рассчитывалъ органистъ, величественныя звуки умолкаютъ, органъ безмолвствуетъ; слышны только изу-

родованные остатки аккордовъ, которые замирають со стономъ, какъ послѣдніе вздохи умирающей гармоніи. Между-тѣмъ, какъ изумленные слушатели приписываютъ это молчаніе несовершенству инструмента, Джиббонсъ, одинъ, подозрѣваетъ измѣну: онъ бросается къ мѣхамъ и вылить тамъ, Фробергера неподвижнаго и спокойнаго. Увлеченный гнѣвомъ, онъ грозитъ ему.. онъ бьетъ его!.. Но Фробергеръ предвидѣлъ все; безропотно переноситъ онъ злобу и грубость справедливо-раздраженнаго старика, бросаясь къ органу, занимаетъ мѣсто передъ клавишами, а между-тѣмъ, по его предварительному приказанію, сильная рука посылаетъ во внутренность благороднаго инструмента, большое количество воздуха. Фробергеръ опять чувствуетъ себя тѣмъ, чѣмъ былъ прежде при германскомъ дворѣ. Пламя, таившееся въ немъ, вспыхиваетъ и озаряетъ его! Послушный органъ повинуется сильнымъ пальцамъ; звучныя педали дрожатъ подъ ногами; величественныя и благородныя идеи рождаются въ воспаленной головѣ; клавиши передаютъ ихъ; тысячи гармоническихъ звуковъ, исполненныхъ огня и жизни, какъ-будто бѣгутъ въ огромной залѣ... Всѣ поражены. Геній Фробергера высказался!.. Къ тому же, нѣкоторые изъ приворныхъ, слышавшіе его въ Вѣнѣ, или Дрезденѣ, узнали могущественную игру—это необыкновенное искусство, заимствованное молодымъ артистомъ отъ своего учителя Фрескобальди, искусство придавать пріятность самымъ смѣлымъ диссонансамъ.

Бѣдный Джиббонсъ забыть, а Фробергеръ призванъ къ королю. Здѣсь онъ долженъ былъ объяснить свое неожиданное появленіе и, какъ герой рыцарскихъ романовъ, рассказать свои странныя похождения, которые привели его, наконецъ, къ англійскому двору. Король приказалъ принести клавесинъ, и Фробергеръ своею игрою, полною граціи и нѣжности, привелъ въ восторгъ только-что восхищавшихся имъ слушателей. Король, чтобъ почтить артиста, тутъ же далъ ему съ своей шеи золотую цѣпь. Фробергеръ съ этого дня вошелъ въ моду, и, какъ теперь говорится, сталъ львомъ общества. Всѣ хотѣли видѣть и слышать знаменитаго музыканта. Странность его приключеній, его талантъ, далеко превосходящій все, что, до-тѣхъ-поръ слышали, придали ему много вѣсу при дворѣ и въ обществѣ. Фробергеръ могъ-бы, какъ сдѣлалъ позднѣе его соотечественникъ Гендель, остаться въ Англіи и упрочить тамъ свою славу и состояніе; но, казалось, какой-то тревожный духъ всегда гналъ артиста изъ тѣхъ мѣстъ, куда съ большими усилиями приводилъ его добрый геній. И вотъ, второй разъ Фробергеръ бросаетъ блестящее и почетное положеніе, и такимъ-образомъ пренебрегаетъ случаемъ прославить свое имя, что пріобрѣтается, какъ извѣстно, только постоянными трудами. Талантъ еще не все въ артистѣ: терпѣніе и постоянство даютъ ему положительность и побѣждаютъ время. Гендель, чужестранецъ въ Англіи, какъ и Фробергеръ, сумѣлъ упрочить тамъ славу своего имени; конечно, онъ въ высшей степени обладалъ творческою способностью, которой не доставало, кажется, его предшественнику; но, кромѣ того, во всѣхъ его твореніяхъ видѣвъ отпечатокъ силы и твердой, энергической во-

ли. Эти неизмѣнныя формулы, этотъ могущественный стиль обрисовываютъ челоѣка, рѣшившагося не отступать, не выигравъ поля битвы. Гендель смотрѣлъ на Англію, какъ на покоренную имъ землю; онъ хотѣлъ оставить тамъ прочныя слѣды своего владычества, и Англія полна его именемъ; слава и творенія его остались тамъ твердыми памятниками.

Фробергеръ, пробывъ нѣсколько лѣтъ въ Лондонѣ, вздумалъ покинуть это второе отечество: имъ овладѣла тоска по родинѣ, онъ хотѣлъ возвратиться въ Вѣну, богатый вновь пріобрѣтенною славою... Но—увы! молва о ней не послѣдовала за нимъ. Такъ-какъ талантъ его прежде всего былъ талантъ исполнителя, и какъ онъ ничего не издавалъ, покуда восхищались имъ въ Лондонѣ, его забывали въ Вѣнѣ, гдѣ онъ былъ принятъ холодно. Не смотря на званіе императорскаго органиста, которое онъ сохранилъ, его не приглашали играть при дворѣ. Онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ; прошеніе приняли, увольненіе было объявлено въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, но все-таки это было увольненіе. Онъ понялъ, что ему уже не было мѣста въ этомъ большомъ городѣ, театрѣ его первыхъ торжествъ, и покинулъ Вѣну послѣдній разъ, глубоко разстроенный, и съ сердцемъ, наполненнымъ горести.

Есть артисты съ счастливыми характерами, для которыхъ воспоминаніе о прежнихъ успѣхахъ всегда сладко, которые утѣшаются ими и находятъ въ воспоминаніяхъ этихъ, какъ-бы они ни были стары, счастье всей жизни. Украшенные своими собственными руками, всегда зеленѣющимъ лавромъ, они каждый день воспѣваютъ гимнъ своей славы и упиваются ею съ тихимъ восторгомъ.

Другіе, напротивъ, не могутъ, безъ раздражающей сердца грусти, вспомнить успѣховъ, пережитыхъ ими и предающихся съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе забвенію. Они хотѣли бы воскресить призраки и воспоминанія этихъ торжествъ, такъ имъ-горько, что эти призраки преслѣдуютъ ихъ какъ упрекъ.

Фробергеръ принадлежалъ къ числу послѣднихъ несчастныхъ артистовъ. Онъ удалился въ Майнцъ, сожалея всегда о шумѣ рукоплесканій, великолѣпнн двора, милостяхъ монарха и упоительной тревогѣ, сопровождающей успѣхъ. Долго еще жилъ онъ въ этой грусти и въ этомъ уныніи, употребляя свободное время на заготовленіе матеріаловъ для исторіи своей жизни и приводя въ порядокъ сочиненія, которыхъ не хотѣлъ, однако, печатать. Они изданы, и были въ большомъ ходу послѣ его смерти. Фробергеръ умеръ въ Майнцѣ, въ 1695 году, и если былъ не знаменитѣйшимъ органистомъ Германіи, то, по-крайней-мѣрѣ, первый пріобрѣлъ извѣстность.

(Revue de Paris).

III ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ, ИСКУССТВАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Основныя начала животнаго организма. — Наука давно опровергла заблужденія древнихъ, утверждавшихъ, что всѣ тѣла въ природѣ состоятъ изъ четырехъ стихій: огня, воды, воздуха и земли; теперь мы знаемъ множество *простыхъ*, несоставныхъ тѣлъ. Мы знаемъ, что многія безжизненные вещества, находимыя въ природѣ, входятъ въ составъ животнаго организма. Газы, какъ, напримѣръ, кислородъ, водородъ, азотъ, и простые тѣла, какъ: углеродъ, сѣра, фосфоръ, натрї, составляютъ жидкости и ткани нашего организма. Посредствомъ способовъ, неизвѣстныхъ древнимъ химикамъ, жидкости и ткани эти могутъ быть разложены на простѣйшія тѣла, которыя почитаются настоящими матеріалами органическихъ тѣлъ. Кровь, мясо, нервы состоятъ изъ особенныхъ веществъ, которыя могутъ быть отдѣляемы одно отъ другаго и которыя, хотя тоже, въ свою очередь, составныя тѣла, но образуютъ *элементы* организма. Изъ крови извлекаютъ бѣлое эластическое вещество, нераспускающееся въ водѣ и называемое *фибриною*, которое и составляетъ элементъ, или основное вещества крови. Для различія этихъ основныхъ веществъ отъ дѣйствительно простыхъ тѣлъ, называютъ ихъ *непосредственными основными веществами*. Такимъ образомъ непосредственныя основныя вещества крови: фибрина, бѣлковина, вода, особенное окрашивающее вещество, множество солей и другихъ матеріаловъ. Кровь, питающая всѣ органы и безпрестанно возобновляющаяся, должна содержать въ себѣ всѣ матеріалы, изъ которыхъ составленъ организмъ.

Нѣкоторыя изъ простыхъ тѣлъ, содержащихся въ животномъ организмѣ, находятся въ немъ въ двухъ видахъ: или въ соединеніи съ другими простыми тѣлами, или въ отдѣльномъ видѣ. Напримѣръ: кислородъ содержится въ крови въ чистомъ видѣ и можетъ быть извлекаемъ изъ нея безъ всякой примѣси, слѣдственно можетъ почитаться непосредственнымъ основнымъ веществомъ животнаго организма; но вмѣстѣ съ тѣмъ входитъ онъ въ составъ и другихъ сложныхъ непосредственно-основныхъ тѣлъ. Большая часть простыхъ тѣлъ входитъ въ организмъ только въ составномъ видѣ, такъ, напримѣръ: углеродъ, сѣра, фосфоръ, калий, натрій; они никогда не бываютъ отдѣльно въ организмѣ, но въ соединеніи съ кислородомъ, или съ солями, входящими въ составъ человѣческаго организма.

Слѣдственно жидкости, ткани и органы животнаго организма состоятъ изъ такъ называемыхъ непосредственныхъ основныхъ веществъ, которыя могутъ быть отдѣляемы одни отъ другаго. Древніе химики были неопытными тружениками, которые, сломавъ зданіе, получали изъ него только развалины и пепель. Нынѣшніе гораздо осторожнѣе: они обратно собираютъ весь матеріалъ. Къ сожалѣнію, наука еще не дошла до сихъ-поръ, до того, чтобы, разложивъ кровь и ткани на непосредственныя основныя начала, составить изъ нихъ опять такую же кровь, мясо и проч. Синтезисъ будетъ тогда только возможенъ, когда

анализъ будетъ въ точности выполненъ; но наука объ органической жизни еще не такъ далеко ушла на этомъ пути.

Откуда происходятъ непосредственныя основныя начала? гдѣ они образуются? гдѣ находятся? сколько ихъ? До-сихъ-поръ ихъ насчитали семьдесятъ восемь, но безпрестанно открываютъ новыя. Да и все они дѣйствительно ли таковы въ организмѣ, какъ мы ихъ оттуда извлекаемъ, или образуются, можетъ-быть, при процесѣ анализа? Настоящее непосредственное основное начало должно быть въ томъ же химическомъ составѣ получаемо изъ организма, въ какомъ находится внѣ его. Оно не должно подвергаться другой перемѣнѣ, кромѣ той, какая бываетъ при переходѣ изъ живаго состоянія въ мертвое. Напримеръ: фибрина, получаемая изъ мертвой крови, разнится отъ фибрины живаго тѣла. Въ послѣднемъ она жидка въ жидкой крови, и, однакоже, она составляетъ непосредственное основное начало, потому-что сама отдѣляется, и для полученія ея нельзя примѣшать къ крови ничего посторонняго.

То же самое бываетъ и съ кислородомъ въ крови. Стоитъ только поставить кровь подъ воздушный насосъ, и кислородный газъ самъ показывается. Газъ этотъ находится въ крови только въ чистомъ видѣ, какъ соль въ слювѣ и въ уринѣ, потому-что еслибъ онъ былъ соединенъ съ другимъ началомъ, то не такъ бы легко отдѣлился отъ него.

Тѣло, распускаясь, не измѣняетъ химической своей природы. Морская соль, въ отношеніи къ химическому своему составу, одинакова какъ въ твердомъ тѣлѣ, такъ и въ растворѣ; морская соль, находящаяся въ жидкихъ частяхъ организма, остается неизмѣнною и легко отдѣляется; слѣдственно и ее должно почитать непосредственнымъ основнымъ началомъ. Но, какъ многія вещества, почитаемыя началами, получаютъ послѣ многотрудныхъ процесовъ, то и нельзя навѣрное сказать, чтобъ они были непосредственными основными началами.

Весьма важенъ вопросъ о происхожденіи этихъ началъ: получаемъ ли мы ихъ ужъ готовыми съ воздухомъ, которымъ дышемъ, или съ пищею, принимаемою желудкомъ? Или организмъ нашъ имѣетъ силу составлять себѣ изъ самыхъ простыхъ тѣлъ непосредственныя основныя начала? И когда эти начала образовались, то могутъ ли они превращаться одно въ другое?

Въ прежнія времена не сомнѣвались, что животное тѣло составляетъ родъ лабораторіи, въ которой, подъ вліяніемъ жизненнаго процесса, все простѣйшія начала могутъ всевозможнымъ образомъ соединяться. Даже думали, что этотъ процессъ можетъ составлять простыя начала. Предположеніе это основывалось на томъ, что изъ куринаго яйца выходилъ вполне образовавшійся цыпленокъ съ костями, мясомъ перьями, тогда-какъ, во время высидиванія яйцо ничего не получало извнѣ.

Но новѣйшая химія, своими точными измѣреніями и анализомъ, доказала, что цыпленокъ, въ сравненіи съ яйцомъ, ничего не выигралъ по вѣсу, и что въ составныхъ частяхъ яйца находятся все матеріалы

въ образованію цыпленка. Онъ не создалъ себѣ ни фосфора, ни азота, ни углерода, ни кислорода, находящихся въ костяхъ его и мясѣ: всѣ эти матеріалы находились въ желткѣ и бѣлкѣ яйца, а природа разработала ихъ и распредѣлила, подобно тому, какъ молоко, питающее новорожденного младенца, служить ему къ развитію всѣхъ органовъ. Но если рѣшено теперь, что самый процессъ жизни не можетъ изъ ничего сдѣлать что-нибудь; что онъ не создаетъ основныхъ началъ; что, напротивъ того, власть его только тѣмъ ограничивается, что приводитъ въ новыя соединенія матеріалы, находящіяся въ самомъ составѣ животнаго и въ его пищѣ, то отъ развитія цыпленка изъ яйца и изъ рожденія животнаго, которое всѣ свои части и органы, отъ крови до костей, зубовъ и волосъ, развиваетъ отъ молока, оказывается, что этотъ жизненный процессъ имѣетъ неоспоримое свойство соединять простыя тѣла и составлять изъ нихъ непосредственныя основныя начала организма.

И однако же, многіе ученые оспаривали это свойство въ животномъ организмѣ и предоставляли его только растительному царству, то есть утверждали, что только растенія имѣютъ способность производить такъ называемыя органическія составныя вещества, необходимыя для образованія животнаго организма. Утверждали, что одни растенія извлекаютъ изъ земли и воздуха простыя начала, какъ, на примѣръ, кислородъ, водородъ, углеродъ, азотъ и соли; и соединяя эти вещества самымъ разнообразнымъ образомъ, составляютъ изъ нихъ клейковину, фибрину, бѣлковину и проч. Животныя не получаютъ эти матеріалы совершенно уже готовыми изъ растеній, служащихъ имъ пищею. Это, другими словами, значить, что разработка основныхъ началъ животнаго царства предоставлена растительному, и травоядныя животныя получаютъ ихъ изъ растеній, плотоядныя—изъ звѣрей, служащихъ имъ пищею, а всеядныя—какъ изъ растеній, такъ и животныхъ.

По этому предположенію высочайшая степень способности соединять основныя начала предоставлена не высшему и совершеннѣйшему организму животныхъ, а простому растительному; но предположеніе это несогласно съ фактами. Въ растеніяхъ вовсе не находятся всѣ непосредственныя основныя начала, являющіяся въ животномъ организмѣ; а сверхъ того, примѣръ цыпленка, вылупляющагося изъ яйца, и животнаго, питающагося молокомъ матери, доказываютъ, въ какой сильной степени животный организмъ обрабатываетъ изъ простыхъ тѣлъ сложныя вещества. Но нельзя, однакожъ, оспорить, что первое оживленіе неорганической матеріи происходитъ въ волокнахъ растенія, и что если здѣсь образуется хотя одно непосредственное основное начало животнаго организма, то оно, можетъ-быть, служить основаніемъ и источникомъ всѣхъ другихъ.

Теперь ясно, что должно понимать подъ словами непосредственное основное начало животнаго организма. Это вещества, изъ которыхъ составлены жидкости, ткани и органы животнаго; которыя легко могутъ быть отдѣляемы одно отъ другаго и почитаемы элементами животной жизни, хотя они и образованы изъ настоящихъ простыхъ тѣлъ

кислорода, водорода, углерода, азота, сѣры, фосфора и проч. Это непосредственныя животныя основныя начала: хлористой натръ, углекислое кали, вода, кислородокислая известь, урей, бѣлковина, казеинъ и тому подобное.

До сихъ поръ думали, что предметы изученія животнога организма должны составлять отдѣльныя науки. Это неосновательно. Все это *анатомія* и всѣ составныя части ея равно нужны для врача и хирурга, какъ для часовщика всѣ составныя части часовъ. Но всеобщая анатомія разсуждаетъ только о частяхъ построенія тѣла, а не о химическомъ составѣ ихъ, и однакожь, послѣдней очень важенъ для врача и для физиолога. Узнавъ, напримѣръ, что нѣкоторыя части кожи, весьма различныя и отдаленныя между собою, какъ-то: водянистая кожа на суставахъ, на лѣгкихъ и на мозгу, одинаково устроены, открыли, что и болѣзни этихъ кожъ одинаковы въ колѣнкахъ, въ груди и въ головѣ. Этимъ открытiемъ прославился Биша.

А потому недовольно знать внутреннее устройство органовъ: надобно изслѣдовать, изъ какого вещества они состоятъ. Тутъ анатомикъ вступаетъ въ область химiи. Уже за тридцать лѣтъ тому назадъ, Бекларъ сказалъ, что подъ словомъ анатомiя не должно понимать одну механическую часть, но и химическую. Шверель, Либихъ, Берцелiусъ, Дюма, Реньо занимались изслѣдованiемъ жирныхъ тѣлъ, крови и соковъ мяса (превосходный трудъ Либиха) и причинами животной теплоты (Реньо). Всѣ химики, занимавшiеся изслѣдованiями организма, помнили, что имѣютъ дѣло съ веществами, подвергнутыми таинственному влiянiю жизненнаго процесса.

Напримѣръ: желтая кровяная щелочная соль съ сыворотчюкислымъ желѣзомъ производитъ, какъ извѣстно, берлинскую синьку. Введите же оба эти вещества въ кровь живаго животнога, они никакъ не дадутъ синьки. Жизненный процессъ и присутствiе другаго органическаго начала мѣшаютъ ихъ соединенiю. Оно совершается только тогда, какъ это органическое начало разрушится ѣдкимъ веществомъ, напримѣръ: сѣрною кислотой. (Magazin für die Litteratur des Auslandes).

Самопеченiе хлѣба. — Одинъ парижскiй смотритель госпиталей нашелъ новое средство *самопеченiя хлѣба*. Процессъ простъ, опротивъ и мука даетъ четыре процента хлѣба больше противъ нынѣшняго способа.

Весь механизмъ состоитъ въ цилиндрѣ, раздѣленномъ на двѣ половины посредствомъ рѣшетки съ четвероугольными отверстиями. Въ одну половину вкладываются мука, вода и кислое тѣсто. Рукоятка, приводя въ движенiе роль ступки, мѣшаетъ всю смѣсь и перегоняетъ ее въ другую половину цилиндра, а оттуда снова въ первую половину, и такимъ образомъ раза четыре сряду. Этимъ образомъ тѣсто мѣсится чрезвычайно хорошо и на это потребно гораздо меньше времени нежели теперь, да и хлѣбъ приобретаетъ отличный вкусъ.

(Moden Zeitung).

Новое вышиваніе безъ иголки. — Нынѣ въ Парижѣ вышиванье гладью на мужскихъ тонкихъ рубашкахъ и другихъ предметахъ производится посредствомъ поташа. Сперва рисунокъ рисуется на полотнѣ, или батистѣ, а потомъ свободныя мѣста отъ рисунка покрываются гумми; наконецъ же все погружается въ крѣпкій поташный растворъ. Вскорѣ на мѣстахъ, непокрытыхъ гумми и составляющихъ настоящій узоръ, образуется шероховатая возвышенность, какъ-бы произведенная шитьемъ. Самые опытные глаза едва могутъ отличить его отъ настоящаго шитья. Одно неудобство при этомъ, что ткань отъ поташа нѣсколько переѣдается и теряетъ на 15% прочности. (Moden Zeitung).

Большой пароходъ. — Величайшій пароходъ въ свѣтѣ будетъ, конечно, строящійся нынѣ въ Лондонѣ у гг. Скоттъ Ролена и Комп, и назначаемый для Остъ-Индской компаніи. Онъ будетъ длиною въ 680 футовъ (слишкомъ 95 сажень), шириною 83 (около 12 сажень), вышиною въ 58 футовъ (8 сажень 2 фута). Его винтовая и колесовая машина (потому что обѣ системы будутъ употреблены вмѣстѣ) будетъ въ 2600 лошадиныхъ силъ. Кромѣ запаса угля въ 4—6000 тоннъ, на все путешествіе въ Индію и Австралію, будетъ на пароходѣ мѣсто на 5000 тоннъ товаровъ, 500 пассажирскихъ каютъ и, сверхъ того, достаточное пространство для пассажировъ втораго и третьяго класса. Вся нижняя часть парохода на 6 футовъ выше ватерлиніи будетъ устроена съ двойною подшивкою, дабы отдѣльное поврежденіе судна не подвергало его опасностямъ. Паровые аппараты будутъ приводимы въ движеніе различными котлами, такъ-что поврежденія дѣйствія винтовой системы не мѣшаетъ колесовому, и обратно. Разсчитываютъ, что она будетъ дѣлать въ часъ по 18 узловъ, и что на путешествіе изъ Англіи въ Остъ-Индію около Мыса Доброй Надежды потребно будетъ безъ остановокъ 30—33 дни, а въ Австралію 33—36 дней.

(Novellen Zeitung).

Новые опыты надъ электрическими измѣненіями въ тѣлахъ при удаленіи ихъ отъ земли и приближеніи къ ней. — Опыты эти привели къ открытію новаго явленія электризаціи и неизвѣстнаго до-сихъ-поръ общаго свойства тѣлъ, выражающагося слѣдующимъ закономъ: всѣ тѣла въ нормальномъ состояніи даютъ признаки стекляннаго (положительнаго) электричества при удаленіи ихъ отъ земли, тогда-какъ другія тѣла даютъ смолистое (отрицательное) электричество при приближеніи.

Паладжи производилъ эти опыты (открытые Цельтге) съ большою точностью. Онъ оставилъ электроскопъ неподвижнымъ, возвышая его и опуская посредствомъ изолированнаго металлическаго шара, сообщающагося съ электроскопомъ посредствомъ длинной нитки; а чтобъ легче узнавать родъ электричества, онъ употреблялъ электроскопъ съ сухимъ столбомъ Боненбергера. Дѣйствуя такимъ образомъ, онъ видѣлъ,

что электроскопъ указывалъ на смолистое электричество, какъ скоро поднятое тѣло начинало опускаться, не имѣя надобности доводить его близко до земли. Множество подобныхъ опытовъ убѣдили, что электричество, обнаруживающееся въ тѣлахъ, не имѣетъ простаго отношенія къ атмосферическимъ слоямъ, но происходитъ вслѣдствіе удаленія отъ земли, или приближенія къ ней.

Вотъ предложенія Паладжи и опыты, которыми онъ ихъ доказываетъ:

Первое основное предложеніе. Тѣло въ нормальномъ состояніи обнаруживаетъ положительное электричество, когда удаляется отъ земли, возвышаясь, и отрицательное электричество, когда приближается къ землѣ, опускаясь.

1-й опытъ. Берутъ длинную мѣдную проволоку, обвитую шелкомъ; приводятъ одинъ изъ концовъ ея въ сообщеніе съ электроскопомъ Боненбергера; другой конецъ прикрѣпляютъ къ валкѣ сургучу, чтобы изолировать ее. Держа ее посредствомъ этого сургуча, поднимаютъ и опускаютъ, сколько позволяетъ длина руки. Электроскопъ обнаруживаетъ положительное электричество во время возвышенія и отрицательное, когда опускается.

2-й опытъ. Поднимая и опуская посредствомъ изолирующаго аппарата другаго рода тѣло, напримѣръ, яблоко, въ которое воткнуть свободный конецъ проволоки, сообщаемой съ электроскопомъ, получается тотъ же самый результатъ. Но дѣйствіе прекращается, какъ скоро прикасаются къ яблоку рукою. Это приводитъ къ первому заключенію:

а) Не только металлическія тѣла, но и всякія другія подвержены этому закону.

3-й опытъ. Причина этого развитія электричества не сжиманіе мускуловъ. Явленіе происходитъ и тогда, какъ движенія дѣлаются посредствомъ шелковаго шнура на блокѣ. Надобно еще замѣтить, что въ этомъ опытѣ результатъ получается тотъ же: быстро ли производятъ движенія, или медленно, чтобы избѣжать тренія воздуха.

Изъ всего этого Паладжи заключаетъ слѣдующее:

б) Замѣченныхъ явленій нельзя приписать развитію электричества отъ сжиманія мускуловъ производящаго оцѣтъ.

с) Явленія эти не происходятъ и отъ тренія воздуха испытываемымъ тѣломъ, потому что ослабленіе этого тренія не измѣняетъ явленій;

д) Явленій этихъ нельзя приписать измѣненію электричества въ разныхъ атмосферическихъ слояхъ, потому что на той же высотѣ получается тотъ же результатъ и при обратномъ движеніи.

е) Простая перемѣна восходящаго движенія въ нисходящее уничтожаетъ всякій признакъ стекляннаго электричества и производитъ смолистое, не имѣя надобности доводить тѣло до точки, изъ которой движеніе началось.

ф) Сила электрическихъ явленій не имѣетъ видимаго отношенія къ быстрому, или медленному движенію, но кажется пропорціална пройденному пространству.

4-й опытъ. Когда производитель опыта станетъ на изоляторъ (скамью съ стеклянными ножками) и приведетъ себя въ сообщеніе съ электроскопомъ посредствомъ проволоки, на оконечность которой онъ наступитъ ногою, то оказывается:

г) что тѣ же самыя явленія получаются, поднимая, то опуская руку.

Второе предложеніе. При горизонтальномъ движеніи тѣла въ нормальномъ положеніи даютъ стеклянное электричество, если движутся въ свободномъ пространствѣ, и смолистое электричество, если приближаются къ преграждающему тѣлу.

Доказывающіе это опыты были слѣдующіе:

5-й опытъ. Тотъ же результатъ получается, когда производитель опыта самъ изолируется и будетъ протягивать, или сгибать руку горизонтально. Направленіе движенія въ отношеніи къ магнитному меридіану не имѣетъ никакого вліянія, слѣдственно:

а) явленія эти происходятъ по всѣмъ направленіямъ.

Третье предложеніе. Переходя къ изслѣдованію криволинейныхъ движеній, оказывается, что:

а) причина электрическихъ явленій состоитъ не въ поднятіи и опусканіи тѣлъ, а въ удаленіи, или приближеніи ихъ къ землѣ, или другимъ тѣламъ.

7-й опытъ. Когда производитель опытовъ изолируется, то всякій разъ, какъ онъ отведетъ руку свою отъ тѣла, обнаружится стеклянное электричество, а когда приблизитъ ее къ себѣ, то смолистое электричество; на примѣръ; если протянутую руку поднесетъ ко лбу.

б) Явленіе происходитъ то же, когда одно тѣло отдѣляется отъ другаго, какъ бы мала ни была отдѣляющаяся часть.

8-й опытъ. Изолированный производитель опыта наполняетъ ротъ волюю, потомъ по временамъ выпрыскиваетъ ее. При этомъ всякій разъ электроскопъ обнаруживаетъ присутствіе стекляннаго электричества.

9-й опытъ. Ставятъ кого-нибудь на изоляторъ. Производитель опыта находится отъ него въ нѣкоторомъ разстояніи, не будучи изолированъ. Если онъ рукою дотрогивается до изолированнаго, или только близко подноситъ руку, то обнаруживается смолистое электричество; если отнимаетъ руку, то стеклянное электричество. Явленіе это еще замѣтнѣе, когда производитель будетъ прохаживаться мимо изолированной особы. Вообще же признаки смолистаго электричества слабѣе, нежели стекляннаго.

Изъ этого можно заключить:

с) Для полученія электрическихъ явленій сближеніемъ, или удаленіемъ тѣлъ, не нужно соприкосновенія.

д) Признаки смолистаго электричества всегда слабѣе, нежели стекляннаго, хотя бы удаленіе было равное въ обоихъ случаяхъ.

Четвертое предложеніе. Изолирующія тѣла не избѣгаютъ этого общаго закона въ нормальномъ состояніи.

10-й опытъ. Берутъ проволоку, совершенно-покрытую шелкомъ, натертымъ воскомъ. Одинъ конецъ въ сообщеніи съ электроскопомъ,

а другой воткнуть въ кусокъ воска. Тогда получаются тѣ же явленія, не изолируя тѣла, слѣдственно:

а) Изолирующія тѣла, будучи дурными проводниками, не имѣютъ надобности быть изолированными, чтобъ произвести тѣ же явленія.

11-й опытъ. Явленія оказываются тѣ же, когда, вмѣсто мѣдной проволоки, покрытой воскомъ, употребляютъ шелковый снурокъ, прикрѣпленный къ куску воска, или къ стеклу. Изъ этого слѣдуетъ, что:

б). Относительно общаго закона: ни одно тѣло не можетъ назваться совершеннымъ изоляторомъ.

12-й опытъ. Тѣ же явленія получаются, отнявъ проволоку и приблизивъ къ электроскопу и удаляя отъ него простую палку сургуча, или стекла, а потому

с) Изолирующія, но не изолированныя тѣла производить тѣ же явленія безъ посредства проводника, а приближая, или удаляя ихъ отъ электроскопа.

Пятое предположеніе. Если тѣла, надъ которыми производятся опыты, будутъ не въ нормальномъ состояніи, а наэлектризованы положительно, то электроскопическія явленія происходятъ въ обратномъ видѣ: если же, отрицательнымъ электричествомъ, то явленія обнаруживаются въ большей силѣ.

13-й опытъ. Изолированную особу приводить въ сообщеніе съ электроскопомъ. Приблизивъ къ ней стеклянную палку, наэлектризованную треніемъ, получается стеклянное электричество; удаляя же ее получится смолистое.

14-й опытъ. Съ наэлектризованною палкою сургуча, приближая ее или удаляя, получится отрицательное, или положительное электричество.

15-й опытъ. Продолжая опыты нѣкоторое время, явленія слабѣютъ по мѣрѣ ослабленія электричества на стеклѣ, или сургучѣ, а наконецъ и возвращаются къ нормальнымъ явленіямъ.

Прибавимъ, что, для лучшаго успѣха, опыты надобно дѣлать на открытомъ воздухѣ.

(Magazin fur die Zitt).

IV. МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ и НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ.

Первая картина Корреджіо (разсказъ). Въ одномъ изъ дальнихъ кварталовъ маленькаго городка Корреджіо, жило въ половинѣ XV вѣка бѣдное семейство, тихое и честное, которое едва знали только немногіе сосѣди. Глава этого семейства занимался мелкою торговлею и долго поддерживалъ своими трудами существованіе своей жены и двухъ дѣтей, Стеллы и Антоніо. Но тяжкая болѣзнь лишила его силъ, и Марія Аллегри, оставшись между умирающимъ мужемъ и двумя голодными дѣтьми, просившими хлѣба, молила Бога, чтобъ Онъ подтвердилъ ее и далъ ей возможность, въ свою очередь, содержать семейство. Все вре-

мя, которое она не проводила у постели больного, она работала прилежно и неутомимо. Марія умѣла искусно дѣлать цвѣты и часто богатая дамы Корреджіо заказывали бѣдной женщинѣ гирлянды и головные уборы, или поддѣльные букеты, которые въ зимніе вечера напоминаютъ о веснѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ Марія могла поддерживать хозяйство, хотя съ большою экономіею; но скоро силы измѣнили ей. Безпокойство, горе и безсонныя ночи разстроили ея здоровье, и однажды вечеромъ она почувствовала такую слабость, что упала на стулъ, потому-что не могла держаться на ногахъ, и заплакала съ отчаяніемъ, вспомнивъ, что у ней осталось нѣсколько скуди и что она должна будетъ скоро просить милостыни, чтобъ не умереть съ голоду съ дѣтьми. Старый Аллегри, услышавъ рыданія жены, съ трудомъ приподнявъ голову и спросилъ ее слабымъ голосомъ :

— Что съ тобою, Марія?

— Я почувствовала какую-то слабость—отвѣчала она.—Не безпокойся, это пройдетъ.

— Пройдетъ! — повторилъ больной.—Ты меня обманываешь. Отчего ты больна?

— Я немного устала... черезъ день я отдохну и поправлюсь.

— Черезъ день ты поправишься,—сказалъ Аллегри, пристально смотря на жену.—Посмотри, какъ ты блѣдна, глаза твои потускли, губы побѣлѣли. Бѣдняжка! ты хочешь обмануть и себя и меня. Нѣтъ, одинъ день не поправитъ тебя. Ты страдаешь больше меня и я не могу ничѣмъ помочь тебѣ!..

Марія подошла къ больному и, взявъ его за руку, сказала съ чувствомъ :

— Успокойся, мой другъ. Ты двадцать лѣтъ заботился обо мнѣ и любилъ меня; теперь моя очередь работать, а тебѣ отдыхать. Это моя обязанность и въ ней нѣтъ ничего труднаго.

— Да, я теперь не могу быть вамъ полезнымъ. Жизнь оставляетъ меня, и я по неволѣ долженъ передать тебѣ всю тяжесть труда кормить свое семейство.

— Можеть-быть, все поправится—проговорила тихо Марія.—Кто знаетъ, чтó ожидаетъ насъ въ будущемъ?

— Будущее — сказалъ старикъ съ возрастающимъ отчаяніемъ:—оно готовить намъ еще большія испытанія. Я умираю и мнѣ некому поручить мою жену! Правда, у меня есть сынъ; но развѣ я могу на него надѣяться? До-сихъ-поръ онъ платитъ за мою любовь только неблагодарностью и непослушаніемъ. Что онъ сдѣлалъ для тебя и для своей сестры?

— Онъ еще такъ молодъ...

— Молодъ! Въ пятнадцать лѣтъ я кормилъ моего отца, Марія, а въ двадцать содержалъ цѣлое семейство. Болѣзнь и старость изнурили меня и привели къ бѣдности. Еслибъ, умирая, я зналъ, что ты будешь счастлива, то утѣшился бы... но Антонио—дурной сынъ.

Молодая дѣвушка подошла къ постели больного и слезы ея упали на руку старика.

— Это ты, Стелла, дитя мое? — сказалъ онъ слабѣющимъ голосомъ. — Ты одно мое утѣшеніе. Но твоя молодость и красота будутъ причиною твоего несчастія. Ты будешь страдать больше насъ.

Стелла вышла, чтобъ заглушить рыданія. Аллегри продолжалъ:

— Марія, что, не видать жениха?

— Все кончено! — отвѣчала она: — отецъ Лучіо неумолимъ. Наша бѣдность испугала его и онъ не соглашается на свадьбу сына.

— Но Лучіо увѣрялъ, что онъ можетъ rozpoзaгaть собою.

— Отецъ не хочетъ, чтобъ сынъ женился на нищей и требуетъ, чтобъ Стелла принесла приданое и пятьдесятъ дукатовъ!

Голова Аллегри упала на подушку; глаза старика закрылись и онъ, казалось, заснулъ. Все утихло; но черезъ нѣсколько минутъ подошелъ къ Маріи мальчикъ лѣтъ четырнадцати, и, со слезами на глазахъ, нагнулся къ ней. Бѣдная страдалица обняла его съ жаромъ и прошептала только одно слово:

— Антоніо!

— Матушка, сказалъ ребенокъ твердымъ голосомъ: — я все слышалъ и все понялъ: отецъ мой правъ: я дурной сынъ. Вы для меня много сдѣлали, а я еще ничего не сдѣлалъ для васъ. Пора и мнѣ приняться за работу.

— Что ты хочешь дѣлать, Антоніо?

— Работать и приносить всякій день домой то, что заработаю, — отвѣчалъ мальчикъ съ рѣшимостью. — Я радъ, что слышалъ случайно слова моего отца; а то-бы я продолжалъ лѣниться и онъ пересталъ бы любить меня...

— Что ты говоришь, Антоніо! развѣ отецъ можетъ разлюбить сына?

— Ты утѣшаешь меня, матушка!

— Отчего-же? онъ такъ добръ.

— Онъ запрещаетъ мнѣ рисовать и ломаетъ мои кисти. Я съ такимъ восторгомъ рисовалъ Мадонну!

— Твой отецъ несчастенъ и боленъ, дитя мое. Старайся не раздражать его и не сомнѣвайся въ его привязанности.

— Я знаю, что могъ потерять ее, — сказалъ Антоніо: — но съ завтрашняго же дня буду стараться заслужить его любовь. Прощай, матушка и не вѣрь, что я дурной сынъ.

Марія обняла ребенка и позвала свою дочь. Черезъ часъ всѣ спали въ домѣ Аллегри; только одинъ Антоніо, взволнованный словами отца, отыскивалъ средства, чѣмъ-бы загладить свою прежнюю вину и какое принять рѣшеніе. Только теперь онъ увидѣлъ и понялъ, какъ ужаена бѣдность его семейства. Дѣтская беззаботность покинула его и онъ чувствовалъ, что на немъ лежитъ тяжкая обязанность — заботиться о средствахъ къ существованію. «Дурной сынъ!» эти слова звучали у него въ ухахъ и онъ чувствовалъ, что не успокоится до-тѣхъ-поръ, пока не изгладитъ этого воспоминавія. Долго онъ не спалъ, составляя разные планы, а когда уснулъ, тѣ же мысли преслѣдовали его и во снѣ. Онъ всталъ раньше всѣхъ, тихонько поцѣловалъ отца и мать, не

равбудивъ ихъ, потомъ написалъ слѣдующую записку и положилъ ее на столъ:

« Не безпокойтесь обо мнѣ; я хочу заслужить прощенье отца. Пусть Стелла надѣется: можетъ-быть, я устраню препятствія ея свадьбы съ Лучіо. »

Антонио неслышно отворилъ дверь, всталъ на колѣна съ горячею молитвою и потомъ пошелъ по первой дорогѣ, которая ему попалась.

Черезъ два часа онъ былъ въ Моденѣ.

Очутившись одинъ посреди города, Антонио испугался и чуть было не раскаялся, что принялъ такое рѣшительное намѣреніе. Вокругъ него было столько шума и движенія, что онъ смѣшался и ему казалось, что онъ непременно погибнетъ посреди этого народа, какъ въ морскихъ волнахъ. Скоро, однако, онъ оправился и, отогнавъ дѣтскій страхъ, началъ думать серьёзно, чѣмъ-бы ему заняться.

Антонио не зналъ никакого ремесла. Отецъ нѣсколько разъ отдавалъ его въ ученье, но мальчикъ былъ такъ невнимателенъ и беззаботенъ, что ничему не выучился. Это происходило, впрочемъ, вовсе не оттого, что Антонио былъ лѣнивъ; онъ чувствовалъ отвращеніе отъ всякой работы, но его привлекали картины природы. Онъ бралъ карандашъ и забывалъ не только ученье, но даже часъ обѣда и сна— вотъ отчего происходили упреки старика и отчаяніе Антонио, когда ему запрещали рисовать. Теперь онъ понялъ, что отецъ бранилъ его за дѣло; что онъ требовалъ не пустаго рисованья, а полезной работы, которая спасла-бы отъ нищеты и голода бѣдную мать и сестру. Все это до того тронуло доброе сердце ребенка, что онъ, не думая о послѣдствіяхъ, оставилъ родительскій домъ съ одною мыслью: заслужить любовь отца и, можетъ-быть, спасти его отъ смерти. Онъ не зналъ еще, что будетъ дѣлать, но былъ увѣренъ, что Богъ не оставитъ его и подкрѣпитъ его дѣтскія силы. Между-тѣмъ въ мечтаніяхъ о неизвѣстной будущности время проходило, а Антонио еще ни на что не рѣшился и, въ раздумьи, бродилъ по улицамъ. Вдругъ онъ остановился передъ герцогскимъ дворцомъ, принадлежащимъ къ лучшимъ зданіямъ Италіи. На одномъ углу въ нишѣ находилось изображеніе Мадонны съ опущенными глазами и съ вѣткою въ правой рукѣ.

Она была чрезвычайно похожа на ту Мадонну, которую Антонио срисовалъ и которую старый Аллегри разорвалъ безжалостно. Тогда, забывъ всѣ свои планы, потерянное время и цѣль путешествія, мальчикъ сѣлъ на камень у дворца и, открывъ небольшой портфель, который онъ не забылъ взять изъ дому, досталъ карандашъ и листъ бумаги несовсѣмъ чистой, и началъ рисовать прекрасную Мадонну въ ясномъ сіяніи и съ Святымъ Младенцемъ на рукахъ.

Къ восторгу артиста присоединилась еще религіозная мысль: онъ намѣревался писать черты Богородицы съ благоговѣніемъ, и могъ надѣяться, что молитвы его будутъ услышаны и онъ найдетъ себѣ работу.

Антонио такъ занялся рисованіемъ, что не замѣтилъ, какъ вокругъ него собрались любопытные и одинъ изъ нихъ, богато одѣтый, на

гнулся надъ ребенкомъ и началъ слѣдить за его карандашомъ.

— Кто ты, дитя мое?—спросилъ наконецъ незнакомецъ, положивъ руку на плечо Антонію.—Ты изъ Модены?

— Нѣтъ, синьоръ, изъ Корреджіо, отвѣчалъ онъ, краснѣя.

— Кто тебя училъ рисовать?

— Никто.

— Давно ты здѣсь?

— Я пришелъ сегодня утромъ.

— Зачѣмъ?

При этомъ вопросѣ Антонію вспомнилъ о своихъ намѣреніяхъ и сказалъ съ волненіемъ:

— Ахъ, синьоръ, я пришелъ сюда отыскать какую-нибудь работу... потому-что мои родители очень бѣдны.

— Что-же ты хочешь дѣлать?

— Все, что мнѣ прикажутъ, отвѣчалъ Антонію скромно.—Я буду носить тяжести, буду служить, исполнять все порученія, только-бы мнѣ помочь моей матушкѣ.

Незнакомецъ подумалъ съ минутою, потомъ спросилъ:

— Какъ тебя зовутъ?

— Антонію Аллегри.

— Хочешь идти ко мнѣ? Я дамъ тебѣ работу, которая непременно понравится тебѣ. Ты будешь жить у меня. Согласенъ?

Тронутый мальчикъ проговорилъ нѣсколько невнятныхъ словъ, благодаря великодушнаго незнакомца; однако съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на свою неоконченную Мадонну.

— Пойдемъ ко мнѣ,—продолжалъ благодѣтель:—и, вмѣсто бумаги я дамъ тебѣ полотно, вмѣсто карандашей—кисть.

Образованный Антонію молча послѣдовалъ за своимъ покровителемъ, внутренно благодаря Мадонну. Они прошли лабиринтъ улицъ и остановились передъ красивымъ домомъ. Незнакомецъ постучался у двери и сказалъ:

— Вотъ мой домъ.

Потомъ онъ приказалъ подать обѣдать и посадилъ съ собою бѣднаго мальчика, которому давно не случалось обѣдать такъ вкусно.

Послѣ обѣда онъ повелъ Антонію въ садъ смотрѣть, какъ заходить солнце; и когда оно освѣтило окрестность послѣдними пурпуровыми лучами, онъ вошелъ въ большую залу, увѣшанную картинами въ богатыхъ рамахъ. По срединѣ стоялъ мольбертъ съ приготовленнымъ холстомъ. Вокругъ него на стульяхъ и столахъ разстановлены были ящики съ красками, кисти, палитры, словомъ: все принадлежности живописи. При этомъ видѣ сердце Антонію забилося сильнѣе и онъ задрожалъ отъ радости.

— Вотъ гдѣ ты будешь жить,—сказалъ синьоръ Пескаро, великодушный покровитель молодого живописца.—Я не ошибся, сказавъ, что эта жизнь понравится тебѣ. Ты можешь смотрѣть, какъ я буду рисовать, а потомъ и самъ понемногу научишься тому же. Многіе ве-

ликіе артисты начали тѣмъ, что приготовляли краски и мыли кисти у другихъ. Это будетъ и твое занятіе покуда.

Антоніо началъ со вниманіемъ разсматривать картины, висѣвшія по стѣнамъ, и синьоръ Пескаро подробно рассказывалъ ему сюжетъ каждой картины и расхваливалъ ея достоинства, что было несомнѣно скромно, потому-что онъ объявилъ съ гордостью; что все это его собственныя произведенія.

Когда ночь прервала эту интересную бесѣду, хозяинъ-живописецъ отвелъ мальчика въ особенную комнату и оставилъ его одного. Тогда только Антоніо опомнился и, перебирая все, что съ нимъ въ этотъ день случилось, запрыгалъ отъ радости. Какое неожиданное счастье! Онъ будетъ въ состояніи каждую недѣлю отсылать домой жалованье, которое назначить ему великодушный покровитель, потому-что здѣсь ему ничего не нужно: онъ окруженъ красками, холстами; работа его легка и пріятна. О, какъ добръ синьоръ Пескаро!

Одна только мысль безпокоила Антоніо и онъ напрасно старался отогнать ее. Она отравляла все его счастье и мучила какъ угрызенія совѣсти, почти какъ преступленіе. Что жъ было причиною этого и отчего бѣдный ребенокъ громко обвинялъ себя въ неблагодарности?..

Онъ нашелъ чрезвычайно дурными хваленія картины синьора Пескаро!..

Это требуетъ объясненія. Моденскій дворянинъ синьоръ Пескаро былъ добрый и неглупый человекъ, но, къ несчастію, у него была страсть къ живописи. Въ эту эпоху, когда славилась имена Джіото, Чимабуэ, Буонароти, Рафаэля, богатые и знатные люди завидовали этой славі и хотѣли прибавить къ своимъ гербамъ артистическую извѣстность, уважаемую во всей Италіи.

Эти люди думали, что богатство и упрямство могутъ замѣнить талантъ и вдохновеніе; притомъ-же льстецы и друзья, пользуясь роскошными праздниками и обѣдами, увѣряли, что у нихъ несравненные таланты и что они превосходятъ первоклассныхъ артистовъ. Синьоръ Пескаро принадлежалъ къ этимъ людямъ, воображающимъ себя геніальными, къ этимъ труженикамъ искусства, которые осуждены стоять у порога храма и никогда туда не войдутъ, и несчастныя картины которыхъ служатъ потомъ вывѣсками лавочекъ.

Однако Антоніо не сказалъ Пескаро, что не уважаетъ его таланта и обходился съ нимъ всегда почтительно. Не рѣшаясь поступать противъ совѣсти и противорѣчить своему благодѣтелю, онъ только молчалъ, слушая его разсужденія о живописи и внутренно благословлялъ его за то, что онъ спасъ цѣлое семейство. Онъ даже хотѣлъ заставить себя восхищаться произведеніями благороднаго Пескаро, но это было выше силъ молодаго артиста. Къ счастью, еще у него не спрашивали его мнѣнія; бѣдный мальчикъ былъ бы приведенъ въ самое затруднительное положеніе: ему надобно было или солгать, или оскорбить своего покровителя.

Около года Антоніо усердно исполнялъ должность служителя въ мастерской и аккуратно получалъ жалованье, которое отсылалъ въ

Корреджіо. Стелла часто присылала ему извѣстія о родныхъ и увѣряла, что его пособія поддерживаютъ жизнь въ бѣдномъ домѣ.

Старый Аллегри началъ поправляться и, не отчаяваясь въ будущности, молился о своемъ сынѣ; Марія же старалась скрыть свою слабость и утѣшала мужа и дочь сколько могла. Письма молодой дѣвушки придавали Антонию болѣе твердости и надежды. Рассчитывая на доброту Пескаро, онъ однажды попросилъ у него холста, нарисовать *Мадонну съ вѣтвями*, которую онъ началъ срисовывать у герцогскаго дворца въ день своего прихода. Пескаро улыбнулся на эту просьбу и сказалъ Антонию, что онъ не умѣетъ еще держать кисти, чтобъ приняться за такое важное произведеніе; но молодой художникъ увѣрялъ, что онъ воспользовался уроками своего благороднаго учителя и чувствуетъ, что въ состояніи нарисовать Мадонну. Пескаро согласился исполнить желаніе своего ученика только изъ любонитства, чтобъ поглядѣть, что онъ сумѣетъ сдѣлать.

— Знаешь-ли, что я придумалъ, Антонию,—прибавилъ онъ:—мы начнемъ рисовать картину на одинъ сюжетъ, не совѣтуясь и не показывая ни одной черты, покуда не кончимъ оба. Я буду работать на этой сторонѣ мастерской, а ты на другомъ концѣ. Мы будемъ разделены занавѣскою и по окончаніи увидимъ, чья картина лучше.

Съ этого дня соперники начали свои картины, и каждый вечеръ, когда оба артиста кончали работать, синьоръ Пескаро съ легкою проніею спрашивалъ своего ученика:

— Ну, что твое произведеніе Антонию, подвигается-ли оно?

Бѣдный мальчикъ не былъ самолюбивъ и потому скромно отвѣчалъ любителю-живописцу:

— Подождите, синьоръ, подождите. Когда Мадонна будетъ оковчегна, вы скажете ваше мнѣніе о ней и я безъ ропота покорюсь ему.

Наконецъ обѣ картины были окончены; и учитель и ученикъ сказывали въ одно утро:

— Кончено!

Въ ту самую минуту, когда долженъ былъ начаться конкурсъ, слуга сказалъ Антонию, что его спрашиваетъ молодая дѣвушка, которая не хочетъ войти въ домъ. Молодой артистъ жилъ въ Моденѣ такъ скромно и уединенно, что не уснѣлъ, да и не хотѣлъ ни съ кѣмъ знакомиться, и потому удивился этому неожиданному визиту; но Пескаро сказалъ ему:

— Ступай, Антонию, и узнай, кто тебя спрашиваетъ, только поскорѣй воротись въ мастерскую.

Молодой Аллегри сбѣжалъ съ лѣстницы и, увидя молодую дѣвушку, бросился къ ней съ крикомъ радости и крѣпко обнялъ ее. Это была сестра его, Стелла.

Первыя минуты посвящены были ласкамъ и разспросамъ послѣ такой долгой разлуки; но когда Антонию немного успокоился и посмотрѣлъ пристальнѣе на сестру, то сердце его болѣзненно сжалось и онъ предчувствовалъ какое-нибудь несчастіе. Бѣдная Стелла была блѣдна, какъ мраморъ; глаза ея, прежде свѣтлые и блестящіе, теперь

поврасили отъ слезъ. Видно было, что бѣдная дѣвушка много страдала.

— Что случилось, Стелла? спросилъ Антоніо, дрожа отъ ожиданія.

— Батюшка умираетъ,—отвѣчала она, удерживая рыданія:—и мы истратили все, что у насъ было. Если-же Богъ возьметъ его, намъ не на что купить клочекъ освященной земли, чтобъ схоронить тѣло его и приходить молиться надъ нимъ.

— Онъ умираетъ!—повторилъ Антоніо съ ужасомъ. О! я долженъ идти къ нему: онъ еще не простилъ меня...

— Онъ давно простилъ тебя, Антоніо. Ты заслужилъ это.

— Благодарю Стелла. Но ты ничего не говоришь о матушкѣ...

— У ней ослабли глаза отъ работы и она почти ничего не видитъ, но переноситъ всѣ страданія съ ангельскимъ терпѣніемъ. Ея добродѣтели будутъ награждены только на небѣ.

— Но ты, сестра, ты тоже несчастна и страдаешь... Всѣ твои надежды исчезли. Лучію оставилъ тебя.

— Я не думаю о моей будущности,—отвѣчала Стелла, удерживая слезы.—Для бѣдныхъ нѣтъ на землѣ счастья.

— Не отчаявайся, милая сестра,—сказалъ Антоніо, подумавъ мину-ту:—подожди меня здѣсь; еще есть надежда помочь вамъ.

И, не дожидаясь отвѣта, онъ побѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ и скоро вошелъ въ мастерскую.

Синьоръ Пескаро сидѣлъ передъ двумя картинами, стоявшими рядомъ и изображавшими одинъ сюжетъ. Несмотря на это, между ними была огромная разниа въ рисунокѣ, краскахъ, манерѣ, словомъ: съ перваго взгляда видно было, что таланты двухъ живописцевъ нисколько не походили одинъ на другой. Пескаро, какъ настоящій и справедливый судья, разсматривалъ картины внимательно со всѣхъ сторонъ, перемѣняя положеніе ихъ и замѣчая разные оттѣнки. Этотъ экзаменъ до того занялъ его, что онъ не замѣтилъ возвращенія Антоніо, который вбѣжалъ, какъ помѣшанный и не заботясь о томъ, что помѣшалъ своему покровителю, сказалъ съ чувствомъ:

— Синьоръ Пескаро, жальтесь надо мною!

— Что съ тобою, Антоніо? спросилъ тотъ съ удивленіемъ.

— Умоляю васъ, жальтесь! Вы такъ много для меня сдѣлали; вы уже разъ спасли мое семейство отъ голода, свасите насъ теперь отъ отчаянія. Мой отецъ умираетъ, мать ослѣпла, сестра, молодая и прекрасная дѣвушка, останется сиротою... Довершите ваше благодѣаніе: дайте старику могилу, убѣжище матери и приданое дочери. За это я посвящу вамъ всю жизнь. Моя благодарность будетъ вѣчная и я буду жить только для того, чтобъ служить вамъ и доказать мою привязанность. Не откажите мнѣ въ помощи. Богъ наградитъ васъ, только жальтесь надъ матерью, надъ сестрою!

— Успокойся Антоніо,—сказалъ Пескаро, протягивая ему руку:—я съ удовольствіемъ исполню твою просьбу, но отказываюсь отъ твоего великодушнаго предложенія. Если я удержу тебя здѣсь, твоя будущность можетъ пострадать, а она будетъ блистательная. Въ тебѣ есть

зародышъ таланта, который, чтобъ достигнуть зрѣлости, нуждается въ свободѣ и независимости. Ступай-же въ Корреджіо и дѣлай, что хочешь; я дамъ тебѣ средство надолго избавиться отъ нужды. Я покупаю твою первую картину. Вотъ тебѣ за нее двѣсти дукатовъ.

Антонио такъ обрадовался этому, что, даже не поблагодаривъ синьора Пескаро, побѣжалъ къ сестрѣ.

— Стелла!—закричалъ онъ.—Стелла! мы спасены. Пойдемъ скорѣе домой.

И молодые люди взяли за руки и скоро пошли по дорогѣ изъ Модены въ маленькій городокъ Корреджіо.

Они пришли въ-время. Старый Аллегри еще дышалъ и Марія, получивъ отъ сына деньги, хотѣла прежде всего обезпечить судьбу дочери. Она побѣжала къ отцу Лучіо и видъ золота разжалобилъ скупого старика. Онъ согласился на свадьбу сына, которая была сыграна безъ большихъ приготовленій. Старый Аллегри какъ-будто ждалъ только, чтобъ дочь его соединилась съ любимымъ ею человѣкомъ и умеръ, благословляя своего сына.

Антонио остался съ матерью и заботился о ней съ самою нѣжною преданностью, но бѣдная женщина такъ много страдала, что не могла долго жить. Силы ея истощились отъ непрерывныхъ лишеній и потерь, и она угасла тихо въ объятіяхъ сына.

Антонио остался сиротою и одинъ, потому-что Стелла уѣхала съ мужемъ во Флоренцію. Не желая оставаться въ Корреджіо, гдѣ все напоминало ему о недавнихъ потеряхъ, онъ вспомнилъ о своемъ благодѣтелѣ и отправился въ Модену. Синьоръ Пескаро принялъ его довольно ласково, но какъ-то принужденно, и наконецъ началъ не принимать его подъ разными предлогами. Бѣдный Антонио не понималъ, что благородный его покровитель завидуетъ молодому, неподдѣльному таланту и напрасно старался отгадать причину его дурнаго расположенія. Мадонна Антонио открыла глаза несчастному любителю-живописцу, и обиженное самолюбіе истребило въ немъ привязанность къ ребенку. Между артистами подобные случаи очень часто дѣлаютъ врагами самыхъ искреннихъ друзей.

Антонио никогда впоследствии не видалъ своей первой картины. Но послѣ смерти моденскаго любителя-живописца нашли галерею его картинъ, надъ которою многіе посмѣялись; между ними однакожь рѣзко отличалась необыкновенною красотою и гениальностью небольшая *Мадонна съ вѣтвю*, подъ которой крупными буквами было подписано имя *синьора Пескаро*...

Несчастье, преслѣдовавшее Антонио въ молодости, не пощадило его и до конца жизни.

Человѣкъ въ зрѣломъ возрастѣ былъ такъ же несчастливъ, какъ ребенокъ. Не зная гордости, зависти, ненависти, онъ старался дѣлать только добро и находилъ наслажденіе въ своемъ искусствѣ. Но если во время жизни онъ страдалъ безвинно, то потомство присудило ему вѣнокъ безсмертія и поставило имя его возлѣ Рафаэля, Микель Анжело и Джуліо Романо.

— Слава дала великому артисту новое имя, которое уважается всѣми, въ которомъ заключается начало и конецъ, борьба и триумфъ—рожденіе его и смерть—это имя горожка, который безъ Антоніо былъ-бы забытъ навсегда. Живописца зовутъ не Антоніо Аллегри, но *Корреджіо*, и это имя останется безсмертнымъ еще много вѣковъ...

Слава имѣетъ волшебную силу облагораживать и дѣлать извѣстнымъ все, до чего касается геній великаго человѣка, что близко къ нему—семейство, отечество, воспоминанія! (Erheiterungen).

Энсли-Гоузъ. Кто въ Англіи не знаетъ Энсли-Гоуза, бывшаго жилища герцога Веллингтона? Домъ этотъ стоитъ при выходѣ изъ лабиринта лондонскихъ улицъ близъ прелестныхъ парковъ, триумфальныхъ воротъ и статуй. Всякій путешественникъ почитаетъ непремѣннымъ долгомъ посѣтить его, чтобъ принести дань уваженія великому полководцу при воспоминаніи героическихъ временъ, въ которыхъ онъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ.

По смерти герцога открытъ домъ для всѣхъ посѣтителей и тысячи человѣкъ перебивали въ немъ. При жизни, всѣ лондонскіе жители знали герцога; всѣ встрѣчали его въ Сент-Джемскомъ паркѣ, идущаго пѣшкомъ въ домъ Военнаго Министерства, въ простомъ синемъ сюртукѣ и бѣлыхъ брюкахъ, безъ всякаго знаба отличія. Толпа съ почтеніемъ раздавалась передъ нимъ, тихо говоря: «это онъ! это герцогъ!»

По архитектурѣ и украшеніямъ Энсли-Гоузъ ниже другихъ домовъ англійской высокой аристократіи. Онъ построенъ у входа въ Гейд-паркъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ некогда стояла таверна: *Геркулесовы столбы* (и гдѣ, по словамъ Фильдинга, явился Сквейръ-Вестернъ во время преслѣдованія своей дочери и Томъ-Джонса. Энсли было имя лорда-канцлера, который выстроилъ тутъ домъ въ концѣ прошлаго столѣтія, то-есть когда англійская архитектура была въ совершенномъ упадкѣ. Странное дѣло! Этотъ начальникъ судебнаго управленія не потрудился даже разсмотрѣть своихъ землевладѣтельныхъ документовъ и построилъ половину своего дома на чужой землѣ, а хозяинъ молчалъ, покуда не отстроили его, надѣясь получить лучшую цѣну за свою собственность.

Въ 1810 году маркизь Велеслей, бывшій прежде остъ-индскимъ генералъ-губернаторомъ, а тогда министромъ иностранныхъ дѣлъ, купилъ Энсли-Гоузъ, и въ 1820 году уступилъ его своему брату, герцогу Веллингтону, которому сильно помогалъ въ служебной карьерѣ.

Герцогъ Веллингтонъ пристроилъ къ этому дому западный флигель съ большою галереєю, гдѣ происходили ежегодные банкеты, 18 іюня (день Ватерлоо) и гдѣ, въ нижнемъ этажѣ, жилъ всегда самъ герцогъ. Хотя онъ истратилъ на эту перестройку три мильона франковъ, но Энсли-Гоузъ остался памятникомъ дурной архитектуры. Массивный, бесполезный портикъ затемняетъ входъ, защищенный рѣшеткою и палисадомъ. Двери тяжелыя, какъ крѣпостныя. Ставни такія, что пу-

ля не пробьетъ ихъ. И эти украшенія были не пустымъ капризомъ—нѣтъ. Когда въ Парламентѣ обсуждаемъ былъ билль о реформѣ и когда герцогъ возсталъ противу него, иступленная, грубая чернь, забывая заслуги героя, ринулась на Эпсли-Гоузъ, и Веллингтонъ никогда послѣ не хотѣлъ, чтобъ истреблены были слѣды этого безумнаго поступка. Онъ этимъ упорствомъ хотѣлъ не мстить неблагодарнымъ, а дать урокъ другимъ искателямъ популярности.

Но и послѣ этого онъ продолжалъ свое поприще, не боясь угрозъ, не занимаясь общественнымъ мнѣніемъ, не требуя поддержки ничьей партіи, презирая зависть, происки; и когда кончилъ свою жизнь, то всѣ его любили и уважали. Что можетъ быть прекраснѣе и благороднѣе зрѣлища, какъ знаменитый герой, жертвующій своею популярностью, чтобъ быть вѣрнымъ своей совѣсти?

Войдя въ Эпсли-Гоузъ, посѣтитель вступаетъ направо въ переднюю, украшенную нѣсколькими видами Неаполя и множествомъ бюстовъ: Пизга, Персеваля, Кестельре (работы Чентрея), Блюхера (Рауха). Бюстъ Георга III доказываетъ, въ какомъ печальномъ состояніи было скульптурное искусство въ Англіи, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

Изъ передней идетъ узкая и дурно-освѣщенная спиральная лѣстница. Подлѣ нея стоитъ колоссальная статуя Наполеона. Въ 1802 году Канова выписанъ былъ первымъ консуломъ въ Парижъ и получилъ отъ него за эту статую 120,000 франковъ. Во время работы своей Канова сказала ему: «Фигура ваша такъ хороша для скульптора, что между антиками она-бы составляла лицо какого-нибудь великаго человека древности; но она не создана, чтобъ нравиться женщинамъ...

Наполеону не понравилась статуя своею колоссальностью. «Канова вѣрно думаетъ, что я дерусь на кулакахъ», сказалъ онъ, и велѣлъ ее спрятать въ Тюльерійскомъ дворцѣ. Во время реставраціи правительство продало ее, а герцогъ Веллингтонъ потомъ купилъ ее.

Выборъ картинъ въ залѣ доказываетъ, что Веллингтонъ не занимался художествами. На почетномъ мѣстѣ стоитъ дурная картина Вутона-Мальборо; подлѣ него повѣшенъ собственный портретъ герцога, двѣ картины Вильки и множество картинъ фламандской школы.

Въ слѣдующей залѣ висятъ четыре жалкія копія съ первыхъ четырехъ произведеній кисти Рафаэля. И здѣсь всѣ роды живописи перемѣшаны безъ разбора. Здѣсь также висятъ три портрета Наполеона. По сторонамъ одного изъ нихъ повѣшены портреты Жозефины и г-жи Грассини.

За этуо залю находится галерея Ватерлоо, длиною въ 90 футовъ. Здѣсь давались извѣстные банкеты въ годовщину битвы. Всѣ картины и вещи этой галереи должны, въ видѣ маіората, переходить старшему въ родѣ. Испанскія картины подарены всѣ герцогу королемъ Фердинандомъ VII.

Изъ галереи входятъ въ *старый* домъ. Здѣсь первая комната называется *малюю залюю*. Въ ней стоитъ малахитная ваза, подаренная герцогу императоромъ Александромъ.

Слѣдующая зала была почти фамильною галереею. Тутъ всѣ члены

его семейства и ратные товарищи. Здѣсь есть картина, изображающая Ватерлоо, когда одинъ офицеръ англійской артиллеріи направилъ свои выстрѣлы на группу, въ которой былъ Наполеонъ, и когда Веллингтонъ приказалъ этому офицеру направить орудія на другой пунктъ. «Намъ нечего съ нимъ стрѣлять другъ въ друга, сказалъ онъ: у насъ и безъ того много дѣла».

Столовая, подлѣ этой залы, содержитъ въ себѣ портреты монарховъ Священнаго Союза, подаренные герцогу ими самими.

Изъ этой комнаты посѣтителѣ входятъ во второй этажъ, гдѣ, въ залѣ надъ ватерлооскою галереєю, собраны все фарфоровыя вещи северскаго, китайскаго, саксонскаго, прусскаго, австрійскаго и др. фарфоровъ. Здѣсь же щитъ, поднесенный Веллингтону лондонскимъ Сити въ 1823 году. Онъ стоитъ 243,000 франковъ. Въ этой же залѣ пара старинныхъ литавръ, обшитыхъ краснымъ бархатомъ, и полученныхъ Веллингтономъ въ видѣ перваго трофея въ Остъ-Индіи.

Изъ этихъ великолѣпныхъ комнатъ посѣтитель переходитъ въ простыя жилыя комнаты герцога. Все здѣсь просто, нещеголевато, прочно и уютно, все на мѣстѣ, подъ рукою. Въ рабочихъ креслахъ его вѣлана медаль ватерлооской битвы. Кресла сдѣланы изъ того дерева, подлѣ которымъ герцогъ стоялъ во время битвы. Другія кресла—изъ корабля *Отважный*.

На каминѣ стоитъ хронометръ и нѣсколько часовъ. У герцога была такая же страсть къ часамъ, какъ и у Карла V. Онъ самъ ихъ всегда заводилъ и старался заставить идти одинаково. Одни часы, принадлежавшіе Типо-Самбу, онъ любилъ всего болѣе. Однажды, при печальномъ нападеніи французовъ на привалѣ, онъ забылъ эти часы, и тотчасъ же воротился, несмотря на опасность попасться въ плѣнъ.

Надъ каминномъ былъ портретъ Леди Джерси, рельефный профиль герцогини Дуро и другой.—Женни Линль. Тутъ же бюсты Наполеона, Брума, Линдгорста и буддистскій кумиръ, половина изъ золота, половина изъ алебастра.

Спальня и рабочій кабинетъ содержатъ въ себѣ самыя простыя мебели. Герцогъ имѣлъ способность спать на чемъ угодно—на лавкѣ, на вѣмлѣ, и, черезъ нѣсколько минутъ отдыха, просыпался совершенно съ свѣжими силами.

Уборная герцога годилась-бы молодой зватной дамѣ. Онъ, впрочемъ, чрезвычайно любилъ чистоту и ежедневно обливался холодною водою.

Имѣя двадцать семь орденовъ, онъ обыкновенно носилъ только медаль за Ватерлоо и знакъ безпорочной службы за XXX лѣтъ.

Изъ спальни выходъ въ садъ, гдѣ герцогъ всякій день гулялъ до завтрака во всякую погоду. Странно, что онъ въ молодости былъ весьма слабого здоровья, и что остъ индскій климатъ вылечилъ его.

Однажды въ рабочій кабинетъ проникъ какой-то фанатикъ. «Готовьтесь умереть, сказалъ ему этотъ сумасшедшій: Небо поручило мнѣ убить васъ».

— А развѣ дѣло это такъ къ спѣху? спокойно спросилъ герцогъ. Мнѣ теперь надо написать нѣсколько писемъ. Приди черезъ часъ.

Растерявшійся убійца удалился.

14 сентября 1852 года гулялъ онъ долѣе обыкновеннаго, почувствовалъ себя нездоровымъ, позвалъ доктора, и когда тотъ пришелъ, то ударъ паралича лишилъ его языка и движенія членовъ. По знаку герцога, перенесли его въ кресло и черезъ 20 минутъ потомъ его уже не стало. (Revue Britannique).

Истребленіе крокодиловъ гальваническою батареею. (Разсказъ путешественника). Лѣтомъ 1848 года (пишетъ одинъ англійскій путешественникъ) жилъ я на берегахъ Рогана, небольшой рѣчки въ одной сѣверозападной провинціи Остъ-Индіи. Здѣсь я познакомился съ индійскимъ крокодиломъ *муггеромъ*, котораго чучелу видѣлъ прежде въ Англии. Хотя въ путешествіяхъ читалъ я много ужасныхъ анекдотовъ объ этомъ чудовищѣ, но, признаюсь, неочень вѣрилъ имъ.

Однажды ѣхалъ я одинъ въ лодкѣ по рѣкѣ и увидѣлъ на песчаной отмели что-то похожее на обгорѣлый пенъ. Я подъѣхалъ, и съ изумленіемъ увидѣлъ, что это огромный муггеръ въ восемнадцать футовъ длины. Онъ спалъ сладко и даже храпѣлъ. Однакожь, когда я сталъ близко подъѣзжать, онъ проснулся отъ плеска волнъ веслами и раскрылъ огромную пасть, вооруженную кеглеобразными зубами, но тотчасъ же потомъ закрылъ ее опять и бросился въ воду, посмотрѣвъ на меня съ какою-то злостью.

Послѣ этого перваго знакомства, черезъ нѣсколько дней сидѣлъ я однажды дома и разговаривалъ съ братомъ, какъ вдругъ вбѣжала къ намъ туземная женщина съ воемъ и плачемъ; за нею вторглась цѣлая толпа подругъ ея. На-силу мы добились въ чемъ дѣло. Первая женщина мыла бѣлье на рѣкѣ, а груднаго своего годоваго ребенка положила на берегу въ травѣ. Вдругъ муггеръ выскочилъ изъ воды, схватилъ ребенка и исчезъ съ нимъ.

Конечно, мы знали, что ничѣмъ ужъ пособить нельзя, но бросились къ тому мѣсту, гдѣ ребенокъ былъ схваченъ. Тамъ все было тихо и безмолвно. Побродивъ вдоль рѣки, пошли мы печально домой.

Спустя нѣсколько дней, ходилъ я съ собакою своею, Юноюю, на охоту по берегу и, подстрѣливъ какую-то птицу, упавшую въ воду, послалъ за нею собаку. Та бросилась и плыла ужъ обратно съ добычею. Вдругъ въ шести шагахъ отъ нея всколыхалась рѣка и высунулась изъподъ воды голова муггера, быстро плывшаго къ моей собакѣ. Та съ визгомъ спѣшила къ берегу, но чудовище было видимо быстрѣе, я прицѣлился въ голову, раздался выстрѣлъ — и муггеръ вырнулъ подъ воду, оставя кровавый слѣдъ. Убилъ ли я его — не знаю, но собака была спасена и, дрожа всѣми, членами выплыла подползла ко мнѣ и радостно лизала мои руки.

Все это было только началомъ моихъ похажденій за крокодилами.

Когда началось дождливое время года, сосѣдь мой, Галль, увѣдомилъ меня, что будетъ ко мнѣ въ гости и просилъ выслать ему слугу съ лошадыю для переѣзда черезъ ручей, который тогда разлился отъ дождей. Я послалъ ему индѣйца Сидху, который былъ типомъ туземнаго скорохода. Онъ, наравнѣ съ любую лошадыю, бѣжалъ въ часъ по восьми миль и, прибѣжавъ домой, плясалъ еще съ своими земляками.

Къ обѣду прѣхалъ Галль, но чрезвычайно взволнованный и печальный.

— Со мною случилась бѣда, — сказалъ онъ: — слуга вашъ погибъ.

— Утонулъ?

— Нѣтъ. Съѣденъ крокодиломъ.

Тутъ онъ разсказалъ, какъ, при переправѣ черезъ ручей, бѣдный Сидху былъ схваченъ и проглоченъ.

Не успѣлъ онъ кончить печальнаго разсказа, какъ прибѣжала жена погибшаго Сидху, и мы всячески старались успокоить ее. Галль обязался кормить и воспитать дѣтей его.

Когда она ушла, мы продолжали разговоръ и придумывали разныя средства къ отмщенію крокодиламъ и къ истребленію ихъ. Потомъ показалъ я гостю полученный мною изъ Англіи аппаратъ гальванической, посредствомъ котораго можно взрывать подводныя скалы.

— Прекрасно, вскричалъ онъ, внимательно разсмотрѣвъ аппаратъ. Вотъ это-то намъ и нужно.

— Для чего же? спросилъ я.

— Чтобъ взрывать муггеровъ.

Тутъ мы стали придумывать какимъ образомъ привести въ исполненіе эту мысль, и, устранивъ все препятствія, какія могли случиться, тотчасъ же рѣшились отмстить смерть бѣднаго Сидху.

Извѣстно, что крокодилы долго не оставляли тѣхъ мѣстъ, гдѣ умѣли схватить добычу, слѣдственно убійца Сидху былъ поблизости и, вѣроятно, это былъ все тотъ же, о которомъ окрестные индѣйцы разсказывали бездну анекдотовъ. Всякій баранъ, всякая овца, коза и свинья, приближающаяся къ берегу дѣлались его жертвою. Наконецъ, на-дняхъ вапалъ онъ на быка, но тотъ отпотчивалъ его такъ неучтиво рогами, что обратилъ муггера въ бѣгство.

Приготовивъ все, что было нужно, отправились мы съ Галлемъ на другой день въ лодкѣ по рѣкѣ. Въ ближайшей деревнѣ купили мы за нѣсколько анасовъ убитаго козленка и вложили во внутренность его бутылку съ шестью фунтами пороху. Съ бутылкою соединили проволоку аппарата, которую потомъ обвертѣли около толстой веревки, обвивавшейся около тѣла козленка.

Пустивъ козленка въ воду по теченію рѣки (онъ поддерживался у самой поверхности воды посредствомъ пузырей); мы съ батареею и съ веревкою отъ козленка слѣдовали по берегу. Не прошли мы и четверти мили, какъ пузыри вырнули въ воду и насъ сильно потащило въ сторону. Это значило, что муггеръ проглотилъ козленка. Съ величайшею поспѣшностью поставили мы батарею, соединили съ нею проводникъ и вдругъ сами даже почувствовали ударъ взрыва. Столбъ воды поднялся

надъ поверхностью съ кровавыми кусками чудовища. Туземцы, толпою шедшіе за нами и съ недоумѣніемъ видѣвшіе все наши приготовленія, испустили радостные крики при видѣ неожиданнаго результата.

Нарочно притащили мы чудовище на берегъ, чтобъ во внутренности его найти тѣло бѣднаго Сидху. Трудъ былъ напрасенъ. Это значитъ, что мы истребили не убійцу моего скорохода. Надобно было продолжать войну.

Составили новую экспедицію, пустили другого козленка, зарядили его бутылкою пороху и опять пустили по рѣкѣ. На этотъ разъ больше часа ходили мы по берегу и наконецъ, уставъ отъ жара и ходьбы, легли подъ тѣнь дерева... Вдругъ сильный толчекъ сдвинулъ насъ. Муггеръ проглотилъ приманку и тащилъ насъ за веревку. Въ минуту аппаратъ нашъ былъ готовъ, проволока соединена и выстрѣлъ опять раздался съ тѣмъ же успѣхомъ. Опять индійцы громко привѣтствовали побѣду нашу, и на этотъ разъ удостоверились мы, что это было дѣйствительно убійца Сидху. (Erheitungen).

Воздушное путешествіе на львѣ.— Недавно въ Парижѣ, при стеченіи чрезвычайнаго множества жителей, поднялся одинъ воздухоплаватель на аэростатѣ, сидя на львѣ. Льва привезли въ желѣзной клѣткѣ, связали ему тамъ ноги, надѣли на рыло огромный намордникъ и при этомъ, замѣтите, левъ сильно ревѣлъ къ всеобщему жасу зрителей. Наконецъ вывели его изъ клѣтки, подвязали подъ шаръ. Аэронавтъ сѣлъ на него верхомъ и, при восклицаніяхъ толпы, поднялся на воздухъ. Когда шаръ исчезъ изъ глазъ зрителей, все разошлись по домамъ и ожидали съ нетерпѣніемъ извѣстій, гдѣ онъ опустится на землю и не растерзанъ-ли львомъ сидѣвшій на немъ оселъ. Каково же было всеобщее удивленіе и досада, когда, на другой же день, объявлено было, что тамъ, гдѣ воздухоплаватель опустился, открыли, что левъ, на которомъ онъ сидѣлъ, былъ не что иное, какъ набитое чучело и, слѣдственно, все зрители были въ *набитыхъ*... Связываніе ногъ, намордникъ, ревъ льва—все было комедіею. Но деньги были собраны и спекуляторъ поѣхалъ дальше. (Novellen Zeitung).

Столоверченіе въ Англіи.— Нелѣпая забава эта свирѣпствуетъ въ Лондонѣ съ такою же силою, какъ въ Парижѣ и другихъ городахъ. Но въ Англіи шарлатанство лицъ, вертящихъ столы и пишущихъ ими, приняло гигантскіе размѣры, и надо признаться, что лица эти большіе мастера дѣлать фокусы разнаго рода и, между прочимъ, поддѣлываются подъ слогъ и стихъ разныхъ писателей. Столы сочиняютъ англійскіе стихи, ни чуть не хуже многихъ прославленныхъ поэтовъ. Они пишутъ и говорятъ какъ Франклинь, Вашингтонъ, Джефферсонъ и недав-

но еще написали стихи, подъ которыми Байронъ не отказался бы подписать свое имя.

Извѣстный писатель и редакторъ журнала *Revue Britannique*, Амедей Пишо, переводчикъ Байрона, желая испытать талантъ одного стола, предложилъ, чтобъ столъ перевелъ его французскіе стихи, нигдѣ еще не напечатанные, на англійскій языкъ, тоже стихами, но такими, какими писалъ Байронъ. Столъ согласился и мы приводимъ оба стихотворенія, чтобъ читатель могъ судить о вѣрности перевода и красотѣ англійскихъ стиховъ.

REPETITION D'UN CYGNE DES BASSINS DE SAINT-CLOUD A S. M. L'EMPEREUR NAPOLEON III.

Heritier du grand Empereur,
 Dans ton parc de Saint-Cloud, sanctuaire de gloire,
 (Car maintes fois Cesar vainqueur
 Y fit halte après la victoire),
 Moi l'oiseau de Léda, de ton aigle rival,
 — Et rival triomphant, quand, privilège insigne!
 Jupiter amoureux défia le Cygne,
 Je me reconnais ton vassal.

De mon étroit bassin respectant la limite,
 A mes titres j'ai su renoncer sans regret;
 Mais je suis seul, hélas!... quel sinistre decret
 Me condamne a vivre en ermite?

Tant que je te voyais, toi, neveu de heros,
 Seul sur ton trone assis, prince célibataire,
 J'aurais crain d'attrister mes fideles échos
 D'une complainte téméraire!

Mais depuis plusieurs mois, j'admire à ton côté
 La perle de l'Espagne, une soeur de Chimène,
 Par qui l'Empire un jour d'un Cid sera doté...
 Tu dois compatir à ma peine.

Qu'une compagne donc vienne dans mon bassin
 De l'amour paternel faire battre mon sein.

J'aurai pour appuyer ma trop juste supplique
 Mieux que les vers d'un barde, ou mon chant merveilleux,
 J'aurai celle dont les aïeux,
 Illustres paladins de l'Écosse héroïque,
 Champions de leurs rois, de l'Anglais redoutés,
 Avaient pour protecteurs deux Cygnes argentés,
 Protectrice à ton tour, daigne, auguste Eugénie,
 D'un Cygne solitaire être le bon genie.

Вотъ теперь переводъ мѣдѹма, сдѣланный въ полчаса подъ внуше-
 ніемъ генія Байрона. Стихи и ритмъ такіе же, какъ въ известной
 поэмѣ *Бенно*.

THE HUMBLE PETITION OF A SWAN TO H. M. NAPOLEON III.

Heir to Napoleon's crown, sceptre and great name,
 Amid saint-Cloud's bowers made holy by Fame,
 (For here the french Caesar in Nature's lap,
 Bade breathless Victory take a short nap),
 I bend to thine eagle as my lordly liege,
 Albeit his rival, nay, proud privilege!,
 Raised far above him, when thunderer Jove
 Did woo as a swan, and win Leda's love.

But, however obsequious I may be,
 Being without a mate I cannot but tell
 I feel heavy sad... by what dire decree
 Must my puny lake turn an ermit's cell?
 White I saw thee, nephew to the Hero.
 A crown'd Coelebs in search of a wife,
 I was loath to teare my loyal echo
 With the waitings of my lonely life;

But the pearl of Spain's sitting by the side,
 A new lady Chimene, who, as thy bride,
 Will deck the fortune with an infant Cid...
 Now, thou must pity my fate, indeed?
 Birds as well as men, on a perch or a throne,
 Crow tir'd at last to be left thus alone;
 With a swan-Consort may y my realm be blest
 Aud a parent's hope shall cheer my ownbreast.

But to plead my cause and redress my wrong
 I want a surer spell than a bard's song.
 Let your smile shed its radiance on my strand,
 Ye whose ancestors, in heroic Scotland,
 Hearts stout and bold, true as steel to their kings,
 Had swans to shield them safe under their wings,
 Attend, ye, now, most lovely Empress,
 A kind fairy, on a swan in distress.

Всѣ присутствующіе были чрезвычайно удивлены, тѣмъ-болѣе, что ни одинъ изъ современныхъ поэтовъ Англій не въ состояніи такъ поддѣлаться подъ стихъ Байрона. Тутъ не только выраженія великаго поэта, но цѣлыя фразы изъ *Бенно*, *Донъ-Жуана* и переводы выше оригинала. Вотъ, до чего дошли столы. Плохо же придется поэтамъ...

(Revue Britannique).

Кошки Ришелье. Всѣмъ извѣстно, до какой степени кардиналъ-министръ любилъ этихъ животныхъ, которыхъ почитаютъ хитрыми, неблагодарными, скрытными. Вотъ нѣкоторыя подробности о кошкахъ Ришелье.

Кабинетъ кардинала находился между двумя галереями и былъ убранъ великолѣпно; онъ соединился съ нѣсколькими другими маленькими комнатами, и одна изъ нихъ была назначена для однѣхъ кошекъ.

Знаменитый кардиналъ никакъ не могъ обойтись безъ любимыхъ имъ животныхъ, которыя окружали его съ утра до вечера, бѣгали по его постели, валялись по коврамъ, дрались и царапались по всѣмъ кресламъ и диванамъ. За кошками ходили два человѣка, Тессандь и Абель, и заботились о здоровьи и воспитаніи этихъ интересныхъ животныхъ, имѣвшихъ каждая особенное имя. Послѣ смерти кардинала, нашли замѣтки о его кошачьей труппѣ и сохранили ихъ въ коллекціи любопытныхъ автографовъ, потому-что онѣ подписаны поэтомъ-шутомъ Буа-Роберомъ.

Четырнадцать кошекъ были въ особенной милости кардинала, и вотъ ихъ имена, сохраненныя исторіею:

1. *Мунаръ злой*. Этотъ котъ былъ безпокойнаго характера, сварливъ, капризенъ.

2. *Покорная*. Кошка ласковая и тихая, была фаворитка кардинала и часто спала на его колѣнахъ.

3. *Серполе*, молодой котенокъ, жилъ только на окнѣ, на солнцѣ. Онъ не любилъ своего хозяина, потому-что тотъ иногда, для забавы, мучилъ его и щипалъ, чтобъ слушать мяуканье бѣднаго кота. Кардиналъ, вслушиваясь въ жалобные крики Серполе, говорилъ часто Буа-Роберу: «Какъ хорошо декламируетъ мой котенокъ, точно читаетъ трагедію *Сидъ!*»

4. *Газета*, маленькая кошечка, весьма невоздержная и избалованная, но которую кардиналъ очень любилъ, несмотря на ея недостатки.

Однажды она испортила туфлю Буа-Робера, и тотъ, не смѣя наказать любимицу министра, привязалъ къ ея хвосту маленькій чернѣй мѣшечекъ, и та начала вертѣться, чтобъ поймать его, но никакъ не могла. Это разсмѣшило кардинала, и онъ простилъ своему поэу шутку съ Газетой.

Остальныя десять кошекъ были назначены для охоты за крысами, потому-что эту забаву очень любилъ кардиналъ. Въ назначенный день выпускали нѣсколько крысъ, и кардиналъ спускалъ на нихъ кошекъ. Самыя смѣлыя были:

1, Людовикъ, 2, Мими-Пальонъ. 3, Фелинаръ, 4, Люциферъ. 5, Лодовиска. 6, Рубинъ. 7, Парикъ.

Послѣдняя кошка получила свое названіе потому, что родилась въ парикѣ академика Ракана, самаго разсѣяннаго человѣка своего времени.

У Ракана была кошка, которую онъ очень любилъ и которая однажды окотилась въ его парикѣ. Раканъ, не замѣтя этого, надѣлъ свой парикъ и пришелъ къ кардиналу, поговорить о какой-то трагедіи. Однако, черезъ нѣсколько минутъ, котята начали ворочаться между парикомъ и головою академика; тотъ морщился и почесывался, не понимая, кто залѣзъ къ нему на голову.

Кардиналъ замѣтилъ это и спросилъ:

— Что съ вами Раканъ, вы нездоровы?

— Нѣтъ, меня беспокоитъ мой парикъ. Я вѣрно надѣлъ его неловко.

— Такъ поправьте его, отвѣтилъ кардиналъ, смѣясь. У васъ всегда все надѣто криво.

Раканъ приподнял парикъ, и Ришельё не могъ удержать громкаго смѣха, потому-что оттуда вывалились два котенка. Кардиналъ оставилъ ихъ у себя и назвалъ одного *Раканомъ*, а другаго *Парикомъ*.

Кардиналъ, умирая, оставилъ всѣмъ кошкамъ содержаніе по двадцати ливровъ въ годъ, и двумъ смотрителямъ, Абею и Тессандье, по 150 ливровъ дохода съ тѣмъ, чтобъ они продолжали заботиться о его любимыхъ животныхъ.

Но участь ихъ была самая несчастная. Онъ пользовались удовольствіями жизни только при своемъ благодѣтелѣ. Вскорѣ послѣ его смерти, солдаты швейцарскаго полка украли ихъ и принесли въ гостинницу улицы Пули, гдѣ изъ любимцевъ кардинала приготовили превосходное жаркое подъ названіемъ: *откормленные зайцы!*

(Magasin für die Litteratur des Auslandes).

Историческіе воротнички. Одинъ англійскій туристъ остановился въ городѣ Констанцѣ, извѣстномъ по своимъ старымъ домамъ, красивому собору и смерти Іоанна Гусса. Когда благородный путешественникъ (всѣ путешественники благородны), осмотрѣлъ достопримѣчательности города, то спросилъ хозяина гостинницы: нѣтъ-ли еще чего любопытнаго въ городѣ?

— Видѣли вы музей, милордъ?

— Нѣтъ.

— Такъ вы, значить, не видали ничего хорошаго.

— Объяснитесь, я васъ не понимаю.

— Можно ли не видѣть нашего музея?

— Я даже на зналъ, что у васъ есть музей.

— И еще какой, милордъ, самый древнѣйшій. У насъ собраны вещи, принадлежавшія Конраду, Гильдебранду и даже Карлу Великому.

— Карлу Великому—повторилъ съ удивленіемъ англичанинъ:—хорошо, что я не уѣхалъ изъ города. Какъ можно не видѣть такихъ рѣдкостей! Скажите мнѣ, гдѣ вашъ музей и открытъ ли онъ: я сейчасъ пойду туда.

Трактирщикъ показалъ ему дорогу, и путешественникъ поспѣшилъ въ музей, потому-что былъ страшный любитель древностей.

При входѣ поразила его одна странность, сбившая всѣ его историческія свѣдѣнія. Онъ подходитъ ближе, дотрогивается и невольно восклицаетъ:

— Вотъ чудо! Я никакъ не думалъ, чтобъ при Карлѣ Великому, Гильдебрандѣ, Конрадѣ употребляли ружья съ пистонами—это непостижимо!

Далѣе туристъ былъ еще больше удивленъ... На столикъ, между плащомъ Карла V и шапкою Фридриха Барбаруссы, лежали двѣнадцать карманныхъ часовъ, которые шли довольно правильно и развились между собою только нѣсколькими минутами.

— Что же это такое? ворчалъ туристъ: ружья съ пистонами и часы въ музей древностей. Развѣ Вандалы знали употребленіе часовъ? Развѣ Аттила, входя въ Римъ, повѣрялъ свой хронометръ? Это непостижимо! Однако смотритель можетъ объяснить, что это значить.

И англичанинъ, подозвавъ смотрителя музея, спросилъ: по какому случаю ружья и часы находятся въ числѣ древностей?

— Это очень просто, отвѣчалъ хладнокровно нѣмецъ.

— Какъ просто? неужели вы хотите меня увѣрить, что вещи эти древнія?

— Совсѣмъ нѣтъ, милордъ. У насъ въ городѣ умеръ одинъ богатый баронъ, страстный охотникъ, и жена его, не зная что ей дѣлать съ цѣлою дюжиною ружей, прислала ихъ сюда.

— И вы помѣстили ихъ между древностями... а часы, часы!

— Часы, отвѣчалъ смотритель, кланяясь, это мои часы!

— Ваши?

— Да, я часовыхъ дѣлъ мастеръ; и такъ-какъ иностранцы прежде всего посѣщаютъ музей, то я и помѣстилъ ихъ здѣсь... Если вамъ угодно купить ихъ милордъ, я ручаюсь, что въ Женевѣ не найдете ничего лучше и дешевле. Они идутъ вѣрно, какъ солнце.

Англійскій туристъ съ негодованіемъ развязалъ свой галстухъ, снялъ свои воротнички и, прикалывая ихъ къ обоямъ, сказалъ:

— Вотъ образчикъ трехъ тысячъ воротничковъ, которые я вамъ пришлю изъ Бирмингама, когда вернусь въ мое отечество. Это лучшая англійская работа и вы можете помѣстить ее въ вашемъ музей, между ружьями барона и вашими часами!

Воротнички англійскаго туриста все еще находятся въ Константиѣ, въ знаменитомъ музеѣ, и археологи ломаютъ голову, придумывая: какому лицу принадлежала эта необыкновенная вещь.

(Mag. für die Litt.)

Неизвѣстный островъ въ Тихомъ океанѣ. Лейтенантъ Блейгъ (Bligh), раздѣлявшій нѣсколько лѣтъ на кораблѣ Resolution труды и опасности знаменитаго мореплавателя Кука, назначенъ былъ, въ 1787 году, командиромъ военнаго судна Bounty. Онъ отправленъ былъ въ Южное море осуществить идею Сира Джозефа Банкаса, бывшаго съ Кукомъ въ 1769 году на О'Таити, о разведеніи, если можно, въ Западной Индіи хлѣбнаго дерева, плоды котораго составляютъ главную пищу жителей этого острова. Это дерево величиною съ дубъ. На вершинѣ его растутъ большіе боковые сучья, съ темно-зелеными листьями. Плодъ, покрытый толстою корою, величиною въ небольшой хлѣбъ. Его срываютъ прежде совершенной зрѣлости и пекутъ въ печи. Внутренность, неизмѣющая ни сѣмянъ, ни косточки, похожа тогда на мякишь пшеничнаго хлѣба и составляетъ весьма питательную пищу. Плодъ собирается въ продолженіе восьми мѣсяцевъ въ году. *Бounty* вышелъ изъ Спитсбурга 23 декабря 1787 года. Лейтенанту Блею было тогда 23 года. Онъ возвратился въ Англію 14 марта 1790 года. Въ этотъ промежутокъ времени былъ онъ жертвою происшествія, составившаго одинъ изъ самыхъ романтическихъ эпизодовъ англійской морской исторіи.

Бounty было судно въ 215 тоннъ. На немъ было сорокъ шесть чело-вѣкъ экипажа. 26 октября пришло оно на О'Таити, гдѣ было принято самымъ дружественнымъ образомъ жителями, которые, въ шестимѣсячное пребываніе его тамъ, доставляли экипажу въ изобиліи свинину и плодъ хлѣбнаго дерева. Въ это время успѣли вырѣть этого дерева на тысячу футовъ, и съ драгоценнымъ этимъ грузомъ *Бounty* весною 1789 года пошло къ Западной Индіи.

Блейгъ былъ отличный морякъ, но, кажется, вспыльчиваго нрава; онъ былъ въ личной ссорѣ съ своимъ товарищемъ Флечеръ-Христіаномъ, которому тоже было 24 года, и который былъ дерзкаго и предпріимчиваго нрава.

Вечеру 27 апрѣля Христіанъ былъ приглашенъ лейтенантомъ къ ужину, но отказался, и Блейгъ очень спокойно легъ спать, потому-что тихая погода и свѣтлая ночь не представляли ни малѣйшей опасности. Вдругъ на разсвѣтъ разбуженъ онъ былъ сильнымъ шумомъ. Каюта его была полна народомъ, вооруженнымъ пистолетами и ножами. Всѣ они бросились на Блейга, не дали ему одѣться, связали руки на спину, потащили на палубу и спустили въ шлюбку съ восемнадцатію другими лицами, куда бросили имъ 32 фунта свинины, 150 фунтовъ хлѣба, 125 мѣръ воды, 6 мѣръ рому, 6 бутылокъ вина, 4 ножа, октантъ, компасъ, нѣсколько холста, нитокъ и веревокъ. Послѣ чего злодѣи уда-

лились отъ лодки, оставя ее на произволъ судьбы посреди Тихаго океана, съ слабыми средствами къ спасенію.

Это случилось въ тридцати миляхъ отъ Точоа, одного изъ Дружественныхъ острововъ, и Блейгъ прежде всего вздумалъ направить путь туда, чтобъ запастись водою и хлѣбнымъ плодомъ. Но дикіе островитяне встрѣтили ихъ камнями и принудили быстро удалиться; остался даже одинъ матросъ на берегу, котораго тотчасъ-же и растерзали. Прочіе, за которыми погнались, только тѣмъ спаслись, что стали бросать въ воду свое имущество. Дѣлежъ остановилъ дикихъ и спасъ Блейга съ товарищами отъ смерти.

Что было имъ дѣлать? Блейгъ предложилъ, и прочіе приняли единогласно его мнѣніе: ѣхать въ голландскую колонію на островъ Тиморъ, который былъ отъ нихъ въ 300 миляхъ.

Лодка была нагружена такъ, что борты отстояли только на шесть дюймовъ отъ воды. На пространствѣ 23 фут. длины и 6 ширины помѣщались восемнадцать человекъ, день и ночь во всякую погоду и рѣшились переплыть почти шестую часть земнаго шара.

2-го мая началось это опасное путешествіе. Весь экипажъ далъ Блейгу торжественное обѣщаніе довольствоваться въ день одною унціею хлѣба и четвертью пинты воды на человека. Половина людей должна была чередоваться въ караулѣ и работахъ, а другая въ это время лежать. Но какъ мѣста слишкомъ было мало, чтобъ протянуться и какъ надобно было лежать въ сырости, то всѣ страдали судорогами и ревматизмомъ. Положеніе было ужасное. Въ нѣсколькихъ дюймахъ отъ воды, вокругъ нихъ необозримый океанъ, а вблизи ныряющія акулы.

На пятый день плаванія увидѣли они двѣ плывущія къ нимъ лодки: это было людоеды съ острововъ архипелага Фиджи; но, подѣхавъ на мизю, лодки вдругъ повертели и удалились.

Вскорѣ послѣ того разразилась надъ ними буря, но они усердно молились, и Провидѣніе спасло ихъ. Молитва эта была сочинена Блейгомъ и вписана въ его дневникъ, который онъ велъ и который теперь находится въ рукахъ дочери его.

Съ 8-го мая убавлена была ежедневная порція. Проливной дождь былъ для нихъ истиннымъ благодѣяніемъ, потому-что доставилъ имъ около гектолитра воды. Эта вода раздавалась имъ по три раза въ день, въ маленькой роговой рюмкѣ, въ два дюйма діаметра и два глубины, около которой Блейгъ сдѣлалъ надпись: «порція воды, три раза въ день». Шуля, которую всѣмъ онъ на всѣхъ порцію хлѣба и другой пищи, вмѣстѣ съ этою рюмкою тоже сохранились въ его семействѣ.

Съ 10-го мая были часто бури, заливавшія лодку водою, которую они безпрестанно должны были отливать, хотя всѣ были больны. Когда платье ихъ промокало отъ дождя, они снимали его, выжимали воду, мочили въ соленой водѣ и это согрѣвало ихъ. Между-тѣмъ заливавшія ихъ волны испортили весь хлѣбъ, котораго порція съ 24 мая еще убавилась до $\frac{1}{28}$ фунта на завтракъ и столько-же на обѣдъ; на ужинъ-же ничего.

25-го удалось имъ поймать руками нѣсколько морскихъ птицъ, привлеченныхъ вѣрно новостью зрѣлища, и эта добыча раздѣлена была на восемнадцать частей и съѣдена сырою.

Солнечный жаръ сдѣлался въ это время такъ силенъ, что произвелъ всеобщее расслабленіе силъ. 29 числа были они въ четверти мили отъ большой скалы, о которую море съ шумомъ разбивалось, но успѣли обогнуть ее. Пройдя ее, они увидѣли островокъ (который Блейгъ называлъ Островомъ Направленія), но онъ былъ совершенно безплоденъ и безводенъ.

Наконецъ они пристали къ Новой Голландіи, сошли на берегъ, напши воду, устрицы и ягоды. Проведя тутъ ночь, они поутру увидѣли большую толпу дикихъ, вооруженныхъ копьями, которые съ криками шли на нихъ. Не рѣшась выждать ихъ, Блейгъ съ товарищами спѣшилъ опять въ море.

31 мая пристали они къ другому острову, гдѣ тоже нашли устрицъ, доставившихъ имъ хорошій ужинъ. Вечеру 3-го іюня прошли они сквозь опасный Эндевоурскій проливъ и вышли опять въ открытый океанъ. Здѣсь встрѣтили ихъ бури и дожди, лишившіе послѣднихъ силъ несчастныхъ страдальцевъ.

Наконецъ 12 іюня въ 3 часа утра увидѣли они Тиморъ, а 14 пристали къ голландскому селенію Кувангъ, гдѣ ихъ приняли самымъ дружелюбнымъ образомъ. Можно вообразить себѣ ихъ восторгъ и теплыя молитвы къ Всевышнему!

30 августа Блейгъ отправился въ Батавію съ остальными людьми (одинъ умеръ въ Тиморѣ); изъ Батавіи же возвратился въ Англію только съ одиннадцатью товарищами; прочіе или умерли, или остались въ Батавіи. Онъ пріѣхалъ въ Портсмутъ 14 марта 1790 года. Все съ нимъ случившееся было обнародовано. Онъ получилъ чинъ капитана, отличился въ сраженіяхъ при Кампердаунѣ и Копенгагенѣ, гдѣ командовалъ кораблемъ подъ начальствомъ Нельсона; послѣ того назначенъ былъ губернаторомъ въ Новый Южный Валлисъ, и наконецъ пожалованъ вице-адмираломъ. Съ этой минуты жилъ онъ счастливо и спокойно посреди своего семейства и умеръ въ Лондонѣ въ 1817 году 63 лѣтъ.

Извѣстіе о разбойничествѣ на кораблѣ Боунти возбудило въ Англіи всеобщее негодованіе. Фрегатъ Пандора, подъ начальствомъ капитана Эдвардса, отправленъ былъ для отысканія злодѣевъ.

23 марта 1791 года, Пандора прибыла въ Отаити. Трое изъ преступниковъ тотчасъ же сами явились на корабль и закованы были въ цѣпи; кромѣ того, схвачено на этомъ островѣ еще одиннадцать сообщниковъ, которыхъ тоже заковали. Двое умерли на островѣ. Одинъ изъ нихъ сдѣлался даже главою на островѣ, но вскорѣ былъ убитъ другими, котораго за это островитяне тотчасъ же побили камнями. Объ остальныхъ девяти злодѣяхъ и о самомъ суднѣ Боунти не могли получить никакихъ свѣдѣній.

Послѣ бесполезныхъ поисковъ, фрегатъ отправился обратно въ Ан-

глю съ четырнадцатью преступниками. Но 29 августа близъ Невой Голландіи Пандора претерпѣла кораблекрушеніе, и экипажъ долженъ былъ въ лодкахъ проѣхать тысячу миль. Четверо изъ преступниковъ утонули; другіе спаслись. Изъ экипажа погибло 30 человекъ. Капитанъ Эдвардъ достигъ пустынного берега, гдѣ солнечные лучи совершенно измучили несчастныхъ.

19 іюня 1792 года прибыли они въ Англію, и преступники были преданы суду. Послѣ шестидневныхъ преній, четверо были оправданы; шестеро приговорены къ смерти, изъ нихъ пятеро казнены, а шестой прощенъ кородемъ, потому-что ему не было еще 16 лѣтъ во время совершенія преступленія.

Оставалось теперь узнать участь корабля Боунти, и остальныхъ матросовъ. Прошло двадцать лѣтъ, и только тогда открыли слѣды ихъ. Овладевъ судномъ, они направили путь къ одному острову въ 300 миляхъ отъ Отаити, чтобъ поселиться тамъ; но жители не пустили ихъ на берегъ, и матросы воротились на Отаити. Надобно было рѣшиться на что-нибудь. Всѣ, кромѣ Христіана и восьми товарищей его, рѣшились основаться въ Отаити. Несогласные же хотѣли искать убѣжища въ другомъ мѣстѣ. Случайно въ оставшихся книгахъ Блейга нашли путешествіе Картере, въ которомъ упоминается о маленькомъ островкѣ на Тихомъ океанѣ, видѣнномъ имъ 2 іюля 1767 года. Онъ похожъ (сказано у Картере) на большую скалу, выходящую изъ моря и видимую за пятнадцать миль. Островъ названъ былъ Питкаирномъ, и лежитъ въ 1200 миляхъ отъ Отаити въ 25° 4' южной широты и 180° 8' западной долготы; имѣетъ 4½ мили въ окружности и 14 въ длину. Онъ вулканическаго происхожденія, поросъ деревьями; климатъ на немъ благопріятный. Ядовитыхъ пресмыкающихся нѣтъ вовсе. Къ нему можно только пристать въ хорошую погоду, и то съ большими осторожностями. Плоскихъ береговъ нѣтъ, вездѣ крутыя горы.

Это-то мѣсто выбралъ Христіанъ и спутники его убѣжищемъ. Ихъ прибыло туда всего двадцать-восемь человекъ, то-есть девять англичанъ, девять женъ, взятыхъ съ Отаити, шестеро отаитянъ, изъ которыхъ трое женатыхъ и одинъ ребенокъ.

Когда они прибыли на островъ, то нашли слѣды прежнихъ жителей—дикихъ идолопоклонниковъ, судя по оставшимся топорамъ и копьямъ съ каменными острѣями, по грубымъ изображеніямъ солнца, луны и звѣздъ и по черепамъ, зарытымъ въ землѣ. Впрочемъ, видно было, что жители давно ужъ исчезли.

Христіанъ, сохранившій долгое время надъ товарищами своими власть, кажется, хотѣлъ ввести порядокъ и тишину, нарушаемые безпрестанно буйными спутниками его. вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ они безпрестанно боялись появленія корабля, который могъ отыскивать ихъ, для преданія заслуженному наказанію.

Послѣ нѣсколькихъ кровопролитныхъ ссоръ между бѣлыми и отаитянами, послѣдніе рѣшились умертвить европейцевъ, но жены ихъ открыли заговоръ. Кончилось тѣмъ, что четверо бѣлыхъ погибли, а отаи-

тяне были все истреблены, такъ-что въ 1794 году оставалось на Питкаирнѣ четыре англичанина съ женами.

По несчастію, одинъ изъ этихъ англичанъ вздумалъ составлять водку изъ корня какого-то растенія—и пьянство произвело новые безпорядки. Самъ изобрѣтатель въ пьяномъ видѣ бросился со скалы въ море.

Изъ всѣхъ европейскихъ поселенцевъ остался одинъ матросъ, по имени Джонъ Адамсъ. Онъ пережилъ всѣхъ своихъ спутниковъ и увидѣлъ себя въ 1800 году старѣйшиною съ двадцатью дѣтьми, оставшимися отъ товарищей его. Всѣ дѣти почитали его своимъ отцомъ и защитникомъ. По счастью, у него была Библія и молитвенникъ, и онъ началъ воспитывать всѣхъ дѣтей въ страхѣ Божіемъ. Поутру и ввечеру читали они молитвы, и онъ имъ читалъ священное писаніе. Днемъ же работали все, по распредѣленію его, въ поляхъ, садахъ и огородахъ.

Въ 1808 году заѣхалъ на островъ одинъ американскій капитанъ, а потомъ пришли еще два военные корабля. Адамсъ трепеталъ, но не скрывался. Оказалось, что корабли эти и не слышали о немъ. Двадцать пять лѣтъ ужъ прошло со дня его преступленія.

Сиръ Томасъ Станисъ, капитанъ одного изъ этихъ кораблей, описалъ съ какимъ удивленіемъ открылъ онъ, приближаясь къ этому острову, правильно построенные дома. Когда же они были въ двухъ миляхъ отъ берега, островитяне спустили съ вершинъ лодки и бросились въ море, смѣло переплывъ чрезъ бурунь и направля путь къ кораблямъ. Подъѣхавъ къ нимъ, закричали они по англійски: «бросьте веревку».

Вся одежда ихъ состояла изъ фартука и соломенной шляпы съ черными перьями. Когда ихъ привели въ каюту и подали имъ завтракъ, они прежде набожно совершили молитву.

Сиръ Томасъ отправился съ ними на островъ и былъ въ восторгѣ отъ встрѣченной имъ картины. Старикъ Адамсъ и жена его привели гостей въ свой домъ и угостили ихъ кокосами, игнами и свѣжими яйцами. Колонія состояла тогда изъ сорока шести взрослыхъ людей и множества дѣтей; мужчины были высокаго роста съ кроткою и открытою физиономіею. Молодые дѣвушки возбуждали всеобщее удивленіе красотою, любезностью и чрезвычайною скромностью. Вообще, типъ физиономіи былъ англійскій. Дома жителей были образцомъ чистоты и благосостоянія. Поля вокругъ домовъ были прекрасно воздѣланы.

Старикъ Адамсъ возбудилъ между ними соревнованіе въ трудѣ и работахъ. Онъ устроилъ мѣншой торгъ между жителями: соль на овощи, плоды на живность и проч. Всѣ преимущественно занимались рыбною ловлею и воздѣлываніемъ земли. Молодой человекъ могъ тогда только жениться, когда воздѣлалъ себѣ участокъ земли, для пропитанія семейства. Совершенное согласіе царствовало въ колоніи. Всѣ жители были наивны, откровенны, любезны и съ примѣрною набожностью исполняли обряды вѣры.

Въ 1825 году заѣхалъ на этотъ островъ капитанъ Бичи, командиръ судна Блоссомъ; онъ представляетъ самую трогательную картину процототы нравовъ и счастья жителей Питкаирна. Они все еще были подъ

управленіемъ Адамса, все также были веселы, добродѣтельны и набожны, представляя образцы супружеской и отцовской нѣжности. Вотъ обыкновенное распредѣленіе ихъ дневныхъ занятій

Всѣ встають до солнечнаго восхода и прежде всего цѣлымъ семействомъ совершаютъ утреннія молитвы. Послѣ завтрака отправляются на работу. Дѣти идутъ въ школу и въ рекреационныя часы занимаются играми. Мужчины занимаются земледѣльствомъ, садоводствомъ, строеніемъ, фабрикаціею шляпъ изъ пальмовыхъ листьевъ и дѣланіемъ корзины для размѣна съ приходящими судами. Въ полдень они обѣдаютъ. Всегдашнее ихъ блюдо пироги изъ игнама и картофеля. Разумѣется обѣдъ сопровождается двукратными молитвами. Они занимаются также рыбною ловлею, хотя это и сопряжено съ опасностями. Ужинъ ихъ въ семь часовъ вечера. Разъ или два въ недѣлю ѣдятъ они рыбу, мясо, или живность. Женщины занимаются хозяйствомъ и шитьемъ одежды; изъ коры тутоваго дерева выдѣлываютъ онѣ холстъ. Слугъ нѣтъ на островѣ: всѣ служатъ сами себѣ, или младшіе старшимъ. Кухни, стряпня не въ самомъ домѣ гдѣ живутъ, а поблизости, изъ опасенія пожара. Свѣчей тоже нѣтъ, а горитъ масло и лучина дерева дуло (*aleurites triloba*). Стекло въ рамкахъ нѣтъ, а есть ставни, которыя закрываются въ дурную погоду. Пьютъ они всегда воду. По праздникамъ угощаются молокомъ изъ кокосовыхъ орѣховъ и сахарною водою съ сиропомъ изъ раздавленнаго сахарнаго тростника. Ложатся они рано, по совершеніи вечерней молитвы. Задвижки, замки, запоры здѣсь неизвѣстны. Всѣ жители умѣютъ читать и писать, но выписываютъ себѣ только нравственныя и религіозныя книги для чтенія. Приходъ корабля для нихъ большой праздникъ, и, по удивительному вліянію нравственности жителей, они никогда не портятся отъ непродолжительнаго пребыванія пріѣзжающихъ, а напротивъ того, послѣдніе становятся лучше и кротче, прощаясь всегда со слезами съ жителями.

Джонъ Адамсъ умеръ 5 марта 1829 года, на 65 году. Ему наследовало въ старѣйшинствѣ нѣкто Ноббсъ, поселившійся на островѣ за нѣсколько времени предъ тѣмъ.

20 іюля 1847 года прислана была просьба отъ этой колоніи, подписанная главнымъ судьей (*principal-magistral*), двумястами совѣтниками его и семью старшими островитянами. Они просили, чтобъ лондонскій архіепископъ рукоположилъ Ноббса священникомъ, для совершенія всѣхъ церковныхъ обрядовъ. Просьба эта была исполнена.

Въ это время было уже въ колоніи сто тридцать восемь человекъ (71 мужчинъ и 67 женщинъ), и народонаселеніе быстро усиливается.

7 августа 1852 года заѣхалъ туда адмиралъ Моресби. Онъ провѣлъ тутъ четыре дня, и съ восторгомъ описываетъ нравственное состояніе колоніи. Капеллантъ, бывшій на кораблѣ и видѣвшій образъ жизни жителей, писалъ слѣдующее:

«5 септября 1852. Все, что рассказываютъ о добрыхъ нравахъ этихъ людей, вовсе не преувеличено. Это, безъ сомнѣнія, одна изъ са-

мыхъ нравственныхъ общинъ въ свѣтѣ. У нихъ никогда не бываетъ ссоръ и всегдaшнее согласіе царствуетъ между ними.»

(Revue Britannique).

Письмо изъ Парижа. Парижская зима. — Журналъ и несчастія Дюма-отца. — Успѣхъ Дюма-сына. — Пародія. — Поговорка Октава Фелье. — Филантропія и музыка. — Мейерберъ. — Новый композиторъ и его опера. — Будущая опера. — Петербургскіе знакомцы. — Опера Лимандера. — Новый балетъ. — Пьеса съ неожиданною развязкою. — Новые пьесы. — Пошлая пьеса и тѣжба. — Знаменитая дебютантка. — Содержание Крувелли. — Почести, воздаваемые Рашели. — Слухи о народномъ театрѣ. — Избраніе Ребера. — Погребеніе Планара. — Смерть молодого литератора. — О томъ, какъ нехорошо: женѣ писать письма, а мужу носить при себѣ кнѣжалъ. — Вы нисколько не удивитесь, если я скажу вамъ, что у насъ, въ Парижѣ настоящая зима, что, напримѣръ, по *Сенъ ходятъ*; все это, по-вашему, такъ и должно бытъ. По вашему дѣйствительно такъ; но здѣсь это въ диковину, и Парижъ, отъ холода и ужаса, готовъ назвать нынѣшнюю зиму *суровою*.

Суровость зимы не мѣшаетъ, впрочемъ, нисколько парижанамъ веселиться, ходить въ театры, слушать концерты, толковать о дѣлахъ *Порты*, готовиться къ предстоящей всемірной выставкѣ, и читать «*Le Mousquetaire*», новый журналъ А. Дюма - отца, который, еще до своего появленія, возбудилъ такую бездну толковъ и сарказмовъ. Дюма на эти вещи большой философъ: онъ молчитъ, сколько можно, и продолжаетъ писать; пишетъ много и скоро, пишетъ не смотря на нападки критики...

Дюма, какъ вы уже слышали, вѣроятно, написалъ для *Французскаго театра* пяти-актную драму подъ названіемъ: «*La jeunesse de Lauzun*», Открывается, что на *Французскомъ театрѣ* — о несчастіе!! — есть уже пьеса, подъ названіемъ. «*La jeunesse de Lauzun*, произведеніе молодого автора Эдуарда Жоржа... Не знаю, чѣмъ кончится это. Слышалъ я только, что Дюма хочетъ, чтобы произведеніе г. Жоржа было поставлено на сцену *прежде*. И такъ, намъ предстоитъ удовольствіе видѣть *дважды* молодость царедворца, если только директоръ французскаго театра г. Гуссе захочетъ этого.

Въ то самое время, какъ Дюма-отецъ идетъ по тернистому пути и никакъ не можетъ написать пьесы для *Французскаго театра*, Дюма-сынъ рветъ розы безъ шиповъ и пожинаетъ лавры на *театрѣ* Драматической Гимназіи, куда «*Diane de Lys*» привлекаетъ многочисленную публику, вызывая слезы и рукоплесканія публики и журнальные толки. Авторъ «*Diane de Lys*» выказалъ въ этомъ произведеніи много ума и таланта, и успѣхъ его — успѣхъ вполне заслуженный.

Это однакожъ, не помѣшало гг. Ламберу, Тибу и Делакуру написать довольно забавную пародію, подъ замысловатымъ заглавіемъ: «*Diane de Lys et de Camélias, ou la femme légère, liée a un homme bilieux qu*

n'entend pas les plaisanteries», которая возбуждаетъ единодушный и веселый смѣхъ въ посѣтителѣхъ *театра разнообразій*. Надо сказать правду, французамъ удаются пародіи; Тибу и Делакуръ исполнили свое дѣло весьма искусно.

Не могу умолчать еще о хорошенькой поговоркѣ Октава Фелье: «Le pour et le contre». Октавъ Фелье рѣшительно *мастеръ* на поговорки. «Le pour et le contre», была напечатана давно, года четыре, но на сценѣ ее дали въ первый разъ въ октябрѣ.

Веселясь, Парижъ не забываетъ дѣлать милосердія и слушаетъ безчисленное множество концертовъ въ пользу погорѣвшихъ и бѣдныхъ.

Говорить-ли вамъ о концертахъ, данныхъ здѣшнимъ Филармоническимъ Обществомъ, и Обществомъ св. Сициліи, или о маршѣ Мейербергера, по случаю бракосочетанія, маршѣ, въ-самомъ-дѣлѣ, превосходномъ, восхищаемъ всѣхъ, кто слышитъ его... но, и концерты двухъ обществъ, названныхъ мною, и Мейерберъ давно знакомы вамъ; скажу лучше нѣсколько словъ о молодомъ, но подающемъ большія надежды композиторѣ и его новой оперѣ.

Гевартъ (Gevaert выговаривается какъ Guevart — такъ зовутъ молодого артиста) родился во Фландріи, въ небольшой деревнѣ, неподалеку отъ Гента. Родители его были простые земледѣльцы, и будущему композитору пришлось ходить за сохою. Занятіе это не роднилось съ поэтической душою, которая рвалась куда-то, въ незнакомый ей міръ. Часто останавливаясь посреди поля, Гевартъ задумывался, прислушиваясь къ звонкой пѣснѣ птицъ, или къ журчанью ручейка.. Звуки эти потрясали его; они пробуждали въ немъ какое-то неясное желаніе, стремленіе къ чему-то невѣдомому, непонятному—то были *первые звуки гармоніи*, родные музыкальной натурѣ мальчика, и мальчикъ томился... Пѣніе которое услышалъ онъ въ церкви, нѣсколько объяснило ему его назначеніе. Мальчикъ хотѣлъ быть музыкантомъ. Желаніе разгадать, какимъ образомъ можно *видимыми* знаками изобразить звуки, *доступные только слуху*—не давало ему покоя.

Напрягая всѣ силы своего воображенія, онъ дошелъ, наконецъ, до того, что выдумалъ цѣлый музыкальный языкъ, только ему самому понятный. Палочкою на песокѣ чертилъ онъ іероглифы своего сочиненія, и цѣлые дни проводилъ, погружаясь въ этотъ новый, имъ самимъ созданный міръ; но все это мало удовлетворяло музыкальнымъ потребностямъ молодого артиста.

Какъ-то, наконецъ, Гевартъ досталъ у пономаря книгу церковнаго пѣнія, и по ней, безъ всякой посторонней помощи, выучилъ ноты и сталъ пѣть. Старая книга, добытая у школьнаго учителя, познакомила Геварта съ основными правилами гармоніи.

Загѣмъ въ артистѣ-самоучкѣ явилась потребность высказать, въ стройныхъ звукахъ, свои собственныя идеи, и онъ написалъ небольшую арію, которую и сыгралъ на органѣ, на Святой недѣли, къ удивленію всей деревни.

Съ этого дня слава молодого музыканта разнеслась далеко по окрестнымъ деревнямъ и дала ему новыя силы и охоту къ музыкальнымъ

занятіямъ. Гевартъ написалъ въ это время еще нѣсколько небольшихъ пьесъ. Призваніе молодого человѣка было ясно, но, несмотря на то, старому деренскому доктору стоило большихъ трудовъ уговорить отца Геварта отдать сына Менгалю, извѣстному артисту гентской консерваторіи.

Въ консерваторіи очень скоро замѣтили и оцѣнили способности молодого музыканта; онъ получилъ преміи за успѣхи въ гармоціи и контра-пунктѣ, и наконецъ, въ 1847 году, брюссельская консерваторія дала ему римскую премію.

Геварту было восемнадцать лѣтъ.

По просьбѣ родителей, правительство позволило ему пробыть два года дома. Въ это время онъ отдалъ на гентскій театръ большую оперу, въ трехъ актахъ, подъ названіемъ «Hugeus de Zonnerghem и комическую въ одномъ актѣ «La comedie à la ville».

Въ 1849 году онъ отправился, на счетъ бельгійскаго правительства, путешествовать; объѣхалъ Францію, Италію, Испанію, Германію и въ 1852 году возвратился въ Гентъ, куда, между-тѣмъ, переѣхали уже и его родители.

Затѣмъ Гевартъ явился въ Парижъ: здѣсь встрѣтили его радушно земляки, и одинъ изъ нихъ, Густавъ Ваезъ (G. Vaëz), написалъ ему либретто для оперы буффо, подъ названіемъ: Georgette ou le moulin de Fontenoу, которая дается теперь на *Лирическомъ театрѣ*, посреди безконечныхъ рукоплесканій, и составляетъ начало славы молодого композитора.

Содержаніе оперы весьма незамысловато. Дѣло въ томъ, что въ молоденькую и, разумѣется, хорошенькую мельничиху, Жоржетту, влюблены четверо: во 1-хъ, нотаріусъ Фонтеносъ, во 2-хъ Корбенъ, управляющій сосѣдними землями, въ 3-хъ, Кловисъ земледѣлецъ и садоводъ и въ 4-хъ, наконецъ, его племянникъ Андрэ. Послѣдній, разумѣется, счастливѣйшій изъ четырехъ соперниковъ. На головы трехъ первыхъ обрушиваются, въ продолженіе пьесы, всевозможныя бѣдствія, а въ заключеніе, Андрэ женится на Жоржеттѣ. На это-то либретто Гевартъ написалъ музыку, возбуждающую рѣшительный восторгъ. Богатство и свѣжесть мотивовъ, искусная оркестровка, словомъ: тутъ есть все, что обѣщаетъ несомнѣнно будущую славу композитора.

Кстати о будущемъ. Говорятъ, что знаменитому Пачини поручено написать новую оперу для здѣшняго *Итальянскаго театра*. Провзведеніе это, подъ названіемъ: «La Cantatrici di Madrid», вѣроятно, поставлено будетъ на сцену въ-теченіе нынѣшняго сезона. Ждемъ съ нетерпѣніемъ, а покуда восхищаемся вашими знакомцами: Маріо и Фреццоллини.

Я слышалъ ихъ въ «j Puritani». Маріо былъ безподобенъ; у Фреццоллини недоставало свѣжести и легкости въ знаменитомъ полонезѣ: *Son vergine vezzosa*, но она вознаградила этотъ недостатокъ, пропѣвъ, превосходно: *Qui la voce sua suave*.

Изъ вашихъ знакомцевъ здѣсь *отличаются* еще Софья и Изабелла Дулькенъ. Сверхъ того, сюда пріѣхалъ недавно, такъ дурно запла-

тившій за ваше гостепріимство, Франсисъ Бертонъ и, кажется, намѣревается дебютировать въ амбуа Брессана, на театрѣ «Гимназіи» откуда, можетъ-быть, убѣжитъ также, какъ убѣжалъ изъ Петербурга...

Кочующій этотъ артистъ напоминаетъ мнѣ блаженные времена миннезингеровъ, хотя, впрочемъ, между благородными поэтами, воспѣвавшими любовь, и г. Бертономъ... такое же сходство, какъ между молокомъ и чернилами. Но, можетъ-быть самая эта противоположность и приводитъ мнѣ на память артистовъ-рыцарей, давно преданныхъ забвенію. Въ XIV столѣтіи, какъ вамъ извѣстно, миннезингеровъ смѣнили мастерзенгеры; то были истые труженики въ области поэзіи и музыки и не отличались своими родословными: знаменитѣйшій изъ нихъ, Гансъ-Саксъ, былъ башмачникъ. Дѣло, впрочемъ, не въ башмачникѣ, а въ томъ мастерзенгерѣ, который, благодаря совокупнымъ трудамъ молодаго литератора Гаури Трианона и композитора Лимландера, доставляетъ парижскимъ меломанамъ много удовольствія.

Дѣйствіе оперы, называющейся: «Maitre-chanteur», относится къ концу XV столѣтія и происходитъ въ предмѣстьи Франкфурта-на-Майнѣ. Германія выбираетъ новаго императора. Имъ Максимилианъ пользуется большою популярностью и, нѣтъ сомнѣнія, любимецъ народа будетъ избранъ.

Политика нисколько не мѣшаетъ Рудольфу, сыну ландграфа гессенскаго, веселиться съ избранными стоими друзьями. Отецъ хочетъ женить его на пфальцъ-графинѣ, что несомнѣнно нравится молодому принцу.

И вотъ, Рудольфъ рѣшается увести молодую дѣвушку, Маргариту, дочь оружейника Гюнтера, въ которую влюбленъ.

Въ то время, какъ Рудольфъ замышляетъ свой планъ, въ домѣ Гюнтера раздаются пѣсни; ихъ поютъ остановившійся тамъ мастерзенгеръ и работники оружейника. Мастерзенгеръ этотъ, однакожъ, не простой уличный пѣвецъ, онъ не говоритъ своего имени; проситъ называть себя поэтомъ, но что-то таинственное проглядываетъ во всей его особѣ.

Рудольфъ, которому друзья доказываютъ невозможность его намѣренія, горяча держитъ пари на 4000 дукатовъ, что въ этотъ же самый вечеръ похититъ Маргариту. Таинственный мастерзенгеръ слышитъ и видитъ все и является очень кстати съ бумагою, перомъ и проч., чтобъ служить секретаремъ; ему поручено составить условія пари, которыя тутъ же и подписываются Рудольфомъ и его противоположною стороною.

Наступаетъ ночь. По условному знаку, влюбленная Маргарита рѣшается покинуть отчій кровъ и слѣдовать за избраннымъ своего сердца въ его дворецъ.

Но богатый дворецъ ландграфа не приноситъ ей ожидаемаго счастья: въ немъ она узнаетъ отъ мастерзенгера о назначенномъ уже бракѣ Рудольфа и, вслѣдствіе этого, предается самой глубокой печали. Имъ Рудольфа, какъ измѣнника, теперь, пугаетъ ее.

Высокія чувствованія, слезы и страданія бѣдной дѣвушки пробуждаютъ въ Рудольфѣ весь жаръ любви, и онъ рѣшительно отказывается отъ брака съ пфальцъ-графинею.

Является Гюнтеръ съ своими работниками (!). Рудольфъ объявляетъ, что Маргарита невинна и, въ доказательство, готовъ жениться на ней, тѣмъ-болѣе, что таинственный мастерзенгеръ показываетъ подписанное Рудольфомъ обязательство (вы догадываетесь, что онъ подписалъ условія пари, не прочитавъ ихъ). Отецъ Рудольфа очень недоволенъ тѣмъ, что какой-нибудь мастерзенгеръ осмѣливается вмѣшиваться въ его семейныя дѣла и хочетъ, просто-на-просто, выгнать Маргариту изъ дворца, но мастерзенгеръ противится этому. «Кто-же ты, осмѣливающийся говорить со мною такъ смѣло? спрашиваетъ Ландграфъ.—Мейстерзингеръ отвѣчаетъ:

Entendez-vous cette clameur immense?

C'est mon règne qui commence:

Je suis Maximilien! (!!!)

Опера эта пользуется огромнымъ и вполне заслуженнымъ успѣхомъ.

Боюсь, однако, надоѣсть вамъ слишкомъ длинною пѣснью о музыкѣ и потому дѣлаю скачокъ и перехожу къ тѣмъ, которые прыжками и пируэтками стяжаютъ розовые и лавровые вѣнки и кружатъ головы. Обращаюсь, однимъ словомъ, къ балету, гдѣ первое мѣсто, въ настоящее время, принадлежитъ безспорно произведенію въ трехъ картинахъ г. Мазилье съ музыкою Теодора-Лабарра.

Въ одинъ прекрасный день начала XVII столѣтія эпохи, когда страшные буканьеры опустошали владѣнія испанскихъ колонистовъ, многочисленные слуги Дона Жозе Кавальинеса, одного изъ богатѣйшихъ плантаторовъ, заняты приготовленіями къ празднеству, которое устраиваютъ по случаю дня рожденія дочери Кавальинеса, прекрасной Жовиты. Въ плантацію Кавальинеса является донъ Альтамирано, молодой морской офицеръ, съ солдатами, и на одномъ изъ холмовъ выставляетъ надпись:

«Двѣсти унцій золота тому, кто предастъ буканьера Зюбильягу!»

Молодой лейтенантъ любитъ Жовиту и любимъ взаимно. Они дали слово принадлежать другъ другу, не спросивъ, впрочемъ, донъ Кавальинеса: понравится-ли ему подобный союзъ. Къ чему спрашивать? Дону Альтамирано стѣдуетъ схватить Зюбильягу, получить въ награду за это чинъ капитана—и тогда... тогда просить руки Жовиты у ея отца. Судьба, повидимому, за влюбленнаго: является старикъ, предлагающій свои услуги къ поимкѣ злодѣя Зюбильяги. Онъ назначаетъ молодому офицеру свиданіе въ тотъ же день при закатѣ солнечномъ, общаая представить и Зюбильягу. Въ назначенный часъ и въ назначенномъ мѣстѣ офицеръ и старикъ сходятся.

— Я обѣщаю, говорить старикъ: — представить вамъ Зюбильягу. Онъ передъ вами.

При этихъ словахъ старикъ превращается въ молодого человѣка, лѣтъ тридцати, и, вынимая шпагу, прибавляетъ:

— Ну, лейтенантъ! заслужите чинъ капитана!

Солдаты кидаются защищать своего офицера, но и Зюбильяга не остается одинъ: со всѣхъ сторонъ сбѣгаются буканьеры.

Донъ Альтамирано и его солдаты защищаются въ продолженіе нѣкотораго времени весьма храбро противъ многочисленнѣйшихъ враговъ, но, обезсиленные, наконецъ, попадаютъ въ плѣнъ къ разбойникамъ. Зюбильяго съ своею шайкою опустошаетъ все окрестности, уводить въ плѣнъ и рабовъ и владѣтелей; спасаются только донъ Кавальинесъ, который, въ благодарность за его гостепріимство, оставленъ привязаннымъ къ дереву, и Жовита, спрятавшаяся подъ рожею. Написъ дона Альтамирано замѣнена новою:

«Альтамирано вымѣнивается на четыреста унцій золота».

Жовита отвязывается отца и, вооружась кинжаломъ, забытымъ буканьерами, отправляется спасти своего возлюбленного, или отмстить за него.

Дѣйствіе... виновать, картина вторая—въ дикомъ пріютѣ, убѣжищѣ страшныхъ буканьеровъ. Жовита является туда въ костюмѣ Гитаны, съ тамбуриномъ въ рукахъ, и очень нравится Зюбильягѣ. Далѣе, красота Жовиты становится яблокомъ раздора между буканьерами, вкусы которыхъ сходятся; дѣло рѣшается *жеребьемъ*, счастье благопріятствуетъ Зюбильягѣ. Онъ совершенно очарованъ прелестями Гитаны и, въ чаду упоенія, не замѣчаетъ, какъ красавица отрѣзываетъ у него пороховницу, сыплетъ порохъ дорожкой къ пороховой бочкѣ и даетъ плѣнникамъ знакъ спастись. Часъ мщенія наступилъ! Жовита поджигаетъ порохъ и Зюбильяга съ шайкою погибаетъ подъ развалинами обрушившейся части пещеры.

Въ третьей картинѣ, *самъ вице-король*, въ Мехикѣ, празднуетъ побѣду Жовиты. Онъ вручаетъ Жовитѣ патентъ на чинъ капитана для ея жениха, за котораго она и выходитъ благополучно замужъ.

Музыка Лабарра, извѣстнаго композитора и арфиста, обработана прекрасно: въ ней очень много мелодій и оригинальности; оркестровка богата, но немного тяжела; арфа, разумѣется, *играетъ первую роль*. Во второй картинѣ есть комическое пѣ, за которое, по моему мнѣнію, можно-бы упрекнуть хореографа, а между-тѣмъ пѣ это повторено по единодушному требованію публики... О вкусахъ спорить не должно!.. Бѣда, впрочемъ, если у писателя, являющагося съ своимъ произведеніемъ на судъ публики, вкусъ *слишкомъ странный*. Такъ, напримѣръ, недавно я попалъ въ *Французскомъ театрѣ* на пьесу, въ которой развязка до того неожиданна, что можетъ быть оправдана только личнымъ и довольно-страннымъ вкусомъ автора.

Молодой человѣкъ, подъ именемъ Асканіо, во что бы то ни стало, желаетъ умереть. Вслѣдствіе такого желанія онъ рѣшается повѣситься и не *просто повѣситься*, а *повѣситься непременно на шнуркѣ отъ лю-*

бимой имъ дѣвушки *Педрилы*. Асканіо, съ гитарою въ рукахъ, является подъ окно *Педрилы* и проситъ у нея спурка для выполненія своего ужаснаго замысла. *Педрила*, разумѣется, послѣ долгаго колебанія, бросаетъ Асканіо свой кушакъ. Асканіо отправляется вѣшаться; но *Педрила* не дремлетъ; у нея есть два поклонника, два старика-претендента на ея руку. «Я буду женою того» говоритъ хитрая *Педрила* «кто принесетъ мнѣ мой кушакъ отъ Асканіо!» Оба старика бѣгутъ сломя голову за кушакомъ. Асканіо сначала не соглашается ни на какія сдѣлки, но, наконецъ, беретъ съ нихъ по 30000 золотыхъ, отдастъ кушакъ, а самъ рѣшается утопиться. Старикамъ новыя хлопоты... но вы уже догадываетесь, что Асканіо не утопится, не повѣсится, словомъ: останется цѣлъ и невредимъ и, сверхъ-того, къ совершенному прискорбію столько трудившихся стариковъ, женится на *Педрилѣ*... Всего этого можно ожидать; но въ заключеніе, совершается вещь рѣшительно неожиданная и поистинѣ странная: Асканіо говорить... какъ бы вы думали — что? *Messigneurs je me nomme Esteban Murillo!* и по этому-то пьеса *Лангле* носить названіе: *Мурильо*. Чего, подумаешь, не бываетъ на свѣтѣ!

Чтобы кончить о театрѣ, сообщу вамъ перечень пьесъ, имѣвшихъ въ послѣднее время успѣхъ.

Въ театрѣ-циркѣ господствуетъ большая военная драма: *Приказъ Евгений и императрица Жозефина*, и сказка *Изъ Тысячи и одной ночи*, въ десяти (!) картинахъ, соч. братьевъ *Коньяръ*, подъ названіемъ *Али-Баба*.

Въ *Юрическомъ-театрѣ* *Le Danseur du Roi* и *Le bijou perdu*.

На сцену *Одеона* поставлена большая драма въ шести частяхъ, *Жоржъ Занда*, *Мопра*, передѣлка изъ романа.

Въ театрѣ *Délassement*—*La guerre des Blanchisseuses*.

Въ театрѣ *des Variétés*—*Les trois gamins*.

На театрѣ *Бомарше* давали драму *Гаури де Кока* (сына извѣстнаго романиста), подъ названіемъ *Mauvais Gas*.

На *Палероальскомъ театрѣ* замѣчательнъ премиленькій водевилъ *Варена Le celebre Vergeot*.

Недавно въ объявленіи *Итальянскаго театра* появилось имя новой *primadonna assoluta*, въ драматическомъ и лирическомъ родахъ г-жи *Петровичъ-Вальтеръ*. Артистка эта воспитанница новой итальянской школы.

Софья Крувели заключила съ *Оперою* контрактъ на два года, по которому она будетъ получать 100 тысячъ фран. годоваго жалованья, имѣть право выбирать роли; обязана играть только два раза въ недѣлю, а за каждый мѣсяцъ получать по 1500 франковъ и, сверхъ всего этого, пользуется четырехмѣсячнымъ отпускомъ. Два мѣсяца ея будущаго отпуска, то-есть июнь и июль 1855 года, которые придутся во время имѣющей быть всемірной выставки, уже откуплены за 50 тысячъ франковъ. И такъ, г-жа *Крувели* получитъ въ будущемъ году 150 тысячъ франковъ, не считая разовыхъ, и два мѣсяца свободы, которые, вѣроятно, также не пропадутъ даромъ. Содержаніе недурно!

Не смотря на то, что парижане очень недовольны Рашелью, за присланную ею просьбу объ увольненіи изъ числа здѣшнихъ общниковъ-артистовъ, Французскій театръ хочетъ заманить послѣднюю поддержку своей одряхлѣвшей и вѣснѣ прскучившей классической трагедіи особенной галантерейностью. Недавно, между бюстами Корнеля и Мольера поставлена статуя, изображающая музу трагедіи въ лицѣ Рашели. «Съ кого-же и снять каменное изваяніе, какъ не съ нашей трагической героини, которая вся—пластика и холодъ?» говорятъ парижане и чуть-ли не правы въ своемъ воззрѣніи.

Носится слухъ; что, въ улицѣ Neuve Rivoli, устроится театръ, который будетъ названъ *Народнымъ* (Theatre du peuple). Въ немъ станутъ разыгрываться пьесы самой строгой нравственности. За вѣрность слуха не ручаюсь.

Въ музыкальномъ отдѣленіи Академіи Искусствъ, на мѣсто умершаго Онслова, избранъ Реберъ.

Не могу не сказать нѣсколько словъ о потерѣ, глубоко опечалившей здѣсь многихъ. Человѣкъ, о смерти котораго хочу я говорить, пользовался, кромѣ литературной славы, общеою любовью за свою благороднѣйшую и добрѣйшую душу. Человѣкъ этотъ драматическій писатель, Планаръ 15 (27) ноября совершенно было его погребеніе; присутствующихъ на похоронахъ было чрезвычайно много, и въ томъ числѣ нѣсколько здѣшнихъ знаменитостей. Надобно вамъ замѣтить, что, при разсылкѣ билетовъ, встрѣтилась какая-то путаница и многіе, кому слѣдовало, не получили приглашенія. Изъ церкви тѣло покойника перенесено на монмартрское кладбище. Тамъ г. Сенъ Жоржъ, отъ имени товарищей и друзей покойнаго, произнесъ небольшую рѣчь, въ которой упомянулъ о достоинствахъ души Планара, о его литературныхъ заслугахъ и талантѣ; вспомнилъ о его нѣкоторыхъ пьесахъ, какъ, на примѣръ: *La Nièce supposée, la Lettre de change, Marie Emma, le Pré au Clercs, l'Eclair* и друг. Послѣ Сенъ-Жоржа говорилъ Эмиль Перренъ, директоръ *Комической оперы* — театра, для котораго преимущественно трудился покойный Планаръ. Перренъ, между прочимъ, разсказалъ, что, не задолго передъ своею кончиною, Планаръ упоминая о тяжелыхъ начинаніяхъ своего литературнаго поприща, сказалъ въ заключеніе: «Теперь цѣль моя достигнута: всѣ мои счастливы вокругъ меня и я могу, какъ умирающій, сказать: *Nunc dimittis servum tuum, Domine*». Никто не думалъ, что это предсказаніе сбудется такъ скоро.

На-дняхъ еще умеръ здѣсь молодой литераторъ, подававшій большія надежды. Это Жюль Лоренъ, написавшій, вмѣстѣ Т. Барьеромъ, *le Piano de Berthe*. Лорену было тридцать два года.

Въ заключеніе моего письма, разскажу вамъ происшествіе, которое ванчало въ прошломъ мѣсяцѣ весь Парижъ и которое доказываетъ, между прочимъ, что не должно: женѣ писать письма къ постороннимъ, а мужу—носить при себѣ кинжалъ.

Нѣкто г. Вотье, въ 1851 году познакомился съ женщиною, у которой была уже, кажется, маленькая дочь. Пріѣхавъ въ Парижъ, дама эта, дѣвушка, дебютировала на театрѣ *Водевилья*, подъ именемъ m-*lle*

Dugand. Черезъ нѣсколько времени г. Вотье обѣщалъ жениться на ней и, принявъ все это во вниманіе, m-lle Dugand рѣшилась покинуть подмостки, на которыхъ могла она блестять и восхищать, сдѣлалась г-жею Вотье и принесла въ даръ супругу—сына. Все это было, до поры, до времени, прекрасно; я говорю: до поры до времени, потому что, вдругъ счастье супруговъ начало примѣтно разстроиваться: между ними, что называется, *пробѣжала черная кошка*. Супругъ былъ ревнивъ, а супруга имѣла дурную привычку писать и получать письма, весьма не нравившіяся мужу, и прятать ихъ такъ неискусно, что они попадались въ руки г-ну Вотье. Однажды ревливый мужъ застаётъ жену за письмомъ, отъ ея прежней дочери, о которой онъ не зналъ, проситъ показать письмо; ему отвѣчаетъ «cela ne te regarde pas!» Онъ требуетъ *настоятельно*; письмо летитъ въ каминъ и сгораётъ тамъ — концы въ огонь! Не тутъ-то было; начинается сцена дѣлая буря упрековъ, угрозъ и наконецъ... конецъ вышелъ очень дурной: г-нъ Вотье, въ припадкѣ бѣшенства, закалываетъ г-жу Вотье кинжаломъ, который имѣлъ несчастную привычку носить всегда при себѣ; не носи онъ этого кинжала, не было бы такой исторіи, и Парижъ занялся-бы чѣмъ-нибудь другимъ.

IV.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I.

ЛИТЕРАТУРА.

1. РУССКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА (въ 1853 году).

Нѣсколько словъ отъ рецензента. — Отечественныя Записки. — Отдѣлъ Словесности этого журнала въ прошломъ году. — Переводныя повѣсти. — Илиада п г. Ордынскій. — Серьезныя статьи. — Смѣсь. — Современникъ. — Его повѣсти и романы. — Стихотворенія. — Ученыя статьи и Смѣсь. — Фельетоны и Новый поэтъ. — Библіотека для Чтенія. — Хорошія и дурныя статьи — Иногородный подписчикъ. — Москвитанинъ и двойственность его редакціи. — Повѣсти и статьи серьезнаго содержанія. — Отсутствие критики. — Фельетонъ и г. Покровскій. — Нѣсколько словъ о другихъ періодическихъ изданіяхъ и о Пантеонѣ. — Общій выводъ о состояніи русской журналистики въ прошломъ году.

Volentem fata ducunt, nolentem trahunt, говоритъ умная латинская пословица, и мы испытали на себѣ ея справедливость. Прекращая въ прошломъ августѣ бесѣды наши съ читателями о русской журналистикѣ, мы не думали начинать ихъ снова въ такомъ непродолжительномъ времени. Четыре мѣсяца отдыха отъ тяжелой обязанности перечитывать журналы и отдавать о нихъ отчетъ — право немного. Но пусть не пугаются читатели. Мы не думаемъ описывать имъ, что дѣлали въ эти четыре мѣсяца, куда уѣзжали, гдѣ жили, въ швейцарскомъ или другомъ домикѣ, пили ли нарзанъ, или что-нибудь другое, обѣдали ли у Дюсео, или въ другомъ мѣстѣ, ѣздили въ фаэтонѣ на орловскихъ рысакахъ, или на простомъ извозникѣ, носили голландскія или простыя рубашки, пробирали ли себѣ волосы сзади, по-англійски, или спустили

живописно клокъ ихъ на лобъ... Всѣ эти интимныя подробности субъективныхъ критиковъ кажутся намъ ненужными при оцѣнкѣ журналовъ, и хотя теперь въ модѣ бесѣдовать о самомъ себѣ съ читателями и начинать рецензію описаніемъ собственныхъ своихъ достоинствъ и привычекъ, мы, къ сожалѣнію, должны лишить себя этого удовольствія, и не считаемъ необходимымъ сообщать читателямъ описаніе нашей наружности, нашихъ свойствъ, образа жизни, занятій, костюма, мѣста жительства и обѣдовъ. Предоставляемъ нашимъ почтеннымъ собратамъ на поприщѣ журналистики критику такого рода и возвратимся къ нашимъ скромнымъ замѣткамъ обо всемъ, что является замѣчательнаго въ нашемъ журнальномъ мірѣ, безо всякихъ отступленій и толковъ о своей личности.

Прежде чѣмъ мы взглянемъ на первыя книги нашихъ журналовъ за этотъ годъ, сдѣлаемъ бѣглый обзоръ главныхъ русскихъ журналовъ за прошлый 1853 годъ. О многомъ мы уже говорили въ прошлогоднихъ статьяхъ, и теперь только напомнимъ читателямъ о нашихъ прежнихъ отзывахъ. Упомянувъ о произведеніяхъ замѣчательныхъ, въ какомъ бы то ни было отношеніи, мы не будемъ входить въ подробные разборы ихъ, и представимъ скорѣе статистическій перечень главныхъ статей, съ краткими замѣчаніями о нихъ, нежели полную и подробную критическую оцѣнку ихъ. У насъ нѣтъ ни времени, ни мѣста, ни возможности дѣлать подобную оцѣнку; предоставляемъ ее болѣе свѣдущимъ критикамъ.

Обратимся прежде всего къ «Отечественнымъ Запискамъ», полнѣйшему изъ нашихъ ежемѣсячныхъ журналовъ. Знаемъ, что съ этимъ мнѣніемъ не согласятся наши старѣйшія періодическія изданія, или хотя и юнѣйшія, но имѣющія большія претензіи на элегантность и современность. Старѣйшимъ изданіямъ не нравится, конечно, то, что они не могутъ уже догнать «Отечественныя Записки»; юнѣйшимъ то, что они не могутъ еще догнать этотъ журналъ: * это еще, конечно, не значитъ, чтобъ мы призывали «Отечественныя Записки» журналомъ совершеннѣйшимъ. Каждый читатель, слѣдящій за ходомъ русской журналистики, да и сама редакція этого журнала, конечно, видятъ, что онъ еще далекъ отъ совершенства, но, во всякомъ случаѣ, въ настоящее время онъ удовлетворяетъ благоразумнымъ требованіямъ.

По отдѣлу *Русской Словесности* въ «Отечественныхъ Запискахъ» прошлаго года было помѣщено *тринадцать* оригинальныхъ повѣстей и романовъ и *девять* переводныхъ. Изъ оригинальныхъ разсказовъ всѣ

* О «Пантеонѣ» мы высказали наше мнѣніе въ концѣ этой статьи.

читаются легко и съ удовольствіемъ; нѣкоторые изъ нихъ безусловно-прекрасны, потому-что, они разсказаны художнически и увлекательно. Къ такому разряду отнесемъ повѣсти: *Огненный Змѣй* М. В. Авдѣева, *Святки* М. И. Михайлова, романъ В. Крестовскаго: *Кто жъ остался доволенъ?* и его сцену: *Рѣшительный часъ*. Третій разсказъ этого же писателя: *Нѣсколько лѣтнихъ дней* отнесемъ ко второму разряду повѣстей хорошихъ, но неотличающихся особенными достоинствами. Сюда же будутъ принадлежать и всѣ остальные бѣллетрическія произведенія «Отечественныхъ Записокъ»: романъ г. Михайлова: *Марья Ивановна*, немножко растянутый и съ нѣкоторыми идиллическими лицами; *Четырехмѣсячный отпускъ*, разсказъ Е. А. Вердеревскаго; *Кто во что гораздъ*, дорожная сцена З.; *Перевозъ* повѣсть А. Тулубьева и двѣ повѣсти Ольги Н** *Деревня* и *Утро вечера мудренѣе*. Последнія три лица: г. Тулубьевъ, г-жа Ольга Н** и анонимъ З. являются, кажется, въ первый разъ на поприщѣ бѣллетристики, и она можетъ ожидать отъ нихъ многого, въ особенности отъ Ольги Н** молодой писательницы, съ большимъ дарованіемъ, о которой намъ, вѣроятно, представится случай говорить подробнѣе въ этомъ году.

Мы не упомянули еще о романѣ г-жи Т. Ч. *Дина*, и, къ сожалѣнію, должны повторить о немъ то же, что уже говорили при разборѣ его, въ прошломъ году, подкрѣпляя тогда доказательствомъ нашъ можетъ-быть строгій, но справедливый приговоръ. Это рѣшительно неудачное и неудавшееся произведеніе. Никто, можетъ-быть, болѣе насъ не огорченъ этимъ, потому-что, мы глубоко уважаемъ талантъ г-жи Т. Ч., но—magis amica veritas! Нѣсколько блестящихъ страницъ, нѣсколько превосходныхъ подробностей не выкупаютъ блѣдности содержанія всего романа, отсутствія въ немъ всякой идеи, ложности и идеальничанья характеровъ главныхъ лицъ. Мы уже спрашивали, что хотѣла сказать г-жа Т. Ч. своею Диною? и теперь, чѣмъ болѣе думаемъ объ этомъ романѣ, тѣмъ тверже убѣждены, что цѣль у г-жи Т. Ч. была одна: написать три тома романа и больше ничего. Какъ ни тяжело намъ говорить это автору одной изъ лучшихъ русскихъ повѣстей: *Тыни прошлаго*, но мы именно потому и говоримъ, что вѣримъ дарованію автора. Къ другому мы были бы снисходительнѣе, потому-что не ждали бы лучшаго. Можетъ-быть, именно потому обращаютъ вниманіе на солнечныя пятна, что они въ солнцѣ.

Изъ переводныхъ статей первое мѣсто принадлежитъ, конечно, *Иліадъ*, перелицованной г-мъ Ордынскимъ. Въ объявленіи объ изданіи «Отечественныхъ Записокъ» на 1854 годъ редакторъ называетъ этотъ

трудъ: «попыткою передать Гомера въ новой формѣ»; ему бы слѣдовало прибавить: весьма неудачною попыткою. Въ свое время мы указывали на вѣ несообразности, на всю смѣшную сторону подобнаго перевода, приводили выраженія и цѣлыя фразы, написанныя такимъ языкомъ, какимъ нельзя не только переводить Гомера, но и вообще выражаться по-русски. Въ разборѣ миѣннй о его переводѣ, помѣщенномъ въ «Отечественныхъ же Запискахъ», г. Ордынскій удивляется, что рецензія «Пантеона» о первыхъ пѣсняхъ перевода была снисходительнѣе, а потомъ дѣлалась все строже. Намъ кажется, что удивляться тутъ нечему, и дѣло очень ясно. Разбирая первыя пѣсни, мы прежде всего радовались тому, что у насъ явится наконецъ вѣрный переводъ *Иліады*, написанный языкомъ простымъ и доступнымъ каждому. Когда же, вмѣсто перевода, мы увидѣли искаженіе, вмѣсто простаго языка изысканно-тривіальныя фразы, полныя провинціализмовъ и барбаризмовъ, когда съ каждою новою страницю подобныя фразы умножались до безконечности, очевидно, мы должны были сдѣлаться строже и взыскательнѣе. Тогда мы сказали прямо, что переводчикъ пошелъ по ложной дорогѣ, что онъ смѣшалъ простоту съ тривіальностью, народный языкъ съ площаднымъ, что эллинскіе боги и герои выражаются у него въ поэмѣ какъ безграмотныя лавочки; мы приводили цѣлыя страницы доказательствъ и окончили рецензію нашу извѣстными стихами Пушкина къ другому переводу *Иліады*, сдѣлавъ въ нихъ небольшое измѣненіе:

Слышу пародію я умолкнувшей эллинской рѣчи,
 Старца великаго тѣнь всей я жалю душой.

Касательно замѣчаній нашихъ о неправильности отбрасыванія въ собственныхъ именахъ греческаго языка окончаній *онъ* и *осъ*, и вообще правописанія этихъ именъ, г. Ордынскій очень коротко замѣчаетъ, что мы не знаемъ греческаго языка. Если бы это и было справедливо, развѣ незнаніе наше доказываетъ обратное предположеніе? то-есть то, что г. Ордынскій хорошо знаетъ этотъ языкъ? Ненадо большаго знанія, чтобъ замѣтить, что не слѣдуетъ писать по-русски; *Иліи*, *Родъ*, *Аргъ*, *Гелій*, *Стигъ*, *Тесей*, *Калхатъ*, *Паридъ* вмѣсто *Иліонъ*, *Родосъ*, *Аргосъ*, *Геліосъ*, *Стиксъ*, *Тезей*, *Калхасъ*, *Парисъ*. Вообще страсть къ оригинальности очень сильно развита въ переводѣ г. Ордынскаго, и желаніе перевести Гомера не лучше другихъ, по цо-крайней-мѣрѣ не такъ, какъ другіе, проглядываетъ въ каждой строкѣ перевода, о которомъ мы не будемъ распространяться, тѣмъ болѣе, что сама редакція «Отечественныхъ Записокъ» отказалась помѣщать продолженіе

этой поэмы и остановилась на двѣнадцатой пѣсни этого неудавшагося труда.

О переводѣ романа Самюэля Варрена *Тяжба*, таившагося цѣлый годъ, мы остаемся при прежнемъ мнѣніи: несмотря на любопытныя подробности и превосходно обрисованныя черты нѣкоторыхъ сторонъ англійскаго общества, въ цѣломъ этотъ романъ растянутъ и утомителенъ. Варренъ не Диккенсъ и не Тэккерей, чтобъ занимать имъ читателей двѣнадцать мѣсяцевъ сряду и переводить вполне каждую строку писателя, вовсе неотличающагося своимъ слогомъ.

Выборъ для перевода новаго романа Жоржъ Занда *Волынщики* (*Les maîtres sonneurs*) также не очень удаченъ. Два другіе рома этого же автора *Mont-Revêche*, переведенный въ «Москвитянинѣ» и «Современникѣ» и *La Filleule* — въ «Библіотекѣ для Чтенія» лучше этихъ Волынщиковъ, пускающихся, по поводу музыки, въ такія разсужденія, какія не придутъ въ голову самому закоренѣлому фугоѣду. Вообще эти французскіе мужики съ возвышенными и идеальными тенденціями порядочно надѣлали въ романахъ Занда, не смотря на огромный талантъ автора, напрасно старающагося сдѣлать ихъ интересными.

Два другія переводныя произведенія: романъ *Джемсъ Монджой*, и драма Лопе де-Веги *Садовничья собака*, также не отличаются особенными достоинствами; въ послѣдней въ особенности очень тяжелъ языкъ. Гораздо интереснѣе ихъ были маленькіе разказы въ смѣси: *Игрокъ въ шахматы* и *Голландскій воздухоплаватель*, Эдгарда Поэ. Разказъ *Цѣна жизни* недуренъ, но былъ уже давно переведенъ и напечатанъ въ Музеѣ Иностранной Литературы.

Изъ стихотвореній лучшее принадлежитъ князю Вяземскому «Маслица на чужой сторонѣ». Всѣ остальные слабы.

Статьями ученаго содержанія «Отечественныя Записки» всегда богаче остальныхъ жуналовъ, и статьи эти весьма интересны, кромѣ немногихъ, слишкомъ специальныхъ. Лучшими статьями по этому отдѣлу были: «Китай въ 1849 и 1850 годахъ» *Е. Ковалевскаго*, произведеніе въ высшей степени любопытное, написанное легкимъ, хотя и не вездѣ правильнымъ языкомъ «Домашній бытъ русскихъ царей прежняго времени» *Забьлина* — изслѣдованіе, доказывающее въ авторѣ глубокое знаніе русской старины; «Разказы Проѣзжаго о странствованіяхъ по Заволжью, Уралу и Волгѣ» *И. Небольсина* — живой, увлекательный разказъ, принадлежащій столько же литературѣ, по нѣкоторымъ подробностямъ и по изложенію, какъ и наукѣ, по множеству любопытныхъ данныхъ во всѣхъ родахъ о нашемъ отечествѣ. «В. А. Жуковскій» двѣ

статьи *А. Галахова*, составленныя съ кропотливостью библиографа и изложенныя съ искусствомъ художника. Статья о томъ же писателѣ другого автора, взятая «со стороны его поэтическаго характера и дѣятельности», къ сожалѣнію, замѣчательна болѣе со стороны многословія и незначительности фактовъ. «Владиміръ Лукинъ» *А. Пыпина*, первый разъ являющагося на литературно-ученое поприще—доброе совѣстное изслѣдованіе малоизвѣстнаго писателя. «Дмитрій Полиоркетъ» *И. Бабста*—прекрасная картина замѣчательной исторической личности. «Географическія извѣстія о древней Россіи» и «Карамзинъ» двѣ очень хорошія историческія статьи *С. Соловьева*; мы бы желали только видѣть въ первой болѣе систематичности; «Гостиницы въ древности»—весьма хорошее изслѣдованіе *Н. Б.*; «Родъ и дѣтство Пушкина» статья *П. Бартенева*, заключающая въ себѣ много подробностей о предкахъ знаменитаго поэта и первыхъ годахъ его дѣтства, до поступленія въ лицей. Кромѣ того, множество критическихъ статей, помѣщенныхъ въ отдѣлѣ Критики и Библиографіи (въ послѣднемъ отдѣлѣ встрѣчаются иногда, къ сожалѣнію, статьи, написанныя довольно рѣзкимъ тономъ и сужденія несовсѣмъ безпристрастныя). Назовемъ только большія и самыя замѣчательныя: *А. Афанасьева* Разборъ «Этнографическаго Сборника» *И. Кудрявцева*: разборъ двухъ сочиненій профессора Грановскаго; *А. Георгиевскаго*—Пропилей, и проч. и проч. Статья «О выставкѣ въ Академіи Художествъ» *А. Майкова*. Хороша, но очень неполная статья *Г. Перевощикова* «Франсуа Араго».

Сверхъ того, въ *Смѣси* журнала было разсѣяно множество большихъ и малыхъ статей серьезнаго содержанія и весьма любопытныхъ. Назовемъ изъ нихъ автобіографію Богдановича, «Замѣтки о сочиненіяхъ Пушкина и Дельвига»—*В. Гаевского*, «Старинная русская одежда» *А. Авдеевой*, «Изъ дорожныхъ записокъ по Закавказскому Краю» *Е. Егорова*, «Шахматы» *Е. Стойковича*, статью, впрочемъ, немного длинную и наполненную подробностями, интересными для однихъ шахматныхъ игроковъ. Мелкія ученныя и литературныя извѣстія журнала очень богаты и занимательны.

Русскіе журналы разбираются въ «Отечественныхъ Запискахъ» постоянно и невольнѣ. О нѣкоторыхъ статьяхъ говорится очень подробно, о другихъ умалчивается вовсе, и иногда причины того и другаго остаются очень темны.

Обратимся теперь къ «Современнику» и посмотримъ на его литературную дѣятельность. Отдѣлъ Словесности въ немъ былъ не очень богатъ; изъ отдѣльныхъ статей, по этому отдѣлу, нѣкоторыя были лучше,

чѣмъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» но зато этотъ послѣдній журналъ никогда не помѣстилъ бы на своихъ страницахъ такихъ повѣстей, какія печаталъ Современникъ. Къ подобнымъ статьямъ принадлежатъ: Богатая Невѣста — *Надежды В.* «Рыженькая» г. *Соколова*, «Три возраста» *Ө. Толстаго*—одинъ изъ самыхъ пустыхъ и неинтересныхъ рассказовъ на русскомъ языкѣ, и т. п. Къ лучшимъ рассказамъ принадлежатъ «Рыбаки» *Д. Григоровича*, не смотря на нѣкоторую сентиментальность и идиллю. Мы разбирали подробно этотъ романъ и не будемъ повторять уже сказаннаго нами однажды. Къ другимъ замѣчательнымъ рассказамъ принадлежатъ сцены г. *Писемскаго*, «Раздѣлъ» и повѣсть *Льшій*», послѣдняя, впрочемъ, теряетъ много оттого, что явилась послѣ «Огненнаго Змія» г. *Авдѣева*, весьма похожаго на эту превосходную повѣсть. Рассказъ *Набыгъ*, также хорошо характеризуетъ кавказскую жизнь. О повѣсти г. *Полонскаго* «Тифлесскія сакли» не говоримъ, потому что въ ней нѣтъ конца.

Переводными романами и повѣстями Современникъ не отличался въ прошломъ году. Больше всего заняла въ немъ мѣсто статья *д'Израэли*: «Литературный характеръ или исторія генія», неизвѣсто почему попавшая въ отдѣлъ Словесности и принадлежащая прямо къ отдѣлу Наукъ и Исторіи Литературы. «Мой романъ» *Бульвера*, продолженіе Семейства Какстоновъ, романъ очень сухой и растянутый. Занимательны два рассказа Диккенса: «Старое платье и Квартира со столомъ и прислугою» и нѣсколько другихъ рассказовъ изъ его журнала: «Household Words»; рассказъ Гауторна «Дочь Рапшачини»; назовемъ также замокъ Монъ Ревешъ. Стихотвореніями Современникъ очень богатъ, но выборъ ихъ не всегда удаченъ и рядомъ съ дѣйствительно-прекрасными произведеніями часто печатались очень слабыя, подъ которыми мы, къ сожалѣнію, встрѣчаемъ даже иногда имена любимыхъ нами поэтовъ. Подобная встрѣча тѣмъ непріятнѣе, что можетъ доказывать неуваженіе къ литературному труду и равнодушіе къ собственной своей извѣстности. И у знаменитыхъ поэтовъ могутъ быть слабыя стихотворенія, но помѣщеніе ихъ въ общемъ собраніи поэтическихъ произведеній, оправдываемое полнотою или хронологическимъ порядкомъ сборника, не должно быть допускаемо въ журналахъ; и если редація не дѣлаетъ выбора между слабыми и хорошими стихами, думая, что извѣстное имя можетъ прикрыть, какъ фирма хорошей фабрики, всякій дурной товаръ, то сами поэты должны бы были дѣлать строгій разборъ своихъ стиховъ, и не допускать печатанія слабыхъ. Такъ помѣщеніе стиховъ г. Некрасова: «Старики» и «Ахъ, были счастливые годы!» ровно ничего не прибавляетъ къ его поэтической извѣстности, и даже скорѣе вре-

дитъ ей. Такъ подлѣ превосходныхъ стихотвореній г. Майкова: «Алкивиадъ», и «Порывы нѣжности обуздывать умѣя» какъ-то странно читать другое, воспѣвающее юношу, у котораго

Голова весеннимъ
Счастьемъ сіяетъ.

Такъ, вмѣстѣ съ стихами г. Полонскаго «Весна» и «Пѣсня цыганки» помѣщено другое, того же автора «Примадоннѣ», цѣликомъ заимствованное у Пушкина. Наконецъ, подлѣ этихъ извѣстныхъ именъ, мы встрѣчаемъ подписи гг. Л., О. и другихъ скромныхъ поэтовъ, скрывшихъ для читателей свое имя, но напрасно несдѣлавшихъ этого же и съ своими произведеніями. Мы бы даже не упоминали объ этихъ стихотворцахъ, еслибы ихъ не расхваливала сама редакція «Современника», и еслибы въ стихотвореніяхъ этихъ мы не видѣли сильныхъ претензій на оригинальность и энергію, хотя эта энергія выказывается по-временамъ стихами, которые заставляютъ улыбаться, какъ въ знаменитомъ произведеніи «Дантъ въ Венеціи» восхваляемомъ «Современникомъ». Мы приводимъ три стиха, прося разрѣшить недоумѣніе наше, какимъ образомъ въ слѣдующемъ выраженіи:

Какъ страшень онъ, сей путникъ величавый,
Какъ грозень видъ главы его курчавой,—
Небесный огонь ее какъ бы спалилъ,

глава, спаленная небеснымъ огнемъ, все-таки осталась курчавою? Разрѣшеніе этого любопытнаго вопроса осталось покрыто мракомъ неизвѣстности.

О стихахъ Новаго поэта, мы не говоримъ ничего. Писать народи на все и на всѣхъ—конечно, особенное искусство; но его никто не назоветъ поэзією.

Статьи серьезнаго содержанія представляютъ въ «Современникѣ» такую же смѣсь очень хорошихъ произведеній съ очень плохими, какъ въ отдѣлѣ Словесности. Строгаго выбора, эстетическаго вкуса мы не видимъ въ редакціи этого журнала. Такъ, напримѣръ, подлѣ превосходныхъ статей г. Соловьева: «Русскій городъ въ XVII вѣкѣ», А. Галахова: «Карамзинъ» и В. Гаевского «Дельвигъ» помѣнены «Путешествіе въ Италію», написанное высокопарнѣйшимъ слогомъ «Путешествіе изъ Петербурга въ Крымъ и обратно», изъ котораго читатель почерпаетъ только свѣдѣнія о съѣстныхъ припасахъ и о томъ, гдѣ можно хорошо пообѣдать. Изъ замѣчательныхъ статей назовемъ еще: «Воспоминаніе о

Федотовъ», «Путешествіе по Полѣсью и Бѣлорусскому краю», «Труды по части русскаго языка въ 1852 году», «Перѣздъ по Россіи въ 1852 году» г. Мельницкаго «Зимній путь въ горахъ Кавказа», г. Егорова. Очень спеціальны и неинтересны статьи: «Исторія французской эскадры», «Кавказскія минеральныя воды», «Разказы о писателяхъ старой Англіи», «Паркъ въ Кіевской губерніи». Другія статьи нѣсколько разъ являлись въ журналахъ въ прежнее время, какъ, напримѣръ: «Литература и театръ въ Англіи до Шекспира» была напечатана въ Пантеонѣ въ 1852 году, и тамъ неодобрена тѣмъ-же Современникомъ. Наконецъ очень дѣльная статья: «Шиллеръ и его переписка съ друзьями» обрисовываетъ очень слабо и односторонне этого великаго поэта.

Библиографія Современника отличается тѣмъ же отсутствіемъ системы и общей мысли при разборѣ произведеній. Въ ней часто пропускаются такія книги, которыя замѣчательны по многимъ отношеніямъ, и говорится пространно о самыхъ незначительныхъ, неизвѣстно, по какимъ уваженіямъ. Въ разказахъ объ удовольствіяхъ и общественной жизни Петербурга тоже нѣтъ никакой послѣдовательности; разказы эти то появляются, то исчезаютъ, фельетонисты мѣняются... вообще Современникъ повидимому очень любитъ разнообразіе. Не мѣняетъ онъ только своего рецензента, бесѣдующаго съ читателями *по поводу* русской журналистики и по этому же поводу разказывающаго обо всемъ, что нисколько не касается до русской журналистики, обо всѣхъ предметахъ и еще о многихъ другихъ, *de omni re scibili et quibusdam aliis*, о снобахъ, коаферахъ, своихъ лакированныхъ сапогахъ, штутьвагенахъ, проболахъ сзади, на англійскій манеръ, о рыскахъ, швейцарскомъ домикѣ, свѣтскости, элегантности, князь Сержъ, Дюссо, дамахъ съ камеліями, тонкомъ бѣльѣ изъ голландскаго полотна, мягкихъ креслахъ, сытныхъ ужилахъ, замороженномъ шампанскомъ, и проч. и проч. Если Новому Поэту не о чемъ говорить, онъ самъ изобрѣтаетъ предметъ бесѣды, сочиняетъ новые типы, въ родѣ знаменитыхъ *хлыщей*, чтобы потомъ наполнять цѣлые фельетоны изслѣдованіемъ этихъ интересныхъ для читателей предметовъ. Наконецъ, въ минуты совершенно свободныя, когда истощатся рѣшительно все вышеупомянутые привлекательные предметы бесѣды, Новый Поэтъ удостоиваетъ сказать нѣсколько словъ и о русской журналистикѣ... виноваты! *по поводу* русской журналистики. Но и въ этихъ случаяхъ его не оставляетъ поэтическая, прихотливая фантазія. Къ поэту является его муза съ камелією, и они, вдвоемъ, начинаютъ видѣть такіе сны и кошмары о русской литературѣ, которые ставятъ въ совершенный тупикъ читателя, неодареннаго такимъ блестящимъ воображеніемъ. Впрочемъ, то же самое игривое воображеніе замѣт.

но и въ сужденіяхъ его о произведеніяхъ русской словесности, произноси-
мыхъ не во снѣ, а на-яву. Приговоры его, конечно, коротки: ему надо то-
рониться поговорить о хлыщахъ; но рѣзкость приговоровъ не доказываетъ еще
сираведливости и логичности. Нечего и говорить, что въ нихъ нельзя
найти ни системы, ни основанія, ни выводовъ; но мы все-таки предпо-
читаемъ ихъ портретамъ, которые Новый поэтъ пишетъ по временамъ
съ разныхъ редакторовъ французскихъ журналовъ. Чтò выигрываетъ ли-
тература отъ подобныхъ портретовъ, и чтò они доказываютъ? Не значить
ли это смотрѣть на литературу только какъ на пустую игрушку, на
занятіе отъ нечего дѣлать? А что подобные портреты очень легко на-
писать, мы доказали это, помѣстивъ въ № 3 нашего журнала (см. Пе-
тербургскій Вѣстникъ, стр. 18) портретъ редактора журнала: Le bon
ton, еще очень польщенный.

Переходъ отъ «Современника» къ «Библиотекѣ для Чтенія» будетъ
очень недалекъ: то же отсутствіе системы, серьезной критики, строгаго
уваженія къ литературѣ и искусству, то же обиліе неинтересныхъ ста-
тей, тотъ же фельетонный духъ при разборѣ русской журналистики,
тотъ же Новый поэтъ въ видѣ Иностраннаго Подписчика. Разница
между двумя журналами только та, что въ «Библиотекѣ» меньше хоро-
шихъ и дѣльныхъ статей, чѣмъ въ «Современникѣ», и что въ первой
встрѣчаются даже такія слабыя статьи, которыя гораздо слабѣ самыхъ
слабыхъ во второмъ журналѣ.

Въ отдѣлѣ русской словесности, въ теченіе года, «Библиотека для
Чтенія» помѣстила *десять* статей. Если мы исключимъ изъ этого чи-
сла одинъ конецъ повѣсти (Наслѣдство, часть 3-я) и одно начало
(Тонни или Ревель при Петрѣ Великомъ) одно путешествіе, неизвѣстно
какъ попавшее въ одинъ отдѣлъ съ повѣстями (Арбатская стрѣлка), двѣ
пьесы, имѣющія болѣе сценическое достоинство (комедія: «Ни тотъ
ни другой» и драма: «Ермилъ Ивановичъ Костровъ»), то въ резуль-
татѣ у насъ остается всего *пять* повѣстей и то въ числѣ ихъ будетъ
одинъ отрывокъ, прекрасно написанный, но ничего необъясняющій
(«Три поры жизни», соч. *Евгенія Туръ*). Изъ оставшихся четы-
рехъ два безусловно хороши: это романъ г-жи Т. Ч. «Умная жен-
щина» и ея же рассказъ: «Сердце съ перегородками» изъ осталь-
ныхъ двухъ: романъ покойнаго *Воиллярльскаго* «Сосѣдъ» очень
слабъ, а другой романъ *г. Масальскаго* «Лейтенантъ и Поручикъ»
болѣе чѣмъ слабъ. Была еще одна загадочная статья въ этомъ от-
дѣлѣ, которую сама редакція не внесла даже въ реестръ статей, при-
ложенный при объявленіи объ изданіи «Библиотеки для Чтенія» въ бу-
дущемъ году, и о которой мы отдали подробный отчетъ, какъ о явленіи

рѣдкомъ въ нашей литературѣ по пустотѣ содержанія и неправильности языка. Это *Три письма*, соч. анонимнаго автора.

По отдѣлу иностранной словесности помѣщено окончаніе романа Миссъ Каванна: «Натали» начало романа Жоржъ Занда «Крестница», «Симеонъ Шарденъ» скорѣе біографія, чѣмъ романъ, весьма плохой переводъ комедіи «Габріель» сдѣланный г. Крешевымъ, и одинъ дѣйствительно хорошій романъ Корреръ-Бель «Вильеттъ»—вотъ и все.

Сверхъ того, въ Сибси было помѣщено нѣсколько переводныхъ разсказовъ, довольно недурныхъ и занимательныхъ. Этотъ отдѣлъ, лучшій въ «Библіотекѣ для Чтенія», весьма разнообразенъ, хотя въ немъ давно уже слишкомъ много мѣста выпискамъ изъ официальныхъ нашихъ журналовъ, и совершенно напрасно помѣщаются по временамъ оригинальныя статьи, въ родѣ повѣсти Надежды Н. «Княгиня», переводныя въ родѣ комедіи «Время творить чудеса» и ученныя въ родѣ «Путешествія по Тульской губерніи» г. Б. де М.

Отдѣлъ наукъ и художествъ не отличается особенною занимательностью. Лучшія статьи по этому отдѣлу были: «Могила древнихъ ливовъ», профессора И. Бера, «Литературное ремесло», «Метеоры, аэролиты и падающія звѣзды» «Письма съ Востока» «Гогартъ» (напечатанный ранѣе въ нашемъ журналѣ) и «Очеркъ исторіи газоваго освѣщенія» М. Хотинскаго. Къ весьма незанимательнымъ статьямъ отнесемъ «Баронъ Карлъ Гумбольдтъ, Леопольдъ Робертъ и Аббатъ Саитини»: эти девять статей составляютъ все богатство «Библіотеки для Чтенія» за цѣлый годъ.

Подъ рубрикою промышленности и сельскаго хозяйства, неизвѣстно для чего отдѣленной отъ Наукъ, какъ-будто эти два предмета не принадлежатъ къ Наукамъ, помѣщено также нѣсколько статей любопытныхъ для тѣхъ, кто читаетъ эти статьи.

Отдѣлъ Критики очень бѣденъ. Мы можемъ назвать только два серьезныя разбора «Военнаго Энциклопедическаго Лексикона и Ученыхъ Записокъ Академіи Наукъ»; остальные разборы или неинтересны, или устарѣли, или очень странны. Къ первому разряду принадлежатъ: «Отвѣтъ г. Бунге г. Михайлову, Путешествіе по Сѣверной Персіи и Изъ Рима въ Іерусалимъ»; ко второму разборъ сочиненій о которыхъ ужъ давно все сказано въ другихъ журналахъ какъ «Корреръ Бель и его романъ Шерли», «Базаръ житейской суеты», «Ярмарка Чеславія» (второй разборъ одного и того же сочиненія) «Исторія Пенденниса» и «Космосъ» и того *девять* статей въ годъ.

Отдѣлъ Библіографіи самый слабый и неполный въ этомъ журналѣ. Мы приводили примѣры разборовъ до того любопытныхъ, что ихъ бы

самихъ слѣдовало разбирать какъ рѣдкость. Языкъ большей части этихъ разборовъ наполненъ совершенно нерусскими оборотами, что въ особенности отличаетъ почти все статьи этого журнала, неподписанныя его сотрудниками.

Наконецъ, въ началѣ года, въ трехъ книгахъ журнала, напечатаны были три письма Иногороднаго Подписчика о русской журналистикѣ. Мы подробно разбирали ихъ въ свое время, доказывая всю неосновательность сужденій, нецеремонность выраженій и рѣзкость приговоровъ этого фельетониста. Его многочисленные эпизоды и отступленія, которыми онъ перещеголялъ даже Новаго поэта, безконечныя бесѣды о самомъ себѣ, своихъ заслугахъ, своемъ дарованіи, своихъ друзьяхъ и непріятеляхъ, неинтересныя анекдоты, неостроумныя остроты, толки о совершенно постороннихъ предметахъ для того, чтобъ наполнить два листа *критики* — все это дѣлало статьи экс-фельетониста «Современника» весьма эксцентричными и возбуждало о нихъ гораздо болѣе толковъ, нежели онѣ заслуживали. Посчастъю, «Библиотека для Чтенія» вскорѣ поняла, что подобныя средства для обращенія вниманія читателя на журналъ не принадлежатъ къ литературѣ, и «Иногородный Подписчикъ» исчезъ изъ этого журнала, какъ исчезъ нѣкогда изъ «Современника». Признаемся, что вторичное появленіе его въ этомъ журналѣ навело бы насъ на мысль, что редація сознается въ томъ, что она ошиблась въ своемъ мнѣніи объ этихъ письмахъ и считаетъ ихъ украшеніемъ своего журнала и русской литературы.

Мы должны еще говорить о журналѣ, который въ прошломъ году подвергался разбору въ самомъ мѣстѣ его появленія въ свѣтъ, именно о «Москвитянинѣ». Съ этого года мы присоединимъ къ нашимъ ежемѣсячнымъ статьямъ критическую оцѣнку номеровъ «Москвитянина», для полноты и единства обзора русской журналистики. Въ настоящемъ обзорѣ мы не можемъ распространяться объ этомъ журналѣ и отлагаемъ болѣе подробную бесѣду о немъ, какъ скоро появится онъ въ нынѣшнемъ году. Теперь исчислимъ только самыя замѣчательныя статьи его въ хорошемъ и въ дурномъ отношеніи.

«Москвитянинъ», по нашему мнѣнію, не журналъ, а скорѣе періодическій альманахъ. Вкладчики статей въ этотъ альманахъ отличаются самыми разнообразными дарованіями, самыми противоположными мнѣніями, но составителю альманаха до этого нѣтъ никакого дѣла; онъ собираетъ эти статьи, помѣщаетъ одни впереди, другія позади, и издаетъ въ свѣтъ. Поэтому, на ряду съ драгоценными матеріалами по отдѣлу исторіи литературы и русской исторіи, встрѣчаются другія статьи, которыя нельзя причислить ни къ какому отдѣлу, потому-что онѣ не имѣ-

ють никакого достоинства. Мы будемъ называть статьи «Москвитянина» не по отдѣламъ, а въ томъ порядкѣ, какъ онѣ выходили въ книжкахъ этого изданія.

Новый годъ «Москвитянина» открылся пятнадцатю прекрасными стихотвореніями Н. Щербины, чуть-ли не лучшими изъ всего, что написалъ этотъ даровитый поэтъ. «Пантеонъ» приводилъ одно изъ нихъ: «Сафо»; это дѣйствительно лучшее по формѣ и исполненію, но далеко не лучшее по мысли. Если можно найти одинъ недостатокъ въ пѣкоторыхъ изъ этихъ стихотвореній, это—желаніе поэта вѣстить въ маленькую, поэтическую рамку иногда слишкомъ обширную философскую мысль. Г. Григорьевъ, одинъ изъ привилегированныхъ критиковъ «Москвитянина» въ этой же самой книгѣ, гдѣ помѣщены стихотворенія Щербины, упрекалъ его въ какомъ-то «напряженномъ міросозерцаіи» и объявлялъ, что нельзя вѣчно восхищаться «неприкрытыми плечами и дорической колонны красотой и простотой». «Конечно, нельзя въ дѣйствительной жизни, но отчего нельзя въ поэзіи? Вѣдь всю жизнь нельзя писать стихи, но отчего не избрать поэту одной стороны поэзіи и отдать этой одной сторонѣ всю свою жизнь, все свои попытки? Кромѣ изысканности выраженій, въ упомянутой нами статьѣ много сказано справедливаго о нашихъ поэтахъ и хорошо разобраны значеніе и особенность гейневской поэзіи, разбору которой «Пантеонъ» посвятилъ нѣсколько страницъ въ двухъ книгахъ (см. *Современное*, статью «Германская поэзія»). Въ этомъ же номерѣ замѣчательны «Біографія Загоскина» и «Исторія о російскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ и столичнейшей дочери Нардина Нащокина Аннушкѣ».

Статья г. Шевырева: «О значеніи Жуковскаго въ русской жизни и поэзіи» весьма интересна.

Въ 3-мъ номерѣ помѣщено одно стихотвореніе Н. Д. Хвоцинской «Дѣтскій балъ» съ подписью одной начальной буквы ея фамиліи; въ 18-мъ номерѣ напечатаны еще четыре, ея же, съ подписью буквъ N. N. Кромѣ одного стихотворенія (Крадется по вѣткѣ вешняя букашка), остальные четыре были уже давно напечатаны въ Литературной Газетѣ 1847 и 1848 года. Любопытнѣе всего въ помѣщеніи этихъ стихотвореній то, что г-жа Хвоцинская никогда не уполномочивала «Москвитянина» къ перепечатыванію ея стихотвореній, и ей тѣмъ страннѣе было встрѣтить ихъ въ этомъ журналѣ, что рецензенты его постоянно отзывались весьма неблагоклонно о ея произведеніяхъ. Конечно, помѣстивъ старые стихи ея въ своемъ журналѣ, они не помѣстили вмѣстѣ съ тѣмъ подъ ними ея имени, и мы рекомендуемъ этотъ новый

способъ охуждать автора и въ то же время пользоваться его произведеніями.

Въ этомъ-же номерѣ начались «Записки Современника», дневникъ студента, въ высшей степени интересный матеріалъ для исторіи литературы и общественной жизни первыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, и возобновился «Памятный Листокъ» ошибокъ въ русскомъ языкѣ г. *Покровскаго*. Подобная-же орфографическая кампанія противъ петербургскихъ журналовъ открывается и въ слѣдующей книжкѣ, подъ названіемъ «Замѣтки о русскомъ языкѣ». Редакція позволяетъ себѣ опровергать эти замѣчанія только въ примѣчаніи къ нимъ. Статья «О введеніи метрическаго стопосложенія и началъ нашего стихотворства» г. *Дмитріева* также довольно замѣчательна.

Въ 6-мъ номерѣ начался переводъ *Ада Данте*. Трудъ г. *Миша* очень добросовѣстенъ и вполне уважителенъ, но далеко не удовлетворяетъ въ отношеніи къ языку и стиху. Конечно, и стихъ Данте устарѣлъ; но вѣдь г. *Миша* переводитъ его въ наше время. Стоитъ только сравнить, напрямѣръ, начало третьей пѣсни знаменитой надписи надъ вратами ада съ подлинникомъ, чтобъ увидѣть, какъ слабъ русскій переводъ. Мы еще будемъ имѣть случай возвратиться къ нему и поговорить о немъ подробнѣе.

Почему въ этомъ номерѣ попала въ отдѣлъ *Русской Словесности польская* повѣсть «Старый Шляхтичъ» впрочемъ, довольно слабая? Далѣе, въ этой же книгѣ помѣщены замѣтки г. *Тихонравова* на статью В. Гавевскаго о Дельвигѣ. Подобныя-же замѣтки были дѣланы этимъ-же рецензентомъ и о многихъ другихъ статьяхъ, относящихся къ исторіи русской словесности. Г. *Тихонравовъ* высказываетъ иногда дѣльныя замѣчанія, но чаще мелочныя и придирчивыя, полезныя, впрочемъ, тѣмъ, что онѣ возбуждаютъ новые вопросы, служащіе къ дальнѣйшей разработкѣ матеріаловъ исторіи нашей литературы, которыми мы не очень богаты. Наконецъ, здѣсь-же Г. М. П. сознается, что въ «Москвитининѣ» языкъ повременамъ очень нехорошъ и душевно скорбитъ объ этомъ.

Въ 7-мъ номерѣ отмѣтимъ статьи «Новѣйшій взглядъ на законодательство *Ликурга*» *И. Гуренко*, «Къ Зоилу» образецъ старинныхъ критикъ и «*Карль V въ монастырѣ*», статью, составленную гораздо лучше, нежели въ «Современникѣ»; въ 8-мъ «Обозрѣніе гораціевой науки поэзіи» *М. Дмитріева*, въ 9-мъ «*Титъ Софроновъ Казанокъ*», повѣсть *А. Потьхина*, писателя, недавно явившагося на поприщѣ литературы, но обладающаго замѣчательнымъ, самобытнымъ дарованіемъ, въ

чемъ еще болѣе убѣждаетъ повѣсть его «Крестьянка», помѣщенная въ послѣднихъ нумерахъ того-же журнала.

Въ 10-мъ номерѣ появляются опять стихотворенія, впрочемъ, довольно слабыя, г. Берга и Дмитріева, и такой-же біографическій очеркъ А. С. Пушкина; также помѣщенъ хорошенкій разсказъ Диккенса «Три сестры». Переводимые до того времени романы: «Желѣзная рука» *Леконта* и «Черная язва» *Поля Феваля* были ужъ черезчуръ плохи. Разсказъ Мюргера—Аделина Прота, помѣщенный въ слѣдующихъ книжкахъ не выдержанъ; въ особенности окончаніе его слишкомъ натянуто и сантиментально. Тѣмъ-же недостаткомъ отличается и оригинальный разсказъ г-жи Жадовской «Первая любовь» (№ 11 и 12). Въ статьѣ г. Погодина: «Частная жизнь князей въ древней Руси» мало новаго. Любопытны нѣкоторые матеріалы для исторіи Ломоносова.

Если мы прибавимъ къ этому капитальную комедію г. *Островскаго* «Не въ свои сани не садись» (№ 5), о которой было уже сказано все, что можно сказать, то получимъ все богатство «Москвитянина» за цѣлые полгода. О критикѣ и бібліографіи его мы не упоминали по самой простой причинѣ: въ этомъ журналѣ разбираются дѣльно только серьезныя сочиненія; что-же касается до чисто литературной критики, ее нѣтъ вовсе.

Обратимся ко второму полугодію «Москвитянина» и также отмѣтимъ въ немъ главныя статьи.

Повѣсть «Деревенская интрига» (№ 13) читается легко, но содержаніе ея старо и неинтересно. «Еще памятный листокъ ошибокъ въ русскомъ языкѣ» находитъ наконецъ ошибки въ самомъ «Москвитянинѣ», что было весьма нетрудно сдѣлать, потому-что подобныя ошибки неизбежны въ каждомъ срочномъ изданіи. Разсказъ А. Мартынова «Рыбакъ» очень недуренъ (№ 14).

Стихотворенія, помѣщенные въ этомъ и слѣдующемъ номерѣ доказываютъ неразборчивость «Москвитянина» въ отношеніи къ поэтическимъ произведеніямъ. Рядомъ съ весьма недурными стихами гг. Фета, Полонскаго, Григорьева и Берга, помѣщенъ переводъ «Жалобы Цереры» г. Миллера, почти цѣликомъ заимствованный изъ перевода Жуковскаго; возлѣ прекрасныхъ стихотвореній г-жи Хвоцинской, о которыхъ мы уже упоминали, помѣщены очень плохія: «Сельскій вечеръ» и другое, произведенія г. Мартынова. Разсказъ «Нѣмка» г. Корнилевскаго (№ 15 и 16) весьма не дуренъ, переводный разсказъ «Растреаторъ» напечатанъ уже, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ изданіи «Музей Иностранной литературы». «Еще отрывокъ изъ дневника моего знакомаго (о провинціальныхъ театрахъ)». В. Негрекула, очень замѣчательный очеркъ.

«Война Пелопонесская» — прекрасная статья. Въ 18-мъ же номерѣ начались помѣщаться «Отрывки изъ заграничныхъ писемъ» г. *Погодина*. Необыкновенно сжатый, отрывистый и увлекательный слогъ этого писателя, выражающагося афоризмами даже о посѣщеніи заграничныхъ трактировъ, давно извѣстенъ читателямъ, и мы надѣемся, что онъ не лишитъ насъ въ этомъ году удовольствія читать его замѣтки, что дастъ намъ случай поговорить о немъ подробнѣе.

Очень интересна статья изъ *Маколея* «*Варренъ Гастингсъ*» и очень не интересна повѣсть «*Роговскій*» (№ 17 и 18). Маленькая статья въ смѣси: «*Разбойники прошедшихъ вѣковъ*» г. *Беллюстина*, сборъ очень любопытныхъ свѣдѣній. Не дурны стихотворенія *М. Стаховича* (№ 19), но переводъ *Фридолина* г. *Миллеромъ* слабъ. (№ 20). Въ 21-мъ номерѣ, подлѣ очень хорошаго стихотворенія кн. *Вяземскаго*: «*Венеція*», помѣщены два очень плохія, г-жи *Жадовской*. Въ этомъ же номерѣ двѣ замѣчательныя историческія статьи: «*О разбояхъ въ Смоленской губерніи*» и «*Рядная запись 7184 году*». Въ 22 и 23-мъ номерахъ г. *Покровскій* выписалъ нѣсколько неправильныхъ (по его мнѣнію) фразъ изъ «*Пантеона*». Сожалѣемъ, что не можемъ теперь отвѣчать на его замѣчанія, но сдѣлаемъ это при первыхъ замѣткахъ его въ нынѣшнемъ году. А въ нихъ много любопытнаго, и рецензентъ приходитъ иногда къ такимъ результатамъ, какихъ, вѣроятно, самъ не ожидалъ. Такъ, между прочимъ, сіяясь доказать знаніе русской грамматики (достоинство похвальное, но не такая-же рѣдкость въ наше время), г. *Покровскій* въ то же время доказываетъ, что онъ никогда не читалъ *Шекспира*, потому-что при одной фразѣ, цитируемой «*Пантеономъ*» изъ *Гамлета* «неснившіеся нашимъ мудрецамъ» спрашиваетъ очень сердито: какіе это мудрецы и что имъ не снилось? Отвѣтъ на это могъ-бы дать ему всякій мальчикъ-литераторъ, написавшій хоть одну строку въ теченіе своей жизни.

Въ послѣднемъ 23-мъ номерѣ «*Москвитянина*» (24-й еще не выходилъ въ то время, какъ мы пишемъ эту статью, 20 января) помѣщены довольно любопытныя замѣтки г. *Дмитріева* «*О литераторахъ стараго времени*», очень слабые стихи г. *Шевырева*, о которыхъ любопытно было-бы знать мнѣніе г. *Покровскаго*, хотя-бы о правильности первыхъ четырехъ стиховъ:

Пушкинъ встань, проснись изъ гробу,
Гдѣ твой голосъ и языкъ?
Поражай вражду и злобу
Зачинай побѣдный кликъ!

но въ то время какъ г. Шевыревъ зачинаетъ свое стихи, мы закончимъ нашъ обзоръ «Москвитянина», съ которымъ намъ придется бесѣдовать подробнѣе въ этомъ году.

Въ прошломъ-же году вышли двѣ послѣднія книжки «Сына Отечества» за 1852 годъ, журнала, мирно окончившаго свое существованіе подъ редакціею г. Фурмана. De mortui aut bene, aut nihil и поэтому мы не скажемъ о немъ ни слова. Мертвые бо срама не имутъ. — Разобранные нами четыре журнала будутъ постоянно главными въ нашемъ ежемѣсячномъ обзорѣ; но мы не оставимъ безъ вниманія и другія періодическія изданія, особенно если въ нихъ будетъ появляться что-нибудь особенно-замѣчательное. Теперь, для полноты нашего бѣлаго обзора прошлагодней дѣятельности русской журналистики, намъ остается упомянуть съ похвалою о лучшей русской газетѣ «Петербургскія Вѣдомости», богатой замѣчательными статьями и дѣятельными сотрудниками. Газета эта отличается свѣжестью, разнообразіемъ и полнотою сообщаемыхъ ею извѣстій.

Объ официальныхъ и специальныхъ нашихъ изданіяхъ можемъ сказать, что они издаются съ примѣрнымъ стараніемъ и совершенно выполняютъ цѣль, къ которой предназначены.

Лучшій музыкальный журналъ нашъ — это «Музыкальный Свѣтъ», издающійся ежемѣсячно листами въ двадцать четыре столбца на русскомъ и французскомъ языкахъ и дающій множество превосходныхъ пьесъ для фортепьяно и приложений. Фельетонистъ Сѣверной Пчелы, г. О. Б. называетъ эти музыкальныя пьесы *балластомъ*, что вовсе не рекомендуетъ познаній заслуженнаго фельетониста въ музыкѣ, потому-что всякій, сколько-нибудь знакомый съ именами композиторовъ, вѣроятно, въ первый разъ слышитъ, чтобы Реквиемъ Моцарта, сочиненія Гайдна, оперы Беллини и Россини называли *балластомъ*.

Мы не можемъ, окончивая статью нашу, не упомянуть и о журналѣ, въ которомъ пишемъ эти строки. Безъ обзора «Пантеона» будетъ неполно наше обзорнѣе русской журналистики въ 1853 году. Отметимъ статьи, которыя были замѣчены другими журналами, или кажутся намъ заслуживающими вниманія. «Пантеонъ» такъ рѣдко говоритъ о себѣ, что настоящихъ словъ его, вѣроятно, не примутъ за самовосхваленіе, которыми отличаются нѣкоторыя наши изданія, и въ особенности одна газета чуть не каждую недѣлю проповѣдующая о своихъ заслугахъ въ защиту русскаго слова, какъ-будто безъ нея некому вступиться за этотъ слогъ, еслибъ и дѣйствительно кто-нибудь могъ имѣть намѣреніе нападать на него.

Пантеонъ отличается отъ другихъ періодическихъ изданій тѣмъ, что онъ журналъ не *учено-литературный*, какъ «Отечественныя Записки», и не просто *литературный*, какъ Современникъ, а *литературно-художественный*. Отъ «Отечественныхъ Записокъ» онъ отличается тѣмъ, что у него литература на первомъ планѣ и, сверхъ-того, дано въ немъ большое мѣсто художествамъ — отдѣлу почти вовсе забытому въ Современникѣ, а въ Библиотекѣ для Чтенія смѣшанному съ науками, что совершенно ошибочно, потому-что между ученымъ и художникомъ такая же разница, какъ между огнемъ и водою. Въ Пантеонѣ нѣтъ отдѣла наукъ и онъ не помѣщаетъ на своихъ страницахъ специальныхъ статей объ отвлеченныхъ или техническихъ предметахъ, и сообщаетъ только въ Смѣси извѣстія о новыхъ открытіяхъ въ наукахъ и промышленности, описанія любопытныхъ путешествій, историческую характеристику и біографію извѣстныхъ лицъ и т. д. Сверхъ того, въ Пантеонѣ есть особый отдѣлъ, посвященный исключительно искусствамъ и художествамъ, гдѣ помѣщаются статьи по части исторіи и теоріи искусства, мемуары извѣстныхъ художниковъ, артистовъ, писателей и проч. Очевидно, что исключеніе изъ программы Пантеона отдѣла чисто-ученаго даетъ возможность этому изданію, выдающему столько же листовъ, какъ и другіе журналы, то есть отъ 25 до 30, расширить другіе отдѣлы и именно Изящную Словесность, и сдѣлать сколько возможно богаче и полнѣе отдѣлъ легкихъ новостей, текущихъ извѣстій общественной жизни. Думаемъ, что Смѣсь нашего журнала удовлетворяетъ вполне самымъ прихотливымъ требованіямъ. «Современное», составленное по новѣйшимъ иностраннымъ газетамъ и журналамъ, сообщаетъ въ каждой книгѣ Пантеона самыя свѣжія новости Западной Европы по части литературы, театровъ, музыки, художествъ, открытія въ наукахъ и промышленности и, сверхъ того, анекдоты, мелкія извѣстія, замѣчательные случаи, новости, путешествія и проч. и проч. Стоить только взглянуть на оглавленіе статей этого отдѣла, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ онъ полонъ и разнообразенъ. Въ теченіе года въ немъ помѣщено до *полтора*ста статей, изъ которыхъ многія болѣе печатнаго листа.

То же самое, что «Современное» дѣлаетъ для иностранныхъ новостей, «Вѣстникъ» дѣлаетъ для общественной жизни въ Россіи вообще, и въ Петербургѣ въ особенности. Въ этомъ отдѣлѣ помѣщаются: обзоръ русской журналистики, разборы новыхъ замѣчательнѣйшихъ книгъ, подробная картина всѣхъ общественныхъ удовольствій, новости изъ внутренней Россіи, извѣстія о провинціальныхъ театрахъ, отчетъ о дѣятельности петербургскихъ театровъ, и проч. Такъ по послѣднему отдѣлу ни одинъ журналъ не представлялъ такихъ подроб-

ных отчетовъ о представленіяхъ. Рашель и такихъ полныхъ обзоровъ французскихъ спектаклей. Сверхъ того, въ этомъ же отдѣлѣ Смѣси было помѣщено много статей, которымъ другіе журналы дали бы болѣе видное мѣсто въ главныхъ своихъ отдѣлахъ. Изъ этихъ статей назовемъ чисто-литературныя: «Странствованіе по сушѣ и по морямъ» статья *В. Савинова*; «Сампъетро, планъ трагедіи, соч. Наполеона», «Мое знакомство съ Гофманомъ», «Два мѣсяца въ пустынѣ», «Калула» сѣверо-американскій романъ въ двухъ частяхъ, «Ящики», физиологическій очеркъ, *Толбина*, «Мой капитанъ», «Три разсказа», *Октава Фелье*: «Золотой ключъ», «Урна» «Деревня». Повѣсть: «Какъ иногда расходятся свадьбы». Мелкіе разсказы. «Пастеть» «Записки молодой жены», «Ватерлоо». «По очереди», «Вечера на Алуштѣ», «Джакъ лунный свѣтъ» Поэ. «Исторія одной танцовки временъ Людовика XV», «Петербургскіе Савояры», уличный типъ *В. Толбина* и «Кубегуля», разсказъ изъ абхазскихъ нравовъ *Савинова*. Изъ серьезныхъ статей по этому отдѣлу назовемъ: «Воспоминанія Туриста» *А. Ротчева*, «Александръ Кастрень и его путешествія», превосходный трудъ русскаго ученаго, недавно похищеннаго смертью и прекрасно переведенное *Г. Перекрестовымъ*; «Трехмѣсячный плѣнь у Великановъ», «Южный полюсъ и шестой континентъ», двѣ любопытныя статьи бывшаго моряка и настоящаго писателя. «Записки араба Фаталы Сегира» изданныя *Ламартиномъ*, Заатлантическія сцены», «Жизнь на морѣ» *А. Бибиковой* «Потѣдка въ залѣсскій и ярославскій край» *Н. Розонова*, «Бѣлоруссія въ характеристическихъ описаніяхъ и фантастическихъ ея сказкахъ» четыре чрезвычайно интересныя статьи *П. Шилевскаго*.

Если мы обратимся теперь къ отдѣлу Изыщной Словесности, то найдемъ и въ немъ много замѣчательныхъ статей, на которыя обратили вниманіе нѣкоторые изъ нашихъ журналовъ. Къ такимъ статьямъ принадлежатъ: «Квартира въ татарскомъ кварталѣ» разсказъ *Я. Полонскаго*. «Между Петербургомъ и Москвою» повѣсть въ шести станціяхъ *В. Зотова*, два разсказа *М. Михайлова*: «Кухмистерша и Скрипачъ», комедія *гр. Растончиной*: «Кто кого проучилъ», «Новобранецъ 1812 года» *И. Лажечникова*, два разсказа *В. Толбина*: «Пауфилъ Ивановичъ и Рубенсова головка», повѣсть *Корженевскаго*. «Вторая жена», «Цыганка», повѣсть *И. Юрьевой*, романъ *В. Савинова* «Знахарь», повѣсть *И. Воскресенскаго* «Запретъ на имя», «Маленькій Монте-Кристо» разсказъ *Колошина*, «Михайло Флейтраверсовъ» разсказъ *Каприцкаго*, «Деля» повѣсть *С. С-вой*, двѣ пьесы покойнаго *Вонлярлерскаго* и нѣсколько замѣчательныхъ иностранныхъ повѣстей, всего двадцать три статьи въ отдѣлѣ Словесности, кромѣ

названныхъ нами выше разсказовъ въ Слѣси и *тринадцати* пьесъ, помѣщенныхъ въ «Репертуаръ русской сцены», прилагаемомъ къ Пантеону.

Изъ стихотвореній «Пантеонъ» напечаталъ повѣсть въ стихахъ *Н. Хвоцинской* «Деревенскій случай»; одно изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ произведеній, которое журналы не оцѣнили вполне и по достоинству. Сверхъ того, было помѣщено нѣсколько мелкихъ стихотвореній *В. Зотова*, *Н. Грекова*, *А. Ротчева* и *Г. Данилевскаго*.

Изъ статей по части искусствъ и художествъ назовемъ: «Моцартовъ Донъ-Жуанъ и его панегиристы», весьма замѣчательная статья *А. Сьрова*, опытнаго знатока музыки, на которую журналы наши, къ сожалѣнiю, обратили мало вниманiя. Мы рекомендовали бы поближе познакомиться съ этою статьею тѣмъ музыкальнымъ фельетонистамъ, которые имѣютъ привычку прицѣлать къ своимъ статьямъ объ операхъ всякiй вздоръ и ни для кого неинтересную болтовню. Скажемъ кстати, что въ Пантеонѣ часто встрѣчаются подобныя статьи, которыя могли бы возбудить литературныя пренiя новостью взглядовъ и сужденiй. Къ такимъ статьямъ принадлежитъ, напримѣръ, и совершенно новое сужденiе редактора о Гамлетѣ, о значенiи этого типа и исполненiи его на нашей сценѣ г. Каратыгиномъ и Максимовымъ. Можно, пожалуй, не соглашаться съ этимъ мнѣнiемъ, но, во всякомъ случаѣ, слѣдовало бы замѣтить его и, пожалуй, попробовать опровергнуть; но доказывать несправедливость статьи одними только восклицанiями, какъ сдѣлалъ это г. *О. Б.*, приходящiй въ какой-то ужасъ при одномъ словѣ о томъ, что покойный Каратыгинъ нехорошо игралъ Гамлета. Мнѣнiе это даже не новость, потому-что, лѣтъ десять тому назадъ, мы говорили то же самое въ «Репертуарѣ», издававшемся тогда Межевичемъ. Никто не отказываетъ Каратыгину въ замѣчательномъ и самобытномъ дарованiи, но никто и не скажетъ однако-же, чтобы онъ превосходно игралъ всѣ роли; напротивъ, онъ именно вредилъ себѣ тѣмъ, что бралъ всѣ роли, вѣря безусловнымъ и бездоказательнымъ похваламъ прiателей—фельетонистовъ. И чѣмъ же на этотъ разъ г. *О. Б.* доказываетъ превосходство дарованiя Каратыгина? тѣмъ, что сбѣрается отправиться на гробъ трагика и положить вѣнокъ на его могилу!

Изъ другихъ статей по этому отдѣлу замѣчательны: «Отрывокъ изъ неизданныхъ записокъ Бенсона о путешествiи лорда Байрона въ Корсику и Сардинiю», извлеченный *А. Бибиковой*. Мемуары: Джозефа Гринальди, Разсказы изъ жизни актрисы Марсъ, Гогартъ и Лондонъ сто лѣтъ тому назадъ, Шопенъ, статья Листа, Испанская живопись, Пуссенъ,

Очеркъ исторіи французской оперы и двѣ оригинальныя статьи: «Яковъ Григорьевичъ Брянскій, и Рашель и Класицизмъ».

Вотъ краткій обзоръ дѣятельности Пантеона въ прошломъ году. Вниманіе къ нему публики, впрочемъ, лучше всего доказываетъ: удовлетворяетъ ли онъ современнымъ требованіямъ и эстетическому вкусу читателей.

Какой же общій выводъ сдѣлаемъ мы изъ обзора дѣятельности русской журналистики въ 1853 году? Скажемъ смѣло, что она съ каждымъ годомъ развивается все болѣе и болѣе, принимаетъ болѣе энциклопедическій характеръ, пріобрѣтаетъ болѣе читателей. Журналы наши дѣлаются постепенно строже и разборчивѣе въ выборѣ статей и сотрудниковъ и гораздо рѣже слѣдуютъ разнымъ нелитературнымъ уваженіямъ въ помѣщеніи этихъ статей. Кругъ журналистики расширяется съ каждымъ годомъ и процвѣтаніе ея доказываетъ стремленіе публики къ пріобрѣтенію несравненно болѣе массы свѣдѣній и познаній, нежели сколько можно почерпнуть изъ книгъ, имѣющихъ спеціальную цѣль, отдѣльное назначеніе. Въ журналахъ нашихъ мы встрѣчаемся часто съ именами незнакомыми, черезъ нѣсколько лѣтъ пріобрѣтающими вдругъ громкую извѣстность; наши ученые и профессора не избѣгаютъ журналовъ и вносятъ въ нихъ постоянно богатые вклады; почти въ каждомъ номерѣ любаго журнала можно найти болѣе или менѣе полную картину дѣятельности человѣческаго ума по всѣмъ главнымъ отраслямъ искусствъ и знаний. Поэзія также процвѣтаетъ въ журналахъ; въ нихъ разсѣяно множество превосходныхъ произведеній нашихъ молодыхъ поэтовъ (NB не новыхъ поэтовъ). Мы бы желали только, чтобъ въ нѣкоторыхъ нашихъ періодическихъ изданіяхъ было побольше уваженія къ литературѣ и поменьше *снобичности* (слово, изобрѣтенное тѣмъ-же журналомъ, который воспѣваетъ *хлыщей*). Затѣмъ намъ остается только пожелать всѣмъ журналамъ вообще побольше терпимости къ чужимъ мнѣніямъ и побольше подписчиковъ, только такихъ, которые дѣйствительно подписываются, а не пописываютъ о русской журналистикѣ.

2. БИБЛОГРАФІЯ.

Потерянная долина. Романъ Эли-Берте. въ четырехъ частяхъ. Москва, 1853. Въ типографіи Александра Семена. Въ 12-ю д. л. 132, 157, 125 и 133 стран.

Военныя событія, дополняя исторію новыми занимательными страницами, даютъ обыкновенно пищу или матеріалъ и поэзіи, особенно въ странахъ, гдѣ природа живописна и разнообразна: стихотворенія льются живымъ каскадомъ; дѣйствительное смѣшивается съ вымышленнымъ — цѣлые томики повѣстей и романовъ выскакиваютъ изъ-подъ пера, и читаются съ жадностью: какъ-то больше и охотнѣе вѣрится тому, при чемъ вспоминаются имена, всѣмъ извѣстныя, происшествія, несомнѣнно совершившіяся. Но для полного, въ подобныхъ сочиненіяхъ, обаянія необходимъ значительнѣйшій промежутокъ времени, когда, въ туманномъ отдаленіи перспективы удобнѣе сливается эта смѣсь дѣйствительнаго съ изобрѣтеніями творчества, и при искусствѣ авторскомъ, воображеніе читателя незамѣтно теряется въ различеніи одного отъ другаго. Только со второй четверти текущаго столѣтія стали появляться лучшія историческія и романическія творенія, относящіяся къ эпохѣ міровыхъ событій, въ исходѣ XVIII и началѣ XIX вѣка. Съ-тѣхъ-поръ, почти ежегодно европейская литература обогащается или новыми, чисто-историческими изслѣдованіями разныхъ фазисовъ достопамятнаго періода, или плодами фантазіи, которая не перестаетъ вдохновляться этою эпохою и черпать изъ нея содержаніе для вымысловъ, болѣе или менѣе заманчивыхъ. Между-прочимъ, не далѣе какъ въ минувшемъ году, и наша отечественная литература получила замѣчательное приращеніе въ трудѣ г. Милютина, и велѣдъ за краткимъ извлеченіемъ изъ его описанія швейцарской компаніи 1799 г., помѣщеннымъ въ декабрьскомъ номерѣ «Пантеона», хотѣли мы представить и статейку о романѣ Эли-Берте, дѣйствіе котораго происходитъ именно во время этой войны, но недостатокъ мѣста заставилъ насъ отложить на мѣсяць эту рецензію. Лучше позже, чѣмъ никогда; а совершенно промолчать о «Потерянной долині» было-бы несправедливо, потому-что это хотя не пер-воклассное, однакожъ очень милое и граціозное произведеніе.

Въ одинъ изъ жаркихъ дней августа 1799-го, храбрый, молодой и прекрасный собою капитанъ гренадерскаго полка 62-й полубригады, от-

Въ главной конторѣ Пантеона и у книгопродавца Ю. А. Юнгмейстера: 2 руб., съ пересылк. 2 р. 50 к. сер.

дѣленный отъ своихъ, въ пылу схватки съ австрійцами изъ корпуса эрцгерцога Карла, старавшагося тогда овладѣть Цюрихомъ, и преслѣдуемый непріателемъ, успѣлъ скрыться въ домѣ почтеннаго пастора дедвни Розенталя. Но пріютъ невольнаго бѣглеца былъ здѣсь не надеженъ, потому-что по стопамъ его непріатель ворвался въ деревню, и пасторъ тайно проводилъ француза въ убѣжище, неизвѣстное остальнымъ жителямъ Розенталя. Арманъ де-Вернейль (такъ звали молодого воина) въ неминуемой опасности радъ былъ-бы всякой норѣ, и вдругъ, вмѣсто того, попалъ въ какой-то волшебный, очаровательный уголокъ, въ какую-то новую Аркадію, окруженную со всѣхъ сторонъ горами и утесами неприступными, съ зеленью и цвѣтущими деревьями на вершинѣ этихъ скалъ. Таинственная долина представляла вмѣстѣ и англійскій садъ, и смѣющуюся пустыню, и очаровательный виноградникъ, гдѣ искусству человѣка оставалось немного прибавить къ прелестямъ природы. Живописные берега тихаго озера окаймлялись вербой и шиповникомъ; свѣжные потоки, сбѣгавшіе съ высотъ, образовали быстрый ручей, который то журчалъ подъ сводами сребролиственныхъ ивъ, то тихо струился подъ незатѣйливыми мостиками изъ древесныхъ пней съ мохомъ, и наконецъ, послѣ тысячи извилинъ, исчезалъ въ пропасти на другомъ концѣ долины. Пространные луга, густыя рощи, кусты пахучихъ деревьевъ, всевозможные благоухающіе цвѣты, шпалерникъ, обремененный плодами, тамъ и сямъ на пьедесталахъ бѣлыя мифологическія статуи и неподвижныя нимфы, китайскія бесѣдки съ колокольчиками, мраморные кіоски, клематитовыя бельведеры и всюду восхитительныя виды, привлекательныя особенности... въ безмолвныхъ прогалищахъ тисовыя деревья, обстриженныя въ формѣ бесѣдокъ, обелисковъ, древнихъ вазъ, и множество разныхъ обворожительныхъ красотъ и выдумокъ, которыхъ не описать на десяти страницахъ... и красоты не мертвыя, потому-что онѣ оживлялись то безысходнымъ щебетаньемъ лѣсныхъ птичекъ, въ шумѣ водопада, подъ серебряныя звуки колокольчиковъ на коровахъ, то протяжными и томными аккордами флажолета и свѣжимъ прекраснымъ голосомъ человѣческой пѣсни. Въ самомъ центрѣ долины, въ симметрически-устроенномъ цвѣтникѣ, открывался чистый, очень красивый домикъ съ аспидной кровлей, галереями, балконами, гдѣ разноцвѣтныя стекла принимали всѣ оттѣнки радуги. Теплый воздухъ дышалъ роскошью и пѣгою. Лучи солнца, скользяшіе по вершинамъ сосѣднихъ утесовъ, золотили весь пейзажъ яркими цвѣтами, не уничтожая притомъ изумительной прозрачности вѣянія воздушнаго, въ которомъ соединялось благовоііе померанца и жасмина, мардашидовника альпійскаго. Зрѣніе, слухъ, обонаніе невыразимо услажда-

лись всѣмъ въ «Потерянной долинь», получившей это названіе отъ окрестныхъ жителей, которые, въ простотѣ своей, воображали, что она навсегда скрылась отъ ихъ взоровъ въ-слѣдствіе случайнаго обвала, между-тѣмъ какъ дѣйствительно онъ произведенъ былъ искусственно, съ большими усиліями и пожертвованіями со стороны одного богатаго и причудливаго старика-эмигранта.

Легко понять, что республиканскій солдатъ съ воображеніемъ, наполненнымъ сценами грабежа, убійства и ужаса, очутившись внезапно въ этомъ тихомъ, гармоническомъ уголкѣ, считалъ себя игрушкою грезъ или галлюцинаціи, пока живыя, хотя не очень обыкновенныя существа не убѣдили его, что онъ видитъ все это не во снѣ. Ему представился нѣкто подъ именемъ Филемона, безъ Бавкиды, зато съ сыновьями: Немориномъ и Лизандромъ, и невѣстами ихъ, воспитанницами Филемона: прекрасными Эстеллой и Галатеей, въ одеждѣ пастушеской. Около нихъ бродили снѣжной бѣлизны барашки, съ ленточками, погремужками, настоящіе барашки г-жи Дезульеръ, кончиками губъ щипавшіе нѣжныя верхушки молодой травки. Все здѣсь—природа, коровы и овцы, и наконецъ люди—была идиллія, нѣсколько принужденная, жеманная, но тѣмъ не менѣе интересная, посреди прелестной обстановки, съ привлекательными молодыми пастухами и, пуще, пастушками...

Дѣло въ томъ, что хозяинъ и обладатель «Потерянной долины», издавна начитавшись Флоріана, Геснера, почти по мѣшался на невинныхъ утопіяхъ созданія или возобновленія простой патріархальной жизни, въ глубокомъ семейномъ уединеніи, ненарушимой тишинѣ и отчужденіи отъ тогдашняго, развращеннаго революціей общества. Старикъ Филемонъ принадлежалъ къ остатку того идиллическаго времени, когда чувствительныя сердца плакали надъ несчастіями пастушекъ въ романахъ, удивлялись постоянству пастушковъ, восхищались прелестными описаніями Прованса и Швейцаріи, вздыхали о сельскихъ картинахъ, перомъ нарисованныхъ, и, не покидая роскошныхъ салоновъ, шитыхъ золотомъ кафтановъ, стерегли барашковъ — въ мадригалахъ; когда все это было въ модѣ отъ дворцовъ до небогатыхъ дворянскихъ домиковъ, и сама королева Марія-Антуанетта забавлялась овчарнею въ Трианонѣ. Въ послѣдовавшія затѣмъ опасныя и превратныя времена, старый эмигрантъ, удалившись въ Швейцарію, пожелалъ между собою и остальнымъ свѣтомъ, который впрочемъ мало о немъ заботился, поставить непроходимую преграду. У входа въ ущелье, составляшаго единственный доступъ въ «Потерянную долину», отвѣсно высились огромныя скалы. Ихъ (по ночамъ) подкопали такъ, что онѣ неминуемо должны были векорѣ упасть; въ мѣста, соединявшія ихъ съ горою, вбили

деревянные колья; при первой грозѣ, рычаги эти, взбухшіе отъ дождя, оторвали камни, которые и обрушились съ страшнымъ громомъ; ущелье было совершенно завалено и въ Розентаѣ оставались въ убѣжденіи, что во время этого мнимаго землетрясенія погибла вся долина; только немногимъ довѣреннымъ и скромнымъ лицамъ извѣстенъ былъ тайный въ нея входъ, въ который пасторъ ввелъ Армана.

Принятый въ долину радушно и гостепріимно, онъ блаженно отдыхалъ въ ней послѣ трудностей похода, не замѣчая, что быстро разрушаетъ ея мирное счастье и готовитъ катастрофы въ нѣдрахъ тихаго и очаровательнаго убѣжища, гдѣ ни въ чемъ не знали нужды и не знали нуждъ и условій другаго, менѣе однообразнаго быта. Живая и рѣзвая Эстелла любила предназначеннаго ей Неморина; но задумчивая и нѣжная Галатея была равнодушна къ серьезному Лизандру. Не смотря на его прекрасныя и благородныя качества, онъ вовсе не походилъ на созданный ея воображеніемъ идеалъ, осуществленіе котораго нашла она въ молодомъ гостѣ-воинѣ. Де-Вернейль, въ свою очередь, плѣненъ прелестною пастушкою въ костюмѣ, какой изображали на трюмо во время Людовика XV, то-есть въ атласныхъ корсажѣ и юбкѣ, въ маленькой соломенной шляпѣ, въ браслетахъ, съ серьгами въ ушахъ изъ перловъ и коралловъ, съ кораллами на устахъ и перлами за ними. Лизандръ, углубленный въ инныя созерцанія и въ книги отца, открывшія ему существованіе другаго міра за предѣлами «Потерянной долины»; безъ труда уступаетъ капитану свою милую пастушку, въ которую не влюбленъ, какъ его братъ въ Эстеллу. Старикъ Филемонъ, можетъ-быть, несовѣтъ во-время замѣтивъ отношенія Армана и Галатеи, хитро удаляетъ перваго изъ долины въ ту самую ночь, когда Галатея, послѣ тяжелой борьбы сердечнаго чувства съ благодарностью къ своему воспитателю, рѣшилась тайно послѣдовать за влюбленнымъ, произнесшимъ обѣтъ союза съ нею. Лизандръ, неуспѣвшій склонить отца на этотъ бракъ, рѣшается сопровождать бѣглецовъ, тѣмъ охотнѣе, что его волнуетъ жажда общественной дѣятельности и благороднаго желанія посылно быть полезнымъ свѣту, отечеству, которое оставилъ еще въ первомъ дѣтствѣ. Но планъ разстроены и—Арманъ одинъ на аванпостохъ, встрѣченный тамъ съ радостью другомъ своимъ, лейтенантомъ Раво, грубымъ, необтесаннымъ, но добрымъ и честнымъ солдатомъ, который безпрестанно бранится и клянется, по обыкновенію, тысячу бомбъ и чертей. Непріятель приближается къ Розентаю. Долго пропадавшій безъ вѣсти, капитанъ, вмѣсто того, чтобъ принять немедленно начальство надъ ротою, безумствуетъ въ насильной разлукѣ съ Галатеей, которой неизвѣстны продѣлки Филемона, ловко вышро-

двѣшаго Армана изъ долины, и увлекаетъ лейтенанта на вершину страшной крутизны, откуда усматриваетъ глубину убѣжища, недавно оставленнаго, его цвѣтушіе сады, свѣжія грабины, воздушные бельведеры, фонтаны, статуи, озеро съ прихотливыми изворотами... только эти мѣста, еще вчера такія веселыя, улыбающіяся, кажутся теперь мрачными, унылыми, мертвыми. Не видно никого изъ счастливой колоніи, какъ-будто бы вся она вымерла. Съ стѣсненнымъ сердцемъ глядитъ Арманъ на эту меланхолическую картину... вдругъ кто-то стремительно выходитъ изъ дома Филемонава и бѣжитъ черезъ поле, какъ быстрая тѣнь, скользящая по поверхности почвы. То была Галатея. Минувавъ липовыя аллеи, она поворачиваетъ влево, къ озеру... ея волосы, не наудуренные, въ беспорядкѣ падаютъ на обнаженную грудь; длинный шелковый шарфъ, брошенный на плечи, развѣвается отъ порывистаго ея бѣга. Ея движенія обличаютъ отчаяніе и помѣшательство; часто оборачиваетъ она голову къ дому, какъ-будто боясь преслѣдованія. Тщетны крики и призыванія Вернейля: «Я здѣсь, Галатея; я не покинулъ тебя добровольно!» Его не слышать, и горестная пастушка продолжаетъ бѣжать, легкая, какъ Аталанта. Мгновенно, однакожь, блеснулъ было для него лучъ надежды: до слуха Галатей, можетъ-быть, долетѣли неясныя, отрывистыя звуки. Она остановилась на лугу анемоновъ, подъ тѣнью ивы, гдѣ Арманъ впервые высказалъ пастушкѣ любовь свою, неподвижная, казалось, совершенно погрузилась въ думы о прошедшемъ и обманувшемъ ее счастьѣ. Арманъ почти не дышалъ; повисши надъ бездною, онъ ждалъ въ страшномъ безпокойствѣ, и наконецъ... нельзя было болѣе сомнѣваться несчастная... перекрестилась, дѣвственно собрала вокругъ себя одежду и быстро бросилась въ озеро. Шумъ ея паденія не могъ быть слышенъ Арману, но онъ видѣлъ, какъ заколыхались волны, поднимаясь и опускаясь надъ бѣдною дѣвушкой, и испустилъ вопль, въ которомъ не было ничего человѣческаго. Не разсуждая, что передъ нимъ пропасть въ пятьсотъ футовъ, онъ конвульсивно подался впередъ и неизбежно разбился бы въ дребезги, еслибъ его въ пору не удержала сильная рука лейтенанта. «Слышите, Арманъ?» вскричалъ онъ: «Резенталь уже атакуютъ. Наша храбрая полубригада подъ огнемъ многочисленнаго непріятеля. Если вы рѣшились умереть, то найдете тамъ славную смерть, вмѣсто этой темной и презрѣнной, которой здѣсь ищете». — Битва. Съ нѣмымъ отчаяніемъ въ душѣ, Вернейль дерется какъ левъ, и подлѣ него погибаетъ другъ его, Лизандръ, усилившій ночью бѣжать изъ долины...

Прошло нѣсколько лѣтъ. Кроваваго республику смѣнила воинственная имперія. Герой нашъ въ Тюльери, и Наполеонъ, отведя его

въ амбразуру окна, говорить своимъ отрывистымъ тономъ: «Полковникъ Вернейль! на дняхъ я кое-что узналъ о васъ и много занимался вами...» — Рѣчь идетъ объ одномъ изъ тѣхъ браковъ, которые императоръ любилъ устраивать: Арману предложено жениться на дѣвицѣ Луизѣ де-Санси, дочери маркиза, богатой наслѣдницѣ стариннаго имени, и представить ко двору знатнаго родственника своего, графа де-Рансея, бывшаго опекуномъ Вернейля во время его малолѣтства. За графомъ надобно отправиться въ Швейцарію... именно въ Розенталь, гдѣ нѣкогда проходили кровавыя военныя стычки и гдѣ горькія воспоминанія Армана должны были пробудиться съ новою силою... Онъ ѣдетъ туда въ сопровожденіи стараго пріятеля, капитана Рово. Читатель угадываетъ, что графъ не кто другой, какъ прежній чудакъ Филемонъ, въ угоду своей неизмѣнной прихотливости, закулисно устроившій эту поѣздку, съ дальнѣйшими продѣлками. Арманъ опять въ «Потерянной долині», и въ знакомой своей комнаткѣ. Вотъ та занавѣска, скрывшися за которую, онъ, бывало, поджидалъ свою милую Галатею. Та же самая тишина въ воздухѣ, та же прозрачность на небѣ, тотъ-же пріятный запахъ зелени и цвѣтовъ. Вотъ и большой померанецъ, къ которому нѣкогда приходила пастушка. Воображеніе полковника настроено и возвращается ко времени за шесть лѣтъ передъ тѣмъ. Арману кажется, что Галатея еще жива, блистаетъ свѣжею молодостью и красотою. Въ глубокой задумчивости, сидитъ онъ у раствореннаго окна... вдругъ блѣднѣетъ, наклоняется въ садъ и едва не падаетъ... Уста его раскрылись, но звукъ крика, готоваго вырваться изъ груди, не достигаетъ устъ. Задыхаясь, съ поднявшимися дыбомъ волосами, онъ судорожно сжимаетъ верхушку виноградной вѣтви, бывшей у него подъ рукою. Видѣніе осуществилось. Легкій граціозный образъ дѣйствительно показался подъ померанцевымъ деревомъ, бѣлый и туманный, какъ сѣльфида въ германскихъ преданіяхъ. Благовонныя вѣтви тихо качались надъ головою призрака и пола шелковаго платья ясно отливала при лучахъ мѣсяца. Мило-страшныя видѣнія повторяются. Арманъ почти теряетъ рассудокъ. На другой день онъ посѣщаетъ памятный лугъ анемоновъ и близъ озера видитъ небольшую каменную пирамиду съ желѣзнымъ, позолоченнымъ крестомъ наверху. «О, моя Галатея! Это твоя могила!» восклицаетъ онъ горестно и сознается графу въ своихъ тяжкихъ угрызеніяхъ. «Я понимаю, отвѣчаетъ старикъ: — но это такъ и должно быть... потому-что, если-бы, при видѣ этихъ мѣстъ, вы не чувствовали укоровъ совѣсти, проступки ваши были-бы неизвинительны ...

Систематическій старикъ до конца длитъ мѣру заслуженнаго нака-

занія и тяжелыхъ, едва выносимыхъ Арманомъ испытанийъ. Наконецъ воля его государя и судьбы исполняется. Въ великолѣпномъ шатрѣ устроенномъ на томъ-же лугу анемоновъ, совершается бракосочетаніе полковника съ Луизою де-Санси. «Галатея! моя милая Галатея!»—шепчетъ счастливый Арманъ: — «ты, которую я столько оплакивалъ, ты возвращена мнѣ!» Строгое покрывало заколыхалось отъ ускореннаго дыханія спасенной утопленницы: но она ничего не отвѣчала, пока не кончился священный обрядъ, и Арманъ не объялъ жену.

Вы закрываете книгу съ слезою на глазахъ, и при чтеніи этого трогательнаго романа сердце ваше не разъ сжималось; а когда читатель плачетъ—критика молчитъ, не рѣшается на мелочныя обсужденія. Во сто долей сокращенный рассказъ нашъ не могъ касаться подробностей, сценъ и развитій легкаго, тонкаго и граціознаго пера Эли-Берте, ни военныхъ описаній, ни комическихъ вводностей, которыя, впрочемъ, меньше удавались автору и даже иногда вредили общему элегическому колориту романа. Конецъ его нѣсколько растянуть и попорченъ: въ четвертой части слишкомъ замѣтно излишество усиленныхъ и неумѣстныхъ театральностей со стороны затѣйника Филемона-Рансея, немного охлаждающихъ прекрасное впечатлѣніе цѣлаго. Переводъ вообще недурень, но мѣстами требовалъ-бы исправленія. Изданіе чистенькое и довольно исправное. Между-прочимъ, мы обратили вниманіе на романъ этотъ и въ томъ смыслѣ, что и въ настоящее время, нѣсколько грубоватаго и матеріальнаго направленія литературы, чувствительное и нѣжное не совсѣмъ еще забыто. Просимъ молодыхъ писателей нашихъ искать порою вдохновенія не въ однихъ карикатурныхъ или ложно юмористическихъ изображеніяхъ, не смѣшивая истиннаго чувства съ сантиментальностью или приторными сладостями, не чуждаясь перваго въ исключительную пользу холодной наблюдательности и равнодушной насмѣшливости бойкаго ума-разума...

—

Три вѣзда, русская народная сказка, въ стихахъ. *Якова Маслаковца.*

Г. Яковъ Маслаковецъ, при чтеніи московскихъ изданій, русскихъ народныхъ сказокъ, неволью негодовалъ, что богатая фантазія нашего народнаго ума изложена безъ всякаго старанія и рассказаны языкомъ, совершенно неудобнымъ для чтенія.

Избравши одну изъ этихъ сказокъ, особенно любимую, по мнѣнію г. Маслакова, его земляками, онъ, г. Яковъ Маслаковецъ, *дерзнулъ сдѣлать опытъ, передать ее хореемъ*. . . «Содержаніе, говоритъ онъ, не ново; «пѣсня та же: всякой по свойски поеть» (точно такъ напечатана въ подлинникѣ.

«Сочтутъ-ли мой трудъ за услугу, продолжаетъ сказочникъ, или за лишнія хлопоты, отдаю на судъ снисходительныхъ читателей».

Мы отдаемъ это на судъ читателей, для которыхъ выписываемъ слова дѣдушки, рассказывающаго про Иванушку-дурачка. (стран. 83).

«Извините, братцы, право,

Что въ компаніи свиней
Самъ я хрюкаю свиньей,
И, забывши деликатность,
Обнажаю неопрятность,
И толкую, съ часъ подрядъ
Про свиней, про поросятъ,
Про дурныя ихъ ухватки
И про тонъ ихъ очень гадкій!
Знаю, многія ругнуть,
И, пожалуй, носъ заткнутъ!

Можно старую пѣсню пропѣть *посвойски*, но надо ее пропѣть, а въ противномъ случаѣ лучше ужъ не пѣть. Напечатать сто восемь страницъ плохихъ стиховъ—неумѣрено, но что изъ этого?

Святки. *Михаила Михайлова*. Спб., 1854. Въ типографіи Королева и комп. Въ 12-ю д. л. 144 стран. *

Рядъ мастерски нарисованныхъ сценъ, посвященныхъ изображенію деревенскаго быта и воспоминаніямъ дѣтства. Книжка эта, очень мило изданная, можетъ быть, по справедливости, отнесена къ числу рѣдкихъ и свѣтлыхъ явленій въ нашей, къ сожалѣнію, небогатой, литературѣ.

Сцены г. Михайлова согрѣты тѣмъ теплымъ, внутреннимъ чувствомъ автора, которое придаетъ его произведенію особенную прелесть и интересъ. Избранный авторомъ бытъ рисуется ярко и вѣрно. Самыя мелкія движенія сердца подмѣчены и переданы чрезвычайно ловко. Въ

* Въ главной конторѣ «Пантеона»: 1 р.; съ пересылк. 1 р. 25 к. с.

сценахъ г. Михайлова нѣтъ поражающихъ и ужасающихъ эффектовъ, нѣтъ многосложной и запутанной интриги, нѣтъ грандіозныхъ характеровъ, взятыхъ обыкновенно, изъ міра фантазіи... здѣсь все просто: и лица и событія, но они прекрасны потому, что *живьемъ* взяты изъ жизни дѣйствительной, потому, что авторъ *не выдумывалъ* ихъ, а списывалъ съ натуры и списывалъ мастерски.

Съ искреннею радостью привѣтствуемъ произведеніе г. Михайлова!

Имя талантливаго автора уже приобрѣло извѣстность *О Святкахъ*, въ свое время было говорено въ Пантеонѣ.

II.

ИСКУССТВА И ХУДОЖЕСТВА.

1. РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Оглядка на старый годъ.—Г. Григорьевъ 2-й какъ писатель и драма его *Подвигъ Марина*.—Разсказъ о пожарѣ Московскаго театра. — *Бѣдная невѣста*, г. Островскаго. — Г-жа Читау и нѣкоторыя разсужденія, по поводу ея таланта. — *Женихъ изъ Ножевой линіи* г. Красовскаго. — *Дядюшка на трехъ ногахъ* г. Каратыгина. — Остальныя пустяки.—*Морской праздникъ въ Севастополь* г. Кукольника—Синопское дѣло.

Мы думаемъ, что лучше всего начать новый годъ оглядкою назадъ. Мы уже сказали, что, между многимъ множествомъ бенефисныхъ пьесъ послѣдняго полугодія 1853 года, появилось очень мало произведеній замѣчательныхъ въ литературно-эстетическомъ смыслѣ. Театръ нашъ какъ-то слѣдилъ за *современностью* и большею частью своихъ успѣховъ обязанъ пьесамъ животрепещущаго интереса (*pièces d'appoint*). Не считаемъ многого-множества сценическихъ мелочей, которыя составляютъ баластъ каждаго бенефиса и прикидываются къ спектаклю, болѣе для пополненія афиши, чѣмъ для укомплектованія репертуара. Между всѣмъ этимъ проскользнули съ довольно-замѣчательнымъ успѣхомъ комедія Мелевиля «Любовь и предразсудокъ», «Подвигъ Марина» драма г. Григорьева 2, «Бѣдная невѣста» г. Островскаго, спасенная богатствомъ таланта г-жи Читау, и комедія «Женихъ изъ Ножевой линіи», г. Красовскаго.

Не станемъ упоминать о комедіи Мелевиля, которая давно извѣстна читателямъ Пантеона, а перейдемъ прямо къ новостямъ русскаго изобрѣтенія.

Мы не разъ говорили, что г. Григорьевъ 2-й человекъ съ неоспоримымъ дарованіемъ, какъ писатель для сцены, и новая пьеса его еще болѣе утверждаетъ насъ въ этомъ мнѣніи. У него много наблюдательности: народныя типы, имъ выводимые, всегда вѣрны натурѣ по образу своихъ дѣйствій и по языку, хотя онъ ихъ нѣсколько идеализируетъ въ отношеніи къ характерамъ. Казалось-бы, изъ прекраснаго подвига Марина, при пожарѣ Большаго Московскаго театра, можетъ выдти эффектная сцена—и только; г. Григорьевъ сдѣлалъ изъ этого событія цѣлую драму въ нѣсколько актовъ, которую выслушиваешь отъ начала до конца съ интересомъ, и гдѣ не разъ сердце зашевелится живымъ чувствомъ. Если хотите, это драматическая идиллія, но идиллія теплая, проникнутая жизнью, согрѣтая подчасъ поэзіею. Авторъ раздѣлилъ свою драму на три эпизода. Въ первомъ—герой ея, Василій Маринъ, у себя, въ деревнѣ, пришелъ на побывку къ старику—отцу и здѣсь дѣлаетъ доброе дѣло, прямо по внушенію сердца. Алеша Ухарь, бѣдный, но трезвый парень хочетъ жениться на красоткѣ Дунѣ; но онъ, годъ назадъ, занялъ у крестьянина сосѣдней деревни, Ефрема Лапши, пятнадцать рублей; срокъ пришелъ, денегъ нѣтъ, и вотъ пьяный Лапша, вмѣсто платы, требуетъ, чтобы должникъ уступилъ ему невѣсту. Молодые люди въ отчаяніи: разлука ихъ неизбѣжна. Но является Маринъ; у него есть тридцать рублей—первая его заработка, которую онъ готовилъ на вкладъ въ храмъ Божій. Онъ платитъ долгъ Ухаря, отдаетъ остальное въ приданое невѣстѣ и спѣшитъ въ Петербургъ, въ полной надеждѣ, что Господь дастъ ему силы заработать вдвое для первоначальной цѣли.

Этотъ эпизодъ уже самъ по себѣ составляетъ прекрасную картину изъ сельскаго быта, согрѣтую чувствомъ, юморомъ, веселостію и довольно яркую національнымъ колоритомъ. Лица, выведенныя г. Григорьевымъ, жизненны, правдоподобны. Характеры выступаютъ довольно выпукло, и не смотря на то, что тутъ дѣйствія очень мало, а вымыселъ едва-ли не современенъ самому существованію театра, весь этотъ актъ занимаетъ зрителя отъ начала до конца и не разъ возбуждаетъ самое живое сочувствіе.

Второй эпизодъ представляетъ Марина въ Москвѣ, проездомъ въ Петербургъ. Общая тревога въ Ямской, гдѣ онъ остановился вмѣстѣ съ товарищами на постояломъ дворѣ, извѣщаетъ зрителя о томъ, что большой театръ горитъ и что всѣ пріѣзжіе побѣжали на пожаръ. Одинъ только Ефремъ Лапша, также ѣдущій въ Питеръ за наслѣдствомъ послѣ тетки, остался считать свои деньги. Извѣстіе о подвигѣ Марина и о томъ, что его потребовали къ генераль-губернатору, ис-

полняетъ Лапшу злою радостью: онъ воображаетъ, что Марину достанется—«впередъ, молъ, не суйся, гдѣ ты не спрашиваютъ». Но вотъ является и самъ Маринъ, облаканный начальствомъ, одаряемый восторженными зрителями его подвига. Въ этой сценѣ очень удачно выражено бессознательное чувство удивленія Марина: за что его хвалятъ, за что осыпаютъ деньгами? Что же онъ сдѣлалъ такое? Человѣкъ погибалъ; ему показалось, что можно его спасти: онъ бросился и спасъ! Вотъ и все. А люди его превозносятъ, одариваютъ. Понятно: это Богъ посылаетъ ему награду сторицею за первое доброе дѣло, и вкладъ въ храмъ Божій у него готовъ вдвое богаче прежняго. Чисто—русская черта!

Въ третьемъ эпизодѣ авторъ опять приводитъ насъ въ село Марина. Дошли туда смутные слухи о томъ, что онъ что-то сдѣлалъ, но что? — никто не знаетъ. Старикъ-отецъ и облагодѣтельствованные имъ молодые въ сильной тревогѣ. Является Лапша, обманутый въ своихъ корыстныхъ надеждахъ: тетка его живехонька, да еще, въ добавокъ, благополучно здравствуетъ замужемъ. Въ досадѣ, что надъ нимъ такъ зло подшутили, онъ хочетъ любопытнымъ отплатить тѣмъ-же, и рассказываетъ, что Маринъ совершилъ какое-то преступленіе и что онъ видѣлъ, какъ его въ Питерѣ вели въ кандалахъ... «Куда-же, зачѣмъ?» спрашиваетъ отецъ въ отчаяніи.—«Вѣстимо зачѣмъ, чтобъ наказать... —Луна и обманщика! прерываетъ его молодой Маринъ, прискакавшій порадовать старика своей серебряной медалью в Высокой лаской, которой удостоился.

Вотъ вся драма. Изъ этого краткаго разсказа уже видно, какъ искусно авторъ воспользовался своею тѣмою и какъ ловко расположилъ свою драму. Напрасно многіе полагаютъ, что это произведеніе слишкомъ поверхностное и незаслуживающее особеннаго вниманія; можемъ увѣрить этихъ господъ, что драма г. Григорьева и по составу, и по намѣренію, и по языку выше многихъ, написанныхъ съ гораздо большими претензіями на изобрѣтеніе и на изученіе народныхъ нравовъ. Мы цѣнимъ въ ней уже чрезвычайно высоко, помимо всѣхъ ея сценическихъ и литературныхъ достоинствъ, благородную цѣль автора. Сцена существуетъ не для однихъ грамотѣевъ; есть люди, которые не читаютъ, но охотно смотрятъ комедію: они-то больше всего нуждаются въ нравственныхъ убѣжденіяхъ и благородныхъ примѣрахъ; знакомить ихъ посредствомъ языка и картинъ, для нихъ доступныхъ, съ доблестными подвигами русскихъ людей, по нашему мнѣнію,—заслуга, достойная всякаго уваженія.

Ефремъ Лапша, мужикъ-ростовщикъ, народно-комическое лицо въ дра-

мъ г. Григорьева, типъ, вѣрно подмѣченный и прекрасно обрисованный въ продолженіе всей пьесы. Этотъ характеръ превосходно былъ исполненъ г. Мартыновымъ. Въ пьесѣ одно только значительное женское лицо—Дуняша, и оно обаятельно; авторъ его нѣсколько опозитизировалъ, но не лишилъ простоты и національности. Въ этой роли была очень мила г-жа Читау. Въ г. Максимовѣ 4-мъ, занимавшемъ роль Марина, недоставало простоты; въ немъ слишкомъ мало видѣнъ крестьянинъ-ремесленникъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ даже впадалъ въ декламацию, которая ужъ никакъ нейдетъ къ простой, безсознательной натурѣ Марина. Рѣшительно не понимаемъ, какимъ образомъ г. Максимовъ, который такъ мастерски умѣлъ упростить идеальнаго человѣка—Гамлета, не могъ передать правдоподобно простаго русскаго человѣка, прямо выхваченнаго изъ жизни. Это ужъ, конечно, не недостатокъ дарованія, а недостатокъ наглядности и вѣшной воспримчивости.

Чтобы ознакомить читателей поближе съ языкомъ драмы г. Григорьева, приводимъ здѣсь два разсказа, которые производили сильное впечатлѣніе на сценѣ. Первый разсказываетъ Шугай, одинъ изъ товарищей Марина, второй—Лапша, по возвращеніи изъ Петербурга. Г. Зубровъ, молодой еще актеръ, въ разсказѣ Шугая показалъ замѣчательное дарованіе.

ХОЗЯЙКА, ЛАПША, ЕГОРЪ ШУГАЙ, ИВАНЪ ЯКИМОВЪ, ДАНИЛО ДЕРГАЧЪ, МИХАЙЛО ЛЫКИНЪ, ФИЛАТЪ УШОВЪ, СЕМЕНЪ МАМОШИНЪ, ИГНАТІЙ ЗАЩИПА, ЕМЕЛЬЯНЪ СКУЛАЧЪ И ГЕРАСИМЪ ДЫЛДА входятъ съ шумомъ.

ГЕРАСИМЪ. Ай да молодець! ай да удалецъ!

ШУГАЙ. Экой двуголовый!

СЕМЕНЪ. Вотъ ужъ жизнь-то не за копѣйку бросаешь.

МИХАЙЛО. Што ужъ и говорить! намъ и во сняхъ-то не приснится сдѣлать такую оказію! (*Обращаясь къ Ивану Якимову*). Ну, братъ Иванъ Якимычъ, исполить твоему названному братцу! Эка добрая душа, подумаешь!

ИВАНЪ. Да, слава Господу Богу, вразумилъ онъ брата Василья на доброе дѣло.

ФИЛАТЪ. Да ужъ и тебѣ, братъ Иванъ Якимычъ, похвала съ почетомъ, што помогъ ему.

ШУГАЙ. Вся наша деревня должна васъ благодарствовать, а пружь всего мы. Ребята, кричи за мной: дай Богъ здоровья братьямъ Маринымъ со всей семьей!..

ВСѢ. Дай Богъ здоровья братьямъ Маринымъ со всей семьей!

ЛАПША (*всторону*). Да што они пьяны, што-ли, али бѣлены обѣлясь?! (*товарищамъ*). Ребята! ужъ полно васъ не съ цѣпи ли спустили? Чаво вы глотку-то дерете?

ВСѢ. А! Лапша!..

ЛАПША. Ну такъ што-жъ што Лапша? Гдѣ васъ лѣшій-то послѣ? Покинули меня одного, ажно скука проѣла.

ШУГАЙ. Да вѣдь ты спать завалился, такъ намъ не на рукахъ-же тебя тащить было.

СЕМЕНЪ. А ужъ мы, братъ, такихъ диковинокъ наглядѣлись, что на, поди!

ГЕРАСИМЪ. Издивленье, да и только.

СЕМЕНЪ. Такое то есть дѣло, што самое богатырское.

ШУГАЙ. Чудеса въ рѣшетѣ.

ФИЛАТЪ. Отдай все—да и мало!

ЛАПША. Эхъ, войлокн ростовскіе! да вы меня морочитѣ?

ШУГАЙ (*передразнивая его*). «Морочитѣ!» «морочитѣ!» Прямая ты лапша.

ЛАПША (*съ достоинствомъ*). Ахремъ Егорычъ Лапша! Знай почетъ, мотыга эфтакой!

ШУГАЙ (*горячо*). Я мотыга, а ты скаволыга!

ЛАПША. Такъ што-жъ што скаволыга? Скаволыга-то эво въ какихъ сапогахъ ходить (*показывая на ногу*), а на тебѣ лапти обуты.

ШУГАЙ. Пушай и лапти, да свои, а не награбленные. А ты, я чай, сапоги-то съ мертваго за долгъ стащилъ.

ГЕРАСИМЪ. Полно вамъ лаятся-то, лѣшіе!

СЕМЕНЪ. Хоть-бы вы стѣнь-то постыдились, такіе ли ноничъ дни, штобъ браниться!

ШУГАЙ. Такъ чаво-жъ онъ лѣзетъ?

ЛАПША. А ты чаво пристаешь? Я объ дѣлѣ спрашивалъ... чертъ!..

ШУГАЙ. Да объ какомъ дѣлѣ-то, затылокъ!

ЛАПША. А я почемъ знаю? Вѣдь вы по Москвѣ-то шатались.

ШУГАЙ. Такъ такъ-бы и говорилъ (*товарищамъ*). Ребята, сказывать ли ему, аль не сказывать?

ВСѢ. Сказывать! сказывать! для-ча не сказывать?

ШУГАЙ. Такъ кто-же станетъ сказывать-то?

СЕМЕНЪ. Я негораздъ.

ФИЛАТЪ. Я не рѣчиствъ.

ШУГАЙ. Такъ инъ мнѣ, што-ли, зачинать. Гляди-же Лапша, возьми уши-то въ руки, да не пророни ни одного словечка...

ЛАПША. Да што-же ты и въ правду куражишься? Зачинай, табѣ говорятъ.

ШУГАЙ. Зачинаю. Эво, какъ мы отседа вышли да и пошли. Вотъ ладно... (*обращаясь къ товарищамъ*). Ладно вѣдь робята?

ВСѢ. Да извѣстно дѣло, что ладно.

ШУГАЙ. Ну, а ладно, такъ ладно. (*Лопишь*). Вотъ мы, знашь, и пошли, пошли, да и пришли въ Кремль, помолились, какъ быть-какъ слѣдуетъ, оттедова забрели къ Ивану Великому; на колокольню взлѣзли—эка страсть! Эка вышь? вся бѣлокаменная, словно на блюдечкѣ! А съ колокольни мы зашагали въ Охотный рядъ, съ земляками повидаться. Робята важные, наши землячки распотенные! въ харчевню насъ взяли, да всю ватагу чаемъ угостили. Вотъ, ладно, покуля мы за чаемъ-то проклажались, а на улицѣ-то, слышь, поднялась такая сумятица, что и Боже упаси! Народъ-те, знашь и бѣжить и ѣдетъ, да все въ одну сторону. Эво, мы и спросали у половаго: што, молъ, эфто за оказія такая? а онъ знашь и говорить: пожаръ, говорить, большой кiatedь, говорить, горить. Ладно! какъ мы эфту причину узнали, изъ харчевни-то и вонъ, да за народомъ-то бѣгомъ, да бѣгомъ; эво и прибѣжали на пожарище. Ахъ ты, Господи Боже милостивый! эка страсть, эка ужасть! Стоитъ хоромина такая большущая, што въ нее, кажись, вся наша деревня и съ погостомъ войдетъ. (*Семену*). Такъ вѣдь, дядя Семень, вѣдь войдетъ?

ЕМЕНЬ. Ну вся-то, пожалуй-што и не войдетъ.

ШУГАЙ (*передразнивая*). Не войдетъ... много ты смыслишь!

ЛАПША (*Шугаю*). Да ты бобовъ-те не разводи, а говорить, такъ говори дѣломъ.

ШУГАЙ. Ладно. Вотъ слышь ты, и стоитъ хоромина, которая кiatedь прозывается, а изъ нея полымя такъ и пашетъ, такъ и пашетъ, и въ окна-то, и въ двери-то, и въ крышу-то, во всяку щелочку огонь летитъ. А ужъ народу-те собралось смотрѣть, такъ и видимо-невидимо! Эво и мы стоимъ да глядимъ! Маненько погода, изъ самага верхняго окошка на крышу выскочили какіе-то три человекъ и учили по ней бѣгать да кричать: «Спасите, братцы, христіанскія души!» Жалости было подобно глядѣть на нихъ, дядя-та што сердечныхъ полымемъ-то такъ и облизываетъ! Эво тутъ подскочили пожарные, подставили лѣстницу—мы и думаемъ: ну вотъ, слава Тѣ Господи, не дадутъ погибнуть. Глядь анъ лѣстница-то коротка, до крыши не хватаетъ. Народъ-те весь такъ и ахнулъ! а двое безталанныхъ-то, подбѣжали къ краю крыши, да какъ увидали эку невзгону, перекрестились, да и

прыгнули внизъ. Насъ словно варомъ обдало, такъ таки миляги до смерти и убились.

ЛАПША. А третій-то што-же?

ШУГАЙ. Да ты слушай! Третій-то остался на крышѣ; и хоть дымомъ его больно душило и огнемъ-то страшно палило, иначе онъ не прыгнулъ; зная сильно надѣялся на Господа Бога; пріютился только, миляга, къ такому мѣстечку, отколя вѣтромъ полымя относило въ другую сторону. Ладно! А мы все стоимъ да смотримъ, сердечки такъ и ходять, такъ и просятъ какъ-бы способъ дать христіанской душѣ... Вотъ покуля мы эфто думали, а ужъ Маринъ разумомъ порѣшилъ, да какъ крикнетъ: «Робята! обождите, я пойду спасу человѣка». Мы, зная, сперва-то маненько посумлевались, поглядѣли другъ на друга, да тутъ уже всей ватагой и гаркнули: съ Богомъ! доброе дѣло сдѣлаешь. Тутъ нашъ Маринъ бросился къ начальству, выпросить дозволеніе, снялъ съ себя тулупъ да шапку, да какъ стрѣлка пустился къ лѣстницѣ, которая до крыши-то не хватала. Другой-бы кажись испужался такого случая, анъ нѣтъ! нашему Василю Гаврилычу все ни почемъ! Онъ только-што вотъ взялъ съ собою Ивана Якимыча, обвилъ себѣ веревку вокругъ пояса, перекрестился да и зашагалъ по лѣстницѣ. Ладно. Такимъ-те манеромъ взобрался онъ на самую верхушку, а до крыши все еще далече. Што тутъ станешь дѣлать? хошь назадъ полѣзай... Да нѣтъ, нашъ Маринъ не изъ таковокыхъ! Онъ долго думать не сталъ, благословясь, ухватился за водосточную трубу, да и сталъ по ней взбираться, словно вѣшка... Вотъ ужъ тутъ-то, братъ, Лапша, было чаво поглядѣть: издивленье, да и только!.. Народъ-те стоитъ внизу да и крестится, полымя-то такъ и пышетъ; стропила-то вѣлятся, бѣдняг-то, на крышѣ, вопить благимъ матомъ, труба-то трещить; а нашъ Маринъ лѣзетъ да лѣзетъ... *(съ сильнымъ одушевленіемъ)* Да што ужъ и говорить молодець нашъ Василій Гаврилычъ!..

ВСѢ *(съ восторгомъ)*. Молодець нашъ Маринъ.

ЛАПША. Да полно вамъ глотки-то драть! *(Шугаю)*. А ты разсказывай знай.

ШУГАЙ. Ладно. Вотъ, слышь, труба-то трещить, зная не больно крѣпка, голубушка, да видно ужъ такъ Богу угодно было, и онъ взобрался на карнизъ! ну тамъ, ужъ извѣстно, мало-малысь полегче стало для-та, што самъ-то онъ ступилъ на твердую ногу. Тутотко спустилъ онъ веревку, а Иванъ-те Якимычъ, стоя на верхушкѣ лѣстницы, привязалъ къ ней ухватъ. Вотъ, ладно, Василій-то Гаврилычъ, на томъ-же ухватѣ веревку-то и передалъ на крышу, обгорѣлому-то бѣднягѣ. «Зачаливай за что попало!» крикнулъ Маринъ.» да только гляди по-

крѣпче.» Тотъ зачалилъ за крюкъ. «Ну, таперича спущайся, да придержи-живайся за трубу-те, для-та, што тобѣ легче будетъ». И покулева тотъ спущался, ужъ нашъ землякъ былъ внизу. Тутотка, народъ-те снялъ шапки, перекрестился, да и гаркнулъ со всёхъ сторонъ: «спасибо! молодець! Дай Богъ тебѣ здоровья», а ужъ про насъ-то и говорить нечего: было на радостяхъ чуть пѣсню не затынули; да еще ладно, что опомнились, што дни-то не такіе. Ладно! глядишь, а къ нашему Василью Гаврилычу и подошелъ какой-то баринъ, зауравскій баринъ: лобъ-то ясный, воротникъ-то красный, а наплечинки словно жаръ горятъ?.. подошелъ да и говоритъ: «Спасибо, говоритъ, добрый человекъ, што не далъ погибнуть христіанской душѣ; вотъ, говоритъ, тебѣ отъ меня; пожалуйста, не погнушайся принять», да и сунулъ Марину въ шапку двадцать пять рублей серебромъ, а самъ ушелъ.

ЛАПША (*всторону*). Эфтому злокоманику, Васекъ, во всемъ удача.

ШУГАЙ. Ладно! какъ баринъ-то ушелъ, а народъ-те православный, увидя эту прыть, и разгулялся, и пошелъ садить деньгами! Вотъ тутъ-то надо было поглядѣть! И полтинники, и цѣлковые, и двугривенные, и гривеннички, и пяточки, словно дождь посыпались въ шапку Марина. Да чаво! даже нищая братія и тѣ по трехкопѣчнику съ брата въ шапку клали... Вотъ оно дѣло-то какое выходитъ! А ты што, прорыхнулъ? Вотъ ужъ тапереча, въ друго-разъ, экой оказіи не увидишь.

Въ этомъ простодушномъ, простонародномъ разсказѣ много теплоты и патетизма.

А вотъ другой разсказъ въ комическомъ родѣ. Это разсказываетъ Лапша.

ПЕРВЫЙ МУЖИКЪ. Ну, а какъ, то-есть, примѣрно... супротивъ Ростова Питерь-то какъ эфто будетъ?

ЛАПША. Э, дурья голова! Ростовъ-те передъ Питеромъ все едино, что курятникъ тетки Марьи передъ домомъ старосты.

ПЕРВЫЙ МУЖИКЪ. А! ишь ты! Слышь, ребята?

ВТОРОЙ МУЖИКЪ. Да, вотъ поди-же ты!

ЛАПША. А ужъ какія тамъ, что-есть, увеселенія, такъ вамъ, войлокамъ, и во сняхъ-то не приснятся!

ПЕРВЫЙ МУЖИКЪ. Ну, да какія-жь бы, примѣрно.

ЛАПША. Какія, какія! а вотъ какія: итъ той улицы, на кой-бы не было хорчевни, кабака, погребка, али портерной! да вѣдь въ кажиной изъ нихъ музыка жарить! гдѣ торбанъ, гдѣ ворганъ, гдѣ гармонія, а инде такъ кривая нѣмка на марфѣ зудить, а махонькіе нѣмчурата пляшуть...

ПЕРВЫЙ МУЖИКЪ. Эко жизнь-отъ, ребята!

ЛАПША. Да ужъ такая жизньъ, что разлили малина!

ПЕРВЫЙ МУЖИКЪ. А что, Лапша, въ комедіяхъ тамъ бывалъ-ли?

ЛАПША. Эвося невидаль какая? Я не токма-што въ комедіяхъ, а и въ кіатрѣ былъ.

ПЕРВЫЙ МУЖИКЪ. Ну што, чай хорошо больно?

ЛАПША. Больно-те больно, да только што не хорошо.

ПЕРВЫЙ МУЖИКЪ. А што-жъ бы такое?

ЛАПША. Да вишь ты, какъ эфто дѣло было: на фатерѣ-то я стоялъ у тетки, а она живетъ въ Ямской... Ахъ, ребята, знатная слобода эфта Ямская! Ямщики—народъ дѣльный, да работающій, изъ трактировъ не выходятъ: все, слышь, тамъ наемщиковъ ждуть...

ВТОРОЙ МУЖИКЪ. Да ты намъ про кіатерѣ-то расскажи!

ЛАПША. Экъ пристали, олухи! Эво, я одиножды пошелъ попрыматься, да и зашелъ въ харчевню; гляжу, народу много и, почитай, все легковые извозчики; которые въ трубки курятъ, которые чаемъ проклажаются; ну, а которые съ гуляками пріѣхали, такъ тѣ мадеру попиваютъ.

ПЕРВЫЙ МУЖИКЪ. И гуляки-то съ нимъ-же?

ЛАПША. Куда-те, съ нимъ-же! для гулякъ особые чуланы понадѣланы!.. да ты не перебивай, шутъ!

ПЕРВЫЙ МУЖИКЪ. Не перебивай, не перебивай! Такъ ты разговаривай проворитѣ!

ЛАПША. Да куда торопиться-то? вѣдь не каплетъ! а коли и дождь пойдетъ, такъ спрятаться есть гдѣ: кабакъ-то близко. Вотъ я, знашь, спрошалъ себѣ чаю, да и усѣлся подъ оконечко; насупротивъ меня сидѣлъ извозчикъ Ванька,—въ Питерѣ, ишь ты, всѣхъ извозчиковъ, которые поплоче, вличуть *Ванькамъ*, а которые получше, такъ тѣхъ величаютъ *михамъ*, ну а тамъ есте еще такіе отставные, што изъ конныхъ полковъ браковку скупаютъ, да въ извозъ пуцаютъ, ну, такъ тѣхъ ужъ называютъ «съ придурью».

ВТОРОЙ МУЖИКЪ. Ишь ты вѣдь какія тамъ диковинки?

ЛАПША. Да ты погоди! эфто еще только цвѣточки, а ягодки-те впереди. Эво, одинъ извозчикъ и говоритъ другому: «вотъ, говоритъ сегодня у кіатру сѣдочковъ много будетъ». А тотъ и спрашиваетъ: «А што, говорить такъ?» «Да игра-те важная!—Какая такая? Самлетъ, говоритъ. Я себѣ на усь-то и намоталъ, николи самолетовъ не видывалъ, дай пойду погляжу.—Расплатился за чай, да и давай упирать въ Александринскій кіатрѣ, по дорогѣ еще орѣховъ купилъ. Иду да грызу. Вотъ пришелъ, слышь, къ кіатру, да и спрашиваю у жандаровъ: гдѣ-моль, братцы,

тутотка самолета смотреть? Они, спасибо имъ, и указали, куда мнѣ идти. Ну, тутъ ужъ знамо дѣло, по сказанному-то, какъ по писанному, я и поперъ навверхъ по лѣстницѣ. Гляжу, передо мною галдарея длинная-предлинная! съ одной стороны все дверцы понадѣланы, словно стойлы; ужъ я думалъ, што жандары-то, смѣху ради, меня въ конюшню послали, одначе не слышать, чтобы лошади ржали и козломъ не пахнуть, а только сторожъ дверцы отворяетъ,—и въ нихъ народъ валомъ валитъ! Эво, и я было за народомъ-те сунулся, анъ сторожъ-те меня и отмахнулъ назадъ. «Куда ты, говоритъ лѣзешь?» — «А самолетъ глядѣть». — «Такъ твое, говоритъ, мѣсто повыше». «Такъ-бы ты и молвилъ, а то пѣхаться-то не за што. Вотъ, слышь, дѣлать неча, робята, поперъ я еще выше, пришелъ почитай, подъ самую крышу, да и спрашиваю: тутъ-ли самолетъ показываютъ?—«Тутотка». Такъ проводи меня, братъ, пожалуйста! «Давай билетъ!» Какой билетъ? у меня билета родясь не бывало, у меня плакатный пашпортъ, да и тотъ въ Ямской, у тетки оставилъ. Пошелъ, говоритъ, «заплати гривенникъ, да купи билетъ въ кашѣ!» Эвося, съ чѣмъ подѣхалъ! «Да, ты, братъ землякъ, гривенничекъ возьми, а меня пропусти, пожалуйста!» — Ну ладно, што съ тобой дѣлать: парень-то ты больно хорошій, шагай черезъ скамейки, да садись на первую лавку, видѣе будетъ». Эво, я и сѣлъ, а шапку-то съ орѣхами эфтакъ передъ собой держу... не успѣлъ ещо я и обглядѣться, какъ музыка дернетъ! Я со страху-то вздрогнулъ, да шапку-те съ орѣхами изъ рукъ и выпустилъ, она полетѣла внизъ, да къ какой-то барынѣ на колѣна и упала. Што тутъ станешь дѣлать? Эво, я и давай кричать: барынька сударынька! орѣхи—то, пожалуй, грызи на здоровье, да только-што шапку-то, пожалуйста, принеси сюда! Только-што я это вымолвилъ, народъ-те весь въ заходы такъ и покатиля со смѣху, а меня, слышу, кто-то за вихры сзади теребитъ. Я глядъ, анъ передо мной господинъ городской, словно листъ передъ травой, да и говоритъ: «Ступай за мной!» Дѣлать неча, надоть было идти, вотъ я и пошелъ...

ПЕРВЫЙ МУЖИКЪ. Куда-же?

ЛАПША. Ну, куда! куда слѣдовало! Много будешь знать, такъ скоро состаришься! Не хочу больше говорить! Ишь вы больно лакомы, слушать-то слушаете, а поштовать такъ, небойсь, нѣтъ васъ.

«Бѣдная невѣста» г. Островскаго прошла на нашей сценѣ безъ особеннаго впечатлѣнія на зрителей, и если удержалась на репертуарѣ, то этимъ обязана превосходной игрѣ г-жи Читау, въ роли героини комедіи. Между-тѣмъ эта пьеса не лишена литературнаго достоинства:

въ ней есть нѣкоторые характеры, довольно полно обрисованные, и есть живой языкъ, чѣмъ не все наши сценическія произведенія могутъ похвалиться. Главная причина неуспѣха—недовольно выясненная цѣль автора и въ главныхъ положеніяхъ нѣкоторое тождество съ предыдущею комедіей г. Островскаго «Не въ свои сани не садись». Мы здѣсь не будемъ распространяться о «Бѣдной невѣстѣ», какъ твореніи драматическомъ и о значеніи его въ литературѣ, потому что, по поводу ея, намѣрены поговорить вообще о творчествѣ г. Островскаго, въ отдѣльной статьѣ, гдѣ выскажемъ наше задумевное мнѣніе—*sine ira nec studio*.

Г-жа Читау—новая утѣшительная звѣзда на русской сценѣ, и притомъ звѣзда первой величины. Она создана на нашемъ театрѣ ролями г. Островскаго, или, лучше сказать, она создала главныя роли въ пьесахъ г. Островскаго. Отличительныя свойства таланта г-жи Читау состоятъ въ способности глубоко проникаться характеромъ роли, чувствовать искренно и выливать свои чувства симпатически, но просто, въ формы, совершенно чуждыя всякой театральности. Это сама истина на сценѣ, безъ заученыхъ движеній, безъ принятыхъ сценическихъ уловокъ. Въ органѣ ея есть звуки, доходящіе прямо до души. Если это постиженіе и естественность передачи самыхъ тонкихъ чувствъ человѣческой души въ г-жѣ Читау плодъ глубокаго изученія—то она великая художница; если это просто артистическій инстинктъ, дарованный свыше, инстинктъ въ родѣ Мочаловскаго, въ родѣ инстинкта Е. С. Семеновою и Мартынова, то, во всякомъ случаѣ, артистка эта—отрадное явленіе на сценѣ, потому что она въ состояніи дать совершенно новое направленіе театральному изученію характеровъ. Помосты театральныя доселѣ, право, очень походили на старинныя риторикѣ и пяткики. На нихъ для всего были свои опредѣленныя формы: и говорить, и ходить, и дѣйствовать слѣдовало по извѣстнымъ образцамъ и мѣркамъ; для каждой страсти были свои условенныя приемы, точь-въ-точь, какъ насъ, бывало, учили думать и писать по правильнымъ и неправильнымъ хрѣмамъ и тропамъ. Это вѣчный китайскій кастетъ: задумываться не надъ чѣмъ: сложишь такъ—выйдетъ такая фигура, сложишь этакъ—выйдетъ вотъ какая. Заучилъ склады—и готово; а если къ этому прикинуть немножко жизни, хоть искорку чувства—такъ и громадный талантъ на лицо. Къ несчастью, при этой системѣ, громадные таланты никогда не выживали своего вѣка, а заживо испарялись, обратясь зрителю въ привычку, или, при возникающемъ новомъ поколѣніи талантовъ, немножко посмѣлѣе хватавшихся за дѣйствительную жизнь, рушились подъ развалинами собственной своей громадности. Система простая: нужно выразить *чувствительное*—говори плаксивымъ голосомъ; нужно потрясти ужасомъ—кричи,

что хватить груди; хочешь показать веселость и безпечность—болтай скороговоркой, надо представить наивность—скачи козой и хлопай въ ладоши. Рецептъ все одинъ и тотъ-же: *probatum est*. Но страсть не разсуждаетъ и еще меньше укладывается въ какія бы то ни было формы: это ураганъ степи, шквалъ моря: ему нѣтъ узъ и предѣловъ. Когда душа выливается въ сильныхъ порывахъ, она сама находитъ для нихъ и звуки, и формы. Всякія другія, придуманныя и приспособленныя, комфорта ради, будутъ для нея—Тришкинъ кафтанъ. Только великіе, *урожденные* таланты понемногу, осторожно высвобождались изъ-подъ ига этой сценической риторики, и двигали искусство впередъ, оставляя своему потомству подражаніе, и, по несчастію, почти всегда подражаніе не своей мысли, не своему воззрѣнію на искусство, а личнымъ привычкамъ и недостаткамъ. Прежде, чѣмъ французы дошли до той, хотя и невольной истинной, простоты выраженія, которая теперь насъ такъ плѣняетъ, на сценѣ ихъ рыкали, выкрикивали и выпѣвали стихи и прозу. А между тѣмъ, въ силу привычки, это нравилось и казалось даже *натурою*, да еще не простою, а *изящною* натурою. Масса зрителей всегда такъ лѣнлива на соображеніе и думу, что позволить себя увѣрить въ чемъ угодно. Воля ваша, не можемъ мы себя убѣдить, чтобъ римлянки или древнія греческія женщины ходили по сценѣ съ приволокою ногъ и не говорили слова проста, а все нараспѣвъ, да съ ужимкой, да съ размашистымъ жестомъ, или чтобъ Жанна д'Аркъ въ сильной сценѣ выдѣлывала па изъ русской пляски; а между-тѣмъ увѣрили же насъ, что это хорошо на сценѣ, и всѣ восхищаются и хлопаютъ тому, что въ сущности только смѣшно и нелѣпо, потому-что противно всѣмъ законамъ природы. Сказать красиво фразу и выразить вѣрно чувство—двѣ вещи, чрезвычайно различныя. Изъ фразъ человѣка не узнаешь. Не даромъ Галейранъ говорилъ, что даръ слова данъ намъ для того, чтобъ лучше скрывать свои чувства. Но человѣка узнаешь тогда, когда его передъ вами, такъ сказать, выворотятъ наизнанку, то-есть, когда съ истинной, недопускающей и тѣни сомнѣнія, выкажутъ его чувства, въ формахъ самыхъ человѣческихъ, простыхъ и убѣдительныхъ. Какъ часто случалось, что этихъ великихъ сценическихъ витій передразнивали люди, далеко неполюющіеся союю долей ихъ славы, и передразнивали съ такой дипломатической точностью, что въ самомъ подражаніи обнаруживали дарованіе, чуть-ли не огромнѣйшее подлинника, дарованіе, способное воспринимать и передавать все виѣшнее съ изумительной истиной. Но никогда еще не случалось, чтобъ истинную страсть, дѣйствительное чувство, выражающееся звуками души, кто-нибудь перенялъ у другаго. Это очень просто: можно присвоить себѣ чужія формы выраженія, нельзя присвоить организаціи чужой души.

Поэтому-то мы особенно высоко цѣнимъ на сценѣ эти необыкновенныя художественскія натуры, эти особенныя организаціи, одаренныя въ одно время иѣжной воспримчивостью чувства и энергической способностью передавать каждый его оттѣнокъ. Натуры эти рѣдки, но тѣмъ болѣе надо дорожить ими. Къ такимъ-то именно натурамъ принадлежитъ г-жа Читау. До-сихъ-поръ мы считали ее только умною актрисой, съ толкомъ, съ тактомъ разрѣшающею заданную ей тему. Но она пока играла только роли лицъ—безъ образовъ, очертаній—безъ содержанія. Въ комедіяхъ г. Островскаго ей въ первый разъ попались живые человѣческіе элементы и она изъ нихъ создала живыхъ людей, дышащихъ полною грудью, мыслящихъ, чувствующихъ и дѣйствующихъ по непремѣннымъ законамъ природы. Успѣхъ ея въ обѣихъ роляхъ, и въ неразборчивой купеческой дочкѣ (въ «Не въ свои сани не садись») и разборчивой барышнѣ (въ «Бѣдной невѣстѣ») былъ одинаково великъ и вполне заслуженъ. Столько правды, столько типичности и столько женской натуры въ этихъ двухъ изображеніяхъ, что публика, не смотря на новизну такого рода игры, почувствовала всю ея истину и прелесть и громкими рукоплесканіями привѣтствовала новый, замѣчательный талантъ русской сцены, талантъ совершенно свѣжій и глубоко обаятельный.

Г-жа Читау съ прекрасной наружностью, крупными, но иѣжными и чрезвычайно подвижными чертами лица, соединяетъ голосъ звучный, пріятный, которымъ владѣетъ мастерски. Она обладаетъ весьма рѣдкимъ достоинствомъ между театральными дамами: говорить ясно, произносить слова внятно и дѣлаетъ правильныя ударенія, не глотая гласныхъ буквъ. Въ отношеніи дикціи, она равняется единственной по этой части русской артисткѣ Е. Я. Сосницкой. Мы уже сказали, что она натуральна на сценѣ, стало-быть, нечего прибавлять, что ея походка, приемы и движенія не заучены, не придуманы, а просто необходимыя физическія слѣдствія внутренняго движенія. Оттого они такъ правдивы и эффектны.

Одна изъ капитальныхъ пьесъ, наиболѣе имѣвшихъ успѣхъ въ послѣдніе мѣсяцы прошлаго года, была комедія г. Красовскаго: «Женитьхъ изъ Ножовой линіи». Это опять комедія изъ купеческаго быта. Успѣхъ двухъ купеческихъ пьесъ Островскаго ввелъ этотъ родъ въ моду и теперь каждый московскій писатель желаетъ отличиться тѣмъ-же мастерствомъ — подмѣчать купеческія фразы и хотеть, въ свою очередь,

При одной изъ ближайшихъ книжекъ Пантеона мы дадимъ портретъ г-жи Читау, который, вѣрно, для всѣхъ будетъ интересенъ

также сказать *новое слово*. Но, между нами говоря, эти новыя слова, отъ частаго употребленія, становятся ужасно стары и приторны.

Это, однакожь, не мѣшаетъ пьесѣ «Женихъ изъ Ножевой линіи» быть очень хорошей пьесой, задуманной ловко и съ большимъ знаніемъ дѣла выполненной. Сцены ея ведены правильно, вытекаютъ одна изъ другой и очень занимательны. Нѣкоторые характеры нарисованы бойко и вѣрно, а языкъ купеческій схваченъ живьемъ съ натуры. Оно и немудрено: какъ намъ сказывали, авторъ пьесы, г. Чуровскій (Красовскій его псевдонимъ), самъ принадлежалъ къ купеческому сословію и съ малолѣтства имѣлъ случай изучить его до подноготной. Кромѣ того, онъ былъ актеръ, игралъ много въ провинціяхъ и прекрасно узналъ сцену. Надо, однакожь, сказать, что въ его пьесѣ много явленій и положеній, заимствованныхъ и переделанныхъ изъ другихъ комедій и водевилей, но онѣ ловко перекроены и мастерски сшиты, такъ-что вся пьеса представляетъ довольно полное и органическое цѣлое.

Содержаніе комедіи просто; оно почти тождественно съ комедіей Островскаго «Не въ свои сани не садись», съ тою только разницею, что у г. Островскаго героиня пьесы—купеческая дочка, а у г. Красовскаго герой—купчикъ изъ Ножевой. Этотъ купчикъ, Иванъ Доросеевъ Мордоплюевъ, недавно перебравшійся изъ уѣзднаго городка въ Москву, изволить въ своей панской лавкѣ, вмѣстѣ съ краснымъ товаромъ, отпускать и красныя словца молодой покупательницѣ, Юлинькѣ Сандараковой, дочкѣ заштатнаго чяновника. Онъ-бы не прочь на ней и жениться, да не знаетъ, какъ къ ней приступить. На выручку къ нему является старый пріятель, Перетычкинъ, промотавшійся купеческій сынокъ. Онъ берется уладить все дѣло, ѣдетъ къ Сандаракowymъ, чтобъ предложить имъ женишка съ *капиталами*. Надо вамъ сказать, что Сандаракovy очень способны поддаться на эту удочку: у нихъ всего много—и чванства, и снѣси, и претензій, и барства; нѣтъ только денегъ для удовлетворенія всѣхъ прихотей дочки и кокетства маменьки. А папенька ударился въ пиротехнику и сочиняетъ новаго рода бураки и шутихи, за которые надѣется получить огромныя деньги, а о семействѣ вовсе не заботится. Теперь, когда дѣло съ этой стороны улажено, остается только немножко ошлифовать Мордоплюева, чтобъ онъ своимъ появленіемъ не оскорбилъ тонкой деликатности г-жъ Сандаракowychъ. Перетычкинъ и за это берется: Мордоплюева стригутъ по-нѣмецкому, сбиваютъ ему бороду, одѣваютъ въ полосатыя брюки и узкую визитку. Разставаніе съ бородой и чуйкой совершается съвозъ слезъ. Наконецъ женихъ въ домъ невѣсты. Тутъ слѣдуетъ рядъ его неловкостей, способныхъ разочаровать какую угодно шестнадцатилѣтнюю образованную дѣвушку, но

это разочарованіе подавлено богатымъ брилліантовымъ подаркомъ. Назначенъ день сговора. Маменька и дочка разсуждаютъ о глупости и неловкости жениха и о томъ, какъ съ нимъ будутъ поступать *посль свадьбы*; но сами дѣлаютъ величайшую неловкость, не замѣчая, что женихъ подслушиваетъ ихъ за ширмами. Мордоплюевъ, узнавшій ихъ покороче, напивается пьянъ до-нельзя и высказываетъ почтенному семейству самыя горькія истины. Тѣмъ пьеса и кончается. Мораль ея: *Не въ свои сани не садись!* Многіе находятъ чрезвычайную глубину въ характерѣ Мордоплюева; мы видимъ въ немъ только глупое и необразованное лицо, человѣка, который не можетъ любить глубоко и искренно, потому-что влюбляется въ первое, вошедшее въ лавку, смазливое личико, и, не справясь ни о характерѣ, ни о взаимности любимой особы, прямо бухъ къ ней въ домъ съ предложеніемъ руки и капиталовъ. Разочарованіе его не можетъ быть глубоко: смазливыхъ дѣвочекъ много; не на этой, такъ на той женится. Это вовсе не то, что прикащикъ у г. Островскаго, который съ дѣтства привыкъ къ дочери своего хозяина и имѣлъ случай понять и оцѣнить ея прекрасную душу. Но, не доискиваясь глубокихъ идей и *новаго слова* въ пьесѣ г. Красовскаго, скажемъ, что это очень недурное сценическое произведеніе, въ которомъ есть содержаніе и много очень удачныхъ подробностей. Мы не упомянули о нѣкоторыхъ вводныхъ лицахъ, которыя, между тѣмъ, очень вѣрно нарисованы. Таковы торговка-сваха, Феодосія Антоновна, и старая гостиноворская крыса, Евсей Прохорычъ, прикащикъ Мордоплюева, который по части торговли все *произошелъ*, и хотя не можетъ обойтись безъ того, чтобъ не стянуть чего-нибудь у хозяина, однакожь преданъ ему чистосердечно. «Стянуть—ничего; для-чего не стануть! Только надоть, чтобъ по книгамъ все начисто было». Эти два лица отдѣланы особенно хорошо въ пьесѣ. Фейерверкеръ Сандаракъ нарисованъ немножко каррикатурно, и послѣднія его сцены—чистый фарсъ и притомъ фарсъ не самаго высшаго разбора.

Комедія была исполнена на нашей сценѣ довольно дружно. Женскія роли все вообще вылились прекрасно; особенно хороша была г-жа Линская, въ роли торговки. Что касается до мужскихъ ролей, то исполненіемъ ихъ нельзя быть слишкомъ довольнымъ. За исключеніемъ г. Григорьева 1, который изъ Сандаракъ умѣлъ создать очень забавнаго и правдоподобнаго оригинала, почти все лица невольно поняли свои характеры. Г. Марковецкій въ роли Перетычкина изобразилъ очень обыкновеннаго льва: въ немъ слишкомъ мало видны промотавшіяся *кутило-купчикъ*. Г. Григорьевъ 2 черезчуръ добродушенъ и чувствителенъ

въ роли прикащика Евсея Прохорыча. Побольше грубости придало бы характеру больше рельефа. Г. Бурдинъ началъ роль главнаго героя Мордоплюева очень просто и естественно; но, съ минуты его преобразованія въ франта, впалъ въ фарсъ.

Кромѣ этихъ пьесъ, и мѣющихъ неотъемлемое достоинство, прошли по сценѣ нѣсколько новыхъ пьесъ разныхъ авторовъ, въ томъ числѣ двѣ г. Каратыгина и одна г. Григорьева. «Дядюшка на трехъ ногахъ» г. Каратыгина—повтореніе переизбитой тѣмы переодѣваній на сценѣ; одно лицо принимаютъ за другое, другое за третье, и такъ далѣе. Есть нѣсколько сценъ qui pro quo, довольно забавныхъ, хотя не новыхъ—и только. Что касается до другой пьесы того же автора, то это передѣлка водевиля «Le misantrophe et l'Auvergnat» въ «Коломенскаго Диогена, но передѣлка довольно удачная, не смотря на то, что характеры французскаго водевиля вовсе не ложатся въ русскіе нравы.

Изъ всѣхъ этихъ бездѣлицъ наибольшій успѣхъ имѣла пьеса, явившаяся на сцену безъ всякихъ претензій на безсмертіе, именно «Ворона въ павшихъ перьяхъ», г. Крестовскаго. Это шутка, но очень смѣшная, не остроумная, но и безъ всякихъ притязаній на остроуту. Это русскій quodlibet изъ народныхъ пѣсенъ и забавныхъ сценъ. Мы даемъ его натурою нашимъ читателямъ и потому не рассказываемъ его содержанія. Пьеса была разыграна мастерски.

Между нами, господа: въ пьесѣ этого же названія имѣлъ успѣхъ только одинъ слѣдующій куплетъ:

»Между нами»—по секрету
Сообщается всегда,
А всему извѣстно свѣту,
Что такое значить это:

«Между нами, господа.»
Мужъ старикъ, жена прекрасна
И умна, и молода,
Говорятъ: живутъ согласно,
А взглядѣтся безиррастрино...
Между нами господа!..

Вотъ вамъ денди—у Бореля
Пьетъ шампанское всегда,
Пьетъ, какъ корюшекъ, форели...
Какъ богатъ онъ!.. а на дѣлѣ —
Между нами господа!

И съ писателемъ бываетъ
 Та же самая бѣда:
 Для журналовъ сна не знаетъ...
 Что-жь за это получаетъ?..
 Между нами господа!

Перечестъ все, такъ куплета
 Мнѣ не кончить никогда.
 Все, что мнѣ извѣстно—спѣто,
 А что вамъ извѣстно—это...
 Между вами господа!..

Января 6-го былъ торжественный спектакль въ Александринскомъ театрѣ. Давали, нарочно къ случаю написанное г. Кукольниковъ, драматическое представление «*Морской праздникъ въ Севастополь*». Дѣло идетъ о нашихъ побѣдахъ: о синопскомъ сраженіи и о подвигахъ нашего флота. Чувства, выраженные въ этой пьесѣ и раздѣляемые цѣлою Россією, избавляютъ ее отъ всякаго разбора. Мы заносимъ только въ нашу лѣтопись ея громадный успѣхъ. Декораціи въ этой пьесѣ превосходны. Видъ Синопекаго рейда, со взрывомъ корабля, и видъ Севастополя, днемъ и ночью, во время иллюминаціи, дѣлаютъ величайшую честь гг. декораторамъ Шастову и Вагнеру. Чтобъ читатели имѣли возможность понять, какъ пьеса эта должна была дѣйствовать на зрителей, приводимъ здѣсь изъ нея разсказъ о синопскомъ дѣлѣ.

КИРИЛО ГРИГОРЬЕВИЧЪ (*штабъ-офицеръ*). Встало незабвенное утро 18-го ноября! Часу, этакъ, въ десятомъ, сильный вѣтеръ набѣжалъ. Будто шепчетъ: «я за вами!» Мы всё такъ и глядимъ на корабль «Императрица Марія». Тамъ Павелъ Степановичъ! Ура, мигнулъ и пошли наши лебеди, знаете, точно въ польскомъ, дамы и кавалеры разошлись... «Императрица Марія», «Великій Князь Константинъ» и «Чесма», справа, а «Парижъ», «Три Святителя» и «Ростиславъ» слѣва; а фрегаты Кулевчи и Кагуль, будто дѣти, поодаль на рейдѣ подъ парусами остались...

МАРТЫНЪ (*старый матросъ деньщикъ*). За что-же это! За что ихъ обижаютъ!

КИРИЛО ГРИГОРЬЕВИЧЪ. Туманъ, дождикъ! За полмили, не больше открылась турецкая эскадра. Здравствуйте, господа! Что вы тутъ дѣлаете? Какъ вы смѣете? Вонъ съ моря!.. И Павелъ Степановичъ легъ прямо противу вице-адмиральскаго корабля и 12-ти пушечной батареи,

а Ѳедоръ Михайловичъ на Парижъ, — возлѣ; за ними улеглись и другіе... Не успѣли съ адмиральскаго корабля якорь отдать...

ИПОЛИТЬ (*молодой морской офицеръ*)

И море застонало;
Изъ пятисотъ орудій Турокъ грянуль;
Рангоутъ терпѣль; мы вытянули шпрингъ, —
И русскій флотъ заговорилъ по-русски!..
И первый Генераль нашъ Адмираль,
Корабль, вѣнчаный именемъ любезнымъ,
Въвчался первой славой! Въ пять минутъ
Срылъ батарею съ берега.

МАРТЫНЪ.

Мъшала!

ИПОЛИТЬ.

Фрегатъ турецкій, въ пятьдесятъ орудій,
Огнемъ губительнымъ на воздухъ поднялъ
И бросилъ на Синопъ.

МИХАИЛЬ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ (*старый однорукий адмираль*).

На, знай, невѣрный,

Какъ русскій Царь казнить за вѣроломство!

(*Оглядывается на портретъ Лазарева*).

Что Михаилъ Петровичъ! слышалъ, видѣлъ?..

КИРИЛО ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Съ Парижа тоже бомбами взорвали
Другой фрегатъ и бросили на городъ.
Во-истину, то была казнь, не битва!
Какъ-будто фейерверкъ, съ огнемъ и гуломъ,
Летали ядра, бомбы и гранаты..
Синопъ пылалъ; На рейдѣ—три фрегата,
Какъ свѣчи предъ покойникомъ, горѣли...—
Нахимовъ прекратилъ пальбу. Довольно!
Теперь и сами догорѣть съумѣютъ.
И пушки русскія, какъ львы, замолкли
И, лежа смирно, на пожаръ глядѣли.

МИХАЙЛО АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Побоище, не битва! Молодцы!

ИППОЛИТЪ.

Ужъ точно правда! На Синопскомъ рейдѣ,
Отъ транспортовъ торчали только мачты;
Турецкій пароходъ забился въ уголь
И на мели торчалъ, какъ на булавкѣ...

КИРИЛО ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Корветы мы фрегатамъ подарили;
Сожгите, аль разбейте!..

МИХАЙЛО АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Что-жь?

КИРИЛО ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Сожгли.

МАРТЫНЪ.

На что намъ ихъ! Есть и своихъ довольно!

ИППОЛИТЪ.

Межъ пльвниковъ сыскали и начальство:
Османъ-Паша, турецкій адмиралъ,
Два командира кораблей, команда...

МИХАЙЛО АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Постойте! Я не успеваю слушать! (*опираясь*)
Ну, дальше, дальше, Поля, я готовъ!

ИППОЛИТЪ.

Тутъ подоспѣлъ Владиміръ Алексѣвичъ.
Съ нимъ пароходы: Херсонесъ, Одесса
И Крымъ; они ловили дезертера...
То былъ Танфъ, турецкій пароходъ,
Съ утра еще расчелъ, что будетъ жутко..
Давай Богъ ноги! Догонять! — Куда!
Трусъ, въ двадцать пушекъ, а бѣжалъ, какъ заяцъ!

МИХАЙЛО АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Ушелъ!

ИПОЛИТЪ.

Ушелъ!

МИХАЙЛО АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Ахъ, Богъ мой, какъ досадно!

МАРТЫНЪ.

Да вамъ что, мало, что-ли! Пусть бѣжить!
Вѣдь надо-же кого-нибудь курьеромъ
Послать въ Константинополь—и послали!

КИРИЛО ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Одинъ фрегатъ турецкій Даміэдъ
И загорѣлся не успѣлъ.—Что толку!
Весь искалѣченъ, какъ мишень разстрѣлянъ;
Команду полтораэта человѣкъ
Убрали, а корабль сожгли, для счета...

МИХАЙЛО АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Что-же Турки?

ИПОЛИТЪ.

Не могу безъ смѣха вспомнить!
Послалъ Нахимовъ въ городъ офицера:
Велѣлъ имъ объявить, что, если ночью
Изъ крѣпости осмѣлятся стрѣлять,
Такъ онъ Синопъ пошлетъ на дно морское!

МИХАЙЛО АЛЕКСАНДРОВИЧЪ (обращаясь къ пор-
трету Лазарева).

Слышь, Михаилъ Петровичъ!.. Что-же турки?

ИПОЛИТЪ.

Что! Офицеръ пріѣхалъ, обошелъ
Весь городъ: ни души, какъ-будто вымеръ.

МИХАЙЛО АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Куда-жъ они дѣвались?

ИПОЛИТЪ.

Разбѣжались!

И надъ пустою столицей Митридата,
Объятой пламенемъ и страхомъ казни,
Стоялъ нашъ флотъ—съ опущенной сѣкирой!

КИРИЛО ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Мы оттянулись къ вечеру подальше;
И улеглись! Пошелъ побѣдный пиръ!
На русское сердечное ура,
Изъ раскалившихся турецкихъ пушекъ
Сами собой выскакивали ядра,
И прыгали безмысленно по рейду...
Суда, пылая, какъ самоубійцы,
Сами себя на воздухъ подымали!
Смотрѣть намъ было жалко и смѣшно...
Гдѣ сильная турецкая эскадра,
Тринадцать кораблей, пятьсотъ орудій,
Казна, войска, оружіе, запасы?
Смели, какъ соръ, съ Синопскаго заява!
Мы праздновали громкую побѣду;
А тамъ, вдали, какъ-будто по заказу,
На опустѣвшемъ рейдѣ и въ Синопѣ,
Намъ въ честь иллюминація пылала.

МИХАЙЛО АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Спасибо вамъ, друзья! Гангуль, Чесма,
Вотъ вамъ сестра, Синопская побѣда!
Безсмертную исторію страницу
Вы Государю честно написали!
Вотъ Михайль Петровичъ, барельефъ,
Для памятника твоего достойный!
Мужайся, старецъ! Силы убѣгаютъ...
На парусахъ душа летитъ въ восторгъ
По свѣту цѣлому. Глупцы, что взяли?
Бѣснуйтесь, въ зависти своей безумной!
Мы, во святомъ смиреніи, ницъ падемъ
Предъ Тѣмъ, Кто судить и казнить народы!

(Преклоняетъ колѣна; все спѣшатъ поднять его).

Мартынь! вина, вина! Друзья берите чары!
 Великій флотъ, вѣнчаный свѣжимъ лавромъ,
 Вся Русь тебя, отъ мала до велика,
 Съ Синопскою побѣдой поздравляетъ.

ВСѢ.

Ура!

МИХАЙЛО АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Гуляй, орловъ непобѣдимыхъ стая,
 Шуми, шуми, побѣдными крылами.
 Великій флотъ, флотъ русскій, здравствуй, здравствуй!

ВСѢ.

Ура!

Въ этой пьесѣ, кромѣ красотъ, въ родѣ приведенной, есть важная національная заслуга: въ ней отдана достойная почесть памяти человѣка заслуженнаго, благороднаго и дорогаго для Россіи—Михаила Петровича Лазарева.

Ф. К.

2. РАШЕЛЬ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

(Статья третья).

Баязетъ.—Первое представленіе этой трагедіи при Расинѣ и критики его времени.—Сцены въ театрѣ.—Историческое основаніе трагедіи.—Судьба братьевъ султана въ Турціи.—Варварскіе обычаи.—Севилье и Вольтеръ.—Расинъ-сатирикъ.—Характеръ Акомата.—Роксана.—Воспоминаніе о Корнельѣ.—Любовь Аталиды и Баязета.—Какъ турки пишутъ любовныя записочки.—Неужелый эффектъ.—Окончаніе трагедіи прежде конца.—Костюмъ Роксаны.—*Венеціанская актриса*.—Содержаніе драмы.—Значеніе ея и несообразности.—Реакція романтизма.—Цѣль пьесы и драмы вообще, по словамъ автора.—Исполненіе пьесы.—Ф-жа Вольнисъ.—Рашель въ роли Тизбы.

Едва отдохнувъ отъ высокопарной галиматіи *Андромахи*, мы принуждены были смотрѣть великолѣпный вздоръ *Баязета*. Эта трагедія показала еще нелѣпѣе оттого, что была дана велѣдъ за Адриеной Лекуврёръ. Публика приняла эту дикую исторію съ замѣтнымъ неодобреніемъ; въ послѣдніе абонементы пустыхъ мѣстъ было довольно въ театрѣ. Изъ всѣхъ трагедій въ этой пьесѣ Рашель менѣе всего понравилась зрителямъ. Роль ея до того пуста и неестественна, что не оставила никакого впечатлѣнія.

Баязета давали въ первый разъ въ Парижѣ въ 1672 году, 4 января, въ понедѣльникъ. Трагедія не имѣла блистательнаго успѣха. Записки того времени не восторгаются передъ ней, какъ передъ Авророй. Эль-де-бѣфскія хроники восхищаются болѣе актрисой Шанмеле въ роли Роксаны, нежели пьесою. Можетъ быть, причиною равнодушія парижской публики было то, что Баязета дали почти накацуи отправленія арміи на войну, объявленную Голландіи. Зала театра была наполнена офицерами въ походномъ костюмѣ. Въ сапогахъ со шпорами, съ тяжелой шпагой при бедрѣ сидѣли они, закутавшись въ плащи, какъ будто ожидая, что ихъ вызоветъ изъ театра военная тревога. На сценѣ нѣкоторые изъ знаменитостей: Вильруа, Лафельадъ, де Гишъ, Люксанбуръ, сильно пообѣдавши въ этотъ день съ своими товарищами у герцога Лонгвиля, шумѣли и разговаривали такъ громко, что заглушали актеровъ. Расинъ только кланялся знаменитостямъ; въ это время онъ былъ уже скорѣе льстецомъ, чѣмъ поэтомъ. Дамы очень негодовали на подгулявшую молодежь, которая мѣшала слушать пьесу. «Я буду цѣлыя сутки сердиться на нихъ», вскричала одна изъ дамъ. «Скажите: цѣлый день, это будетъ правильнѣе», отвѣчалъ графъ де Граммонъ.

Расинъ вывелъ на сцену почти современное происшествіе. Въ 1638 году султанъ Амуратъ V велѣлъ задушить своего брата Баязета. Кровавая политика сераля требовала этой жертвы. По закону Солимана, братья султановъ осуждались на вѣчное заключеніе въ гаремъ. Преемники его, боясь дворцовыхъ смуть и заговоровъ въ пользу этихъ бѣдныхъ жертвъ шаткаго закона о престолонаслѣдіи, брали обыкновенно свои мѣры предосторожности противъ враждебныхъ замысловъ, ослѣпляли братьевъ, изувѣчивали, или просто убивали. Амуратъ послѣдовалъ этому варварскому обыкновенію, которое произвело однакоже большое впечатлѣніе въ Европѣ, начинавшей понимать, что событія и обычаи въ этой жалкой имперіи слишкомъ рѣзко противорѣчатъ духу справедливости и человѣколюбія. Не прошло еще двухсотъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ орда дикихъ завоевателей покорила Византійскую имперію—и въ это непродолжительное время Европа видѣла въ Константинополѣ столько возмутительныхъ злодѣйствъ и кровавыхъ переворотовъ, что всякое новое преступленіе если не удивляло Европу, то по-крайней-мѣрѣ ясно говорило, что эти фанатическіе варвары—аномалія среди благастроенныхъ, христіанскихъ государствъ.

Въ предисловіи къ *Баязету* Расинъ говоритъ, что заимствовалъ главныя черты своей пьесы изъ разсказа французскаго посланника въ Константинополѣ, графа Сези. Не думаемъ, чтобы въ Турціи существовали

когда-нибудь лица, похожія на Расиновыхъ: Роксану, Баязета и Аталиду. Вся эта пьеса, съ первой сцены до послѣдней—сцѣпленіе невозможностей, невѣроятностей, нелѣпостей. Главныя лица трагедіи не только не Турки и не Французы въ чалмахъ и шальварахъ, но даже и не люди, потому—что поступаютъ и говорятъ несообразно съ здравымъ смысломъ и законами человѣческой природы. Надо быть Лагарпомъ, чтобы восхищаться въ этой пьесѣ вѣрностью мѣстнаго колорита. Что трагедія правилась жеманной и приторной Севинье, это не удивительно, точно также, какъ и то, что она правилась Вольтеру. Похвалы фернейскаго критика точно также подозрительны, какъ и порицанія. Ему нерѣдко случалось бранить не только хорошія, но гениальныя произведенія (вспомнимъ, какъ онъ бранилъ Шекспира) и хвалить плохія, чтобы еще выше поставить собственные произведенія. Вольтеръ имѣлъ, впрочемъ, еще особенную причину расхваливать *Баязета*, написавъ весьма похожую на него пьесу—*Зулимю*, которая, несмотря на всѣ старанія автора, упала торжественно. Во время Вольтера публика была строже и не могла уже переварить втораго приѣма того же Баязета, подслащеннаго Вольтеромъ.

Если одинаковое занятіе рождаетъ часто зависть между соперниками, *jealousie de metier*, то, съ другой стороны, лица, пишущія въ одномъ и томъ же родѣ, употребляютъ иногда и другую стратегему: хвалить своего соперника для того, чтобы возвысить во мнѣніи публики тотъ родъ произведеній, который они выбрали. Такъ Буало говорилъ, что у Расина гораздо болѣе сатирическаго дарованія, чѣмъ у него самого и доказывалъ это четырьмя стихами Баязета.

L'imbécile Ibrahim, sans craindre sa naissance,
 Traîne, exempt de péril, une éternelle enfance:
 Indigne également de vivre et de mourir,
 On l'abandonne aux mains qui daignent le servir.

Стихи, пожалуй, недурны, но найти только *четыре* стиха во всѣхъ трагедіяхъ Расина и называть его за это превосходнымъ сатирикомъ, не значитъ ли косвеннымъ образомъ указывать на свои собственные заслуги въ сатиру?...

Въ наше время, мы находимъ въ Баязетѣ только хорошіе стихи, и то взятые отдѣльно, потому—что довольно вспомнить, что ихъ говорятъ турки, чтобы найти неестественными и даже смѣшными. Сдѣлаемъ бѣглый обзоръ хода всей пьесы, не останавливаясь на подробностяхъ, какъ дѣлали это для другихъ трагедій. Баязетъ не стоитъ подробнаго разбора.

Трагедія начинается разговоромъ великаго визиря Акомата и его наперсника Османа. Въ этомъ разговорѣ *двадцати двѣнадцать* стиховъ; изъ нихъ хороши тѣ, въ которыхъ Акоматъ описываетъ отношенія визирей къ султанамъ и свои собственные къ Амурату и Баязету:

Un visir aux sultans fait toujours quelque ombrage.
 A peine ils l'ont choisi qu'il craignent leur ouvrage:
 Sa dépouille est un bien qu'ils veulent recueillir
 Et jamais leurs chagrins ne nous laissent vieillir.
 Bajazet aujourd'hui m'honore et me caresse,
 Ses périls tous les jours réveillent sa tendresse:
 Ce même Bajazet, sur le trône affermi,
 Méconnaîtra peut-être un inutile ami.
 Et moi, si mon devoir, si ma foi ne l'arrête,
 S'il ose quelque jour me demander ma tête...
 Je ne m'explique point, Osmin, mais je prétends,
 Que du moins il faudra la demander longtems

Довольно вѣрно также то, что Османъ говоритъ объ янычарахъ. Все остальное, то есть вся экспозиція пьесы—верхъ нелѣпости: передача Амуратомъ верховной власти Роксанѣ, при его отъздѣ на войну съ персами, любовь Роксаны къ брату султана—Баязету, ихъ свиданія, выборъ въ повѣренныя ея любви принцессы Аталиды, которая

Du prinçe en apparence reçoit les vœux,
 Mais elle les reçoit pour les rendre à Roxane,—

свободный доступъ въ сераль всемъ этимъ лицамъ—все это до того неправдоподобно, что не стоить опроверженія. Является Роксана съ Аталидою и двумя рабынями—наперсницами: Запрою и Затпмою. Она готова провозгласить султаномъ Баязета и свергнуть Амурата съ престола, но требуетъ, чтобы этотъ *любезный принцъ* прежде женился на ней, и зоветъ его для объясненія по этому интересному дѣлу. Объявивъ, чтобы онъ готовился къ этому свиданію, Роксана уходитъ и зритель узнаетъ изъ разговора Аталиды со своею наперсницею, что принцесса, передавая страстные посланія отъ султанши къ принцу, сама воспыкала къ нему страстью и онъ также возгорѣлъ оною обоюдно, изъ чего выходитъ, что оба они немножко надуваютъ Роксану. У Рашели въ этомъ актѣ нѣтъ ни одного сколько-нибудь рельефнаго стиха.

Знаменитое объясненіе происходитъ въ началѣ втораго акта. Рашель читаетъ превосходно слѣдующіе стихи:

Bajazet; écoutez, je sens que je vous aime,
 Vous vous perdez; gardez de me laisser sortir.

Le chemin est encore ouvert au repentir.
 Ne désespérez point une amante en furie!
 S'il m'échappait un mot c'en est fait de votre vie.

На это нецеремонное признаніе Баязеть отвѣчаетъ, что жениться ему неприлично, что это не водится, и вѣроятно, растерявшись, наконецъ говоритъ даже совершенный вздоръ, который выводитъ изъ терпѣнія Роксану; она уходитъ, сказавъ вошедшему Акомату, что признаетъ опять власть Амурата. Акоматъ справедливо замѣчаетъ, что Баязеть поступаетъ нелогично и что нѣтъ никакой причины отказываться отъ любви султанши. Баязеть упрямя, и твердитъ, что это будетъ подлость (*une lâcheté*), что онъ не хочетъ быть:

Chargé malgré moi du nom de son époux.

Вообще онъ говоритъ очень высокимъ слогомъ и, какъ образованный принцъ, видѣвшій, вѣроятно, когда-нибудь на турецкомъ театрѣ трагедію турецкаго писателя Корнеля—*Гораціи* (*Les Horaces*), цитируетъ изъ нея цѣлый стихъ:

Peut-être je saurais dans ce désordre extrême,
 Par un beau désespoir me secourir moi-même.

У Корнеля старый Горацій говоритъ конечно:

Ou qu'un beau désespoir alors le secourût, —

но небольшое измѣненіе не мѣняетъ смысла стиха. Визирь не убѣждается однакоже стихами Корнеля и совѣтуетъ Баязету поступить гораздо проще: обшачь Роксанѣ все, чего она хочетъ, а потомъ обмануть ее. Онъ высказываетъ эту несовсѣмъ хорошую мысль хорошими стихами.

... Ne rougissez point: le sang des Ottomans
 Ne doit point en esclave obeir aux serments.
 Consultez ces héros, que le droit de la guerre
 Mena victorieux jusqu'au bout de la terre.
 Libres dans leur victoire et maitres de leur foi,
 L'intérêt de l'Etat fut leur unique loi;
 Et d'un trone si saint la moitié n'est fondée,
 Que sur la foi promise et rarement gardée.

Эти доводы турецкой политики не трогаютъ добродѣтельнаго принца, который все-таки обманывалъ Роксану, скрывая отъ нея, что любить Аталду, и, оставшись съ нею наединѣ, онъ продолжаетъ говорить тотъ же

сантиментальный вздоръ, который, по счастію, публика не слушаетъ, смотря по ложамя, или любуясь на прекрасный халатъ господина Рафаэля-Феликса.

Въ третьемъ актѣ мы узнаемъ, что Аталида приказала Баязету согласиться на желаніе Роксаны, а сама плачетъ объ этомъ. Это до того поражаетъ Баязета, что онъ очень холодно принимаетъ Роксану и уходитъ «ожидать послѣдствій ея расположенія». Роксана не понимаетъ рѣшительно ничего изъ поступковъ Баязета и зрители вполне раздѣляютъ ея мнѣніе. Является испуганная наперсница и извѣщаетъ, что явился еще посолъ отъ Амурата.

Né sous le ciel brulant des plus noirs Africains.

Роксана не пугается однакоже этого посла, «рожденного отъ самыхъ черныхъ африканцевъ» и отправляется узнать, зачѣмъ онъ явился. И въ этомъ актѣ Рашель не произвела никакого впечатлѣнія.

Четвертый актъ начинается тѣмъ, что интересная Аталида читаетъ нѣжную записку (un roulet) своего возлюбленнаго, написанную въ родѣ мадригаловъ Бенсерада, Сен-Желе или Вуатюра. Увидя входящую Роксану, она прячетъ записочку за пазуху. Роксана входитъ также съ записочкой, только другаго рода и, подозрѣвая уже свою соперницу, сообщаетъ ей, что самый черный африканецъ привезъ непріятный сюрпризъ для Баязета: приказаніе отрубить ему голову. Аталида отъ этого извѣстія, конечно, сомѣла. Роксана приказываетъ ее отнести въ другую комнату, находя, что тутъ ей неприлично лежать въ обморокъ. Наперсница же Роксаны вскорѣ возвращается и рассказываетъ, какъ она старалась привести въ чувства Аталиду:

Vos femmes dont le soin à l'envi la soulage,

Ont découvert sont sein pour leurs donner passage (aux soupirs)

и при этомъ случаѣ нашлась роковая записочка. Роксана, читая ее, выходитъ изъ себя и осыпаетъ Баязета сильными непохвалами. У Рашели много огня и жара въ этихъ упрекахъ, но намъ гораздо болѣе понравились два грустные стиха, сказанные ею съ большимъ чувствомъ:

Avec quelle insolence et quelle cruauté

Ils se jouaient tous deux de ma crédulité!

Она говоритъ вошедшему Акомату, что Баязетъ измѣнникъ и умретъ непремѣнно. Акоматъ опять-таки ровно ничего не понимаетъ сби-

рается все-таки попробовать низвергнуть Амурата, хотя-бы это стоило жизни. Османъ, какъ водится, собирается умереть вмѣстѣ съ нимъ.

Въ пятомъ актѣ Роксана ждетъ къ себѣ на свиданіе Баязета, чтобъ въ послѣдній разъ повторить ему предложеніе своей руки и въ то же время говорить своей наперсницѣ, что если она вышлетъ его, то за дверью ждутъ его, чтобъ задушить. Является Баязеть, и все еще оправдывается въ любви къ Аталидѣ, что не только неблагородно, но даже глупо. Только письмо его, показанное Роксаною, заставляетъ его сдѣлать позднее и уже вовсе ненужное признаніе. Онъ продолжаетъ однакоже уговаривать ее, но она прерываетъ его однимъ оловомъ: *Sorgetez!* Это окончаніе сцены было бы очень хорошо, еслибъ сначала ея Роксана говорила не такъ много и не дѣлала напрасныхъ упрековъ. Замѣтимъ также, что тутъ Рашель напрасно прибѣгаетъ къ излишнему эффекту. Во время послѣдняго монолога Баязета, она вынимаетъ кинжалъ, роняетъ его и потомъ поднимаетъ — къ чему все это? Мы убѣждены, что знаменитая артистка сама нашла ненужнымъ это движеніе и, конечно, оставить его. Это доказываетъ слѣдующее обстоятельство. Мы три раза видѣли Баязета. Въ первый разъ Рашель вынула кинжалъ, уронила его и подняла, во второе вынула, уронила, но не поднимала, въ третье вынула, но не роняла. Остается наконецъ только вовсе не вынимать и тогда все будетъ хорошо.

Приходъ Аталиды и длинный монологъ ея безъ всякой необходимости растягиваютъ сцену. Въ концѣ ея Рашель удивительно говоритъ два стиха:

*Loin de vous séparer je prétends aujourd'hui
Par des noeuds éternels vous unir avec lui.*

Является наперсница и объявляетъ, что Акомать съ толпою приверженцевъ ворвался въ сераль. Роксана идетъ наказывать дерзкаго и, послѣ ея ухода, поднимается, по заведенному порядку, вся публика, насколько не заботясь о томъ, что пьеса еще не кончена, что послѣ этого приходитъ еще Акомать, порывающійся спасти Баязета, приходятъ Запра и Османъ, рассказывающіе о смерти Баязета и Роксаны, убитой все тѣмъ же «самымъ чернымъ африканцемъ», котораго не даромъ испугалась наперсница и который сдѣлалъ это по повелѣнію Амурата. Эта неожиданная смерть, какъ вѣрная черта турецкихъ нравовъ, была-бы очень эффектна на сценѣ; но когда объ ней рассказываютъ, до нея нѣтъ никакого дѣла. Затѣмъ еще Акомать бѣгствомъ спасается, Аталида закалается, Запра сокрушается и съ нею умереть собирается, наконецъ занавѣсъ опускается, и отъ всей трагедіи только страшно зѣвается.

Объ исполненіи трагедій не говоримъ ничего. Хорошо сыграть подобный вздоръ невозможно. Мы уже замѣчали, что сама Рашель была слабѣе въ Баязетѣ, нежели во всѣхъ прочихъ игранныхъ ею пьесахъ. Странно также, что она играла у насъ Роксану въ костюмѣ очень эффектно, блестящемъ удивительными брильянтами, но не только не историческомъ, а даже маскарадномъ: платье со шлейфомъ никакъ не идетъ къ костюму султанши. Всѣмъ извѣстенъ портретъ ея въ роли Роксаны, такъ-какъ она играла эту роль въ Парижѣ. На портретѣ Рашель изображена въ короткомъ кафтанѣ, доходящемъ до колѣнъ, и въ широкихъ шальварахъ. Отчего у насъ не хотѣла она выдти на сцену въ этомъ вѣрномъ и живонисномъ костюмѣ?

Шестую пьесую, въ которой знаменитая артистка показала петербургской публикѣ, была извѣстная драма Виктора Гюго: *Венеціанская актриса* (Angelo), несходящая съ нашей французской сцены и часто играемая на русской. Мы упоминали о ней въ отчетѣ о представленіяхъ нашей французской труппы въ прошломъ сезонѣ. Содержаніе ея слишкомъ извѣстно, чтобъ о немъ распространяться. Пьеса переведена и напечатана по-русски. Падуанскій подеста Анджело любитъ актрису Тизбу. Любовь эта, впрочемъ, выражается довольно холодно и обнаруживается только въ началѣ пьесы, потому-что необходима для завязки. Тизба не любитъ Анджело, а любитъ Родольфа, который, въ свою очередь, не любитъ Тизбы, а любитъ Катарину Брагадини, жену Анджело, которую выдали насильно за подесту и которая давно уже любила Родольфа. Въ эту-же Катарину влюбленъ сбирь, шпионъ Совѣта Десяти, Гомодеи; и чтобъ отмстить ей за то, что она его отвергнула съ презрѣніемъ, онъ даетъ средства Родольфу видѣться съ Катариною и въ то же время увѣдомляетъ объ этомъ свиданіи Анджело и Тизбу. Тизба въ особенности хочетъ погубить свою соперницу, но въ ту минуту, когда она зоветъ Анджело и бѣдная Катарина молится передъ крестомъ, на ея налоѣ, Тизба узнаетъ, что этотъ крестъ принадлежитъ ея матери, отдавшей его на память молодой дѣвочкѣ, спасшей ея однажды отъ смерти. Въмѣсто мщенія, Тизба хочетъ теперь спасти Катарину и сначала оправдываетъ ее въ глазахъ Анджело; но тотъ узнаетъ все-таки отъ Гомодеи, котораго убиваетъ Родольфъ, что Катарина любитъ одного молодого человѣка. Сбирь не успѣваетъ только сказать, кого именно. Анджело обѣщаетъ оставить жизнь Катаринѣ, если она назоветъ этого человѣка. Та отказывается; тогда Анджело отравляетъ ее ядомъ, доставленнымъ Тизбою. Въмѣсто яда Тизба даетъ однакоже Катаринѣ сонный порошокъ, подкупаетъ слугъ и велитъ перенести безчувственную Тизбу къ себѣ въ комнаты, приготовивъ все къ побѣгу ея съ Родольфомъ. Но тотъ

думая, что ее отравила Тизба, убиваетъ актрису въ то самое время, когда Катарина просыпается, какъ Джульетта, отъ наркотическаго напитка.

Вотъ все содержаніе драмы, представленной въ первый разъ въ Парижѣ въ 1835 году, на сценѣ Французскаго театра. Пьеса нравилась и тамъ и у насъ, на русской и французской сценѣ. Надобно признаться, однакоже, что драма эта устарѣла для нашего времени, хотя ей нѣтъ еще и двадцати лѣтъ. Всѣ эти убійства, отравленія, возвращенія къ жизни, подслушиванія у дверей, потаенные ходы, сбирь, кинжалы, яды, проклятія,—все это не восхищаетъ и даже не занимаетъ насъ, какъ восхищало въ тридцатыхъ годахъ, въ эпоху, когда романтизмъ уничтожалъ рѣшительно и окончательно устарѣвшія формы классицизма, защищавшагося однакоже довольно упорно. Въ ту эпоху всякая пьеса въ родѣ *Анджело*, была новою побѣдою новой школы и потому встрѣчалась съ восторгомъ; романтическая реакція выражалась и обрисовывалась довольно рѣзко и, принявъ наступательное положеніе, бросала стрѣлы свои гораздо дальше цѣли. Какъ всякая реакція, романтизмъ вскорѣ-же впалъ въ другую крайность, и надо сознаться, что *Анджело* принадлежитъ именно къ этой крайности; общечеловѣческихъ чувствъ и характеровъ въ этой пьесѣ очень мало; все исключительно, рѣзко, высказано жестко, составлено угловато. Самый языкъ драмы, цвѣтистый и поэтическій, въ то-же время не отличается простотою и ясностью; въ немъ много изысканнаго и натянутаго. Если въ 1549 году, во время управленія Дожа Франческо Донато, и могли случаться въ Венеціи и подвластныхъ ей городахъ подобныя кровавыя событія, то, во всякомъ случаѣ, лица, дѣйствовавшія въ этихъ событіяхъ, не говорили такимъ языкомъ. Если *Анджело* могъ убить свою жену, а Тизба могла желать умереть, то Родольфъ ни въ какомъ случаѣ не могъ убить Тизбу, не разспросивъ и не разузнавъ напередъ хорошенько о томъ, она-ли убила Катарину. *Анджело*, совершивъ преступленіе, не могъ поступить такъ неосторожно, поручивъ хоронить Катарину другимъ лицамъ и, не присутствуя при этомъ, онъ не могъ не имѣть при себѣ яда, не могъ оставить безнаказаннымъ Родольфа и могъ легко найти его. Гомодей долженъ былъ прежде всего увѣдомить *Анджело* о томъ, что его жена любитъ другаго и проч. и проч. Этихъ несообразностей мы можемъ найти много въ пьесѣ, основанной на однихъ эффектахъ и написанной только для однихъ эффектовъ. Это самое слабое произведеніе изъ всѣхъ драмъ Гюго, между которыми есть столько превосходныхъ, глубокихъ пьесъ.

Вотъ какъ самъ авторъ понимаетъ цѣль своей пьесы и объясняетъ ее въ предисловіи.

«Поставить другъ противъ друга въ положеніе, основанное на чув-

ствахъ сердца, двѣ строгія и страдальческія фигуры: женщину въ обществѣ, женщину внѣ общества, то-есть два живые типа всѣхъ женщинъ вообще. Показать этихъ двухъ женщинъ часто великодушными, всегда несчастными. Защитить одну противъ угнетенія, другую противъ презрѣнія. Объяснить, какимъ испытаніямъ сопротивляется добродѣтель одной, какими слезами омывается слабость другой. Доказать, что виновать въ этомъ всегда мужчина. Побѣдить въ этихъ двухъ избранныхъ душахъ мечь женщины — любовью дочери, страсть къ любимому существу — любовью къ матери, ненависть — самопожертвованіемъ, увлеченіе — долгомъ. Противъ этихъ двухъ женщинъ поставить двухъ мужчинъ — Анджело и Родольфа, подесту и изгнанника * и осуществить въ нихъ тысячью второстепенныхъ развитій всѣ сношенія, какія можетъ имѣть человѣкъ съ женщиною и обществомъ. И потомъ, внизу этой группы, которая радуется и страдаетъ то мрачной, то восторженной, не забыть завистника, котораго мы находимъ всегда и всюду, вѣчнаго врага всего, что лучше его, измѣняющагося иногда въ формѣ, но никогда въ существѣ: сбира въ Венеціи, евнуха въ Константинополѣ, памфлетиста въ Парижѣ. Поставить въ тѣни этого умнаго негодяя, кусающаго губы при каждой чужой улыбкѣ и который можетъ только вредить, потому что для него закрыты всѣ пути любви и открыты только пути мщенія»...

Далѣе, продолжая объяснять идею своей драмы и называя содержаніе ея чрезвычайно простымъ и правдоподобнымъ (съ чѣмъ конечно нельзя согласиться), Гюго прибавляетъ:

«Мы должны настаивать на мысли, что театръ — школа, въ которой зритель поучается. Драма должна давать идеямъ форму, поэзіи — мускулы, кровь и жизнь, мыслящимъ лицамъ — объясненіе, жаждущимъ — утоленіе, тайнымъ ранамъ — бальзамъ, каждому — совѣтъ, всѣмъ — правила. Прежде всего должны быть, конечно, выполнены законы искусства. Интересъ, неожиданность, смѣхъ, слезы, знаніе природы и людей, хорошій языкъ — драма должна имѣть все это; но еще болѣе чѣмъ желаніе нравиться, она должна имѣть желаніе поучать. Пусть она увлечетъ васъ, но пусть и дастъ урокъ. Этотъ урокъ долженъ быть всегда въ блестящей поэтической драмѣ великолѣпно убранной въ шелкъ и въ золото, какъ въ каждой прекрасной женщинѣ есть скелетъ».

Все это совершенно справедливо, хотя и высказано немного цвѣтисто и риторически, съ антитезами и контрастами, любимыми тропами

* Страсть къ антитезамъ побудила Гюго сдѣлать своего героя изгнанникомъ изъ Венеціи, что вовсе не нужно для хода пьесы.

Гюго; но онъ и оканчиваетъ этимъ свое предисловіе, сказавъ только, что теперь публику въ театрахъ составляетъ весь народъ. Авторъ не объясняетъ, въ чемъ-же именно состоитъ идея его драмы и въ особенности, какое поученіе можно извлечь изъ нее? Думаемъ, что ровно никакого. Обстоятельства его драмы непримѣнимы ни къ какому современному обществу. Теорія поэта хороша, но на практикѣ осуществилась она слабо. Что останется отъ его труда? Нѣсколько звучныхъ фразъ, удачныхъ сравненій и мыслей, прекрасная картина венеціанскаго правительства (въ первомъ монологѣ Анджеоло), монологъ Тизбы противъ свѣтскихъ дамъ; во второмъ актѣ нѣсколько словъ Тизбы и Катарини, вырванныхъ изъ глубины души, чудная пѣсенка Родольфа:

O ma charmante
 Ecoute ici
 L'amant qui chante
 Epleure aussi,

изъ которой, поются только два куплета и поются очень плохо — вотъ и все.

Обратимся теперь къ исполненію драмы на нашей сценѣ. Кромѣ Люге, актера добросовѣстнаго и старательнаго, но очень слабого и холоднаго въ роли Родольфа, всѣ остальные роли были исполнены хорошо. Г-жа Вольнисъ играла Катарину. Еще при исполненіи этой пьесы нашею труппою, мы замѣчали, что г-жѣ Вольнисъ должно было бы помѣняться ролюю съ г-жею Плесси, игравшей Тизбу; теперь, когда Тизбу играла Рашель, мы не скажемъ этого, но все-таки остаемся при нашемъ мнѣніи, что г-жа Вольнисъ очень... опытна для этой роли. Катарина, по самой концепціи роли, существо слабое, молодое, лишенное воли и силы, кроткое, возбуждающее въ зрителѣ чувство состраданія своею безпомощностью. Намъ кажется, что г-жа Вольнисъ не осуществляетъ этого характера. Ея дарованіе не для такихъ ролей; въ ея жестахъ слишкомъ много энергій и рѣзкости, въ голосѣ мало нѣжности и гибкости. Мы не понимаемъ также, зачѣмъ г-жа Вольнисъ одѣла на голову какой-то жидовскій тюрбанъ, вмѣсто простой шапочки изъ бусъ или перловъ, головного убора замужней венеціанки XVI столѣтія?

О Рашели въ роли Тизбы мы затрудняемся высказать наше мнѣніе, хотя принятая нами обязанность заставляетъ насъ сдѣлать это. Знаемъ, что другіе не согласятся съ нами и будутъ правы съ своей точки зрѣнія, потому-что въ дѣлѣ личныхъ впечатлѣній и ощущеній собственное мнѣніе ничѣмъ не можетъ быть ни доказано, ни подкрѣплено. Если мнѣ нравится актриса, никакіе доводы критики не убѣдятъ меня,

что она нехороша, и если прекрасное въ картинѣ, статуѣ, поэмѣ не вѣрши признается одинаково безусловно, то тѣмъ труднѣе толковать о степени прекраснаго въ мимолетныхъ явленіяхъ живой рѣчи, одушевленныхъ жестахъ артистки. Рашель, конечно, не могла сыграть дурно этой роли, но была слаба въ ней. Что такое Тизба? Прежде всего женщина, любящая до самоотверженія, до того, что она умираетъ, когда видитъ, что ей не отвѣчаютъ взаимностью на эту любовь. А этой-то любви, пылкости, самопожертвованія, нѣжности, страсти, по нашему мнѣнію, нѣтъ въ Рашели. Ея любовь вѣетъ какимъ-то античнымъ спокойствіемъ, страстные движенія округляются въ пластическіе жесты, отчаяніе высказывается скульптурными позами, голосъ звучитъ ровными тонами, давно извѣстными переходами отъ тихой рѣчи къ быстрому окончанію фразы, отъ вскрикиванія къ замиранію голоса. Въ сценахъ ревности, мщенія, гнѣва, она была прекрасна, какъ всегда; въ сценахъ кокетства, нѣжности, граціи—весьма холодна; въ особенности это было замѣтно въ сценѣ, когда она выманываетъ у Анджело ключъ, отпирающій всѣ двери, и когда возвращается къ Родольфу, только-что оставивъ его, и для того только, чтобъ сказать, что любитъ его.

В. З.

III.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Новый годъ—какъ старая вещь.—Поздравленія прозою и стихами.—Римъ и Севилья въ Петербургѣ.—Рашель въ различныхъ видахъ.—Соблазняющій видъ знаменитости.—Рашель въ библиотекѣ.—Поэзія воскресаетъ.—Лавровый вѣнокъ—утка.—Прибыль въ балетѣ.—Прибыль на Александринскомъ театрѣ.—Петербургскія наслажденія.—Кто скучаетъ въ Петербургѣ и почему.—Примѣненіе электричества ко многому и послѣдствія.—Ночь въ Гренадѣ.—Опять Петербургъ.—Музыкальныя новости.—Средство сократить расходы.

Наступилъ 1854 годъ.

И не только наступилъ, а уже и идетъ. Всѣ журналы и газеты имѣли пріятный случай поздравить своихъ читателей съ Новымъ годомъ и наговорить, даже при этомъ, тысячу очень милыхъ, хотя и не новыхъ, вещей. Фельетонисты, одинъ передъ другимъ, наперерывъ старались, по мѣрѣ силъ и возможности, выказать, къ удовольствію читателей и еще болѣе своему собственному, разносторонность своихъ дарованій и глубину познаній. Каждый изъ нихъ имѣлъ честь исписать нѣкоторое количество бумаги, стараясь, по возможности, казаться ориги-

нальнымъ. Такъ: если одинъ поздравлялъ своихъ читателей, какъ поздравляли ихъ въ 1848 году, то другой придерживался формъ 1845 г.; если одинъ бросалъ сатирическій взглядъ на визиты, то другой толковалъ о счастіи вообще; если одинъ, ради Нового года, нападалъ нѣсколько на литературныхъ собратій, то другой протягивалъ имъ (мысленно) объятія, въ знакъ мира и дружбы; если одинъ выказывалъ нѣкоторое пристрастіе къ иностранной литературѣ, то другой, за-то, дѣйствовалъ въ пользу роднаго слова и т. д., и все они, наши остроумные и милые фельетонисты, говорили много и прекрасно, и если не сказали ничего новаго, то въ этомъ рѣшительно не ихъ вина. Есть-ли какая-нибудь возможность сказать что бы то ни было новое о Новомъ годѣ, когда ничто не ново подъ луною?

Были попытки и въ стихахъ, съ цѣлью, впрочемъ, болѣе прозаической. Такъ: разнощики афишъ, отстраняя между собою всякое соперничество, рѣшили поздравить публику хоромъ, на трехъ діалектахъ; Хоръ русскій выразился слѣдующимъ образомъ:

По принятымъ обыкновеньямъ,
Сегодня всякъ и каждый,
Чуть свѣтъ, съ низайшимъ поздравленьемъ,
Другъ къ дружкѣ ѣдетъ и идетъ.
А намъ, афишерамъ, достается
Визиты дѣлать круглый годъ!
Но всякій день имѣемъ счастье
Являться къ добрымъ господамъ!
Васъ поздравляя, мы въ надеждѣ,
Что нашъ визитъ не пропадетъ:
И что, постарому, какъ прежде,
Насъ не забудутъ въ Новый годъ!

Тутъ дѣло, какъ видите, излагается просто, и хоръ, слегка пошатываясь, идетъ прямо къ цѣли.

Не такъ поступаетъ хоръ французскій: онъ скромничаетъ, кокетничаетъ, поздравляетъ и потомъ уже, тонко проситъ:

Soyez, Messieurs, contents,
Ayez beaucoup d'argent,
Toujours en bonne santé,
Soyez en tout heureux,
Et n'oubliez pas ceux,
Qui font pour vous les vœux.

Нѣмецкій хоръ... виноваты, не хоръ, тутъ говорится отъ одного лица, нѣмецъ философствуетъ нѣсколько, но выводъ его философіи ясное русскаго и французскаго хоровъ идетъ къ цѣли; тѣ просятъ не забыть ихъ, а нѣмецъ объясняетъ на чистоту:

Es werde Ihnen Heil verliehen
 Vom Himmel reichlich immerdar,
 Mir aber für des Tages Mühen —
 Nur ein Geschenk zum neuen Jahr! —

Изо всѣхъ этихъ поэтовъ-поздравителей, самый остроумнѣйшій—швейцарь Благороднаго Собранія, который также поднесъ гг. членамъ свои пожеланія въ стихахъ:

Наступилъ опять желанный,
 Обновляющій все годъ!
 Часъ насталъ давно такъ жданный
 Поздравленія господъ.
 «Съ Новымъ годомъ, съ новымъ благомъ,
 Съ новой прибылью во всемъ,
 Чтобы съ каждымъ новымъ шагомъ
 Счастье имъ валяло въ домъ!»
 Новый годъ вѣдь много значить?
 Всѣ челою готовы бить.
 Гостя блескомъ озадачить
 Или лаской оболеетить.
 Дамы всѣ въ нарядахъ новыхъ,
 Въ новыхъ фракахъ молодёжь,
 Лицъ серьёзныхъ и суровыхъ
 Здѣсь, въ собраньи, не найдешь!
 Значить: всѣмъ есть благостыня,
 Радость есть хоть въ этотъ часъ,
 Скука—мрачная богиня,
 Прочь бѣжить теперь отъ насъ.
 Про себя скажу: стремилось
 Сердце все узнать впередъ.
 Вотъ я, такъ, какъ встарь водилось,
 Загадалъ подъ Новый годъ.
 И узналъ: «что дочки ваши
 Въ полькѣ сыщутъ жениховъ

И, на радость для папаша,
Заведуть себѣ сынковъ»;
«Что старушки не увянуть,
Будутъ розаномъ алтъ,
Молодиться перестанутъ,
Станутъ просто молодѣть»;
«Что не будутъ интриганить
Противъ честныхъ пройдецы;
Язычками барабанить
Перестанутъ все чепцы»;
«Что въ журналѣ будетъ мало
Болтовни, галиматъи,
Но все мудрая начала,
Только дѣльные статьи»;
«Что за картами немного
Будутъ время убивать,
А, засѣвъ въ газетной, строго
Душу чтеніемъ питать»;
«Что для всехъ утѣха будетъ,
Всякій здѣсь свое возьметъ,
И умомъ что не добудетъ,
Въ ералашѣ то найдетъ»;
«Что, на мѣсто чуждой пляски,
Русскій танецъ заведутъ,
Гдѣ въ мужчинахъ удалъ, ласки,
Дамы лебедью плывутъ»;
«Что искать начнутъ въ невѣстѣ
Умъ и сердце — не мѣшки,
И на каждомъ то есть мѣстѣ
Все изглядятся грѣшки.
«Все-ли сбудется—кто знаетъ?
Но, принявъ сей листикъ въ даръ,
Вѣрно, всякій угадаетъ,
Что желаетъ вамъ швейцаръ».

Какъ видите: и въ стихахъ о Новомъ годѣ та же старая пѣсня, которая въ духѣ времени клонится болѣе къ положительнымъ цѣлямъ.

Мы очень рады, что журналъ нашъ выходитъ не въ первыхъ числахъ мѣсяца, а въ двадцатыхъ, и что потому читатель, убѣдясь изъ всехъ попытокъ въ стихахъ и прозѣ сказать что-нибудь новое, что Новый

годъ вещь очень старая, не станетъ требовать отъ насъ обычныхъ поздравленій.

Петербуржцы встрѣтили Новый годъ посреди визитовъ, спектаклей, баловъ, маскарардовъ и, кажется, радовались... чему — этого мы рѣшительно не понимаемъ. Можно ли радоваться тому, что прошелъ годъ жизни, котораго ужъ ничѣмъ не веротишь и который приближаетъ къ намъ то, чего мы, обыкновенно, такъ пугаемся: старость, а затѣмъ и расчетъ съ жизнью. Попробуйте сказать какой-нибудь дамѣ: «вы постарѣли», вы сдѣлаетесь врагомъ ея до гроба; скажите: «поздравляю васъ съ Новымъ годомъ!» вамъ пріятно улыбнется. Какъ-будто «вы постарѣли» и «поздравляю васъ съ Новымъ годомъ!» не одно и то же! но, такъ принято!.. Это обычай, привычка и мода, а объ этихъ вещахъ ни въ какія разсужденія не пускаются.

Начнемъ обычную лѣтопись о томъ, что дѣлалось и дѣлается въ Петербургѣ.

Одно изъ крошечныхъ наслажденій петербургскихъ погибло безвозвратно. Чудные сады, дворцы и монастыри палермскіе... даже, луна, море и раскаленный воздухъ — все, все сгорѣло на холодныхъ свѣгахъ Караванной Улицы, въ виду многочисленной толпы, которая могла оказать только нравственное участіе.

«Смотри, смотри, какъ горить!» «Свѣчка-свѣчкой!» «И не мудрено-съ, масло, холстъ и дерево: это самая сухая и зажигательная матерія!» — «Позвольте узнать, что это горять-съ?» — «Панерма-съ.» — «Что жъ это такое?» — «Камедь.» — «И съ народомъ загорѣлась?» — «Съ народомъ.» — «неправда!» — «Ай, батюшки, придавили, ай! родимый!» — «Оставьте меня, сдѣлайте милость...» — «Руби, руби!» — «Падаеть, падаеть!» — «Ухъ! рухнуло!» — «Поминай какъ звали!»

При такихъ крикахъ и толкахъ уничтожилось замѣчательное произведеніе Бирмана, поставленное здѣсь Роллеромъ; при такихъ крикахъ и толкахъ панорама Палермо обратилась въ пепель!.. Но, не отчаивайтесь: изъ пепла этого, какъ фениксъ, возраждается новое наслажденіе! Не стало въ Караванной Улицѣ Палермо, за-то въ Большой Морской появится скоро, если не ошибаемся, «Римъ» и «Севилья!» Не вся Севилья, впрочемъ, а только, внутренній видъ соборной ея церкви, и Римъ тоже не весь, а видъ церкви св. Петра, отъ крѣпости св. Ангела, въ ночь съ 28 на 29 іюня, видъ великолѣпный, освѣщенный тысячами огней!.. Короче: въ Большой Морской, противъ Почтамта, будутъ показываться, какъ говорятъ, двѣ дивныя діорамы знаменитаго берлинскаго декоратора Гропіуса—вещь, дѣйствительно замѣчательная, которая по-

нравится, вѣроятно Петербургу столько же, сколько нравилась Берлину, гдѣ, въ теченіе шести лѣтъ, всегда бывала полна зрителями.

Петербургъ городъ со вкусомъ и не разъ доказалъ, что онъ умѣетъ оцѣнить и принять по заслугамъ все, что заслужило за границей славу. Самымъ свѣжимъ доказательствомъ этому можетъ служить восторгъ, расточительность и увлеченіе, даже нѣсколько неумѣренныя, съ какими принята здѣсь знаменитая оживительница классической декламации m-lle Рашель. Театръ набитъ биткомъ, рукоплесканія громки, газеты и журналы наполнены самыми увлекательными дивирамбами, появляются: конфекты à la Рашель, польки-Рашель, вальсы-Рашель, помада-Рашель, статуэттки-Рашель, портреты-Рашель, бюсты-Рашель, стихи-Рашель... Мы бы никогда не окончили, еслибъ вздумали исчислить все виды, какіе прилагаются Рашели общимъ восторгомъ, оборотливою промышленностью и... и желаніемъ написать стихи.

Не станемъ разбирать, въ какой степени справедливы рукоплесканія и газетные отзывы; на первый случай признаемъ всю ихъ непогрѣзительность; оставляемъ сужденіе о конфектахъ г-жи Рабонъ охотникамъ до сладкаго; польки и вальсы отдаемъ тѣмъ, кто рѣшится купить ихъ и разыгрывать; поговоримъ о статуэткахъ, портретахъ, бюстахъ и стихахъ: это все-таки дѣло отчасти художественное.

Лицо артистки подвижно въ высшей степени и въ этомъ-то главнымъ свойствѣ его, по нашему мнѣнію, и заключается первая причина кажущагося несходства всѣхъ портретовъ бюстовъ и статуэтокъ m-lle Рашели. Мы привыкли видѣть Гофолію, Герміону, Федру и т. д. въ лицѣ Рашели въ тѣ минуты, когда оно одушевлено какой-нибудь рѣзкою страстью, или сильнымъ порывомъ, когда каждая черта этого лица измѣнена заученною передъ зеркаломъ мимикою, прекрасною, и для картины и для мрамора; а гг. художники представляютъ намъ Рашель въ обыкновенномъ ея видѣ, въ минуты спокойныя, вовсе не напрашивающіяся на память. Оттого мы и не узнаемъ на бумагѣ или въ кускѣ гипса, покойныхъ мертвыхъ чертъ, тогда какъ, въ сущности, все эти портреты и бюсты не лишены сходства.

Безъ сомнѣнія, сказанное нами не относится къ тѣмъ изображеніямъ славной *трагедіантки*, въ которыхъ несходство уже не кажущееся только, а очевидное. Такъ, наиримѣръ, на картинкѣ, портретомъ нельзя и назвать, изданной въ Берлинѣ, представленная госпожа, въ турецкой чалмѣ, бѣлая, румяная, полная, словомъ: госпожа, похожая на Рашель, развѣ тѣмъ только, что у той и другой по два глаза и по одному носу... и подѣ эту картинкою подпись: m-lle Рашель.

Другіе же портреты, бюсты и статуэтки, появившіеся здѣсь во многомъ множествѣ, преизобиліи и избыткѣ, всё болѣе или менѣе схожи съ подлинникомъ. Къ числу бюстовъ или, точнѣе, бюстиковъ, прибавился недавно еще *одинъ*, работы Н. А. Степанова. Въ талантѣ г. Степанова публика уже успѣла убѣдиться не разъ. У кого нѣтъ бюстиковъ Державина, Ломоносова, Карамзина, Грибоѣдова, Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Жуковскаго, Дельвига, Крылова, Суворова, Брюлова и проч. и проч.? къ числу ихъ прибавились теперь новые: кромѣ *Рашели*, бюсты Баратынскаго, Полеваго, Дмитриева, Пирогова и Куторги... Тутъ цѣлая Валгалла русскихъ знаменитостей, и каждую изъ нихъ, за полтора цѣлковыхъ, вы можете взять въ руки, разглядывать сколько вамъ угодно и даже поставить у себя на столѣ, на каминѣ, на консолю... куда захотите, а если не пожалѣете двухъ рублей, то любую изъ нихъ вамъ пришлютъ, по почтѣ, хоть въ Петропавловскій Портъ то-есть за 13,593 версты отъ мѣста ихъ рожденія изъ глины. Рѣшительно роскошь!

Кстати напоминаемъ здѣсь еще о каррикатурныхъ статуэткахъ г-на Степанова, представляющихъ все современное русской печати, которые возросли уже числомъ до пятидесяти. Дѣятельность нашего русскаго Дантана изумительна! Можно-ли желать больше? «И можно-ли въ то же время не желать» думаютъ многіе, увеличить число это своимъ собственнымъ изображеніемъ? Идешь по Невскому, съ пріятелемъ или съ знакомымъ изъ провинціи, и вдругъ, *нечаянно*, подходишь къ окну магазина, *такъ*, будто взглянуть на бюстикъ Рашели; пріятель или знакомый изъ провинціи смотритъ также, и при видѣ безконечнаго множества маленькихъ фигурокъ, спрашиваетъ съ любопытствомъ: «Что это?» — Гмъ! это наши знаменитости. — «А!» восклицаетъ знакомый изъ провинціи, проникнутый чувствомъ нѣкотораго удивленія и пристальнѣе вглядываясь въ нестряшіяся передъ нимъ знаменитости. «Это кто-же?» спрашиваетъ онъ, указывая пальцемъ на низенькую фигурку, у которой незамѣтно почти шея и въ глаза кидаются: чуть не голая, не то сѣдая, не то зеленая голова — Это: такой-то. — «А этотъ въ кургузомъ сюртукѣ и въ длинныхъ усахъ, съ прядью волосъ на лбу?» — Такой-то. — «А этотъ съ сигарою въ рукѣ?» — Такой-то. — «А вотъ этотъ?» — Который? — «Вотъ, тутъ, съ краю». Гмъ! не узнаете? — «Нѣтъ.» — Странно, человекъ-то знакомый вамъ. — «Что вы?» — Право. — «Не знаю, клянусь не узнаю... да я, кажется и не знакомъ ни съ кѣмъ изъ знаменитыхъ людей, — кто-жь бы это?» — Не догадываетесь? — «Не могу!» — Странно, а недавно видѣли его и говорили съ нимъ. — «Боже мой! да не мучьте меня, сдѣ-

лайте милость, скажите—кто?»—Правду сказать: несовсѣмъ похожъ.—
«Но кто?» — Я!..

Знакомый смущенъ, хватается за шляпу, а лицо его выражаетъ и гордость и смиреніе: онъ гордъ знакомствомъ, но въ то же время, сердце, да и все его существо проникается чувствомъ смиренія и сознаниемъ своего собственнаго ничтожества... Какая истинно-высокая минута для того, чье изображеніе красуется въ окнѣ магазина! Такая минута способна соблазнить всякаго и, вѣроятно, соблазнила уже не одного. Достичь извѣстности, достигь удовольствія увидѣть свое маленькое я въ видѣ крошечной фигурки и изъ *parier-mâché*... Ужъ для одного этого можно писать, писать много, писать и прозою и стихами!..

Въ 1854 году поэзіи рѣшительно суждено воскреснуть; явились еще слѣдующіе стихи, которые также были разсланы съ афишами:

«Горчица—важная приправа многихъ блюдъ;
Но часто намъ ее дурную подаютъ,
То слабую, хоть брось, то ею рты дерутъ.
Но вотъ Полонскаго горчица, такъ горчица!
Ей гимнь да воспоетъ стиховъ моихъ страница.
О муза! ты хвалить большая мастерица:
Труби, труби объ ней: да знаетъ вся столица,
Что я во Франціи и въ Англіи бывалъ,
Но лучше этой тамъ горчицы не ѣдалъ.
Міръ гастрономіи! Прими горчицу эту
Какъ новую въ тебѣ открытую планету,
Которой дѣйствіемъ утробы чадъ твоихъ
Отъ бѣдъ избавятся въ обѣдахъ жирныхъ ихъ.
Она и вкусамъ ихъ доставитъ наслажденье:
Съ ней сигъ, осетръ, судакъ, вся рыба—объяденье,
Съ ней наша русская простая ветчина
Какъ-бы Вестфальская покажется вкуса.
Ну, что тутъ увѣрять? Неважную приманку
Я дѣлаю вамъ здѣсь купить горчицы банку:
Съ горчицей этою покушайте котлетъ
Отвѣдайте, каковъ съ ней будетъ винегретъ,
И ростбифъ и бифетекъ, ботвинья и окрошка,
Иль галантирь какой; ну словомъ, и салатъ
Съ горчицей этою вкуснѣе во сто кратъ.
По Невскому ведетъ прямая къ ней дорожка:

Лишь потрудитесь въ домъ Калугина зайти,
 Въ хрустальной банкѣ тамъ горчицу получить
 И только рубль одинъ за банку заплатить».

Послѣднее произведеніе, разумѣется, хуже другихъ внушеній музы потому-что длиннѣе, но оно весьма важно въ томъ отношеніи, что доказываетъ возможность писать стихи и о горчицѣ, продаваемой въ домѣ Калугина.

Но довольно о поэзіи перейдемъ къ прозѣ, и чтобъ переходъ былъ не слишкомъ рѣзокъ, къ прозѣ нѣсколько опозитизированной. Не знаемъ: догадаются-ли читатели, если мы не скажемъ, что дѣло идетъ о прозѣ одного остроумнаго фельетониста, который высказалъ на дняхъ, довольно поэтическую сторону души своей. Въ прошлой книжкѣ нашего журнала было говорено о несомнѣнной заслугѣ г. Максимова, оказанной имъ русской сценѣ добросовѣстнымъ и *натуральнымъ* исполненіемъ роли Гамлета; отзывъ нашего журнала послужилъ поводомъ къ нѣсколькимъ замѣчаніямъ г. О. Б., несправедливость которыхъ докажется въ своемъ мѣстѣ; здѣсь-же мы упомянемъ только о той трогательной наклонности, которую поэтически выставилъ г. О. Б. — «Завтра-же поѣду сказалъ онъ 7-го января» на могилу незабвеннаго В. А. Каратыгина, положу свѣжій лавровый вѣнокъ на его гробницу, и тамъ повторю стихи И. П. Дмитріева. «Исполненъ разума» и проч.

Что можетъ быть трогательнѣе такой картины: фельетонистъ ѣдетъ на могилу покойнаго трагика, кладетъ на гробницу его свѣжій лавровый вѣнокъ и, со слезами на глазахъ, читаетъ стихи, написанные не на г. Каратыгина. Но... о! зачѣмъ мы должны сказать это но!.. Трогательной картины на самомъ-то дѣлѣ не было, вѣнокъ не положенъ, стихи непрочитаны.

Вѣтеръ лишь холодный
 Воетъ надъ могилой, —
 Не пришелъ другъ милый!..

И очарованіе наше разрушилось и улетѣло какъ дымъ... виноваты! какъ утка; остается одно горькое убѣжденіе: не всегда должно вѣрить тѣмъ чувствамъ, которыя такъ трогательны на бумагѣ.

Недавно въ Петербургъ возвратилась г-жа Карлота Гризи. Гдѣ побывала она лѣтомъ и что дѣлала—объ этомъ послѣ. Кромѣ г-жъ Гиро и Флери, къ намъ пріѣхала недавно г-жа Иелла, о хореографическомъ талантѣ которой мы еще не можемъ сообщить вамъ никакихъ

свѣдѣній, по той простой причинѣ, что не выдали его сами. Во всякомъ случаѣ, вы видите, что есть кѣмъ любоваться: три пріѣзжія сильфиды, а нашихъ—то, нашихъ еще сколько!..

На Александринскомъ театрѣ, послѣ «Севастопольскаго праздника» г. Жуковника, идетъ «Маркидантка» его-же... слѣдовательно и тамъ не мало удовольствія!

О Михайловскомъ театрѣ и говорить нечего!

Потомъ: Циркъ, на которомъ отличаются нѣмцы; балы, маскарады, вечера въ клубахъ, пикники, горы... горы, впрочемъ, поосѣлись нѣсколько; концерты историческіе, концерты драматическіе, катанья на тройкахъ, прогулка по Невскому и набережнымъ; журналы, книги... да однимъ словомъ: удовольствій такъ много, что не хватаетъ времени веселиться и скучать рѣшительно некогда. Общественная жизнь Петербурга кипитъ и бѣетъ бѣлымъ ключемъ. Для петербургскаго жителя скука — мифъ. Скучаютъ у насъ развѣ пріѣзжіе изъ провинціи, и то только нѣкоторые и причину этого мы постараемся пояснить.

Перенеситесь на нѣсколько минутъ въ какой-нибудь губернской сородокъ, подальше отъ Петербурга.

Городокъ не великъ, но довольно—красивъ и чистъ. Главныя улицы вымощены и по вечерамъ освѣщены фонарями. На «Петербургской», «Московской» или «Дворянской» улицахъ большіе (относительно) каменные дома; на прочихъ деревянные, съ мезонинами и гладко вытннутыми заборами. Въ этомъ городкѣ живетъ, положимъ, хоть Максимъ Максимычъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ, живой, веселый, неглухой; дохода у него три тысячи серебромъ въ годъ; живетъ весьма прилично, читаетъ, принять въ лучшихъ домахъ городка и принять отлично, какъ потому, что онъ, вообще, очень хорошій человѣкъ. Положеніе Максима Максимыча, просто, завидное: живетъ—себѣ, какъ говорится, припѣваючи, въ свое собственное удовольствіе... Поѣдетъ съ визитомъ—вездѣ ему рады: не знаютъ, какъ принять, куда посадить, чѣмъ подчивать; идетъ по улицѣ—знакомые кланяются со всѣхъ сторонъ; подойдетъ Максимъ Максимычъ, лѣтомъ, къ отворенному окошку поговорить—приглашаютъ на обѣдъ; зайдетъ въ кондитерскую—нѣмецъ-кондитеръ кланяется ему низко и привѣтливо; природная суровость нѣмца смягчается улыбкою, молчаніе нарушается милымъ упрекомъ Максима Максимычу: «Зачѣмъ вы забудь меня»; поѣдетъ Максимъ Максимычъ въ магазинъ—купецъ говоритъ ему: «Помилуйте—съ, для кого-жь и сдѣлать уваженія—съ, какъ не для вашей милости»; явится Максимъ Максимычъ въ гостиницу—тамъ все суетится и угождаетъ ему; поѣдетъ Максимъ Максимычъ въ Собраніе—дамы протягиваютъ

ему свои хорошенькія ручки, и въ мазуркѣ рѣшительно не даютъ отдыха; зайдетъ Максимъ Максимычъ въ театр—онъ тамъ какъ дома: изъ ложъ и со сцены столько сыплется на него взглядовъ и улыбокъ, что онъ сидитъ и блаженствуетъ; вздумаетъ *за кулисы*—антрепренёръ встрѣчаетъ его вопросомъ: «довольны-ли вы нами?» Первая водевильная, она-же и трагическая, актриса шутитъ и болтаетъ съ Максимомъ Максимычемъ, общается погрозить ему со сцены. Первый трагикъ, комикъ и нѣсколько благородныхъ отцовъ окружаютъ Максимъ Максимыча, а Максимъ Максимычъ приглашаетъ ихъ ужинать, прибавляя: «Смотрите, только молодцами!..» Благородная мать подводитъ къ Максиму Максимычу свою дочь, въ тирольскомъ костюмѣ: дочка ея будетъ танцевать качучу; Максимъ Максимычъ общается заѣхать къ нимъ и дать совѣтъ и наставленіе. Короче: Максимъ Максимычъ какъ *сыръ въ масле катается*. Онъ звѣзда первой величины на этомъ небольшомъ, губернекомъ горизонтѣ. Онъ не живетъ, а поглощаетъ дни, какъ жирныя устрицы... Но, человекъ всегда не доволенъ. Максимъ Максимычу приходитъ вдругъ блажь... и вотъ Максимъ Максимычъ въ Петербургѣ. О! злополучный! Громадное, губернское я Максимъ Максимыча сдавливается большимъ городомъ, сдавливается до такой степени, что превращается въ нуль, и Максиму Максимычу — нулю неловко въ большомъ городѣ. Онъ заходитъ въ великолѣпный ресторанъ—въ голосъ его теряетъ обыкновенную звучность и твердость; чтобъ ободрить себя и озадачить гарсона, онъ спрашиваетъ объѣдъ въ три рубля и бутылку лафиту, но робость не исчезаетъ, а гарсонъ нисколько не озадачивается—и этого мало; Максиму Максимычу кажется, что этотъ гарсонъ прислуживаетъ какъ-то небрежно, кажется ему даже, что на лицѣ этого глупаго гарсона выражается какая-то злая пропія... Идетъ Максимъ Максимычъ, грустный, по улицѣ—подмастерья толкаютъ его; переходитъ онъ на другую сторону—извозчикъ чуть не сшибъ съ ногъ и, проѣзжая мимо, сдѣлалъ очень рѣзкое замѣчаніе о томъ, что, при переходѣ черезъ улицу, не должно воронъ считать...

Блдетъ Максимъ Максимычъ по Невскому и рѣшается заглянуть въ Пассаажъ: «Погоди, братецъ» говоритъ онъ извозчику, «я сейчасъ выйду». Извозчикъ отвѣчаетъ: «Нѣтъ, баринъ, нельзя, пожалуйста деньги». — «Да я сейчасъ выйду». «Выйду! выйдете, либо нѣтъ; тутъ не одинъ уходитъ». Извозчикъ осмѣливается предполагать, что Максимъ Максимычъ рѣшится на такой поступокъ! Отправляется Максимъ Максимычъ въ театр—не улыбаются ему; никто даже не смотритъ на него... никто не погрозитъ ему со сцены... Максимъ Максимычъ является въ Собраніе и пропадаетъ тамъ, какъ песчинка въ морѣ... Ку-

да ни обернется; куда ни взглянет Максимъ Максимычъ: все великолѣпно, красиво, изящно и громадно... и посреди всего этого Максимъ Максимычъ—нуль, нуль совершенно-незамѣтный и ничтожный.

И тогда, невыносимая тоска и скука, какъ змѣи, обвиваютъ сердце Максимъ Максимыча и ему, бѣднягѣ, становитея невыносимо въ Петербургѣ; его маленькое самолюбіе терзается и, чуть не съ слезами на глазахъ, съ разлившеюся желчью скачетъ, полуубитый, Максимъ Максимычъ изъ Петербурга. Въ продолженіе всей дороги сидитъ онъ, потупивъ голову и только передъ заставою роднаго городка приободряется—страдалецъ, подымаетъ гордый взоръ и утѣшаетъ себя мыслью: «Пушу-же я имъ пыль въ глаза!»..

Только Максимъ Максимычамъ скучно въ Петербургѣ — и понятно почему.

Но Петербургъ не замѣчаетъ страданій Максимъ Максимыча, гдѣ ему, въ вихрѣ удовольствій и проектовъ, дѣла и бездѣлья, заниматься мелочами!

Въ числѣ новыхъ предметовъ, занявшихъ на минуту Петербургъ, мы укажемъ на примѣненіе электрическаго телеграфа... ко многому и, во-первыхъ, къ музыкѣ. Не примите этого за шутку: это фактъ серьезный и неподлежащій никакому сомнѣнію. Если вы знакомы съ устройствомъ нѣкоторыхъ телеграфовъ, то, само собою разумѣется, нисколько не сомнѣваетесь въ возможности сказаннаго нами. Не мудрено представить себѣ, что проволочныя нити соединяютъ не нѣмыя клавиши, употребляемыя на телеграфахъ, а клавиши двухъ фортепяно: одного, положимъ, въ Петербургѣ, а другаго... ну хоть, въ Астрахани; если артистъ, напримѣръ, г. Гензельтъ, станетъ играть новую прелестную *балладу*, своего сочиненія или *ноктюрнъ*, на фортепяно петербургскомъ, то фортепяно астраханское само ужъ будетъ играть и прелестную *балладу* Гензельта и его *ноктюрнъ*!.. Согласитесь, что такое удачное примѣненіе электричества къ музыкѣ, такое счастливое соединеніе науки съ искусствомъ дѣлаетъ честь XIX столѣтію.

Но дѣятельный и оборотливый умъ нашихъ современниковъ не остановится на этомъ: онъ пойдетъ дальше. Не говоримъ уже о томъ, что пьянисты могутъ давать концерты вдругъ, во всѣхъ городахъ Европы, даже цѣлаго свѣта; да сверхъ-того, электричество будетъ примѣнено и къ другимъ инструментамъ, такъ, напримѣръ: къ кларнету, флейтѣ, гобою, и т. д., ко всѣмъ инструментамъ съ клапанами; позаботятся, только объ устройствѣ мѣховъ для надуванья этихъ инструментовъ—а кла-

паны и отверстія, закрываемыя и открываемыя, теперь пальцами будутъ уже открываться и закрываться сами собою, посредствомъ силы электричества. Такимъ-образомъ дойдутъ, наконецъ, до того, что на всемъ земномъ шарѣ можно будетъ устроить одинъ только оркестръ изъ лучшихъ артистовъ; оркестръ этотъ будетъ играть въ Петербургѣ, въ Парижѣ-же, Лондонѣ, Константинополѣ и прочихъ городахъ міра; станутъ играть не музыканты, а сами инструменты...

И трудно предположить, чтобы гениальное примѣненіе ограничилось музыкою; оно, вѣроятно, найдетъ мѣсто въ живописи, въ скульптурѣ; оно, пожалуй, уничтожитъ книгопечатаніе... Издатель, напримѣръ, журнала разложитъ столько кипъ бумаги, сколько у него въ виду подписчиковъ, и пригласитъ сотрудниковъ писать: авторъ станетъ писать статьи свои на одной изъ разложенныхъ кипъ бумаги, перо его, соединенное съ другими перьями, будетъ сообщать имъ то движеніе, какое получаетъ само отъ автора, и такимъ-образомъ статья напишется вдругъ въ потребномъ количествѣ экземпляровъ; книгопечатаніе сдѣлается совершенно бесполезнымъ и вѣковая слава Гуттенберга рухнетъ...

Мы рѣшительно боимся дѣлать дальнѣйшія предположенія.. Художства, литература, стратегія... все, все должно измѣниться.

«Страшно за человѣка, страшно!»

Лучше не думать о томъ, что будетъ, и обратиться къ дѣйствительности. Прочь мечты, окунемся въ настоящее!.. Нѣтъ, тщетны усилія; слабъ человѣкъ, очень слабъ! Не устоять намъ противъ искушенія: мечты невольно увлекаютъ насъ. Снѣгъ таетъ подъ огнемъ живой фантазіи и замѣняетъ роскошнымъ и душистымъ ковромъ цвѣтовъ; сѣрое небо дѣлается голубымъ; заиндевѣвшія березы превращаются въ поморанцовыя деревья. *Ночь*, но воздухъ тепелъ...

Мы въ Гренадѣ. Посреди ночной тиши ясно раздаются гармоническіе звуки гитары.. но звуки эти слагаются въ пѣснь иной страны... Прислушиваемся внимательно и ясно различаемъ: *La mia letizia*... Преклестные звуки умолкаютъ на минуту—и только на минуту, и мы слышимъ новую пѣснь; она безъ словъ, но смыслъ понятенъ: дѣло идетъ о легкомыслии и непродолжительности женской любви, о томъ, что надо бѣжать этой любви. . вы узнаете граціозную канцонету «*La Donna é mobile*» изъ Риголетто... романсъ этотъ напоминаетъ намъ оперу Петербургъ, нашу родину, нашу матушку-Русь!.. Видите намъ дача, садъ, въ саду, прудъ...

Мѣсяць всталъ и озаряетъ
 Садъ серебрянымъ лучомъ,
 Свѣтъ таинственный играетъ
 На лугахъ и надъ прудомъ...

Окно на дачѣ отворено и оттуда несется чистый и звучный голосъ.
 Онъ поетъ:

Нѣтъ, красавица, напрасно
 Твой языкъ лепечетъ мнѣ:
 Что родилась ты въ ненастной
 Нашей хладной сторонѣ!

Потомъ слышатся иные звуки, грустные, задумевные звуки прекраснѣйшаго сопрано:

Я васъ любила безнадежно
 Такъ чисто, искренно и нѣжно,
 Но вы замѣтить не могли
 Моей къ вамъ пламенной любви...

Бѣдненькая!.. Потомъ раздается скрипъ пера—и рой мечтаній улетаетъ,—передъ нами лежатъ новости, только-что изданныя въ магазинѣ г. Стелловскаго: *баллада* и *ноктюрнъ*, Гензельта; два романа: «Мѣсяць всталъ и озаряетъ» и «Нѣтъ, красавица, напрасно», Гурилева; одинъ романсъ: «Я васъ любила безнадежно», Вильбоа; каватина изъ Ломбардцевъ, для гитары, Маркова и романсъ изъ Риголетто, для гитары же, Саренко. *Баллада* Гензельта, безъ сомнѣнiя, будетъ имѣть большой успѣхъ: она такъ хороша, что не можетъ не нравиться, да и другія пьесы, о которыхъ мы сейчасъ упомянули, всѣ премиленькiя и преграціозныя вещи, и мы отъ души рады, что такими прекрасными новостями начинается Новый годъ и оканчивается нашъ фельетонъ! Однако еще слово:

Не станемъ строить воздушныя замки, а обратимся къ дешевой, простой и красивой постройкѣ домовъ, мельницъ, фабрикъ, овиновъ, устройству машинъ, мостовъ, дорогъ, осушкѣ болотъ и т. д. словомъ, обратимся къ тому, что *существенно* полезно вамъ, наши петербургскiе и, особенно, иногородные читатели.

Кому бы не хотѣлось избѣжать нѣкоторыхъ расходовъ — это такъ естественно!.. Экономія, однакожь, часто ведетъ, къ убыткамъ: домовладѣлецъ пристроить къ дому флигель и пристроить его, изъ экономіи, самъ—безъ архитектора,—глядяшь, черезъ мѣсяць, флигель рушится, экономія въ накладѣ. Помѣщикъ устроилъ, тоже самъ, мостъ или мельницу—они разваливаются, и т. д. Такимъ-образомъ, постройки съ помощью архитектора были дороги безъ него, подь-часъ, еще дороже — двѣ равно непріятныя крайности, между которыми, недавно найдена золотая середина.

«Отыскана Колхида»!

Можно построить домъ и недорого и мило! Домовладѣлецъ или сельскій хозяинъ можетъ обойтись безъ архитектора, и между-тѣмъ строить, перестраивать, украшать и проч., съ полною увѣренностью, что все созданное имъ будетъ хорошо, красиво, прочно и, главное, недорого. Для этого стоитъ только ему одинъ разъ въ году пожертвовать восьмью рублями серебромъ, и за эти-то, какіе-нибудь восемь рублей, онъ сократитъ свои расходы по-крайней-мѣрѣ на... опытъ покажетъ на сколько. Дѣло въ томъ, что въ теченіе уже двухъ лѣтъ, у насъ издается архитекторомъ Николаевымъ преполезный журналъ: «Сельскій Строитель», въ которомъ просто и толково излагаются начала строительнаго искусства, съ примѣненіемъ ихъ къ дѣлу.

Въ этомъ журналѣ вы найдете все, чѣмъ необходимо руководствоваться строителю при производствѣ работъ, съ подробностями и чертежами. Въ короткое время журналъ этотъ приобрѣлъ извѣстность и заслужилъ всеобщую похвалу. Чтобы дать читателямъ ясное понятіе о направленіи и составѣ «Сельскаго Строителя», передаемъ здѣсь его программу: «Сельскій Строитель» состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ:

I. Архитектура и строительное искусство. Этотъ отдѣлъ содержитъ въ себѣ все, относящееся до строительныхъ работъ сельскаго хозяина, какъ, напримѣръ, возведеніе разнаго рода сельскихъ строеній, фабрикъ, заводовъ, мельницъ и проч., работы—по осушенію болотистыхъ мѣстъ; по орошенію луговъ, по буренію артезійскихъ колодезей и проч.

II. вспомогаельныя науки. Описанія разныхъ строительныхъ матеріаловъ и приготовленія ихъ, разнаго рода машинъ, орудій, снарядовъ и инструментовъ, употребляемыхъ при строительныхъ работахъ, и проч.

III. *Библиографія.* Разборъ русскихъ и иностранныхъ сочиненій, по предметамъ, входящимъ въ I и II отдѣлы.

IV. *Смѣсь.* Мелкія статьи, новости, извѣстія и корреспонденція по предметамъ, входящимъ въ составъ журнала; а также, декоративная часть, въ отношеніи къ убранству комнатъ, и объявленія о замѣчательныхъ фабрикахъ, заводахъ и магазинахъ, по предметамъ, необходимымъ при возведеніи строеній, устройствѣ ихъ и убранствѣ.

Къ журналу прилагается, въ видѣ отдѣльнаго изданія: *Альбомъ Сельскаго Строителя*, состоящей изъ чертежей разныхъ сельскихъ построекъ, фабрикъ, заводовъ и проч., а также, по декоративной части, рисунковъ мебели и прочаго, относящаго къ убранству комнатъ.

Спѣшите воспользоваться удобнымъ случаемъ: стройте дома, устраивайте сады съ фонтанами и прудами, украшайте *комфортѣбельно* ваши комнаты, садитесь въ мягкое кресло и читайте журналы,—нашъ, разумѣется, преимущественно передъ другими, читайте хорошія книги; а захотите позабавиться—читайте въ «Москвитянинѣ» замѣтки г. Покровскаго, это разсмѣшитъ хоть мертваго.

Въ искусствахъ—подражать природѣ, значить, говорить человѣческому чувству, даже страстямъ, свойственнымъ имъ языкомъ. Для рукъ Буонароти кусокъ холоднаго, безжизненнаго мрамора одаренъ былъ таинственнымъ нарѣчіемъ, когда этотъ великій ваятель подходилъ, въ старости своей, къ знаменитому торсу, носящему его имя, и, дрожа отъ душевнаго волненія, съ восторгомъ дотрогивался до образцовыхъ формъ, созданныхъ его чуднымъ рѣзцомъ. Въ подражаніи природѣ таятся начала и успѣхъ изящныхъ искусствъ, какія бы средства ни употреблялись къ достиженію цѣли. Пусть декламация и пантомима выражаютъ порывъ страстей; пусть могучая, широкая кисть выводитъ на холстѣ различныя положенія жизни; пусть величественный памятникъ передаетъ намъ формы историческаго лица или граціознаго вымысла; пусть камень, въ краснорѣчивомъ молчаніи своемъ, рассказываетъ проходящимъ мимо него поколѣніямъ событія истекшихъ вѣковъ; пусть дивные, пѣвучіе звуки, вылетающіе изъ-подъ смычка музыканта, или вырывающіеся изъ груди пѣвца, разрисовываютъ картину внутреннихъ ощущеній... здѣсь цѣль одна: нравиться, плѣнять, увлекать—посредствомъ подражанія природѣ.

Человѣкъ, по устройству своей души, нуждается въ пріятныхъ ощущеніяхъ, но источникъ ихъ долженъ быть возвышенный и изящный. Скульпторъ окончилъ бы задачу свою только вполонину, еслибъ ограничился однимъ

изображеніемъ наружныхъ формъ. Живописецъ ошибся—бы въ расчетъ, еслибъ удовольствовался, выводя на холстѣ предметы своей картины только посредствомъ соединенія линий и красокъ. Великая задача для каждаго художника состоитъ въ воспроизведеніи внутренней жизни, посредствомъ наружныхъ формъ.

Внутренняя жизнь въ природѣ выражается движеніемъ. Въ картинахъ и въ изваяніи—все невольно должно оставаться постоянно въ одномъ и томъ-же положеніи: значить, чтобъ оживить изображение, художникъ долженъ непременно схватить моментъ страсти и передать его въ позѣ, движеніи, выраженіи изображаемаго имъ лица. Эта-то внутренняя жизнь, облеченная въ наружную форму, и поражаетъ истиной и дѣлаетъ изображение вѣроятнымъ, даже въ его очевидной неподвижности...

Вотъ что составляетъ поэзію искусствъ! вотъ до чего не можетъ достигнуть ни одинъ художникъ, не изучивъ сперва природу, или не подражая ей въ своихъ созданіяхъ! Вотъ, что сдѣлало великими Рафаэля, Микель Анджело, Мурильо, Канову, Торвальдсена... И этими же красотою мы на-дняхъ имѣли случай любоваться въ бронзовыхъ статуяхъ Прадье и Шенверка, выставленныхъ въ новомъ роскошномъ магазинѣ Рейма. *

Впрочемъ, отдавая справедливость образцовымъ произведеніямъ этихъ двухъ славныхъ художниковъ, мы не говоримъ ничего новаго, всемъ извѣстны работы Прадье и Шенверка, все, болѣе или менѣе имѣли случай ими восхищаться, хотя, сознаемся, пріобрѣтеніе ихъ было досихъ-поръ сопряжено съ большими трудностями и издержкамъ. Между-тѣмъ эти великолѣпныя бронзы должны составлять главное украшеніе всякаго роскошнаго салона—и какъ вершина изящнаго убранства и какъ образцовыя произведенія искусства.

Но всякій-ли любитель изящнаго имѣетъ возможность и средства удовлетворять своимъ наклонностямъ? Часто онъ долженъ предпочитать полезное изящному и смотрѣть на послѣднее, какъ на расходистую прихоть.

Реймъ придумалъ соединить, по латинской пословицѣ: *utile dulci*, изящное съ словеснымъ: онъ приноровилъ чудесныя изваянія къ вещи самой необходимой въ домѣ—къ часамъ. Его столовые и стѣнные часы—истинная роскошь, и войдя въ его магазинъ, думаешь, что попалъ на художественную выставку—столько тутъ разнородныхъ металличе-

На Невскомъ проспектѣ, на углу Михайловской улицы, въ домѣ Рогова.

ских и мраморных предметовъ, одинъ другаго роскошнѣе, одинъ другаго изящнѣе.

Фарфсоровыя группы смѣняются чудными изваяніями, вылитыми изъ бронзы; предметы художественные—предметами крайней необходимости; но все доведено до послѣдней степени мастерства въ отдѣлкѣ. Эти дамскіе часы съ брильянтовыми букетами по эмали, съ мастерскою миниатюрною живописью по финифти, крошечные — въ пятакъ серебра, запрятанные то въ изящную лорнетку, то въ богатый, по рисунку и отдѣлкѣ, браслетъ, то въ брошку, такъ-что каждый любезникъ можетъ сказать дамѣ, ими украшенной «съ вами часовъ не замѣчаешь»—всѣ эти вещи—маленькія чуда, *des chefs d'oeuvres*, которыя, лѣтъ двадцать назадъ, показывали-бы за деньги, которыя приобрѣтали-бы на вѣсь золота. Нынче они почти ни по-чемъ. Спрашиваешь о цѣнѣ и, какъ персіянинъ, вкладываешь въ ротъ палецъ изумленія. Когда слыхано, чтобъ можно было купить хорошіе мужскіе часы, даже съ секундными стрѣлками, за 15 руб. сер., а превосходные золотые за 35 р.? Чтобъ великолѣпные дамскіе часики съ эмалью стоили 45 р.? чтобъ роскошные столовые часы можно было приобрѣсть за 24, а стѣнные трехдѣльные, безъ гирь и маятниковъ, въ прелестной обдѣлкѣ за 32 р.? Все это до-сихъ-поръ было мечтаніемъ, а Реймъ обратилъ мечты въ существенность. Кто же этотъ почтенный г. Реймъ и какими способами достигъ онъ до возможности давать намъ все это за неслыханныо-дешевую цѣну? Дѣло простое: Реймъ *русскій человекъ*; онъ попробовалъ самъ дѣлать обороты безъ посредства иностранцевъ и довольствоваться умѣренными барышами.

Реймъ родомъ изъ Риги, воспитывался въ Петербургѣ, изучилъ свое дѣло въ извѣстной мастерской Мозера, гдѣ долгое время управлялъ дѣлами, и наконецъ рѣшился самъ завести въ Женевѣ собственную фабрику. И вотъ этотъ роскошный магазинъ—истинный подарокъ для Петербурга, является плодомъ его трудолюбія, смѣтливости, вкуса и умѣренности.

Послѣ этого нечего разгадывать, почему у него всѣ предметы дешевле, чѣмъ у всѣхъ его собратій: онъ получаетъ и продаетъ ихъ изъ первыхъ рукъ, безъ посредства конторъ и комиссіонеровъ.

Подобныя учрежденія относятся прямо къ удобствамъ нашей общественной жизни, но они рѣдки, и мы, по обязанности, должны ихъ отмѣчать на нашихъ страницахъ. Но учрежденіе Рейма относится не къ одной прихотливой модѣ, требующей отъ насъ роскоши, но и къ все-

общей пользѣ и къ распространенію вкуса къ произведеніямъ изящныхъ искусствъ. Тѣмъ охотнѣе указываемъ мы на него нашимъ читателямъ: тамъ есть чѣмъ полюбоваться, есть что изучить.

Никогда еще, кажется, мода не бывала такъ пышна, роскошна, изобрѣтательна, какъ нынѣшнею зимою. Что балъ, то новость, что недѣля то выдумка, что мѣсяць, то перемѣна декораций. Самыя отчаянныя щеголихи не успѣваютъ угнаться за всѣми хитростями современнаго туалета, за всѣми перемѣнами причесокъ, наколокъ, шляпокъ, визитокъ, мантилій, кофточекъ и уборокъ платій. Оттого господствующаго вкуса почти нигдѣ не видно: все смѣшано въ пестрый маскарадъ, каждая рядится по своей фантазіи и къ лицу—и передъ общимъ изяществомъ нарядовъ всякая критика исчезаетъ. Выборъ матерій на платья — рѣшительно отданъ во власть фантазіи: что кому нравится, тотъ въ то и рядится; первенствующихъ матерій нѣтъ, за-то нѣтъ и такихъ, которыхъ бы не носили. Одно поставлено непремѣннымъ условіемъ модою: при цвѣтныхъ платьяхъ, кофточка должна быть изъ той-же ткани и того-же цвѣта, какъ и платье. Уборка и покрой—дѣло личнаго вкуса. Другое строгое условіе состоитъ въ томъ, чтобъ талія непременно была обрисована: ничего мѣшковатаго, ничего скрывающаго ее не допускается. Можно еще замѣтить, что современная мода чрезвычайно падка на мишуру, хочетъ поражать не однимъ вкусомъ, но и блескомъ: золотыя и серебряныя вышивки замѣтны почти во всѣхъ нарядахъ. Наколки съ золотыми колосьями; мантильи съ лентами, затканными золотомъ, кофты, вышитыя золотымъ шнуркомъ, полу-золотые, полу-кружевные цвѣты на шляпкахъ, въ большемъ ходу: они встрѣчаются на каждомъ шагу. Если можно указать еще на что-нибудь, что особенно кидается въ глаза, такъ это сильное употребленіе мѣха въ костюмъ: мантильи, визитки, капоты для прогулокъ или вовсе мѣховые, или обшиты соболями, куницами, сибирскими плюшами, подражающими этимъ мѣхамъ; но только отнюдь не горностаемъ: этотъ мѣхъ рѣшительно вышелъ изъ моды. Для лучшаго уразумѣнія всѣхъ утонченностей нынѣшней моды опишемъ пять лучшихъ костюмовъ, которые производилъ особенный эффектъ.

1-й КОСТЮМЪ. (*Бальный*). Прическа à la Valois; зачесанные спереди назадъ волосы, убранные на косъ цвѣтами, ниспадающими до самой шеи.

Платье тюлевое. Сверхъ юбки, подобранная волнами тюника. Юбка въ семь рядовъ, а тюника въ два ряда, убраны тюлевымъ рюшемъ. Корсажъ открытый (*decolleté*), рукавчики едва замѣтныя, и все обшито тою-же рюшевою уборкою. На груди букетъ, отъ котораго зелень богато ниспадаетъ направоу сторону тюники и, оканчивается на ней нѣсколькими роскошными букетами. На плечахъ также по маленькому букету. Всѣ цвѣты, на головномъ уборѣ и на платьи, должны быть одинаковыя. Перчатки бѣлыя—немножко длиннѣ кисти руки, оканчиваются металлическими браслетами. Этотъ костюмъ напоминаетъ нѣсколько времена Людовика XV, но онъ очарователенъ.

2-й КОСТЮМЪ. (*Для театра и концерта*). Уборка головы изъ лентъ, затканныхъ золотомъ. Букеты изъ этихъ лентъ гроздями висятъ съ каждой стороны и фестончиками обвиваются вокругъ косы. Платье шелковое съ однимъ широкимъ воланомъ, въ родѣ тюники. Албанская кофта, бархатная, вышитая—на спинѣ, на фалдахъ, на плечахъ и на разрѣзахъ рукавовъ—узорами изъ золотого шнура. Рукава греческіе, съ раструбами и разрѣзомъ внизу, который можетъ быть застегнуть, круглыми, часто насаженными, пуговками или золотыми, или изъ камешевъ. Изъ подъ рукавовъ видны простенькіе, круглые замкнутые подрукавники. Костюмъ этотъ превосходно рисуетъ формы, придаетъ видъ увѣренности и въ высшей степени граціозенъ.

3-й КОСТЮМЪ. (*Для прогулокъ и въздозъ*). Шляпка атласная—что-то въ родѣ опрокинутого цвѣточного горшка, прикрывающая одинъ затылокъ,—кругомъ полей и назади обшита широкою блондою; съ боковъ по маленькому страусовому перу. Платье бархатное, съ длинной, обхватывающею талию, кофтою. Весь низъ платья обшить широкой соболиной полосою, надъ которой идетъ другая узенькая полоса. Кофта также кругомъ и по швамъ оторочена тѣмъ-же мѣхомъ. Изъ подъ рукавовъ съ разрѣзами видны широкіе распашные подрукавники изъ богатаго англійскаго шитья. Браслеты металлическіе, подъ-черню (*oxidé*.) Костюмъ очаровательный, но чрезвычайно дорогой. Впрочемъ, вмѣсто мѣха, можно употребить мѣховой плюшь или сибирскій котикъ, отчего платье будетъ легче, дешевле и нисколько не утратить своей красоты.

4-й КОСТЮМЪ. (*Для бала*). Головной уборъ состоитъ изъ кропечной аркадской шляпки съ выгнутыми à la Стюардъ полями, обшитыми блондою. Съ правой стороны подъ полями большой букетъ, съ ниспадающею въ видѣ грозда зеленью; съ лѣвой стороны, отъ тульи спу-

скаются концы довольно широкой ленты. Платье шелковое. Весь подолъ платья на три-четверти аршина отдѣланъ тюлемъ подъ цвѣтъ, который, рядами, весь собранъ буффами. Сверхъ платья богатая блондовая тюника. Рукава и двойная берта также блондовые. Корсажъ съ мыскомъ, напереди украшенъ четырьмя бантиками изъ лентъ, подъ цвѣтъ платья, но такъ, что они, нисходя къ мыску, становятся все меньше.

5-й КОСТЮМЪ. (Для визитовъ). Шляпка-капотъ атласная, съ бархатными выкладками. Она прикрыта малеькой бертою, обшитой блондами, изъ подъ которой выглядываютъ мелкіе цвѣточки. Платье тяжелое шелковое. Юбка вся состоитъ изъ узкихъ волановъ, обшитыхъ сверху бархатной ленточкой, а по краямъ узкимъ, чернымъ кружевомъ. Кофта-спензеръ, называемая *Odette*, черная, бархатная, плотно прилегающая къ тѣлу, съ высокимъ воротомъ и узкими рукавами. Надъ рукавами эпoletки; подъ рукавами разрѣзы, схваченные двумя пуговками, такъ, чтобъ въ разрѣзы были видны подрукавники—à l'espagnole. Передъ кофты застегнуть весь на плотный рядъ стальныхъ пли стеклянныхъ пуговокъ. Низъ кофты и эпoletки обшиты широкимъ чернымъ кружевомъ. И просто, и богато, и изящно!

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

ВЪ МАГАЗИНѢ

И. ПЕЦА, нынѣ Ф. СТЕЛЛОВСКАГО.

въ Большой-Морской, въ домъ Лауфферта.

ПЬЕСЫ ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО ВЪ ДВѢ РУКИ.

- BEETHOVEN.** Sonate avec la marche funèbre (Nouvelle édition. 1 p. 15 к.) Sonata quasi fantasia. (Nouvelle édition. 1 p. 15 к.)
- BEYER.** Fantaisie sur la Fille du Regiment. (1 p.) Bouquet de Mélodies, sur l'opéra: Norma (85 к.)
- BURGMULLER.** Fantaisie sur l'opéra: Ernani. (85 к.)
- CHOPIN.** Trois mazurkas. Op. 50. (Nouvelle édition) (1 p. 15 к.) Berceuse. Op. 57. (Nouvelle édition. 60 к.)
- DOHLER.** Variations sur l'opéra: Sonnambula. (1 p.) Brillante-Polka de Salon. (1 p.)
- DREYSCHOCK.** Trols andante et quatre impromptus. (1 p.)
- GOTSCHALK.** Danse assianique. (75 к.)
- HENSELT.** A. Ballade, dédiée A Son Altesse Impériale Madame la Grande Duchesse Césarewna Marie Alexandrowna. (2 p.) Nocturne nouveau. Op. 32. (60 к.) Sophie-Polka. (60 к.)
- HERZ.** Polonaise de l'opéra: Linda di Chamounix. (60 к.)
- KALKBRENNER.** La femme du Marin. (Nouvelle édition. 40 к.)
- LISZT.** Sextetto final de l'opéra: Lucia di Lammermoor. (Nouvelle édition. 1 p.)
- RUBINSTEIN.** Tarantelle. (1 p. 50 к.)
- SCHULHOFF.** L'Ondine. Pièce favorite. (85 к.) Trois Idylles. Op. 36. (1 p. 50 к.)
- THALBERG.** Fantaisie célèbre sur l'opéra: Zora de Rossini (1 p. 70 к.) Quatuor célèbre de l'opéra: Zora de Rossini, transcrit. (60 к.)
- WEBER C. M. DE.** Sonate. Op. 24. C-dur (Nouvelle édition. 2 p.) Concert-Stück Op. 79. (Nouvelle édition. 2 p.)

РУССКІЕ РОМАНСЫ ДЛЯ ПѢНІЯ СЪ ФОРТЕПЬЯНО.

- АРХАНГЕЛЬСКІЙ.** Гдѣ вы дни мои, дни весеніе (40 к.)
- ВИЛЬБОА** Я васъ любила безнадежно. (70 к.) «Моряки». Нелюдимо наше море. Дуэтъ. (1 p. 15 к.)
- ВИТЕЛЯРО.** Кто слышалъ, тотъ васъ не забудетъ. Экстромтъ, написанный въ отвѣтъ романсу: Ты скоро меня позабудешь. (75 к.) Віють витры, малороссійская пѣсня. (40 к.)
- ГУРИЛЕВЪ.** Нѣтъ красавица, напрасно. (60 к.) Мѣсяць всталъ и озаряетъ садъ серебрянымъ лучемъ. (60 к.) Однозвучно гремитъ колокольчикъ. (60 к.)

- ДАРГОМЫЖСКІЙ** Къ чему веселые друзья. (50 к.) Возвратился домой мельникъ. (40 к.) Скажи, что такъ задумчивъ ты. (1 р. 50 к.)
- РОМАНУСЪ.** Не ее ли во снѣ я такъ часто видалъ. (40 к.) Безъ васъ хочу сказать вамъ много. (40 к.)
- ТИТОВЪ.** Что ты вѣтка бѣдная (3-е издание). (30 к.) Волна катится за волною. (50 к.) Прости на долгую разлуку. (50 к.)
- ШИКОВСКАЯ М. В.** Зачѣмъ твержу я стихъ унылый. (60 к.)

ПЬЕСЫ ДЛЯ СЕМИСТРУННОЙ ГИТАРЫ.

- МОРКОВЪ.** Каватина изъ оперы: Ломбардцы. (40 к.) Торжественный маршъ изъ оперы: Осада Гента. (60 к.)
- САРЕНКО.** Арія изъ оперы: Риголетто. (40 к.) Каватина изъ оперы: Марія ди Роганъ. (40 к.)
- СИХРА.** Большая фантазія изъ оперы: Волшебный стрѣлокъ. (1 р. 50 к.) Любимая тема съ варіаціями. (40 к.)

ШКОЛА ДЛЯ СКРИПКИ.

теоретическая и практическая, самая полная и употребительная, съ многими примѣрами и упражненіями для одной и двухъ скрипокъ, сочиненіе *Д. Алара*, принятая для руководства въ парижской музыкальной консерваторіи, на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, *Ecole du Violon. Méthode complète et progressive à l'usage du Conservatoire de Paris, composée par D. Alard. (Violin-Schule)* цѣна 6 р. сер.

Въ этомъ же магазинѣ получены новости изъ-за границы, какъ для пѣнія, такъ и для всѣхъ инструментовъ въ огромномъ выборѣ.

Въ томъ же магазинѣ можно получать всѣ музыкальныя сочиненія, гдѣ и кѣмъ бы они ни были изданы, или объявлены на слѣдующихъ условіяхъ: выписывающіе нотъ не менѣе, какъ на три рубли серебромъ получаютъ 25 процентовъ уступки. Выписывающіе не менѣе, какъ на десять руб. сер., получаютъ тѣ же 25 процентовъ уступки и не платятъ ничего за пересылку. Выписывающіе же болѣе, чѣмъ на двадцать руб. сер., пользуются гораздо значительнѣйшею уступкою. Магазинъ И. Пеца точнымъ и скорымъ выполненіемъ требованій приобрѣлъ довѣріе всей музыкальной публики, которымъ постоянно пользуется болѣе семнадцати лѣтъ. Также и на будущее время всѣ требованія гг. иногородныхъ будутъ удовлетворяемы со всевозможною точностью, акуратностью и всегда съ первою отходящею почтою. Каталоги, какъ для пѣнія, такъ и для всѣхъ инструментовъ, а равно и преись-курантъ итальянскимъ струнамъ, рассылаются при посылкахъ безденежно.

Тутъ же продаются отличнаго достоинства итальянскія скрипичныя струны, употребляемыя знаменитыми скрипачами: гг. Леонаромъ, Эрнетомъ и Вьетаномъ. Преись-курантъ струнамъ раздается безденежно.

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Зима въ Москвѣ. — Панорама Миссиссипи. — Изобрѣтательнаго ума живописецъ въ провинціи. — Мебіусъ и его виды Москвы. — Картина Корреджіо. — Счастливая мысль г. Лаша. — Театральная новость. — Московская литература и Москвитянинъ. — Открытіе цирка. — Благотворительность въ Москвѣ. — Концерты, балы, лотереи, базары. — Торжества.

Нынѣшняя зима стала у насъ очень поздно, въ противоположность прошлогодней, которая длилась цѣлые семь мѣсяцевъ. Въ началѣ декабря не было еще санной ѣзды; глухо звучали колеса по промерзшей мостовой и пустымъ улицамъ. Поздно началась зима, поздно начался и нашъ зимній сезонъ. Москва до-сихъ-поръ еще пуста: такого затишья не запомнятъ и старожилы. На бульварахъ, на Арбатѣ, въ Старой Конюшенной—ездѣ, гдѣ помѣщались пріѣзжіе и коренные жители Москвы, видишь закрытыя ставни, или записки разныхъ форматовъ съ надписью: «отдается въ наймы». Все разбрелось и разъѣхалось; многія семейства остались въ деревнѣ, многія переселились въ Петербургъ, а иныя отравились туда: wo die Citronen blühen. Тиха публичная жизнь, мало и частныхъ собраній. Нынѣшній день проходитъ какъ вчерашній, а вчерашній былъ похожъ, какъ двѣ капли воды, на предыдущіе.

Въ художественномъ мѣрѣ—взявъ это слово въ обширномъ смыслѣ—новостей мало. Двѣ-три новыя пьесы на сценѣ, двѣ-три новыя книги въ литературѣ, да циркъ—вотъ и все, что произвела Москва въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ. Сытые обѣды въ клубахъ, цыгане, оркестръ Сакса, концертъ Газите—все это до такой степени старо и избыто, что и говорить о подобныхъ явленіяхъ какъ-то совѣстно.

Панорама рѣки Миссиссипи, столь знакомая Петербургу по Излеровскимъ вечерамъ, показывалась на Тверской, въ домѣ Гурьева, съ нѣкоторымъ успѣхомъ. Объявленія, читанныя нѣмцемъ на русскомъ языкѣ и курьезно аранжированная музыка съ мотивами изъ русскихъ пѣсенъ, съ мотивами, которыхъ происхожденіе и объяснить трудно, привлекали публику не менѣе самой панорамы; но ко всему этому скоро и прислушались и присмотрѣлись. Холодная, закопченная зала опустѣла. Пора панорамѣ отправляться въ провинцію: тамъ она будетъ большою новизной и произведетъ фуроръ. Недавно одинъ путешественникъ по внутренней Россіи мнѣ рассказывалъ, что какой-то живописецъ съ небольшимъ талантомъ, но изобрѣтательнымъ умомъ, распорядился очень ловко съ своей картиной, изображающей женщину послѣ ванны. Странствующій живописецъ, прїѣзжая въ городъ, нанимаетъ комнату, убираетъ ее разными драпри, ставитъ большое зеркало противъ картины, освѣщаетъ ее лампами и, производя искусственное освѣщеніе, показываетъ картину за деньги. Провинціалы собираются толпами на подобное зрѣлище и охотно платятъ по 1 р. сер. за входъ. Послѣ успѣха картины, смѣло можно предсказать большой успѣхъ панорамѣ, изображающей американскую рѣку. Кетати о панорамахъ и видахъ. Г. Мебиусъ пользующійся извѣстностью хорошаго фотографическаго портретиста, снялъ, съ помощью фотографіи, нѣсколько видовъ московскаго Кремля. Зубчатая стѣна, древніе храмы, дворцы, терема переданы прекрасно новымъ способомъ. Еще прошлаго года мнѣ случилось видѣть подобныя попытки, сдѣланныя въ Римѣ. Развалины Колизея и другіе древніе остатки вѣчнаго города были сняты фотографією и радовали всѣхъ любителей искусства тѣмъ, что изобрѣтеніе Доира и его послѣдователей, носило новое примѣненіе. Сколько мнѣ извѣстно, опыты Мебиуса были одни изъ первыхъ въ Россіи и увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Къ числу пріятныхъ художественныхъ новостей, по справедливости, должно отнести открытіе прекрасной картины Корреджіо, принадлежащей А. И. Лобкову. Исторія этой картины очень любопытна. Она была куплена въ Италіи г. Власовымъ и долгое время переходила изъ рукъ въ руки; ее передѣлывали, поправляли, подкрашивали и довели до такого

состоянія, что можно было сомнѣваться въ ея подлинности. Г. Лобковъ, пріобрѣтя это чудное созданіе мастерской кисти, обратился къ свободному художнику Подключникову, сдѣлавшемуся извѣстнымъ реставраціею иконъ въ Успенскомъ соборѣ. Г. Подключниковъ долго трудился надъ реставраціею; ему пришлось снять нѣсколько слоевъ краски и убѣдиться, что оригиналъ измѣненъ: у Иосифа ракурсированность, зеленый цвѣтъ платья замѣненъ желтымъ и проч. Къ счастью, въ картинѣ уцѣлѣли все тоны прежнихъ красокъ, все красоты кисти великаго художника. Теперь картина возобновлена совершенно и явилась въ томъ видѣ, въ какомъ вышла изъ мастерской Корреджіо. Она изображаетъ праведнаго старца съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ. Мѣсто дѣйствія означаютъ ясли. Эта картина внушила Корреджіо мысль написать знаменитую *ночь*, которая извѣстна всемъ, посѣтившимъ Дрезденскую галерею, или знакомымъ съ прекрасными эстампами Джона. Годичная выставка въ училищѣ живописи и ваяніи еще не начиналась. Говорятъ, что она будетъ очень разнообразна и что къ трудамъ учениковъ присоединятъ много произведеній любителей, число которыхъ растетъ у насъ со дня на день. Говоря о живописи, нельзя умолчать о прекрасной мысли художника Лаша, въ осуществленіи которой была бы большая польза для искусства. Г. Лашъ, прекрасный живописецъ и портретистъ, задумалъ основать художественное общество (Kunstverein) на акціяхъ, по цѣнѣ, доступной для каждаго. На эту сумму будутъ пріобрѣтаться произведенія художниковъ, которыя впоследствии будутъ разыгрываться въ лотерею въ пользу членовъ. Подобныхъ обществъ очень много въ Германіи; желательно было бы, чтобъ они нашли сочувствіе и у насъ.

Между-тѣмъ, какъ г. Лашъ хлопочетъ о художественномъ обществѣ, любители музыки образовали уже небольшой артистическій кружокъ и, подъ управленіемъ г. Радвилова, собираются каждую субботу исполнять произведенія классической школы и увертюры новыхъ композиторовъ. Мнѣ случилось слышать этотъ оркестръ любителей, состоящій изъ сорока человѣкъ; онъ выполняетъ многія пьесы болѣе чѣмъ удовлетворительно. Этимъ пока ограничиваются все наши артистическія новости.

Единственный московскій театръ всегда почти полонъ; билетами надобно запасаться за день и за два, иначе рискуешь не достать кресла. Изъ переводныхъ пьесъ пользуется большимъ успѣхомъ: «*Любовь и предразсудокъ*», гдѣ г. Самаринъ замѣчательно-хорошъ въ роли «Сюливана».

Драма эта на нашей сценѣ поставлена очень хорошо и пользуется заслуженнымъ успѣхомъ. Г. Щепкинъ, г-жа Медвѣдова и г. Самаринъ занимаютъ главные роли. Г. Самаринъ актеръ очень умный и очень добросовѣстный. Не смотря на обширный репертуаръ, не смотря на то, что онъ часто долженъ являться передъ публикою, игра его всегда отчетлива и обдуманна.

Сценическія средства его были невелики, но ими онъ мастерски владѣть; въ этомъ и заключается тайна его успѣховъ. Онъ очень полезенъ нашей группѣ и осенью, когда болѣзнь препятствовала ему играть, отсутствие его было очень замѣтно. Появленіе его въ роли «Чацкаго» было совершеннымъ торжествомъ: громбія рукоплескавія не умолкали въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ; самъ артистъ былъ счастливо настроенъ и сыгралъ «Чацкаго» прекрасно. Роль «Сюлливана», роль довольно-благородная, но тѣмъ неменѣе она требуетъ и сценической опытности и таланта. Г. Самаринъ умѣлъ быть и благороднымъ и трогательнымъ; особенно рельефны вышли у него сцены втораго акта. Теперь вся Москва видѣла пьесу и всѣ единодушно аплодировали талантливому актеру. Изъ молодыхъ актрисъ, которыми, къ сожалѣнію, не очень богата наша труппа, особенно обратила на себя вниманіе въ послѣднее время г-жа Медвѣдова. Прекрасный органъ, оживленная физиономія, игра, всегда согрѣтая душевной теплотой, общаются въ ней хорошую актрису. Она очень нравилась нашей публикѣ въ роли «Русской Боярыни» и въ небольшой роли въ пьесѣ «Любовь и предразсудокъ», умѣла придать столько смысла и значенія, что нельзя не пожелать ей дальнѣйшихъ успѣховъ.

Большая часть новостей нашего театра заключается въ бенефисахъ, которыхъ бываетъ иногда по два въ недѣлю. Дирекцію собственно доселѣ были даны въ нынѣшній сезонъ четыре пьесы: «Бѣдная невѣста», комедія въ пяти дѣйствіяхъ А. Н. Островскаго, «Упрямство и настойчивость», комедія въ одномъ дѣйствіи, передѣланная для русской сцены А. Стойковичемъ, «Любовь и предразсудокъ» (Sullivan), комедія въ трехъ дѣйствіяхъ Мельвила, переводъ П. С. Фодорова, «Шпримы, или романъ въ провинціи», комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, М. И. Воскресенскаго. Въ будущемъ дирекція готовитъ еще двѣ новыя пьесы: «Бѣдность не порокъ», комедія въ трехъ актахъ А. Н. Островскаго, и «Разставанье», три картины изъ крестьянскаго быта В. И. Родиславскаго. Объемъ этимъ пьесамъ предсказываютъ большой успѣхъ. Для пьесы В. И. Родиславскаго сдѣланы новые костюмы и декорации.

О «Бѣдной невѣстѣ», Островскаго, ужь было говорено въ «Пантеонѣ»; комедіи: «Любовь и предразсудокъ» и «Упрямство и настойчивость» напечатаны въ «Пантеонѣ» и потому онѣ извѣстны читателямъ этого журнала. Считаю долгомъ сказать, что въ Москвѣ комедія г. Стойковича разыграна и имѣла большой успѣхъ. Комедія г. Воскресенскаго была принята хорошо публикою; авторъ ея былъ вызванъ два раза; но, вѣроятно, она скоро появится на страницахъ «Пантеона» и тогда пусть судятъ о ней сами читатели.

Въ отношеніи своего состава, бенефисы нынѣшняго года не были такъ счастливы, какъ въ прошломъ году; но такіе годы, каковы были для театра прошлый театральный годъ, бываютъ нечасто. Въ прошломъ году каждый бенефисъ почти въ составѣ своемъ заключалъ пьесу, болѣе или менѣе запечатлѣнную неотъемлемымъ достоинствомъ и, кромѣ того, два бенефиса, а именно г-жи Косицкой-Никулиной и г. Шумскаго подарили насъ двумя пьесами, которыя могутъ служить украшеніемъ русской драматической литературы.

Кромѣ-того, бенефисъ г. Щепкина далъ комедію, переведенную *Н. В. Гоголемъ*, «Дядька въ затруднительномъ положеніи» а бенефисъ Самарина — переводъ «Комедіи ошибокъ», Шекспира. Художественное исполненіе сценъ Пушкина «Скупой рыцарь» на прошлогоднемъ бенефисѣ Щепкина займетъ страницу въ исторіи театра.

Изъ бенефисныхъ пьесъ нынѣшняго года всѣхъ болѣе имѣли успѣхъ: комедія Красовскаго «Женихъ изъ ножевой линіи», сшита изъ доскутьевъ разныхъ другихъ пьесъ, но сшита искусною рукою, и «Ворона въ павьихъ перьяхъ» — смѣшной фарсъ, превосходно разыгранный. Но если неудачны болѣею частью были пьесы нынѣшнихъ бенефисовъ, за-то по-большей-части они были очень хорошо разыграны. И такъ-какъ «Пантеонъ» мало говорилъ о московскомъ театрѣ осенью, то я и позволяю себѣ сдѣлать, хоть краткій обзоръ бенефисовъ нынѣшняго года.

Первый бенефисъ, по открытіи театра послѣ поста, былъ бенефисъ г-жи Ворониной 1-й. Она давала старый балетъ, и притомъ неудачный «Севильскій Цирюльникъ» и два старые водевила «Взаимное обученіе» и «Дипломатика жены». Впрочемъ, балетныхъ бенефициантовъ за выборъ балетовъ для своихъ бенефисовъ винить нельзя. Всѣ тѣ великолѣпные балеты, которыми мы восхищались нѣкогда, всѣ эти «Сильфида», «Сатаннила», «Пахита», «Гитана», «Катарина», «Герта», «Пери», «Жизель», «Тѣнь», «Пиратъ», «Возстаніе въ Сералѣ» и другіе,

всѣ они сгорѣли вмѣстѣ съ Большимъ театромъ и врядъ-ли воскреснутъ прежде него. Только иногда мы видаемъ то актъ изъ «Гитаны», то картину изъ «Катарины» или актъ изъ «Эмеральды» и тому подобное, какъ обгорѣлые остатки послѣ пожара.

2-й бенефисъ былъ г. Курова, состоявшій изъ старой оперы Обера «Клятва или дѣлатели фальшивой монеты». Опера эта, при своемъ возобновленіи, осбеннаго успѣха не имѣла.

У г. Нѣмчинова шла старая драма: «Луиза де-Линьероль», и успѣха не имѣла; забавный фарсъ, «Сперва скончался, потомъ повѣчался», шедшій въ тотъ-же бенефисъ и превосходно разыгранный, имѣлъ успѣхъ.

Бенефисъ г. М. Соколова состоялъ изъ нелѣпой пьесы «Приключеніе, почерпнутое изъ моря житейскаго», навшей въ пучину Леты, старой комедіи «Генеральша» смѣшнаго фарса, «Любовь и кошка» и маленькой пьески, поддержанной игрою г-жи Бороздиной и г. Васильева «Ночь на Пескахъ».

Въ бенефисъ г. Монтасю шли: два старыя, но любимыя публикою водевиля «Цыганка» и «Бѣда отъ сердца и горе отъ ума» и первый актъ «Гитаны» (въ которой роль Гитаны занимала молодая танцовщица нашего театра г-жа Наумова 2-я), и большой дивертисементъ, въ которомъ публика любовалась учениками и ученицами г. Монтасю, въ самомъ дѣлѣ обѣщающими хорошихъ солистовъ для нашего балета.

Г. Васильевъ давалъ извѣстный водевиль «Катерина или Золотой крестикъ», хорошо разыгранный, комедія «Одна на примѣтъ, другая въ каретѣ» упала, два фарса, «Дуэль на жаворонкахъ» и «Запрещенный плодъ» были довольно смѣшны, при хорошемъ ихъ исполненіи.

Бенефисъ г. Шумскаго состоялъ изъ пьесы Маркевича «Китайская роза», не заключающей въ себѣ ничего дурнаго, за-то и ничего хорошаго, изъ передѣлки пьесы Бояра «Le mari de la dame de chours». (На чужой каравай, рта не разъвай), сдѣланный Тарновскимъ и Рудневымъ и неслишкомъ согласной съ русскими нравами, на которые она передѣлана; пьески Барьера «Le piano de Berthe» («Колыбельная пѣсенка»), обязанный успѣхомъ на нашей сценѣ вѣтавной малороссійской пѣсенкѣ, которую очень мило поетъ Бороздина, и изъ разговора съ куплетами вмѣсто дивертисемента «Все кончилось», не замысловатой, но довольно оригинальной шутки Н. Ермолова 3.

Г. Полтавцевъ давалъ «Русскую свадьбу», въ которой игралъ въ

первый разъ молодого боярина Гвоздева и, сверхъ ожиданія (ибо роль совершенна по его средствамъ) неслишкомъ удачно. Далѣе шель переводный водевилъ «Левъ и Крыса», олицетвореніе известной басни, съ тѣмъ-же заглавіемъ, имѣвшій успѣхъ. Въ заключеніе бенефиса въ дивертисементѣ Полтавцевъ прекрасно пропѣлъ «Ночь» Кольцова, подъ новую музыку Дюбюка.

Бенефисъ Сабуровой 4-й начался весьма неудачною передѣлкою одной старинной нѣмецкой комедіи «Проклятый домъ или Злой духъ», далѣе шель второй актъ театральной хроники «Актеръ Яковлевъ» Н. Крестовскаго. «Дмитревскій, Яковлевъ и Мочаловъ»; по одному акту нельзя судить о цѣлой пьесѣ, и въ заключеніе шель очень миленькій, веселый и занимательный водевилъ съ оригинальною музыкою изъ русскихъ мотивовъ, Н. Крестовскаго, «Ворона въ павихъ перьяхъ». Водевилъ этотъ, при хорошей игрѣ въ немъ г. Васильева и г-жъ Сабуровой и Бороздиной, имѣлъ большой успѣхъ.

Бенефисъ танцовщика Теодора начался водевилемъ «Левъ и Крыса», потомъ шель возобновленный балетъ «Пажи герцога вандомскаго» довольно-пустой; далѣе старый водевилъ графа Соллогуба «Бѣда отъ сердца» и, въ заключеніе, первая картина перваго акта балета «Катарина, дочь разбойника», въ которой роль Катаринны играла вмѣсто Санковской, долженствовавшей занимать эту роль, г-жа Пѣшкова и хорошииъ ея исполненіемъ, особливо для дебютантки, весьма порадовала любителей московскаго балета.

Бенефисъ г. Садовскаго представилъ пьесу, имѣвшую наибольшій успѣхъ изъ всѣхъ бенефисныхъ пьесъ нынѣшней осени, а именно: комедію: «Женихъ изъ ножевой линіи», сочиненіе покойнаго провинціальнаго актера Красовскаго. Авторъ этой комедіи вполне воспользовался известнымъ стихомъ: «Je prend mon bien partout, ou je le trouve». И, слишкомъ близко подражая сценамъ комедій Гоголя и Островскаго и даже нѣкоторыхъ водевилей, сшилъ свою комедію, впрочемъ, очень искусною рукою, такъ-что она смотрится не безъ удовольствія, особливо при такой прекрасной игрѣ, какою она пользуется на московской сценѣ. Автору этой статьи удалось видѣть эту пьесу и въ Москвѣ и въ Петербургѣ, и вотъ результатъ впечатлѣній, произведенныхъ на него исполненіемъ этой комедіи въ обѣихъ столицахъ.

Мужскія роли въ Москвѣ исполняются лучше, чѣмъ женскія, зато женскія въ Петербургѣ исполняются вообще лучше, чѣмъ въ Москвѣ. Г-жа Шубертъ, въ Петербургѣ, очень мила въ роли Юлиньки, и вмѣстѣ

съ тѣмъ, не смотря на всю ея привлекательность, на ея грацію, видно, что въ этой Юлишкѣ не умретъ г-жа Сандаракова: она готова и побраниться и, увлеченная блескомъ брильянтовъ, согласиться пойти за жениха, котораго терпѣть не можетъ. Москва до-сихъ-поръ помнить и любить г-жу Шубертъ, и потому я позволяю себѣ сказать о ней нѣсколько словъ, надѣюсь, не безинтересныхъ для читателей.

18 августа 1844 года, въ пьесѣ Скриба «Вѣчная любовь или будущность сына», въ роли Матильды появилась въ первый разъ на московской сценѣ дѣвочка лѣтъ 16-ти, не больше, съ дѣтскимъ личикомъ, съ дѣтскими приѣмами, съ прелестнымъ дѣтскимъ голоскомъ, дѣвочка, которая съ перваго же выхода показала, что изъ нея должна выйти актриса съ замѣчательнымъ дарованіемъ.

Это была А. И. Куликова, сестра извѣстной артистки П. И. Орловой, доселѣ воспоминаемой посѣтителеми московскаго театра. Пребываніе Куликовой было непродолжительно на московской сценѣ: блестящимъ, но мимолетнымъ метеоромъ промелькнула она передъ глазами московской публики, всегда награждавшей ее обильными рукоплесканіями.

Въ 1846 году, А. И. Куликова вышла замужъ за М. А. Шуберта, актера не безъ дарованій, и уѣхала вмѣстѣ съ мужемъ въ Одессу.

Талантъ Куликовой, какъ мы знали его на московской сценѣ, былъ очень спеціаленъ, но тогда она была еще очень молода, а теперь съ лѣтами и развитіемъ практикою, талантъ ея расширилъ свои предѣлы.

Амплуа Куликовой—это, такъ называемая, роли *наивныхъ, простодушныхъ*. И какая-то чудная безыскусственная простота, какая-то задушевная наивность царствовали въ ея игрѣ въ этихъ роляхъ. Простѣе, наивнѣе, граціознѣе, милѣе Куликовой въ этихъ роляхъ трудно что-нибудь представить у другихъ актрисъ этого амплуа. Простота все какъ-то изысканна, нѣсколько искусственна, какъ-то несовсѣмъ проста, если позволено употребить этотъ плеоназмъ, вопреки строгимъ правиламъ риторики, между-тѣмъ, какъ наивность и простота въ игрѣ Куликовой—чистая натура. Но за-то роли не наивныхъ, а обыкновенныхъ дѣвушекъ, *jeunes premieres*, первыхъ любовницъ, какъ ихъ называютъ—къ ней не шли тогда; и только теперь, съ развитіемъ своего таланта, можетъ она исполнять эти роли.

Бенефисъ г-жи *Семеновой* состоялъ изъ извѣстной оперы До-

видзетти «Луcreція Борджіа», не новой для Москвы, изъ комедіи съ куплетами, переименованпой изъ *Пустячка* Н. В. Сушкова въ «Движущіеся столы» и неизмѣвшей успѣха.

Бенефисъ *Леонидова* начался пьесою «Подвигъ Марина при пожарѣ Московскаго Большаго театра». Далѣе шла, въ первый разъ по возобновленіи, умная, но нѣсколько растянутая, переведенная съ французскаго М. И. Воскресенскимъ, комедія «Наполеоновскій инвалидъ, или солдатская тайна» (*Mathias l'invalide*), очень хорошо разыгранная, особливо самимъ бенефициантомъ; а въ заключеніе довольно-миленькій водевилъ Н. Крестовскаго «Мужъ пляшетъ, любовникъ чулокъ вяжетъ» прекрасно разыгранный гг. Самаринымъ и Шумскимъ и г-жею Бороздиной.

Бенефисъ г-жи *Санковской* состоялъ изъ возобновленной драмы Н. А. Полеваго «Костромскіе лѣса», въ которой былъ очень хорошъ простотою и естественностью своей игры и самаго костюма г. Леонидовъ, занимавшій въ первый разъ роль Сусанина, и хороша новая декорация зимы, работы г. Шеньяна, но въ ней нарушаетъ эффектъ то, что полсцены не покрыто снѣжною пеленою; новаго водевиля, передѣланнаго К. А. Тарновскаго «Мотя» (онъ былъ напечатанъ въ *Пантеонѣ* 1853 г.), и возобновленнаго балета Ю. Перро «Крестьянка госпожа», напоминающаго многія сцены другаго балета «Сварливая жена». Хороша была бенефициантка въ роли крестьянки-госпожи.

Наконецъ въ бенефисъ г-жи Львовой-Синецкой шла новая комедія г. Захарова: *Не зналъ, что богатъ, не ждалъ, а женатъ*, тоже заимствована изъ купеческаго быта. Это теперь у насъ въ ходу. Вотъ уже вторая зима, какъ мы имѣли дѣло съ купеческимъ бытомъ и видимъ на сценѣ кофты, лабазниковъ да прикащиковъ, свахъ, да подгулявшихъ торговцовъ. Когда окончатся эти представленія — не знаемъ; знаемъ только, что эти типы сильно поизбились и сильно поприскучили нашей публикѣ. Какъ быть! Въ нашей литературѣ и въ нашемъ театрѣ подражаніе всегда играло большую роль. Тапанскія лица смѣнялись одно другимъ, но каждое изъ нихъ сходило съ поприща не прежде, какъ сдѣлавшись совершенно невозможнымъ. Загляните въ литературу прошлаго года, пролистуйте десятокъ повѣстей, романовъ и рассказовъ, и вы увидите, что главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ пріѣзжій изъ-за границы. Не помню, кому-то пришлось ввести въ свой романъ возвратившагося на родину путешественника—и все ухватились за этотъ типъ, какъ за повозку, и бѣдный странствователь по чужимъ

землямъ принужденъ былъ странствовать по петербургскимъ гостинымъ, по деревенскимъ садамъ и проч. и проч. Наконецъ и этотъ типъ избился и устарѣлъ. На сценѣ было то же самое, что и въ романахъ. Пять-шесть лѣтъ тому назадъ, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ большей части пьесъ былъ чиновникъ, теперь же купецъ. Роль *jeun premier* играли офицеры и молодые чиновники, теперь прикащики и сидѣльцы. Въ комедіи г. Захарова одно живое лицо—это купецъ-кулакъ. Оно задумано и исполнено хорошо; все прочее блѣдно. Впрочемъ, вотъ содержаніе пьесы: пусть читатель судить самъ. У одного купца, имени и отчества котораго я не припомню, есть дочка, очень умная и очень образованная; она влюблена въ прикащика, скромнаго молодого человѣка. Прикащикъ не смѣетъ и думать о любви: онъ бѣденъ и его хозяйинъ думаетъ отдать свою дочь за богатаго купца, получившаго образованіе. Образованный купецъ, послѣ пристрастнаго разговора съ молодой дѣвушкой, видитъ, что она его не любитъ, помогаетъ бѣдному прикащику, отецъ котораго былъ обманутъ его отцомъ—завязка не мудрая, но въ пьесѣ есть нѣкоторыя сцены, обличающія въ авторѣ наблюдательность. Комедія нѣсколько растянута; свахи похожи на всѣхъ свахъ; молодые люди безличны и скучны до-нельзя. Есть одно вводное лицо, которое не лишено жизни, это—пріятель богатаго купца, да и то появляется на минуту, чтобъ рельефнѣе выставить достоинства молодого образованнаго купца, лицо, которому авторъ хотѣлъ придать особенное значеніе, и которое, какъ на зло, не удалось. Новая пьеса графини Ростопчиной «Людила и Люба», не смотря на нѣкоторую длинноту, отличается прекраснымъ разговорнымъ языкомъ. Пьеса поправилась публнкѣ и авторъ былъ единодушно вызванъ.

Г. Живокини возвратился изъ своего путешествія по провинціямъ; съ нимъ ожили старыя водевили, въ которыхъ онъ всегда забавлялъ до-нельзя. Г. Щепкинъ тоже въ Москвѣ; поѣздка за границу дала ему новыя силы. Онъ играетъ очень часто.

Изъ литературныхъ новостей сообщу слѣдующее:

Г-жа Туръ написала новый романъ: *Три пары*. Г. Островскій окончилъ новую драму: «Бѣдность не порокъ». Я имѣлъ случай слышать новую пьесу г. Островскаго, которая, какъ произведеніе неизданное, не подлежитъ еще разбору; но не могу не поздравить любителей русской сцены и русскихъ артистовъ съ новымъ приобрѣтеніемъ. «Бѣдность не порокъ», по своей сжатости, по драматизму и по рельефности характеровъ, гораздо выше двухъ первыхъ его пьесъ, пользующихся

большимъ и заслуженнымъ успѣхомъ на сценахъ обѣихъ столицъ. Особенно художнически отдѣлано здѣсь лицо промотавшагося кушца.

Въ Москвитянинѣ напечатанъ большой и неоконченный романъ г. Потѣхина «Крестьянка». Романъ этотъ читается съ живымъ сочувствіемъ къ лицамъ, созданнымъ прихотливою фантазіею автора. Прекрасное изложеніе и живой разсказъ дѣлаютъ крестьянку довольно замѣчательнымъ явленіемъ въ настоящей беллетристической литературѣ. Недостатокъ романа тотъ, что его главное лицо уже слишкомъ исключительное, какъ по характеру, такъ и по своему положенію.

У курляндскаго уроженца Августа Карловича Кнабе, занимающагося управленіемъ деревни Тужиловки, есть жена и дочь. Нѣмецъ аккуратенъ, честенъ и всею душою преданъ своему семейству и своимъ хозяйственнымъ распоряженіямъ. Тихо проходятъ дни его въ глуши; на глазахъ его растетъ дочь, милый добрый и послушный ребенокъ, надежда, счастье и жизнь этого скромнаго семейства. Анхенъ развивалась въ одиночествѣ; сосѣдей у Кнабе не было, знакомства не существовало; ребенокъ былъ постоянно одинъ; никто не раздѣлялъ его дѣтскихъ игръ. Наконецъ самъ случай распорядился дать Анхенъ сверстницу и подругу. Однажды она играла мячикомъ; мячъ перелетѣлъ черезъ ограду сада и какая-то крестьянская дѣвочка, хорошенькая, съ умными глазами, хотя и грязная немного, изловила на улицѣ мячикъ и подала его Анхенъ. Такъ началось знакомство между нѣмочкою и крестьянскою дочерью Анною. Онѣ часто играли вмѣстѣ и вскорѣ Анхенъ такъ къ ней привязалась, что просила своихъ матерхенъ и папа взять ее къ себѣ. Послѣ долгихъ колебаній со стороны крестьянина Ивана, Кнабе взялъ къ себѣ на воспитаніе Анюту. Аннушка расла дѣвочкой здоровой, хорошей и умной; она жила полною жизнью и два года такъ ее измѣнили, что въ ней нельзя было узнать прежней крестьянской дѣвочки. «Барышня, барышня какъ есть!» говорили между собою крестьяне. Въ развитіи Анхенъ было что-то болѣзненное, ненормальное; душа ея казалась страдающею, больною. Эта болѣзнь души выражалась и въ постоянной мечтательности, и въ этомъ-то, не дѣтски-спокойномъ, тоскливомъ выраженіи глазъ и даже въ самой физической слабости. Изъ двухъ дѣвусекъ одна была обречена на смерть, другой предстояла жизнь, полная страсти и волненій. Дочь Кнабе постоянно угасала: злая чахотка подтачивала молодую жизнь; наконецъ ее не стало. Умирая, она завѣщала крестьянскую дѣвочку своего друга, отцу и матеря; слабая и любящая натура въ вѣчномъ разставаніи съ землею утѣшала себя тѣмъ, что есть суще-

ство, которому она была полезна. Вскорѣ любовь стариковъ Кнабе переселилась на новый предметъ—на усыновленную дочь; они ее воспитали образовали и радовались ею, какъ родною дочерью. Въ то время, когда Дмитрій Петровичъ Губовъ пріѣхалъ въ сосѣднее имѣніе, Аннушка была ужь семнадцати лѣтъ. Дмитрій Петровичъ хотѣлъ заняться хозяйствомъ и познакомился съ пѣмцемъ, какъ съ человѣкомъ опытнымъ на дѣлѣ управленія имѣніями. Понятно, что, вмѣсто агрономическихъ интересовъ, вскорѣ явились другіе. Молодые люди полюбили другъ друга; Дмитрій Петровичъ увлекся до того, что хотѣлъ—было жениться, но узнавъ, что Аннушка не дочь Кнабе, а крестьянка, хотѣлъ ее увезть; молодая дѣвушка не согласилась, и онъ одинъ уѣхалъ въ Петербургъ. Вскорѣ умерла и Амалія Федоровна, жена Кнабе. Крестьянка осталась одинокой и перебралась въ избу къ отцу. Здѣсь, въ романѣ, является новое лицо это,—мужикъ Зосима, братъ Аннушки. Надъ этимъ лицомъ авторъ романа много трудился, и оно вполне удалось. Зосима, работающій мужикъ, былъ чужъ своему семейству, не находя въ немъ сочувствія; онъ пьянствовалъ, пропивалъ тулупъ и шапку, и опять работалъ, Явленіе сестры перемѣнило эту натуру, добрую, чувствительную, но прикрытую грубыми формами. Вскорѣ брата и сестру скрѣпила тѣсная дружба. Многія изъ сценъ крестьянскаго быта описаны прекрасно; пересказать ихъ трудно: ихъ надобно прочесть. Лѣтомъ является опять Дмитрій Петровичъ, опять сцены любви, опять просьба о похищеніи; но Аннушка уѣзжаетъ въ гувернантки, и Дмитрій Петровичъ возвращается въ Петербургъ. Здѣсь романъ кончается, или, лучше сказать, прерывается, потому—что авторъ обѣщается рассказать будущую судьбу крестьянки.

Бѣгло разсказанное содержаніе романа не можетъ дать о немъ полнаго понятія. Въ романѣ, небогатомъ приключеніями, главную роль играютъ характеры лицъ, тонкая наблюдательность и глубокій анализъ. Разсказъ г. Потѣхина прочтете съ большимъ удовольствіемъ. Въ послѣднихъ книжкахъ «Москвитянина» укажемъ еще на письмо Г. А. о Рашели и на подмосковную охоту В. В. «Москвитянинъ», журналъ, который не можетъ существовать безъ забавныхъ сторонъ. Забавную сторону представляютъ два явленія: 1) въ современныхъ извѣстіяхъ напечатано: «четыре мѣсяца за границей въ 1852 году; 2) «Кое—что о выставкѣ мануфактурныхъ издѣлій 1853». Чтобъ дать понятіе о разборѣ выставки, выпишу нѣсколько строкъ: «Нѣтъ возможности высказать то необычайное изумленіе, какимъ внезапно поразились и чувства и умъ при видѣ этой чудесной живой картины. Ступивъ на это мѣсто въ

первый разъ во время первой выставки въ 1834 году, я такъ былъ очарованъ сею чудесною неожиданностью, что споткнулся и чуть было не слетѣлъ внизъ кувыркомъ; затѣмъ по-крайней-мѣрѣ до тридцати разовъ на четырехъ-то выставкахъ мнѣ случилось проходить по этому мѣсту, и я всегда собирался быть тутъ осторожнѣе и рѣдкій разъ обходился безъ того, чтобъ не забылся и не спотыкался, и наконецъ на сей послѣдней выставкѣ, незадолго прѣдъ закрытіемъ ея, не миновалъ того, что всегда собирался остерегаться, и не только на самомъ мѣстѣ зазѣвался, не только споткнулся, но и полетѣлъ внизъ головой и разстянулся на полу. Ужь не знаю что такое: сильное ли мое любопытство, или *волшебное очарованіе моего ума* (сильно сказано!) при видѣ чудесной, ненаглядной картины, или то и другое вмѣстѣ сберегли меня, какъ-будто по пословицѣ: «подстлали подъ меня соломки», такъ-что мой тѣлесный составъ не потерпѣлъ нисколько (душевно рад!), лишь попортились нѣкоторыя принадлежности платья моего.» Читаешь и не вѣришь глазамъ! Все это напечатано въ ученой статьѣ, по поводу выставки. Впрочемъ, подобныхъ эксцентричностей очень много въ «Москвитиннѣ»; къ нимъ надо присовокупить и Ивана Покровскаго, неутомимо и въ потѣ лица пишущаго памятный листокъ ошибокъ, который рѣшительно никто не читаетъ и читать не будетъ.

Съ будущаго года Императорское Московское Общество Испытателей Природы будетъ издавать: «Вѣстникъ естественныхъ наукъ». Вѣстникъ будетъ сообщать большинству читателей свѣдѣнія изъ всѣхъ отраслей естествознанія. Въ составъ его войдутъ какъ свѣдѣнія изъ чистой науки, такъ и многочисленныя приложенія къ различнымъ вопросамъ общественной жизни. Составъ редакціи новаго повременнаго изданія ручается за успѣхъ предпріятія. Редакція обратила вниманіе и на внѣшнюю сторону «Вѣстника»; полтипажи и рисунки, приготовленные для изданія, не уступаютъ заграничнымъ. Полтипажи припечатанные при объявленіи редакціи о выходѣ «Вѣстника», дѣлаютъ честь нашему молодому художнику Рихау.

Послѣ долгихъ ожиданій и различныхъ толковъ pro и contra, циркъ наконецъ отворилъ свои двери для публики. Представленіе началось 1-го декабря и продолжается постоянно по три и по четыре раза въ недѣлю. Циркъ снаружи представляетъ довольно-простое зданіе, а внутри отдѣланъ даже съ роскошью. Открытіе послѣдовало неожиданно; многіе и не знали, что представленія начались. Въ настоящее время новая зала всегда почти полна. Будетъ ли это постоянно продолжаться и привѣтается ли къ нашей тихой жизни эта новая забава—рѣшить трудно.

Словно чудомъ изънодь земли выросло въ весьма короткое время это обширное зданіе, между малымъ театромъ и Голицинскою галереєю. Внутри циркъ отдѣланъ слѣдующимъ образомъ: съ одной стороны его устроена сцена, обширностью своею равняющаяся сценѣ сгорѣвшаго Московскаго Большаго театра, оркестръ сдѣланъ механической, выдвигной, какъ въ петербургскомъ циркѣ; у сцены обширная арена, вокругъ которой устроены ложи, за которыми начинаются три яруса амфитеатра и нѣсколько литерныхъ ложъ. Все это убрано просто, но мило и со вкусомъ. Въ циркѣ упражняется труппа волтижеровъ Императорскихъ петербургскихъ театровъ. Искусство ея вѣдѣмъ извѣстно, а ловкость и красота наѣздницъ уже образовали въ Москвѣ *циркистовъ*, готовыхъ всегда повторять о циркѣ стихи Вѣлопятина. *

Глаза тамъ разбѣаются,
Тамъ зала такъ блеститъ,
Тамъ шарфы раздуваются —
Величественный видъ!

Впрочемъ, московская публика посѣщаетъ циркъ еще неслишкомъ охотно: она къ нему еще не привыкла и притомъ въ городѣ господствуетъ какое-то странное предупрежденіе, что циркъ или сгоритъ, или провалится. Этотъ слухъ распустилъ какой-то недоброжелатель эквилибристики и лошадиного искусства. Но циркъ, въ дѣйствительности очень хорошо устроенный, опровергаетъ этотъ слухъ со славою и уничтожить его совершенно пушечными выстрѣлами, когда *выдержитъ «Блокаду Ахты*, идущую въ первый разъ 7 января.

Москву издревле называютъ «кормилицею»; и дѣйствительно, она заслуживаетъ это названіе своимъ радушіемъ, своею готовностью помогать бѣднымъ и страждущимъ. Не даромъ сказалъ о ней одинъ изъ московскихъ поэтовъ:

И на жертвы благія щедра,
Вышегнѣннаго ставить сребра,
Все мое дѣло любви и добра!

Московскія газеты полны извѣстіями о пожертвованіяхъ, которыми москвичи, съ любовью слѣдующіе за блистательными подвигами русскихъ воиновъ на берегахъ Дуная, на волнахъ Чернаго моря, на турецкой границѣ Закавказскаго Края, выражаютъ свое сочувствіе, содѣй-

* См. статейки въ стихахъ безъ картинокъ.

ствуя своею заочною помощію русскимъ ратникамъ раненымъ, въ славныхъ подвигахъ нашего войска, или семействамъ убитыхъ. Но въ это же время москвичи не забываютъ бѣдныхъ страждущихъ, находящихся подлѣ нихъ, въ самой Москвѣ.

19 ноября, въ день кончины въ Бозѣ почивающаго Императора Александра Павловича торжество ежегодно бываетъ въ Москвѣ благотворительное, достойное памяти незабвеннаго Монарха. Въ этотъ день бываетъ собраніе Московскаго Попечительнаго о тюрьмахъ Комитета, оканчивающееся обыкновенно тѣмъ, что пожертвованіями, по-большей-части самихъ членовъ этого Комитета, растворяются двери Рабочаго Дома, и содержащіеся въ немъ за недоимки, искупленные этими жертвованіями, получаютъ свободу и еще несутъ съ собою благотворительную дань для перваго обезпеченія ихъ семействъ. Въ нынѣшнемъ году, по прибытіи въ зданіе Смирительнаго и Работнаго Домовъ м. гражданскаго губернатора И. В. Кашиста и членовъ Комитета, совершена была членомъ Комитета протоіереемъ П. Е. Покровскимъ Божественная литургія, а по окончаніи ея—панихида за упокой души въ Бозѣ почивающаго Императора. Послѣ того въ одной изъ залъ составленъ былъ комитетъ. Оказалось, что неизвѣстное лицо еще наканунѣ распорядилось взносомъ суммы за всѣхъ содержащихся въ Рабочемъ Домѣ, и Комитету оставалось освободить всего четырехъ человекъ, вновь прибывшихъ въ этотъ день, взносомъ за нихъ 161 рубль. Присутствовавшіе члены щедро снабдили каждаго изъ освобожденныхъ деньгами для перваго пособія семействамъ.

Такимъ-то образомъ памятный день кончины Императора Александра I въ двадцать восьмой уже разъ ознаменованъ въ Москвѣ особннымъ подвигомъ благотворительности. И при этомъ нельзя въ настоящее время не вспомнить, что прекрасная мысль о благотворительности въ память дня кончины Императора Александра I принадлежитъ достойнѣйшему изъ членовъ Московскаго Тюремнаго Комитета О. П. Гаазу, который такъ еще недавно похищенъ смертію, и котораго вся жизнь посвящена была облегченію участи заключенныхъ.

Московский Вдовій Домъ, одинъ изъ многочисленныхъ памятниковъ христіанской благотворительности, блаженной памяти Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Онъ учрежденъ въ 1803 году, и въ концѣ прошлаго года совершилось пятидесятилѣтіе его существованія. Декабря 6-го отпразднованъ торжественно пятидесятилѣтній юбилей этого прекраснаго учрежденія. Въ ознаменованіе этого праздника Государь Императоръ изво-

лилъ пожаловать Вдовьему Дому портретъ Августѣйшей его основательницы.

Извѣстно, что цѣль этого заведенія состоитъ въ призрѣннн престарѣлыхъ и неимущихъ вдовъ, которыхъ мужья прослужили безпорочно въ гражданской или военной службѣ не менѣ десяти лѣтъ, но еще не приобрѣли по службѣ своей права на пенсію. По установленію, Московскій Вдовой Домъ даетъ приютъ въ своихъ стѣнахъ 130 вдовамъ, кромѣ тѣхъ, которыя содержатся въ немъ на счетъ благотворителей. Но тѣмъ еще не ограничивается благотворительность этого заведенія: отъ Вдовьяго Дома получаютъ ежегодной пенсіи по 30 р. сер. до 500 вдовъ, непомященныхъ въ его стѣнахъ.

Въ числѣ призрѣваемыхъ въ домѣ вдовъ, находится разрядъ, такъ называемыхъ сердобольныхъ вдовъ, посвятившихъ себя на хожденіе за больными; ихъ теперь до шестидесяти.

Къ довершенію торжества Московскаго Вдовьяго Дома, въ тотъ-же день совершенно посвященіе вдовъ въ званіе сердобольныхъ сестеръ. Этотъ умилительный обрядъ, по обыкновенію, совершается митрополитомъ Филаретомъ. Послѣ данной посвященными вдовами присяги, іерархъ возложилъ на нихъ знакъ сердоболія—золотой крестъ съ изображеніемъ Богоматери Радости, всѣмъ скорбящимъ, причемъ г. управляющій Вдовимъ Домомъ вручилъ каждой изъ нихъ свидѣтельство, подписанное всѣми членами Опекунскаго Совѣта.

22-го декабря происходило малое освященіе обновленной церкви во Временной тюрьмѣ. Не прошло еще и года со дня, въ который праздновано было такое же освященіе храма въ Тюремномъ Замкѣ, возобновленнаго на иждевеніе московскаго купца С. Т. Прохорова. Подражая его благочестивому примѣру, церковный староста храма Временной тюрьмы, Ѡ. И. Рябинъ, пожелалъ принести и свою лепту на благолѣпіе этого храма, вѣреннаго его попеченію. Митрополитъ Филаретъ, по совершеніи первой литургіи, произнесъ къ присутствовавшимъ поучительное слово; а Ѡ. И. Рябинъ, по случаю освященія храма, пожертвовалъ въ пользу арестантовъ 300 р. сер.

Трудно исчислить, сколько добра дѣлается въ Москвѣ благотворительность общественная и частная. Даже бесполезные праздничные, поздравительные визиты начинаютъ замѣняться добрымъ дѣломъ. Лицъ, жертвующихъ въ пользу бѣдныхъ въ дамское попечительство о бѣдныхъ въ замѣнъ праздничныхъ визитовъ, съ каждымъ годомъ все увеличивается. Кстати объ этомъ обществѣ. Оно своими дѣйствіями кормитъ не одну

сотню семействъ, даетъ воспитаніе не одной сотнѣ молодыхъ людей. Даже пріятное оно соединяетъ съ полезнымъ: оно устроиваетъ разныя увеселенія и, доставляя средства веселиться, оно съ тѣмъ вмѣстѣ заставляеть, почти невольнo, совершать доброе дѣло.

Такъ 18, 19 и 20 декабря была устроена въ залахъ Благороднаго Собранія ярмарка въ пользу бѣдныхъ. Большая зала Благороднаго Собранія, въ эту ярмарку, уставленная палатками, изъ которыхъ одна другой была лучше, представляла зрѣлище интинно великолѣпное. Богатство палатокъ и товаровъ спорило со вкусомъ ихъ выбора и размѣщенія. По обѣ стороны входа въ залу были устроены двѣ прекрасныя палатки, одна въ видѣ кіоска С. А. Римской Корсаковой, другая, бѣлая, съ рѣзбою, увитая плющомъ, поражающая своею изящною простотою и вкусомъ, устроена В. Д. Римской-Корсаковой. Подлѣ нея высился богато-великолѣпный шатеръ баронессы Н. О. Бодѣ; далѣ прекрасная китайская палатка, отдѣланная дорогою китайскою матеріей—А. П. Васильчиковой, подлѣ нея, убранная зеркалами, палатка Е. Б. фонъ-Бринъ, представляла что-то волшебное. Посреди залы, у входа въ ту комнату, гдѣ стоитъ бюстъ Императрицы Екатерины, и въ прошломъ году устроенъ фонтанъ, находилась великолѣпная палатка предѣлательницы Дамскаго Попечительства о бѣдныхъ, княгини С. С. Щербатовой. Оригинально устроенная палатка М. П. Гучковой, заключала рядъ палатокъ вдоль стѣнъ собранія; но посреди его находились еще двѣ прекрасныя палатки: одна, въ видѣ раковины, Е. О. Рюминой, и другая, вся изъ цвѣтовъ и зелени, В. П. Головиной. Кромѣ того, нѣсколько столовъ, съ продающимися въ пользу бѣдныхъ изящными вещами, были разставлены въ разныхъ мѣстахъ залы. Дамы, участвующія въ попечительствѣ о бѣдныхъ, занимались сами продажею вещей въ этихъ палаткахъ. Посѣтители ярмарки могли слышать хоръ цыганъ, оркестръ Сакса, военную музыку; для дѣтей устроено было нѣсколько увеселеній, а послѣдній день ярмарки заключился концертомъ, который былъ исполненъ любителями. Не только отдѣльные исполнители, но и самый оркестръ былъ составленъ изъ артистовъ-любителей, подъ управленіемъ извѣстнаго музыканта и композитора В. И. Радвильова. Въ лотереяхъ, проигрышныхъ и безпроигрышныхъ, можно было попытать свое счастье.

Высочайше-утвержденное Московское Благотворительное Общество 1837 года, давало 13-го декабря 1853 года, въ залахъ Благороднаго Собранія, въ пользу женскихъ частныхъ школъ этого Общества, балъ съ лотереєю и алегри, привлекшій многочисленныхъ посѣтителей; а 10 января 1854 года, тоже въ залахъ Благороднаго Собранія, данъ балъ съ сюрпризами, въ пользу московскихъ дѣтскихъ пріютовъ.

Главная зала собранія была освѣщена электрическимъ солнцемъ. Это для Москвы еще совершенная новостъ. Затѣмъ, чрезъ четверть часа, вся зала въ $\frac{3}{4}$ минуты химически освѣтилась 2,250 свѣчами. Василій Густавовичъ Эйхлеръ, извѣстный здѣсь химикъ, принялъ на себя исполненіе этого освѣщенія. Въ заключеніе былъ пропѣтъ народный гимнь: «Боже, Царя храни» 600 голосами, въ сопровожденіи 200 инструментовъ.

НОВЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТЪ.

ВѢСТИ ИЗЪ ВНУТРЕННЕЙ РОССИИ.

Молебствіе на кадьярскихъ высотахъ. — Угощеніе драгунъ и казаковъ въ Тифлисѣ. — Даровой спектакль. — Открытіе тифлисской дивизионной артиллерійской школы. — Освѣщеніе новаго моста черезъ Куру. — Закладка двухъ желѣзныхъ пароходовъ въ Твери. — Астраханское пароходное общество, для сообщенія между каспійскими пристанями. — Первый пароходъ на рѣкѣ Аа. — Пароходное сообщеніе между обоими берегами Двины, въ Ригѣ. — Открытіе анатомическаго театра въ Кіевѣ. — Сужденіе о вновь открытой въ Кіевѣ пещерѣ. — Археологическая находка во Владимірѣ. — Благотворительный базаръ въ Одессѣ. — Сѣверное сіяніе въ Колязинѣ. — Бѣлки и рябчики въ Вологдѣ и въ Сибири. — Картина, пожертвованная Ригѣ гг. Генриетъ. — Новый театръ въ Рязани. — Г. Живописки — въ Воронежѣ, Казановѣ — въ Кіевѣ, Разими — въ Черниговѣ и Контскій — въ Ставрополѣ. — Борисоглѣбскія слободы. — Театръ въ Таганрогѣ.

Много торжествъ совершается въ Россіи въ великій день 20 ноября, много величія видится въ этихъ торжествахъ; но, безъ сомнѣнія, ни одно изъ торжествъ не было величественнѣе молебствія, совершеннаго въ этотъ день русскими войсками на кадьярскихъ высотахъ.

Это молебствіе было совершено въ главномъ отрядѣ дѣйствующаго корпуса на турецкой границѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ наканунѣ отрядъ встрѣтился съ главными непріятельскими силами, и гдѣ, послѣ упорнаго, кроваваго боя, отнявъ у непріятели большую часть артиллеріи, весь лагерь и обозъ, онъ совершенно разбилъ его.

Парадъ молебствія состоялъ изъ частей всѣхъ войскъ отряда; на немъ присутствовалъ командиръ корпуса съ своимъ штабомъ и жители ближайшихъ армянскихъ деревень, которые, послѣ сраженія, толпами стекались въ нашъ лагерь, радуясь даже временному освобожденію отъ тяжелаго ига своихъ властителей мусульманъ. Солдаты на парадѣ были въ тѣхъ же муцидрахъ, въ которыхъ наканунѣ были въ бою, одежда и оружіе ихъ сохраняли еще слѣды вчерашняго дѣла.

Молебствіе началось въ 11 часовъ утра и было совершено двумя священниками отряда, посреди каре, составленнаго изъ войскъ. Сперва была отслужена панихида о всѣхъ павшихъ наканунѣ, а потомъ нача-

лось благодарственное молебствіе за одержанную побѣду и за долгоденствіе Государя.

Къ концу молебствія пришли нѣсколько армянскихъ священниковъ, въ полномъ облаченіи, съ Евангеліями и крестами. Они стали поодаль и сначала не принимали участія въ молебствіи, но когда было произнесено многолѣтіе Государю, то и они присоединили свою молитву къ общей.

По окончаніи молебствія, войска проходили церемоніальнымъ маршемъ мимо командира корпуса, который въ простыхъ выраженіяхъ, но отъ сердца, благодарилъ ихъ за вчерашніе подвиги и поздравлялъ съ торжественнымъ днемъ.

То же громкое ура, которое наканунѣ смущало враговъ, еще разъ раздавалось на томъ же полѣ; но въ этотъ разъ оно было выраженіемъ искреннихъ вѣроподданническихъ чувствъ.

Текутъ на брань побѣдоносныя войска русскія, всюду граждане угощаютъ ихъ хлѣбомъ-солью; но одно изъ самыхъ замѣчательныхъ угощеній было въ Тифлисѣ для восьми эскадроновъ драгунскаго Е. К. В. наслѣдника принца виртембергскаго полка и донской № 7-го батареи, встрѣченныхъ у московской заставы самимъ княземъ-наместникомъ, который, пересиливъ болѣзнь, на конѣ выѣхалъ полюбоваться давно знакомыми ему героями. Угощеніе этимъ храбрецамъ предложилъ, бывшій два года тифлисскимъ градскимъ главой, почетный гражданинъ Юсифъ Аванасьевичъ Миримановъ отъ себя и отъ почетнаго же гражданина Аршакуни съ К°. Когда было отслужено молебствіе и брызги святой воды упали на ряды воиновъ, началось угощеніе. Все было приготовлено на широкую руку. Солдаты усѣлись за длинные столы, уставленные кушаньями. Офицеры и приглашенные гости размѣстились въ палаткахъ, гдѣ была приготовлена закуска.

Въ два съ половиной часа, драгунскіе и артиллерійскіе офицеры и нѣкоторые изъ тифлисскихъ гражданскихъ и военныхъ чиновъ, по приглашенію же г. Мириманова, собрались въ залъ Дворянскаго Собранія на обѣдъ, послѣ котораго былъ данъ для нихъ даровой спектакль. Играли однодѣйствіе «Луція» и водевилъ О. А. Кони: «Не влюбляйся безъ памяти, не женись безъ разчета», а затѣмъ были различныя танцы. Въ семь съ половиной часовъ театръ представлялъ оригинальное, рѣдкое зрѣлище. Отъ верху до низу онъ былъ наполненъ военными, за исключеніемъ только нѣсколькихъ ложъ, гдѣ помѣстились родственницы драгунъ. Храбрые воины доставили и своимъ дамамъ возможность видѣть спектакль, даваемый въ ихъ честь. Въ креслахъ были офицеры, въ ложахъ, стульяхъ и райкѣ солдаты.

Повсюду красовались мундиры, видѣлись мужественныя лица; среди затѣливыхъ арабесковъ изнѣженнаго Востока, надъ сіяющимъ золотомъ барьеромъ ложь, блестя кованныя кавалеристскіе эполеты. Сперва на лицахъ солдатъ замѣтно было удивленіе, недоумѣніе: куда это, дескать, они попали: съ любопытствомъ разглядывали они эту странную сіяющую залу, эти комнатки подъ нумерами — логи, гдѣ за-сѣли они такъ удобно, и всю эту живопись, все это диво-дивное. Но скоро они увлеклись представленіемъ и надъ ними музыка произвела свое обычное впечатлѣніе, и ихъ слухъ, привыкшій къ шуму битвъ и къ хорамъ полковыхъ пѣсенниковъ, поддался обаятельному вліянію, итальянской музыки. «Истый соловей! говорили они про m-me Роффи. Не мало занимала ихъ и игра г. Мухина, который, въ качествѣ мужа девяти женъ, былъ въ большихъ хлопотахъ. «Вишь угораздило его на девяти жениться!» Объ искусствѣ танцовщицъ отзывались они съ большимъ уваженіемъ... Но одинъ неожиданный сюрпризъ поразилъ не только солдатъ,—все присутствующіе въ театрѣ были пріятно изумлены, когда г-жа Яблочкина, игравшая роль русской жены многоженца, послѣ просьбы публики повторить прекрасныя куплеты про матушку-Москву, дорогую сердцу русскому, гдѣ-бы, въ какой-бы далекой сторонѣ оно ни билось, вмѣсто куплета, кончившагося стихами:

Ахъ! во снѣ и наяву
 Все мечтаю про Москву!
 Ай лю-ли! лю-ли! лю-ли!
 Про родимую Москву,
 Бѣловаменную!

прошла слѣдующій, случая ради написанный куплетъ:

А другой-то край у насъ,
 Нашъ воинственный Кавказъ;
 Грозный старецъ боевой—
 Онъ Россіи часовой.

Онъ не дремлетъ на часахъ,
 Горцамъ онъ внушаетъ страхъ
 И на Турка онъ готовъ,
 Только кликнетъ казаковъ
 Да драгуновъ-молодцовъ;
 Грянетъ молніей штыковъ
 Да и съ Богомъ на враговъ.

Да! прекрасенъ край у насъ,
 Нашъ воинственный Кавказъ!
 Ай лю-ли! лю-ли! лю-ли!
 Охраняющій Кавказъ,
 Русь прославленную.

Эффектъ, произведенный этими стихами, восторгъ услышавшихъ ихъ—были невыразимы, загремѣли рукоплесканія и радостные клики; заставили г-жу Яблочкину повторить куплетъ нѣсколько разъ, и нѣсколько разъ ее вызывали, бросали ей букеты.

Такъ кончился въ Тифлисѣ этотъ замѣчательный спектакль.

1-го ноября происходило въ Тифлисѣ открытіе дивизионной артиллерійской школы, построенной на лѣвомъ берегу рѣки Куры, близъ казармъ учебнаго батальона. Открытіе этого полезнаго для батарей заведенія, въ которомъ будутъ образовываться фейерверкеры, происходило торжественнымъ образомъ, въ присутствіи исправляющаго, за отсутствіемъ начальника артиллеріи, должность его, генераль-маіора Годлевскаго 1-го и артиллерійскихъ штабъ и оберъ-офицеровъ, находящихся въ Тифлисѣ. Послѣ совершенія молебствія въ классной залѣ, гдѣ были разложены въ порядкѣ артиллерійскія и фортификаціонныя модели, и окропленія святою водою воспитанниковъ и всего заведенія, всѣхъ комнатъ удобно, и даже роскошно убранныхъ, священникъ съ діакономъ провозгласили предъ фронтомъ будущихъ артиллеристовъ вѣчную память въ Божѣ почивающему генераль-фельдцейхмейстеру Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Павловичу. Потомъ воспитанники и всѣ присутствующіе перешли въ столовую, просторную и свѣтлую залу, въ которой были приготовлены столы для обѣда, предъ начатіемъ котораго, генераль-маіоръ Годлевскій сказалъ воспитанникамъ приличную торжеству рѣчь.

Въ Тифлисѣ же 8-го ноября было освященіе и открытіе каменнаго моста черезъ Куру. На этомъ мѣстѣ рѣка Кура раздѣляется Мадатовскимъ островомъ на два рукава. Черезъ правый рукавъ перекинута въ 1854 году одна арка, сложенная изъ штучнаго тесаннаго камня на желѣзныхъ скобахъ и пилонахъ; она имѣетъ отверстіе въ 15 сажень, ширина проѣзжей части $3\frac{1}{2}$ сажени, каждаго троттуара 6 ф.—всего тридцать шесть футовъ. Мостъ черезъ лѣвый рукавъ состоитъ изъ пяти кирпичныхъ арокъ, отверстіемъ каждая въ 9 сажень; ширина проѣзжей части 3 сажени, троттуаровъ 1 сажень $4\frac{1}{2}$ фута,—всего тридцать футовъ; устой и быки мостовъ заложены на скалистомъ днѣ рѣки и выведены до горизонта высокихъ водъ изъ штучнаго тесаннаго камня, укрѣпленный желѣзными скобами, пилонами и связями. Надводныя же

ихъ части сложены изъ бутоваго камня съ кирпичною облицовкою. Перрла на мостахъ предположены чугуныя.

Производителемъ работъ при постройкѣ моста былъ инженеръ-капитанъ Бликса, помощниками его были штабъ-капитанъ Пенчинскій и подпоручикъ Шороховъ.

Построеніемъ этого моста, красиваго и прочнаго, Тифлисъ навсегда соединится съ Куками, бывшими еще такъ недавно предметіемъ города и сдѣлавшимися нынѣ одною изъ его частей. (С. П. В.)

Въ Твери 2-го ноября заложены первые два желѣзные парохода, назначенные для постояннаго плаванія съ пассажирами и легкими грузами между Тверью, Рыбинскомъ и Ярославлемъ, а впоследствии и до Нижняго-Новгорода. Пароходы эти построены въ Бельгій, потомъ разобраны по частямъ, и въ такомъ видѣ доставлены въ Петербургъ, а оттуда, по желѣзной дорогѣ, въ Тверь. Преосвященный Гавріилъ совершилъ лично молебствіе, по окончаніи котораго, окропилъ святою водою кили и штевни этихъ пароходовъ, послѣ чего раздались первые удары молотовъ, и мастеровые, разставленные по мѣстамъ, дружно принялись за работу. (Т. В.)

Для содержанія правильныхъ рейсовъ между каспійскими пристанями образовалось въ Астраханн частное пароходное общество, имѣющее фирму Рѣпина, Никольскаго и К°. Прежде, до 1852 года, на Каспійскомъ морѣ ходили только казенные пароходы; появленіе же частныхъ пароходовъ имѣетъ для коммерціи ту выгодную сторону, что они могутъ, не уходя на зимовію въ Астрахань, а оставаясь, примѣрно, въ баклинскомъ портѣ, дѣлать свои рейсы круглый годъ и содержать торговое сообщеніе не только между персидскими и туркменскими берегами, закавказскими гаванями, но и между одними приморскими пунктами Персіи. Дешевизна провозной цѣны на нашихъ пароходахъ и быстрота доставки товаровъ должны пріобрѣсти новой компаніи общее сочувствіе персидскихъ торговцовъ, а увеличеніе и расширеніе круга операцій еще болѣе оживитъ наше судоплаваніе по Каспію. (А. Г. В.)

На рѣкѣ Аа, протекающей у Вельмара, появился первый здѣсь виданный пароходъ. Не смотря на низкое столніе воды въ рѣкѣ, пароходъ прошелъ благополучно отъ Циррикау до Вайка и выше. Въ возможности этого судоходства удостовѣрились пробною пѣздкою на пароходъ вверхъ и внизъ по рѣкѣ, а потому важность проведенія канала между рѣкою Аа и Двиною, или озеромъ Стинтъ, не подлежитъ болѣе сомнѣнію. Черезъ это Рига поставлена будетъ въ прямое сообщеніе съ внутренними мѣстами губерніи доставить сельскимъ произведе-

ніямъ новый выгодный сбытъ, особенно въ весеннее и осеннее время, когда ни одинъ крестьянинъ не рѣшается ѣхать на телѣгѣ въ Ригу.

Устройство сообщенія между обоими берегами Двины посредствомъ пароходовъ, нарочно предназначенныхъ для сей цѣли, наконецъ приведено въ исполненіе и уже доставляетъ многочисленныя выгоды. Вслѣдствіе вновь возникшихъ предварительныхъ вопросовъ по постройкѣ желѣзной дороги изъ Риги въ Динабургъ, приглашены были туда, для совѣщанія, строитель варшавско-вѣнскаго желѣзной дороги и нѣкоторые другіе инженеры. На слѣдующей недѣлѣ тамъ откроется выставка фабричныхъ и промышленныхъ произведеній. Всѣ еще съ удовольствіемъ вспоминаютъ о результатахъ подобной-же выставки, бывшей за два года предъ симъ. Желательно, чтобъ нынѣшній разъ были собраны главнѣйшіе матеріалы для описанія выставленныхъ предметовъ. 15-го ноября исполнилось триста лѣтъ со времени основанія здѣшней городской бібліотеки. (Риж. В.)

Въ Кіевѣ торжественно освящено зданіе Анатомическаго театра Университета Св. Владиміра. Въ половинѣ втораго часа пополудни, въ секціонной залѣ Анатомическаго театра совершено было благодарственное молебствіе, въ присутствіи г. исправляющаго должность генералъ-губернатора, управляющаго кіевскимъ учебнымъ округомъ, генералъ-адъютанта князя П. И. Васильчикова и нѣкоторыхъ другихъ лицъ; потомъ всѣ части зданія окроплены святою водою и провозглашено многолѣтіе Государю Императору и всей Августѣйшей Фамиліи. Предъ провозглашеніемъ многолѣтія въ главной аудиторіи, профессоръ анатоміи А. П. Вальтеръ произнесъ рѣчь, въ которой, въ краткомъ введеніи, объяснивъ значеніе настоящаго торжества, коснулся исторіи постройки зданія Анатомическаго театра. Краснорѣчивый профессоръ сказалъ, что Анатомическій театръ есть монументъ, выражающій то направленіе, которому до-сихъ-поръ слѣдовалъ медицинскій факультетъ здѣшняго Университета, направленіе, состоящее въ томъ, что факультетъ, опираясь на науку, дѣлаетъ ее благотворною для жизни. Въ заключеніе г. Вальтеръ, въ общемъ очеркѣ представивъ исторію анатоміи въ Россіи, съ чувствомъ національной гордости припомнилъ, что первымъ основателемъ анатоміи въ отечествѣ нашемъ былъ Петръ Великій, который, изучая въ Сардамѣ искусство кораблестроенія, учился въ то же время, анатоміи у Рюйша.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о самомъ зданіи Анатомическаго театра. Въ секціонной залѣ, едва-ли не единственной по обширности и устройству въ Европѣ, замѣчательно чрезвычайно удачное ея освѣщеніе. Свѣтъ проходитъ сюда не только отъ оконъ справа и слева, но еще

падаетъ сверху. Для сохраненія чистоты воздуха, сверхъ обыкновенныхъ вентиляторовъ, придуманы особые душики и отводы, снабжающіе и тепломъ и чистымъ воздухомъ; ибо въ зданіи устроено пневматическое отопленіе, кромѣ того, въ залѣ этой находятся камины; словомъ: придумано все, чѣмъ можно предотвратить нечистоту воздуха, неудобство, почти неизбежное въ заведеніяхъ этого рода. Далѣе, рядомъ съ этою залой, устроены аудиторія, комната для прозектора и комната для инъекцій. Посреди зданія, прямо отъ входа съ парадной лѣстницы, находится главная аудиторія. Налѣво отсюда устроены профессорскіе кабинеты для занятій, съ разными принадлежностями; третья аудиторія и химическая лабораторія съ стѣнною шкафною печью Либиха. Во второмъ этажѣ, на лѣстницѣ, потолокъ лѣпной работы—единственное украшеніе, которое замѣчается въ этомъ зданіи,носящемъ отпечатокъ изящной простоты. Съ площадки лѣстницы ходъ въ кабинетъ нормальной анатоміи, окруженный шкафами и освѣщенный сбоку и сверху. Къ этому кабинету примыкають другіе два кабинета: справа патологической анатоміи, а слѣва—анатоміи сравнительной. Новый Анатомическій театръ, удовлетворяя вполне своему назначенію, по великолѣпію и удобству, не имѣетъ ничего подобнаго не только въ Россіи, но и въ чужихъ краяхъ. Наружный фасадъ греческой архитектуры, простой, легкой и красивой. Зданіе, въ 25 оконъ, заключаетъ въ себѣ одинъ этажъ, и только посрединѣ возвышается второй этажъ въ семь оконъ. Постройка Анатомическаго театра со всѣми принадлежностями: служительскимъ флигелемъ, зданіемъ для животныхъ, назначенныхъ для физиологическихъ опытовъ и мацераций, стоитъ 137,000 рублей.

Извѣстно, что, при устройствѣ въ Кіевѣ спуска отъ Военно-Никольскаго собора къ Цѣпному мосту черезъ Днѣпръ, 25-го мая 1853 года открытъ входъ въ древнюю пещеру, находящуюся въ береговомъ откосѣ, который, по проекту устроеннаго спуска, назначался къ срытію.

По послѣдовавшему Высочайшему повелѣнію, пещера эта была изслѣдована въ духовномъ, гражданскомъ и археологическомъ отношеніяхъ особо составленнымъ для сего комитетомъ, подъ предѣлательствомъ помощника попечителя кіевского учебнаго округа, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Юзефовича, изъ намѣтника Кіево-Печерской лавры архимандрита Іоанна, адъюнкта Императорскаго Университета св. Владиміра, коллежскаго совѣтника Шульгина, вѣдомства Путей Сообщенія подполковника Кербедзя, чиновника особыхъ порученій при кіевскомъ, подольскомъ и волынскомъ генералъ-губернаторѣ, коллежскаго ассесора Андреевскаго и начальника лаврскихъ конописцевъ послушника Петра Львова.

Въ № 41-мъ кievскихъ губернскихъ вѣдомостей напечатанъ журналъ комитета; въ журналѣ этомъ изложены результаты его изслѣдованій въ новооткрытой пещерѣ. Мы извлекаемъ изъ него слѣдующія важнѣйшія мѣста: о положеніи пещеры, о предметахъ, открытыхъ въ ней, и общее заключеніе о ея важности.

1) Въ духовномъ отношеніи: а) новооткрытая пещера не заключаетъ въ себѣ въ настоящее время никакой святыни, которая-бы давала ей особенную священную важность, значеніе мѣста святаго, долженствующаго храниться навсегда неприкосновеннымъ. б) Нѣтъ никакихъ историческихъ преданій, ни устныхъ, ни письменныхъ, чтобъ эта пещера когда-либо и въ прежнее время была нарочитымъ хранилищемъ какой-либо павѣстной отечественной святыни, впоследствии изъ нея вынесенной, или мѣстомъ богоугоднаго труженничества кого-либо изъ угодниковъ Божіихъ, которые-бы особенно прославились святостью жизни и благодатными дарованіями, и которыхъ память для насъ драгоценна. в) Современное значеніе ея одно: она служитъ нынѣ только новымъ свидѣтельствомъ и любопытнымъ, но отнюдь не рѣдкимъ памятникомъ того древняго пещернаго подвижничества, на которое указывалъ еще св. апостоль (Евр. XI. 38), когда, въ показаніи силы вѣры и терпѣнія вѣрующихъ, напоминалъ, что тѣ, ихъ же не бѣ достоинъ весь міръ, скитались въ пустыняхъ и въ горахъ, и въ вертепахъ, и въ пропастьяхъ земныхъ, и которое не только въ Кіевѣ и его окрестностяхъ, но и во многихъ другихъ мѣстахъ православной Россіи, давно уже засвидѣтельствовано, на память потомству, многими подобнаго рода подземными памятниками, сохранившимися и донынѣ въ первобытной ихъ цѣлости и имѣющими всю достовѣрность и несомнѣнную священную важность.

2. Въ археологическомъ отношеніи, при существованіи въ Кіевѣ и его окрестностяхъ пещеръ всѣхъ родовъ, въ новооткрытой пещерѣ имѣютъ цѣну и заслуживаютъ сохраченія только изображенія и надписи пещерныя.

А потому самая пещера, по снятіи съ нея рисунка и вѣрной копіи образа и надписей, безъ всякой потери для церкви и для науки, можетъ быть скрыта, особенно когда этого потребуютъ живые интересы современной намъ дѣйствительности, тѣмъ болѣе, что и

3. Изъ изслѣдованія пещеры въ гражданскомъ отношеніи открывається, что, находясь слишкомъ недалеко отъ поверхности земли и будучи подвержена вліянію сырости, эта пещера въ такомъ видѣ, въ какомъ она теперь находится, грозитъ скорымъ разрушеніемъ.

Во Владимірѣ, на половинѣ пути отъ Успенскаго собора къ па-

виллову, близъ дорожки, открыта была еще археологическая находка, именно: на глубинѣ полутора аршина, основаніе какого-то древняго строенія изъ дикихъ камней, залитыхъ цементомъ. Что это было за строеніе—ни изъ лѣтописей, ни изъ преданій неизвѣстно. Камни употребляются на устройство торговой площади. Почти на всемъ пространствѣ поверхностныхъ здѣсь разрытій, находимы были въ значительномъ количествѣ бѣлые и дикіе камни, крѣпкій цементъ, кирпичъ, частью булыжники и рѣдко кафли. (В. В.)

Въ Одессѣ былъ благотворительный базаръ, по поводу одного страшнаго пожара, продолжавшагося двои сутки на Итальянской улицѣ. Огромный красивый домъ г. Понятовскаго сгорѣлъ до тла; и если владѣлецъ его не пострадалъ отъ этого, потому-что домъ былъ застрахованъ, то страшно пострадали его многочисленные жильцы. Въ пользу послѣднихъ тотчасъ составилъ базаръ, и часть этого предпріятія принадлежитъ одесскимъ дамамъ.

Базаръ, устроенный здѣшними дамами въ пользу погорѣвшихъ въ домѣ Понятовскаго, превзошелъ всякія ожиданія по успѣху, по огромному сбору и по удовольствію, которое онъ доставилъ одесской публикѣ. (О. В.)

Въ Тверской губерніи, въ Калязинѣ было съ 19 на 20 октября сѣверное сіяніе. Началось оно въ 11 часовъ и 20 минутъ ночи, продолжалось до часу и 13 мин. Сначала явились два столба яркаго желто-краснаго цвѣта. Эти столбы, вытягиваясь болѣе и болѣе, каждую минуту расходились далѣе и далѣе другъ отъ друга и наконецъ разсыпались огромнымъ заревомъ, охватившимъ всю сѣверо-западную часть неба. Это зарево, то вспыхивая, то потухая, перпендикулярными полосами синеваго-розоваго цвѣта, продолжалось часъ и семь минутъ. Наконецъ оно постепенно начало сокращаться и снова слилось въ два столба, которые, сгущаясь, болѣе и болѣе приближались другъ къ другу, и наконецъ слились въ одинъ. Вспыхнувъ еще разъ яркимъ заревомъ, явленіе кончилось. Изъ этихъ, несовѣмъ обыкновенныхъ у насъ явленій народное суевѣріе выводитъ много разныхъ предеказаній; но говорить о нихъ считаю бесполезнымъ.

Всемъ извѣстно, какую важную отрасль промышленности составляютъ у насъ бѣлки и рябчики. Нынѣ, по неурожаю еловыхъ шишекъ, сѣмя которыхъ служитъ главною пищею этимъ животнымъ, особенно зимою, когда земля покрыта бываетъ глубокимъ снѣгомъ, бѣлка большими партіями бѣжитъ на Сѣверъ, гдѣ она, какъ говорятъ зыряне-промышленники, гибнетъ въ лорѣ, а рябчики летятъ туда, гдѣ надѣются отыскать для себя болѣе обильную пищу. Удаленіе этихъ животныхъ

сильно огорчаетъ промышленниковъ вологодскихъ и они опасаются встрѣтить неудачи въ своихъ промыслахъ. Кстати о бѣлкахъ. Въ Сибирѣ есть обычай, что, съ наступленіемъ зимы, торговцы отправляются на Лену и Киренгу съ товарами и вымѣниваютъ у крестьянъ бѣлку, лисицу и другихъ пушныхъ животныхъ. Другіе ѣздятъ далѣе, покрутая тунгусовъ въ долгъ, то-есть до будущихъ промысловъ, чѣмъ иногда очень выигриваютъ покрутчики въ изобильный годъ, а иногда и своихъ не выручаютъ. Тунгусы очень хитры: въ неурожайный годъ они стараются не показываться кредитору на глаза. Юрта тунгусовъ, не желая платить долга покрутчику, перекочевываетъ въ другое отдаленное мѣсто, болѣе удобное для прожитія и неизвѣстное покрутчику, такъ-что кредиторъ теряетъ надолго слѣды своихъ друзей-должниковъ.

Въ Варшавѣ, какъ и во всей остальной Россіи, земледѣльческія машины все болѣе входятъ въ употребленіе, а потому фабриканты этихъ машинъ завалены работой. Одинъ изъ нихъ, по имени Лилипупъ, посѣщавшій уже лондонскую всемірную выставку, въ нынѣшнемъ году ѣздилъ въ Дублинъ и закупилъ тамъ много полезныхъ машинъ, чтобы, по образцу ихъ, изготовлять такія-же для здѣшнихъ сельскихъ хозяевъ. Фабрикація хлопчатобумажныхъ и полушерстяныхъ издѣлій нынѣшнимъ лѣтомъ шла довольно успѣшно, и пашъ польскій Манчестеръ въ мѣнятырѣ Лодзи, принималъ въ этомъ значительное участіе. Напротивъ, торговля сукномъ и другими шерстяными товарами шла въ Варшавѣ въ ноябрѣ тихо. Свеклосахарные заводы вели свои дѣла столь-же успѣшно, какъ и прежде.

Проживающіе въ Ригѣ дижонскіе живописцы Карлъ и Людовикъ Генріеттъ, желая надолго оставить воспоминаніе о себѣ въ этомъ городѣ, принесли въ даръ тамошнему собору превосходное произведеніе живописи: «Спаситель, благословляющій апостоловъ Петра и Іоанна»; оно длиною 19, а шириною 17½ футовъ, и по величинѣ равняется окну собора, лежащему насупротивъ главныхъ дверей.

Въ Рязани открытъ новый театръ 11-го ноября благороднымъ спектаклемъ въ пользу бѣдныхъ. Объ этомъ спектаклѣ можно только сказать, что онъ былъ хорошъ, какъ всѣ благородные спектакли. Обыкновенныя-же представленія начались съ 15-го. Въ первый разъ давали три водевила: «Цирюльничъ стихотворецъ», который, не смотря на свою игривость, спасающую его отъ паденія цѣлыя 25 лѣтъ, былъ разыгранъ плоховато; «Барская-же спѣсъ» и «Водевиль съ переодѣваньемъ» были даны и приняты какъ нельзя лучше. Лавровы, въ роляхъ крестьянина и крестьянки, были очень хороши. Въ послѣдней пьесѣ отличались Линдроты. Г. Линдротъ въ роляхъ франтовъ и фатовъ очень не

дурень. Г-жа Линдротъ недурна собою; она хорошо измѣняла себя въ переодѣваньяхъ: была ловка цыганомъ и натуральна старухою. Впрочемъ, половины труппы еще не было на сценѣ. Тамъ боятся только, чтобы и этотъ новичокъ—театръ не заразился приманчивымъ примѣромъ другихъ: давать то, что ему не подь—силу, забывая, что лучше угощать мелочами—да хорошими, чѣмъ большими, но безобразно сыгранными пьесами.

Въ Воронежѣ давалъ свои представленія заслуженный московскій артистъ Живокинъ, недавно возвратившійся изъ своего путешествія по разнымъ городамъ Россіи. Онъ былъ приглашенъ дирекціей воронежскаго театра на десять представлений, и въ каждое представленіе публика встрѣчала и провожала артиста громкими рукоплесканіями и дружнымъ вызовомъ. Въ Воронежѣ даже находятъ, что игра г. Живокина исполнена глубокаго юмора. Независимо отъ заѣзжихъ актеровъ, въ Воронежѣ есть городской театръ, на которомъ отличаются гг. Васильевъ, Славскій, Шванъ и г-жа Соленикъ, о которыхъ въ воронежскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ отзываются съ неменѣе громкими похвалами.

Казанова съ своими обезьянами началъ давать представленія въ Кіевѣ, въ театрѣ на Подолѣ, но съ меньшимъ успѣхомъ, чѣмъ въ другихъ городахъ; отсюда Казанова ѣдетъ, какъ гласитъ афиша, въ Варшаву. Кромѣ театра обезьянъ, въ Кіевѣ пріѣхалъ извѣстный вольтижеръ Гверра. Циркъ ужь строится на Крещатикѣ и въ скоромъ времени труппа вольтижеровъ начнетъ свои представленія. 22-го ноября въ контрактной залѣ данъ былъ благородный спектакль въ пользу бѣдныхъ Подольской части. Водевилы: «Мужъ, какихъ мало, и жена, какихъ много», «Что и деньги безъ ума» и «Что имѣемъ, не хранимъ» составляли спектакль, сборъ котораго, за исключеніемъ издержекъ, простирался до 500 рублей серебромъ.

Г. Разими, прославившійся своими мимико-эквилибристическими представленіями, въ октябрѣ предсталъ передъ черниговскою публикой, которая, однако, состояла всего изъ тридцати человѣкъ, по-крайней-мѣрѣ, въ первое его представленіе. По обыкновенію, онъ изумилъ всѣхъ ловкостью своей труппы и своею собственною. Онъ теперь прибылъ въ Москву и началъ свои представленія въ циркѣ; отсюда онъ отправится въ Петербургъ. (В. Г. В.)

Въ то время, какъ г. Разими восхищалъ Черниговъ, г. Аполлинарій Контскій дѣлалъ то же своими эквилибрами на скрипкѣ въ Ставрополѣ. Концертъ его былъ данъ 23 октября и кончился восторженными рукоплесканіями и безчисленными вызовами. Контскаго ожидали и въ Тифлисѣ, но онъ почему-то туда не поѣхалъ.

Въ Ярославской губерніи, Ростовскаго уѣзда есть село графа Панина «Борисоглѣбскія слободы». Онѣ особенно замѣчательны своими торгами. По понедѣльникамъ на торгахъ этихъ вы видите товары, которые и во многихъ городахъ требуются очень рѣдко. Зимой почти ежедневно продается здѣсь немалое количество разныхъ шелковыхъ матерій цѣною въ 1 р. 50—1 р. 75 коп. сер. за аршинъ, множество суконъ, мѣховъ и т. п., и все это покупаютъ крестьяне. Но изъ всѣхъ понедѣльниковъ особенно замѣчательны масляничные, въ которые бываетъ здѣсь катанье: у нѣкоторыхъ изъ крестьянъ есть лошади въ 200—300 руб. сереб., во 100 же и 150 р.—у многихъ; сани оклеены орѣхомъ; сбруя тяжело набрана накладнымъ серебромъ. Напившись чаю (а не вина) въ трактирахъ, которыхъ здѣсь четыре, крестьяне выходятъ гулять на базаръ: мужчины въ лисьихъ, нѣкоторые даже въ енотовыхъ шубахъ, женщины въ шелковыхъ салонахъ на лисьемъ мѣху, съ капюшонами, обшитыми шелковою бахромой, а самыя богатыя изъ нихъ въ бархатныхъ салонахъ и почти всѣ салонницы въ шляпкахъ—да, въ бархатныхъ и атласныхъ шляпкахъ, привезенныхъ мужьями изъ С. Петербурга, гдѣ онѣ или огородничаютъ, или торгуютъ въ зеленыхъ лавкахъ. Года три тому назадъ, показались только двѣ первыя шляпки, черезъ годъ ихъ насчитывали до 20, а еще черезъ годъ ужъ болѣе 40. *La mode on va-t'elle se nicher.*

ТАГАНРОГСКІЙ ТЕАТРЪ.

Между провинціальными театрами, по своей наружной обстановкѣ, таганрогскій театръ долженъ занять одно изъ первыхъ мѣстъ. Сцена его помѣстительна и удобна, ложи красивы и въ два яруса, декораций удовлетворительны... къ тому же хорошій оркестръ, изрядное освѣщеніе и уютность дѣлаютъ честь таганрогской дирекціи, подъ управленіемъ которой онъ состоитъ.

Репертуаръ таганрогскаго театра, во время двухмѣсячной бытности нашей въ Таганрогѣ, заключался въ комедіяхъ, водевиляхъ и другихъ пьесахъ, кромѣ драмъ, по преимвѣннѣю драматическихъ артистовъ. Между прочимъ, давали: «Суженаго конемъ не объѣдешь», «Карета, или по платью встрѣчаютъ, по уму провожаютъ», «Школьный учитель», «Прежде скончались, потомъ обвинчались», «Нѣтъ денегъ, дайте сдачи», «Дипломатія жены», «Одинъ миллионъ», «Домовой», «Шалуны», и другія.

Въ отношеніи артистовъ, первое похвальное слово принадлежитъ г. Дорошенко. Онъ съ успѣхомъ занимаетъ разнохарактерныя ампула:

солидныхъ, вѣтренниковъ, глухихъ, волокитъ, гулякъ, скупыхъ и проч. и во всемъ одинаково недурень.

Можно смѣло сказать, что между провинціальными артистами, онъ вездѣ займетъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ. Г. Алексѣевъ, комикъ харьковской труппы, очень хорошъ... но въ игрѣ г. Алексѣева иногда видна напыщенность, театральность, а г. Дорошенко умѣлъ отъ нея освободиться. И въ роли Хлыстикова «Прежде скончались, потомъ обвѣнчались», гдѣ скупость главный элементъ, и въ роли Гусакова, «Нѣтъ денегъ, дайте сдачи», гдѣ, напротивъ, обрисовано мотовство, онъ былъ одинаково-хорошъ: обѣ страсти переданы имъ жизненно, рѣзко, ясно и въ границахъ приличія и простоты. Вообще комизмъ и ловкость г. Дорошенко возбуждаютъ чистосердечный смѣхъ въ зрителяхъ; а прекрасная манера и точное, находчивое пониманіе характера имъ олицетворяемыхъ персонажей, постоянно приковываютъ къ нему вниманіе зрителя... Но и г. Дорошенко можно сдѣлать одинъ и весьма справедливый упрекъ: онъ слишкомъ самонадѣянъ и, при званіи сцены и талантливой игрѣ, большой другъ и пріятель суфлера.

Наряду съ г. Дорошенко, въ артистическомъ отношеніи, стоитъ г-жа Розанова. Эта молодая, недурная собой артистка занимаетъ амплу молодыхъ любовницъ, кокетокъ, наивныхъ, вѣтренныхъ субретокъ и проч. и она вездѣ и во всемъ до того приближаетъ зрителя къ натурѣ, что онъ забываетъ малеванные холсты, забываетъ актрису, но видитъ настоящее дѣйствующее лицо въ натуральномъ быту, безъ ужимокъ, безъ натяжекъ, хотя въ ней много разечитанной наивности и обдуманнаго простосердечія. Къ несчастью, другія артистки таганрогской дирекціи далеко неравныя по таланту съ г-жою Розановой, превосходятъ ее наружностью. Мы говоримъ «къ несчастью», потому что и въ Таганрогѣ есть свои львы и онагры, которые цѣнятъ выше красоту, чѣмъ талантъ. Мы знаемъ здѣсь такихъ актрисъ, которыя даже и въ «Офеліи» субретки, а имъ почетъ, ласка и вызовъ...

Въ то время, какъ истинный талантъ остается незамѣченнымъ, справедливость нашихъ словъ поддерживается тѣмъ, что тѣ пьесы, въ которыхъ г-жа Розанова дѣйствуетъ одна, напримѣръ: «1000000». «Дипломатія жены» и другія идутъ отчаянно отъ начала до конца; но въ пьесахъ, требующихъ совокупности нѣсколькихъ артистовъ, напримѣръ: «Домовой» и другихъ, игра г-жи Розановой къ концу замѣтно измѣняется и измѣняется отъ холодности публики.

Г. Шухтъ одаренъ комическимъ талантомъ и былъ-бы весьма хорошъ на своемъ мѣстѣ, еслибы не старался къ искусству прибавлять, для эффекта, крикъ, непріятную мимику и бѣготню. Эти недостатки рѣзко

бросаются въ глаза зрителю и часто заставляютъ его смѣяться отъ души—не надъ изображающимъ лицомъ, а надъ самимъ актеромъ; и г. Шухтъ, принимая этотъ смѣхъ за наличное награжденіе, еще болѣе усиливаетъ свои недостатки.

Г-жа Михайлова въ роляхъ пожилыхъ, сварливыхъ женщинъ, служанокъ, и проч., очень недурна, когда забываетъ слѣдовать примѣру г. Шухта. Однако, скажемъ откровенно, что эта любовь къ каррикатурѣ проявляется въ ея игрѣ неочень часто.

Роли г-жи Соболевой часто не отвѣчаютъ ея лѣтамъ; но въ роляхъ, соотвѣтствующихъ ея силамъ и наружности, игра ея естественна и выказываетъ знаніе сцены.

Г-жи Звѣрева и Громова очень недурны собой, имѣютъ хорошенькіе, выразительные глаза, пріятные голоса, стройныя и гибкія талии. О талантахъ ихъ мы лучше умолчимъ.

Г-жа Дорошенкова въ легкихъ роляхъ служанокъ, кухарокъ и старухъ—не дурна.

Г. Соболевъ, артистъ не безъ дарованія и не безъ чувства, но онъ почему-то поставленъ на весьма отдаленный планъ, а потому трудно войти въ подробную оцѣнку его таланта.

Есть въ таганрогскомъ театрѣ еще одно лицо, о которомъ надо упомянуть. Это г. Александръ. Актеромъ его назвать не смѣемъ, потому что онъ не играетъ, а говоритъ, но говоритъ, точь-въ-точь какъ школьникъ говоритъ свой урокъ, т. е. безъ всякаго сочувствія, холодно, безъ всякаго выраженія. И этотъ г. Александръ занимаетъ роли страстныхъ любовниковъ!.. Впрочемъ, г. Александръ еще очень молодъ, довольно привлекательной наружности, имѣетъ порядочный голосъ и, можетъ-быть, стараніе, прилежаніе, сила воли—если она въ немъ пробудится—поставятъ его на степень актера.

Въ заключеніе надо сказать, что таганрогскій театръ близокъ къ своему улучшенію: нѣсколько образованныхъ лицъ, а въ томъ числѣ и просвѣщенный градоначальникъ Таганрога, приняли живое и дѣятельное участіе въ судьбѣ здѣшняго театра.

(*Ваддей Березкинъ*).

РЕПЕРТУАРЪ
РУССКОЙ СЦЕНЫ.

ТОМЪ III.

1854.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

РЕПЕРТУАРЪ
РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 1.

ВОРОНА ВЪ ПАВЬИХЪ ПЕРЬЯХЪ.

ОРИГИНАЛЬНЫЙ ВОДЕВИЛЬ ВЪ ТРЕХЪ ДВѢЙСТВІЯХЪ.

Соч. НИКОЛАЯ КРЕСТОВСКАГО.

РУССКОМЪ СЦЕННМЪ

№ 1

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ ЛОКТЕВЪ, докторъ.

АННА КАРЛОВНА, жена его, изъ нѣмокъ.

ВЛАСЬЕВНА, нянька при ихъ дѣтяхъ.

ПАРАША, дочь ея.

АНТОНЪ ШАРОВЪ, маркеръ.

ЗАРЪЦКИЙ, молодой франтъ.

СЕНЬКА, мальчикъ изъ трактира.

2 } Слуги Шарова.

Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ: 1-й актъ въ домѣ доктора; 2-й и 3-й—въ домѣ Шарова. Между дѣйствіями проходитъ по нѣскольку мѣсяцевъ антракта.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ приемную комнату въ домѣ доктора; стулья, креслы и столы по обѣимъ сторонамъ; дверь въ срединѣ — общій входъ; направо отъ актера — въ кабинетъ доктора; направо — въ дѣтскую.

I.

ДОКТОРЪ и **АННА КАРЛОВНА**, сидятъ за столомъ на лѣвой сторонѣ на лѣстницѣ и пьютъ чай; **ВЛАСЬЕВНА** стоитъ у стола.

ВЛАСЬЕВНА. Да, батюшка, Павелъ Петровичъ, ужъ будь и отцомъ посаженнымъ (*кланяется въ пояс*).

ДОКТОРЪ. Изволь, изволь, Власьевна! не кланяйся: за твою усердную при моихъ дѣтяхъ службу я все сдѣлаю и для твоихъ дѣтей. Такъ твоя дочка пріѣхала?

ВЛАСЬЕВНА. Вчера, батюшка, вечеромъ.

ДОКТОРЪ. Покажи намъ свою ярославочку: вотъ и жена моя хочетъ ее видѣть.

АННА КАРЛОВНА. (*нѣмецкимъ выговоромъ*). Я, я, мой хошетъ види.

ВЛАСЬЕВНА. Покажется-ли вамъ, сударыня, дѣвка простая, деревенская! Она теперъ тамъ, въ моей коморкѣ, съ женишкомъ

болтаеть. А онъ, голубчикъ, узнавъ о ея прїездѣ, чуть свѣтъ прибѣжалъ.

ДОКТОРЪ. Вѣдь ты говорила, что женихъ здѣшній, петербургскій.

ВЛАСЬЕВНА. Нѣтъ, онъ нашъ землякъ, ярославецъ; а только служить здѣсь, въ Питерѣ, по счетной части, тамъ гдѣ-то, на Невской прошектѣ; и какъ онъ объяснилъ, то мѣсто кажется важное такое... вотъ не могу сударь растолковать, гдѣ именно онъ служить.

ДОКТОРЪ. А! Вѣрно въ купеческой конторѣ?

ВЛАСЬЕВНА. Куда на купеческой! Подымай выше! Вотъ изволите видѣть:

Домъ на Невской есть прошектѣ
Среди улицы большой;
Тамъ Антоша нашъ въ решеcktѣ,
Между знатю дѣловой.

Тамъ шаровъ балотировка
По зеленому столу...
У Антоши-же сноровка—
Съ палкою стоять въ углу:

Тамъ, какъ набольшой, по праву,
Счетъ, итогъ, все онъ ведетъ;
Судъ чинить имъ, и расправу,
И награды раздаеть.

Люди все большаго тона
Тамъ и день и ночь снуютъ...
И по должности Антона
Всѣ маркеломъ тамъ зовутъ!..

ДОКТОРЪ (*смѣясь*) Понимаю, онъ просто маркеръ!

ВЛАСЬЕВНА (*важно*). Знай нашихъ! Просто маркель, батюшка!

АННА КАРЛОВНА. А што, эта женихъ кароша собою?

ВЛАСЬЕВНА. Молодчикъ! такой смѣлый, да ловкій, ужъ видно, въ хорошемъ мѣстѣ служить!

ДОКТОРЪ. Что мудренаго: выросъ въ трактирѣ. Ну, давай-же сюда жениха съ невѣстой!

II.

ТЪ ЖЕ и ПАРАША, въ костюмѣ родины.

ПАРАША (*изъ дѣтской*). Матушка! иди, маленька барышня бѣсть хочеть!

АННА КАРЛОВНА (*вскакивая изъ-за стола*). Сейшасъ мой самъ пошла! Нянька и твой пошла! (*уходитъ въ дѣтскую, отвѣчая на поклонъ Парашин*).

ВЛАСЬЕВНА. Бѣгу, бѣгу! (*Парашин, которая хочеть уйти*). А ты куда, дурочка? постой, поклонись: вотъ мой хозяинъ. (*Параша кланяется*). Да поблагодари барина: онъ идетъ Антону въ отцы посаженные (*идеть въ дѣтскую*).

ПАРАША. (*скоро кланяясь*). Спасибо, баринъ!.. (*бѣжитъ за матерью*).

ВЛАСЬЕВНА (*становясь въ дверяхъ*). Куда-же ты? Павелъ Петровичъ хочеть познакомиться съ тобою. (*Параша все порывается уйти; мать не пускаеть ее*).

ДОКТОРЪ (*вставъ и закуривъ сигару*). Да, да, Параша, останься.

ПАРАША (*тихо матери*). Какъ-же, матушка, остаться? А Антоша—то тамъ?..

ВЛАСЬЕВНА (*подводя къ доктору*). Видите, сударь, что ее тянетъ: тамъ зазнобушка, женишокъ дожидается.

ПАРАША (*застыдась*). Ахъ! что ты это, родимая?

ДОКТОРЪ. Иди-же къ барышнѣ и присылай сюда жениха!

ВЛАСЬЕВНА. Ахти! я было забыла! (*Убѣгаетъ въ дѣтскую*).

ДОКТОРЪ. Ну подойди-же, Параша, не дичись. Неужели ты боишься меня?

Нѣтъ, я, баринъ, не боюсь,
Мнѣ не страшно быть съ тобой,
Говорить лишь я стыжуся
Съ деревенской простотой.

ДОКТОРЪ (*любуясь*). Какъ идетъ къ тебѣ этотъ сарафанчикъ! особливѣ, къ этимъ чернымъ глазкамъ — красotka!

ПАРАША (*продолжая пѣть*).

Красотою мнѣ не льстили;
Въ сарафанѣ я—коза;

А за глазки такъ хвалили
И въ глаза и за-глаза.

ДОКТОРЪ. Еще-бы! И ты любишь своего жениха?

ПАРАША (продолжая на тотъ же голосъ).

Да ужъ еслибъ не влюбилась,
И по мысли не нашла,
То-бы въ Питерь не пустилась,
Въ Ярославль-бы жила!

(Увидѣвъ входящаго Антона).

А вотъ и Антонъ!

III.

ТЪ ЖЕ и АНТОНЪ въ длиннополой сибиркѣ, съ бородкой; волосы длинные въ скобку. Онъ довольно-худощавъ.

АНТОНЪ (клянясь). Простите, сударь: матушка Власьевна послала меня сюда?

ДОКТОРЪ. Да, да, я хотѣлъ съ тобою познакомиться?

АНТОНЪ. Покорнѣйше благодаримъ-съ!

ДОКТОРЪ. Смотри-же, прошу любить эту дѣвушку!

АНТОНЪ. Что-съ? Вы просите любить Прасковью Андреевну? Помилуйте-съ!.. это я и безъ просьбы съѣлаю... наше дѣло-съ.

ДОКТОРЪ. Да нѣтъ любезный, ты не балагурь, я вѣдь знаю откуда ты...

АНТОНЪ (перебивая). Русской природы, ярославской породы, мѣщанинъ по званью, маркеръ по прозванью.

ДОКТОРЪ. Вижу, ты пребѣдовый! Смотри не проиграй жену!

АНТОНЪ. Такую партію? Нѣтъ, да и на что-же-съ? Я и теперь накопилъ кое-что къ свадьбѣ... а еслибы посчастливилась одна штукенція... да что сударь, сказать правду: я всю жизнь мечтаю о богатствѣ... у меня есть предчувствіе какое-то, что я страшно разбогачу! (докторъ смѣется). Да что вы, сударь, смѣтаетесь... авось... все можетъ быть.

ДОКТОРЪ (стука по его головѣ). Ну, братъ, тутъ столичный вѣтеръ посвистываетъ: въ Петербургъ всѣ на авоську надѣются. Ну, Параша, жаль мнѣ тебя!.. Гдѣ ты съ этимъ сумасбродомъ сошлась?

АНТОНЪ.

Въ Ярославѣ прошлымъ лѣтомъ,
Какъ Парашу увидалъ,
Распрощался я съ дублетомъ,
И клапшотъ свой потерялъ!
Карамболи, абриколи —
Все прошло, пропалъ ударъ!
Кіемъ высохъ по неволѣ,
Пожелтѣлъ какъ желтый шаръ!..

И я, знаете, молодцомъ явился къ нимъ въ Ярославъ: кафтанъ не кафтанъ, платокъ не платокъ. Параша сначала только искоса на меня поглядывала... а я ужъ самъ какъ-то разъ нечаянно взглянулъ ей прямо въ глаза — ну, поминай какъ звали! Изволите посмотрѣть, сударь, что это за червончики блестятъ...

ДОКТОРЪ. Да, да...

НАРАША (*увлекаясь*). Ахъ, Антоша, а какимъ ты молодцомъ явился къ батюшкѣ!

АНТОНЪ. Да ужъ про меня чтó и говорить!

Только по мосту пройду,
Какъ, бывало, къ нимъ иду...

ПАРАША.

Поджидаю я давно —
И люблюсь чрезъ окно:
Онъ и бѣлъ такъ, и румянъ,
Стянуть въ синій свой кафтанъ.

АНТОНЪ (*отворотивъ фалды, прохаживаясь*).

Полы машутся
Раздуваются!

ПАРАША.

А на шей-то платокъ
Словно аленькій цвѣтокъ!

АНТОНЪ (*выставляетъ фуляръ и прохаживается*).

А въ карманъ-то другой —
Тò персидской, голубой!

ОБА.

Словомъ: я — (онъ) былъ молодецъ
Точно питерской купецъ!

ДОКТОРЪ. Ну, ну, давай вамъ Богъ совѣтъ да любовь! Черезъ недѣлю мы отпразднуемъ здѣсь, въ моемъ домѣ, вашу свадьбу.

ПАРАША И АНТОНЪ. Покорнѣйше благодаримъ... много вашихъ милостей.

ГОЛОСЪ СЛУГИ И МАЛЬЧИКА (за сценой). Очень нужно... на пару словъ... да пусти-же?

ДОКТОРЪ. Что тамъ за шумъ?

IV.

ТЪ ЖЕ И МАЛЬЧИКЪ изъ трактира.

МАЛЬЧИКЪ (врываясь, кричитъ). Антонъ Ермолаичъ! Антонъ Ермолаичъ, пожалуйста скорѣй, скорѣй, скорѣй!

АНТОНЪ (деря его за волосы). Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ! Не смѣй безъ спросу, пострѣленокъ, въ барскіе покои лѣзть. Простите, сударь, онъ глупъ...

МАЛЬЧИКЪ. Антонъ Ермолаичъ! Ваше благородіе, отдерите меня еще за волосы, только идите скорѣе! Да что же вы?..

АНТОНЪ. Кой чортъ тамъ? Али хозяинъ пришелъ спозаранокъ?

МАЛЬЧИКЪ. Какой хозяинъ! Знаете-ли, вѣдь вы.. да нѣтъ, баринъ не велѣлъ сказывать... бѣгите, бѣгите!

АНТОНЪ. Какой баринъ? Что сказывать? Говори сейчасъ! (хватаетъ его за уши).

МАЛЬЧИКЪ (задыхаясь отъ нетерпѣнія). Лотерея!.. вотъ эта лотерея-то, что вы билеты берете!..

АНТОНЪ (деря его за уши). Ну, ну?

МАЛЬЧИКЪ. Самый-то огромный нумеръ, что былъ напечатанъ палочка съ шестью ониками...

АНТОНЪ (то же дѣйствіе). Ну, Сеня, ну?..

МАЛЬЧИКЪ. Этотъ баринъ говоритъ, выиграли вы?..

АНТОНЪ (*въ восторгъ*). Я!! (*Поднимаетъ его и цѣлуетъ на воздухъ*). Сеничка!.. Сеня... Семень! Сенька!.. не ври... не ври, я теперь тебя не выпущу!..

МАЛЬЧИКЪ. Ей-ей-съ! Да вотъ и самъ баринъ!

V.

ТЪ ЖЕ И ЗАРЪЦКІЙ входитъ скоро.

ЗАРЪЦКІЙ. Извините, г. докторъ, что я вхожу безъ доклада, но дѣло такой важности...

ДОКТОРЪ. Неужели и въ правду этотъ молодецъ выигралъ?

ЗАРЪЦКІЙ. Милльонъ!

АНТОНЪ И ВСѢ. Милльонъ!!!

АНТОНЪ (*въ восторгъ, обнимаетъ одной рукой Заръцкаго и доктора, а другую таскаетъ за собой мальчика, обхвативъ ему шею*). Василий Игнатьичъ, сударь, позвольте васъ разцѣловать! Я васъ не забуду, сударь!

ЗАРЪЦКІЙ. Какъ другъ, поздравляю васъ, Антонъ Ермолаичъ!

АНТОНЪ (*приходя къ доктору*). Голубчикъ! ваше превосходительство, что это такое.

ДОКТОРЪ. Счастье, братецъ, поздравляю!

АНТОНЪ. Позвольте и васъ обнять! (*плача*) Боже мой! я всегда только и желалъ одного—денегъ... и вдругъ милльонъ! А что, сударь, отъ такого счастья сходятъ съ ума?

ДОКТОРЪ. Случается; да вотъ и ты теперь хорошъ: забылъ и про невѣсту! Посмотри, она не смѣетъ и подойти къ тебѣ.

АНТОНЪ (*переходя сцену*). А! Прасковья Андревна! (*хочетъ обнять ее, и только тутъ замѣчаетъ мальчика*). Это что такое? Пошелъ ты прочь, чертенокъ!

МАЛЬЧИКЪ (*плача*). Да вы все сами меня таскали и душили.

АНТОНЪ (*обнимая Парашу*). За все плачу! Теперь все ни по чемъ! Парашенька, душенька! Какъ мы заживемъ съ тобой! А гдѣ же матушка?

ПАРАША. Она тамъ, съ маленькой барышней...

АНТОНЪ (*пербивая ее*). Няньчигъ? Нѣтъ, теперь ужъ ей будетъ няньчиться съ чужими: пусть няньчить нашихъ дѣтей! Да, у насъ будутъ друзья, дѣти, докторъ, деньги — и все на свѣтъ!

ЗАРЪЦКІЙ. Пойдемте же скорѣе въ контору: вы должны предъ-
явить билетъ...

АНТОНЪ (*скоро*). И сейчас же получу деньги?

ЗАРЪЦКІЙ. Ну, не всё вдругъ, а сколько хотите, тамъ вамъ выдадутъ.

АНТОНЪ. Денегъ, денегъ, больше денегъ! (*Цѣлуя Зарѣцкаго*). Душечка, голубчикъ, веди меня въ эту контору; билетъ всегда со мною.

ЗАРЪЦКІЙ. Ёдемъ же!

ДОКТОРЪ (*взявъ шляпу*). И мнѣ пора съ визитами.

АНТОНЪ. Сенька! скажи тамъ хозяину, чтобы искалъ другаго маркера! Прощай, Параша!.. У! какъ я тебя разодѣну! Долой это ярославское тряпье! Брильянты, лошади, шали, кареты, чепчики, дрожки—все ни почемъ! Идемъ! (*всѣ уходятъ, кромѣ Параша*).

ПАРАША (*печальная, вздыхая*). Ахъ, Антонъ! Антонъ! страшно мнѣ что-то стало, и сердце замираетъ, и плакать хочется!

Не сули мнѣ, молодецъ,

Золотыхъ парчей,

Хочетъ сердце дѣвицы

Лишь любви твоей.

Какъ живутъ богатые?

Обойли весь свѣтъ:

Да любви-то пѣтъ!

Лучше участь бѣдная

Только-бъ съ другомъ жить;

Ахъ! съ любовью милаго

Не о чемъ тужить!

VI.

ПАРАША и ВЛАСЬЕВНА, изъ дѣтской.

ВЛАСЬЕВНА (*плывя навои*). Гдѣ Антонъ Ермолаичъ? Гдѣ мой голубчикъ? Гдѣ онъ, родной, золотой? Параша... Прасковья Андревна! Правду-ли мнѣ сказали, будто твой женихъ миллионщикъ?

ПАРАША. Правда, матушка, все правда.

ВЛАСЬЕВНА. Что-жъ ты такая грустная и скучная? Пѣй, пляши, кружись, Параша, руки въ боки подпирай!.. (*сама, подбоченясь, ходитъ*). Знай нашихъ! Вотъ какъ мы! Ай да Антонъ Ермолаичъ!..

VI.

ТЪ ЖЕ и ДОКТОРЪ изъ середины.

ДОКТОРЪ. А, вы здѣсь? Я нарочно воротился сказать вамъ: держите жениха: улетить, улетить!

ОБЪ. Какъ? что? почему?

ДОКТОРЪ. Онъ получилъ деньги, да такъ и рыскаетъ съ друзьями изъ магазина въ магазинъ... я его нѣсколько разъ встрѣчалъ на Невскомъ.

ВЛАСЬЕВНА (*обидясь*). Такъ что-жъ такое? Богатому человѣку и дѣлать больше нечего.

ДОКТОРЪ. Ну, смотри! Я вѣдь знаю, что ты сумасбродная старуха... а мнѣ жаль твою Парашу (*подходитъ къ ней*).

ПАРАША. Ахъ, сударь! я и сама не рада проклятымъ деньгамъ.

ВЛАСЬЕВНА. Да что вы, сударь, пустяки говорите: смущаете только дѣвку...

ДОКТОРЪ. Дай Богъ, дай Богъ, чтобы я ошибся! (*въ это время начинается подъ сурдиной ритурнель*). Но я видалъ на своемъ вѣку богачей-высочекъ: только деньги въ руки, заведутъ друзей да приятелей—и все прощай!

ВЛАСЬЕВНА (*во время пльня Антона*). А это чей голосокъ? А? что?

АНТОНЪ (*за кулисами поетъ*).

Конченъ, конченъ прежній путь,

Скучный и постылый;

Сладко будетъ отдохнуть

Мнѣ съ подружкой милой.

VII.

(Двери открываются лакеемъ доктора, который, при появленіи Антона, низко кланяется; мальчикъ Сенька падаетъ въ ноги, Зарѣцкій и Антонъ завитый, подбритый и одѣтый по модѣ, но съ прежними хватками, только замѣтно важничаетъ и ломается. Войдя, останавливается; смотреть на всѣхъ въ огромную зрительную трубку; видя, что всѣ ему кланяются, продолжаетъ такъ):

Лишь вошелъ — отъ всѣхъ поклонъ,

Ласка и пріятство:

Вотъ что значить миллионъ

Что значить богатство!

Закормлю всѣхъ на убой.

И друзья къ намъ кучей,

Заведусь теперь женой

Я на всякой случай.

Что я былъ?—мужикъ простой,

Бѣдный ярославецъ,

А теперь, гляди, какой

Съ Невского красавецъ!

Стянуть тамъ какъ разъ бока,

Фракомъ плечи съзывать:

И за деньги русака

Нѣмцы офранцузать;

Нѣтъ волосъ—дадутъ парикъ;

Брейся какъ татаринъ;

Съ головы: а la moujik

Съ рыла а la баринь!

Всѣ.

Поздравляемъ!

АНТОНЪ (*обнимая всѣхъ*) Конченъ и проч. (*Завѣса скоро опускается*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ гостиную, отлично меблированную; дверь направо въ спальню Шарова; дверь надъво — въ садъ; въ срединѣ общій входъ. Двери и окна богато драпированы. Трюмо и пианино.

I.

ДОКТОРЪ, ПАРАША, выходятъ изъ сада.

ДОКТОРЪ. Да вотъ твой Антонъ купилъ у меня этотъ домъ помѣстилъ васъ здѣсь; и вотъ ужъ два мѣсяца прошло, а о свадьбѣ не слыхать.

ПАРАША. Что же мнѣ дѣлать, сударь, научите меня. Я съ нимъ тиха, ласкова, послушна, потому-что, люблю его...

ДОКТОРЪ. А вотъ этого-то и не нужно показывать мужчинамъ.

ПАРАША. Какъ же-съ?

ДОКТОРЪ. Да такъ же.

ПАРАША. Да я не умѣю притворяться...

ДОКТОРЪ. А это необходимо! Ты видишь, какъ его сбиваютъ съ толку пріятели мотовствомъ, веселостью, но и ты будь весела, развязна, пой его любимыя пѣсни, плящи, если нужно, а главное — исполни его желаніе: перемѣни свой нарядъ на городской.

ПАРАША. Ахъ, сударь, да какъ это можно? мнѣ стыдно!

ДОКТОРЪ. Должно, должно! Я слышалъ, что женихъ вашъ и наряды заказалъ?

ПАРАША. Это правда; да я въ нихъ буду кукла, чучело набитое!

II.

ТЪ ЖЕ и **ВЛАСЬЕВНА** выходятъ изъ сада при послѣднихъ словахъ. **СЛУГА**, выходитъ изъ спальни и накрываетъ на столъ.

ВЛАСЬЕВНА. Врешь, врешь, дура! Сдѣлайте милость, Павелъ Петровичъ, побрани ее: не хочетъ жениху сдѣлать удовольствіе...

ДОКТОРЪ (*слугѣ*). Баринъ проснулся?

СЛУГА. Потягивается-съ.

ДОКТОРЪ. Ну поди же, поди, Параша, послушай меня и матери, а я зайду къ жениху...

ВЛАСЬЕВНА. Онъ съ тѣмъ насъ звалъ и завтракать сегодня, чтобы мы нарядились барынями....

ДОКТОРЪ. Слышишь? иди же! (уходитъ въ спальню).

ПАРАША. Да право я все боюсь...

ВЛАСЬЕВНА. Чего бояться, дурочка? Пойдемъ же! Мамзель изъ магазина насъ ждетъ. (*Кричитъ въ садовую дверь*). Эй! мамзель!

III.

ТЪ ЖЕ И МАГАЗИНЩИЦА.

ПАРАША. Нѣтъ, какъ хотите, а я не могу!

ВЛАСЬЕВНА. Да какъ ты смѣешь не слушаться! Мамзель, усѣсти хоть ты ее.

МАГАЗИНЩИЦА. Вы хоть примѣрьте, сударыня; я только посмотрю: впору ли мы сшили на васъ.

ВЛАСЬЕВНА. Вотъ ты ломалась и тогда, какъ мѣрку снимали.... вѣдь не съѣли же тебя? а теперь только примѣрь... ну, слушай же мать свою. (*Тащитъ ее*).

ПАРАША. Хорошо; примѣрить примѣрю, но ни за что сюда не приду!

ВЛАСЬЕВНА. Тамъ увидимъ. Пойдемъ, скоро женихъ придетъ. Пожалуйте, мамзель... мадамъ (*уводитъ Парашу*).

МАГАЗИНЩИЦА (*идя за ними*). Повѣрьте, барышня, вамъ такъ понравится новый нарядъ, что вы изъ него не выйдете. (*уходитъ въ садовую дверь*).

СЛУГА. (*Уходитъ за чайнымъ приборомъ*). Ха, ха, ха! Деревенщина! Хорошъ и баринъ мой! просто мужикъ необтесанный! спить до 12-ти часовъ: сытъ, здоровъ, денегъ куча—и валяется... Сытаго мужика съ печи не стонишь! Вчера къ ужину поваръ приготовилъ котлетки, жаренаго кашлуна, сладкіе воздуши и клубнику со сливками... все съѣлъ. Да еще обидѣлся на повара, почему кулебяки не было... кулебяку послѣ клубники... Эхъ! достанься мнѣ такое богатство, я бы показалъ какъ господа живутъ! а теперь, нечего дѣлать, служи...

IV.

ДОКТОРЪ И АНТОНЪ замѣтно потолстѣвшій въ бархатномъ халатѣ-сюртукѣ выходятъ изъ спальни.

ДОКТОРЪ (*щупая пульсъ*). Дя, пульсъ бьется сильно; но это ничего.

АНТОНЪ. Какъ ничего? пожалуйста помогите. (*Слугѣ*) Ты что стоишь? Пошелъ, зови барынь. (*Слуга уходитъ въ садъ*) Пожалуйста помогите!

ДОКТОРЪ. Да что ты чувствуешь?

АНТОНЪ (*показывая на голову и желудокъ*). Тяжесть и здѣсь и тутъ.

ДОКТОРЪ. Вѣрно вчера плотно поужиналъ и выпилъ лишнее...

АНТОНЪ. Все-таки я боленъ!

ДОКТОРЪ. Да чѣмъ?

АНТОНЪ. Вотъ видите, каждый разъ, только лягу спать, не успѣю закурить сигарку, вдругъ чувствую слабость во всемъ тѣлѣ... глаза сами, сами такъ и закрываются... ну просто умираю... силъ никакихъ нѣтъ!

ДОКТОРЪ (*улыбаясь*). Да, это худо; ну, а еще что чувствуешь?

АНТОНЪ. Ужасный аппетитъ! Ъмъ, ѣмъ, цѣлый день ѣмъ, а все ѣсть хочется!...

ДОКТОРЪ. (*также*). О! это черезчуръ худо!

АНТОНЪ (*жалобнымъ голосомъ*). Такъ помогите чѣмъ-нибудь.

ДОКТОРЪ. Послушай, братъ, Антонъ Ермолаичъ, я вижу, что ты трусишь смерти...

АНТОНЪ (*перебивая*). И не говорите! такъ трушу, что и слышать о ней не могу!..

ДОКТОРЪ.. Да вѣдь придется же умирать?

АНТОНЪ. Сдѣлайте милость, и не напоминайте. Я только начинаю жить, куча денегъ... нѣтъ ужъ, голубчикъ, поберегите меня... сдѣлайте чтобы я подольше жилъ...

ДОКТОРЪ. Для этого надо какъ можно скорѣе жениться...

АНТОНЪ. Женюсь, женюсь!

ДОКТОРЪ. А вотъ до-сихъ-поръ живешь съ невѣстой въ одномъ домѣ, и...

АНТОНЪ. Вотъ изволите видѣть, мнѣ хотѣлось ее приодѣть по-нашему, по-свѣтскому, да и пообтесать маленечко, такъ-какъ я самъ ужъ порядкомъ пообтесанъ; но сегодня, сегодня же вело Парашѣ готовиться къ вѣнцу!

ДОКТОРЪ. Въ такомъ случаѣ, проживешь долго. Ну, прощай пока. (*Уходитъ въ средину*).

АНТОНЪ (*вслѣдъ ему*). Прощай, Павелъ Петровичъ! голубчикъ, родной! О! такъ мы еще поживемъ!... (*приплясываетъ*).

V.

АНТОНЪ, СЛУГА, потомъ **ВЛАСЬЕВНА** и **ПАРАША**, входятъ черезъ садовую дверь за слугою переодѣтыя въ богатяя платья.

СЛУГА (*входя*). Барыни здѣсь-съ.

АНТОНЪ. Что жъ онѣ нейдутъ? Давай ихъ сюда!

СЛУГА. Я ихъ просилъ-съ, да безъ доклада не хотятъ войти...
АНТОНЪ. Да, да, такъ, хорошо; это все мать: преумная старушенція! Человѣкъ! проси барынь.

СЛУГА. *(отворяя дверь).* Сударыни, пожалуйста

ВЛАСЬЕВНА *(въ дверяхъ).* Да ну же, иди, упрямица! Антонъ Ермолаичъ, умолайте ее: все стыдится... *(тащитъ ее).* Да ну же...

АНТОНЪ *(нѣжно).* Иди-же лапушка!

ПАРАША *(вытащенная матерью, стоитъ у входа).* Ну что тебѣ надо?

АНТОНЪ. Что надо? Дай полюбоваться,

ВЛАСЬЕВНА *(проведя мимо его дочь и сама важничая).* Вотъ и мы-съ!

АНТОНЪ *(любуясь).* Ай хорошо! ай любо! ай молодцы!

ВЛАСЬЕВНА *(стоитъ передъ трюмо).* Гм! да-съ, мы хоть куда-съ!

ПАРАША *(отталкиваетъ мать).* Дай-ко, дай, матушка, взглянуть. Ахъ, какъ хорошо!.. *(любуется съ большой радостью).*

ВЛАСЬЕВНА. Что, разлакомилась? Любо небось! Пусти же и меня *(становится впереди Параша и, пятясь назадъ, любуется и охорашивается).* Фу! славно!

АНТОНЪ. Ну, что сударыня, подавать къ горячему булочки, кренделей, али сухарей?

ПАРАША *(становясь впереди матери).* И булочки, и кренделей и сухарей *(сама охорашивается).*

АНТОНЪ. Ну, а изъ горячаго-то что? Чаю, кофію, аль щекотладу?

ВЛАСЬЕВНА. И чаю и кофію и щекотладу.

АНТОНЪ. Слышишь, Федька, давай! вѣтъ хочется *(Слуга уходитъ и тотчасъ же вноситъ съ другою службой шоколадникъ, кофейникъ, корзину съ разными хлѣбными произведеніями на серебряномъ подносі, и ставитъ на столъ, гдѣ прежде былъ поставленъ серебряный же самоваръ).* Параша! А цила ты когда-нибудь щекотладу?

ПАРАША. Нѣтъ, не цила, а ты?

АНТОНЪ. Не случилось то же.

ВЛАСЬЕВНА *(важничая).* А я какъ на домахъ живала, такъ все пивала и ѣдала.

СЛУГА. Готовъ-съ, не угодно-ли?

АНТОНЪ. Еще бы не угодно, болванъ! Параша!.. Поди же, навивай; мнѣ прежде кофейю.

ПАРАША (*сидясь за столъ*). А я такъ щеколаду... Федоружка! гдѣ же щеколадъ?

СЛУГА. Вотъ онъ-съ.

ПАРАША. Да какъ же его наливаютъ-то?

СЛУГА. Такъ же, какъ кофе.

АНТОНЪ (*развалиясь въ креслахъ*). Ну, подавай, Федька. Ладно. Да съдобнаго-то давай. (*Бстъ и пьетъ съ жадностью*).

ПАРАША (*наливая шоколаду*). Экой густой какой! Да какъ славно пахнетъ! (*пробуетъ и вскрикиваетъ*). Ай! Тьфу!

АНТОНЪ (*съ набитымъ ртомъ*). Что ты?

ПАРАША. Да обожглась!

ВЛАСЬЕВНА (*наливая себѣ чаю*). Эка дура! Прежде надо подуть.

АНТОНЪ. Паша! Ахъ ты какая! налей на блюдце; вотъ такъ; теперь и пей себѣ... что? хорошо?

ПАРАША. Нечего сказать, скусъ прекрасный!.. таково сладко.

АНТОНЪ. Ну и ладно, что сладко, ну, и угощай себя (*выпивъ чашку*). Выпилъ. Половой! (*спохватясь*). охъ, бишь... человекъ! На, возьми, да давай чаю.

ВЛАСЬЕВНА. Пстой, Антоша, дай настояться.

АНТОНЪ. Ну, такъ мнѣ покамѣстъ щеколаду.

СЛУГА. Полную чашку прикажете?

АНТОНЪ. А что тѣ, жаль, что-ли?

СЛУГА (*подавал*). Извольте-съ.

АНТОНЪ. Подай и сахаръ; оно хоть и въ накладку, а не мѣщаетъ и прикуска.

СЛУГА. А гдѣ вамъ угодно завтракать? Здѣсь, или на открытомъ воздухѣ? У насъ господа все на открытомъ...

АНТОНЪ. Ну, коли господа на открытомъ, такъ нечего спрашивать, и мы на открытомъ. А что, Параша, не спѣтъ ли что-нибудь?

ПАРАША. За-столомъ-то? Что ты! грѣхъ.

СЛУГА. Помилуйте-съ, у баръ я часто слыхалъ и за столомъ поютъ-съ...

АНТОНЪ. Слышь, Параша? Ну, а коли у баръ поютъ, такъ и катай рускую!

ПАРАША. Мнѣ стыдно...

АНТОНЪ. Ну, выльзь изъ-за стола и пой! (*Параша выходитъ*).

ВЛАСЬЕВНА (*подъ ритуриель*). А ты, Федя, въ это время принеси отъ насъ шляпки и парасольки, что мадамъ изъ магазина привезла.

СЛУГА (*уходя въ садъ*). Слушаю-съ. (*Параша начинаетъ пьесную пьесню*).

АНТОНЪ (*Посль перваго мотива*). Да ты веселую махни! (*Въ это время пьесня переходитъ въ веселый мотивъ; обь пьесни по выбору актрисы. Во время веселой пьесни, Антонъ подергивается въ креслахъ, потомъ приплясываетъ съ Власьевной*).

АНТОНЪ. Лихо! славно! (*падая въ кресла*). Ужъ экое житье, подумаешь, съ деньгами!

ВЛАСЬЕВНА. Все хорошо... А когда же свадьба?

АНТОНЪ. Погоди кроху, матушка; нельзя же намъ такъ прямо жениться...

ВЛАСЬЕВНА. Чего ждатель-то?

АНТОНЪ. Просвѣщенія! Меня ужъ порядкомъ обрабатываютъ ловкіе и умные люди; надо чтобы и невѣсту пообтесали маленько. а вотъ я подарю ей этотъ домъ, дамъ приданое за собою ну—тогда женимся.

ПАРАША (*тихо матери*). Матушка! можно мнѣ Атошу поцѣловать?

ВЛАСЬЕВНА. У! что ты! Ты теперь на такой ногѣ... нѣтъ, а ты подойди, присядь, какъ барыня, и скажи ему по-нѣмецкому: мерси мусью!

АНТОНЪ. Ай да мать, славно! Точно барыня, или мадамъ изъ какого-нибудь заведенія.

ВЛАСЬЕВНА (*понукая дочь*). Ну-же, подходи; присядай вотъ такъ (*обходитъ Антона и, неловко присядая, говоритъ*), Мерси, мусью!

ПАРАША (*съ другой стороны, перенимая у нея*). Мерси... ме... какъ сказать-то?

ВЛАСЬЕВНА. Мерси, мусью.

ПАРАША. Мерси, мусью.

АНТОНЪ (*съ удовольствіемъ поглядывая то на ту, то на другую, разваливъ въ креслахъ*). Лихо! лихо!

ВЛАСЬЕВНА. Да ты съ улыбочкой, глазками на него, и вотъ этакъ (*повторяя*). Мерси, мусью.

ПАРАША (*перенимая*). Мерси, мусью.

АНТОНЪ (*въ восторгъ вскакиваетъ*).. Чудо! браво! хорошо! Мы этакъ далеко пойдемъ! Дай-же расцаловать тебя, Параша!

ВЛАСЬЕВНА (*удерживая его*). Нѣтъ, нѣтъ, не такъ! А ты расшаркайся да подойди къ ручкѣ, какъ всѣ бонтоны дѣлають... (*расшаркивается*).

АНТОНЪ (*перебивая ее*). Видалъ, знаю (*подходитъ, расшаркиваясь, сперва къ Парашь, потомъ къ Власьевнѣ*), Мамзель... Мадамъ... бонжуръ.— Каково? (*слуги вносятъ зонтики и шляпки*).

ВЛАСЬЕВНА.

Вотъ парочка! ну просто чудо!
Вы рождены всѣхъ удивлять!

АНТОНЪ.

Теперь пойдемте въ садъ покуда
Позавтракать и погулять.

(*Власьева и Параша, примѣриваютъ шляпки и распускаютъ зонтики*).

ПАРАША (*охорашиваясь и важничая*).

Я точно барыня большая!

ВЛАСЬЕВНА (*взявъ Антона подъ-ручку*).

Параша, ты бери съ другой!

(*Параша беретъ подъ другую руку*).

АНТОНЪ (*держа ихъ подъ-руки и про-
ходя по авансценѣ*).

«Вотъ мчится тройка удалая,
«Вдоль по дорожкѣ столбовой!»

(*Музыка играетъ, завѣса опускается скоро*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Театръ представляетъ кабинетъ Шарова, со вкусомъ убранный. Диваны, мягкія кресла; направо конторка. На столахъ лампы и на стѣнахъ свѣчи зажжены.

I.

АНТОНЪ и **ЗАРЬЦКІЙ**, разваливъ въ креслахъ и на диванѣ, курятъ сигары и пьютъ шампанское. У Антона большіе усы, а борода выбрита, волосы всклокочены. Онъ очень толстъ.

ЗАРЬЦКІЙ (*съ бокаломъ*). За твое здоровье, топ шер! (*пьетъ*).

АНТОНЪ. II за твое монами! Ты мнѣ лихо объясняешь значе-

ніе жизни; это значеніе жизни у мѣня изъ головы не выходитъ; и жизнь дана для... какъ, какъ ты говоришь?

ЗАРЪЦКІЙ. «Жизнь дана для наслажденья»...

АНТОНЪ. Да, «для наслажденья!» Надо умѣть пользоваться ею! Славно сказано! Это по-нашему: ѣшь, пей, веселись... а!.. вотъ оно что значить значеніе жизни! (*пѣтъ*).

ЗАРЪЦКІЙ (*пѣтъ*). То-то-же!

АНТОНЪ. А какъ-же этотъ старвй хрѣнь, докторъ, говоритъ совсѣмъ другое?

ЗАРЪЦКІЙ. Онъ понятія не имѣетъ о жизни; я тебѣ давно совѣтую прогнать его.

АНТОНЪ. Ну, а какъ хватить лихая-то болѣсть, что я тогда безъ доктора слѣлаю?..

ЗАРЪЦКІЙ. Да полно! Этого только старики боятся...

АНТОНЪ. Нѣтъ, моншеръ, знаешь, иногда и у меня затылокъ трещить, какъ прокутимъ, или проиграемъ ночью...

ЗАРЪЦКІЙ. Это отъ непривычки; играй чаще и привыкнешь. Ты посмотри на модную молодежь: они день спятъ, а съ вечера начинаютъ кутить—вотъ это и называется значеніе жизни! Какъ же тебѣ отставать отъ другихъ?

АНТОНЪ. Да и не отстаю; только деньги проклятыя скоро выходятъ!

ЗАРЪЦКІЙ. Деньги—ходячая монета; ихъ надо пускать въ ходъ; для этого и ввели въ моду игру: сегодня проигралъ, завтра выигралъ; да еще можешь выиграть вдвое противъ своего состоянія... это и называется коммерческимъ оборотомъ...

АНТОНЪ. Сегодня у насъ игра. Посмотри какъ я начну жарить!..

ЗАРЪЦКІЙ. Сегодня игра, а завтра балъ; ты непременно долженъ пуститься въ плясъ: всѣ наши дамы въ нетерпѣннн...

АНТОНЪ. Какъ-же, какъ же, онѣ всѣ аранжировали меня за полгода...

ЗАРЪЦКІЙ. То-есть ангажировали...

АНТОНЪ. Да, да, анкужировали съ-тѣхъ-поръ, какъ я началъ учиться...

ЗАРЪЦКІЙ. Ну, а какъ идутъ твои танцы?

АНТОНЪ. Лихо! я ужъ польку отхватываю! Вотъ и теперь жду танцмастера...

ЗАРЪЦКІЙ. Да, почему ты не утромъ, а вечеромъ учишься?

АНТОНЪ. Видишь, утромъ-то я люблю плотно покушать; ну,

а какъ выплюсь послѣ обѣда, такъ вотъ какъ отхватаю какой хочешь танецъ.

ЗАРЪЦКІЙ (*вставая*). Однако, mon cher, какъ ты въ годъ перемѣнился, узнать нельзя!

АНТОНЪ. Ужасно толстѣю!

ЗАРЪЦКІЙ. Нѣтъ, я говорю въ отношеніи образованія: ты сталъ ловокъ, любезенъ—настоящій баринъ!

АНТОНЪ (*важно расхаживая*). Это мнѣ всѣ говорятъ.

ЗАРЪЦКІЙ. Хорошъ—бы ты былъ съ своей деревенской красоткой!

АНТОНЪ. И не говори! Ну прилично-ли мнѣ жениться на какой-нибудь Прасковѣ? (*подумавъ*). Гм! А вѣдь что ни говори, Параша красивая дѣвка, такая статная!

ЗАРЪЦКІЙ. Да тебѣ-то не подстать!

АНТОНЪ. Правда, правда: ужъ теперь далеко до меня!

ЗАРЪЦКІЙ. А зачѣмъ-же она живетъ такъ близко?

АНТОНЪ. Ну что-жъ такое? Я даю имъ квартиру; онѣ вѣдь бѣдныя... но я ужъ ихъ съ полгода не вижу... матушка Власьева порывалась было ко мнѣ, но я, по твоему совѣту, и двери на запоръ.

II.

ТЪ ЖЕ и СЛУГА, изъ середины, потомъ **ТАНЦМЕЙСТЕРЪ**.

СЛУГА. Танцмейстеръ пріѣхалъ!

АНТОНЪ. Давай его сюда! Плясать, плясать! (*дѣлаетъ разныя па. Слуга открываетъ дверь*).

ЗАРЪЦКІЙ. Зефиръ, зефиръ! плутишка!

ТАНЦМЕЙСТЕРЪ (*старикъ со скрипкой*). Bon jour messieurs.

ЗАРЪЦКІЙ (*тихо Антону*). А вѣдь скоро и наши игроки съдутся...

АНТОНЪ. А мы тогда этого мусью по боку! Мнѣ только хочется поразмяться номножко (*присѣдаетъ*).

ТАНЦМЕЙСТЕРЪ (*подходя*). Угодно начинай?

АНТОНЪ (*стоя на третьей позиціи*). Постойте .. (*подходя мѣрными шагами*). Разъ, два, три... Подвиньтесь мусью, разъ, два, три (*оставляя ногу и кланяясь*). Мадамъ! же ву салю.

ЗАРЪЦКІЙ. Bravo! bravo! О! да какъ же ты далеко ушелъ ..

АНТОНЪ. О! я далеко ушелъ въ танцахъ!

ЗАРЪЦКІЙ. Начинай-же свой урокъ.

АНТОНЪ. Ты хочешь посмотрѣть?

ЗАРЬЦКІЙ. Я даже протанцую съ тобой за даму.

АНТОНЪ. Врешь?

ЗАРЬЦКІЙ. Да ты не робѣешь-ли при мнѣ?

АНТОНЪ. Вотъ дурака нашель? Еще прежде, вначалѣ, пожалуй, я-бы и постыдился; а теперь, послѣ шести мѣсяцевъ ученья, мнѣ—тьфу! Смотри, пожалуй.

ТАНЦМЕЙСТЕРЪ (*настроенная скрипка*). Нашинай 2-ой фигуръ кадрили.

АНТОНЪ. А позиціи и батманы нынче не будутъ?

ЗАРЬЦКІЙ. Къ чему? Ты и безъ нихъ хорошо танцуешь.

АНТОНЪ (*дѣлая батманы*). Хорошо-то, хорошо! Да все-бы лучше поразмяться.

ЗАРЬЦКІЙ. Да теперь и некогда! Играйте 2-ю фигуру. (*становятся; учитель играетъ. Антонъ уродливо и неловко танцуетъ съ Зарьцкимъ*). Bravo! bravo!

АНТОНЪ. Знай нашихъ! (*вдругъ сбивается*). Музыка! стой! Сбился!.. давай польку! (*расширивается передъ Зарьцкимъ*). Мадамъ! перьмете ву... (*вспоминая*), Да! зангаже на польку.

ЗАРЬЦКІЙ. О! какой ловкій молодець!

АНТОНЪ. Катай, мусью, польку! (*танцуетъ съ Зарьцкимъ и натыкается на вошедшаго слугу*).

III.

ТЪ ЖЕ И СЛУГА.

АНТОНЪ. Экой чортъ! Ну, что ты?

СЛУГА. Гости.

АНТОНЪ (*показывая пальцо*). Зови ихъ туда... мы сейчасъ. Извините, мусью. Приходите завтра, передъ баломъ. (*вслѣдъ слугъ*). Да подавай туда карты и вино (*слуга уходитъ*).

ТАНЦМЕЙСТЕРЪ. А нынше урокъ не буде?

АНТОНЪ (*отдавая билетъ*). Будеть, вотъ тебѣ билетъ и прощай.

ТАНЦМЕЙСТЕРЪ (*взявъ билетъ*) Merci. Adieu. (*уходя*). Славна ушеникъ! Глюпа, но богата! (*уходитъ*).

АНТОНЪ. Ну, а мы въ игру! Теперь я всю ночь проиграю.

ОБА (*напивая*).

Злато, вещь для насъ пустая! и проч.

(*Уходятъ напивая*).

IV.

ДОКТОРЪ, ВЛАСЬЕВНА, ПАРАША и СЛУГА, прежде выхода ихъ на сцену, за кулисами шумъ.

ДОКТОРЪ. Вздоръ, вздоръ! Они войдутъ со мною: я за все отвѣчаю (*входятъ всь*).

ПЕРВЫЙ СЛУГА. Да право, сударь, мы ихъ не смѣемъ пускать.

ВТОРОЙ СЛУГА. Особенно матушку Власьевну, баринъ боится, и ни подь какимъ видомъ не приказывали ее подпускать...

ДОКТОРЪ. Говорятъ вамъ, со мной можно. Гдѣ хозяинъ?

ПЕРВЫЙ СЛУГА. Они играютъ-съ.

ДОКТОРЪ (*слугамъ*). Ну, ступайте.

ПЕРВЫЙ СЛУГА. Прикажете доложить?

ДОКТОРЪ. Ненужно. Я самъ о себѣ доложу. (*слуги уходятъ*).

ВЛАСЬЕВНА. Ага! боится меня, разбойникъ! Попадись-же только мнѣ, я ему буркалы-то выцарапаю!

ДОКТОРЪ. Послушай ты, неугомонная старуха, если не уймешься, все дѣло испортишь...

ВЛАСЬЕВНА. Эхъ батюшка, Павелъ Петровичъ, сердце материнское заговорило!

АНТОНЪ. (*за кулисами*) Вина! еще вина!

ВЛАСЬЕВНА. Слышите, вина, кричить. (*Отворяя дверь*). Вотъ онъ, вотъ онъ! Безбожникъ!.. пьеть, играетъ въ карты... нѣтъ! нѣтъ! я не вытерплю, я ихъ всѣхъ опрокину! (*хочетъ войти*).

ПАРАША (*удерживая ее*). Матушка, что ты хочешь дѣлать?

ВЛАСЬЕВНА. Пусти! пусти! Я имъ покажу себя!

ДОКТОРЪ (*отводя ее*). Говорятъ тебѣ, ни съ мѣста! Если вы не будете меня слушать—все пропало!

АНТОНЪ. (*за кулисами*). За здоровье Катеньки!

ГОСТИ (*за кулисами*). Ура!..

ВЛАСЬЕВНА (*удерживаемая докторомъ*). Что? что такое? Это Антошка?

ПАРАША (*смотря въ дверь*). Онъ, онъ, матушка. Пьеть за здоровье какой-то Катеньки! (*отходитъ*).

ВЛАСЬЕВНА (*порываясь*). Слышишь, сударь?

ДОКТОРЪ. Это ничего.

За кулисами

{ **ЗАРЪЦКІЙ.** Человѣкъ! давай еще картъ!

{ **АНТОНЪ.** Ахъ чортъ возьми! какую пропасть проигралъ!

{ **ЗАРЪЦКІЙ.** Ничего, отыграешься. Вина!

ВЛАСЬЕВНА. Что, что такое?

ПАРАША. Играетъ... Антонъ блѣдный такой, страшный!

ВЛАСЬЕВНА. Ну, тутъ послѣднюю любовь выколотятъ и послѣднюю кошѣйку отнимутъ!

ДОКТОРЪ. Погоди, онъ перебьется, проиграется, и какъ у него ничего не останется, то самъ бросится къ вамъ въ ноги...

ВЛАСЬЕВНА. Что? безъ денегъ-то? Да я его тогда въ три шеи турну!

ПАРАША, Полно, матушка, стыдись! проклятое богатство! Съ тѣхъ-поръ, какъ Антонъ выигралъ мильонъ... *(музыка печальная).*

Подружилась я съ тоскою;
Вотъ и съ деньгами бѣда!
Ахъ! сквозь золото рѣкою
Льются слезы иногда!

ДОКТОРЪ. Успокойся, Параша, я ручаюсь, Антонъ будетъ твой, только умѣй съ нимъ обходиться. Ты вѣдь помнишь, какъ я тебя училъ?

ПАРАША *(весело).*

Помню, помню: притворяться,
Околесную нести;
Равнодушною казаться,
Хоть съ ума его свести!
Увѣрять, что съ нимъ шутили,
Что давно наскучили опъ;
Что толпой насъ окружили
Женихи со всѣхъ сторонъ;
Что мы страхъ разбогатѣли;
Что въ мужа мы изъ связей
Еслибъ только захотѣли
Брали-бъ графовъ и князей.
Но къ чему обманы эти?

ДОКТОРЪ.

Здѣсь обычай ужъ таковъ:
Такъ дурачатъ въ модномъ свѣтѣ
Сплошь и рядомъ жениховъ.

(За кулисами стукъ, крикъ, шумъ).

АНТОНЪ *(за кулисами).* Возьмите, чортъ васъ возьми! Вотъ деньги, а завтра и остальные отдамъ! да убирайтесь къ чорту!..

ВЛАСЬЕВНА. Что тамъ у нихъ?

ДОКТОРЪ (*смотря въ дверь*). Антонъ опрокинулъ столъ! Идетъ сюда... Спрячьтесь въ эту комнату, и какъ только я позову, выходите... Да помни, Параша, молодцомъ, не робѣй! Ну, маршъ! (*объ уходятъ направо*).

V.

ДОКТОРЪ и АНТОНЪ, растроенный, блѣдный.

АНТОНЪ (*занимая дверь*). Провалитесь вы окаянные! Батюшки свѣты сто тысячъ вдругъ проиграть! Охъ! умру! умираю... голова кружится... сердце замираетъ... а нечего дѣлать: надо отдавать! Вотъ оно и значеніе жизни! Дуракъ я этакой! дубина! сто тысячъ!... ей-ей ноги подгибаются. (*идетъ медленно*).

ДОКТОРЪ (*въ сторону*). Постой же я пугну тебя! (*громко*) Что съ тобой? ты блѣдень... Ты едва стоишь... сядь, или ты упадешь!

АНТОНЪ (*надалъ въ кресла*). Ухъ! чувствую что-то смертельное... голубчикъ! чтó такое я чувствую?

ДОКТОРЪ. А вотъ я сейчасъ скажу, чтó ты чувствуешь. У тебя, долженъ-быть, жаръ въ головѣ—не правда ли?

АНТОНЪ (*щупая голову, съ удивленіемъ*). Правда, правда!... Какъ доктора-то все угадываютъ!

ДОКТОРЪ. И ты чувствуешь головокруженіе?

АНТОНЪ. Да, да! и головокруженіе чувствую... Боже мой, онъ все знаетъ!

ДОКТОРЪ. Постой!.. теперь мнѣ только одно: надо ощупать сердце...

АНТОНЪ. Для чего? для чего?

ДОКТОРЪ. Если оно бьется сильнѣе обыкновеннаго, то, нѣтъ сомнѣнія....

АНТОНЪ. Что, что? дорѣзывай...

ДОКТОРЪ (*щупая съ притворствомъ*). О, какое страшное біеніе!

АНТОНЪ (*щупая самъ*). Да, да! что-жъ это значить?

ДОКТОРЪ. У тебя аневризмъ!

АНТОНЪ (*въ сильномъ испугѣ*). А... а... не... что это значить? что вы сказали, докторъ? Какое это слово?

ДОКТОРЪ. Латинское.

АНТОНЪ, Латинское? Это скверно! что жъ оно значить?

ДОКТОРЪ (*вынимая книгу и взявъ свѣчку*). Умѣешь читать?

АНТОНЪ (*съ подобострастіемъ*). Грѣшень.

ДОКТОРЪ (*громовымъ голосомъ*). Читай же, несчастный!

АНТОНЪ (*едва разбирая*). Аневризмъ... расширение жилы... артерій... Боюсь, боюсь читать!

ДОКТОРЪ (*какъ-будто читая книгу*). Особенно если подверженный аневризму, ведетъ жизнь невоздержную: пьеть вино, играетъ въ карты.

АНТОНЪ. (*вытягиваясь*)! Ну послѣ этого ложись, да умирай!

ДОКТОРЪ. Теперь у тебя должна сдѣлаться лихорадка.

АНТОНЪ. То есть: дрожь? Да, да... Докторъ! вы всю внутреннюю челоуѣка знаете... дрожь, дрожь!... зубы такъ и стучать.

ДОКТОРЪ. Бѣдный, бѣдный Антонъ! къ чему богатство, слава, почести? сегодня живъ, а завтра...

АНТОНЪ (*въ испугъ*). Умеръ.

ДОКТОРЪ. Да!

АНТОНЪ (*вскрикивая*). Ай! умираю! Помогите, докторъ! голубчикъ! Озолочу, озолочу! Дайте хоть годочекъ пожить!

ДОКТОРЪ. Кто виновать? кто виновать въ твоей преждевременной кончинѣ? А? ну, кайся!

АНТОНЪ. Я, я самъ...

ДОКТОРЪ. То-то же!

У глупца и миллионы
Разойдутся по рукамъ:
Вѣдь не писаны законы
Вашей братьи—дуракамъ.
Еслибъ ты не замотался
А съ Парашей въ бракъ вступилъ,
То бы смерти не боялся,
Припѣваючи бы жилъ!

(*Во время пѣнія Антона, вызываетъ женщину*).

АНТОНЪ.

Докторъ! батюшка! спасите!

Смерти до смерти боюсь...

Гдѣ Параша? позовите:

Я сейчасъ на ней женюсь...

ДОКТОРЪ.

Это вѣрное лекарство,

Ты съ нимъ долго не умрешь.

Если бросишь всё мытарства
И съ Парашей заживешь!

ВЛАСЬЕВНА.

Нѣтъ! ужъ занято здѣсь мѣсто:
Пусть беретъ невѣсть другихъ...

ПАРАША (кланяясь).

Я Антону не невѣста,
Онъ Парашѣ не женихъ

(Перемѣна мотива въ другую пьесю).

АНТОНЪ (увидя Парашу, вскакиваетъ
съ креселъ и умильно поетъ).

Здравствуй милая, хорошая моя,
Выдь, Парашенька, ты замужъ за меня...

ПАРАША.

Поздно, милый! Жениха мнѣ мать нашла
И съ тобой теперь проститься я пришла

АНТОНЪ (доктору).

Пропишите ей въ мужа меня скорѣй!

(Антонъ становится между ними на колѣна).

ВЛАСЬЕВНА (отворачиваясь).

Безъ него у насъ довольно жениховъ.

ПАРАША (важничая).

И приказныхъ, и военныхъ, и купцовъ.

ДОКТОРЪ.

Становись, братъ, на колѣни передъ ней.

(Всѣ повторяютъ вмѣстѣ послѣднюю строчку, хоромъ;
музыка перемѣняется).

АНТОНЪ (умоляя).

Парашенька!
Мамашенька!

Пожалуйте ручку:

Чудесную

Прелестную

Подарю вамъ штучку!

ПАРАША (отталкивая).

Прочь, прочь, отойди:

Какой безпокойный!

ВЛАСЬЕВНА (съ гнѣвомъ).

На Парашу не гляди:

Ее не достойный!

АНТОНЪ.

Мамашенька

Парашенька,

Я вѣдь парень славный!

ДОКТОРЪ.

Исправится,

Понравится,

Будетъ мужъ исправный!

ВЛАСЬЕВНА (смячаясь).

Что, Параша? аль простишь?

Право я не знаю...

ПАРАША (ласково).

Ну, Антоша... такъ и быть,

Я тебя прощаю.

(Антонъ обнимаетъ ее, музыка перемѣняется),

АНТОНЪ.

Какъ мы заживемъ отлично!

И потомъ съ тобою публично

Явимся вавоємъ!

ПАРАША.

Публика по платью встрѣтитъ,

Да ума въ насъ не замѣтитъ:

Что мы запоемъ?

Нѣтъ, ужъ лучше мы съ тобою

Деревенской простотою

Здѣсь свое возьмемъ:

Безъ манерности французской

Передъ публикою русской

За радушный ихъ пріемъ

Всѣ по-русски запоемъ!

ПАНТЕОНЪ

выходить ежемѣсячно, въ 20-хъ числахъ. Онъ состоитъ изъ 12 книжекъ, отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ каждая, съ 12 нумерами «РЕПЕРТУАРА РУССКОЙ СЦЕНЫ». Отъ Редакціи прилагаются къ нему литографіи, гравюры, ноты, *фотолитографическіе портреты* русскихъ знаменитыхъ лицъ: писателей, композиторовъ, художниковъ, артистовъ; *новѣйшая музыка* русскихъ и иностранныхъ композиторовъ: танцевъ, романсовъ, народныхъ пѣсенъ, арій изъ оперъ, куплетовъ изъ водевилей, переложеній изъ балетовъ, и проч.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

15 р., съ пересылкою или доставкою на домъ: 16 р. 50 к. с.

ПОДПИСКА НА 1854 ГОДЪ ОТКРЫТА

исключительно

Въ С. Петербургъ: въ ГЛАВНОЙ КОНТОРЪ ЖУРНАЛА ПАНТЕОНЪ, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Казанскаго Собора.

Въ Москвѣ: Въ КОНТОРЪ ПАНТЕОНА, при книжной лавкѣ П. В. Базунова.

Только за подписку, принятую въ *этихъ мѣстахъ*, Редакція отвѣчаетъ, и въ случаѣ какой-нибудь неакуратности или ошибки въ доставкѣ, немедленно удовлетворяетъ подписчика, по первому *справедливому* его требованію. *За подписку же, принятую въ другіхъ мѣстахъ, она отвѣтственности на себя не принимаетъ.*

Всѣ лица, когда бы они ни подписались на Пантеонъ въ теченіе года, непремѣнно получаютъ **ВСѢ КНИЖКИ**, начиная съ первой, **СО ВСѢМИ СЛѢДУЮЩИМИ КЪ НИМЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.**

Имѣющіе нужду до Редакціи или желающіе помѣщать свои статьи въ «Пантеонъ», благоволятъ относиться къ издателю **ФЕДОРУ АЛЕКСѢВИЧУ КОНИ**, адресуя письма на его имя: «въ С. Петербургъ, у Чернышева моста, въ домъ Лыткина.»